

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 8 (74). №2

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки» является историческим правопреемником журнала «Ученые записки Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, 2022

Свидетельство о регистрации – серия ПИ №ФС77-61832 от 18 мая 2015 года.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

**Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета им.
В. И. Вернадского, протокол №6 от 20 апреля 2022 г.**

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание научной степени доктор наук, специальности: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве, 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право, 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право, 12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения, 12.00.06 – Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право, 12.00.09 – Уголовный процесс, 12.00.10 – Международное право; Европейское право, 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность, 12.00.14 – Административное право; административный процесс, 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс, а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

**Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Юридические науки»:**

Змерзлый Борис Владимирович, д. ю. н., д. и. н., проф. (главный редактор)

Басов Андрей Витальевич, д. ю. н., проф.

Берг Людмила Николаевна, д.ю.н., проф.

Бияев Владимир Александрович, д. ю. н., доц.

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, д. ю. н, проф.

Гармаев Юрий Петрович, д. ю. н., проф.

Игнатов Александр Николаевич, д. ю. н., проф.

Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., проф.

Кашкаров Алексей Александрович, к. ю. н., доц.

Коваль Владимир Николаевич, д. и. н., проф.

Кодан Сергей Владимирович, д. ю. н., проф.

Коноплев Вячеслав Вячеславович, д. ю. н., проф.

Корнев Аркадий Владимирович, д. ю. н., проф.

Лютов Никита Леонидович, д.ю.н., проф.

Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н, д. и. н., проф.

Сонин Олег Евгеньевич, к.ю.н., доц.

Тонков Евгений Евгеньевич, д. ю. н., проф.

Трофимов Сергей Анатольевич, д. ю. н., проф.

Холопова Елена Николаевна, д. ю. н., проф.

Чеботарева Галина Валентиновна, д. ю. н., проф.

Бугаев Валерий Александрович, к. ю. н., доц.

Елькин Сергей Владимирович, к. ю. н., доц.

Михайлов Михаил Анатольевич, к. ю. н., доц.

Шармоянц Артур Норайрович, к. ю. н., доц.

Адрес редакции: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

Подписано в печать 20.04.2022. Формат 70x100 1/16

усл. п. л. Заказ № НП/3 Тираж 50 экз. Бесплатно.

Дата выхода в свет «__»._____. 20__г.

Отпечатано в Издательском доме

Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского

Адрес издательства и типографии: 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7

<http://sn-law.cfuv.ru>

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ
УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ.
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО**

УДК 340.14

**ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ ПРАВА В КОНТЕКСТЕ РАЗЛИЧНЫХ
ТИПОВ ПРАВОПОНИМАНИЯ**

Аникушин С. В.

*Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской
Федерации»*

В научной статье автором предпринята попытка исследования принципов права во взаимосвязи с сущностью и назначением права в рамках классических типов правопонимания (естественно-правового, этатистского и социологического) и получившего широкое распространение в отечественном правоведении либертарно-юридического (либертарного) типа правопонимания.

Актуальность изучения принципов права в контексте различных типов правопонимания объясняется тем, что право является важным средством, способствующим реализации основных приоритетов и стратегических программ, разрабатываемых органами государственной власти в условиях стремительного общественного развития. Оно призвано не только управлять процессами правового развития страны, но и быть стабильной основой организации общества, в которой находит свою реализацию свобода личности.

В подобных условиях принципы права приобретают исключительно важное значение, поскольку в процессе познания права они обеспечивают переход исследовательской мысли от многообразия различных форм его проявления к внутреннему содержанию, во многом способствуя тем самым, познанию сущности права и выступая в роли источника его генезиса.

Целью научной статьи является исследование существующих в рамках наиболее распространенных типов правопонимания подходов к пониманию природы и сущности принципов права.

При написании научной статьи автором применяются системный, диалектический и сравнительно-правовой методы научного исследования. В результате автор выделяет качественные свойства, присущие принципам права в рамках каждого из названных типов правопонимания, а также принципы права, получившие распространение в естественно-правовой, этатистской, социологической, либертарно-юридической теориях понимания права.

Ключевые слова: право, сущность права, назначение права, правопонимание, принцип права, концепции правопонимания, классические типы правопонимания, источник права, форма права, правовая система.

В настоящее время принцип в качестве понятия нашел свое отражение во многих сферах научного знания и активно используется как основополагающая категория понятийного аппарата. При этом применяемое в науке понятие «принцип» трудно охарактеризовать при помощи какой-либо общей дефиниции. Оно относится к числу фундаментальных категорий научного знания и одновременно является важным средством познания действительности.

В юридической науке принцип используется в логической взаимосвязанности с остальными правовыми понятиями, формирующими категориальный аппарат современной теории права, образуя следующие устойчивые словосочетания: принцип права, принцип правовой системы, принцип правовой политики.

Принцип права – одно из фундаментальных понятий теории права, способное не только наиболее адекватно отразить в себе сущностные характеристики права, но и

определить основные тенденции его развития. В данной связи В.М. Сырых справедливо отмечает, что принципы права обоснованно рассматриваются «... в качестве самостоятельного компонента общей теории права и других отраслей правоведения» [1, с. 70].

В отечественном правоведении проблема принципов права традиционно является весьма актуальной и постоянно привлекает к себе научный интерес. Однако, несмотря на то, что принципы права довольно часто упоминаются в научных исследованиях, посвященных изучению государственно-правовых явлений и проблем, довольно трудно согласиться с мнением тех правоведов, кто считает, что «сегодня можно с уверенностью говорить, что категория «принципы права» прочно вошла в арсенал юридической науки» [2, с. 15].

Необходимо подчеркнуть, что, в настоящее время среди правоведов дискуссионными остаются не только вопросы определения понятия «принципы права», но и их роли в правовой системе и системе регулирования общественных отношений. При этом практическое значение рассматриваемой категории разграничивается от фактически полного отрицания до отведения ей весьма важной роли в правовой системе и системе регулирования общественных отношений. Например, Е.В. Васьковский, характеризуя состояние правосудия в Российской империи отмечал, что «принципы права вообще и естественного, в частности, являются спорными ... дело сводится к полному и бесконтрольному судебскому усмотрению, от которого недалеко и до произвола» [3, с. 102]. Более категоричен в вопросе определения значения принципов права Ю.И. Гревцов, по мнению которого «принципы права, сформулированные в рамках теории права, не востребованы практикой, последняя должна даже тратить усилия на то, чтобы «сделать вид», будто опирается на них» [4, с. 21-25].

Вместе с тем, как справедливо замечает Е.В. Скурко относительно понимания сущности принципов права «..по крайней мере, в отечественной теории права оно до сих пор не вышло за рамки интуитивных, рефлексивных представлений ученых-правоведов и специалистов отраслевых дисциплин» [5, с. 4].

Как и любая проблема, находящаяся в сфере познавательных интересов юридической науки, проблема принципов права не может рассматриваться вне контекста общих вопросов правопонимания, поэтому характеристика юридически значимых аспектов понятия «принцип права» невозможна без определения, прежде всего, понятия «право».

Бесконечность поиска ответа на вопрос о том «что такое право?» объясняется сложностью раскрытия всего многообразия его внутренних, глубинных свойств и качеств, в совокупности составляющих сущность права. В то же время вполне очевидно, что в процессе познания права определение его сущности во многом способствует качественному переходу от многообразия различных форм его проявления к внутреннему содержанию. В этом смысле сущность права выступает в роли источника его генезиса.

Можно предположить, что сущность права составляет совокупность фундаментальных свойств данного социального явления, благодаря которым оно и отличается от иных форм бытия. При этом успех в практическом применении права во многом зависит от того, насколько правильно будет установлена его сущность.

Сущность любого общественного явления, в том числе права, – это его основное качественное свойство. Она показывает, каковы объективная необходимость права в обществе и его природа, в значительной мере сущность права определяется его предназначением.

По мнению автора, сущность современного права состоит в возможности достижения на его основе стабильной организации общества, в котором нашла бы свою реализацию свобода личности. В свою очередь, предназначение современного права обусловлено необходимостью урегулирования при помощи него наиболее важных общественных отношений, а также охраны и защиты субъективных прав различных субъектов общественной жизни. При этом сущностными чертами (характеристиками), определяющими предназначение права являются:

- общесоциальная направленность;
- реализация в нем и посредством него субъективных прав и свобод человека;
- возможность обеспечения при помощи него статусов различных субъектов права.

Наделение права указанными сущностными характеристиками вовсе не свидетельствует о том, что оно является лишь важнейшим средством регулирования поведения людей или одним из условий обеспечения общественного порядка. Посредством него воплощаются в жизнь идеи и ценности, признаваемые большинством в качестве основополагающих социальных и индивидуальных ориентиров.

В неразрывной связи с сущностью и назначением права находятся принципы права. Например, М.И. Байтин полагает, что «принципы права составляют нравственную и организационную основу возникновения, развития и функционирования права» [6, с. 123].

Несмотря на важную социальную роль, которую играет право в современном мире, далеко не все проблемы теоретического и прикладного характера, связанные с ним, нашли свое разрешение в науке и практике. И, напротив, в настоящее время наука не получила единого представления о многих проблемах права. Например, М.Н. Марченко полагает, что в отечественном и зарубежном правоведении до сих пор не выработано единого представления о праве, а многие проблемы, касающиеся правопонимания, едва ли не стали вечными и неизменными [7, с. 10].

В истории правовой мысли представлен достаточно широкий диапазон взглядов на определение понятия права и его сущность. Попытки формирования логически обоснованного, непротиворечивого понятия права, в наибольшей степени отражающего уровень развития конкретного государства и протекающих в нем общественных отношений, обусловили существование различных направлений научно-исследовательской мысли в правопонимании, основной «водораздел» при выделении которых пролегает при разрешении вопроса о том, может ли быть право сведено лишь к системе норм, установленных, либо санкционированных государством, или оно представляет собой не только правила поведения, но содержит в себе и другие элементы, в том числе правосознания.

Различным историческим этапам развития общества соответствуют различные типы правопонимания. При этом каждый из известных типов правопонимания представляет собой не только совокупность теоретических представлений о правовой реальности того или иного исторического периода, но также объединяет в

себе эмоционально-ценностные и социокультурные установки о правовой картине мира. Развитие типов правопонимания показывает, каким изменениям подверглось право и представления о нем в связи с изменениями типов научной рациональности.

В настоящее время юридической науке известны три типа научной рациональности, которые предопределили появление и развитие соответствующих типов правопонимания: классический, неклассический и постнеклассический.

В научной статье при исследовании принципов права будут рассмотрены классические типы правопонимания.

В рамках классического типа научной рациональности сформировались и в настоящее время продолжают свое развитие следующие типы правопонимания: естественно-правовой, этатистский и социологический.

Известно, что естественно-правовая концепция понимания права в основу объяснения природы права выдвигает идею естественных прав и свобод человека, которые вытекают из его природы, а само право в наиболее общем виде рассматривает в качестве «совокупности неотъемлемых прав личности, которые не могут быть ограничены, а тем более отняты у нее никакой властью» [8, с. 47-50]. По мнению представителей данного подхода, перечень прав и свобод человека, который вытекает из человеческого разума, не может быть ничем и никем ограничен и должен оставаться постоянно неизменным.

Автор отмечает, что под влиянием различных факторов, в том числе, неклассических и постнеклассических типов научной рациональности представления о естественном праве менялись, вследствие чего взгляды о нем как о разумных законах природы преобразовались в идеи о божественной воле, что впоследствии послужило основой восприятия концепции естественного права в виде идеи о правах и свободах человека и гражданина.

Сущность теории естественного права в ее современном понимании заключается в том, что идеи (естественного равенства и свободы, справедливости, признания неотчуждаемого характера прав человека) выступают первоначальным, главным компонентом права. В этом смысле правовые нормы способны лишь с той или иной степенью достоверности отразить то, что выражают эти идеи, само право не ограничивается лишь совокупностью правил поведения, закрепленных в нормах законодательства, а включает в себя также правосознание, правоотношения, принципы права и другие элементы. В данной научной теории естественные права человека признаются в качестве источников права вне зависимости от их закрепления в позитивных формах.

В естественно-правовой концепции правопонимания принципы права, как правило, рассматриваются в качестве совокупности морально-нравственных ценностей и идеалов, выражающих идеи верховенства человека, его прав и свобод. Современное естественно-правовое понимание характеризуют следующие принципы права: верховенство прав и свобод человека и гражданина, гуманизм, справедливость.

В качестве идейной противоположности по отношению к естественной теории права возник и получил широкое распространение в рамках классической научной рациональности этатистский подход к пониманию права. Предпосылками появления этатизма явилось формирование на Западе Европы в XVI-XVII вв. абсолютистских государств и последующая кодификация в них принятых законодательных актов.

Сторонниками этатистского подхода отмечалось, что право могло возникнуть лишь в результате государственной деятельности. Для этого любая норма, претендовавшая на статус правовой, должна быть опосредована государством.

Впоследствии на развитие этатизма серьезное влияние оказал научный позитивизм – философское течение, возникшее в 30-е годы XIX в., основоположником которого выступал О. Конт. Сторонниками научного позитивизма в основу научного знания предлагалось закладывать лишь эмпирически проверенное и подтвержденное естественно-научное знание.

Этатистская концепция воспринимает право в качестве совокупности норм, получивших свое выражение в правовых актах государственной власти, действующих в пределах конкретного общественного образования (подобным образом признается наличие генетической и функциональной связи между правом и государством, чем отчасти объясняется сущность права), поэтому в рамках данной теории единственным источником права признается суверенная государственная власть.

При этом представителями данного подхода не исключается возможность рассмотрения права во взаимодействии с другими явлениями общественной жизни и признания общечеловеческих ценностей как идейно-нравственной основы юридического права.

По мнению сторонников этатистской концепции понимания права принципы права выступают в роли основополагающих идей, лежащих в основе не права, а конкретных форм его выражения, определяющих направление правового регулирования общественных отношений. Их содержание вытекает из содержания самих правовых и норм и не может служить критерием их оценки.

Этатистское (позитивистское) понимание права характеризуют следующие принципы права: законность, принцип объективной истины, сочетание общественных и личных интересов.

Сторонниками социологического подхода право воспринимается в качестве общественного явления, образующегося в результате воздействия на него различных социальных факторов. Иными словами, источником возникновения права являются правовые отношения, постепенно преобразующиеся в правовые обычаи.

В отличие, например, от представителей этатизма сторонниками социологического типа правопонимания право воспринимается не просто как руководящее начало, исходящее от государства, а как обобщенный итог правового взаимодействия субъектов правоотношений, образующийся в результате реализации ими своих прав и обязанностей.

В рамках исследуемого типа правопонимания признается относительная независимость права от государства, поскольку лишь некоторые правовые нормы могут выступать в качестве официальных источников права.

Для социологического типа правопонимания характерны следующие принципы права: единство прав и обязанностей субъектов, сочетания убеждения и принуждения в праве, разделения властей, социальной свободы и социальной справедливости.

Обобщение многообразия теоретических представлений о понятии и сущности социального феномена «право», получившего распространение в отечественном правоведении, позволяет прийти к выводу о том, серьезное влияние на его

становление и развитие права в нашей стране помимо обозначенных научных течений оказал либертарно-юридический (либертарный) тип правопонимания, в связи с чем предлагается исследовать научные основы этого типа правопонимания.

В основу либертарного подхода к определению понятия и сущности права положена идея о разграничении права и закона. Сторонниками данной концепции под правом понимается официально установленная и обеспеченная государственной защитой система норм, соответствующая принципу формального равенства [9, с. 192]. Общеобязательность права в указанном смысле его понимания обеспечивается посредством реализации принципа формального равенства.

В рамках названной концепции принципы права выступают в качестве своеобразных критериев соответствия права идее формального равенства. При этом, предпринимая попытки ответить на вопрос о том, что же является родовым понятием для принципов права в рамках либертарной теории, ее сторонники исходят из того, что это не идеи в буквальном смысле этого слова по причине их чрезмерной абстрактности, а, скорее всего, «правовые нормы общего характера, обладающие высоким уровнем абстракции, отражающие такие сущностные свойства права как свобода, формальное равенство и справедливость» [10, с. 7]. В то же время, несмотря на все попытки отграничить принципы права от идей в рамках либертарной теории правопонимания, ее сторонниками не выделено критериев, на основании которых можно было бы отличить принцип-идею от принципа-нормы (наиболее абстрактного характера).

Не вполне понятным является также уровень абстрактности, позволяющий отграничить идею от нормы при характеристике принципов права в рамках либертарной теории права, что заставляет прийти к выводу о том, что рассматриваемой категории, скорее, придается смысл объективировавшейся в некое самостоятельное целое идеи, стремящейся в своем развитии к достижению повелительных признаков нормы, но не ставшей ею по причине чрезмерной абстрактности и невозможности оказывать регулятивного воздействия на существующий миропорядок.

Для либертарно-юридического типа правопонимания характерны следующие принципы права: презумпция невиновности, равенство, гуманизм, справедливость (как формальное равенство).

Автор полагает, что, несмотря на то, что рассмотренные концепции правопонимания довольно часто противопоставляются друг другу, современное право объединяет в себе отдельные аспекты естественного, этатистского, социологического и либертарно-юридического подходов к его пониманию. При этом в настоящее время решающее значение приобретает вопрос о том, в какой степени в результате своего юридического выражения в действующих правовых нормах реализуются естественно-правовые ценности и идеалы.

В научной статье при исследовании принципов права применяется широкий подход к пониманию права, который, в частности, может быть соотнесен с естественно-правовой концепцией правопонимания.

Исходя из сказанного, предлагается авторское определение права – это способ организации общественной жизнедеятельности, который определяет форму того или иного государства, содержание в нем прав и свобод человека и гражданина, порядок урегулирования наиболее важных общественных отношений, охраны и защиты прав

различных субъектов общественной жизни, а также меру свободы и равенства для всех членов общества при реализации ими своих жизненных интересов.

Перечисленные подходы к праву, с одной стороны, определили границы и параметры исследования сущности данного социального явления, а с другой – сформировали весьма целостное представление о нем как о сфере общественной жизнедеятельности.

Список литературы:

1. Сырых, В.М. Логические основания общей теории права: элементный состав. – М., 2004. Т. 1. – 528 с. – Текст: непосредственный.
2. Дмитриев, С.Д. Общеправовые принципы: теоретические проблемы конкретизации и реализации: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: дисс. ... канд. юрид. наук / Дмитриев Сергей Дмитриевич; ФГБОУ «Самарский государственный экономический университет». – Самара, 2012. – 215 с. – Текст: непосредственный.
3. Васильковский, Е.В. Руководство к толкованию и применению закона (по изданию 1913 года). – М., 1997. – 128 с. – Текст: непосредственный.
4. Гревцов, Ю.И. Беспринципность в империи права // Принципы права: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции, 30 ноября 2006 года. – Санкт-Петербург: изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. – 482 с. – Текст: непосредственный.
5. Скурко, Е.В. Принципы права: монография. – М.: Ось-89, 2008. – 200 с. – Текст: непосредственный.
6. Байтин, М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М.И. Байтин. – Саратов. 2001. – 416 с. – Текст: непосредственный.
7. Марченко, М.Н. Источники права. Учебное пособие / М.Н. Марченко. Московский государственный ун-т имени М.В. Ломоносова, Юридический факультет. – М.: Проспект, 2017. – 759 с. – Текст: непосредственный.
8. Номоконова, З.П. Права человека в философско-правовой доктрине // Юридический мир. – 2010. – № 2. – С. 47-50. – Текст: непосредственный.
9. Юриспруденция: Введ. в курс общей теории права и государства: для юрид. вузов и фак. / В.С. Нерсесянц. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998. – 282 с. – Текст: непосредственный.
10. Сидоркин, А.С. Принципы права: понятие и реализация в российском законодательстве и судебной практике: дис. ... канд. юрид. наук. – М. 2010. – 206 с. – Текст: непосредственный.

Anikushin S. V. The study of the principles of law in the context of various types of legal understanding // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P.

In the scientific article, the author attempts to study the principles of law in relation to the essence and purpose of law within the framework of the classical types of legal understanding (natural law, statistic and sociological) and the libertarian-legal (libertarian) type of legal understanding that has become widespread in domestic jurisprudence.

The relevance of studying the principles of law in the context of various types of legal understanding is explained by the fact that law is an important tool that contributes to the implementation of the main priorities and strategic programs developed by public authorities in conditions of rapid social development. It is designed not only to manage the processes of legal development of the country, but also to be a stable basis for the organization of society, in which individual freedom finds its realization.

In such conditions, the principles of law become extremely important, since in the process of cognition of law they ensure the transition of research thought from the variety of different forms of its manifestation to the inner content, thereby contributing to the knowledge of the essence of law and acting as a source of its genesis. The purpose of the scientific article is to study the approaches existing within the most common types of legal understanding to understanding the nature and essence of the principles of law. When writing a scientific article, the author uses systematic, dialectical and comparative legal methods of scientific research.

As a result, the author identifies the qualitative properties inherent in the principles of law within each of these types of legal understanding, as well as the principles of law that have become widespread in natural law, statistic, sociological, libertarian-legal theories of understanding law.

Keywords: law, essence of law, purpose of law, legal understanding, principle of law, concepts of legal understanding, classical types of legal understanding, source of law, form of law, legal system.

Spisok literatury:

1. Syryh, V.M. Logicheskie osnovaniya obshchej teorii prava: elementnyj sostav. – M., 2004. T. 1. – 528 s. – Tekst: neposredstvennyj.
2. Dmitriev, S.D. Obshchepravovye principy: teoreticheskie problemy konkretizacii i realizacii: special'nost' 12.00.01 «Teoriya i istoriya prava i gosudarstva; istoriya uchenij o prave i gosudarstve»: diss. ... kand. jurid. nauk / Dmitriev Sergej Dmitrievich; FGBOU «Samariskij gosudarstvennyj ekonomicheskij universitet». – Samara, 2012. – 215 s. – Tekst: neposredstvennyj.
3. Vas'kovskij, E.V. Rukovodstvo k tolkovaniyu i primeneniyu zakona (po izdaniyu 1913 goda). – M., 1997. – 128 s. – Tekst: neposredstvennyj.
4. Grevcov, YU.I. Besprincipnost' v imperii prava // Principy prava: materialy Vserossijskoj nauchno-teoreticheskoj konferencii, 30 noyabrya 2006 goda. – Sankt-Peterburg: izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2007. – 482 s. – Tekst: neposredstvennyj.
5. Skurko, E.V. Principy prava: monografiya. – M.: Os'-89. 2008. – 200 s. – Tekst: neposredstvennyj.
6. Bajtin, M.I. Sushchnost' prava (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvuh vekov) / M.I. Bajtin. – Saratov. 2001. – 416 s. – Tekst: neposredstvennyj.
7. Marchenko, M.N. Istochniki prava. Uchebnoe posobie / M.N. Marchenko. Moskovskij gosudarstvennyj un-t imeni M.V. Lomonosova, YUridicheskij fakul'tet. – M.: Prospekt, 2017. – 759 s. – Tekst: neposredstvennyj.
8. Nomokonova, Z.P. Prava cheloveka v filosofsko-pravovoj doktrine // YUridicheskij mir. – 2010. – № 2. – S. 47-50. – Tekst: neposredstvennyj.
9. YUrisprudenciya: Vved. v kurs obshchej teorii prava i gosudarstva: dlya jurid. vuzov i fak. / V.S. Nersesyanc. – M.: NORMA-INFRA-M, 1998. – 282 s. – Tekst: neposredstvennyj.
10. Sidorkin, A.S. Principy prava: ponyatie i realizaciya v rossijskom zakonodatel'stve i sudebnoj praktike: dis. ... kand. jurid. nauk. – M. 2010. – 206 s. – Tekst: neposredstvennyj.

УДК 93:[328.1+329.11+281.93]

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОМОНАРХИСТОВ
В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ И ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ 1907–
1912 ГОДОВ (часть I)**

Ивакин Г. А.

ФГБНУ «Психологический институт РАО»

В статье рассматривается законодательная деятельность правомонархистов с 1907 по 1912 г. – в период работы III Государственной думы и Государственного совета Российской империи. Особо освещается деятельность духовенства, его отношение сквозь призму обсуждения законопроектов к зарождающемуся парламентскому институту. Рассматривается вопрос о конфессиональной принадлежности членов комиссий. В исследуемом историческом периоде отмечается тандем правомонархистов и православного духовенства, оказавшийся эффективным и работоспособным. Уделяется внимание вопросам, вынесенным на повестку дня Государственной думы, в частности, социально-экономического, общественного характера и финансовые аспекты. Представленные архивные документы отображают проблему ухудшения материального состояния крестьянина, пьянства в Российской империи, вопросы в сфере образования, аграрной проблеме. Не остались без внимания документы, связанные с внешнеполитической деятельностью России в исследуемый период. Затрагивается вопрос предоставления права свободы проповеди всем конфессиям, при разрешении которого депутаты-правомонархисты и духовенство действовали сплоченно, не одобряли законопроект.

Ключевые слова: законодательная деятельность, парламентаризм, духовенство, император Николай II, Государственная дума Российской империи, Государственный совет Российской империи, черносотенство, правые, правомонархизм, вероисповедная комиссия, старобрядцы, Союз 17 октября, православная церковь, вероисповедные законопроекты.

Принятие нового избирательного закона 3 июня 1907 г. способствовало, как и следовало ожидать, приходу в Думу в большинстве правых и умеренных партий, в том числе дало возможность православному духовенству «выделиться» на выборах. Духовенство усиливало позиции фракции правых и националистов. Следует отметить, что тандем правомонархистов и православного духовенства оказался более эффективным и работоспособным.

Черносотенцы, в целом оценивали состав депутатского корпуса Думы III созыва более спокойно, чем первых двух. Так, на частном совещании Русских людей в Ярославле в ноябре 1907 г. о политическом положении говорилось: «...относительно благоприятный исход выборов... в смысле преобладания в ее предстоящем составе антиреволюционных партий...» [1, л. 1], при этом отмечая, что «...в революционную эпоху всякие конституционные гарантии в форме „свободы слова“, „совести“, образования обществ и союзов – служат наилучшим средством организации революции...» и утверждая, что законодательные высшие учреждения империи «...построены не на твердых принципах государственности и не отвечающих... духовному, исторически сложившемуся, государственному мировоззрению народа, а на условиях компромисса с революцией...» [1, л. 1об.].

При этом ультраправые по-прежнему скептически относились к зарождающимся

формам парламентской демократии «...Наши оба законодательные (Государственная дума и Государственный совет. – Г.И.) учреждения, не будучи выражением всего духовного уклада русской жизни, не дают и не могут дать почвы и формы для национального самоопределения, для патриотического вдохновения творческой законодательной деятельности, чтобы «укрепить» «на чисто русских исторических устоях» преуказания Государем «преобразования народной жизни»» [1, л. 1об.].

В общей риторике правых выражалось недовольство правительственной политикой в отношении других политических сил: «...Россия управляется Самодержавным Государем... необходимо остановиться на том, отвечает ли правительство этой форме правления?... целесообразным представляется предъявить ряд запросов председателю Совета министров...» [1, л. 2]; «...наличность известных конституционных партий... очевидно немыслимо при Самодержавном строе; и открытое признание их правительством, и допущение у участию в Государственной думе является доказательством того, что само правительство... колеблется в решении вопроса о существующем строе...» [1, л. 2].

Итак, Дума была избрана, общая оценка парламентского строя накануне ее работы не претерпела во взглядах ультраправых существенных изменений. Позиции правоконсерваторов значительно усилились в Думе, предстояло работать.

На повестке дня были, во-первых, поставлены вопросы социально-экономического и общественного характера: о землеустройстве, по борьбе с пьянством, о почтово-телеграфных служащих, по лесному департаменту, о терроре; во-вторых – преимущественно канонические (религиозного характера), а также финансовые и социальные: о свободе совести, о церковно-приходских школах, сметы Священного синода, реформы прихода и выделения Холмщины.

В начале работы III Думы духовенство поддержало в лице правомонархистов-депутатов епископа Евлогия и священника Барановича два законодательных предложения. Первое из них – «Об упразднении в Белоруссии остатков чиншого владения и чиншого права и выродившегося из него городского и местечкового домового арендного владения» [2, с. 352-403].

Это законодательное предложение было одобрено 1 февраля 1908 г. Государственной думой и передано в комиссию по упразднению чиншого права для разработки законопроекта. Его разработку взяло на себя Министерство внутренних дел (в дальнейшем – МВД). Законопроект был представлен МВД 27 октября 1908 г. и передан в комиссию об упразднении чиншого права. На рассмотрение Думы законопроект вышел 22 марта 1911 г., а одобрен Думой только 4 июня 1912 года. И второе предложение от 11 декабря 1907 г. «О запрещении продажи частновладельческих земель, иначе, как при посредничестве земельных банков» [2, с. 352-403]. Предложение было передано в комиссию по земельным и судебным реформам на заключение как желательное. Но так как впоследствии трое депутатов отказались поддержать это предложение, законопроект не получил дальнейшего законодательного оформления.

Кроме этих двух вопросов обсуждалось законодательное предложение о выходе из общины физических лиц. Одним из первых кто выступил по этому предложению, был представитель фракции правых епископ Митрофан. Он выступал не только от своего имени, но и от всей фракции, в которую, помимо светских депутатов, входили 16 лиц духовного чина от РПЦ. Фракция поддержала эту инициативу, сравнивая

ее с западноевропейским развитием фермерства, предлагая проект перехода. Преосвященный Митрофан, выступая, говорил, что «...община... явилась самой лучшей школой для выработки чувств взаимопомощи, солидарности и братства...», но необходимо «признать устройство нового быта крестьян наших по образцу западноевропейских фермеров, прочно обсевших на своих отдельных участках». Разрешение аграрного вопроса, по мнению фракции правых, возможно только при переходе на новую форму землеустройства – «хуторское владение». Но прежде чем установить такую форму, необходимо «открытие кредита», так как «без пособия крестьянин не может сняться со своего и убогого, но все же насиженного им места... Государство не должно бояться затрат на этот предмет, оно должно быть уверено, что оно самым рациональным образом использует свои государственные ресурсы» [3, с. 199-202].

Проект правых затрагивал интересы лишь определенной части населения, но совершенно не учитывал интересов тех, кто не захочет выходить из общины.

Вообще реакция и отношение черносотенной части было сложным и ярко прослеживается в докладе И.Л. Панфилова на съезде Волжско-Камского областного патриотического союза в Казани по вопросу о «крестьянском общинно-хуторском хозяйстве». Доклад начинался лозунговой риторикой: «Люди русские! Берегите крестьянскую поземельную общину» [4, л. 1].

Далее следовала довольно резкая критика правительственной политики, которая, впрочем, не прекращалась, начиная с самого начала образования правомонархического движения в стране. Итак, парировал И.Л. Панфилов обращаясь к делегатам съезда: «За последние годы русская правительственная власть вступила на исторически ложный путь решения земельного крестьянского вопроса, задавшись целью... сократить и в... будущем уничтожить крестьянскую земельную общину...» [4, л. 1].

С точки зрения социально-экономической, черносотенец И.Л. Панфилов объяснял земельный вопрос с позиции, предложенной государственной властью: «...десятки миллионов десятин крестьянской земли будут скуплены или заарендованы земельными скупщиками путем прямой купли-продажи или долголетней аренды, перейдут в руки... земельных банков и владельцев золота, в руки тех, чьим золотом работают земельные банки и в чьих руках находится золото всего мира...» [4, л. 1об.].

Реальное беспокойство вызывало ухудшение материального состояния и без того бедного крестьянина, за которым последует вновь общественное недовольство и, как следствие, новые социальные конфликты, «...новые и несравненно тягчайшие смуты и государственные потрясения...» [4, л. 1об.].

Огромная масса крестьянства России станет той питательной средой, «на которой буйно взойдут кровавые семена анархии и социализма... погибнет и русская государственность, и русская культура...» [4, л. 1об.].

Подобной риторикой были проникнуты практически все частные совещания, съезды, собрания организаций черносотенного движения.

Другими не менее важными были законодательные предложения, касающиеся «мер к исполнению бюджета в случае образования в нем дефицита от сокращения потребления крепких спиртных напитков» и «отменены статей акцизного сбора» Здесь депутаты выступили единым фронтом от октябристов до правых. Духовенство тоже активно поддержало позицию светских депутатов. Не было такого клири-

ка, который каким-либо образом прямо или косвенно не выразил бы негативного отношения к проблеме пьянства в Российской империи.

С принятием этого закона вводилась полная монополия государства на спиртовую продукцию и устранялась конкуренция. В результате законопроект был принят Госдумой, одобрен Государственным советом и Высочайше утвержден. По вопросу сметы лесного департамента в Думе наряду со светскими депутатами выступали два клирика: правый епископ Митрофан и священник-националист С.И. Соловьевич.

В своих речах депутаты-клирики отстаивали единственную мысль: постройка православных церквей, средних учебных заведений, школ и выделение для этих целей леса по особо низкой цене. Высшие и низшие учебные заведения лесного департамента уже на тот момент имелись, но епископ Митрофан и священник С.И. Соловьевич сквозь призму интересов департамента по лесу (которому действительно необходимо было исследование лесных массивов, а для этого нужны специалисты-«техники») [3, с. 2759] говорили о нехватке выпускаемых специалистов, и якобы Православная церковь может в этом помочь, тем самым проводя интересы Церкви. Это противоречило интересам государства, которое уже наметило курс на отделение школы от Церкви, и крестьянства, у которого предполагали забирать землю, выделенную для хуторов, под строительство церквей и школ, используя предлог, что там «неплодородные, болотистые почвы и сыпучие пески» [3, с. 2760-2761].

И это несмотря на то что аграрный вопрос остро стоял на повестке дня и еще до конца не был решен. Священник С.И. Соловьевич предложил использовать эти имения в интересах государства и просил Государственную думу устроить средние учебные заведения на «болотистой, некультурной земле» [3, с. 2760].

Не совсем понятна логика священника С.И. Соловьевича, по мнению которого хутора не могут существовать на той земле, а школы могут, так же, как и возможно строительство церквей, да еще и при выгодной цене на лес. Возникает вопрос: где же интересы государства и лесного департамента, которое является государственным учреждением? Интересы государства теряются в общей массе проблем Церкви, которая ставила их перед своими депутатами-клириками, а они перед Государственной думой. Таким образом, вопрос сметы лесного департамента в выступлениях лиц духовного чина представлялся лишь поводом для решения проблем церковного характера.

Так, «Московские ведомости» со скорбью рисуют картину разрушения церковно-государственной симфонии, заката «константиновской эпохи» церковной и гражданской истории. Вероисповедные законопроекты не совершали немедленного разобщения государства от религии, но ставили законодательство на путь разобщения, на такие основы, при которых, хотя с множеством отклонений и противоречий, эволюция законодательства начинает идти по все более растущему разобщению государства и религии [5, с. 108-109].

Важнейшим вопросом периода активной внешнеполитической деятельности России, обострения отношений Антанты и Австро-германского блока, а также противодействие России и Италии захватнической политике на Балканах Австрии. Насущным являлся вопрос обороны.

По данному вопросу активным оратором был депутат дворянин А.А. Бобринский: «Возрастание могущества Германии нас не устрашает. Германия всегда была верным другом России, ее могущество нас не устрашает, и она будет впредь нашим

другом...» [6, с. 38]. Налицо близорукость взглядов депутата. И это в условиях борьбы с Австрией на Балканах и стремлением воспользоваться предстоящим ита-ло-турецким конфликтом. Как писала газета «Русская мысль», А.А. Бобринский отличался «неизменным произнесением речей водевильного характера...» [7, с. 89].

Другими вопросами были вопросы о свободе совести и старообрядцах. В III Государственной думе были для этих целей созданы три комиссии: по вероисповедным, старообрядческим вопросам и по делам РПЦ. Против образования старообрядческой комиссии возражали правые и умеренно правые, считавшие, что надо учредить в комиссии по делам РПЦ особый старообрядческий отдел [5, с. 56-58].

В результате выборов в комиссии по вероисповедным вопросам было 13 октябристов, пять правых, восемь умеренно правых, четыре кадета, один народный демократ, два представителя польско-литовско-белорусской группы, один – мусульманской фракции, один прогрессист [8, с. 92]. Председателем был избран в первых двух сессиях член фракции умеренно правых епископ Евлогий до 17 мая 1908 г.

По подсчетам петербургского исследователя А.А. Дорской, в комиссии по старообрядческим вопросам было три правых, три умеренно правых, шесть октябристов, два кадета и один социал-демократ [8, с. 92]. По мнению московского ученого протоиерея В. Рожкова, четверо принадлежали к правым группировкам (в том числе епископ Евлогий и два священника), остальные были октябристы, два члена к-д и старообрядцы (5 человек) [5, с. 59]. А такие исследователи в этой области, как В.К. Пинкевич и Т.А. Кудрина [9], и вовсе не упоминают о численности в комиссиях.

Вышеизложенные сведения входят в противоречие с документальными источниками. Старообрядцев в комиссии было пять человек, а правых клириков всего один священник А.А. Златомрежев, два же других в последующих сессиях, когда разрабатывался законопроект «Об изменении законоположений, касающихся перехода из одного вероисповедания в другое», были уже националистами [10, с. 102-107], а не умеренно правыми, и тем более не правыми, как утверждают исследователи.

Существовала еще и частная вероисповедная комиссия фракции «Союз 17 октября». Ее заседания проходили обычно один раз в неделю в помещении фракции вне стен Государственной думы. Комиссия насчитывала 45 чел., из которых 30 были членами Думы [5, с. 57]. Ее задачей было предварительное обсуждение с участием специалистов законопроектов и вопросов, поступающих на обсуждение комиссии по вероисповедным вопросам Государственной думы. По мнению протоиерея В. Рожкова, комиссия хотя и была частная, но все же «могла оказывать влияние на решения правительства помимо прямого обсуждения в Думе».

Следует сказать о конфессиональной принадлежности членов комиссий. В комиссии по старообрядческим вопросам было три старообрядца и 12 православных. В комиссию же по вероисповедным вопросам первоначально было избрано 35 человек, из них 21 православный, причем 12 имели духовный сан, а не 8, как утверждает А.А. Дорская [8, с. 92], и не 11 [5, с. 321-322], один старообрядец, четыре католика, два иудея, два мусульманина, три евангелических лютеранина, один евангелист, один менонит. Председатели были православными. По мнению А.А. Дорской, именно они определяли судьбу различных исповеданий. Этот вывод представляется не совсем верным, так как не только православные принимали участие в выработке законопроектов, но и представители других религиозных конфессий. И как быть с тем фактом, что именно мусульманская фракция подала протест о том, что вероис-

поведную (неправославную) комиссию возглавляет православный архиерей (епископ Евлогий)? Именно этот вопрос вызвал дискуссию. Как заметил сам епископ: «Я счел провал за недоверие и из председателей ушел» [11, с. 177]. По мнению православного исследователя протоиерея Владимира Рожкова, епископ Евлогий покинул пост председателя, так как «оказался в меньшинстве, и что господствующее в комиссии направление и решение в ней вопросов не гармонируют с его председательством, почему он и отказывается от этой должности и в следующем заседании предложит избрать на его место другое лицо» [5, с. 74].

В вероисповедную комиссию за время ее работы было внесено 10 законопроектов от МВД. В старообрядческую комиссию от МВД поступило три законопроекта, в комиссию по делам РПЦ от МВД шесть законопроектов по вопросам вероисповедных реформ. По подсчетам автора, всего за время работы трех комиссий в III Госдуме было внесено 19 законодательных предложений по конфессиональным вопросам.

Вероисповедная комиссия, которая состояла на 34% из клира РПЦ, в первую сессию сначала сосредоточилась на обсуждении министерского законопроекта «Об отношении государства к отдельным исповеданиям» и во вторую на законопроекте «О переходе из одного исповедания в другое». По первому проекту закона было поставлено на голосование два вопроса: 1. О допущении взаимной проповеди среди всех конфессий. 2. О свободе проповеди всем конфессиям, а также среди православных. Первый вопрос устраивал большинство православного клира и комиссии.

По второму вопросу у правомонархистов и православного духовенства не было единого мнения, и в результате оно проголосовало 12 голосами против, но большинство комиссии приняло это предложение министерского проекта. Но, как впоследствии оказалось, проповедь среди православных была запрещена [12, с. 65]. В «Полоцких епархиальных ведомостях» член фракции правых, протоиерей Ф.И. Никонович, депутат от Витебской губернии, в своем дневнике записал: «2-я комиссия внесла решение, противоположное предыдущему. При вотировании голос Евлогия дал перевес» [5, с. 74].

По вопросу предоставления права свободы проповеди всем конфессиям депутаты-правомонархисты и духовенство действовали сплоченно – не одобряли законопроект.

Священник Савва Богданович, депутат от Киевской губернии, так охарактеризовал идею вероисповедных законопроектов: «Кувыркайтесь, российские люди, из веры в веру или в безверие и обратно – мы, гражданская власть, вас на это благословляем и узаконяем». Резко выступал против законопроекта и епископ Евлогий, ставший 23 мая вообще «героем дня». Между ним и В.А. Карауловым возникла полемика, и епископ Евлогий упрекнул оппонента в «возмутительном фарисействе, лицемерии и издевательстве над правдой». За это епископа Евлогия призывали к порядку. «После этого начался скандал, – записал в своем дневнике депутат Думы о. Федор Никонович. – Было опасение, как бы дело не дошло до рукопашной схватки. Такого шума, кажется, еще не было ни в одном из заседаний III Думы. При этом некоторые священники из правых пришли в такое негодование, что в выражении протеста не уступали наиболее горячим светским членам Думы» [8, с. 102]. Но при всем при этом законопроект был принят Государственной думой в редакции вероисповедной комиссии.

Обобщая итоги дебатов по данному вопросу, следует сказать, что из депутатов-правомонархистов активными сторонниками проекта выступили о. Е.Я. Ганжулевич, епископ Евлогий, епископ Митрофан [5, с. 89, 94, 99].

Комиссия же по старообрядческим вопросам, которая на 20% состояла из черносотенного духовенства Православной церкви, за период проведения первых двух сессий рассматривала законопроект «о старообрядческих общинах», к нему старообрядческая комиссия предложила три поправки, все это стало предметом бурных дебатов на пленарных заседаниях Думы.

Позиция правых также хорошо прослеживается в речи депутата П.Н. Крупенского: «...вопрос, который вышел далеко за рамки законопроекта о старообрядцах...Какие же группы выступили в защиту старообрядцев? Социал-демократы. Но едва ли... религиозные убеждения социал-демократизма могут поддерживать одну из уклонившихся ветвей православия – вправо или влево, все равно; они также глубоко верующие в Бога, как и в те законы правительственные, которые существуют для охраны русского Отечества. Затем, мы видим, что защитником старообрядчества становится католицизм... Государственная дума должна стать на защиту православия и своих колеблющихся православных сынов...» [6, с. 180-184].

Но, несмотря на активность правых, политический расклад сил в Думе в этот период был не в их пользу [9, с. 135-136]. Все поправки комиссии были отклонены, и без существенных изменений законопроект был принят. Продолжение статьи в следующем номере журнала.

Список литературы:

1. ГА РФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 87. Л. 1.
2. Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва (1907-1912). Ч. 2. СПб., 1912. Приложение 12. – С. 352-403.
3. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия II. Ч. I.
4. ГА РФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 94. Л. 1.
5. Рожков В., протоиерей. Церковные вопросы в Государственной Думе. – М: Издательство Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2004. – 560 с.
6. Ораторы России в Государственной думе. 1907–1917. Т. II. СПб., Издательство: СЗАГС, Образование-Культура, 2004. – 400 с.
7. Крестьяне и Дума // Русская мысль. 1908. – № 12. – С. 89.
8. Дорская А.А. Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века: Монография. – СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена 2001. – 143 с.
9. Кудрина Т.А., Пинкевич В.К. Вероисповедные реформы в России в начале XX века. М.: РАГС, 2003. – 196 с.
10. Обзор деятельности Государственной думы. Ч. I. Приложение 4 (б). – С. 102-107.
11. Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни: воспоминания. М.: Московский рабочий, 1994. – 619 с.
12. Государственная дума. Созыв III. Обзор деятельности комиссий и отделов. – С-Петербург: Государственная типография, 1908-1912. – 156 с.

Ivakin G.A. Legislative activities of the right-wing monarchists in the state дума and the state council in 1907–1912 (part I) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 11-18.

The article examines the legislative activity of the right-wing monarchists from 1907 to 1912 during the work of the III State Duma and the State Council of the Russian Empire. The author of the article particularly highlights activities of the clergy, their attitude to the emerging parliamentary institution through the prism of the discussion of bills. The issue of confessional affiliation of members of the commissions is considered. In

the historical period under study, a tandem of right-wing monarchists and Orthodox clergy is highlighted, which turned out to be effective and efficient. Attention is paid to the issues on the agenda of the State Duma, in particular socio-economic, public issues and financial aspects. The examined archival documents reflect the problem of the deterioration of the material condition of the peasant, drunkenness in the Russian Empire, issues in the field of education, the agrarian problem. Documents related to Russia's foreign policy activities during the period under study were not left without attention by the author. The issue of granting the right to freedom of preaching to all confessions is touched upon. When resolving this issue, the right-wing monarchist deputies and the clergy acted together and did not approve the bill.

Key words: legislative activity, parliamentarism, clergy, Emperor Nicholas II, State Duma of the Russian Empire, State Council of the Russian Empire, Black Hundreds, right-wing monarchism, religious commission, Old Believers, Union of October 17, Orthodox Church, religious bills.

Spisok literatury:

1. GA RF. F. 116. Op. 2. D. 87. L. 1.
2. Obzor deyatel'nosti Gosudarstvennoy dumy tret'yego sozyva (1907-1912). CH. 2. SPb., 1912. Prilozheniye 12. – S. 352-403.
3. Gosudarstvennaya дума. Stenograficheskiye otchety. Sozyv III. Sessiya II. CH. I.
4. GA RF. F. 116. Op. 2. D. 94. L. 1.
5. Rozhkov V., protoiyerey. Tserkovnyye voprosy v Gosudarstvennoy Dume. – M: Izdatel'stvo Krutitskogo podvor'ya. Obshchestvo lyubiteley tserkovnoy istorii, 2004. – 560 s.
6. Oratory Rossii v Gosudarstvennoy dume. 1907–1917. T. II. SPb., Izdatel'stvo: SZAGS, Obrazovaniye-Kul'tura, 2004. – 400 s.
7. Krest'yane i Duma // Russkaya mysl'. 1908. – № 12. – S. 89.
8. Dorskaya A.A. Svoboda sovesti v Rossii: sud'ba zakonoprojektov nachala XX veka: Monografiya. – SPb.: Izdatel'stvo RGPU im. A.I. Gertsena 2001. – 143 s.
9. Kudrina T.A., Pinkevich V.K. Veroyisovednyye reformy v Rossii v nachale KHKH veka. M.: RAGS, 2003. – 196 s.
10. Obzor deyatel'nosti Gosudarstvennoy dumy. CH. I. Prilozheniye 4 (b). – S. 102-107.
11. Yevlogiy (Georgiyevskiy), mitropolit. Put' moyey zhizni: vospominaniya. M.: Moskovskiy rabochiy, 1994. – 619 s.
12. Gosudarstvennaya дума. Sozyv III. Obzor deyatel'nosti komissiy i otdelov. – S-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya, 1908-1912. – 156 s.

УДК 345.5

РОЛЬ И МЕСТО МОРСКОГО ПОДСЕКРЕТАРИАТА В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ МОРСКИМ ДЕЛОМ В ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Клименко Е. П.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

В статье указано, что система управления морским делом в Турецкой республике в XIX – начале XXI вв. прошла достаточно сложный путь. Спецификой которого было то, что созданное в середине XX в. Министерство транспорта не обладало полномочиями контроля и регулирования в отношении всего комплекса соответствующих мер и задач. Для разрешения данной проблемы в Турции был принят неординарный шаг – создано особое ведомство под названием Морской Подсекретариат, подчиненный напрямую премьер-министру, что ставит данный орган на один уровень с уже действовавшими министерствами. Данный орган получил широкие полномочия, для осуществления которых был создан как центральный, так и местные административные аппараты, органы.

Ключевые слова: Турецкая республика, управление морскими делами, морские порты, министерство, секретариат, ведомство, полномочия.

Формирование современной системы управления системой деятельности морского торгового флота в Турции происходило постепенно, соответственно историко-правовому развитию данного государства.

В частности, известно, что для управления морской деятельностью в Османской империи в 1844 г. была создана Администрация паромов Казначейства и Хассы, а морской транспорт был реорганизован в 1862 г. под названием *Fevaid-i Osmaniye*. В 1871 г. компания была переименована в *The Administration-i Aziziye*, а затем преобразована в «*Administration-i Mahsusa*», а затем в «*Ottoman Seyr-i Sefain Administration*».

В 1923 г. последняя морская администрация османского периода, «Османская администрация Сейр-и Сефайн», была преобразована в «Администрацию Сейр-и Сефайн Турецкой Республики» с законом No 597. Первой целью Администрации Сейр-и Сефайн Турецкой Республики было развитие перевозок между нашими собственными портами путем создания нового и адекватного потребностям страны флота [1].

Что не менее интересно, первый в истории страны Закон о порте Стамбула был принят лишь 14 апреля 1925 г., а последние существенные изменения к нему были приняты 24 июля 1996 г. [2]. Не сложно, в этом случае, провести параллели на разработку и принятие первых соответствующих советских нормативных актов о организации деятельности морских торговых портов и иных близких, хозяйственно-административных структур.

Министерство же транспорта и связи Турции, формально было создано лишь 27 мая 1939 г. [3], однако только в 1945 г. стало министерством [4].

Тем не менее, регулирование деятельности торговых портов и флота первоначально не входило в его обязанности, а было возложено на него, и то частично, значительно позже.

Важнейшей частью системы управления морской отраслью Турецкой республики сегодня является Морской Подсекретариат, созданный соответствующим зако-

ном в 1993 г. (дата принятия Закона: 08.10.1993 №: 491; дата издания закона: 24.06.1993 №: 3911) находящийся изначально в ведении премьер-министра.

Закон о морском Подсекретариате достаточно объемный и детальный документ, состоящий из 26 статей, сгруппированных в нескольких разделах.

Так, указывается, что целью данного декрета-закона является обеспечение того, чтобы морские системы и службы соответствовали морским интересам и потребностям страны. Подчинение непосредственно премьер-министру обосновывалось важностью непосредственного руководства с его стороны данной отраслью экономики и управления (ст. 1).

Обязанности данного Подсекретариата устанавливались довольно широкие: 1) поощрять морскую торговлю, морской торговый флот и судостроение, принимать необходимые превентивные меры, контролировать морскую отрасль, морские и внутренние воды, обеспечить развитие и функционирование потенциала; 2) определять морские запросы и нужды, и строить планы; 3) принимать меры по обеспечению безопасности жизни и имущества на море; 4) заниматься технической квалификацией и квалификацией морских судов, выдвигать основные принципы установления квалификационных требований к работникам, определять и координировать принципы и политику; 5) определение морских целей и политики государства, проводить необходимые исследования; 6) руководить и координировать деятельность учреждений, предоставляющих услуги, связанные с морскими вопросами и организаций в соответствии с морской политикой и стратегией государства; 7) действовать в качестве агента или брокера на морском транспорте, или устанавливать служебные требования физических и юридических лиц, которые будут определять принципы, контролировать их выполнение и принимать по тарифу выдачу разрешений; 8) для предотвращения ухудшения состояния морской среды и загрязнения морской среды принимать, отслеживать и контролировать все виды мер, сотрудничать с другими организациями, связанными с этим вопросом, 10) проводить исследования, связанные с морским страхованием, заниматься координацией и контролем данной работы; 11) работать в координации международной морской организацией, с соответствующими учреждениями по юридическим, экономическим, политическим и иным вопросам; 12) воспитывать в обществе любовь к морю и развивать морскую культуру. провести необходимую работу по распространению, 13) вести учет судов и моряков, агентств (ст. 2).

Далее устанавливалась структура Подсекретариата, в том числе и штат, его центральная организация, основные сервисные подразделения и вспомогательные единицы (ст. 3-4); устанавливалась должность заместителя министра, его канцелярия. На него возлагалось, по указанию премьер-министра, работа над законопроектами, общая политика правительства, национальная безопасность политика, планы развития и годовые программы и другие вопросы, входящие в сферу деятельности Подсекретариата; обеспечение сотрудничества и координации с государственными учреждениями и организациями. Ему мог быть назначен помощник (ст. 5).

Основными подразделениями министерства морских дел стали: а) Главное управление морского транспорта, б) Главное управление судостроения и верфей, в) Департамент внешних связей, Главное управление морского транспорта (ст. 6).

Обязанности Главного управления морского транспорта устанавливались:

1) морская торговля в соответствии с национальной морской политикой принять меры по стимулированию развития флота, обеспечить координацию с соответствующими организациями для увеличения своей мощности, 2) морские и внутренние водные перевозки в общем транспорте страны регулировать, контролировать и принимать необходимые меры в соответствии с их потребностями, 3) в национальных и международных водах с турецкими кораблями организовывать деятельность транспорта в соответствии с потребностями страны, оказывать помощь в подготовке изменений в законах и правилах для этой цели, инспектировать суда с точки зрения безопасности жизни и имущества; 4) заниматься морским управлением, морским агентированием и брокерской деятельностью, выдавать документы, подтверждающие квалификацию физических и юридических лиц; 5) вести журналы судов и моряков; 6) осуществлять надзор за судами и яхтами в области связи, мер по облегчению переговоров на берегу с судами, контролировать соответствие морских предприятий, агентств и т.п. необходимые технические и административные вопросы вместе с соответствующими учреждениями оформлять в соответствии с действующими правилами. 7) контроль работы морского транспорта, портов и причалов, ведение статистики морских перевозок в проливах. 8) Контролировать морскую экологию и загрязнение морской среды, проверять все виды деятельности, сотрудничать с другими организациями, принимать необходимые меры. 9) Контролировать развитие многофункциональных портовых сооружений и транспортных подсистем на суше и на море, чтобы обеспечить их пригодность для транспортных систем, а также объекты, которые могут быть интегрированы в транспортные системы планирование, строить или иметь построенные объекты (ст. 7).

Обязанности Главного управления судостроения и верфей устанавливались такие: а) обеспечить судовые, строительные, ремонтные, демонтажные и подотраслевые меры стимулирования; б) верфи и места разделки судов в масштабе берегов страны определять, планировать, распределять и санкционировать, отзываться при необходимости проверять; с) государственным и частным верфям и предприятиям по демонтажу судов позволять расширение и модернизацию для повышения их мощности и эффективности. Вводить современные методы производства, управления и маркетинга. Принять меры к тому, чтобы была координация с соответствующими учреждениями; г) контроль качества и безопасности строительства торговых судов и яхт; д) для того, чтобы судостроение и подотрасль стали экспортно-ориентированными, следить за развитием событий и принимать необходимые меры, сотрудничать с международными организациями; е) выполнять работы, связанные с сотрудничеством с национальными и зарубежными классификационными обществами; ж) выполнение аналогичных обязанностей, возложенных на Подсекретариат (ст. 8).

Обязанности Департамента внешних связей устанавливались следующие: а) международная доставка, стороной которой является Турция, защита прав и интересов страны, эффективно и принять меры для обеспечения постоянного участия, координации; б) в период участия Турции в международных морских организаций следить за повесткой их работы, давать оценку, предоставлять непрерывную информацию подразделениям, следить за книгами, отчетами, документами и другими публикациями встреч; поставлять, архивировать, предоставлять отчеты и подготавливать циркуляры к публикации, в) в международных двусторонних или многосто-

ронных морских отношениях изучать и исследовать, оценивать возникающие проблемы; d) выполнять аналогичные обязанности, возложенные Подсекретариатом (ст. 9).

Консультативными подразделениями в центральной организации Подсекретариата устанавливались: а) Юридическая консультация, б) Консультанты подсекретариата (ст. 10).

Обязанности Юрисконсульта устанавливались в: а) рассмотрении и отчете по юридическим вопросам, поступающих от других подразделений Подсекретариата по сделкам, которые имеют юридические, финансовые и уголовные последствия; б) защита интересов Подсекретариата, предотвращение споров, своевременное принятие правовых мер, обеспечивать соблюдение соглашений и договоров помочь сделать его в соответствии с соответствующими принципами; в) согласно положениям Закона № 4353 от 01.08.1943 г. подготавливать необходимую информацию по административным делам и представлять Подсекретариат; г) качественно реализовывать цели Подсекретариата, соблюдать законодательство, для того, чтобы убедиться, что он действует в соответствии с планом и программой; готовить законы, положения и другие правовые предложения и представлять заместителю министра; е) изучать подготовлены подразделениями Подсекретариата и выпущены министерствами проекты законов, уставов и постановлений, направленные премьер-министром, чтобы сформировать мнение Подсекретариата, изучив его с юридической точки зрения; ж) выполнять аналогичные обязанности, возложенные Подсекретариатом (ст. 11).

Для вопросов особой важности и приоритетности, для помощи заместителю министра в Подсекретариат назначалось пятнадцать советников (консультантов), которые подчинялись этому же органу (ст. 12).

К вспомогательным подразделениям относились в головном офисе Подсекретариата по морским делам вспомогательные агрегаты: а) Департамент кадров и обучения б) Департамент по административным и финансовым вопросам, в) Департамент связи и электроники, г) Департамент оборонной специализации и Департамент кадров и обучения (ст. 13)

Ст. 14 устанавливались обязанности отдела кадров и обучения; ст. 15 – обязанности административно-финансового отдела; ст. 16 – департамента связи и электроники; ст. 16 – оборонного.

Следует отметить, что, согласно ст. 18, Подсекретариат получил право определения порядка создания и обязанности министерств, а также учреждать провинциальную организацию.

Центральная и провинциальная организация Подсекретариата, их руководители, службы и т.п. выполняют обязанности в соответствии с приказами и директивами премьер-министра и заместителя министра, организуют и выполняют в соответствии с законодательством планы и программы (ст. 19).

Подсекретариат в вопросах, относящихся к его обязанностям, его учреждения и организации обязаны соблюдать принципы в соответствии с законодательством, предотвращать растрату ресурсов и обеспечивать координацию. Подсекретариат отвечает за вопросы, входящие в компетенцию министерств, консультируется с соответствующими министерствами в своей деятельности и обеспечивает необходимое сотрудничество и ответственную координацию (ст. 20). Также Подсекретариат также отвечает за взаимодействие с местными администрациями (ст. 21).

Также законом устанавливалось, что заместитель министра, учреждение и на всех уровнях менеджеры четко определяют свои ограничения в письменной форме, а когда это необходимо могут делегировать часть своих полномочий своим подчиненным. Тем не менее, делегирование полномочий не снимало ответственности с делегирующего руководителя (ст. 22).

Согласно норм закона № 2451 от 23.04.1981 г., назначение других государственных служащих производится премьер-министром. Однако премьер-министр может делегировать эти полномочия нижестоящим уровням, которым он считал необходимыми, с передачей списков (ст. 23). Затрагивали вопросы подбора кадров и их назначения и ст. 24-26.

Статьей 27 вводились иные необходимые изменения в уже действовавшее законодательство. Также, временная ст. 1 устанавливала, что министерство транспорта, общий морской транспорт, управление и провинциальные организации министерства с этим Генеральным управлением все виды движимого и недвижимого имущества, офицерские резиденции, образование центры, компьютерная система, инструменты, оборудование, материалы, напольные покрытия, оснащение, транспортные средства и персонал были переданы Морскому Подсекретариату.

Дальнейшее использование указанного имущества было возможно по подписании соответствующего протокола. Отдельное назначение для переводимого персонала не производилось.

Расходы Подсекретариата по морским делам в 1993 г. премьер-министр покрывал из бюджета. Прочие дополнительные временные статьи (2-6) рассматриваемого закона-декрета действовали до окончания полного формирования Подсекретариата и ликвидации или реорганизации в связи с этим иных структур. Сам же законодательный акт, согласно ст. 28, вступал в силу со дня его опубликования.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что система управления морским делом в Турецкой республике в XIX – начале XXI вв. прошла достаточно сложный путь. Спецификой которого было то, что созданное в середине XX в. Министерство транспорта не обладало полномочиями контроля и регулирования в отношении всего комплекса соответствующих мер и задач. Для разрешения данной проблемы в Турции был принят неординарный шаг – создано особое ведомство под названием Морской Подсекретариат, подчиненный напрямую премьер-министру, что ставит данный орган на один уровень с уже действовавшими министерствами. Данный орган получил широкие полномочия, для осуществления которых был создан как центральный, так и местные административные аппараты, органы [5].

В завершении также следует отметить, что дополнительную специфику деятельности данного органа придает продолжающаяся работа по приватизации морских торговых портов страны [6-7].

Список литературы:

- 1.История компании - Генеральная дирекция верфей и береговых сооружений (tkygm-uab-gov-tr.translate.google)
- 2.Регламент порта Стамбула (web-archive-org.translate.google)
- 3.Т.С. esmı Gazet c Tesis tarihi: 7 Teşrinievvel 1336 – 1920.
- 4.Türkiye Cumhuriyeti Ulaştırma ve Altyapı Bakanlığı
- 5.Denizcilik müsteşarlığının kuruluş ve görevleri hakkında kanun hükmünde kararname. - Microsoft Word - 491DENIZCILIK MUSTESARLIGININ KURULUSU.doc (vda.org.tr)

- 6.Meclis karar verdi: Limanlar 49 yıllığına devredilecek. - Принято Великим национальным собранием Турции: порты будут переданы на 49 лет (www-cumhuriyet-com-tr.translate.goog)
- 7.Elif Ünal. Liman özelleştirmesinin Türkiye'deki ekonomik boyutunun incelenmesi. - İstanbul üniversitesi deniz bilimleri ve işletmeciliği enstitüsü, 2006. – 89 s.

Klimenko E. P. The role and place of the Maritime Undersecretariat in the maritime management system in the Republic of Turkey // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 2. – P. 19-24.

The article states that the management system of maritime affairs in the Republic of Turkey in the 19th - early 21st centuries. went through a rather difficult path. The specificity of which was that created in the middle of the twentieth century. The Ministry of Transport did not have the authority to control and regulate the entire range of relevant measures and tasks. To resolve this problem in Turkey, an extraordinary step was taken - a special department called the Maritime Undersecretariat was created, reporting directly to the Prime Minister, which puts this body on a par with the existing ministries. This body received broad powers, for the implementation of which both central and local administrative apparatuses and bodies were created.

Key words: Republic of Turkey, maritime administration, seaports, ministry, secretariat, department, powers.

Spisok literaturey:

- 1.Istoriya kompanii - General'naya direkciya verfej i beregovyh sooruzhenij (tkygm-uab-gov-tr.translate.goog)
- 2.Reglament porta Stambula (web-archive-org.translate.goog)
- 3.T.C. esmi Gazet c Tesis tarihi: 7 Teşrinievvel 1336 – 1920.
- 4.Türkiye Cumhuriyeti Ulaştırma ve Altyapı Bakanlığı
- 5.Denizcilik müsteşarlığının kuruluş ve görevleri hakkında kanun hükmünde kararname. - Microsoft Word - 491DENIZCILIK MUSTESARLIGININ KURULUSU.doc (vda.org.tr)
- 6.Meclis karar verdi: Limanlar 49 yıllığına devredilecek. - Prinyato Velikim nacional'nym sobraniem Turcii: porty budut peredany na 49 let (www-cumhuriyet-com-tr.translate.goog)
7. Elif Ünal. Liman özelleştirmesinin Türkiye'deki ekonomik boyutunun incelenmesi. - İstanbul üniversitesi deniz bilimleri ve işletmeciliği enstitüsü, 2006. – 89 s.

УДК 67.3

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ ИРАНСКОГО ПЛАТО В IV ТЫС. ДО Н.Э.

Кошман В. А., Юрченко Л. В.

В статье описываются особенности Иранского нагорья. Внимание автора обращено на анализ отдельных регионов во время неолита и раннего бронзового века. Утверждается, что было несколько центров неолитизации и на Иранском плато были некоторые из них. Основное внимание уделяется металлургическим инновациям в IV тыс. до н.э. Производится сопоставление траекторий развития Хузестана, Северной Месопотамии и Ирана. Выделяется влияние перемещения специалистов и товаров между указанными регионами. Рассматривается влияние специфики неолитизации в регионе на последующее развитие общества. Применяется тезис о том, что современные этнографические данные неверно распространять на прошлое, так кочевой образ жизни очень сильно отличается от разных высокоомобильных форм жизни, которые можно объединить под термином «полукочевой образ жизни».

Ключевые слова: Иранское нагорье, Арисман, Талмесса, неолит, ранний бронзовый век, Тепе-Гавра, Тель Сурежа, Хузестан, Передняя Азия.

Одним из ключевых вопросов в изучении государствообразования является процесс формирования сложных социальных институтов, который выходил за рамки регулирования отношений небольших групп людей, а распространялся на координирование деятельности ряда деревень. Первые свидетельства о фактах возникновения сложных социальных институтов, относятся к X тыс. до н.э., например, Гебекли-Тепе. Процесс формирования сложных структур управления и социального неравенства занял длительное время и завершился в эпоху позднего энеолита в период конца V – первых трех четвертей IV тыс. до н.э. Этот доподлинное и повсеместное развитие завершилось путем образований первых крупных урбанистических центров и ранних политий. Однако и они стали результатом длительных процессов, которые примыкают к различным локальным вариантам неолитизации, то есть речь идет о поступательном переходе к использованию продуктов сельского хозяйства в качестве основных источников питания. Поэтому, для понимания этого необходимо проследить взаимосвязь между особенностями переходов к производящей экономике со свидетельствами социальных трансформаций позднего энеолита.

Ключевая роль в неолитизации Передней Азии принадлежит территории Леванта, а последние находки добавили в эту совокупность территорий еще и горные районы юго-западной части Турции. На данный момент уже и эта картина является неполной, так как не включает в себя области Ирана, т.к. данная область длительное время не исследовались. Было известно, что центральная и южные части Загроса являлись центрами одомашнивания ряда животных (коз и овец), однако считалось, что соответствующая культура туда пришла лишь из областей Леванта. Благодаря раскопкам начала XXI в., стало известно, что данные культуры развивались на основе ранее существовавших местных. В сочетании с существенными отличиями материальной культуры от неолитических центров Леванта они показывают отдельную траекторию перехода к производящей экономике.

Эксплуатируя высотную поясность, древние жители Загроса занимали определенные высоты в разные сезоны, а также передвигались по мере изменения климата.

Это обстоятельство препятствовало развитию оседлых форм жизни и опоры на земледелие [2]. Соответственно, длительное время население было скотоводами-охотниками-собираателями, и лишь значительно позднее, только в середине VIII тыс. до н.э., некоторые из них перешли к более оседлым формам жизни, практикуя в частности подсечно-огневое земледелие и выращивание ячменя.

Другую ситуацию описывают материалы северо-восточной части Ирана, показывающая культуру, предшествующую неолиту южного Туркменистана – джейтунскую. В середине VIII тыс. до н.э. они имели отличную материальную культуру и характеризовались смешанным питанием. У них не было такой существенной зависимости от скотоводства, а потому они были менее мобильными, чем их отдаленные соседи в западной части Ирана [11]. В обоих местах наблюдается последовательная преемственность материальной культуры, что опровергает предположения о массовой миграции населения из другой части Передней Азии.

Любопытным является и то, что в отличие от существенного заката докерамического неолита в Леванте, в Иране подобной картины не прослеживается. Видимо, окружающая среда не позволяла попасть в подобный вариант мальтузианской ловушки, а избытки населения могли перемещаться в другие менее заселенные регионы. Примером этого может послужить появление в докерамическую фазу поселений на территории Пакистана, к примеру, Мехргарха. В совокупности со свидетельствами высокой автономности неолитических поселений в самом Леванте перед нами встает вопрос о центрах и путях распространения неолитизации в самой Передней Азии до исхода на территорию Европы через Балканы в VII тыс. до н.э. На наш взгляд, наиболее вероятной является картина множественных центров неолитизации в рамках Передней Азии. Поэтому, по крайней мере на ранних этапах, достаточно спорно рассматривать весь регион в качестве единого и взаимосвязанного центра.

Только к концу VIII – первой половине VII тыс. до н.э. к моменту широкого распространения скотоводства начинается активный обмен. Его объектами выступали как различные предметы, к примеру, яшма, лазурь, так и технологические новшества, и объекты духовной культуры. Закономерным итогом этого процесса является сравнительно быстрое распространение керамики в регионе, равно как и ее появление в отдаленных центрах в течение короткого промежутка времени. Несомненно, обмен материалами, идеями и технологиями имел место и раньше: обсидиан с Армянского нагорья расходился на многие сотни километров задолго до VII тыс. до н.э., однако уровень интенсивности контактов был существенно ниже.

Другим результатом выступает появление единого культурного комплекса Халафа на большой территории в середине VII тыс. до н.э. Он отличается высокой гомогенностью на большей части территории своего распространения. В это же время появляются и первые печати, а материалы Айн-Газала демонстрируют одновременное сочетание отгонного скотоводства и земледелия, что, впрочем, не исключало и охоты. Появление новой высокомобильной формы жизни, которая сочетала и земледелие, и скотоводство на длительные дистанции стало катализатором дальнейших процессов социального развития и привели к появлению множества общих черт материальной культуры в Передней Азии.

С другой стороны, это свидетельствует, что современные этнографические параллели жизни кочевых народов не отображают образа жизни того периода, а аргументы о сходности высокомобильного образа жизни являются крайне спорными в

виде многообразия его форм. Более того, широкий спектр технологий добычи питания позволял использовать разнообразные формы жизни в сходных географических условиях и в рамках одной материальной культуры. А потому попытки противопоставления кочевого/полукочевого и оседлого образа жизни, придание им взаимоисключаемости, на наш взгляд, является проецированием современного на древнее, забывая о том, что оно было совершенно другим и не может иметь аналогов.

Следующим этапом развития отношений стал энеолит, в рамках которого и произошло появление, а также закрепление новых форм социального неравенства. Одним из важнейших новшеств этого периода развитая металлургия, добыча металла (меди) из руды, развитие методов обработки металла стали одними из свидетельств возрастающей специализации, равно как и сложности обществ.

В областях Передней Азии данные процессы также, как и неолитизация, не привели к одинаковой реакции, даже учитывая сходность географических условий. Если вопросы трансформаций на территории южной и северной Месопотамии уже были предметом нашего рассмотрения, то Иран представляет иную картину, потому остановимся на нем.

Последние исследования ряда археологических памятников, в особенности в долине Хазвина и Тегерана [4], привели к открытию новых и по-своему уникальных обстоятельств развития общества, дополнив картину между Месопотамией и северными склонами Копет-Дага. Специфика самого региона – нагорная полупустыня с плодородными участками аллювиальных фанов определила жесткие границы рамкам развития сельского хозяйства, основанного на земледелии. Тем не менее, в период пика климатического оптимума голоцена многочисленные области были лесостепью, а на склонах гор росли многочисленные фисташковые и дубовые леса [3]. И если отдельные поселения не могут удивить своими размерами (не более 12-14 га к началу IV тыс. до н.э.), то характерные черты отдельных из них коренным образом меняют наши представления о данном периоде и регионе.

Так, в поселении Талмесси, находящимся возле крупного месторождения меди присутствовал крупный индустриальный сектор, в котором в V – IV тыс. до н.э. происходила обработка и добыча меди из руды. При этом медь из данного источника активно использовалась для медных орудий по всему нагорью. Доходило до того, что другие поселения, находившиеся возле месторождений меди, начинали активно использовать ее из Талмесси [6]. В данном разрезе крайне любопытным является факт огромного количества бытовых орудий из меди, почти полностью вытеснившие каменные на территории поселений южного Туркменистана, в условиях отсутствия каких-либо месторождений в данном регионе. Это свидетельствует о крупных поставках меди на многие сотни километров задолго до одомашнивания ослов в IV тыс. до н.э. По мнению Кирчо Л.Б. доставка могла осуществляться на волах, что является более вероятной версией в условиях отсутствия других одомашненных тягловых животных в тот период и в данном регионе.

Продолжением тенденции стало появление таких археологических памятников как Арисман, находившихся недалеко от месторождений меди [9]. В нем на площади в несколько гектар расположены исключительно следы добычи и обработки металла в промышленных масштабах с использованием все более сложной, узкоспециализированной технологии. По заключению исследователей данное место не было постоянным поселением металлургов и кузнецов, а сезонным местом схода соот-

ветствующих специалистов. В данном регионе археологические находки демонстрируют полукочевой и оседлый образ жизни как с крупными земледельческими поселениями, так и со следами стоянок скотоводов. Свидетельства на данном этапе знаний не демонстрируют сколь-нибудь ярко выраженных следов имущественного неравенства, в отличие от синхронных находок, к примеру, Хузестана.

Апогей данных поселений является синхронным протоэламитскому периоду, появлению наследуемой имущественной дифференциации, пику развития урбанизма в северной Месопотамии, и последующему его расцвету в южной Месопотамии в 3800 – 3300 гг. до н.э. После этого происходит резкое прекращение деятельности, упадок крупных поселений, хотя сопоставимые крупные протоурбанистические центры появляются в восточной части Иранского нагорья, рядом с долиной Инда. Это не связано с войной, а наиболее вероятной причиной является прогрессирующая аридизация климата. Она сделала невозможным ведение многих видов деятельности, в особенности металлодобычи, требующей огромного количества топлива. Стоит отметить, что образцы меди из данного региона богаты мышьяком в виду естественного высокого содержания его в медной руде, что позволяет предположить и об изготовлении бронзы.

Эта ситуация проясняет ряд моментов, касающихся Месопотамии. Это продиктовано сходством образа жизни, производством и обменом материалами между регионами на регулярной основе. Это позволяет провести некоторые параллели, принимая во внимание такие памятники как Тель-е-Бакун и Тепе-Гавра, которые являлись центрами нахождения предполагаемых элит полукочевых населения.

Вышеописанное подтверждает наш тезис о том, что именно полукочевой образ жизни играл ключевую роль в трансформации и переносе идей, материалов и технологий во всем регионе. В него в рамках данного периода необходимо включать западную часть Иранского нагорья.

В условиях сравнительно мирной ситуации (за исключением отдельных периодов всплеск организованного насилия в северной Месопотамии и Хузестане в конце V – начале IV тыс. до н.э.) вместе со скотоводами-земледельцами происходило перемещение высококвалифицированных узких специалистов вроде металлургов, кузнецов, гончаров и др. Это позволяет объяснить не только, к примеру, отсутствие больших поселений в данной области, вместо которых была мириада небольших деревень высококомобильного населения вперемешку с небольшими поселениями, выполняющими функции центров схода населения для различных целей, а равно и нахождения элит. В отсутствие крупных ремесленных центров в поселениях не означало дефицит узких специалистов, которые были такими же высококомобильными, как и все остальное население. Соответственно, не только единство культовых символов, которые демонстрируют высокую частоту совпадений, к примеру, в Сузах и Тепе Гавра, но и технологическое и культурное пространство создавались высококомобильным населением на территории Передней Азии, обеспечивая также регулярный трансфер бытовых предметов, товаров, равно как и потребность в ресурсах для ремесленного производства.

Точкой соприкосновения являются типологическое сходство медных топоров из Суз того же периода с изделиями в Иранском нагорье, в тоже время Хузестан вел активный обмен с другими частями Месопотамии. Кроме того, косвенным аргументом являются недавние раскопки в Иракском Курдистане в Тель Сурежа, где кера-

мика носит своеобразный характер, отличающий ее от сравнительно близко находящейся Тепе Гавра. Этот аргумент подтверждается и недавними исследованиями Минка, который подтверждает, что в районе долины, где находится данный археологический памятник имеется стилистическая обособленность [7]. В тоже время в исследовании 2003 г. Ротман и Блэкмен пришли к выводу, что один небольшой археологический пункт Шельгийя также, как и Арисман без каких-либо признаков жилых строений, был пунктом производства керамики для населенных пунктов в радиусе 100 км. [10]. Такое совпадение в одинаковое время в схожих географических условиях при схожести высококомобильного образа жизни и наличии стабильных контактов между регионами, позволяет с определенной степенью предположить, что ситуация, характерная для Иранского нагорья до определенной степени в отношении образа жизни населения и организации высокоспециализированного ремесла была одинаковой. Стоит отметить, что разница несомненно была, в основном она касается следов урбанизации в долине реки Кхабур, равно как и существенные следы имущественной дифференциации.

Возвращаясь к вопросу о соотношении особенностей неолитизации и последующей траектории, то на наш взгляд, они сыграли одну из важных ролей в указанных выше различиях. Так, где было больше возможностей осуществления земледелия, и они активно эксплуатировались местным населением, там и проявлялись активно следы имущественной дифференциации, катализируемые урбанизацией. Климатические факторы играли роль ограничителей: в случае с северомесопотамской урбанизацией аридизация уничтожила ее на корню, что проложило путь к доминированию южномесопотамской версии. В северо-восточном Иране изначальные ограничения, в виде небольших по площади аллювиальных фанов, не позволили развиваться протоурбанистическим центрам. Ограниченные оазисами северного склона Копет-Дага местные культуры памятников вроде Алтын-Депе и Намазга-Депе, пошли по другой траектории. Для них характерна стратегия концентрации населения в крупных поселениях и больший упор на земледелие. Поэтому, прогрессирующая аридизация не привела к резкому исчезновению. Наоборот происходило дальнейшее развитие социальных институтов, кульминацией которых является Гонур-Депе с его крупным дворцовым комплексом и Бактриано-Маргианский культурный комплекс в целом. Итогом данной цивилизации стало постепенное угасание и переход к другому образу жизни.

В регионах, которые стимулировали переход к скотоводству, население которого в равной мере владело и скотоводством, земледелием и развитым ремеслом, склонялось к появлению форм организации общества с меньшей социальной дифференциацией. Земледелие давало же большую возможность для сохранения высокой социальной дифференциации. Но говорить про линейную зависимость невозможно.

Достаточно привести пример Суз конца V тыс. до н.э. Там, несмотря на изначально успешные построения новых социальных форм, а также появление следов крупной коллективной культовой мобилизации, произошел упадок и разрушение вследствие крупного внутреннего социального конфликта. Это приводит нас к выводу о том, что ключевую роль в появлении урбанистических центров и последующего развития институтов государственности в регионе сыграло наличие ряда одновременно существующих, сравнительно автономных центров, с различными путями социальных трансформаций. Ведь не менее 4-х других центров прекратило свое су-

ществование, прежде чем после периода Джемдет Наср произошел окончательный и непрерывный подъем шумерской цивилизации в южной Месопотамии.

Поэтому, в состав региона формирования первичной государственности стоит включать не только Месопотамию и Левант, но и горы Загрос, Иранское нагорье с прилегающими регионами. По нашему мнению, в этот регион стоит добавить также и Индскую цивилизацию. Она является продуктом распространения неолитизации Иранского нагорья и последующего его активного влияния. Сюда относится Египет, который испытал огромное влияние Леванта вплоть до прямого переноса в нижнем Египте, а в культуре Нагада происходила активная эмуляция атрибутов власти южной Месопотамии (печати, строения, ряд символов, имитация керамики Леванта в высокоранговых захоронениях).

Список литературы:

1. Bonora Gian Luca, Vidale Massimo, Mariottini Maurizio, Guida Giuseppe. On the use of tokens and seals along the Kopet Dagh piedmont, Turkmenistan (ca 6000-3000 BCE). In: *Paléorient*, 2014, vol.40, n°1.
2. Darabi, Hojjat, Reza Naseri, Ruth Young, and Hassan Fazeli Nashli. 2011. "The Absolute Chronology of East Chia Sabz: A Pre-Pottery Neolithic Site in Western Iran". *Documenta Praehistorica* 38 (December):255-66. <https://doi.org/10.4312/dp.38.20>.
3. Djamali, M., De Beaulieu, J.L., Miller, N.F. et al. Vegetation history of the SE section of the Zagros Mountains during the last five millennia; a pollen record from the Maharlou Lake, Fars Province, Iran. *Veget Hist Archaeobot* 18, 123–136 (2009). <https://doi.org/10.1007/s00334-008-0178-2>
4. Fazeli Nashli, Hassan & Valipour, Hamid & Azizi Kharanaghi, Mohammad Hossein. (2013). The Late Chalcolithic and Early Bronze Age in the Qazvin and Tehran plains: a chronological perspective. [10.2307/j.ctvh1dn46.11](https://doi.org/10.2307/j.ctvh1dn46.11).
5. Fazeli, N. H. and Vidale, M. and Guida, G. and Coningham, R. A. E. (2010) "The evolution of ceramic manufacturing technology during the late Neolithic and transitional Chalcolithic periods at Tepe Pardis, Iran.", *Archaeologische mitteilungen aus Iran und Turan.*, 42 . pp. 87-112.
6. Helwing, Barbara. (2013). B. Helwing, Early metallurgy in Iran - an innovative region as seen from the inside. In: S. Burmeister/S. Hansen/M. Kunst/N. Müller-Scheessel (eds.), *Metal matters. Innovative technologies and social change in Prehistory and Antiquity. Menschen - Kulturen - Traditionen: ForschungsCluster 2 12 (Rahden Westf 2013) 105–135*.
7. Leah Minc, John R. Alden and Gil J. Stein, "A preliminary assessment of ceramic style and chemical composition during the Chalcolithic era at Surezha, Iraqi Kurdistan", *Paléorient*, 45-2 | 2019, 121-136.
8. Marghussian, A. K., Coningham, R. A. E., and Fazeli, H. (2017) The Evolution of Pottery Production During The Late Neolithic Period at Sialk On The Kashan Plain, Central Plateau of Iran. *Archaeometry*, 59: 222–238. doi: 10.1111/arc.12258.
9. Massimo Vidale, Hassan Fazeli-Nashli, François Desset. The late prehistory of the northern Iranian Central Plateau (c. 6000–3000 BC): growth and collapse of decentralised networks. Surplus without the state, political forms in prehistory, 10th archaeological conference of Central Germany, October 19-21, 2017 in Halle (Saale), 2018.
10. Mitchell S. Rothman, M. James Blackman. 2003. Late Fifth Millennium Exchange Systems in Northern Mesopotamia: Chemical Characterization of Sprig and Impressed Wares. *Al-Rafidan* 24:1-23.
11. Roustaei, Kourosh, Marjan Mashkour, and Margareta Tengberg. 2015. "Tappeh Sang-e Chakhmaq and the Beginning of the Neolithic in North-East Iran." *Antiquity* 89 (345). Cambridge University Press: 573–95. doi:10.15184/aqy.2015.26.

Koshman V. A., Yurchenko L. V. Peculiarities of statehood emergence on Iranian plateau in IV millennium BC // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 25-30.

In the article peculiarities of Iranian plateau are described. Author's attention is drawn to analysis of certain regions in the time of Neolithic and Early Bronze Age. It is stated that there were multiple centers of neolithization and Iranian plateau also had few of them. The main attention is paid to metallurgical innovations in the 4th millennium BC. A comparison is made of the development trajectories of Khuzestan, Northern Mesopotamia and Iran. The influence of the movement of specialists and goods between the indicated regions is highlighted. The influence of the specifics of neolithization in the region on the subsequent development of society is considered. The thesis is applied that it is wrong to extend modern ethnographic data to the past, since the nomadic way of life is very different from various highly mobile forms of life, which can be combined under the term "semi-nomadic way of life".

Key words: Iranian plateau, Arisman, Talmessi, Neolithic, Early Bronze Age, Tepe Gawra, Tel Surezha, Khuzestan, South-West Asia.

УДК 342.53

**К ВОПРОСУ О ПРЕИМУЩЕСТВАХ И НЕДОСТАТКАХ
ДВУХПАЛАТНОЙ СТРУКТУРЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Росенко М. И., Говалло А. С., Иванов Д. А.

Юридический институт Севастопольского государственного университета

Данная работа посвящена анализу некоторых преимуществ и недостатков двухпалатной структуры Федерального Собрания Российской Федерации. Тема является актуальной ввиду неоднократных преобразований парламента, которые ожидаемо будут реализованы и в ближайшем будущем. Раскрытие достоинств и проблематики основывается на институциональных особенностях и различиях Совета Федерации и Государственной Думы по части порядка формирования, предметов ведения и характера функционирования палат. При этом, основное внимание уделяется исследованию недостатков, среди которых были выявлены: низкий уровень легитимности Совета Федерации, функциональное разграничение предметов ведения палат парламента, не оперативность работы, высокие затраты на обеспечение их деятельности и др. Авторами выдвигаются и обосновываются предложения по нивелированию проблематики бикамерального устройства парламента с помощью системных преобразований.

Ключевые слова: Федеральное Собрание Российской Федерации; верхняя палата; Совет Федерации; нижняя палата; Государственная Дума; бикамеральность; преимущества и недостатки.

Парламент, как политико-правовая форма реализации института народного представительства, является неотъемлемой частью демократического, правового государства. Это подтверждается распространенностью парламентской модели организации законодательной ветви власти в подавляющем большинстве стран современного мира. Очевидно, для реализации представительства и ряда иных функций, структура данного органа должна быть построена наиболее эффективным образом. В Российской Федерации парламента, именуемый Федеральным Собранием, с момента своего появления, неоднократно претерпевал организационные изменения. Вероятно, преобразование порядка формирования его палат, системы, функций и т.п., мы будем наблюдать и в дальнейшем, а потому актуальность анализа действующей структуры органа не вызывает сомнений.

Данное исследование посвящено рассмотрению некоторых преимуществ и недостатков двухпалатной структуры Федерального Собрания Российской Федерации. При этом, акцент сделан на анализе проблематики и способов ее нивелирования ввиду изученности в достаточной степени преимуществ бикамеральной парламентской системы. Тот факт, что двухпалатная модель законодательно-представительного органа является столь же распространенной, как и однопалатная, свидетельствует о рациональности такой организации. Однако, как показывает практика, двухпалатность не является совершенной, а потому нуждается в преобразовании. Отметим, что данный вопрос имеет значение не только для российской политико-правовой системы, но и любой, где-то или иное значение имеет парламента, как институт народного представительства.

Для раскрытия темы, рассмотрим сущность парламента, как такового.

Ввиду многоаспектности и фундаментальности, вопрос понятия и сущности данного органа в научной среде, в большей степени, не является дискуссионным, хоть и

рассматривается с разных сторон: этимологически, исторически, политически и т.д. С точки зрения юриспруденции, большинство отечественных и зарубежных исследователей сходятся в отождествлении парламента с «органом государственной власти, осуществляющим представительные, законодательные и контрольные функции» [1, с. 107].

Дать определение возможно и через рассмотрение ряда присущих ему признаков. Среди отличительных особенностей парламента, исследователи выделяют следующие: формирование целиком или частично путем демократических выборов; институциональная независимость от исполнительной и судебной ветвей в рамках системы разделения властей; наличие и функционирование в рамках парламентарской системы, как минимум одного политического объединения (партии); осуществление законодательной (правотворческой) функции путем принятия, изменения или отмены правовых актов различной юридической силы, обязательных для исполнения на всей территории государства; наличие властных полномочий по части контроля за деятельностью органов исполнительной власти, а также утверждения государственного бюджета; коллегиальность процесса принятия решений.

Помимо всего прочего, немаловажным признаком парламента является его двуединая политико-правовая природа как законодательного и представительного органа высшей государственной власти, предопределяющая бикамеральность его структуры [1, с. 110]. Обе функции дополняют друг друга и составляют цельный институт. Как показывает практика, эффективный законотворческий процесс может осуществлять лишь коллективный орган. Легитимность принимаемых и изменяемых им правовых актов создает именно представительный характер парламента. Законотворческие функции, в свою очередь, наделяют представителей (парламентариев), а, следовательно, и представляемое ими население, реальной возможностью опосредованно участвовать в управлении делами государства.

Данная особенность, как и все вышеперечисленные признаки, всецело присущи и российскому парламенту, что закреплено ст. 94 Конституции РФ: «Федеральное собрание – парламент Российской Федерации – является представительным и законодательным органом Российской Федерации» [2]. Состоит Федеральное собрание, согласно ч. 1 ст. 95 Конституции РФ, из двух палат – Совета Федерации и Государственной Думы [2]. Различие палат заключается в порядке их формирования, предметах ведения и характере функционирования. Рассмотрим каждый из аспектов в отдельности. Верхняя палата, согласно ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 22.12.2020 № 439-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации», формируется из представителей законодательной и исполнительной власти субъектов, общее число которых составляет 170 человек, назначаемых непосредственно этими органами власти [3]. Помимо таковых, сенаторами являются представители РФ, назначенные Президентом РФ в количестве не более 30 человек, не более 7 из которых назначены пожизненно, а также сам Президент РФ, прекративший исполнение своих полномочий и желающий осуществлять полномочия сенатора пожизненно [3].

Государственная Дума, в соответствии с Конституцией РФ и Федеральным законом от 22.02.2014 N 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», состоит из 450 депутатов, избираемых на 5 лет [4]. При том, одна половина избирается «по одномандатным избирательным

округам», а вторая – «по федеральному избирательному округу пропорционально числу голосов избирателей, поданных за федеральные списки кандидатов в депутаты Государственной Думы» [4]. Другими словами, 225 депутатов избраны непосредственно населением и 225 – прошли по, так называемым, «партийным спискам». К слову, верхняя палата лишена партийной составляющей, что прямо отражено в ч. 3 ст. 3 Регламента Совета Федерации, согласно которой палата «формируется и структурируется по непартийному принципу. Сенаторы Российской Федерации не создают фракции и партийные объединения» [5].

Требования, предъявляемые к кандидатам на должность сенатора и депутата, отличаются лишь возрастным цензом: депутат Государственной Думы, согласно ч. 1 ст. 97 Конституции РФ, должен достигнуть 21 г. [2], а сенатор, согласно ч. 1. ст. 2. Федерального закона, 30 лет соответственно [3]. Также депутатам, Основной закон устанавливает запрет «открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации» [2]. В случае же сенаторов, кандидат должен обладать «безупречной репутацией», а пожизненный сенатор должен иметь «выдающиеся заслуги перед страной в сфере государственной и общественной деятельности» [3].

Остальные критерии совпадают: гражданство России, постоянное проживание в Российской Федерации, отсутствие гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина на территории иностранного государства. Исходя из порядка формирования, можно сделать вывод о том, что благодаря верхней палате, удастся достичь широкого представительства в Федеральном Собрании и учета интересов не только населения государства и регионов, но и органов власти субъектов федерации. Кроме того, отсутствие у Совета Федерации партийной составляющей предотвращает радикализацию законодательной власти, фракционность, разделение парламентариев по признаку партийной принадлежности, которое усложняет процесс правотворчества и способствует отхождению от воли народа в пользу взглядов иных групп влияния, в том числе политических партий [6, с. 38].

Учитывая повышенные требования, предъявляемые к кандидатам на должность члена Совета Федерации (сенатора), можно полагать, что члены Совета Федерации являются более квалифицированными и компетентными в отдельных отраслях законодательства. Это, в совокупности с контрольными функциями, подтверждает большое значение верхней палаты в качестве дополнительной гарантии законности деятельности и конституционности принимаемых нормативно-правовых актов.

Основной же проблемой бикамеральной структуры в данном ключе является недостаток легитимности Совета Федерации, т.к. сенаторы назначаются, а не избираются населением [7, с. 107]. Конечно, применительно к Российской Федерации, речь идет об опосредованном наделении властными полномочиями представителя органа законодательной власти субъекта РФ на заседании этого органа и исполнительной власти после выборов высшего должностного лица субъекта. А значит, в некоторой степени, это можно считать делегированием населением своего избирательного права лицам, осуществляющим выбор сенатора. Тем не менее, сенаторы, несмотря на все меры, направленные на повышение их независимости, всецело являются представителями именно власти субъектов, а не рядовых граждан. Это обстоятель-

ство, к слову было нивелировано посредством формирования палаты в 1996-2001 гг. из высших должностных лиц субъектов, одновременно представляющих и интересы населения, и интересы законодательных и исполнительных органов власти. Отметим, что данный факт имеет значение ввиду влияния на легитимность всего Федерального Собрания и нередкого расхождения народной воли и деятельности властных структур [1, с. 110].

Иным аспектом различия палат являются предметы их ведения, закрепленные ч. 1 ст. 102 и ч. 1 ст. 103 Конституции РФ. В частности, к основным полномочиям Совета Федерации относятся: «а) утверждение изменения границ между субъектами Российской Федерации; б) утверждение указа Президента Российской Федерации о введении военного положения; в) <...> о введении чрезвычайного положения; г) решение вопроса о возможности использования Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации; д) назначение выборов Президента Российской Федерации; е) отрешение Президента Российской Федерации от должности; лишение неприкосновенности Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий.» [2].

Также, верхняя палата обладает полномочиями, касающимися кадровой политики в рядах высших органов судебной власти, такими, как назначение на должность по представлению Президента, Председателя, заместителя и судей Конституционного и Верховного судов Российской Федерации.

В то же время, к предметам ведения Государственной Думы относятся: а) утверждение по представлению Президента Российской Федерации кандидатуры Председателя Правительства Российской Федерации; б) решение вопроса о доверии Правительству Российской Федерации;», а также назначение и освобождение от должности Председателя Центрального банка РФ, Председателя Счетной палаты РФ и половины состава ее аудиторов по представлению Президента, Уполномоченного по правам человека, объявление амнистии, выдвижение обвинения против Президента для отрешения его от должности [2].

На основании этого можно сделать вывод о том, что Государственная Дума находится в частично зависимом от президентской власти положении, тем более что, в случаях, установленных ст. 111 и 117 Конституции РФ нижняя палата Парламента может быть распущена. Тогда как верхняя палата, представляющая интересы субъектов, а значит и всей федерации в совокупности, обладает более ярко выраженным статусом противовеса, фактора сдерживания не только исполнительной власти, но еще и Государственной Думы, учитывая специфику соотношения палат [7, с. 105].

Факт значительного различия предметов ведения и лишь некоторого соучастия палат в одном и том же процессе импичмента и отдельным аспектам кадровой политики в рамках судебной системы, позволяет говорить о наличии системы сдержек и противовесов даже в рамках одной ветви власти [8, с. 9].

Однако отсутствие в Конституции общих предметов ведения и Совета Федерации и Государственной Думы, включающих вопросы, требующие совместной деятельности палат, не позволяет сформировать представление о Федеральном Собрании как о целостном органе законодательно-представительной власти.

Кроме того, чрезмерная самостоятельность палат также чревата негативными последствиями. При возникновении конфликтных ситуаций, где обе палаты взаимно

выражаю несогласие с действиями друг друга может повлечь серьезный кризис государственной системы управления.

Наконец, палаты Федерального Собрания различны по характеру своего функционирования в ходе законотворческого процесса, урегулированного Конституцией РФ, регламентами палат и соответствующими федеральными законами. Проанализировав нормативно-правовую базу, можно заключить, что Государственная Дума инициирует, разрабатывает и принимает законопроекты, а Совет Федерации, в свою очередь, рассматривает и утверждает их. Другими словами, правотворчество консолидировано в нижней палате, тогда как верхняя во многом выполняет функцию некоего «цензора», барьера на пути принятия недоработанных законов [9, с. 11].

Недостатком такого порядка является некоторая номинальность и фактическая малозначительность Совета Федерации. Данное утверждение подтверждается нормами законодательства. В соответствии с ч. 3 ст. 107 регламента, Совет Федерации не может вносить поправки в текст законопроекта, а лишь одобрить или отклонить его [5]. Согласно ч. 4 ст. 105 Конституции РФ, «в случае отклонения федерального закона Советом Федерации, палаты могут создать согласительную комиссию для преодоления возникших разногласий...» [2]. Лишь на данном этапе сенаторы получают право участвовать в непосредственной корректировке текста закона. После этого, «федеральный закон подлежит повторному рассмотрению Государственной Думой», при котором вето верхней палаты может быть преодолено не менее чем 2/3 голосов от общего числа депутатов. К тому же, обязательным к рассмотрению Советом Федерации является строго ограниченный перечень законов, касающихся бюджетной, налоговой, финансовой, валютной, кредитной и таможенной политики, денежной эмиссии, ратификации и денонсации международных договоров, статуса и защиты государственной границы, а также войны и мира, что урегулировано ст. 106 Конституции РФ [2]. Все это говорит о фактическом доминировании Государственной Думы в законотворческом процессе, что, на наш взгляд, снижает его эффективность и равноправность палат.

Также, недостатком является тот факт, что двухпалатная структура не отличается оперативностью работы. Дополнительные процедуры, слушания, рассмотрения, внесение изменений и корректировки, безусловно повышают качество принимаемых нормативно-правовых актов [7, с. 106]. Но в ситуациях, требующих срочного, безотлагательного действия, будь то издание необходимой нормы или принятие политического решения, бикамеральность не является оптимальной [9, с. 8].

Нельзя отрицать и финансовую сторону вопроса. Двухпалатная структура, зачастую, предполагает значительно большее количество сотрудников в сравнении с однопалатной системой, что предполагает большие материально-технические затраты на содержание аппарата и обеспечение деятельности иных органов парламента.

Так или иначе обе палаты создают сбалансированную систему, сдерживают и дополняют друг друга. Как показал анализ основных различий палат, данная структура имеет как преимущества, так и недостатки. Очевидно, однопалатные парламенты лишены вышеописанной проблематики. Однако переход к другой организационной структуре вероятно спровоцирует возникновение новых изъянов, тем более, что в России необходимость бикамеральной организации законодательно-представительной власти продиктована особенностями территориального устройства, а также иными политико-административными, социальными факторами. По-

этому, на наш взгляд, необходимо следовать по пути совершенствования действующей структуры. Для этого рассмотрим ряд потенциальных решений.

В частности, можно рассмотреть предложение об участии населения в процессе назначения сенаторов, чем будет существенно поднята как легитимность самих сенаторов, так и Совета Федерации в целом. Конечно, легитимность которую приобретает нижняя палата, формируемая посредством выборов, достигнута не будет, однако данная мера, хоть и опосредованное, позволит решить недостаток демократичности формирования верхней палаты, как это реализовано, например, в Соединенных Штатах Америки [10, с. 84].

Проблема функционального разделения предметов ведения, а также самостоятельность палат, чреватая возникновением конфликтов как между ними, так и с иными органами власти, по мнению ряда исследователей, может быть решена посредством пересечения, возникновения общих полномочий и частичной интеграцией, участия одной палаты в работе другой, совместное заседание, чем может быть создана фрагментарная однородность их состава. Также повышению значения Совета Федерации может способствовать увеличение числа видов законопроектов, подлежащих обязательному рассмотрению и включение верхней палаты в процесс непосредственного совершенствования законопроектов.

Не оперативность принятия общественно-важных правовых норм и политических решений может быть преодолена через оптимизацию процедур в рамках функционирования палат Федерального Собрания. Очевидно это потребует пересмотра нормативно-правовой базы, регулирующей работу органа, исключения из нее излишних положений и т.д.

Существует также ряд иных предложений, непосредственно не относящихся к парламентской структуре, однако влияющих на эффективность деятельности законодательно-представительного органа власти.

Среди них – пересмотр порядка формирования нижней палаты пропорциональной избирательной системы с высоким избирательным порогом ввиду ее недемократичности, ответственности и зависимости депутата от политической партии, а не от избирателей, и ряда других злоупотреблений. Партийная составляющая, к слову, присутствующая в законодательных органах всего мира, в настоящее время рассматривается больше с негативной стороны, т.к. политические партии более не выполняют значительную часть своего функционала. Идеологическое межжевание депутатов также снижает производительность и результативность работы органа. Предлагается снизить избирательный барьер до 3% и изменить принцип формирования партийных списков с введением права избирателям определять преференцию тому или другому кандидату в партийном списке. Как вариант расширения представительства социальных групп в Государственной Думе, предлагается рассмотреть вопрос об ограничении количества мандатов, получаемых представителями одной политической партии в части пропорциональной и мажоритарной систем формирования палаты.

Не лишним было бы введение поименного голосования в процессе принятия нормативно-правовых актов членам парламента, в первую очередь-депутатами Государственной Думы, с опубликованием соответствующих списков по результатам парламентских сессий. Данная мера, соответствуя принципу гласности, повысит информационную открытость деятельности парламентариев для их избирателей.

Немаловажным является вопрос о профессиональной компетенции парламентариев, уровня их образования и профессионализма. Целесообразным было бы, по нашему мнению, введение образовательного ценза для кандидатов в члены обеих палат, повышение квалификации избранных парламентариев на базе лучших учебных заведений по ускоренным программам, а также организация специализированного высшего образовательного учреждения при Парламенте России.

Таким образом, двухпалатная, или же бикамеральная структура Федерального Собрания Российской Федерации, помимо преимуществ и проблематики, обладает потенциалом к преодолению конкретных организационных недостатков. Перечень возможных мер, как показало исследование, является достаточно обширным и включает в себя как точные, конкретизированные решения, так и кардинальное изменение парламентской системы, принципов ее формирования и функционирования. При комплексном подходе, их реализация, с высокой долей вероятности, способствовала и значительно ускорила бы преобразование России в парламентскую республику, переориентирование высшей государственной власти на интересы населения страны, рост ее легитимности и демократизацию общества.

Список литературы:

1. Коновалова Л. Г. Современный парламент как основа становления парламентаризма / Л. Г. Коновалова // Известия Алтайского государственного университета. – 2016 г. – с. 107-111.
2. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/07/04/konstituciya-site-dok.html> (дата обращения: 01.10.2021).
3. О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 22.12.2020 № 439-ФЗ. - Режим доступа: <https://rg.ru/2020/12/28/sovfed-dok.html> (дата обращения: 07.10.2021).
4. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 22.02.2014 N 20-ФЗ. - Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102171479> (дата обращения: 07.10.2021).
5. О регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]: Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Постановление от 30.01.2002 № 33-СФ. - Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074679&rdk=&intelsearch=%F0%E5%E3%EB%E0%EC%E5%ED%F2+%F1%EE%E2%E5%F2%E0+%F4%E5%E4%E5%F0%E0%F6%E8%E8> (дата обращения: 07.10.2021).
6. Сайфутдинова В. М. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: специфика и перспективы / В. М. Сайфутдинова // Актуальные проблемы российского права. – 2017 г. – С. 34-42.
7. Булаков О. Н. Бикамерализм как структурная организация современного парламента / О. Н. Булаков // Журнал «PolitBook». – 2013 г. – С. 99-107.
8. Булаков О. Н. К вопросу о деятельности парламента в Российской Федерации / О. Н. Булаков // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2013 г. – С. 9-11.
9. Малиновская А. Д. Преимущества и недостатки двухпалатной структуры российского парламента / А. Д. Малиновская // Вестник МГИМО. – 2020 г. – С. 8-22.
10. Рыжонкова Е. А. Особенности правового статуса членов верхних палат парламента зарубежных федеративных государств на примере США / Е. А. Рыжонкова // Отечественная юриспруденция. - 2016 г. - С. 82-88.

Rosenko M. I., Govallo A. S., Ivanov D. A. On the issue of advantages and disadvantages of the bicameral structure of the Federal Assembly of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 31-38.

This article is devoted to the analysis of some of the advantages and disadvantages of the bicameral structure of the Federal Assembly of the Russian Federation. The topic is relevant in view of the repeated reforms of the parliament, which are expected to be implemented in the near future. The disclosure of the merits and problems is based on the institutional characteristics and differences of the Federation Council and the State Duma in terms of the formation procedure, subjects of jurisdiction and the nature of the functioning of the chambers. At the same time, the main attention is paid to the study of the shortcomings, among which

were identified: a low level of legitimacy of the Federation Council, functional delimitation of the jurisdiction of the chambers of parliament, inefficiency of work, high costs of ensuring their activities, etc. The authors put forward and substantiate proposals for leveling the problem of the bicameral structure parliament through systemic transformation.

Key words: Federal Assembly of the Russian Federation; upper chamber; Council of the Federation; Lower Chamber; The State Duma; bicamerality; advantages and disadvantages.

Spisok literatury:

1. Konovalova L. G. *Sovremennyy parlament kak osnova stanovleniya parlamentarizma* / L. G. Konovalova // *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2016 g. – s. 107-111.
2. *Konstituciya Rossijskoj Federacii* [Elektronnyj resurs]: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020 – Rezhim dostupa: <https://rg.ru/2020/07/04/konstituciya-site-dok.html> (data obrashcheniya: 01.10.2021).
3. *O poryadke formirovaniya Soveta Federacii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii* [Elektronnyj resurs]: Federal'nyj zakon ot 22.12.2020 № 439-FZ. – Rezhim dostupa: <https://rg.ru/2020/12/28/sovfed-dok.html> (data obrashcheniya: 07.10.2021).
4. *O vyborah deputatov Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii* [Elektronnyj resurs]: Federal'nyj zakon ot 22.02.2014 N 20-FZ. – Rezhim dostupa: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102171479> (data obrashcheniya: 07.10.2021).
5. *O reglamente Soveta Federacii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii* [Elektronnyj resurs]: *Sovet Federacii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii*. Postanovlenie ot 30.01.2002 № 33-SF. – Rezhim dostupa: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074679&rdk=&intelsearch=%F0%E5%E3%EB%E0%EC%E5%ED%F2+%F1%EE%E2%E5%F2%E0+%F4%E5%E4%E5%F0%E0%F6%E8%E8> (data obrashcheniya: 07.10.2021).
6. Sajfutdinova V. M. *Sovet Federacii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii: specifika i perspektivy* / V. M. Sajfutdinova // *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. – 2017 g. – S. 34-42.
7. Bulakov O. N. *Bikameralizm kak strukturnaya organizaciya sovremennogo parlamenta* / O. N. Bulakov // *ZHurnal «PolitBook»*. – 2013 g. – S. 99-107.
8. Bulakov O. N. *K voprosu o deyatelnosti parlamenta v Rossijskoj Federacii* / O. N. Bulakov // *Pro-bely v rossijskom zakonodatel'stve*. *YUridicheskij zhurnal*. – 2013 g. – S. 9-11.
9. Malinovskaya A. D. *Preimushchestva i nedostatki dvuhpalatnoj struktury rossijskogo parlamenta* / A. D. Malinovskaya // *Vestnik MGIMO*. – 2020 g. – S. 8-22.
10. Ryzhonkova E. A. *Osobennosti pravovogo statusa chlenov verhnih palat parlamentov zarubezhnyh federativnyh gosudarstv na primere SSHA* / E. A. Ryzhonkova // *Otechestvennaya yurisprudenciya*. – 2016 g. – S. 82-88.

УДК 342.7

**ПРАВOTORЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ
КАРАСУБАЗАРА ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО
УПОРЯДОЧЕНИЮ ТОРГОВЛИ В ГОРОДЕ ПОД РУКОВОДСТВОМ
ЗАСТУПАЮЩЕГО МЕСТО ГОРОДСКОГО ГОЛОВЫ
РЕШИДА МЕДИЕВА**

Хаяли Б. Р.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье впервые на основе правового анализа архивных документов, рассматривается правотворческая работа городской думы Карасубазара Таврической губернии под руководством заступающего место городского головы Решид Медиева по упорядочению торговли на основе действующего законодательства. Обязательные постановления, разработанные городской управой и принятые городской думой, с последующим утверждением Таврическим по земским и городским делам присутствия под руководством губернатора отвечали экономическим и социальным потребностям города.

Сделан вывод, что правотворческая деятельность городской управы и городской думы отличались ясностью предписываемых установлений, лаконичностью, простотой и последовательностью изложения.

Ключевые слова: правотворчество, городская управа, городская дума, обязательные постановления, Решид Медиев.

Правотворчество – термин, который можно рассмотреть в широком и узком смысле. В широком смысле правотворчество – это деятельность компетентных органов, направленная на создание, изменение, прекращение норм, нормативных правовых актов. В узком – деятельность по созданию юридических норм. Процессы правотворчества всегда отображают культурно-духовную составляющую общества, его менталитет. По мнению В. С. Нарсесянца, «Правоустановление – это форма (и направление) государственной деятельности, связанная с официальным выражением и закреплением норм права, которые составляют нормативно-правовое содержание всех действующих источников позитивного права» [1, с. 415].

В контексте проблематики научное осмысление правотворческой деятельности отдельных органов местного управления на примере Таврической губернии начала XX в. имеет теоретическое и практическое значение.

Депутат Государственной Думы второго созыва Решид Медиев после её роспуска, являясь членом Карасубазарской городской управы и занимая должность заступающего место городского головы, успешно проявил себя в правотворческой деятельности. Значительная часть правотворческой работы ложилась на плечи члена городской управы и заступающего место городского головы Р. Медиева. В статье за основу были взяты нормативно-правовые акты, подготовленные, рассмотренные, утвержденные и подписанные заступающим место городского головы Р. Медиевым.

Правотворческая работа городской думы под руководством Р. Медиева особенно проявилась, когда необходимо было принимать срочные меры по решению социально-экономических проблем. Например, сложные погодные условия зимой 1911 г. существенно ухудшили снабжение города продовольствием и топливом. В это время морозы в окрестностях города достигали 28° по Цельсию. Ввиду невозможности подвоза дров и угля на рынки Карасубазара население сильно бедствовало. В связи с этим в феврале Р.

Медиевым был разработан проект о воспрещении перекупщикам скупать продовольствие, уголь и дрова до 12 ч. дня, привозимые в город для продажи из других уездов с последующей розничной реализацией. 2 февраля 1911 г. чрезвычайное заседание городской думы утвердило это постановление. Дополнительно дума приняла решение закупить 20 000 пудов дров, из которых 10 000 пудов предполагалось бесплатно раздать горожанам, а оставшуюся часть продать по минимальной цене. Таврический губернатор поддержал решение думы, а также предписал полиции выявлять и привлекать к ответственности лиц, скупающих и перепродающих дрова, уголь по завышенным ценам [2, л. 16, 17, 18, 18 об.]. В результате городская дума за подписью Р. Медиева на основании ст. 108 Городового положения 1892 г. и ст. 424 Свода законов Российской империи, издания 1892 г. утвердила проект обязательных постановлений в следующем виде: «В городе Карасубазаре ежедневно до 12 часов дня скупка дров угля для раздробительной продажи воспрещается». Одновременно городская дума поручила городской управе выработать проект постановлений о воспрещении перекупщикам до определенного времени делать продовольственные запасы.

Дополнительно Карасубазарским органом местного самоуправления в это трудное время были предприняты усилия по стабилизации продовольственного рынка. В заседании 9 февраля 1911 г. на основании статьи 108 Городового положения 1892 г., а также на основании статей 11, 110, 111, 424 Свода законов, изданных в 1892 г. принимается решение, в соответствии с которым запрещалось спекулянтам и перекупщикам ежедневно до 10 ч. скупать съестные припасы как-то: овощи, молочные продукты, птицу и т.п., а также каменный, древесный уголь и дрова [3, л. 39].

В целях обеспечения бесперебойного снабжения города продовольствием, а также упорядочения торговли 7 февраля 1911 г. городская дума утвердила проект обязательных постановлений «Время открытия и закрытия торговых заведений в городе Карасубазаре», подготовленных временной комиссией городской управы. В частности, был установлен следующий порядок. 1) Всякого рода торговые заведения и также частные торговые заведения для продажи крепких напитков на вынос и торговля виноградными винами с собственных подвалов могут быть открыты в будние дни с 1 ноября по 1 марта с 8 ч. утра до 7 ч. вечера, а с 1 марта по 1 ноября с 7 ч. утра до 7 ч. вечера. Причем в последние восемь месяцев с 1 марта по 1 ноября торговля может производиться по понедельникам на два часа больше, то есть с 7 ч. утра до 9 ч. вечера, согласно нормам закона от 15 ноября 1906 г.

2) Торговля в указанных в § 1 торговых заведениях могла производиться с 10 ч. утра до 3 ч. полудня по воскресеньям и следующим праздничным дням: 1) Перенесением мощей Святого Николая Чудотворца 9 мая; 2) Святого апостола Петра и Павла 29 июня; 3) Усекновение главы Крестителя Иоанна 29 августа; 4) Святителя Николая Мирликийского 6 декабря; 5) второй день Святой Троицы и 6) Покров Пресвятыя Богородицы 1 октября В двенадцатые праздники, а именно 1) Рождество Пресвятой Богородицы 8 сентября, 2) введение в храм Пресвятой Богородицы 21 ноября. 3) Благовещение 25 марта, 4) Сретение Господне 2 февраля, 5) Преображение Господне 6 августа, 6) Вознесение Господне, 7) Пятидесятница, 8) Успения пресвятыя Богородицы 15 августа и 9) Воздвижение частного и животворящего Христа Господня 14 сентября торговля должна быть закрыта на целый день за исключением случаев, когда упомянутые праздничные дни приходятся на базарные дни в городе на понедельник и вторник. В последнем случае торговля может производиться с 10 часов утра до 3 часов дня. На Но-

вый год, три дня святой пасхи, первые дня Рождества Христова, первый день святой Троицы и Крещение Господне 6 января торговля не должна производиться. В последнее воскресенье перед праздниками Рождества Христова и Святой Пасхи торговля должна производиться полный день.

3) Торговля предметами продовольствия: овощами, фруктами, рыбой, а также торговля в мясных помещениях для продажи корма для скота может производиться с 1 марта по 1 ноября с 6 ч. утра до 8 ч. вечера, а с 1 ноября до 1 марта с 7 ч. утра до 8 ч. вечера. В примечании указывалось, что мучные лавки должны подчиняться правилам, изложенным в данных обязательных постановлениях.

4) Для кофеен, харчевней, кухмистерских, кондитерских, пекарен, ресторанов, трактиров и прочих заведений, торгующих напитками для употребления на месте, а также для купален и баров время открытия и закрытия не определяется, но в тех местах, если заведение открыто более 15 часов в сутки, владельцы заведений обязаны иметь непременно две смены служащих. В последнем случае они обязаны представить в городскую управу список служащих с подразделом их смены для работ. В примечании отмечалось, что трактирные заведения крепкими напитками могут быть открыты в праздничные и воскресные десятидневные дни с 11 ч. утра до 10 ч.

5) Время отпуска в училище служащих, не достигших 17 лет, в торговых заведениях определяется с 9 ч. утра до 16 ч. полудня. Причем время отпуска может быть изменено в каждом отдельном случае по требованию преподавателя училища, в котором обучается учащийся.

6) Работы в ремесленных заведениях могут производиться с 1 марта по 1 сентября с 7 ч. утра до 7 ч. вечера. Причем согласно правил закона от 15 ноября 1906 г., шубочники, шапочники, сапожники, производят работы на 2 ч. в сутки более сверх указанного времени в течение сентября, октября и ноября.

7) В ремесленных заведениях служащие в коих исключительно христиане день отдыха вместо воскресных и праздничных дней назначается: для мусульман по праздникам и в праздники: еженедельные пятницы, три дня Ораза-Байрам, четыре дня Курбан байрам и в Ашер Реджеб, Шабан и Рамазан, а для иудейского вероисповедания в праздники, в которые религией их воспрещалось. К ремесленным мастерским не относятся мастерские, в которых один ремесленник или кустарь трудится на себя не по найму и в зависимости по отношению продолжительности работы какой бы то ни было.

8) Цирюльни и парикмахерские подчиняются следующим постановлениям. Работу начинали в будние дни с 1 октября до 1 марта с 8 ч. утра и до 7 ч. вечера, а с 1 марта до 1 октября с 7 ч. утра до 7 ч. вечера. Во все субботние дни в течение всего года в предпраздничные дни работа может осуществляться до 14 ч. в день перед праздником Святой Пасхи, один день перед Рождеством Христова и один день до 12 ч. ночи перед мусульманскими праздниками. В воскресные дни и двенадцатые праздники цирюльни и парикмахерские могли быть открыты с 1 октября до 1 апреля с 8 ч. утра до 4 ч. дня, а с 1 апреля до 1 октября с 7 ч. утра до 3 ч. дня. За три дня до Рождества Христова все цирюльни и парикмахерские следовало закрывать. На служащих ремесленных заведений, не достигших 17 летнего возраста, распространялся п. 5 этих обязательных постановлений относительно отпуска их в школу. Служащим в рабочие дни отводилось полчаса на завтрак и полтора часа на обед [4, л. 39–40].

11 июня 1911 г. городской думой был заслушан доклад городской управы «О пересмотре обязательных постановлений и о времени открытия и закрытия торговых заве-

дений в городе Карасубазаре», так как по проекту постановления губернатором были вынесены замечания, которые были направлены в Думу ранее 26 мая за № 1280. Так, примечанием 1) к § 2 указанного постановления в последнее воскресенье перед праздниками Рождества Христова и Святой Пасхи торговля разрешалась целый день. Такое разрешение являлось незаконным, т.к. согласно закону с 12 сентября 1907 г., торговля в воскресные дни не могла разрешаться свыше 5 ч. в сутки [5, с. 568].

2) § 3 постановления – торговля предметами продовольствия мясом и кормом для скота из постоянных помещений разрешалась в течение 15 и 13 часов в сутки. Между тем такая торговля по силе статьи закона с 15 ноября 1906 г. не могла проводиться более 12 ч. в сутки. И лишь торговля предметами продовольствия, а также табаком и курительными принадлежностями в разнос и из передвижных посещений могла проводиться более указанного времени;

3) § 6 постановления разрешалось производство работ 2 ч. в сутки более сверх 12 ч. для шапочников, шубочников, медников и сапожников в течение сентября-ноября, т.е. 91 день, а для грабельников в течение апреля-июня, то есть в течение 91 дня, и для бондарей в течение августа-октября, т.е. в течение 92 дней. Между тем, согласно ст. 2 закона с 15 ноября 1906 г. увеличение работ на 2 часа в сутки могло быть разрешено не более 60 дней в году. По этим же основаниям неправильным являлся п. «а» § 8, в соответствии с которым разрешались работы в цирюльнях в течение 14 ч. во все субботные и все предпраздничные дни года, которых в году насчитывается свыше 60.

Пунктом «б» ст. 2 § 8 разрешалось производство работ в цирюльнях и парикмахерских до 12 ч. ночи (начало работы не указано) перед праздниками Рождества Христова, Святой Пасхи, Курбан байрам, и Ораза байрам. Такое неопределенное установление времени не могло быть допущено обязательными постановлениями, ввиду чего необходимо было определить начало работы. При этом продолжительность рабочего дня не должна была превышать 12 ч. обычных или 14 ч., если эти дни входили в 60 дней, в течение которых по ст. 2 закона с 15.11.1906 разрешалось на 2 ч. больше [6, л. 75–77]. Губернатор в своем обращении предложил учесть и исправить сделанные замечания.

1 июня 1911 г. городская дума рассмотрела замечания, сделанные губернатором, и внесла поправки в проект обязательных постановлений. Более обстоятельно с докладом по данному вопросу от комиссии по составлению обязательных постановлений выступил Р. Медиев. В частности, он подчеркнул, что те отклонения от закона, на которые указывает губернатор Таврической губернии в только что прочитанном предложении, не являлись желанием комиссии нарушить закон. Комиссия при посредстве городской управы собрала обширный материал, относящийся к действующим обязательным постановлениям. Докладчиком также было отмечено, что обязательные постановления являлись в целом компиляциями надлежаще утвержденных обязательных постановлений. Тем не менее, не желая далее затягивать решение важного для торговцев города вопроса, комиссия постановила о согласии с предложениями губернатора за исключением принятого (четвертого) пункта предложения [7, л. 77–78 об.].

Все конструктивные замечания губернской власти были исправлены городской управой и приняты городской думой.

Правотворческая работа, направленная на улучшение торговли в городе, продолжалась и в последующий период. Так, 20 сентября 1911 г. городская дума рассмотрела и приняла проект обязательных постановлений «Об устройстве и содержании пекарен, булочных и кондитерских» разработанный городской управой.

Согласно нему, все пекарни, кондитерские и булочные должны были иметь помещения: 1) для продажи хлеба; 2) для приготовления теста; 3) для выделки хлеба и прочих изделий, где могла находиться печь; 4) для склада муки и 5) для рабочих. При всех пекарнях полагался двор, где имелись бы цементированная помойная и сорная яма, которая не должна была переполняться и помещение для складирования дров.

Помимо общих правил о соблюдении чистоты и опрятности во всех этих частях пекарня, кондитерские и булочные должны были удовлетворять следующим условиям: все помещения в пекарнях, булочных и кондитерских должны были быть светлыми (отношение световой площади к площади пола не менее 1/10 сухие и проветриваемые. Также они должны находиться от ям и выгребов на расстоянии не менее 5 сажень.

В комнатах, служащих для продажи и изготовления хлеба, стены и потолки полагалось содержать чисто выбеленными или выкрашенными масляной краской; полы полагались бетонные, или деревянные крашенные плотные, но не кирпичные и не земляные. Гладкие столы, полы и стойки, на которые складывался и продавался хлеб, полагалось покрывать светлой клеенкой. На их стойках запрещалось сидеть, ходить или вообще держать что-либо постороннее. Полки для склада хлеба должны были иметь или стеклянные двери, если встраиваться в виде шкафа, или же их следовало завешивать чистым полотенцем. Не дозволялось в помещениях служащих для выделки и продажи или для хранения муки держать одежду рабочих, спать, хранить и принимать пищу.

Жилое помещение для рабочих полагалось устраивать отдельно с отдельным же входом от пекарен, булочных и кондитерских. Оно должно было быть достаточное по размерам, содержать не менее 1 куб. сажени для каждого рабочего, светлое сухое и хорошо проветриваемое. Воду, используемую при хлебопечении, полагалось брать лишь из городского водопровода, но не речную; ее следовало содержать в чистых хорошо закрытых и опрятных бочках с крышками и кранами. Воду позволялось брать только через кран. При помещении для приготовления хлеба полагались умывальники и чистые полотенца для рабочих. Лопаты, доски для хлеба, корзины, формы, холсты и прочие принадлежности следовало содержать в постоянной чистоте и в опрятном месте.

Для отпуска кондитерских изделий полагалось иметь щипцы, плоские палочки или вилки. В кондитерских отпускающих чай, кофе шоколад и прохладные напитки – самовары, кастрюли, кофейники и пр. принадлежности полагалось содержать хорошо вылуженными и чистыми.

Материалы производства как-то мука, масло, варенье и т.п. полагалось использовать свежие и доброкачественные без примесей. Назначенные в продажу изделия – хлеб, бублики, пирожное, морсы и прочее, следовало выпекать и готовить согласно установленному весу и соответствовать своему торговому наименованию.

Владельцы булочных, кондитерских и пекарен обязаны были следить за чистотой помещений и рабочих; не допускать в число рабочих людей с кожными болезнями и вообще больных острыми и хроническими заболеваниями. Владельцы перечисленных в п. 20 заведений должны иметь особую книжку, скрепленную городской управой, в которую вносились отметки санитарной службы о посещениях и результатах осмотра [8, л. 82, 82 об., 83]. Активная правотворческая работа городской управы и городской думы по упорядочению торговли в городе на основе продолжалась и в 1912 г. Так, 12 января 1912 г. городская управа предложила собранию городской думы, дополнить обязательные постановления о порядке убоя скота и содержания бойни в Карасубазаре, принятые думой 20 сентября 1911 г. Так, были предложены следующие требова-

ния: мясные продукты, привозимые в город в изготовленном виде как-то: солонина, ветчина соленая, копчена и прочее, до допущения их в продажу, следовало предъявлять на смотровом пункте городскому санитарному, а за отсутствием последнего ветеринарному врачу для освидетельствования и взвешивания [9, л. 15 – 15 об.].

Таким образом, правотворческая деятельность городской думы Карасубазара под руководством заступающего место городского головы Решид Медиева была направлена на изучение проблем городской жизни, социально ориентированной, учитывала социальные, экономические потребности горожан, их культурные и конфессиональные особенности, способствуя развитию инфраструктуры города и улучшению качества обслуживания. Принимаемые обязательные постановления думой по форме и содержанию излагались строго в соответствии с нормативными требованиями. При этом важно отметить, что городская дума оперативно реагировала на замечания губернской власти, отстаивая интересы горожан.

Список литературы:

1. Нарсесянц В. С. Общая теория права и государства. Учебник для юридических вузов и факультетов. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1999. С. 415.
2. ГАРК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 185. Л. 16–17, 18, 18 об.
3. ГАРК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 67. Л. 39.
4. ГАРК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 67. Л. 39–40.
5. Речь идет об указе от 12 сентября 1907 г. «Об изменениях статей 5. 6 и 9 Высочайше утвержденного 15 ноября 1906 г. Положения «Об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах, конторах»» Полное собрание законов. Собр. 3. Т. 27. Спб., 1910. № 29555. С. 568.
6. ГАРК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 67. Л. 75 – 77.
7. ГАРК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 67. Л. 77–78 об.
8. ГАРК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 67. Л. 82, 82 об., 83.
9. ГАРК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 185. Л. 15–15 об.

Khayali B. R. Law-making activity of the city дума of Karasubazar of the tauric province on organizing trade in the city under the direction of an emerging city head Resida Medieva // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 39-44.

In the article, on the basis of normative legal acts, the law-making work of the city дума of Karasubazar of the Tauride province under the leadership of the interceding mayor Reshid Mediev to streamline trade on the basis of the current legislation is considered. Mandatory resolutions developed by the city government and adopted by the city дума, followed by the approval of the Taurida regional and city affairs presence under the leadership of the governor, met the economic and social needs of the city.

The article concludes that the law-making activities of the city government and the city дума were distinguished by the clarity of the prescribed regulations, brevity, simplicity and consistency of presentation, which is evidenced by the high legal technique.

Key words: lawmaking, city government, city дума, binding regulations, Reshid Mediev.

Spisok literary:

1. Narsesyanc V. S. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva. Uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov i fakul'tetov. – M.: Izdatel'skaya gruppa NORMA-INFRA, 1999. S. 415.
 2. GARK. F. 42. Op. 1. D. 185. L. 16–17, 18, 18 ob.
 3. GARK. F. 42. Op. 1. D. 67. L. 39.
 4. GARK. F. 42. Op. 1. D. 67. L. 39–40.
 5. Rech' idet ob ukaze ot 12 sentyabrya 1907 g. «Ob izmeneniyah statej 5. 6 i 9 Vysochajshe utverzhennogo 15 noyabrya 1906 g. Polozheniya «Ob obespechenii normal'nogo otdyha sluzhashchih v trgovykh zavedeniyah, skladah, kontorah»» Polnoe sobranie zakonov. Sobr. 3. T. 27. Spb., 1910. № 29555. S. 568.
 6. GARK. F. 42. Op. 1. D. 67. L. 75 – 77.
 7. GARK. F. 42. Op. 1. D. 67. L. 77–78 ob.
 8. GARK. F. 42. Op. 1. D. 67. L. 82, 82 ob., 83.
 9. GARK. F. 42. Op. 1. D. 185. L. 15–15 ob.
- .

УДК 340.1

К ВОПРОСУ О НОРМАТИВНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ КАК ОСНОВЫ КОМСОМОЛЬСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Чуева И. А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В рамках статьи осуществляется анализ проблематики нормативного правового регулирования советской молодежной политики как базиса, основы для функционирования комсомольского движения. Также автор затрагивает вопросы взаимовлияния и взаимодействия партии и комсомола, анализирует состояние советского молодежного законодательства с учетом особенностей советской правовой системы на каждом этапе ее развития.

Ключевые слова: правовое регулирование, молодежь, молодежная политика, социалистическое право, комсомол, советское законодательство.

Комсомольское движение невозможно рассматривать в отрыве от молодежной политики, проводимой в советском государстве. Комсомол являлся главным связующим звеном между молодежью, государством и партией, фактически единственной организацией, консолидирующей любого вида общественно значимую активность в молодежной среде. Уже в первые послереволюционные годы обозначилась тенденция особой поддержки молодежного движения со стороны партии – молодежь стала одним из ключевых элементов в строительстве нового советского общества и уже не могла функционировать «вне поля зрения» партийного аппарата, а в 30-е годы в руководстве и контроле партии за деятельностью молодежи сложились и утвердились принципы, вовсе исключавшие политическую и организационную самостоятельность комсомола [1, с. 2].

Л.С. Цветлюк, говоря о взаимодействии партии и комсомола, отмечала следующее: «...компартия впервые в мировой практике выработала принципы партийного руководства комсомолом, которые привели общественную, самодеятельную и организационно самостоятельную организацию фактически к организации при партии, действовавшую по ее предписаниям, выполнявшую роль подсобной организации. Вместе с тем в существовавшей политической системе в партийном руководстве действительно был залог успехов деятельности комсомола, его существенной роли в политической системе...» [1, с. 6]. При этом исследователь использует понятие «государственно-партийная» молодежная политика, обозначая особую, определяющую роль партии в структуре советского государства, комсомол же автор определяет как «общественно-политический институт». Профессор отмечает, что «...принципиальное отличие политики государства и компартии было в том, что государство акцентирует свое внимание прежде всего на решении конкретных молодежных проблем в области труда, образования, быта, а партия – на вопросы воспитания молодежи и мобилизацию ее на участие в строительстве нового общества. Молодежная политика компартии стала формироваться уже с начала XX века...» [1, с. 32-33].

Несмотря на существенную степень встроенности комсомола в государственную и партийную структуру, профессор Б.А. Ручкин все же подчеркивает, что «комсомол был суперорганизацией», и неверно рассматривать его как неформальное министерство [2, с. 76].

Рассмотрим детальнее процедуру правового регулирования молодежной политики в советский период, а также вопрос о правовом статусе комсомольской организации как таковой.

Государственная молодежная политика, по мнению А.В. Кочеткова, должна рассматриваться как особое социально-правовое явление, при этом «...правоотношения в данной сфере относятся к публичному праву и связаны с особенностями реализации конституционных прав и свобод молодого человека и гражданина, его местом в государстве и деятельностью органов власти по созданию условий для социального развития молодежи...» [3, с. 25]. Вопросы определения направлений молодежной политики (как и любой государственной политики) входили в компетенцию коммунистической партии, получали соответствующее закрепление в постановлениях пленумов партии и в материалах съездов, а в последующем реализовывались в деятельности комсомольской организации (предварительно отражаясь в комсомольских актах). Органы государственной власти также в полной мере основывали свою деятельность на партийной повестке при принятии нормативных документов в сфере работы с молодежью [3, с. 25].

Основа для молодежной политики формируется уже в 1918-1935 гг., несмотря на то, что сам термин «молодежь» не был закреплён в первых союзных и российских конституциях. В данный период времени разрабатываются основные направления коммунистического воспитания молодежи, принимаются первые акты, устанавливающие систему практиканства, улучшение условий труда на производстве для молодых кадров, ликвидацию безграмотности и беспризорности, оформляется статус комсомола как единой молодежной организации, «...выполнявшей под руководством компартии государственные задачи в отношении всей молодежи и получившей особые полномочия по представительству ее законных интересов...» [3, с. 28].

В Конституции СССР 1936 г. (ст. 126) в соответствии с интересами трудящихся и в целях развития организационной самостоятельности и политической активности народных масс закреплялось право граждан на молодежные объединения, также организации молодежи получили право выставления кандидатов на выборы депутатов в Советы всех уровней (ст. 141). Конституция 1977 г. укрепила статус молодежи – было зафиксировано, что ВЛКСМ в соответствии со своими уставными задачами участвует в управлении государственными и общественными делами, в решении политических, хозяйственных и социально-культурных вопросов (ст. 7), отмечено, что в СССР существует и совершенствуется единая система народного образования, которая обеспечивает общеобразовательную и профессиональную подготовку граждан, служит коммунистическому воспитанию, духовному и физическому развитию молодежи, готовит ее к труду и общественной деятельности (ст. 25), а также расширено содержание норм о доступности (бесплатности) всех форм образования для советской молодежи (ст. 45).

В 60-е и 70-е годы дважды предпринималась попытка принять единый закон о молодежи (законопроекты «О повышении роли советской молодежи и молодежных организаций в государственном, хозяйственном и социально-культурном строи-

тельстве» 1967 г. и «О повышении роли советской молодежи и молодежных организаций в коммунистическом строительстве» 1977 г.), также была оформлена правовая база для функционирования специализированных комиссий по делам молодежи в Советах всех уровней, более подробно урегулированы вопросы образования и режима труда молодежи и подростков, помощи молодым семьям, расширены экономические возможности комсомола и т.д. [3, с. 28]

Первый полноценный советский молодежный закон был введен в действие 1 июля 1991 г. (Закон СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР») и закреплял принципы государственной молодежной политики, разграничение компетенций СССР и союзных республик в данной области, определял взаимодействие внутреннего законодательства о государственной молодежной и международных договоров, содержал развернутые гарантии правовой и социальной защищенности молодежи, регламентировал организационные основы осуществления государственной молодежной политики в СССР (в т.ч. правовой статус государственной и социальных служб по делам молодежи, компенсационных молодежных фондов), а также определял основы правового статуса молодежных организаций в СССР. Согласно Закону, общесоюзные и республиканские органы молодежных организаций, если иное не было предусмотрено законодательством республик для этих республиканских органов, обладали правом законодательной инициативы в высших органах государственной власти Союза ССР и республик, а по вопросам осуществления прав молодежи, охватываемым уставными задачами молодежных организаций, органы государственного управления могли принимать решения только после проведения предварительных консультаций с руководящими органами соответствующей молодежной организации. Любые решения по вопросам деятельности молодежной организации органами государственного управления должны были приниматься при обязательном участии представителей руководящего органа молодежной организации [4].

Нельзя не отметить, что в целом для Закона 1991 г. была характерна достаточно детальная и подробная проработка мер реализации государственной молодежной политики, были затронуты существенные социальные, экономические и политические аспекты. В.В. Нехаев в исследовании, посвященном правовому обеспечению государственной молодежной политики, дает следующую характеристику указанному акту: «...Закон СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» (1991 г.) явился прорывом в отечественном законодательстве, стал первым специальным законом о молодежной политике. Этот правовой акт был фундаментально разработан, в нем получили отражение важнейшие теоретические положения государственной молодежной политики, использован передовой зарубежный опыт. Вместе с тем реализация закона предполагала значительную работу по внесению изменений и дополнений в иные законодательные акты, которая не была завершена. Правовые нормы, введенные законом, во многом и сегодня являются своего рода образцом законодательной техники...» [5].

Для сравнения, в современной России разработка консолидированного акта в сфере молодежной политики завершилась в 2020 году принятием Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», который незамедлительно подвергся критике со стороны научного сообщества: «...закон носит декларативный и бессистемный характер и представляет собой

документ без внятной концептуальной основы и системного понятийного аппарата, далекий от научных представлений и имеющихся научных разработок...» [6].

Таким образом, в советский период был сформирован первый опыт создания единой государственной молодежной политики, создана правовая база, отличавшаяся детальной проработкой и подробно регулировавшая правовой статус советской молодежи. Несмотря на тот факт, что первый советский консолидированный законодательный акт о молодежи появился только в 1991 г., уже в первые годы возникновения советского государства партийное руководство выделяло молодежь как ключевую основу создания общества «нового типа», что обуславливало необходимость создания единой, масштабной организации, обладающей достаточными ресурсами для объединения советской молодежи – такой организацией и стал комсомол.

Список литературы

1. Цветлюк Л.С. Политика компартии и государства по привлечению молодежи к строительству социалистического общества : 1917-1941 годы : автореферат дис. ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Цветлюк Л.С. – Москва, 2006. – 40 с.
2. Ручкин Б.А. Комсомол уроки прошлого и опыт для будущего молодежного движения // Комсомолу-80. – Москва, 1999. – С. 76-81.
3. Кочетков А.В. Теория правового регулирования государственной молодежной политики в России : автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.01 / Кочетков А.В. – Санкт-Петербург, 2010. – 64 с.
4. О введении в действие Закона СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР: Постановление Верховного Совета СССР от 16 апреля 1991 г. №2115-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 19.
5. Нехаев В.В. Правовое обеспечение государственной молодежной политики России : середина 1980-х-1993 годы : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.0 / В.В. Нехаев. – Москва, 2006. – 29 с.

Chueva I.A. On the issue of legal regulation of the soviet youth policy as the basis of the Komsomol movement // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 45-48.

The article analyzes the problems of normative legal regulation of the Soviet youth policy as the basis for the functioning of the Komsomol movement. The author also touches upon the issues of mutual influence and interaction between the party and the Komsomol, analyzes the state of Soviet youth legislation, taking into account the peculiarities of the Soviet legal system at each stage of its development.

Keywords: legal regulation, youth, youth policy, socialist law, Komsomol, Soviet legislation.

Spisok literatury

1. Cvetlyuk L.S. Politika kompartii i gosudarstva po privlecheniyu molodezhi k stroitel'stvu socialisticheskogo obshchestva : 1917-1941 gody : avtoreferat dis. ... doktora istoricheskikh nauk : 07.00.02 / Cvetlyuk L.S. – Moskva, 2006. – 40 s.
2. Ruchkin B.A. Komsomol uroki proshlogo i opyt dlya budushchego molodezhnogo dvizheniya // Komsomolu-80. – Moskva, 1999. – S. 76-81.
3. Kochetkov A.V. Teoriya pravovogo regulirovaniya gosudarstvennoj molodezhnoj politiki v Rossii : avtoreferat dis. ... doktora yuridicheskikh nauk : 12.00.01 / Kochetkov A.V. – Sankt-Peterburg, 2010. – 64 s.
4. O vvedenii v dejstvie Zakona SSSR «Ob obshchih nachalah gosudarstvennoj molodezhnoj politiki v SSSR: Postanovlenie Verhovnogo Soveta SSSR ot 16 aprelya 1991 g. №2115-1 // Vedomosti S'ezda narodnykh deputatov SSSR i Verhovnogo Soveta SSSR. 1991. № 19.
5. Nekhaev V.V. Pravovoe obespechenie gosudarstvennoj molodezhnoj politiki Rossii : seredina 1980-h-1993 gody : avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk : 12.00.0 / V.V. Nekhaev. – Moskva, 2006. – 29 s.

УДК 34

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКИХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В УСЛОВИЯХ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ СССР

Яковец Е. Н., Журавленко Н. И., Ожиганова М. И.

В статье рассматривается деятельность советских правоохранительных органов в условиях различных чрезвычайных обстоятельств – техногенных катастроф, стихийных бедствий, массовых беспорядков и др. Показана роль сотрудников органов внутренних дел в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, землетрясения в Спитаке и других масштабных бедствий. При всей тяжести случившегося причиненный ущерб удалось минимизировать в решающей степени благодаря мужеству и мастерству многих сотрудников органов внутренних дел, их верности своему долгу и слаженности действий. При этом авторы доказывают, что трагические последствия аварии в Чернобыле во многом были усугублены несвоевременным информированием населения о масштабах произошедшей катастрофы.

Еще одно важнейшее направление деятельности советской милиции было связано с локализацией межнациональных конфликтов. В рассматриваемый период открыто националистические формы приняли выступления в республиках Прибалтики, на Украине, в Белоруссии, в Армении и Азербайджане (из-за Нагорного Карабаха – территории, населенной по преимуществу армянами, но находившейся в составе АзССР), в Абхазии, в Узбекистане, в Казахстане и в Грузии. В статье показана роль в раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых в районах межнациональных конфликтов, следственно-оперативных групп Генеральной прокуратуры и МВД СССР, сформированных из сотрудников правоохранительных органов – представителей различных регионов Советского Союза. Помимо следственно-оперативных бригад, расследовавших убийства на межнациональной почве, в зонах конфликтов были расквартированы сводные отряды милиции, состоявшие из представителей различных служб, которые поддерживали общественный порядок в местах массовых разрушений, а также охраняли от мародеров имущество опустевших населенных пунктов.

Ключевые слова: чрезвычайные обстоятельства, техногенная катастрофа, Чернобыль, землетрясение, межнациональные конфликты, Нагорный Карабах, общественный порядок, укрепление законности, охрана правопорядка, следственно-оперативная бригада, расследование убийств на межнациональной почве, органы государственной безопасности.

В период, предшествовавший развалу СССР, милиции достаточно часто приходилось действовать в условиях различного рода чрезвычайных обстоятельств – техногенных катастроф, стихийных бедствий, массовых беспорядков и т.д. Большой опыт использования сил и средств органов внутренних дел в этих условиях был получен при ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, землетрясения в армянском городе Спитаке и других масштабных бедствий [1, с.46-48]. Ветераны органов внутренних дел, побывавшие, например, в Чернобыле, отмечают, что к числу важнейших вопросов, решавшихся в данной чрезвычайной ситуации, наряду с оптимальным подбором и расстановкой кадров, относились: организация информационно-воспитательной работы с личным составом, морально-психологическое обеспечение действий сотрудников, нравственная закалка молодых, не «обстрелянных» в экстремальных условиях сотрудников, пропаганда героических и самоотверженных действий участников ликвидации последствий аварии и т.п. [2, с. 14].

С полным основанием можно утверждать, что при всей тяжести случившегося причиненный ущерб удалось минимизировать в решающей степени благодаря мужеству и мастерству многих сотрудников органов внутренних дел, их верности своему долгу и слаженности действий [3, с. 376].

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что трагические последствия в Чернобыле во многом были усугублены несвоевременным информированием населения о масштабах катастрофы, произошедшей на берегах Припяти. Причиной этого явилась искусственная, ничем не оправданная секретность, несовместимая с понятием информационной безопасности, которая в конечном итоге привела к большим человеческим жертвам среди населения, оказавшегося в зоне поражения. О реальных масштабах трагедии, разыгравшейся 26 апреля 1986 г. на Чернобыльской атомной электростанции, стало известно лишь спустя длительный период времени, уже после празднования очередного Первомая.

Первое сообщение об аварии на Чернобыльской АЭС появилось в советских средствах массовой информации 27 апреля, через 36 ч. после взрыва на четвертом реакторе. Центральные газеты и телевидение хранили полное молчание до тех пор, пока о серьезной атомной катастрофе на территории Советского Союза не заговорили западные СМИ. 28 апреля 1986 г. ТАСС передал краткое информационное сообщение следующего содержания: «На Чернобыльской атомной электростанции произошел несчастный случай. Один из реакторов получил повреждение. Принимаются меры с целью устранения последствий инцидента. Пострадавшим оказана необходимая помощь. Создана правительственная комиссия для расследования происшедшего» [4].

Ни 26, ни 27 апреля о существовавшей опасности местных жителей не предупреждали и никаких рекомендаций о том, как следует вести себя, чтобы уменьшить влияние радиоактивного заражения, им не давали. В то время как многие иностранные средства массовой информации говорили об угрозе для жизни людей, а на экранах телевизоров демонстрировалась карта воздушных потоков в Центральной и Восточной Европе, в Киеве и других городах Украины, а также в Белоруссии проводились праздничные демонстрации и гуляния, посвященные Первомая. Лица, ответственные за сокрытие данной информации, объясняли впоследствии свое решение необходимостью предотвратить панику среди населения [5, с. 26]. Первый секретарь коммунистической партии Украины В.В. Щербицкий, организовавший проведение в Киеве первомайской демонстрации, даже привел на торжества своих внуков [6].

М.С. Горбачёв отмечал впоследствии следующее: «Первая информация появилась в газете «Правда» 28 апреля, но для содержательного, осмысленного обращения к народу мне нужна была более точная и обстоятельная информация. Поэтому я и прождал почти три недели, прежде чем обратиться к народу. Возьмите недавнее землетрясение в Пакистане – сколько недель потребовалось, чтобы оценить его последствия? А ведь чернобыльская ситуация была гораздо сложнее» [7].

В данной ситуации пострадавшие явились заложниками чрезмерного насаждения секретности. Оборот сведений, относившихся к государственной и служебной тайне, в тот период основывался на разрешительном принципе права, поскольку большая их часть подпадала под определенные ограничительные режимы, а решение о допуске (или запрете допуска) к соответствующей информации в каждом кон-

кретном случае принимало соответствующее должностное лицо [8, с. 18]. Это к вопросу о «гласности», которая призвана была самым тесным образом способствовать осуществлению «перестройки».

Еще одно важнейшее направление деятельности советской милиции было связано с локализацией межнациональных конфликтов. В рассматриваемый период открыто националистические формы приняли выступления в республиках Прибалтики, на Украине и в Белоруссии. «Подогретая» националистами общественность, возглавляемая народными фронтами, требовала обнародования советско-германских договоров 1939 г., публикации документов о депортациях населения из прибалтийских государств, западных районов Украины и Белоруссии в период коллективизации, о массовых захоронениях жертв репрессий под Куропатами (Белоруссия) и др.

В 1988 г. начались военные действия между Арменией и Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха – территории, населенной по преимуществу армянами, но находившейся в составе АзССР. Вооруженный конфликт между узбеками и турками-месхетинцами вспыхнул в Фергане. Очагом межнациональных столкновений стал Новый Узень (Казахстан). Появление тысяч беженцев: таков был один из результатов происшедших конфликтов.

За пересмотр статуса Абхазской АССР и выделение ее из состава Грузии выступило абхазское население [9, с. 20]. В апреле 1989 г. в течение нескольких дней проходили массовые демонстрации в Тбилиси. Главными требованиями демонстрантов являлись проведение демократических реформ и выход Грузии из состава Советского Союза [10, с. 346].

Рассмотрим наиболее типичные формы противодействия правоохранительных органов экстремистам в этих условиях. Наиболее масштабным в тот период явился армяно-азербайджанский конфликт, начавшийся в 1987 г. и, по сути, продолжающийся до сих пор. Инициировало его противостояние между жителями армянского села Чардахлы Шамхорского района и первым секретарем Шамхорского райкома Компартии Азербайджана М. Асадовым, возникшее из-за увольнения директора местного совхоза – армянина по национальности. 18 октября в ереванском парке им. А.С. Пушкина прошла посвященная этим событиям акция протеста, организованная одним из основателей Карабахского движения И. Мурадяном. В ней участвовало всего около 250 человек. 1 декабря несколько десятков протестовавших жителей были избиты и задержаны милицией, в связи с чем пострадавшие обратились в Генпрокуратуру СССР.

Одновременно в Нагорном Карабахе и Армении начал проводиться массовый сбор подписей под воззванием о передаче Нагорного Карабаха в состав Армянской ССР, который его организаторы называли «референдумом». 1 декабря делегация карабахских армян передала подписи, письма и требования на этот счет в приемную ЦК КПСС в Москве. Как утверждают различные источники, под обращением к советским властям поставили свои подписи 75–80 тыс. человек [11].

Межобщинный конфликт, имевший давние исторические корни и тлевший долгие годы, приобрел в связи с этими событиями новую остроту. В годы «перестройки» в Армении и Азербайджане произошел резкий всплеск националистических движений, подогреваемый внешними силами. К ноябрю – декабрю 1988 г. в этот межэтнический конфликт, как отмечал А.Н. Ямсков, оказалось вовлечено большинство жителей обеих республик, и он фактически перерос рамки локальной пробле-

мы Нагорного Карабаха, превратившись в «открытую межнациональную конфронтацию», которую лишь на время приостановило Спитакское землетрясение, произошедшее 7 декабря 1988 года [12, с. 168].

Острота конфликта достигла таких пределов, что в него были вовлечены партийные и советские работники, сотрудники правоохранительных органов, которые открыто поддерживали в своих республиках представителей титульной нации, всячески попирая права и законные интересы противоположной стороны.

Резко обозначилось информационное противостояние двух народов. Оно началось с обмена претензиями между главной областной газетой НКАО и республиканскими СМИ Азербайджана. В репортаже с общего собрания коммунистов аппарата областного совета профсоюзов, где обсуждалось обращение М.С. Горбачёва, республиканские СМИ подверглись обвинениям в тенденциозной трактовке событий, происходивших в Нагорном Карабахе, и подтасовке фактов [11]. Авторы появившейся публикации фактически призвали газету «Советский Карабах» к началу информационной войны с республиканскими СМИ, к полному и окончательному переходу на националистические позиции, чтобы «голос карабахцев дошел до мудрого руководства нашей партии без искажений» [13, с. 243].

В тот период в Азербайджане проживало достаточно много армян, а в Армении – азербайджанцев. Под влиянием развернувшейся националистической пропаганды представители «нетитульной» нации в каждой из республик начали выдавливаться за их пределы. Причем, эти процессы, как в Армении, так и в Азербайджане происходили практически синхронно и с поразительной точностью копировали друг друга. Большие массы вынужденных переселенцев пришли в движение. Люди изгонялись из родных мест, где их предки проживали веками.

Первые беженцы-азербайджанцы начали прибывать в Азербайджан из Кафанского и Мегринского районов Армянской ССР в январе 1988 г. Их приток резко возрос после сумгаитских событий (беспорядков на этнической почве в городе Сумгаите Азербайджанской ССР 27–29 февраля 1988 г.), сопровождавшихся массовым насилием в отношении армян, грабежами, убийствами, поджогами и уничтожением их имущества.

После Сумгаита стало ясно, что пути назад уже нет, тем более что представители советской власти на местах проявляли в подобных ситуациях крайнюю нерешительность, а порой и преступное бездействие. Для армян Сумгаит стал напоминанием о геноциде в годы Первой мировой войны. Азербайджанцы в их сознании отождествлялись с войсками Оттоманской империи. И до Сумгаита армяне изгоняли азербайджанцев за пределы своей республики, но теперь они стали выдвирать их систематически и целенаправленно, в том числе и из районов Арарата, Зангезура и др., где азербайджанцы традиционно проживали компактными группами [14].

Порой делалось это с чрезмерной жестокостью. Так, в один из дней лета 1988 г. в села Курсали и Арчут Спитакского района Армении, где проживали преимущественно азербайджанцы, прибыли колонны автобусов под началом руководителей местных партийных и советских органов с большой группой поддержки из числа работников правоохранительных структур. Жителям в категоричной форме было предложено в течение двух часов погрузиться в автобусы и, имея на руках документы, удостоверяющие личность, выехать в Азербайджан. С собой можно было захва-

тить лишь вещи первой необходимости. Весь скот, недвижимое и нажитое трудом многих поколений имущество оставалось в Армении.

Путь колонны должен был пролегать через горные села в направлении армяно-азербайджанской границы. Причем, автобусы сопровождали военнослужащие Советской армии, а в голове и хвосте колонны шла тяжелая бронетехника.

Однако опережали эту колонну на легковых автомашинах представители комитета «Карабах» (к этому времени данное националистическое объединение в основном состояло из представителей ереванской интеллигенции), которые призывали население армянских сел, расположенных по пути следования автобусов, с оружием в руках расправляться с азербайджанцами, и так насильно выдворяемыми из республики [11].

В результате толпы сельских жителей армянской национальности, введенных ораторами буквально в состояние транса, выходили на дорогу и расстреливали из огнестрельного оружия проезжавшие автобусы. Погибло немало мирных граждан – в основном женщин, стариков и детей. Военные, сопровождавшие колонну, не получали приказа вмешиваться в происходящие события. Подобные случаи имели место и в других районах Армении.

Раскрытием и расследованием таких преступлений занималась следственно-оперативная группа Генеральной прокуратуры и МВД СССР, представители которой трудились на территории обеих враждовавших между собой республик. Эта группа формировалась из сотрудников правоохранительных органов – представителей различных регионов Советского Союза. В некоторых районах Армении и Азербайджана было введено особое положение, которое поддерживалось подразделениями Советской Армии.

Как уже отмечалось, на территории Армянской ССР ситуацию осложняли последствия землетрясения, которое стерло с лица земли ряд городов и сел. Помимо следственно-оперативных бригад, расследовавших убийства на межнациональной почве, в республике были расквартированы сводные отряды милиции, состоявшие из представителей различных служб, которые поддерживали общественный порядок в местах массовых разрушений, а также охраняли от мародеров имущество опустевших азербайджанских сел.

Сотрудники местных органов милиции относились к своим коллегам из других республик (в основном – России) весьма настороженно. Порой с их стороны предпринималось даже скрытое противодействие. В этой связи армянская милиция доверяем у сотрудников следственно-оперативной группы также не пользовалась. Поэтому работа по раскрытию указанных преступлений в большинстве случаев осуществлялась вслепую и была малоэффективной. Своего автотранспорта для поездок по республике и за ее пределы у оперативно-следственных бригад не было. Ежедневно по договоренности с местными органами власти для их обслуживания на безвозмездной основе выделялось по несколько легковых такси. Естественно, таксисты вели активное наблюдение за ними и, по всей видимости, ежедневно отчитывались о своих поездках перед соответствующими инстанциями. Таким образом, практически вся работа, выполнявшаяся членами указанной следственно-оперативной бригады, была на виду. За ее ходом и результатами внимательно наблюдали десятки заинтересованных посторонних глаз.

Единственным союзником прокурорско-милицейских следственно-оперативных групп в зоне межнациональных конфликтов являлись подразделения местных органов государственной безопасности. На них в полной мере можно было положиться в ходе организации оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, поскольку морально-психологические качества чекистов, заложенные в свое время Ф.Э. Дзержинским, были весьма устойчивы к коррозии, разъедавшей межнациональные отношения.

Впрочем, по всему чувствовалось, что ни центру, который двигался в сторону развала, ни тем более республикам, которые уверенно дрейфовали в сторону независимости, результаты раскрытия отмеченных выше резонансных преступлений были не нужны.

Список литературы:

1. Яковец Е.Н. Правовые основы обеспечения информационной безопасности Российской Федерации: Учебное пособие. – М.: Юрлитинформ. 2014. 332 с.
2. Яковец Е.Н. Правовые режимы распространения информации в исключительных ситуациях, представляющих угрозу безопасности Российской Федерации // Военно-юридический журнал. 2014. № 12. С. 12-16.
3. Калашников В.В., Кукушкин В.М. Организация кадрового обеспечения работы с личным составом органов внутренних дел при ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС // МВД: Подвиг в Чернобыле. М.: Академия управления МВД России, 1997. С. 374–395.
4. Ломкин А. Битва за Чернобыль. Катастрофа на АЭС показала несостоятельность советской пропаганды // Lenta.ru. 2006. 17 апреля // URL: <http://lenta.ru/articles/2006/04/17/smi/> (дата обращения: 09.11.2021).
5. Орлов П.С., Войханский В.О., Колесниченко П.Л., Базанов С.В. Авария на Чернобыльской атомной электростанции: причины и последствия // Бривитер: коротко о главном. 2008. № 1. С. 24-27.
6. Авария на Чернобыльской АЭС: материалы из Википедии – свободной энциклопедии // URL: <http://ru.wikipedia.org/>... (дата обращения: 09.11.2021).
7. Михаил Горбачёв об аварии в Чернобыле // Би-Би-Си. 2006. 24 апреля //URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_4936000/4936186.stm (дата обращения: 08.12.2021).
8. Смирнова А.Н., Яковец Е.Н. Нормативное регулирование оборота сведений, составляющих служебную тайну // Информационное право. № 4. 2009. С. 16-20.
9. Ахметов У.Ф., Миннуллин Н.А., Хайбуллина А.Р. Межнациональные конфликты в СССР // Сборник трудов 7-й Международной научной конференции. – Курск: Юго-Западный государственный университет. 2019. С. 19-21.
10. Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Проспект», 2011. 528 с.
11. Карабахский конфликт: материалы из Википедии – свободной энциклопедии // URL: <http://ru.wikipedia.org/>... (дата обращения: 07.10.2021).
12. Ямсков А.Н. Нагорный Карабах: Анализ причин и путей решения межнационального конфликта. // Национальные процессы в СССР. М.: Наука, 1991. С. 165-186.
13. Юматов К.В. Роль газеты «Советский Карабах» в формировании армяно-азербайджанского противостояния в Нагорном Карабахе (февраль – март 1988 г.) // Известия Томского политехнического университета. 2012. № 6. Т. 321. С. 240–244.
14. Сумгаитский погром: материалы из Википедии – свободной энциклопедии // URL: <http://ru.wikipedia.org/>... (дата обращения: 07.11.2021).

Yakovets E.N., Zhuravlenko N. I., Ozhiganova M. I. Activities of soviet law enforcement bodies under exclusive legal regimes in the last years of the USSR // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 49-55.

The article examines the activities of Soviet law enforcement agencies in various emergency conditions - man-made disasters, natural disasters, riots, etc. The role of employees of the internal affairs bodies in eliminating the consequences of the Chernobyl accident, the earthquake in Spitak and other large-scale disasters is shown. Despite the gravity of the incident, the damage caused was minimized to a decisive extent

thanks to the courage and skill of many employees of the internal affairs bodies, their loyalty to their duty and coordination of actions. The authors argue that the tragic consequences of the Chernobyl accident were largely aggravated by untimely informing the population about the scale of the disaster.

Another important area of activity of the Soviet militia was associated with the localization of interethnic conflicts. During the period under review, openly nationalist forms took on performances in the Baltic republics, Ukraine, Belarus, Armenia and Azerbaijan (because of Nagorno-Karabakh - a territory populated mainly by Armenians, but which was part of the AzSSR), in Abkhazia, in Uzbekistan, in Kazakhstan and Georgia. The article shows the role of investigative teams of the General Prosecutor's Office and the USSR Ministry of Internal Affairs, formed from law enforcement officers - representatives of various regions of the Soviet Union, in the disclosure and investigation of crimes committed in areas of interethnic conflicts. In addition to the investigative and operational brigades that investigated murders on interethnic grounds, consolidated police detachments, consisting of representatives of various services, were quartered in the conflict zones, which maintained public order in places of mass destruction, and also protected the property of the deserted settlements from looters.

Key words: extraordinary circumstances, man-made disaster, Chernobyl, earthquake, interethnic conflicts, Nagorno-Karabakh, public order, strengthening the rule of law, law enforcement, investigative-operational brigade, investigation of murders on interethnic grounds, state security agencies.

Spisok literatury

1. YAKovec E.N. Pravovye osnovy obespecheniya informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: Uchebnoe posobie. – M.: YUrlitinform. 2014. 332 s.
2. YAKovec E.N. Pravovye rezhimy rasprostraneniya informacii v isklyuchitel'nyh situacijah, predstavlyayushchih ugrozu bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Voенno-yuridicheskij zhurnal. 2014. № 12. S. 12-16.
3. Kalashnikov V.V., Kukushkin V.M. Organizaciya kadrovogo obespecheniya raboty s lichnym sostavom organov vnutrennih del pri likvidacii posledstvij katastrofy na CHAES // MVD: Podvig v CHernobyle. M.: Akademiyaya upravleniya MVD Rossii, 1997. S. 374–395.
4. Lomkin A. Bitva za CHernobyl'. Katastrofa na AES pokazala nesostoyatel'nost' sovetskoj propagandy // Lenta.ru. 2006. 17 aprelya // URL: <http://lenta.ru/articles/2006/04/17/smi/> (data obrashcheniya: 09.11.2021).
5. Orlov P.S., Vojhanskij V.O., Kolesnichenko P.L., Bazanov S.V. Avariya na CHernobyl'skoj atomnoj elektrostancii: prichiny i posledstviya // Breviter: korotko o glavnom. 2008. № 1. S. 24-27.
6. Avariya na CHernobyl'skoj AES: materialy iz Vikipedii – svobodnoj enciklopedii // URL: <http://ru.wikipedia.org/...> (data obrashcheniya: 09.11.2021).
7. Mihail Gorbachyov ob avarii v CHernobyle // Bi-Bi-Si. 2006. 24 aprelya //URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_4936000/4936186.stm (data obrashcheniya: 08.12.2021).
8. Smirnova A.N., YAKovec E.N. Normativnoe regulirovanie oborota svedenij, sostavlyayushchih sluzhebnyu tajnu // Informacionnoe pravo. № 4. 2009. S. 16-20.
9. Ahmetov U.F., Minnullin N.A., Hajbullina A.R. Mezhnacional'nye konflikty v SSSR // Sbornik trudov 7-j Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – Kursk: YUgo-Zapadnyj gosudarstvennyj universitet. 2019. S. 19-21.
10. Orlov A.S., Georgiev V.A., Georgieva N.G., Sivohina T.A. Istoriya Rossii. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Izd-vo «Prospekt», 2011. 528 s.
11. Karabahskij konflikt: materialy iz Vikipedii – svobodnoj enciklopedii // URL: <http://ru.wikipedia.org/...> (data obrashcheniya: 07.10.2021).
12. YAMskov A.N. Nagornyj Karabah: Analiz prichin i putej resheniya mezhnacional'nogo konflikta. // Nacional'nye processy v SSSR. M.: Nauka, 1991. S. 165-186.
13. YUMatov K.V. Rol' gazety «Sovetskij Karabah» v formirovanii armyano-azerbajdzhanskogo protivostoyaniya v Nagornom Karabahe (fevral – mart 1988 g.) // Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. 2012. № 6. T. 321. S. 240–244.
14. Sumgait'skij pogrom: materialy iz Vikipedii – svobodnoj enciklopedii // URL: <http://ru.wikipedia.org/...> (data obrashcheniya: 07.11.2021).

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

УДК 342.92

ГЕНЕЗИС НАУЧНОЙ МЫСЛИ В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Анкудинова Я. С.

старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье дается характеристика историческим периодам развития института участия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях через призму развития института прокуратуры в целом. На основании исторического анализа становления и развития института прокуратуры автором делается вывод, что административное судопроизводство, в котором принимал активное участие прокурор, существовало всегда, но выражалось в различные формы. Автором проведен анализ законодательства, научных трудов и мнений ученых в рамках разных периодов становления как прокуратуры, так и в дальнейшем выделенного в отдельную категорию института участия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях. В работе выделены следующие основные исторические периоды развития научной мысли в рассматриваемой теме: дореволюционный, советский и современный период. Автором рассмотрены основные работы по данной тематике.

Ключевые слова: прокурор; исторический анализ; прокурорский надзор; надзор; прокуратура; административный процесс; судебная система; надзорная деятельность; административные правонарушения.

Состояние отечественной науки всегда отражает пройденный путь становления и развития, наука о прокурорской деятельности не является исключением и объединяет в себе процесс изменения устройства и компетенции прокуратуры. В современных условиях целесообразно выделить такое перспективное направление как участие прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях. Это обусловлено принятием большого количества поправок в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях разработка проекта нового КоАП РФ, который вряд ли заработает без проведения ряда сопутствующих реформ, которые будут затрагивать большинство сфер государственной деятельности и работы органов государственной власти, в том числе и органов прокуратуры, как одного из основных гарантов соблюдения конституционных прав.

На сегодняшний день работа прокурора немыслима без участия в производстве по делам об административных правонарушениях, но нужно понимать, что подобный объем работы органов прокуратуры в данном направлении был не всегда, в развитии данного института прослеживалась определенная динамика от зарождения как одного из направлений работы прокурора до становления как самостоятельный, имеющий свои особенности институт. Стоит уделить внимание процессу зарождения данного института и развития научного интереса в историческом аспекте, с рассмотрением следующих периодов: дореволюционный период; советский период; современный период.

Рассмотрения участия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях через призму исторического развития института прокуратуры

представляется одним из верных в рамках данного исследования. Так как он позволит более детально рассмотреть процесс становления данного института.

Перед тем как перейти к рассмотрению вопроса становления научной мысли в рамках изучения создания прокуратуры, полномочий прокуроров и развития данного института в период дореволюционный, когда и зарождался интерес ученых к данной тематике стоит отметить, что до учреждения прокуратуры надзор осуществляли фискалы. «Учинить фискалов во всяких делах, а как быть им, придется известие», должность оберъ-фискала, была введена 5 марта 1711 г. как «человека умного и доброго (из какого чина ни есть); дела же его сии суть: должен он над всеми делами тайно надсматривать и проводывать про неправый суд» [1, с. 643–644].

Система фискалата «не была способна обеспечить надлежащий контроль за деятельностью судебных инстанций и не способствовала искоренению безнравственности общественных отношений» [2], что послужило принятию 27.04.1722 г. Указа «О должности генерал-прокурора», заложившего основу работы прокуратуры.

Переходя к вопросу изучения становления прокурорского надзора на уровне ученного сообщества стоит отметить, что в рамках первого периода, когда зарождался институт можно выделить несколько групп.

Изначально стоит в отдельную группу выделить труды дореволюционных правоведов профессора Ф.В. Благовидова, профессора В.М. Грибовского, профессора В.И. Веретенников, профессора А.Д. Градовский, статского советника П.И. Иванов. Выделение данных авторов в один блок обусловлено тем, что в указанных работах рассмотрены аналогичные вопросы и поддерживается смежная тематика изучения по историческому развитию прокуратуры, говорить о выделении отдельно вопроса изучения участия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях не представляется возможным в силу, того что данный институт на этапе становления и создания прокуратуры пока не был сформирован, по сути это архивные работы, представляющие собой систему знаний о работе органов прокуратуры его становлении и выступающие своего рода источниками науки прокурорского права.

Профессор В.М. Грибовский отдельно выделил параграф «Средства высшего надзора – фискалат и прокуратура», где рассмотрен вопрос становления фискалитета, его деятельности, недостатки в работе данного органа, работа Сената. В данном труде в том числе судьба фискалата и прокуратуры рассмотрена и в эпоху Екатерины I и Петра II. В целом труд содержит историю развития и становления органов прокуратуры с разбивкой на основные исторические периоды [3].

Нельзя не отметить работу директора Московского Архива Министерства Юстиции, писателя П.И. Иванова, в которой освещаются биографии генерал-прокуроров таких как: Граф Павел Иванович Ягужинский, Князь Никита Юрьевич Трубецкой, Князь Яков Петрович Шаховской и др., и биографии министров юстиции [4].

Работа Веретенникова В.И. «Очерки истории генерал-прокуратуры в России до Екатерининского времени» содержит 5 очерков, структурированных по историческим периодам, охвативших периоды 1722 года, работа генерал-прокуратуры в эпоху Верховного Тайного Совета и в эпоху кабинетного правления, а также рассмотрены основы иностранного влияния в образовании генерал-прокуроров [5].

Особое место в изучении прокуратуры XVIII в. занимают работы, касающиеся синодальной обер-прокуратуры 1722-1725 гг. к таковым можно отнести проф. Ф.В.

Благовидова, историка А.А. Голубева, русского церковного писателя-историка С.Г. Рункевича, ученого писателя церковного и государственного деятеля И.А. Чистовича и учебно-монографические пособия в том числе имеют место – работы историка права М.Ф. Владимирского-Буданова, историка-юриста Ф.М. Дмитриева, профессора Н.М. Коркунова, правоведа проф. Н.И. Лазаревского, проф. В.Н. Латкина.

Отдельной вехой истории становления прокуратуры и полномочий прокурора выступает Судебная реформа 1864 г., ознаменовавшаяся упразднением общего надзора прокуратуры. Согласно «Основных положениях преобразования судебной части в России» 1862 г. прокурор наделялся полномочиями по решениям по делам казны.

Деятельности прокуратуры в рамках данной реформы не осталась без внимания научного сообщества, по данной тематике работы писали российский юрист, историк М.А. Филиппов «О подготовке и принятии Судебных Уставов», где затронута роль прокуроров в привлечении к ответственности судей, «Десять лет реформ 1861-1871» А.А. Головачева 1872 г. Основная особенность указанных научных работ рассмотрение в них проблем проведения судебной реформы в жизнь. Возможно выделить несколько работ касающихся организации деятельности прокуратуры в период после проведения реформы, к таковым можно отнести труды русского правоведа Н.А Буцковского, министра юстиции генерал-прокурор Муравьева Н.В. В первой русской революции 1905-1907 гг. прокуратура выступала репрессивным органом и поставила «заслон на пути подрывной деятельности внешних и внутренних противников режима, вместе с полицией и жандармерией не дали разного рода подрывным элементам расшатать государственную власть в стране» [6].

Советский период для института участие прокуратуры в производстве по делам об административных правонарушениях сводился к осуществлению общего прокурорского надзора.

Справедливо отметить, что в рассматриваемом периоде Декретом Совета народных комиссаров РСФСР от 24.11.1917 г. «О суде» принято решение «Упразднить донныне существовавшие институты судебных следователей, прокурорского надзора, а равно и институты присяжной и частной адвокатуры» [7]. После Гражданской войны появились предпосылки к воссозданию органа, содействовавшего установлению законности повсеместно, а также органа, который осуществлял бы, по сути, борьбу с преступностью от имени центральной власти. Так 1922 году принято «Положение о прокурорском надзоре», определившие «все обязанности, лежащие до сего времени на отделах юстиции и возлагаемые настоящим Положением на органы прокуратуры, переходят в исключительное ведение последних» [8]. Развитие этот вопрос получил в 1926 г., после принятия «Положение о судоустройстве РСФСР», согласно которому «на государственную прокуратуру возлагалось осуществление надзора от имени государства за законностью действий всех органов власти, хозяйственных учреждений, общественных и частных организаций и частных лиц путем опротестования нарушающих закон постановлений, и возбуждения уголовного, дисциплинарного и административного преследования виновных» и в рамках этих полномочий губернские прокуроры осуществляли «возбуждение административного преследования против должностных и частных лиц как по собственной инициативе, так и по поступающим в прокуратуру жалобам и заявлениям» [9].

В юридической науке советского периода можно выделить работы доктора юридических наук., профессора С.Г. Березовской, профессора И.И. Карпец, доктора юридических наук., профессора Ю.М. Козлова, доктора юридических наук., профессора О.М. Якуба.

В 30-е года появляются выдающиеся работы по рассматриваемой тематике, к которым можно отнести труды М.И. Калинина, профессора А. Я. Вышинского, академика В. Карпова, сформулировав и дав теоретическую базу для становления и изучения на уровне науки формы существования органов прокуратуры, сформировав основную проблематику, в том числе предпринята первая попытка обоснования функций прокурора

Рассматривая дальнейший период генезиса научной мысли в направлении исследования работы органов прокуратуры и в том числе основ становления института участия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях стоит отметить, что с 1930 г. преобладали труды, поддерживающие генеральную линию партии и лично И.В. Сталина. В этом периоде стоит выделить несколько работ, посвящённых деятельности прокуратуры в становлении советской социалистической законности профессора М.Д. Шаргородского «Суд и прокуратура в свете новой Конституции» 1937 г., профессора Горшенин К.П. «Советская прокуратура» 1947 г., профессора М.П. Кожевникова «Пути развития советской прокуратуры» 1950 г., книга профессора К.А. Мокичева «История советской прокуратуры в важнейших документах» 1952 г., С.Г. Березовской «Охрана прав граждан советской прокуратурой» 1964 г. можно выделить политизированность.

1955 г. Положение о прокурорском надзоре наделяет прокурора полномочием по «опротестованию противоречащих закону приказов и других правовых актов» [10], ставшего отправной точкой становления административного судопроизводства. В ГПК 1964 г. вводится «производство по делам, возникающим из административно-правовых отношений» [11] и категории дел, носящих административно-юрисдикционный характер, с обязательным участием прокурора, выделенные в отдельное судопроизводство в КАС РФ в 2015 г.

В 80-х гг. справедливо выделить следующие научных исследования, затрагивающие вопросы прокурорского надзора к таковым целесообразно отнести работу М.П. Малярова «Прокурорский надзор в СССР» 1973 г., С.Г. Новикова «Прокурорская система в СССР» 1977 г., профессора В.И. Баскова, С.Г. Березовской, А.Д. Берензона, Ю.Е. Винокурова, В.К. Звирбуль и др. выступают основой становления науки прокурорского надзора в данном периоде.

В 1992 г. принят Закон «О прокуратуре Российской Федерации». И только переходя к рассмотрению периода 2000-х годов можно говорить о полноценном развитии научного интереса к рассматриваемой теме. Стоит отметить, что КоАП РСФСР регламентировал деятельность прокурора до 01 июля 2002 г. после чего введен в действие современный Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, в котором предусмотрен прокурора как участник производства по делам об административных правонарушениях.

Справедливо обратиться к статистике данных сайта Кадры высшей научной квалификации. Основные показатели деятельности диссертационных советов за период с 2015 по 2020 г. явно констатируют динамику уменьшения количества диссертаций: 2015 - 12524, 2016 - 10497, 2017 - 9572, 2018 - 8703, 2019 - 7738, 2020 - 5115

защит кандидатских диссертаций. По юридическим наукам 3492 объявлений о защите по специальности 12.00.14 с 01.01.2015 г. по 31.12.2021 г. было 243 объявления о защите, в 2022 году объявлено 2 защиты по данной специальности. В числе которых несколько авторов затрагивали вопрос участия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях, а относительно детально данная тема была рассмотрена в двух работах - Д. В. Гриценко и В.И. Ломакина. Раскрывшие вопросы правового статуса прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях частично в своих диссертационных исследованиях: В.И. Ломакин в работе «Прокурор в производстве по делам об административных правонарушениях» [12], где раскрыто процессуальное положение прокурора в ходе осуществления производства по делам об административных правонарушениях и Д.В. Гриценко в работе «Правовой статус прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях» [13], рассмотрел особенности прокурорского надзора в производстве по делам об административных правонарушениях. Тема участия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях встречается в положениях трудов таких, ученых как: К. Ю. Винокуров «Прокурорский надзор за исполнением законов органами административной юрисдикции», 2004 г. [14]; А.П. Стуканов «Теоретические и методические проблемы прокурорского надзора за исполнением законов органами административной юрисдикции Российской Федерации» 1998 г. [15], а О.А. Рябус и А.С. Серов в своих диссертационных работах раскрыли вопросы правового статуса всех субъектов административного производства коснувшись и некоторых аспектов участия прокурора в рамках рассматриваемой тематики [16].

Прокурор в производстве по делам об административных правонарушениях как тема для исследования выражена в диссертационных работах Е.Ю. Алхутова [17], где рассмотрен вопрос прокурорского надзора в сфере экономики; Ю.В. Борисовой [18], которая раскрывает деятельность прокурора по защите прав на объекты интеллектуальной собственности, Т.В. Великой [19] рассматривающей осуществление производства по делам об административных правонарушениях в Республике Казахстан и Российской Федерации, М.Р. Медеева [20] исследовавший методы надзора за производством по делам об административных правонарушениях, К.В. Моренко «Прокурор в административно-деликтном производстве» [21]. Целесообразно отметить, что вышеназванные авторы в своих работах уделили внимание некоторым аспектам прокурорского надзора, что по сути подтверждает появление научного интереса к роли прокуратуры в производстве по делам об административных правонарушениях. Историческое становление данного института прослеживается в статьях В.К. Левского и С. Е. Литучей [22].

Научно-методические работы в данном направлении интересны следующие – пособие «Полномочия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях в Российской Федерации», сборник материалов круглого стола «Проблемы участия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях» [23], которые подготовлены коллективом Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации совместно с представителями Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Изданы фундаментальные монографии: А. Ю. Винокурова, С. В. Борисова, Н. Д. Бут «Теоретические основы и прикладные проблемы участия прокурора в произ-

водстве по делам об административных правонарушениях» [24] и Маматова М.В., Маслова И.А., Симонова И.С. «Проблемы квалификации административных правонарушений, возбуждение дел по которым относится к исключительной компетенции прокуроров» [25] ставшие своего рода основными направляющими в дальнейшем изучении института участия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях.

Исходя их научных работ, которые рассмотрены в статье справедливо сделать вывод, что институт участия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях развивался далеко не последовательно, в связи с тем, что полномочия прокурора нередко подвергались изменениям на основании различных политических идеологических и прочих факторов. Процесс развития института участия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях основан на богатой истории и развивается на сегодняшний день огромными темпами, что обуславливает научную заинтересованность и тем более в ключе разработки проекта нового КоАП РФ подтверждает, что обуславливает актуальность и значимость рассматриваемого института.

Список литературы:

1. Полное собрание законов Российской Империи. Повелением Императора Николая Павловича составленное. Т. IV. 1700 – 1712. СПб.: Печатано в типографии II отделения собственной его Императорского Величества канцелярии, 1830. С. 643–644.
2. Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. М., 1889. С. 226.
3. Грибовский В.М. Высший суд и надзор в России в первую половину царствования императрицы Екатерины Второй. Историко-юридическое исследование (период 28 июня 1762 года - 7 ноября 1775 года). - СПб.: Тип. Т-ва печат. и изд. дела "Труд", 1901. - 345 с.,
4. Иванов П.И. Опыт биографий генерал-прокуроров и министров юстиции. -183 с.
5. Веретенников В.И. Очерки истории генерал-прокуратуры в России до-Екатерининского времени. - Харьков, 1915. - 390 с.
6. Филиппов, М.А. Судебная реформа в России / [Соч.] М.А. Филиппова. Т. 1-2. - Санкт-Петербург, 1871-1875. - 2 т.; 23. Судустройство: Ч. 1. - 1871. - [4], IV, 623 с.
7. Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 «О суде» // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НИП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ» URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/> (дата обращения: 13.02.2022).
8. Постановление ВЦИК от 28.05.1922 «Об утверждении Положения о прокурорском надзоре», ст.18// СПС КонсультантПлюс URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=9076#0UWD1zS0ElyYQSbK4> (дата обр.: 05.03.2022).
9. Постановление ВЦИК от 19.11.1926 «Об утверждении Положения о Судустройстве Р.С.Ф.С.Р.», ст. 68 // СПС КонсультантПлюс URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=7686#kSF8KxSMSpbf5io> (дата обращения: 03.05.2022).
10. Указ Президиума ВС СССР от 24.05.1955 "Об утверждении Положения о прокурорском надзоре в СССР" // СПС КонсультантПлюс (дата обр.: 05.03.2022).
11. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР" (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) (ред. от 31.12.2002) // СПС КонсультантПлюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2237/ (дата обр.: 05.03.2022).
12. Ломакин, В. И. Прокурор в производстве по делам об административных правонарушениях: дисс. к.ю.н. - Челябинск, 2006 - 170 с.
13. Гриценко, Д. В. Правовой статус прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях: дисс. ... к.ю.н. - Воронеж, 2014 - 225 с.
14. Винокуров, К.Ю. Прокурорский надзор за исполнением законов органами административной юрисдикции: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.14, 12.00.11 / Моск. гуманитар. ун-т. - Москва, 2004. - 27 с.
15. Стуканов, А.П. Теоретические и методические проблемы прокурорского надзора за исполнением законов органами административной юрисдикции Российской Федерации: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.11. - Москва, 1998. - 209 с.

16. Рябус, О. А. Процессуальный статус участников производства по делам об административных правонарушениях: автореф. дисс. ... к.ю.н. - Ростов-на-Дону, 2006 - 22 с., Серов, А. С. Административно-процессуальный статус участников производства по делам об административных правонарушениях: дисс. ...к.ю.н. - Москва, 2014 - 194 с.
17. Алхутова, Е. Ю. Прокурорский надзор за исполнением законов об административной ответственности за правонарушения в сфере экономики: дис ... канд. юрид. наук. – М., 2013.
18. Борисова, Ю.В. Деятельность прокурора по защите прав на объекты интеллектуальной собственности: гражданско-правовой и административно-правовой способы судебной защиты: монография / Москва: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2014. - 128 с.
19. Великая, Т.В. Особенности судебного и управленческого осуществления производства по делам об административных правонарушениях в Российской Федерации и Республике Казахстан: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.14 / Юж-Ур. гос. ун-т. - Челябинск, 2005. - 26 с.
20. Медеев, М.Р. Совершенствование организационно-правовых методов надзора за производством по делам об административных правонарушениях: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.14 / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. - Москва, 2006. - 21 с.
21. Моренко К.В. Прокурор в административно-деликтном производстве: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.14 / Москва, 2017. - 20 с.
22. Левский В.К. Институт участия прокурора в административных делах в судах: от имперского периода до современности // Актуальные проблемы российского права. 2020. №12 (121), Литучая С. Е. Эволюция полномочий прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях // Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2021.
23. Полномочия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях в Российской Федерации: теория и практика: монография /А.В. Мелехин и др.; рук.авт. кол. А.В. Мелехин. НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. - Москва: Проспект, 2016. - 176 с.; Проблемы участия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях: сб. материалов круглого стола (29 мая 2015 г., г. Москва) /под общ.ред. А.Ю. Винокурова. - М.: Акад. Ген. Прокуратуры Рос. Федерации, 2015. 96 с.
24. Теоретические основы и прикладные проблемы участия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях [Текст]: монография / [А. Ю. Винокуров, С. В. Борисов, Н. Д. Бут и др. Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. - Москва: Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. - 340 с.
25. Проблемы квалификации административных правонарушений, возбуждение дел по которым относится к исключительной компетенции прокуроров. [Текст]: монография / Маматов М.В., Маслов И.А., Симонова И.С. - Москва: Проспект, 2021. - 216 с.

Ahkudinova Y. S. The genesis of scientific thought in the field of development and formation of the institution of participation of the prosecutor in the proceedings on administrative offenses // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 56-63.

The article characterizes the historical periods of the development of the institution of the prosecutor's participation in the proceedings on administrative offenses through the prism of the development of the Institute of the Prosecutor's Office as a whole. Based on the historical analysis of the formation and development of the institution of the Prosecutor's office, the author concludes that administrative proceedings, in which the prosecutor actively participated, have always existed, but were expressed in various forms. The author analyzes the legislation, scientific works and opinions of scientists within the framework of different periods of the formation of both the prosecutor's office and the institution of prosecutor's participation in proceedings on administrative offenses, which was later allocated to a separate category. The paper highlights the following main historical periods of the development of scientific thought in the topic under consideration: the pre-revolutionary, Soviet and modern period. The author considers the main works on this topic.

Keywords: prosecutor; historical analysis; prosecutor supervision; supervision; prosecutor's office; administrative process; judicial system; supervisory activities; administrative offenses.

Spisok literaturey:

1. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Povelienim Imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennoe. T. IV. 1700 – 1712. SPb.: Pечатano v tipografii II otdeleniya sobstvennoj ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii, 1830. s. 643–644.
2. Murav'ev N.V. Prokurorskij nadzor v ego ustrojstve i deyatelnosti. M., 1889. S.226.
3. Gribovskij V.M. Vysshij sud i nadzor v Rossii v pervuyu polovinu carstvovaniya imperatricy Ekateriny Vtoroj. Istoriko-yuridicheskoe issledovanie (period 28 iyunya 1762 goda -7 noyabrya 1775 goda). - SPb.: Tip. T-va pechat. i izd. dela "Trud", 1901. - 345 s.
4. Ivanov P.I. Opyt biografij general-prokurorov i ministrov yusticii. -183 s.
5. Veretennikov V.I. Oчерки istorii general-prokuratury v Rossii do-Ekaterininskogo vremeni. - Har'kov, 1915. - 390 s.

6. Filippov, M.A. Sudebnaya reforma v Rossii / [Soch.] M.A. Filippova. T. 1-2. - Sankt-Peterburg, 1871-1875. - 2 t.; 23. Sudoustrojstvo: CH. 1. - 1871. - [4], IV, 623 s.
7. Dekret SNK RSFSR ot 24.11.1917 «O sude» // EPS «Sistema GARANT»: GARANT-Maksimum. Vsyay Rossiya / NPP «GARANT-SERVIS-UNIVERSITET» URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/> (data obrashcheniya: 13.02.2022).
8. Postanovlenie VCIK ot 28.05.1922 «Ob utverzhdenii Polozheniya o prokurorskom nadzore», st.18// SPS Konsul'tantPlyus URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=9076#0UWD1zS0ElyYQSbK4> (data obr.: 05.03.2022).
9. Postanovlenie VCIK ot 19.11.1926 «Ob utverzhdenii Polozheniya o Sudoustrojstve R.S.F.S.R.», st. 68 // SPS Konsul'tantPlyus URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=7686#kSF8KxSMSpbf5io> (data obrashcheniya: 03.05.2022);
10. Ukaz Prezidiuma VS SSSR ot 24.05.1955 "Ob utverzhdenii Polozheniya o prokurorskom nadzore v SSSR" // SPS Konsul'tantPlyus (data obr.: 05.03.2022).
11. Grazhdanskiy processual'nyy kodeks RSFSR" (utv. VS RSFSR 11.06.1964) (red. ot 31.12.2002) // SPS Konsul'tantPlyus URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2237/ (data obr.: 05.03.2022)
12. Lomakin, V. I. Prokuror v proizvodstve po delam ob administrativnykh pravonarusheniyyah: diss. k.yu.n. - CHelyabinsk, 2006 - 170 s.
13. Gricenko, D. V. Pravovoy status prokurora v proizvodstve po delam ob administrativnykh pravonarusheniyyah: diss. ... k.yu.n. - Voronezh, 2014 - 225 s.
14. Vinokurov, K.YU. Prokurorskiy nadzor za ispolnieniem zakonov organami administrativnoy yurisdikcii: avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.14, 12.00.11 / Mosk. gumanitar. un-t. - Moskva, 2004. - 27 s.
15. Stukanov, A.P. Teoreticheskie i metodicheskie problemy prokurorskogo nadzora za ispolnieniem zakonov organami administrativnoy yurisdikcii Rossijskoj Federacii: dissertaciya ... kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.11. - Moskva, 1998. - 209 s.
16. Ryabus, O. A. Processual'nyy status uchastnikov proizvodstva po delam ob administrativnykh pravonarusheniyyah: avtoref. diss. ... k.yu.n. - Rostov-na-Donu, 2006 - 22 s., Serov, A. S. Administrativno-processual'nyy status uchastnikov proizvodstva po delam ob administrativnykh pravonarusheniyyah: diss. ...k.yu.n. - Moskva, 2014 - 194 s.
17. Alhutova, E. YU. Prokurorskiy nadzor za ispolnieniem zakonov ob administrativnoy otvetstvennosti za pravonarusheniya v sfere ekonomiki: dis ... kand. yurid. nauk. - M., 2013.
18. Borisova, YU.V. Deyatel'nost' prokurora po zashchite prav na ob"ekty intellektual'noj sobstvennosti: grazhdansko-pravovoy i administrativno-pravovoy sposoby sudebnoj zashchity: monografiya / Moskva: Izd-vo Moskovskogo gumanitarnogo un-ta, 2014. - 128 s.
19. Velikaya, T.V. Osobennosti sudebnogo i upravlencheskogo osushchestvleniya proizvodstva po delam ob administrativnykh pravonarusheniyyah v Rossijskoj Federacii i Respublike Kazahstan: avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.14 / YUzh-Ur. gos. un-t. - CHelyabinsk, 2005. - 26 s.
20. Medeev, M.R. Sovershenstvovanie organizacionno-pravovykh metodov nadzora za proizvodstvom po delam ob administrativnykh pravonarusheniyyah: avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.14 / Ros. akad. gos. sluzhby pri Prezidente RF. - Moskva, 2006. - 21 s.
21. Morenko K.V. Prokuror v administrativno-deliktnom proizvodstve: avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.14 / Moskva, 2017. - 20 s.
22. Levskiy V.K. Institut uchastiya prokurora v administrativnykh delakh v sudah: ot imperskogo perioda do sovremennosti // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2020. №12 (121), Lituchaya S. E. Evolyuciya polnomochij prokurora v proizvodstve po delam ob administrativnykh pravonarusheniyyah // Belgorod: OOO Agentstvo perspektivnykh nauchnykh issledovaniy (APNI), 2021.
23. Polnomochiya prokurora v proizvodstve po delam ob administrativnykh pravonarusheniyyah v Rossijskoj Federacii: teoriya i praktika: monografiya /A.V. Melekhin i dr.; ruk.avt. kol. A.V. Melekhin. NII Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. - Moskva: Prospekt, 2016. - 176 s., Problemy uchastiya prokurora v proizvodstve po delam ob administrativnykh pravonarusheniyyah: sb. materialov kruglogo stola (29 maya 2015 g., g. Moskva) /pod obshch.red. A.YU. Vinokurova. - M.: Akad. Gen. Prokuratury Ros. Federacii, 2015. 96 s.
24. Teoreticheskie osnovy i prikladnye problemy uchastiya prokurora v proizvodstve po delam ob administrativnykh pravonarusheniyyah [Tekst]: monografiya / [A. YU. Vinokurov, S. V. Borisov, N. D. But i dr. Akademiya General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. - Moskva: Akad. General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii, 2017. - 340 s.
25. Problemy kvalifikacii administrativnykh pravonarushenij, возбуждение дел по которым относятся к исключительной компетенции прокуроров. [Tekst]: monografiya / Mamatov M.V., Maslov I.A., Simonova I.S. - Moskva: Prospekt, 2021. - 216 s.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – С. 64-67.

УДК 343

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Волков В. Ю., Науменко Т. И.

Крымский филиал ФГБОУВО "Российский государственный университет правосудия"

В статье рассматриваются особенности реализации антимонопольным органом полномочий по привлечению виновных лиц к административной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства. Анализируется порядок возбуждения дел об административных правонарушениях данным органом, а также целесообразность проведения административного расследования после проведения рассмотрения антимонопольным органом дела о нарушении антимонопольного законодательства и установления факта нарушения. Исследована двойственность процедуры привлечения к административной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства. Дана оценка обязанности по возбуждению дела об административном правонарушении в случае принятия антимонопольным органом решения, которым установлен факт нарушения антимонопольного законодательства. Также в статье приведена классификация административных правонарушений в сфере конкуренции на нарушения, связанные с несоблюдением норм антимонопольного законодательства и нарушения, связанные с невыполнением норм антимонопольного законодательства, обеспечивающих реализацию контрольно-надзорных функций ФАС.

Ключевые слова: антимонопольное законодательство, правонарушение, КоАП РФ, возбуждение дела, административное расследование, ФАС России.

Антимонопольное законодательство регулирует отношения по защите конкуренции, обеспечивая таким образом баланс интересов участников рыночной экономики. Административная ответственность за нарушение норм антимонопольного законодательства как вид юридической ответственности является одним из наиболее эффективных механизмов, позволяющих обеспечить его соблюдение [1].

Антимонопольное законодательство устанавливает определенные запреты для хозяйствующих субъектов, например, Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 №135-ФЗ [7] (далее – Закон о защите конкуренции) устанавливает такие запреты как: запрет на злоупотребление доминирующим положением, на ограничивающие конкуренцию соглашения и согласованные действия, и другие. В свою очередь, в целях соблюдения данных запретов законодательством об административных правонарушениях установлена ответственность за их нарушение. Таким образом, административная ответственность за нарушение антимонопольного законодательства является инструментом обеспечения вышеуказанных запретов [6 с.48]. Так, в частности, обязанность не совершать действия, описанные в ст. 10 Закона о защите конкуренции по злоупотреблению доминирующим положением, обеспечивается описанием в ст. 14.31 КоАП РФ [2] соответствующего состава как условия наступления ответственности.

Тождество императивно-установленной модели поведения и состава правонарушения, предусматривающего ответственность за ее невыполнение является моделью одноуровневой ответственности [6, с.49], которая реализована в действующем законодательстве об административных правонарушениях за нарушение антимонопольного законодательства (состав ст.14.32 КоАП РФ соответствует запретам, уста-

новленными статьями 11,11.1 Закона о защите конкуренции, ст. 14.33 КоАП РФ – запретам установленным главой 2, ст.14.9 КоАП РФ – запретам установленным главой 3 данного закона).

Антимонопольный орган как государственный орган специальной компетенции уполномочен осуществлять функции по обеспечению государственного контроля за соблюдением антимонопольного законодательства. В связи с этим данный орган наделен полномочиями по предупреждению, выявлению, прекращению нарушений, а также по привлечению виновных лиц к ответственности. Также ст. 50 Закона о защите конкуренции устанавливает право ФАС РФ на основании решения по результатам рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства выдавать предписания ответчику. За неисполнение такого предписания ст. 19.5 КоАП РФ установлена ответственность.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что административные правонарушения в сфере антимонопольного законодательства можно разделить на 1) нарушения, связанные с несоблюдением норм антимонопольного законодательства (ст. ст. 9.21, 14.3, 14.31, 14.31.2, 14.32, 14.33, 14.9, 14.40 КоАП РФ и другие в соответствии со ст. 23.48 КоАП РФ; ст. 7.30, ч.1 ст. 7.32.5 и другие в соответствии со ст. 23.66 КоАП РФ, так как антимонопольная служба определена в качестве органа по осуществлению контроля (надзора) в сфере государственного оборонного заказа и в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд); 2) нарушения, связанные с невыполнением норм антимонопольного законодательства, обеспечивающих реализацию контрольно-надзорных функций ФАС РФ [3, с.139] (ст.19.5, 19.8, 19.8.1 КоАП РФ, а также общие нормы, которые могут применяться различными органами, в том числе ФАС РФ: составы статей 19.4, 19.6, 19.7 КоАП РФ).

По некоторым статьям КоАП РФ (например, по статьям 19.4, 19.6, 19.7 КоАП РФ) должностные лица ФАС РФ уполномочены только составлять протоколы об административных правонарушениях, по другим – возбуждать и рассматривать дела. Порядок возбуждения дела об административном правонарушении в сфере антимонопольного законодательства имеет ряд особенностей. Так ст.28.1 КоАП РФ в отношении правонарушений в сфере антимонопольного законодательства фактически устанавливает два порядка возбуждения дела об административном правонарушении: общий порядок для большинства нарушений и специальный для отдельных составов: по статьям 14.9, 14.31, 14.32, 14.33, 14.40, 14.9.1 КоАП РФ, по которым возбуждению дела об административном правонарушении должно предшествовать возбуждение дела о нарушении антимонопольного законодательства и принятие комиссией антимонопольного органа решения, которым установлен факт нарушения.

Следует отметить, что принятие антимонопольным органом решения, которым установлен факт нарушения антимонопольного законодательства является поводом для возбуждения дела об административной ответственности, то есть неизбежно приводит к началу производства по делу об административном правонарушении. Некоторые авторы считают, что отсутствие у должностного лица возможности отказать от возбуждения дела об административном правонарушении в данном случае нарушает принцип процессуальной самостоятельности лица, возбуждающего дело, а также что первичная квалификация содеянного должна осуществляться

должностным лицом, возбуждающим дело, а в данной ситуации она уже осуществлена комиссией антимонопольного органа, что по своей сути нарушает общий порядок производства по делам об административных правонарушениях, в соответствии с которым квалификация должна осуществляться на всех стадиях производства [3, с.142].

Однако, указанные доводы не представляются обоснованными, так как при установлении факта правонарушения орган государственной власти обязан реализовать межотраслевой принцип неотвратимости наступления ответственности, а если предоставить должностному лицу право выбирать по каким нарушениям им будет возбуждено дело, а по каким нет, также будет нарушен принцип равенства всех перед законом и судом, и необоснованно не будут восстанавливаться права потерпевших от правонарушения лиц. Также видится, что, если факт нарушения антимонопольного законодательства уже установлен комиссией антимонопольного органа, отсутствует необходимость его повторного установления и квалификации правонарушения должностным лицом, возбуждающим дело.

Рассматривая специальный порядок возбуждения дел об административных правонарушениях за нарушение антимонопольного законодательства, нужно отметить, что ст. 28.7 КоАП РФ позволяет в случаях, если после выявления административного правонарушения осуществляются экспертиза или иные процессуальные действия, требующие значительных временных затрат, возбуждать дело путем вынесения определения о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования. Таким образом, допускается проведение административного расследования после проведения рассмотрения антимонопольным органом дела о нарушении антимонопольного законодательства и установления факта нарушения.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 №5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», указывает на то, что административное расследование – это комплекс требующих значительных временных затрат процессуальных действий, которые направлены на выяснение всех обстоятельств административного правонарушения, их фиксирование, юридическую квалификацию и процессуальное оформление [4].

Однако, фактически все обстоятельства уже были выявлены антимонопольным органом в ходе рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства, в ходе которого им запрашивались необходимые документы, рассматривались представленные сторонами доказательства. То есть расследование было проведено и его проведение в рамках дела об административном правонарушении может привести к повторному изучению одних и тех же обстоятельств и затягиванию производства по делу, так как расследование может продолжаться до двух месяцев. Таким образом, проведение административного расследования по делам, по которым было рассмотрено дело о нарушении антимонопольного законодательства, должно носить исключительный характер и проводиться лишь в случае необходимости исследования других обстоятельств или проведения экспертизы, других процессуальных действий [5].

Список литературы:

1. Бегимбетов Р. П., Гуленков М. С., Землянова А. Н. Административная ответственность за нарушение антимонопольного законодательства: отдельные аспекты // Вопросы современной юриспруденции. 2017. №5 (66). С. 5-10.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ // Российская газета. №256. 31.12.2001.
3. Мальцев Д. А. Некоторые проблемные аспекты привлечения к административной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства // В сборнике: Право: история, теория, практика. Сборник статей и материалов. Брянск, 2018. С. 138-145.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 №5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. №6. 2005.
5. Рахматуллин А. Р., Шарипова Э. А. Административная ответственность за нарушение антимонопольного законодательства // Аллея науки. 2018. Т. 1. № 5 (21). С. 71-74.
6. Тотьев Т. Ю. Административная ответственность за нарушение антимонопольного законодательства: две модели санкций в одном кодексе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 5. С. 48-57.
7. Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 №135-ФЗ // Российская газета. №162. 27.07.2006.

Vyacheslav Volkov, Tatyana Naumenko. Certain aspects of the application of administrative liability measures for violation of antimonopoly legislation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 64-67.

The article discusses the specifics of the implementation by the antimonopoly authority of the authority to bring the perpetrators to administrative responsibility for violation of antimonopoly legislation. The procedure for initiating cases of administrative offenses by this body is analyzed, as well as the expediency of conducting an administrative investigation after the antimonopoly body has reviewed the case of violation of antimonopoly legislation and established the fact of violation. The duality of the procedure for bringing to administrative responsibility for violation of antimonopoly legislation is investigated. The article provides an assessment of the obligation to initiate proceedings on an administrative offense in the event of a decision by the antimonopoly authority, which established the fact of violation of antimonopoly legislation. The article also provides a classification of administrative offenses in the field of competition for violations related to non-compliance with the norms of antimonopoly legislation and violations related to non-compliance with the norms of antimonopoly legislation that ensure the implementation of the control and supervisory functions of the FAS.

Key words: antimonopoly legislation, offense, Administrative Code of the Russian Federation, initiation of proceedings, administrative investigation, FAS of Russia.

Spisok literaturi:

1. Begimbetov R. P. Gulenkov M. S.. Zemlyanova A. N. Administrativnaya otvetstvennost za narusheniye antimonopolnogo zakonodatelstva: otdelnyye aspekty // Voprosy sovremennoy yurisprudentsii. 2017. №5 (66). S. 5-10.
2. Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30.12.2001 №195-FZ // Rossiyskaya gazeta. №256. 31.12.2001.
3. Maltsev D. A. Nekotoryye problemnyye aspekty privlecheniya k administrativnoy otvetstvennosti za narusheniye antimonopolnogo zakonodatelstva // V sbornike: Pravo: istoriya. teoriya. praktika. Sbornik statey i materialov. Bryansk. 2018. S. 138-145.
4. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 24.03.2005 №5 «O nekotorykh voprosakh. voznikayushchikh u sudov pri primenenii Kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh» // Byulleten Verkhovnogo Suda RF. №6. 2005.
5. Rakhmatullin A. R. Sharipova E.A. Administrativnaya otvetstvennost za narusheniye antimonopolnogo zakonodatelstva // Alleya nauki. 2018. T. 1. № 5 (21). S. 71-74.
6. Totyev T. Yu. Administrativnaya otvetstvennost za narusheniye antimonopolnogo zakonodatelstva: dve modeli sanktsiy v odnom kodekse // Zakony Rossii: opyt. analiz. praktika. 2009. № 5. S. 48-57.
7. Federalnyy zakon «O zashchite konkurentsii» ot 26.07.2006 №135-FZ // Rossiyskaya gazeta. №162. 27.07.2006.

УДК 342.951

МОДЕРНИЗАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Евсикова Е. В., Пономарев А. В.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье раскрываются и исследуются проблемы модернизации административно-деликтного законодательства Российской Федерации в современных реалиях. Авторы исследуют теоретические подходы к реформированию и модернизации действующего Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях различных представителей науки административного права и приходят к выводу об отсутствии единой позиции ученых по данному вопросу. Так, на сегодняшний день ряд ученых настаивает на разработке двух новых кодексов, регламентирующих административно-деликтные правоотношения (Административного кодекса Российской Федерации (регламентирующего общие положения; административные правонарушения и административную ответственность; административное взыскание; применение административного взыскания) и Административно-процессуального кодекса Российской Федерации).

На основе проведенного анализа, авторы разрабатывают свои предложения по обеспечению более качественного нормативно-правового регулирования административно-деликтных правоотношений путем внесения «точечных» изменений и дополнений в действующий Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях путем доработки и усовершенствования базовых категорий административно-деликтного законодательства и их основных признаков, усовершенствования системы принципов административной ответственности, порядка привлечения к административной ответственности, дальнейшего развития института административной преюдиции. Указанные предложения позволят усовершенствовать институт административной ответственности и обеспечить соблюдение прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц при привлечении к административной ответственности, а также будут способствовать противодействию административным правонарушениям и их минимизации.

Ключевые слова: административно-деликтное законодательство; административная ответственность; реформирование и модернизация административно-деликтного законодательства.

Проблемы модернизации и усовершенствования административно-деликтного законодательства Российской Федерации всегда были и остаются актуальными и востребованными, и привлекают к себе все больше внимания как со стороны ученых [1; 2], так и со стороны юристов-практиков, что особенно актуально в последнее время на волне «третьей» волны кодификации административно-деликтного законодательства Российской Федерации [3; 4].

Так, по прошествии 21 года после вступления Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [5] в силу назрела объективная необходимость научно-практического осмысления и анализа сложившейся за эти годы практики его применения и критической оценки эффективности его норм с учетом внесенных многочисленных изменений. При этом, продолжающийся процесс формирования и развития современной системы федерального законодательства и иных механизмов правового регулирования в различных областях обуславливает необходимость регулярного уточнения составов многих административных правонарушений в соответствующих главах Особенной части КоАП РФ, поскольку действующий КоАП РФ был принят более 20 лет назад, и претерпел поряд-

ка более 5,5 тысяч изменений, внесенных более 530 федеральными законами, которые, к сожалению, зачастую не носят системного характера, что приводит к нарушению единства правового регулирования сходных по своему содержанию общественных отношений, неурегулированности ряда ключевых для сферы административной ответственности общественных отношений и, в конечном счете, негативным образом влияет на обеспечение прав и законных интересов физических и юридических лиц [6].

Однако, как справедливо отмечает Старилов Ю.В., административно-деликтное законодательство постоянно будет привлекать внимание теоретиков права, поскольку применение административной ответственности постоянно бывает противоречивым, а также вызывает множество споров и желание внести изменения в действующее административно-деликтное законодательство. Иными словами, модернизация административно-деликтного законодательства направлена на его приведение в иные юридические параметры. При этом, важно учитывать, что КоАП РФ является одним из фундаментальных систематизированных нормативно-правовых актов в сфере административной ответственности, что обосновывает самые жесткие требования к максимальной четкости в установлении идеологии административной ответственности [7, с. 15].

Основной текст. Следует отметить, что попытки переосмыслить КоАП РФ и внести в него изменения стали возникать уже с первых дней после его принятия, что, отнюдь, не свидетельствует о его несовершенствах или недостатках правового регулирования столь важных для общества и государства сфер общественных отношений, а лишь подтверждает стремление «держать руку на пульсе» и «сверять часы» с фактическим состоянием регулируемых общественных отношений [8, с. 175].

Вместе с тем, идея острой необходимости модернизации и кардинального реформирования российского законодательства об административных правонарушениях получила свое объективирование и развитие в 2014 г. И сводилась не просто к усовершенствованию действующего КоАП РФ, а делала акцент на разработку и принятие качественного нового КоАП РФ или даже двух новых кодексов регламентирующих административно-деликтные правоотношения (Административного кодекса Российской Федерации (регламентирующего общие положения; административные правонарушения и административную ответственность; административное взыскание; применение административного взыскания) и Административно-процессуального кодекса Российской Федерации, которая обосновывалась «гипертрофированным ростом» количества норм Особенной части КоАП РФ, в частности, санкций, необоснованным размером штрафных санкций для юридических (зачастую приводящих их к банкротству), отсутствие стимулирующих, поощрительных и профилактических норм. Однако, указанные, достаточно важные, причины модернизации административно-деликтного законодательства подверглись справедливой критике со стороны представителей административно-правовой доктрины, в силу того, что значительное увеличение новых норм Особенной части КоАП РФ является вполне закономерным следствием изменения федерального законодательства, регламентирующего порядок осуществления тех или иных правоотношений, охраняемых нормами административно-деликтного законодательства, а также в силу отсутствия официальной статистики банкротства юридических лиц из-за строгости при-

меняемых административных наказаний и наличия «стимулирующе-профилактического» потенциала административно-деликтных норм в действующем КоАП РФ [7].

В свою очередь Соловей Ю.П. отмечает, что вместо КоАП РФ необходимо подготовить федеральный кодифицированный законодательный акт Кодекс Российской Федерации об административной ответственности, поскольку данный кодифицированный акт об административной ответственности, как и действующий, будет закреплять не только составы административных правонарушений, но и компетенцию органов административной юрисдикции, порядок осуществления производства по делам об административных правонарушениях и исполнения вынесенных решений по делам об административных правонарушениях. При этом, нет необходимости в разработке и принятии отдельного нормативно-правового акта, регламентирующего исключительно производство по делам об административных правонарушениях или порядок исполнения решений по делам об административных правонарушениях (Административно-процессуального кодекса или Административно-деликтного исполнительного кодекса) [9].

В то же время, весьма сомнительным видится предложение о предоставлении органам публичной власти права налагать административное взыскание в виде предупреждения или минимального размера административного штрафа без составления протокола об административном правонарушении путем вынесения постановления о наложении административного взыскания, вручаемого (направляемого) административному правонарушителю. При этом, в случае несогласия лица с назначаемым взысканием и обжалованием составляется протокол об административном правонарушении, который вместе с административным материалом направляется на рассмотрение в суд, который в зависимости от результатов рассмотрения доказательств, предоставленных сторонами, может применить любое административное наказание, в том числе и более строгое, предусмотренной санкцией административно-деликтной нормы [9, с. 59].

По нашему мнению, такой подход будет являться прямым нарушением важного конституционного принципа – «презумпции невиновности», поскольку предполагает, что лицо сразу является виновным в совершении административного правонарушения и должно привлекать к административной ответственности и нести наказание без возможности реализовать свои процессуальные права, прежде всего, давать показания и пояснения, подавать возражения, представлять доказательства, которые бы подтверждали невиновность лица или позволили бы смягчить административное взыскание, даже, если предполагается, что оно будет мягким и незначительным, но, возможность привлечение невиновных лиц к административной ответственности без рассмотрения дела об административном правонарушении видится нам просто недопустимой, поскольку в приоритете всегда должны оставаться права, свободы и законные интересы человека и гражданина, а не приоритет административной ответственности для всех граждан, которым проще будет понести административное взыскание и заплатить минимальный штраф, чем обжаловать постановление о его наложении в суде, что, с учетом низкой правовой культуры большинства российских граждан и отсутствия элементарных базовых юридических знаний будет для них очень затруднительно, а в силу дороговизны стоимость юридических услуг – просто нереально, что, по сути, позволит органам публичной власти в каж-

дом случает налагать и взыскивать административный штраф, тем самым пополняя государственную казну, не заботясь о защите прав, свобод и законных интересов граждан, большинство из которых попросту не смогут защитить свои права и добиться справедливости.

Так, ст. 1.5 КоАП РФ предусматривает, что лицо подлежит административной ответственности за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина. При этом, лицо, привлекаемое к административной ответственности не обязано доказывать свою невиновность за исключением случаев совершения правонарушения, предусмотренного главой 12 КоАП РФ, и административного правонарушения в области благоустройства территории, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, совершенных с использованием транспортных средств либо собственником, владельцем земельного участка либо другого объекта недвижимости, в случае фиксации этих административных правонарушений работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи.

С учетом процессов всеобщей цифровизации данный порядок привлечения к административной ответственности является уже отработанным и удобным, характеризуется оперативностью и лаконичностью [10].

Как отмечает Студеникина М.М., вряд ли есть основания возражать против самой фиксации в автоматическом режиме специальными техническими средствами как способа выявления определенных нарушений, который позволяет выявлять многочисленные латентные правонарушения, однако, такой механизм вызывает немало вопросов с позиций обеспечения соблюдения прав граждан при привлечении их к административной ответственности, поскольку он исключает две первые стадии производства по делам об административных правонарушениях, в результате чего утрачиваются определенные процессуальные гарантии, предусмотренные КоАП РФ для лиц, привлекаемых к административной ответственности: возможность оспорить сам протокол, отразить в нем свое мотивированное несогласие; заявлять различного рода ходатайства; лично присутствовать при рассмотрении дела, а сам процесс доказывания своей невиновности трансформируется в стадию обжалования постановления по делу об административном правонарушении, когда гражданину уже назначено административное наказание, т.е. допускается возможность объективного вменения, что просто недопустимо в публично-правовом отношении [11].

При этом, как справедливо указывает Попов Л.Л., складывается ситуация, когда под принудительным воздействием государственных органов оказывается большая часть жителей страны, а административная практика превращается в большую политику, вместе с тем, при таком огромном количестве административных правонарушений допускаются придирки, грубость, оскорбления со стороны юрисдикционных органов, что формирует негативное общественное мнение об административно-деликтных институтах государства в обществе, отмечая, что действующий КоАП РФ исчерпал возможности его дальнейшего расширения сферы запретов и ужесточения ответственности за их нарушение и предлагая расширение полномочий субъектов РФ в сфере административной ответственности и применения мер административного наказания. Следует согласиться с мнением автора о необходимости доработки категории «административное правонарушение» в действующем КоАП РФ,

которой на сегодняшний день присущ и такой неотъемлемый признак, как общественная опасность, а также введение воспитательной цели административного наказания в правовой инструментарий действующего КоАП РФ, ориентированной на воспитание правонарушителей и иных граждан, и профилактики правонарушений [12; 13], направленной на противодействие совершению административных правонарушений и минимизаций причин и условий, способствующих их совершения, а также с предложением доработки и принятия проекта Федерального закона «Об административных процедурах», направленного на регламентацию процесса разрешения управленческих дел «положительной направленности» при получении паспорта, лицензировании, регистрации и т.д., однако, предложение объединения в одном Административно-процессуальном кодексе Российской Федерации административно-процедурного производства и административно-деликтного производства видится не совсем правильным и целесообразным [14].

В силу чего, следует отметить необходимость закрепления в КоАП РФ принципов соразмерности, справедливости и индивидуализации административной ответственности, поскольку административное наказание должно устанавливаться законодателем и назначаться правоприменителем с учетом характера совершенного правонарушения, размера причиненного вреда, степени вины правонарушителя, его имущественного положения и иных существенных обстоятельств деяния [15], а также принципа федерализма при привлечении к административной ответственности [16].

Таким образом, по нашему мнению, КоАП РФ требует существенной доработки в части закрепления в нем таких базовых принципов административной ответственности, как: принцип законности, который означает, что никто не может быть подвергнут административному наказанию иначе как на основаниях, установленных КоАП РФ и законами субъектов РФ об административных правонарушениях, а применение законодательства об административных правонарушениях по аналогии не допускается; принцип равенства перед законом, который предусматривает не только равенство перед законом независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств, но и особенности привлечения к административной ответственности несовершеннолетних, беременных женщин, женщин, имеющих детей в возрасте до четырнадцати лет, одиноких родителей, воспитывающих детей в возрасте до четырнадцати лет, инвалидов, а также особенности привлечения к административной ответственности специальных и особых субъектов административной ответственности; принцип вины, который означает, что лицо подлежит административной ответственности при наличии его вины в совершении административного правонарушения; принцип, как принцип недопустимости повторного административного наказания за одно и то же административное правонарушение; принцип справедливости и соразмерности, который предусматривает административное наказание должно быть справедливым и соразмерным; принцип гуманизма; принцип презумпции невиновности, поскольку отсутствие хотя одного из указанных принципов может повлечь нарушение прав и свобод человека и гражданина при привлечении лица к административной ответственности, что крайне недопустимо [17].

В свою очередь Кузьминов А.С. настаивает на необходимости реформирования законодательства об административных правонарушениях, основной целью которого должна стать разработка базовых понятий общей части КоАП РФ. Однако, сложно согласиться с позицией сведения целей административной ответственности к достижению государственного управления, исходящей из формулировки, «если запрет прямо не связан с государственным управлением, его нарушение не должно влечь за собой наступление административной ответственности», и предложением дальнейшей криминализации или исключения из действующего КоАП РФ ряда составов административных правонарушений, таких, как мелкое хищение (ст. 7.27 КоАП РФ) или уничтожение и повреждение чужого имущества (ст. 7.17 КоАП РФ), которые не имеют никакого интереса с точки зрения государственного управления и характеризуются низким уровнем общественной опасности, а также предложением полного исключения из числа квалифицирующих признаков административного правонарушения общественной опасности, которую предлагается оставить только для квалификации преступлений, что, по нашему мнению, противоречит самой сути административных правонарушений, которые на сегодняшний день в основе своей являются общественно опасными и несут большой или меньший общественный вред [18].

В то же время, Авдейко А.Г. и Газизов Д.А. отмечают, что для проведения эффективной модернизации административно-деликтного законодательства необходимо широкое общественное, научное и экспертное обсуждение вопросов его совершенствования, для чего следует выработать концепцию соответствующего проекта федерального закона, ориентированную на обеспечение баланса конституционных принципов защиты прав и свобод граждан, с одной стороны, и простоты и оперативности (быстроты) процедуры привлечения виновных лиц к административной ответственности, с другой стороны. Так предлагается, что вопросы привлечения к административной ответственности должны быть урегулированы единым законодательным актом, устраняющим недостатки, имеющиеся в действующем КоАП РФ, и содержащем нормы, которые доказали свою жизнеспособность и оправдавшим себя, однако, сохраняя преемственность по отношению к действующему КоАП РФ в части общих положений, особенной части, процедурно-процессуальных норм и порядок производства по делам об административных правонарушениях. В целом справедливо, авторы выносят обоснованные предложения по поводу наименования кодифицированного акта, которое должно отражать его сущность и назначение – Кодекс об административной ответственности, а также предложения по уточнению и унификации оснований приостановления срока давности привлечения к административной ответственности и дальнейшего развития института административной преюдиции, который выступает действенным инструментом в вопросах противодействия отдельным видам преступлений, поскольку преступлением признается только такой деликт, которому в пределах установленного законом срока предшествовало предупредительное административно-правовое воздействие [19].

Как справедливо отмечает Студеникина М.В., при квалификации административного правонарушения и при выборе вида и размера административного наказания следует брать во внимание и теорию «опасного состояния личности», поскольку, совершение правонарушения два и более раза свидетельствует об устойчивом характере антиобщественных взглядов и привычек нарушителя, что, в свою очередь, говорит о более высокой степени его социальной опасности [11].

Анализ составов с административной преюдицией показывает, что, как правило, квалифицирующим признаком выступает неоднократность деяния или повторность, на что прямо указывается в диспозиции нормы (ст. 154; 180 УК РФ) и примечании к статье, в котором указывается, что лицо должно быть подвергнутыми административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию (ст. 151.1; 157; 215.4 УК РФ), либо совершение деяния лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние (ст. 116.1 УК РФ), либо просто указание на совершение конкретного правонарушения, предусмотренное КоАП РФ без указания на неоднократность или повторность (ст. 158.1; 264.1 УК РФ), либо указание на то, что лицо должно быть ранее привлечено к административной ответственности (а не подвергнуто административному наказанию) за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.2 КоАП РФ, более двух раз в течение 180 дней (ст. 212.1 УК РФ), либо указание на то, что лицо должно быть ранее привлечено к административной ответственности за аналогичное деяние 2 раза в течение 1го года (ст. 284.1 ; 314.1 УК РФ). Как видим, указанные расхождения не способствуют соблюдению принципа системности, что является важным условием обеспечения совершенства любой отрасли законодательства [20].

Таким образом, в действующем КоАП РФ следует более детально прописать основы применения института «административно преюдиции» с учетом единого подхода к пониманию данной категории и ее квалифицирующих признаков, которая сейчас активно развивается в российской системе права и позволяет привлекать к уголовной ответственности в случае совершения повторного или аналогичного деяния лицом, подвергнутым административному наказанию, что позволяет более эффективно и действенно противодействовать наиболее опасным и тяжким административным правонарушениям, причиняющим серьезный вред охраняемым законом правоотношениям.

Немаловажным является уточнение в новом КоАП РФ порядка и оснований отнесения дел об административных правонарушениях к категориям дел, требующим административного расследования, исключив возможность произвольного расширения этого исчерпывающего перечня его последующими дополнениями, поскольку, на практике, на сегодняшний день при привлечении к административной ответственности за побои (ст. 6.1.1 КоАП РФ) и мелкое хищение (ст. 7.27 КоАП РФ), ч. 1 ст. 28.7 КоАП РФ предусматривает формулировку «проводится административное расследование», которая трактуется двояко, что впоследствии влияет на альтернативную подсудность данных категорий дел об административных правонарушениях (рассмотрение судьями районных судов при проведении административного расследования либо мировыми судьями при отсутствии административного расследования) [21], что, по-нашему мнению, не способствует единообразию и системному подходу при рассмотрении данных категорий дел об административных правонарушениях и требует законодательной корректировки в пользу установления обязательного проведения административного расследования по конкретным категориям дел об административных правонарушениях в силу их особой общественной вредности, противоправности и наказуемости, а также особой важности охраняемых административно-деликтным законодательством общественных отношений.

Кроме того, необходимо предусмотреть возможность продления срока проведения административного расследования по делам об административных правонарушениях до двенадцати месяцев в случаях, связанных с исполнением запроса о правовой помощи.

В свою очередь Кононов П.И. указывает на нецелесообразность сохранения в Особенной части КоАП РФ норм, устанавливающих административную ответственность за нарушение положений бюджетного, налогового, гражданского, семейного, трудового, жилищного, земельного законодательства, законодательства о защите прав потребителей, законодательства о средствах массовой информации, избирательного законодательства, поскольку охрана и защита прав и законных интересов граждан и организаций в рамках отношений, регулируемых нормами перечисленных видов законодательства, может вполне эффективно обеспечиваться посредством применения не административных санкций, а иных мер публично-правового реагирования, в частности, таких как выдача предписаний об устранении выявленных нарушений законодательства, направление требований об уплате обязательных платежей, обращение в суд с соответствующими административными и иными исковыми заявлениями, что, по нашему мнению, не совсем правильно, поскольку не обеспечит надлежащей правовой защиты и реализации указанных групп отношений и прав и интересов их участников, а также не будет играть никакого предупредительного и профилактического воздействия, т.е. по сути мы получим обратный эффект и увеличение количества административных правонарушений в указанных сферах. При этом, заслуживает отдельного внимания позиция автора о необходимости разработки и реализации государственной административно-деликтной политики, которая бы определяла единые подходы, критерии и требования к введению административной наказуемости за нарушения тех или иных требований действующего законодательства, а также внесения определенности в понятийный аппарат КоАП РФ путем нормативного закрепления понятия административной ответственности, понятия и элементов состава административного правонарушения, понятия окончания административного правонарушения, понятия однократного, длящегося, продолжаемого, повторного и малозначительного административного правонарушения [22].

Вместе с тем, заслуживает внимания предложение по усовершенствованию и разработке ключевых понятий административно-деликтного права, прежде всего, категории «административная ответственность».

Вместе с тем, сам Проект нового КоАП РФ, в ст. 2.5, раскрывает понятие «административная ответственность» путем следующей формулировки: Административная ответственность наступает за действие (бездействие), которое содержит признаки состава административного правонарушения, предусмотренного настоящим Кодексом или законом субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях. Административная ответственность заключается в применении к лицу, совершившему административное правонарушение, административного наказания, предусмотренного настоящим Кодексом, уполномоченными на это должностным лицом, органом, судом в установленном федеральным законом процессуальном порядке и форме [23].

По нашему мнению, российскому законодателю следует исходить из того, что административная ответственность выступает мерой государственного принужде-

ния, а также видом юридической ответственности, обладающим присущими только ей специфическими признаками, отличающими ее от других видов юридической ответственности.

Таким образом, считаем закрепить на законодательном уровне следующую формулировку: «Административная ответственность возникает вследствие совершения административного правонарушения (общественно вредного, противоправного, виновного, наказуемого деяния (действия или бездействия)), предусмотренного настоящим Кодексом или законом субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях, которая состоит в применении к субъектам административной ответственности (физическим, должностным или юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям или самозанятым лицам) уполномоченными органами административной юрисдикции (должностным лицом, органом, судом) мер административного наказания в установленном настоящим Кодексом или другим процессуальным законодательством порядке и форме, а также в обязанности субъектов административной ответственности претерпевать административные наказания морального, личного, имущественного или организационного характера, которые могут быть применены к лицу за совершение административного правонарушения» [24].

В целом, следует согласиться с мнением Старилова Ю.Н. о приоритетности мер модернизации административно-правового регулирования сферы административно-деликтных отношений, а также о необходимости разработки и принятия федерального закона «Об административных процедурах», регламентирующего одну из важнейших сфер современного административного права – административные процедуры и порядок их осуществления [7].

На основе проведенного анализа, можно сделать вывод, что административно-деликтное законодательство Российской Федерации нуждается в качественной и основанной на научном подходе модернизации с учетом соблюдения принципов административно-деликтного законодательства и, прежде всего, соразмерности, индивидуализации и справедливости административного наказания, принципа федерализма при привлечении к административной ответственности, равенства лиц перед законом, неотвратимости административной ответственности и иных базовых принципов судопроизводства, что позволит более эффективно и качественно способствовать соблюдению законности и обеспечению прав и свобод граждан и интересов юридических лиц во всех сферах жизнедеятельности общества и государства.

Однако, на сегодняшний день более правильным в рамках решения обозначенных теоретических и практических проблем административно-деликтного законодательства Российской Федерации видится процесс модернизации административно-деликтного законодательства путем внесения «точечных» изменений, а не комплексного его реформирования путем разработки и принятия нового КоАП РФ и разделения его на материальную и процессуальную части, что, по нашему мнению, не будет эффективным при реализации административной ответственности, а, наоборот, может создавать определенные затруднения на практике и даже привести к нарушению прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц.

Указанные предложения позволят усовершенствовать институт административной ответственности и обеспечить соблюдение прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц при привлечении к административной ответственности.

ности, а также будут способствовать противодействию административным правонарушениям и их минимизации, а, значит, стабилизации административно-деликтной ситуации в Российской Федерации в целом.

Список литературы:

1. Руденко А.В. Вопросы реформирования института административной ответственности / А.В. Руденко // Российская юстиция. – 2021. - № 2. – С. 2-5.
2. Евсикова Е.В. Система административно-деликтного законодательства Российской Федерации / Е.В. Евсикова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2017. Т. 3 (69). № 1. С. 151-165.
3. Евсикова Е.В., Пономарев А.В. К вопросу о трактовании понятия и принципах административной ответственности в контексте реформирования административно-деликтного законодательства // Евсикова Е.В., Пономарев А.В. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – С. 226-236.
4. Евсикова Е.В. Некоторые особенности реформирования административно-деликтного законодательства Российской Федерации – третья волна кодификации / Е.В. Евсикова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6. № 2. С. 350-367.
5. "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 28.01.2022). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc
6. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. [Электронный ресурс] [Режим доступа]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326534/
7. Стариков Ю.В. Концепция Нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и «судьба» административно-деликтного права: два новейших вопроса в современной правовой теории / Стариков Ю.В. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2020. - № 2. – С. 14-41.
8. Шергин А.П. Размышления об административно-деликтном праве / Шергин А.П. // Актуальные проблемы российского права. 2017. - № 5 (78) май. – С. 175-182.
9. Соловей Ю.П. Российское законодательство об административной ответственности нуждается в совершенствовании / Соловей Ю.П. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). - № 2. – 2014. – С. 56-63.
10. Y.V. Yevsikova, V.U. Volkov, N.A. Kravchenko, A.V. Ponomarev, S.U. Rusanova. Aspects of administrative responsibility in a digital environment: problems and prospects // International Scientific and Practical Conference «Law and the Information Society Digital Approach», 109, 01401 (2021) (LISID-2020).
11. Студеникина М.С. Кодификация законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях: история, современность, перспективы развития / Студеникина М.С. // Административное право и процесс. – 2014. - № 9. – С. 39-44.
12. Евсикова Е.В. К вопросу об усовершенствовании дефиниции «система профилактики правонарушений» / Евсикова Е.В. // Евразийский юридический журнал. – 2017. - № 4 (107). – С. 238-240.
13. Евсикова Е.В. Правовые основы профилактики административных правонарушений в Республике Крым / Евсикова Е.В. // Евразийский юридический журнал. – 2016. – 2016. - № 8 (99). – С. 148-150.
14. Попов Л.Л. Материальные и процессуальные проблемы совершенствования законодательства об административных правонарушениях / Попов Л.Л. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2014. - № 2. – С. 12-17.
15. Руденко А.В. Соблюдение принципов соразмерности наказания и индивидуализации наказания при привлечении к административной ответственности / А.В. Руденко // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. – 2016. - № 4 (25). – С. 77-81.
16. Руденко А.В. Соблюдение принципа федерализма при привлечении к административной ответственности / А.В. Руденко // Актуальные проблемы российского права. – 2019. - № 12 (109). – С. 17-25.
17. Евсикова Е.В. К вопросу о трактовании понятия и принципах административной ответственности в контексте реформирования административно-деликтного законодательства / Е.В. Евсикова, А.В. Пономарев // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7. - № 2. – С. 226-236.
18. Кузьминов А.С. К вопросу об изменении законодательства об административных правонарушениях / Кузьминов А.С. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2014. - № 2. – С. 103-107.
19. Авдейко А.Г., Газизов Д.А. Законодательство об административных правонарушениях: реформа или модернизация / А.Г. Авдейко, Д.А. Газизов // Вестник Омской юридической академии. – 2017. – Том 14. № 4. – С. 6-14.

20. Евсикова Е.В. Административная преюдиция как один из инструментов современной уголовно-правовой политики: проблемы теории и практики / Е.В. Евсикова // Уголовная политика и правоприменительная практика : Сборник материалов VII-ой Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 01-02 ноября 2019 года. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2019. – С. 117-125.
21. Руденко А.В. Об обязательности проведения административного расследования / А.В. Руденко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2017. – Т. 3 (69). – № 4. – С. 181-189.
22. Кононов П.И. О некоторых актуальных направлениях модернизации законодательства Российской Федерации об административной ответственности / П.И. Кононов // Вестник Омской юридической академии. – 2017. Том 14. № 4. – С. 27-32.
23. Проект "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/05-20/00102447). [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/62684.html/>.
24. Буц С.Б. К вопросу о реформировании административно-деликтного законодательства и законодательном определении понятия «административная ответственность» / С.Б. Буц, Е.В. Евсикова, А.В. Пономарев // Евразийский юридический журнал. – 2020. - № 5 (144). – С. 154-156.

Evsikova E.V., Ponomarev A.V. Modernization of administrative and tort legislation of the Russian Federation: problems and prospects // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 68-79.

The article reveals and explores the problems of modernization of administrative and tort legislation of the Russian Federation in modern realities. The authors explore theoretical approaches to reforming and modernizing the current Code of Administrative Offences of the Russian Federation of various representatives of the science of administrative law and come to the conclusion that there is no unified position of scientists on this issue. So, today a number of scientists insist on the development of two new codes regulating administrative and tort legal relations (the Administrative Code of the Russian Federation (regulating general provisions; administrative offenses and administrative responsibility; administrative penalty; application of administrative penalty) and the Administrative Procedure Code of the Russian Federation.

Based on the analysis, the authors develop their proposals to ensure better regulatory and legal regulation of administrative-tort legal relations by introducing "point" changes and additions to the current Code of the Russian Federation on Administrative Offenses by finalizing and improving the basic categories of administrative-tort legislation and their main features, improving the system of principles of administrative responsibility, the procedure for bringing to administrative responsibility, further development of the institute of administrative prejudice. These proposals will improve the institution of administrative responsibility and ensure respect for the rights, freedoms and legitimate interests of individuals and legal entities when bringing to administrative responsibility, and will also contribute to countering administrative offenses and minimizing them.

Keywords: administrative-tort legislation; administrative responsibility; reform and modernization of administrative-tort legislation.

Spisok literaturi:

1. Rudenko A.V. Voprosy reformirovaniya instituta administrativnoj otvetstvennosti / A.V. Rudenko // Rossijskaya yusticiya. – 2021. - № 2. – S. 2-5.
2. Evsikova E.V. Sistema administrativno-deliktnogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii / E.V. Evsikova // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2017. T. 3 (69). № 1. S. 151-165.
3. Evsikova E.V., Ponomarev A.V. K voprosu o traktovanii ponyatiya i principah administrativnoj otvetstvennosti v kontekste reformirovaniya administrativno-deliktnogo zakonodatel'stva // Evsikova E.V., Ponomarev A.V. // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – S. 226-236.
4. Evsikova E.V. Nekotorye osobennosti reformirovaniya administrativno-deliktnogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii – tret'ya volna kodifikacii / E.V. Evsikova // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2020. T. 6. № 2. S. 350-367.
5. "Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah" ot 30.12.2001 N 195-FZ (red. ot 28.01.2022). [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc
6. Konceptsiya novogo Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah. [Elektronnyj resurs] [Rezhim dostupa]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326534/.
7. Starilov YU.V. Konceptsiya Novogo Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah i «sud'ba» administrativno-deliktnogo prava: dva novejshih voprosa v sovremennoj pravovoj teorii / Starilov YU.V. // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2020. - № 2. – S. 14-41.

8. SHergin A.P. Razmyshleniya ob administrativno-deliktnom prave / SHergin A.P. // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2017. - № 5 (78) maj. – S. 175-182.
9. Solovej YU.P. Rossijskoe zakonodatel'stvo ob administrativnoj otvetstvennosti nuzhdaetsya v sovershenstvovanii / Solovej YU.P. // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA). - № 2. – 2014. – S. 56-63.
10. Y.V. Yevsikova, V.U. Volkov, N.A. Kravchenko, A.V. Ponomarev, S.U. Rusanova. Aspects of administrative responsibility in a digital environment: problems and prospects // International Scientific and Practical Conference «Law and the Information Society Digital Approach», 109, 01401 (2021) (LISID-2020).
11. Studenikina M.S. Kodifikaciya zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah: istoriya, sovremennost', perspektivy razvitiya / Studenikina M.S. // Administrativnoe pravo i process. – 2014. - № 9. – S. 39-44.
12. Evsikova E.V. K voprosu ob usovershenstvovanii definicii «sistema profilaktiki pravonarushenij» / Evsikova E.V. // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. – 2017. - № 4 (107). – S. 238-240.
13. Evsikova E.V. Pravovye osnovy profilaktiki administrativnyh pravonarushenij v Respublike Krym / Evsikova E.V. // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. – 2016. – 2016. - № 8 (99). – S. 148-150.
14. Popov L.L. Material'nye i processual'nye problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva ob administrativnyh pravonarusheniyah / Popov L.L. // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA). – 2014. - № 2. – S. 12-17.
15. Rudenko A.V. Soblyudenie principov sorazmernosti nakazaniya i individualizacii nakazaniya pri privlechenii k administrativnoj otvetstvennosti / A.V. Rudenko // Akademicheskij vestnik Rostovskogo filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii. – 2016. - № 4 (25). – S. 77-81.
16. Rudenko A.V. Soblyudenie principa federalizma pri privlechenii k administrativnoj otvetstvennosti / A.V. Rudenko // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2019. - № 12 (109). – S. 17-25.
17. Evsikova E.V. K voprosu o traktovanii ponyatiya i principah administrativnoj otvetstvennosti v kontekste reformirovaniya administrativno-deliktного zakonodatel'stva / E.V. Evsikova, A.V. Ponomarev // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2021. – T. 7. - № 2. – S. 226-236.
18. Kuz'minov A.S. K voprosu ob izmenenii zakonodatel'stva ob administrativnyh pravonarusheniyah / Kuz'minov A.S. // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA). – 2014. - № 2. – S. 103-107.
19. Avdejko A.G., Gazizov D.A. Zakonodatel'stvo ob administrativnyh pravonarusheniyah: reforma ili modernizaciya / A.G. Avdejko, D.A. Gazizov // Vestnik Omskoj juridicheskoy akademii. – 2017. – Tom 14. № 4. – S. 6-14.
20. Evsikova E.V. Administrativnaya preudiciya kak odin iz instrumentov sovremennoj ugolovno-pravovoj politiki: problemy teorii i praktiki / E.V. Evsikova // Ugolovnaya politika i pravoprimeritel'naya praktika : Sbornik materialov VII-oj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 01-02 noyabrya 2019 goda. – Sankt-Peterburg: Centr nauchno-informacionnyh tekhnologij «Asterion», 2019. – S. 117-125.
21. Rudenko A.V. Ob obyazatel'nosti provedeniya administrativnogo rassledovaniya / A.V. Rudenko // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2017. – T. 3 (69). - № 4. – S. 181-189.
22. Kononov P.I. O nekotoryh aktual'nyh napravleniyah modernizacii zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ob administrativnoj otvetstvennosti / P.I. Kononov // Vestnik Omskoj juridicheskoy akademii. – 2017. Tom 14. № 4. – S. 27-32.
23. Proekt "Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah" (podgotovlen Minyustom Rossii, ID proekta 02/04/05-20/00102447). [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa]: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/62684.html/>.
24. Buc S.B. K voprosu o reformirovanii administrativno-deliktного zakonodatel'stva i zakonodatel'nom opredelenii ponyatiya «administrativnaya otvetstvennost'» / S.B. Buc, E.V. Evsikova, A.V. Ponomarev // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. – 2020. - № 5 (144). – S. 154-156.

УДК: 342.9

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
РАССМОТРЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С
ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ ГОСПИТАЛИЗАЦИЕЙ ГРАЖДАН**

Колюка Н. Н., Басов А. В.

*Крымский юридический институт (филиал) Университет прокуратуры
Российской Федерации*

В статье рассматриваются факторы, создающие устойчивые предпосылки к систематизации законодательства, нормы которого регулируют рассмотрении административных дел, связанных с принудительной госпитализацией граждан, анализируются проблемы правового регулирования в этой сфере с учетом практики правоприменения. Целью исследования является формирование представлений о содержании изменений национального законодательства по вопросам принудительной госпитализацией граждан в медицинские учреждения, которая достигается через решение следующих задач: исследование факторов, препятствующих эффективному регулированию вопросов принудительной госпитализацией граждан в медицинские учреждения; выявление проблем нормативной регламентации отдельных сфер принудительной госпитализацией граждан в медицинские учреждения на основе анализа правовых норм и практики их применения; формулирование предложений по перспективам развития законодательства. В приведенном исследовании применялись общенаучные и частнонаучные методы познания социально-правовых явлений: системный и структурно-функциональный. Выявление проблем регулятивного и правоприменительного характера, разработка предложений по совершенствованию правового регулирования осуществлялись с использованием нормативно-логического и герменевтического методов. В качестве результата исследования предложен ряд авторских выводов, суть которых сводится к оптимизации правового регулирования, созданию эффективных, прозрачных, доступных для понимания правоприменителя основ принудительной госпитализацией граждан в медицинские учреждения.

Ключевые слова: административные дела, принудительная госпитализация, законодательство, систематизация, правоприменительная практика.

В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [1].

Данное положение в полной мере применимо к гражданам, которые нуждаются в госпитализации в недобровольном порядке, с целью оказания психиатрической или противотуберкулезной помощи в стационарных условиях.

Актуальность указанной проблематики не вызывает сомнения. Об этом свидетельствуют следующие факты. Во-первых, общеизвестно, что туберкулез – это социальное явление, корни которого «кроются» в низком уровне качества жизни людей. Случаи заболевания туберкулезом чаще фиксируется в местах лишения свободы. Инфекция заразна: один больной передает туберкулезную инфекцию 10–20 людям. Кроме того, рост заболеваемости среди взрослых провоцирует увеличение подросткового туберкулеза. Статистика туберкулеза в России также не утешительна. Итак, в 2005 г. зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом активного туберкулеза 119,2 тыс. человек, 2010 г. – 109,9 тыс. человек, 2013 г. – 90,4 тыс. человек, 2014 г. – 87 тыс. человек, 2015 г. – 84,5 тыс. человек, 2016 г. – 78,2 тыс. человек, 2017 г. – 70,8 тыс. человек, 2018 – 65,2 тыс. человек. Показатели смертности

от данного заболевания также являются значительными. В 2010 г. данный показатель составил 21,8 тыс. человек, в 2013 г. – 16,8 тыс. человек, в 2014 г. – 14,4 тыс. человек, в 2015 г. – 13,5 тыс. человек, 2016 г. – 11,4 тыс. человек, 2017 г. – 9,4 тыс. человек, 2018 г. – 8,6 тыс. человек [2]. В 2020 г. смертность от туберкулеза (всех форм) продолжала снижаться, сократившись на 9,0% и составив 4,7 на 100 тыс. человек против 5,1 в 2019 г. [3]. Не смотря на динамику снижения общего количества заболевших за последние годы, довольно преждевременно говорить об отсутствии проблем в сфере распространения и лечения туберкулеза в современных условиях.

Во-вторых, по прогнозам Всемирной организации здравоохранения, к 2025 г. психические расстройства войдут в первую пятерку болезней, ведущих к потере трудоспособности. Не исключением является и Российская Федерация [4]. Так, по состоянию на 2018 г. численность пациентов, состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях оказывающих психиатрическую помощь составляет 1 млн 452 тыс. человек, численность пациентов, которым оказывается консультативно-лечебная помощь 2 млн 132 тыс. чел. взято под наблюдение пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни 59,1 тыс. человек; психические расстройства не психотического характера 17 тыс. человек; обратилось пациентов за консультативно-лечебной помощью 374,7 тыс. чел [5]. Неутешительные статистические данные обуславливают значительное количество административных дел о госпитализации в медицинскую организацию в недобровольном порядке [6].

В 2019 г. мир столкнулся с новой угрозой – новой коронавирусной инфекцией. На фоне неугасающей пандемии, пик которой пришелся на конец 2020 г. – начало 2021 г. актуальность приобрел вопрос, связанный с принудительной госпитализацией граждан в COVID-госпиталь в недобровольном порядке. Социальная необходимость и обоснованность последней очевидна, и обусловлена рядом причин: высокими риском заражения и уровнем смертности, неоднозначностью судебной практики, обширностью нормативно-правовой базы, регламентирующей рассматриваемые правоотношения. Важной особенностью указанных видов госпитализаций является, прежде всего то, что в данных случаях происходит легальное ограничение конституционных прав человека на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22), а также на свободу передвижения (ст. 27) и др.

Исследование актуальных вопросов целесообразно начать с рассмотрения тех явлений, факторов, которые диктуют необходимость постоянного научного осмысления с целью усовершенствования (дополнения) действующего механизма обеспечения прав и свобод гражданина.

1. Неполнота правового регулирования принудительной госпитализации лиц с подозрением или болеющими инфекционными заболеваниями в специализируемую медицинскую организацию в недобровольном порядке. В данном случаи речь идет о нормах КАС РФ, которым предусмотрено 2 вида госпитализации гражданина в медицинскую организацию в недобровольном порядке: госпитализация гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке (гл. 30); госпитализация гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке (гл. 31).

В то же время, на сегодня отсутствует правовое регулирование в КАС РФ вопросов, связанных с принудительной госпитализации лиц с подозрением на инфекционные заболевания, представляющих опасность для окружающих. На сегодня, су-

дебная практика по данному вопросу развивается путем применения ч. 4 ст. 2 КАС РФ, в случае отсутствия нормы процессуального права, регулирующей отношения, возникшие в ходе административного судопроизводства, суд применяет норму, регулирующую сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии такой нормы действует исходя из принципов осуществления правосудия в Российской Федерации (аналогия права). По аналогии суды применяют Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 50 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с рассмотрением судами административных дел о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке». По нашему мнению, в современных условиях требуется нормативная конкретизация правового механизма принудительной госпитализации лиц с подозрением на инфекционные заболевания, путем внесения дополнений в КАС РФ, а именно Главы 31-2 «Глава 30. Производство по административным делам о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую специализированную стационарную медицинскую помощь для лиц с инфекционными заболеваниями, в недобровольном порядке».

2. Действие нескольких законодательных актов с одним предметом правового регулирования, но разными масштабами регулируемых вопросов. Речь идет о нормах Санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1.3597-20 «Профилактика новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» [6] и Порядка госпитализации в медицинские организации пациентов с установленным диагнозом новой коронавирусной инфекции COVID-19 в зависимости от степени тяжести заболевания [7].

Очевидным различием Санитарных правил и указанного Порядка является круг лиц группы риска, подлежащих принудительной госпитализации. Если Порядком презюмируется обязательность госпитализации пациентов старше 65 лет, лиц, имеющих определенные сопутствующие заболевания и состояния, а также пациентов, проживающих с вышеуказанными лицами и не имеющих возможности находиться в отдельной комнате, то Санитарные правила к группе риска относят людей в возрасте 65 лет и старше, лиц, больных любыми хроническими заболеваниями, а также работников медицинских организаций. При этом, Санитарные правила в их первоначальной редакции, действовавшей до 13.11.2020, содержали требование о безоговорочной госпитализации лиц перечисленной категории, исключая из числа лиц, нахождение которых в условиях домашней изоляции допускается.

Несмотря на то, что в современной редакции Санитарные правила претерпели определенные изменения (в том числе из нормативного документа исключены вышеуказанные положения), осталось требование, устанавливающее обязательность госпитализации лиц с подтвержденным диагнозом COVID-19 или с подозрением на данное заболевание по эпидемиологическим показаниям. Одним из таких показаний является отсутствие возможности самоизоляции при наличии в окружении лиц, относящихся к группе риска. Подобная ситуация обуславливает возникновение неоднозначной правоприменительной практику. Так, в октябре 2020 г. 8-ми работникам Усть-Донецкого филиала ГБУ РО «Психоневрологический диспансер» установлен диагноз SARS-CoV-2 (COVID-19). В связи указанным, Территориальным отделом Управления Роспотребнадзора в г. Шахты были предъявлены административные иски о принудительной госпитализации работников. С учетом сложившейся на территории Ростовской области в целом и Усть-Донецкого района в

частности практики [8], решениями суда от 12.11.2020 требования Территориального отдела Роспотребнадзора удовлетворены в полном объеме.

Не согласившись с указанной позицией, как на стадии дачи заключения, так и на последующих стадиях процесса, прокуратурой Усть-Донецкого района на решения суда принесены апелляционные представления. В связи с неоднозначностью нормативной базы, в указанных представлениях прокурором обосновывалось невозможность применения требования Санитарных правил об обязательной госпитализации ко всем лицам с хроническими заболеваниями и всем работникам медицинских организаций. По мнению представителей Роспотребнадзора принудительной госпитализации, помимо работников медицинских организаций, также подлежат граждане с подтвержденным диагнозом новой коронавирусной инфекции, имеющие хронические заболевания, не связанные с бронхолегочной, сердечно-сосудистой, эндокринной системами, болезнями соединительной ткани, почек, печени, кишечника, онкологией и иммунодефицитом (например, хронические мигрень, отит, псориаз и др.). Перечень таких хронических заболеваний, течение которых при диагностировании COVID-19 возможно вне стационара, достаточно обширен.

Кроме того, прокурором было указано на необходимость рассмотрения каждого факта заболевания в индивидуальном порядке, принимая во внимание ряд обстоятельств, в том числе характер осуществляемой заболевшим лицом деятельности. Например, 2 из 8 подлежащих госпитализации работников диспансера являлись работниками пищевой промышленности (поварами) и в силу занимаемых должностей не контактировали с пациентами, один из которых стал причиной массового заражения. Результатом рассмотрения апелляционных представлений прокуратуры Усть-Донецкого р-на стало их удовлетворение и отмена судебных решений суда первой инстанции, а также восстановление прав административных ответчиков.

3. Нарушения процессуальных норм. Не менее важным обстоятельством, которое должен учитывать прокурор, является соблюдение сроков, установленных в КАС РФ. Отметим, что более 60% административных дел о госпитализации, рассматриваются с нарушением определенного в КАС РФ пятидневного срока. Срок рассмотрения дел составляет от 6 дней до 20 дней, в отдельных случаях может достигать двух месяцев [9]. В отдельных случаях несоблюдение сроков связано с ненадлежащей организацией работы прокуроров на местах. Анализ судебной практики позволяет выделить несколько причин, в результате наступления которых происходит нарушение пятидневного срока:

– во-первых, не приложены уведомление или иные документы, подтверждающие вручение административному ответчику и иным лицам копии административного искового заявления и приложенных к нему документов. Так, в случае подачи административного искового заявления, прокурор обязан выполнить положения ч.7 ст. 125 КАС РФ, а именно: «административный истец, обладающий государственными или иными публичными полномочиями, обязан направить другим лицам, участвующим в деле копии административного искового заявления и приложенных к нему документов, которые у них отсутствуют, заказным письмом с уведомлением о вручении или обеспечить передачу указанным лицам копий этих заявления и документов иным способом, позволяющим суду убедиться в получении их адресатом». В то же время, анализ судебной практики показывает, что административный иск по данной категории дел не должен оставаться без движения по одним лишь формаль-

ным основаниям (например, вместо почтового уведомления, предоставление заверенной копии реестра отправки почтовой заказной корреспонденции или предоставление реквизитов почтового отправления). Это связано с тем, что суд после его принятия вправе истребовать документы и материалы, необходимые для обеспечения правильного и своевременного рассмотрения и разрешения административного дела [9]. Кроме того, п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 50 определяет, что административное исковое заявление о госпитализации гражданина не может быть оставлено без рассмотрения в связи с неприложением к нему документов, подтверждающих вручение копии заявления административному ответчику, если суду представлены доказательства того, что административный ответчик отсутствует по ранее известному месту жительства (месту пребывания) или отказался от получения копии [10];

– во-вторых, не приложены история болезни гражданина, иные документы, на основании которых составлено заключение комиссии врачей о необходимости помещения гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке, документы, подтверждающие неоднократное нарушение административным ответчиком санитарно-противоэпидемического режима либо умышленное уклонение от лечения туберкулеза. Так, определениями судьи Цивильского районного суда Чувашской Республики от 21 февраля 2017 г. были оставлены без движения поступившие 20 февраля 2017 г. административные исковые заявления прокурора в защиту интересов неопределенного круга лиц к П.Л. и С.Г. о принудительной госпитализации в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке. Данное решение было принято в связи с тем, что прокурором к административному исковому заявлению не приложены история болезни, документы, подтверждающие систематическое нарушение административным ответчиком санитарно-противоэпидемического режима. Прокурору был предоставлен 14 дней для устранения недостатков. 10 марта 2017 г. в суд от прокурора поступили документы в целях устранения недостатков и лишь 13 марта 2017 г. судом административные исковые заявления приняты к производству суда (дело № 2а-244/2017 ~ М-133/2017, Цивильский районный суд Чувашской Республики) [11];

– в-третьих, неявка лица, в отношении которого решается вопрос о госпитализации без уважительных причин в судебное заседание, отказ данного лица от принятия судебного извещения, смена места жительства (места пребывания) лица. В таких случаях суд вправе: а) рассмотреть административное дело с участием в судебном заседании представителя административного ответчика, а при его отсутствии – с участием в судебном заседании назначенного судом адвоката [12]; б) руководствуясь ч. 1 ст. 120 КАС РФ может применить привод при наличии обязательных условий: извещение лица должно быть осуществлено надлежащим образом; неявка должна быть без уважительной причины; лицо заблаговременно не сообщило о причинах неявки. Однако, применение привода имеет некоторые ограничения, а именно: привод не может применяться к несовершеннолетним лицам, беременным женщинам, лицам, которые ввиду болезни, возраста или других уважительных причин не в состоянии явиться в судебное заседание по вызову суда (ч. 2 ст. 120 КАС). В таких случаях сроки рассмотрения дела могут откладываться на неопределенный период.

Подводя итог, следует отметить, что преодоление обозначенных проблем законодательного регулирования вопросов связанных с принудительной госпитализацией граждан в медицинскую организацию видится в изменении и дополнении законодательных актов, что в свою очередь позволит не допускать случаи «свободного» толкования правовых норм, исключение «двусмысленной» правоприменительной практики. Главной целью указанных направлений усовершенствования правового обеспечения в данной сфере является создание эффективного и понятного для всех субъектов правоприменения правовых и организационных основ принудительной госпитализации в медицинскую организацию.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // Справочная правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 03.02.2022).
2. Умершие по основным классам причин смерти [Электронный ресурс] URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0843/biblio02.php> (дата обращения 03.02.2022).
3. Демографические итоги I полугодия 2021 года в России [Электронный ресурс] URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0913/barom01.php> (дата обращения 03.02.2022).
4. Россия лидирует по числу психических расстройств » [Электронный ресурс] URL: <https://www.newsru.com/russia/30jan2007/russkiepsihi.html> (дата обращения 03.02.2022).
5. Здоровоохранение в России. 2019: Стат.сб./Росстат. - М., 3-46 2019. – С. 44-45.
6. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 22.05.2020 № 15 (ред. от 13.11.2020) «Об утверждении санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1.3597-20 «Профилактика новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_353494/e4deaf074c290821400cfad27f87d23d667c4cfd/ (дата обращения 03.02.2022).
7. Приказ Минздрава России от 19.03.2020 N 198н (ред. от 22.07.2021) «О временном порядке организации работы медицинских организаций в целях реализации мер по профилактике и снижению рисков распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19» [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348101/113f06199319dbb50e28daaac80e34214450766/ (дата обращения 03.02.2022).¹
8. Решение Усть-Донецкого районного суда Ростовской области от 30.06.2020 по административному делу № 2а-521/2020 [Электронный ресурс] URL: https://ustdonetsky-gos.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&srv_num=1&number=140127548&delo_id=154005&new=&text_number=1 . » (дата обращения 03.02.2022).
9. Справка по результатам изучения практики рассмотрения административных дел о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке с 15 сентября 2015 года по 26 мая 2017 года : Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Чувашской Республики [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/149926782/> (дата обращения 03.02.2022).
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 50 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с рассмотрением судами административных дел о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_338710/ [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/149926782/> (дата обращения 03.02.2022).
11. О госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке: Решение по делу № 2а-244/2017 ~ М-133/2017 [Электронный ресурс]. URL: https://civilsky-chv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=43386187&delo_id=154005 (дата обращения 03.02.2022).
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 50 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с рассмотрением судами административных дел о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_338710/ (дата обращения 03.02.2022).

Koliuka N. N., Basov A. V. Actual problems of legal regulation of consideration of administrative cases related to compulsory hospitalization of citizens // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – С. 80-86.

The article examines the factors that create stable prerequisites for the systematization of legislation, the norms of which regulate the consideration of administrative cases related to forced hospitalization of citizens, analyzes the problems of legal regulation in this area, taking into account the practice of law enforcement. The purpose of the study is to form ideas about the content of changes in national legislation on the issues of forced hospitalization of citizens in medical institutions, which is achieved through the solution of the following tasks: the study of factors hindering the effective regulation of issues of forced hospitalization of citizens in medical institutions; identification of problems of regulatory regulation of certain areas of forced hospitalization of citizens in medical institutions based on the analysis of legal norms and practice of their application; formulation of proposals on the prospects for the development of legislation. In this study, general scientific and private scientific methods of cognition of socio-legal phenomena were used: systemic and structural-functional. The identification of regulatory and law enforcement problems, the development of proposals for improving legal regulation were carried out using normative-logical and hermeneutic methods. As a result of the research, a number of author's conclusions are proposed, the essence of which is to optimize legal regulation, create effective, transparent, accessible to the understanding of the law enforcement officer of the basics of forced hospitalization of citizens in medical institutions.

Keywords: administrative cases, compulsory hospitalization, legislation, systematization, law enforcement practice.

Spisok literatury:

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii ot 12.12.1993 // Spravochnaya pravovaya sistema «Konsultant Plyus» [Elektronnyy resurs] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (data obrashcheniya 03.02.2022).
2. Umershiye po osnovnym klassam prichin smerti [Elektronnyy resurs] URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0843/biblio02.php> (data obrashcheniya 03.02.2022).
3. Demograficheskiye itogi I polugodiya 2021 goda v Rossii [Elektronnyy resurs] URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0913/barom01.php> (data obrashcheniya 03.02.2022).
4. Rossiya lideruyet po chislu psikhicheskikh rasstroystv » [Elektronnyy resurs] URL: <https://www.newsru.com/russia/30jan2007/russkiepsihi.html> (data obrashcheniya 03.02.2022).
5. Zdravookhraneniye v Rossii. 2019: Stat.sb./Rosstat. - M.: Z-46 2019. – S. 44-45.
6. Postanovleniye Glavnogo gosudarstvennogo sanitarnogo vracha RF ot 22.05.2020 № 15 (red. ot 13.11.2020) «Ob utverzhenii sanitarno-epidemiologicheskikh pravil SP 3.1.3597-20 «Profilaktika novoy koronavirusnoy infektsii (COVID-19)» [Elektronnyy resurs] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_353494/e4deaf074c290821400cfad27f87d23d667c4cfd/ (data obrashcheniya 03.02.2022).
7. Prikaz Minzdrava Rossii ot 19.03.2020 N 198n (red. ot 22.07.2021) «O vremennom poryadke organizatsii raboty meditsinskikh organizatsiy v tselyakh realizatsii mer po profilaktike i snizheniyu riskov rasprostraneniya novoy koronavirusnoy infektsii COVID-19» [Elektronnyy resurs] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348101/113f06199319dbb50e28daaac80e34214450766/ (data obrashcheniya 03.02.2022).
8. Resheniye Ust-Donetskogo rayonnogo suda Rostovskoy oblasti ot 30.06.2020 po administrativnomu delu № 2a-521/2020 [Elektronnyy resurs] URL: https://ustdonetsky--ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&srv_num=1&number=140127548&delo_id=1540005&new=&text_number=1 . » (data obrashcheniya 03.02.2022).
9. Spravka po rezultatam izucheniya praktiki rassmotreniya administrativnykh del o gospitalizatsii grazhdanina v meditsinskuyu protivotuberkulezную organizatsiyu v nedobrovolnom poryadke s 15 sentyabrya 2015 goda po 26 maya 2017 goda : Sudebnaya kollegiya po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda Chuvashskoy Respubliki [Elektronnyy resurs]. URL: <https://base.garant.ru/149926782/> (data obrashcheniya 03.02.2022).
10. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 26.11.2019 № 50 «O nekotorykh voprosakh. voznikayushchikh v svyazi s rassmotreniyem sudami administrativnykh del o gospitalizatsii grazhdanina v meditsinskuyu protivotuberkulezную organizatsiyu v nedobrovolnom poryadke» [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_338710/ (data obrashcheniya 03.02.2022).
11. O gospitalizatsii grazhdanina v meditsinskuyu protivotuberkulezную organizatsiyu v nedobrovolnom poryadke: Resheniye po delu № 2a-244/2017 ~ M-133/2017 [Elektronnyy resurs]. URL: https://civilsky-chv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=43386187&delo_id=1540005 (data obrashcheniya 03.02.2022).
12. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 26.11.2019 № 50 «O nekotorykh voprosakh. voznikayushchikh v svyazi s rassmotreniyem sudami administrativnykh del o gospitalizatsii grazhdanina v meditsinskuyu protivotuberkulezную organizatsiyu v nedobrovolnom poryadke» [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_338710/ (data obrashcheniya 03.02.2022).

УДК 342

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСПОЛНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К
АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОЯВЛЕНИЕ В
ОБЩЕСТВЕННЫХ МЕСТАХ В СОСТОЯНИИ АЛКОГОЛЬНОГО
ОПЬЯНЕНИЯ**

Кудовба О. Н.

Ростовский юридический институт МВД России

В статье автор рассматривает общественно-правовые отношения, возникающие при применении административной ответственности за правонарушения, связанные с посещением гражданами общественных мест в состоянии алкогольного опьянения, и, в свою очередь, общественные отношения, связанные с применением мер административного принуждения в рассматриваемом направлении. Анализирует проблемные вопросы и особенности, складывающихся в сфере административной ответственности в связи с появлением в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения. Дает рекомендации, которые помогут добиться наиболее эффективной, своевременной и успешной работы сотрудников полиции по предотвращению и пресечению правонарушений в рассматриваемой области, а также будут способствовать достижению максимальной эффективности в решении вопросов обеспечения производства по делам об административных правонарушениях указанной категории, неотвратимости наказания, а также обеспечения прав, свобод и законных интересов граждан.

Ключевые слова: административное правонарушение, административная ответственность, меры административного принуждения, алкогольное опьянение, медицинское освидетельствование.

Признание, соблюдение, защита прав и свобод человека и гражданина является основным вектором государственной политики Российской Федерации, правоприменительной практики правоохранительных органов. Значимым компонентом в определении стабильности государства выступает обеспечение общественной безопасности на его территории. На сегодняшний день сотрудники органов внутренних дел, а также иных взаимодействующих с ними служб и подразделений прилагают достаточно усилий для того, чтобы обеспечивать и поддерживать правопорядок в общественных местах на соответствующем уровне. Государство несет ответственность перед населением за усиление правопорядка, борьбу с правонарушениями, уделяя большее внимание правонарушениям, связанным с появлением граждан в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения. Рассматриваются позиции различных ученых-правоведов по поводу административной ответственности данной категории лиц. Производится анализ основных проблем в российском законодательстве, регулирующем привлечение лиц к административной ответственности за совершение правонарушений в области правопорядка и общественной безопасности.

Установление административной ответственности за те или иные деяния, служит одним из главнейших и основных правовых методов, которые выступают в качестве средства сдерживания прироста количества правонарушений в сфере общественного порядка, а задача же, содержащаяся в обеспечении безопасности каждого гражданина и общества, в целом, имеет центральную значимость для государства. Зна-

чительная роль в этом отнесена к полномочиям правоохранительных органов постольку они являются особо уполномоченным (специальным) субъектом, в функциональные обязанности которого входит защита жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов граждан страны, охрана и поддержание порядка в обществе, обеспечение безопасности каждого человека и гражданина, реализация государственных полномочий по избранию и применению мер административного пресечения.

В соответствии с ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое установлена административная ответственность.

Административные правонарушения, которые совершаются вследствие нахождения граждан в местах значительного скопления людей в состоянии алкогольного опьянения, служат причиной нанесения значительного вреда нормальной деятельности человека. Факт употребления алкоголесодержащих напитков, наркотикосодержащих средств и иных одурманивающих веществ в общественных местах, запрещенных законом, стало, безусловно, пороком нашего общества. Правонарушения в данной сфере, служат причиной нарушения общественного порядка и общественной безопасности. Указанные правонарушения являются основой появления дискомфорта в области общественно-правовых отношений, также создают препятствия проведению нормального досуга, влекут появление ощущения незащищенности и непосредственно боязни перед отрицательными последствиями, появляющимися в сопровождении с совершенными правонарушениями.

В российском законодательстве особое место и роль отводится правонарушениям, совершаемым в состоянии алкогольного опьянения, в связи с отрицательным воздействием на общественность. Необходимо учесть, что в процессе модификации нормативной составляющей деятельности органов внутренних дел, формируются некоторые вопросы различного характера (организационного, правового и иного). Для того, чтобы добиться наиболее эффективной, своевременной и успешной работы сотрудников полиции по предотвращению и пресечению правонарушений в рассматриваемой области, требуется достаточно серьезно подойти к правовой регламентации как оснований, так и порядка, процедуры реализации мер административного принуждения.

Одним из основных признаков административных правонарушений, которые связаны с нахождением лиц в запрещенных законом общественных местах в состоянии алкогольного или же иного опьянения, является их противоправность. Данный признак указан в ст. 2.1 КоАП РФ и означает то, что-то или иное общественно опасное деяние запрещено административным законом под угрозой применения соответствующих санкций [1, с. 76-77]. Признак противоправности непосредственно связан с виной того или иного лица в совершении правонарушения. Таким образом, противоправность является юридической характеристикой правонарушения, то есть проявления вне, а вина – служит свидетельством его внутренней характеристики (субъективной).

Еще одним из основных признаков административного правонарушения в указанной области является наказуемость противоправного деяния. Это означает, что, основываясь на признаке противоправности, существует угроза применения в

отношении лица, совершившего противоправный проступок, соответствующих мер принуждения со стороны государственных органов.

К примеру, запрет на употребление алкоголесодержащей продукции в тех или иных местах, установлен Федеральным законом от 22.11.1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», а соответствующее наказание за нарушение установленного запрета предусмотрена ст. 20.20 КоАП РФ.

Учитывая изложенное выше, мы можем охарактеризовать административное правонарушение, которое связано с посещением и нахождением лица в состоянии опьянения в запрещенных законом местах, как противоправное, виновно совершенное, общественно опасное деяние (действие или бездействие) физического лица, которое находится в состоянии алкогольного или иного опьянения, создает реальную или потенциальную угрозу личной и (или) общественной безопасности, и тем самым нарушает соответствующее законодательство, регулирующее поведение гражданина в местах большого скопления людей и за совершение которого административным законодательством предусмотрена административная ответственность.

Путем производства анализа было установлено, что действующие нормативно-правовые акты, направленные на регулирование правонарушений в сфере административной ответственности граждан за их появления в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения, указывают на различные виды санкций, к которым относят: административный штраф, административный арест.

Институт административной ответственности указывает на проблему, связанную с применением административного штрафа в отношении лица, появившегося в состоянии алкогольного опьянения в общественном месте. Данная проблема характеризуется тем, что зачастую лица, привлекаемые по ст. 20.21 КоАП РФ, являются неплатежеспособными, либо временно неработающими и т.д., что приводит к уклонению от исполнения санкции.

Для лиц, привлекаемых к административной ответственности за указанный вид правонарушений, характерен антисоциальный образ жизни, зачастую у данных лиц отсутствует регулярный источник дохода. Следовательно, представленные лица не будут идентифицировать административный штраф с обязанностью отвечать за свои действия перед законом Российской Федерации, они не считают, что данная санкция должна быть неукоснительно исполнена. Таким образом, применение административного штрафа в отношении данной категории лиц считается не достаточно эффективной мерой для достижения целей института административной ответственности.

Систему признаков административного правонарушения следует отличать от его юридического состава, который является единственным основанием для привлечения лица к административной ответственности. «Какие бы сложные очертания ни принимали основания юридической ответственности, все это не должно заслонять главного: юридическая ответственность устанавливается за совершенное правонарушение, и поэтому решающую роль в системе фактов, предопределяющих юридическую ответственность, всегда играет состав правонарушения».

Соответствующее деяние не будет считаться административным правонарушением, если в его составе не будет того или иного объекта, на который было направлено противоправное действие или бездействие, либо который не охраняется и не защищается административным законодательством [2, с. 19]. Занимая место одного из обязательных элементов состава административного правонарушения, объект зачастую играет определяющую роль в процессе дифференциации разнообразных форм общественно противоправного поведения. Данный факт служит условием придания непосредственной значимости как в теории, так и на практике правильному и точному пониманию категории объекта правонарушения, который связан с посещением и нахождением опьяненного лица (лиц) в запрещенных законом общественных местах.

Большинство авторов утверждают, что «целью применения административного наказания не является и не может являться удовлетворение финансовых интересов государства» [3, с. 6]. Такой «фискальный подход не имеет право на существование, так как искажает саму природу административной ответственности» [4, с. 45]. Основной целью наказания же должно являться воспитание правонарушителей и предупреждение того, что в последующем ими могут быть совершены новые правонарушения в сфере общественных отношений, охраняемых административным законом.

Статья 20.20 КоАП РФ устанавливает административную ответственность за распитие алкогольных напитков в подъездах, на детских площадках и прочих местах, запрещенных законом, в виде административного штрафа или административного ареста.

Статья 20.21 КоАП РФ также устанавливает административную ответственность в виде штрафа или административного ареста за появление в общественных местах в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность.

По нашему мнению, успех в достижении цели административной ответственности путем применения наказания зависит в большей степени не от строгости, а, напротив, от верного выбора той, или иной меры воздействия на привлекаемое лицо с учетом его личностных особенностей. Необходимо учитывать различные факторы при назначении наказания: социальное и материальное положение лица, семейное положение и др. Следовательно, чтобы цели административной ответственности были эффективны, необходимо избирать такую санкцию в отношении отдельно взятого правонарушителя, которая поставила бы его не только в трудную финансовую ситуацию. Требуется особое внимание уделять правосознанию привлекаемого лица, развивать уважение к российскому законодательству и обществу.

Законодательно установлен запрет на употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, в том числе, и на популярное у молодого поколения пиво во всех общественных местах (дворы, подъезды, детские, образовательные, спортивные, медицинские объекты и прилегающие к ним территории, парки, лесные массивы), а также во всех видах общественного транспорта и в иных местах массового скопления людей.

Алкогольная продукция подразделяется на такие виды, как спиртные напитки (в том числе водка, коньяк), вино, фруктовое вино, ликерное вино, игристое вино

(шампанское), винные напитки, пиво и напитки, изготавливаемые на основе пива, сидр, пуаре, медовуха; а спиртосодержащей является алкогольная продукция, произведенная на основе этилового спирта.

Благодаря мерам административного пресечения, сотрудники полиции обладают возможностью задерживать правонарушителей и обеспечивать соблюдение установленного в обществе порядка [5, с. 49]. Содержание и особенности упомянутых мер раскрыто в различных нормативно-правовых актах. Изучение множества вопросов, которые связаны с деятельностью государственных органов в направлении борьбы с алкоголизмом и наркоманией, дает нам возможность для выделения как правовых, так и организационных проблем, сталкиваясь с которыми сотрудникам правоохранительных органов приходится ежедневно в связи с выполнением своих служебных обязанностей.

Отличительной чертой работы полицейских при пресечении исследуемого вида правонарушения является то, что виновного необходимо доставить из места совершения проступка, то есть из общественного места, в орган внутренних дел. Эта мера подлежит применению с целью пресечения совершения противоправного деяния, опасных последствий, а также для установления личности виновного лица, составления соответствующего протокола об административном правонарушении, так как отсутствует возможность его составления по месту совершения и выявления, с целью обеспечения своевременного рассмотрения и разрешения дела об административном правонарушении [6, с. 159-164].

Можно выделить следующие виды доставления правонарушителя в указанной области: в медицинские учреждения при возникновении потребности в медицинской помощи; в медицинскую организацию с целью производства соответствующего медицинского освидетельствования нахождение лица в состоянии опьянения; в правоохранительные органы [7, с. 109–112].

В случаях, когда отсутствуют основания для оказания медицинской помощи в условиях стационара, правонарушители, находящиеся в состоянии алкогольного опьянения, доставляются в территориальный орган МВД России.

Вызвано это необходимостью пресечения совершаемого на тот момент правонарушения, чтобы защитить общество и пресечь поведение, оскорбляющее человеческое достоинство.

Исходя из судебной практики, часто возникают случаи, когда административный штраф выносится в отношении лиц, находящихся в трудном материальном положении. Данные лица не способны оплатить штраф, а, следовательно, в отношении них эффективней применять такую меру наказания, как административный арест.

Запрет распития алкогольной и спиртосодержащей продукции в общественных местах установлен законодателем с целью предупреждения совершения правонарушений и преступлений, а также снижения числа смертности населения, не только от некачественно алкоголя, но и от его чрезмерного потребления, в том числе несовершеннолетними.

Несовершеннолетние часто прибегают к помощи взрослых для покупки алкогольной продукции. Склонение и вовлечение несовершеннолетнего в процесс употребления алкогольной и спиртосодержащей продукции является административным правонарушением, предусмотренным ст. 6.10 КоАП РФ, также наказание грозит родителям, вовлекающим детей в данный процесс.

Именно родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей, в том числе, они обязаны заботиться о нравственном развитии и здоровье детей. Социализация несовершеннолетних проходит под воздействием различных внешних факторов, но основную роль на протяжении всего формирования личности играет семья. Родители, не только призывающие соблюдать закон, но и своим примером, демонстрирующие законопослушное поведение, могут стать куда более действенным стимулом для подростка, чем боязнь наказания.

Поэтому родители должны знать, что неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних является основанием для привлечения к административной ответственности по ч. 1 ст. 5.35. КоАП РФ.

Требования ст. 27.12.1 КоАП РФ устанавливает основания для медицинского освидетельствования на состояние опьянения. В то же время, по нашему мнению, законодатель не в полной мере сформулировал цели данного действия.

Исследование правоприменительной практики в данной области также отражает другую проблемную ситуацию – не каждое медицинское учреждение имеет лицензию на право проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Эту процедуру может проводить только врач психиатр-нарколог. При невозможности проведения осмотра врачом-специалистом осмотр проводится врачом другой специальности, прошедшим на базе наркологической больницы или наркологического диспансера (наркологического отделения медицинской организации) подготовку по вопросам проведения медицинского освидетельствования по программе, предусмотренной приложением № 7 к приказу Министерства здравоохранения Российской Федерации от 14.07.2003 г. № 308 «О медицинском освидетельствовании на состояние опьянения».

Можно выделить два основных вида освидетельствования:

1) освидетельствование на месте, которое проводится непосредственно сотрудниками ГИБДД. Данное освидетельствование подлежит применению для установления состояния алкогольного опьянения. Его проводят путем использования специального технического средства измерения – алкотестера. При помощи данного прибора устанавливается концентрация паров алкоголя в воздухе, который выдыхает водитель;

2) медицинское освидетельствование, которое подлежит проведению только в стационарных условиях в медицинской организации, которая имеет специальную лицензию. Также, допустимо применение специально для этого специально оборудованных пунктов (автомобилей).

В случае остановки транспортного средства, водитель которого, по мнению сотрудника ГИБДД, находится в состоянии опьянения, сотрудник вправе направить водителя на медицинское освидетельствование. К внешним признаками опьянения можно отнести стойкий запах алкоголя, отсутствие устойчивости водителя, нарушение речи, тремор рук, изменение цвета кожного покрова лица, поведение водителя, не соответствующее обстановке. При выявлении вышеперечисленных признаков сотрудник ГИБДД должен освидетельствовать водителя при помощи алкотестера. Допустимая норма алкоголя в выдыхаемом воздухе водителя – 0,16 промилле.

При проведении освидетельствования необходимо соблюдение следующих требований: обязательное присутствие двух понятых, которые в последующем своими подписями подтвердят показания специального прибора подписями в протоколе; допустима видеозапись освидетельствования; при отказе водителя от освидетельствования, понятые должны также подтвердить этот факт подписями в протоколе.

При несогласии лица, с результатами освидетельствования на состояние опьянения, сотрудник полиции должен направить данное лицо на медицинское освидетельствование.

Важной особенностью медицинского освидетельствования является то, что с его помощью можно установить не только алкогольное, но и другие виды опьянения [8, с. 50-53].

Водителя, находящегося в состоянии опьянения, необходимо отстранить от управления транспортным средством и доставить в медицинскую организацию. После проведения медицинского освидетельствования, независимо от его результатов, инспектор также должен доставить водителя обратно к транспортному средству.

Результаты медицинского освидетельствования подлежат отражению в специальном акте, составляемом сотрудником лаборатории. Допустимая норма содержания алкоголя в крови – 0,35 промилле. В дальнейшем медицинское заключение подлежит приобщению к протоколу об административном правонарушении.

Для принятия решения о привлечении водителя к административной ответственности в суд должны быть предоставлены следующие документы: определение ГИБДД о передаче материалов дела в суд, протокол об отстранении водителя от управления транспортным средством, акт освидетельствования на состояние алкогольного с документом, отражающим результаты исследования, документ о направлении на медицинское освидетельствование, акт о результатах медицинского освидетельствования на состояние алкогольного или наркотического опьянения, протокол об административном правонарушении, рапорт инспектора ГИБДД и письменные показания понятых.

Если водитель не согласен с принятым решением, он может его обжаловать в установленном законом порядке. Отказ водителя транспортного средства от прохождения освидетельствования на состояние алкогольного опьянения влечет административную ответственность по ст. 12.26 КоАП РФ.

За повторное нарушение правил дорожного движения водителю грозит уже уголовная ответственность, предусмотренная ст. 264.1 УК РФ. Водители зачастую путают понятия освидетельствование и медицинское освидетельствование на состояние опьянения. Первая процедура проводится сотрудниками ГИБДД, а вторая медицинскими работниками. На медицинское освидетельствование водитель направляется уже после проверки сотрудниками ГИБДД.

Лицам, которых неоднократно привлекали к административной ответственности за вождение автомобиля в состоянии опьянения, а также лицам, которые распивали алкогольную продукцию в общественных местах, предлагается в обязательном порядке, по постановлению суда, пройти лечение. Предполагается, что данные меры

могут способствовать уменьшению количества административных правонарушений, совершаемых в состоянии опьянения.

Лица, злоупотребляющие алкогольными напитками, находящиеся в состоянии опьянения, опасны как для семьи, так и для социума, так как, находясь в подобном состоянии, они способны совершить не только административные правонарушения, но и тяжкие преступления.

Практика принудительного лечения указанных лиц существует во многих странах. В США, например, такие лица подвергаются судом к принудительным работам и прохождению обязательной реабилитации (занятие с психологом, посещение групп «анонимных алкоголиков»). В нашей же стране подобные меры законодательством не предусмотрены, и подобные правонарушения совершаются снова.

Законодательное закрепление указанных нами мер должно облегчить жизнь как людям, злоупотребляющим алкогольными напитками, так людям, их окружающим.

Очень важно понять, как будут лечить таких людей – в закрытом профилактории без доступа членов семьи или в обычном диспансере, платно или бесплатно, а также как к такому решению отнесется работодатель правонарушителя. Нужно учесть все важные моменты, прежде чем применять указанные меры, иначе применять данные меры применять на практике будет не целесообразно.

Полагается, что данные рекомендации будут способствовать достижению максимальной эффективности в решении вопросов обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, неотвратимости наказания, а также обеспечения прав, свобод и законных интересов граждан.

Список литературы:

1. Самощенко И. С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. – Москва, 1963. – С. 76–77.
2. Печеницын В. А. Состав административного проступка и его значение в юрисдикционной деятельности органов внутренних дел: учебное пособие. – Хабаровск, 1988. – С. 19.
3. Рогачева О. С. Эффективность норм административно-деликтного права: монография. – Воронеж, 2011. – С. 6.
4. Жильцов А. В. Административная ответственность за неуплату административного штрафа в срок, установленный законом, и роль полиции в ее применении: монография / А. С. Жильцов, Н. Н. Цуканов. – Москва, 2016. – С. 45.
5. Адмиралова И. А. Права и свободы граждан и роль административной деятельности полиции в их обеспечении: монография. – Москва, 2014. – С. 49.
6. Дизер О. А. Отдельные меры принуждения, применяемые полицией за совершение правонарушений, предусмотренных ст. 20.21 КоАП РФ / О. А. Дизер, М. Ю. Водяная // Актуальные проблемы административной ответственности: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции (29 мая 2015 г.). – Омск, 2015. – С. 159–164.
7. Водяная М. Ю. Реализация полицией права на доставление лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – 2016. – № 1-1. – С. 109–112.
8. Кирюхин В. В. Проблемы применения медицинского освидетельствования на состояние опьянения при производстве по делам об административных правонарушениях и пути их законодательного регулирования / В. В. Кирюхин, А. М. Соколов // Административное право и процесс. – 2019. – № 4. – С. 50–53.

O. N. Kudovba. On some issues of the implementation of administrative legislation in the field of bringing to administrative responsibility for appearing in public places while intoxicated // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2022. – T. 8 (74). № 2. – P. 87-95.

In the article, the author considers social and legal relations arising from the application of administrative responsibility for offenses related to citizens visiting public places while intoxicated, and, in turn, public relations associated with the use of administrative coercion measures in this direction. Analyzes problematic issues and features that develop in the field of administrative responsibility in connection with the appearance in public places in a state of intoxication. Gives recommendations that will help achieve the most effective, timely and successful work of police officers in preventing and suppressing offenses in this area, and will also contribute to achieving maximum efficiency in solving issues of ensuring proceedings in cases of administrative offenses of this category, the inevitability of punishment, as well as ensuring rights, freedoms and legitimate interests of citizens.

Key words: administrative offense, administrative responsibility, measures of administrative coercion, alcohol intoxication, medical examination.

Spisok literatury:

1. Samoshchenko I. S. Ponyatie pravonarusheniya po sovetskomu zakonodatel'stvu. – Moskva, 1963. – S. 76–77.
2. Pechenicyn V. A. Sostav administrativnogo prostupka i ego znachenie v yurisdikcionnoj deyatelnosti organov vnutrennih del: uchebnoe posobie. – Habarovsk, 1988. – S. 19.
3. Rogacheva O. S. Effektivnost' norm administrativno-deliktnogo prava: monografiya. – Voronezh, 2011. – S. 6.
4. ZHil'cov A. V. Administrativnaya otvetstvennost' za neuplatu administrativnogo shtrafa v srok, ustanovlennyy zakonom, i rol' policii v ee primenenii: monografiya / A. S. ZHil'cov, N. N. Cukanov. – Moskva, 2016. – S. 45.
5. Admiralova I. A. Prava i svobody grazhdan i rol' administrativnoj deyatelnosti policii v ih obespechenii: monografiya. – Moskva, 2014. – S. 49.
6. Dizer O. A. Otdel'nye mery prinuzhdeniya, primenyaemye policiej za sovershenie pravonarushenij, predusmotrennyh st. 20.21 KoAP RF / O. A. Dizer, M. YU. Vodyanaya // Aktual'nye problemy administrativnoj otvetstvennosti: materialy VIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (29 maya 2015 g.). – Omsk, 2015. – S. 159–164.
7. Vodyanaya M. YU. Realizaciya policiej prava na dostavlenie lic, nahodyashchihsya v sostoyanii alkogol'nogo op'yaneniya // Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii. – 2016. – № 1-1. – S. 109–112.
8. Kiryuhin V. V. Problemy primeneniya medicinskogo osvidetel'stvovaniya na sostoyanie op'yaneniya pri proizvodstve po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah i puti ih zakonodatel'nogo regulirovaniya / V. V. Kiryuhin, A. M. Sokolov // Administrativnoe pravo i process. – 2019. – № 4. – S. 50–53.

УДК 325.14

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Климова Д. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Регулирование миграционных процессов – одно из основных направлений Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. С вхождением Республики Крым в состав Российской Федерации изменился характер и динамика миграционных процессов на территории полуострова. В статье отражены правовые основы миграционной политики Российской Федерации и рассмотрена государственная политика регулирования миграционных процессов на современном этапе. Приведена статистика миграционной ситуации в Российской Федерации и Республике Крым, выявлены и проанализированы основные показатели миграционной активности. Рассматриваются некоторые проблемы правового регулирования миграционных потоков и обосновывается необходимость совершенствования законодательства в сфере миграции.

Отражены отдельные вопросы противодействия незаконной миграции органами внутренних дел Республики Крым на современном этапе. Предлагаются основные направления и ряд мероприятий по предупреждению и противодействию нелегальной миграции на территории Республики Крым.

Ключевые слова: миграция, миграционная политика, нелегальная миграция, трудовые мигранты, органы внутренних дел, противодействие, Российская Федерация, Республика Крым.

Миграция сегодня неотъемлемая часть современного глобализованного мира. Современный этап характеризуется увеличением масштабов миграционных процессов, расширением и развитием связей и интеграции между странами. По данным ООН, РФ является четвертой страной в мире по числу принимаемых мигрантов, большинство из которых – это граждане постсоветских центрально-азиатских республик [17]. Только в 2021 г. в России на миграционный учет было поставлено 13 392 897 иностранных граждан и лиц без гражданства, что на 3 590 449 больше в сравнении с аналогичным периодом 2020 г. (9 802 448 соответственно) [20]. И это несмотря на ограничения, действующие в связи с пандемией.

Анализируя миграцию в целом, можно с уверенностью сказать, что это явление многостороннее, которое имеет как позитивные, так и негативные стороны. В качестве позитивных аспектов следует отметить приток низкооплачиваемой рабочей силы, позволяющей заполнить рабочие места, особенно в жилищно-коммунальной сфере, сельском хозяйстве, строительстве и сфере услуг, что существенно влияет на экономический уровень. Мигранты всегда вносили свой вклад в развитие любого государства, его экономической, социальной и культурной сферы. Вместе с тем, негативным и небезопасным для государства является незаконная миграция, которая выступает одной из наиболее опасных угроз национальной безопасности.

Неконтролируемая миграция может быть причиной межнациональной напряженности в обществе. На примере отдельных европейских стран, где постоянно возникают вспышки агрессии, видим, к чему это может привести. Нелегальная миграция провоцирует рост социальной напряженности, что в последствии ведет к явлениям ксенофобии и экстремизма. Все чаще она рассматривается как один из возможных путей распространения терроризма.

Иностранные граждане и лица без гражданства, которые пребывают на территории России нелегально, нарушают при этом требования не только миграционного законодательства. И это не случайно, учитывая, что указанная категория лиц государственному учету не поддается, из систем официального трудоустройства, социальной защиты и налогообложения исключена. Социальные права нелегальных мигрантов не обеспечиваются, их семьи лишены государственных гарантий получения образования и медицинской помощи. В результате они находят средства к жизни зачастую совершая правонарушения. Поэтому в условиях усиления миграционных потоков, вопросы реализации миграционной политики и ее эффективность вызывают особую актуальность.

Своеобразную зону миграционных процессов представляет Республика Крым, которая вошла в состав Российской Федерации в 2014 г. В целом Республика Крым является одним из ведущих субъектов по развитию миграционных процессов, что во многом обуславливается мягкой климатической зоной и благоприятным географическим положением, что позволяет мигрантам успешно трудоустроиться не только в сезон туризма, но и в любое другое время года. Безусловно, активизация миграционных процессов на крымском полуострове не могла не повлиять на рост населения.

Так, в 2021 г. численность постоянного населения по городским округам и муниципальным районам Республики Крым составила 1 901 578 постоянных жителей [13]. Относительно недавно Правительство РФ ввело послабления на въезд трудовых мигрантов из Азербайджана, Армении, Белоруссии, Киргизии, Казахстана, что позволило стабилизировать уровень миграционных потоков. Эти послабления способствовали приросту населения и за 2021 г. в Крым прибыло 4,8 тысяч человек [8]. За время нахождения Крыма в составе Российской Федерации численность населения полуострова выросла более чем на 70 тысяч [13].

Однако нельзя не отметить и тот факт, что постоянный приток иностранных граждан оказывает воздействие не только на социальную, экономическую, политическую ситуацию, но и на криминальную обстановку. Так, по данным МВД по Республике Крым за 2020 г. иностранными гражданами было совершено 1015 преступлений, а за 2019 г. – 925 преступлений, что свидетельствует о росте преступлений, совершаемых мигрантами [21].

Миграционные процессы в России в целом, и в Республике Крым, в частности, регулируются системой источников, во главе которой находятся нормы международного права, признанные РФ, Конституция РФ, федеральные законы, законодательство Республики Крым и подзаконные нормативные правовые акты. Указанные источники определяют совокупность и объем прав и обязанностей иностранцев на территории пребывания, а также обеспечивают соблюдение административного регламента при предоставлении государственных услуг в сфере миграции, и препятствуют возможности оказания услуг в обход закона.

В Конституции РФ закреплено право (при законном нахождении на территории государства) свободно передвигаться и выбирать место жительства, работы, учебы или отдыха. Граждане страны, иностранцы и лица без гражданства имеют право выезжать за пределы границ нашего государства, а для граждан России также закреплено нормами данной статьи право беспрепятственно возвращаться на территорию государства [6]. Таким образом, свободное перемещение должно быть осуществлено исключительно в соответствии с действующим законодательством.

Анализируя Концепцию государственной миграционной политики на 2019-2025 гг., как основной стратегический документ в сфере миграционной политики, можно отметить тот факт, что в последние годы произошел мощный поток мигрантов из стран Ближнего Востока, Северной Африки на территории Европы, который существует уже на протяжении последних десяти лет. Вследствие этого ухудшилась криминогенная обстановка в Европе. Подобного рода явления могут стать опасными, как и для России, так и для соседних стран [10].

Таким образом, в современных условиях борьба с нелегальной миграцией является первоочередным направлением государственной миграционной политики. Об этом неоднократно акцентировал внимание и Министр внутренних дел России. Выступая в 2021 г. на заседании Совета Министров внутренних дел государств-участников СНГ, В.А. Колокольцев отметил, что миграционная составляющая является значимым фактором региональной безопасности, и в качестве перспективного направления развития сотрудничества в сфере противодействия незаконной миграции он назвал «реадмиссионный диалог и обмен сведениями о гражданах СНГ, сменивших свои установочные данные с целью въезда в страны Содружества» [3].

МВД России значительно сократило долю нелегальной миграции благодаря использованию специальной информационной системы, которая дистанционно закрывает въезд на территорию государства лицам, нарушившим законодательство РФ [9]. Однако, считаем, что бороться с нелегальной миграцией только за счет ограничений невозможно. Указанная проблема шире и требует комплексной, динамичной, скоординированной, нормативно и финансово обеспеченной системы средств.

Своевременное информирование о порядке исполнения иностранными гражданами действующего национального законодательства, а также действенная система контроля за их пребыванием и осуществлением трудовой деятельности мигрантов, по нашему мнению, являются действенными методами противодействия нелегальной миграции. Здесь важен взвешенный и всесторонний подход, эффективная организация профилактических мер, направленных на предупреждение фактов незаконной миграции, эффективная борьба с преступлениями в указанной сфере.

Так, в целях профилактики совершения правонарушений Управлением по вопросам миграции МВД по Республике Крым ежегодно (до 20 декабря) утверждается и направляется в соответствующие территориальные подразделения подпрограмма профилактики рисков причинения вреда охраняемым законом ценностям при осуществлении Федерального госконтроля (надзора) в сфере миграции [7].

В ходе реализации указанной подпрограммы в 2021 году сотрудники Управления по вопросам миграции МВД по Республике Крым проводили встречи с представителями среднего и малого предпринимательства, где обсуждался порядок привлечения к трудовой деятельности иностранной рабочей силы в Российской Федерации; принимали участие в работе расширенного совместного совещания-семинара на базе Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского в целях обеспечения соблюдения миграционного законодательства иностранными студентами, где рассматривали вопросы изменения законодательства в сфере миграционной политики, соблюдения правил пребывания, постановки на учет, пересечения Государственной границы и ответственности за нарушения требований национального законодательства [22].

Кроме того, представители Управления по вопросам миграции МВД принимали участие в межведомственном совещании, организованном Сектором социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов в Республике Крым Государственного комитета по делам межнациональных отношений РК [4]. В ходе совещания участникам были предоставлены материалы с полезной информацией для иностранных граждан «Добро пожаловать в Республику Крым!», копии которых размещены на информационных стендах в помещении ФГУП «Паспортно-визовый сервис» МВД России. По итогам проведения семинар-совещаний обеспечено освещение данных мероприятий в средствах массовой информации, в частности на официальных сайтах У(О)МВД в «Интернет».

В декабре 2021 г. сотрудники полиции приняли участие в совещании по вопросу государственных услуг, предоставляемых МВД по Республике Крым. Рабочая встреча прошла при Министре внутренней политики, информации и связи Республики Крым М.С. Афанасьеве, на ней обсуждался вопрос реализации проекта «Не один на один», направленного на оказание помощи соотечественникам, желающим вернуться в Россию из-за рубежа [15].

В целях снижения количества нарушений, допускаемых при осуществлении миграционного учета гостиницами и средствами размещения, своевременного поступления информации о прибывающих иностранных гражданах, сотрудниками УВМ МВД по Республике Крым разъясняются положения нормативных правовых актов в части осуществления миграционного и регистрационного учетов и требования к предоставляемой информации.

С иностранными гражданами и лицами без гражданства на постоянной основе проводится работа по разъяснению действующих нормативных правовых актов, оказывается консультативная помощь при оказании им государственных услуг как лично, так и по номерам телефонов «горячей линии»). Вся необходимая мигрантам информация своевременно обновляется и размещается на официальном сайте МВД по Республике Крым, Государственного комитета по делам межнациональных отношений, на информационных стендах и в средствах массовой информации.

Также в целях профилактики и снижения уровня преступности на улицах и в других общественных местах, в том числе совершаемых иностранными гражданами, а также стабилизации оперативной обстановки на территории республики МВД по Республике Крым организуются и систематически проводятся ряд оперативно-профилактических мероприятий под условными наименованиями «Нелегальный мигрант», «Патент» и др.

Проводимые территориальными органами МВД на районном уровне подчиненными МВД по РК, в том числе подразделениями по вопросам миграции, мероприятия направлены на выявление незаконно находящихся иностранных граждан, которые могут нелегально трудиться или добывать доходы преступным путем, становясь зависимыми от различного вида криминальных групп и сообществ.

В частности, по результатам оперативно-профилактического мероприятия «Патент-2», направленного на пресечение незаконного использования иностранных работников организациями-работодателями, а также для перекрытия каналов незаконной миграции и торговли людьми, в июле 2021 года была осуществлена проверка более 1300 объектов, а также около 800 иностранных граждан. Сотрудники полиции пресекли более 300 нарушений миграционного законодательства. Общая сумма

наложенных штрафных санкций составила более полумиллиона рублей. Кроме того, возбуждено около двадцати уголовных дел, а также выявлены иностранные граждане, находящиеся в федеральном розыске [23]. В ходе мероприятия «Нелегальный мигрант» (в 2020 г.) выявлено и пресечено 286 нарушений миграционного законодательства, возбуждено 22 уголовных дела [5].

Проведение подобных операций безусловно позволяет сохранять стабильную миграционную обстановку в Республике Крым, а также не допускать проникновение в страну лиц, уличенных ранее в противоправной деятельности.

Проанализировав правоприменительную практику, выявляем существование значительного количества нарушений, которые связаны с несоблюдением миграционного законодательства, что свидетельствует о необходимости совершенствования механизма привлечения мигрантов к административной и уголовной ответственности, а также осуществление контрольно-надзорной деятельности со стороны уполномоченных государственных органов.

Одним из основных направлений реализации государственной миграционной политики Российской Федерации в Концепции государственной миграционной политики было определено дальнейшее совершенствование миграционного законодательства. В частности, указывается, что оно «ориентировано на привлечение временных иностранных работников и не содержит мер, способствующих переезду на постоянное место жительства, адаптации и интеграции мигрантов» [10].

Отметим, что и в региональных документах стратегического планирования в сфере миграции – это положение нашло свое отражение, в частности, в разделе 2 Плана мероприятий по социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов в Республике Крым на 2020-2022 гг. [14].

В Плате подробно изложены временные рамки и мероприятия, которые проводились и будут проводиться на территории Республики. К ним относятся проведение семинаров и круглых столов по вопросам межнациональных взаимодействий, осуществление мониторинга за деятельностью мигрантов, а также мониторинга с целью предупреждения развития нелегальных миграционных потоков. Помимо культурной сферы, в плане содержатся мероприятия по социальной защите трудовых мигрантов в области здравоохранения, с целью их благоприятного проживания.

Однако здесь стоит отметить, что кроме органов государственной власти вопросами социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов должны заниматься также институты гражданского общества, в частности речь идет о национально-культурных автономиях и диаспорах, религиозных и общественных организациях. Считаем, что взаимодействие с указанными субъектами на сегодняшний день необходимо совершенствовать. И в первую очередь, это касается такого уникального региона как Республика Крым, где на сегодняшний день проживает около двухсот национальностей [19, с. 77]. Так, только в муниципальном образовании городской округ Симферополь Республики Крым зарегистрировано и осуществляет свою деятельность 21 национально-культурная автономия, призванная обеспечить сближение различных наций и взаимодействие культур [12; 18, с. 22].

Однако нельзя не отметить, что деятельность национально-культурных автономий будет эффективной только в том случае, если они совместно с органами государственной власти будут выступать своеобразными социальными регуляторами в целях успешной социально-культурной адаптации мигрантов, а именно будут

участвовать в реализации программ федерального, регионального и муниципального уровней, а также в профилактике и разрешении межэтнических конфликтов.

Кроме того, по справедливому мнению, А.Н. Сандугей, «принципиальные основы миграционной политики по-прежнему вызывают научные дискуссии» [16, с. 20].

Так, в соответствии с Концепцией эффективность миграционной политики зависит от степени информированности иностранных и российских граждан о требованиях законодательства Российской Федерации и мерах ответственности за их нарушение [10]. Ранее государственная политика базировалась на принципе открытости и доступности информации о миграционных процессах и принимаемых решениях в области реализации государственной миграционной политики Российской Федерации. Этот принцип отчасти корреспондируется с положениями указанного п. 17 Концепции. Однако в число основных принципов современной миграционной политики он не входит. Наряду с этим, весьма странной трансформации был подвержен принцип «взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления, развития институтов социального партнерства и гражданского общества» [16, с. 21].

Таким образом, отсутствие налаженного межведомственного взаимодействия негативно сказывается на реализации государственной миграционной политики. Многие процессы нормативно не урегулированы, что порождает разногласия в рамках предоставления государственной услуги, затягивание сроков ее предоставления и общее снижение эффективности данного процесса. Например, иностранный гражданин для постановки на миграционный учет, получения патента, разрешения на временное проживание, в настоящий момент имеет право непосредственно обратиться в миграционную службу УМВД, в многофункциональный миграционный центр или в посредническую организацию, которая поможет подготовить документы для предоставления в ММЦ или в миграционную службу УМВД региона.

Очевидно, что не имея, в первую очередь, опыта для заполнения документов с целью получения государственных услуг в сфере миграции, иностранные граждане зачастую выбирают именно третий вариант решения своей проблемы, что порождает еще одну проблему – наличие неофициальных платежей, которая может привести к повышению неудовлетворенности от всей системы оказания государственных услуг в сфере миграции, а значит оказать в целом негативное воздействие на репутацию государственного института [1, с. 283].

В связи с чем, на наш взгляд, требуется на законодательном уровне закрепить упрощенную процедуру обращения иностранного гражданина в миграционную службу УМВД, где подробно указать алгоритм действий по каждому виду предоставляемой государственной услуги.

Не менее важным на сегодняшний день является совершенствование организации деятельности по оказанию государственных услуг в электронной форме, что связано с высокой степенью востребованности данного вида услуг и необходимостью сокращения затрат, сопряженных с процессом их предоставления, а также усиления прозрачности и эффективности взаимодействия граждан с органами власти [2, с. 62]. О чем свидетельствуют и положения Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы в части расширения использования современных цифровых технологий в целях предоставления государственных услуг в сфере миграции [10].

По нашему мнению, дальнейшим актуальным направлением цифровизации в миграционной сфере является создание Единой информационной платформы учета иностранных граждан, включающей их цифровые профили, которые должны содержать сведения о месте жительства и работе иностранного гражданина, его биометрические данные, информацию о правовом статусе.

Это позволит мигрантам заключать трудовые договоры с работодателем, подтверждать свое обучение, вносить обязательные налоговые и иные платежи, а также пользоваться информационными сервисами, в том числе получать рассылку о необходимости вовремя покинуть страну [11]. По данным МВД, Единая информационная платформа учета иностранных граждан является подбодием созданного портала Госуслуги, ее создание, включено в план мероприятий по реализации концепции государственной миграционной политики в 2020–2022 гг. [11].

Проведенный анализ позволил сделать вывод, что существующий правовой механизм, регулирующий отношения в области миграции, не является совершенным. В связи с тем, что законодательство, касающееся вопросов миграции, является достаточно объемным, возникают различные несогласованности правовых норм. Так же проблемой является то, что законодательство по вопросам миграции развивается достаточно хаотично, что является следствием невозможности четкой и плановой реализации государством задач миграционной политики. В этой связи подчеркнем, что от качества правового регулирования и практического применения миграционного законодательства зависит стабильность миграционной ситуации.

Таким образом в современных условиях обострения и актуализации вопросов национальной безопасности особое значение приобретают все составляющие направления ее обеспечения, среди которых неотъемлемым элементом выступает государственная миграционная политика. Миграционная политика неразрывно связана с другими сферами государственной жизни – экономической, политической, демографической, социальной. Оперативного решения требуют вопросы межведомственного взаимодействия, координация органов государственной власти и местного самоуправления, институтов гражданского общества.

Список литературы:

1. Антонов А. В. Совершенствование организации деятельности подразделений по вопросам миграции территориального органа МВД России по оказанию государственных услуг в электронной форме на региональном уровне // Молодой ученый. – 2019. – № 20(258). – С. 282–284.
2. Байдаков С. Л. Многофункциональный центр предоставления государственных услуг: модель, назначение и принципы организации. Опыт Центрального административного округа г. Москвы. – М.: Олимп-Бизнес, 2013. С. 62.
3. Владимир Колокольцев принял участие в заседании Совета Министров внутренних дел государств – участников СНГ [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф/news/item/26387115/>.
4. В Госкомнаце Крыма состоялся семинар-совещание по актуальным вопросам социально-культурной адаптации и интеграции иностранных граждан [Электронный ресурс]. – URL: <https://gkmm.rk.gov.ru/article/show/1329>
5. В Крыму полицейские провели профилактическое мероприятие «Незаконный мигрант» [Электронный ресурс]. – URL: <https://82.мвд.рф/news/item/22370032>
6. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (в действующей редакции) // ИПП «Гарант» [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/10103000/>
7. Контрольно-надзорная деятельность [Электронный ресурс]. – URL: <https://82.мвд.рф/ms/контрольно-надзорная-деятельность>
8. Миграция населения Крыма в 2021 году [Электронный ресурс]. – URL: <https://veraukaz.ru/migracija-naselenija-kryma-v-2020.html>.
9. МВД подготовило новую концепцию миграционной политики [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3461314>.

10. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы: Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 // ИПП «Гарант» [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/72092260/>.
11. О новых мероприятиях по реализации Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы [Электронный ресурс]. – URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/news/item/20320603/
12. Об утверждении муниципальной программы «Развитие межнациональных отношений муниципального образования городской округ Симферополь Республики Крым»: Постановление Администрации города Симферополя Республики Крым от 20.12.2019 г. № 7448 [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/561707741>.
13. Оценка численности постоянного населения по городским округам и муниципальным районам Республики Крым по состоянию на 01.01.2021 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/weSIKOGK/Численность%20на%2001-01-2021.pdf>.
14. План мероприятий по социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов в Республике Крым на 2020-2022 годы: Распоряжение Совета Министров Республики Крым от 14.07.2020 № 1003-р [Электронный ресурс]. – URL: <https://rk.gov.ru/gu/document/show/22483>.
15. Представители МВД по Республике Крым приняли участие в совещании по вопросу популяризации государственных услуг, предоставляемых МВД по Республике Крым [Электронный ресурс]. – URL: <https://82.мвд.рф/news/item/27370722>
16. Правовые и организационные основы обеспечения миграционной политики Российской Федерации: научно-практическое пособие / А. Н. Сандугей, М. В. Анисифорова, М. П. Банаева. – М.: ВНИИ МВД России, 2020. – 84 с.
17. Россия является четвертой в списке стран, наиболее привлекательных для мигрантов [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/09/1363082>
18. Развитие национально-культурных автономий – необходимое условие формирования межнационального согласия (на примере Республики Крым) / Климова Д. В., Обринская Е. К. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 2. – С. 22-27.
19. Реалии и перспективы реализации государственной национальной политики на территории Республики Крым / Климова Д. В. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 2. – С. 77-86.
20. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–декабрь 2021 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/28104434/>
21. Сборник результатов работы по выявлению и раскрытию преступлений за 12 месяцев 2020 года. – Симферополь, 2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://82.мвд.рф>.
22. Сотрудниками управления по вопросам миграции МВД по Республике Крым принято участие в работе расширенного совместного совещания – семинара на базе Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского [Электронный ресурс]. – URL: <https://82.мвд.рф/news/item/27532334>.
23. Сотрудники крымской полиции подвели итоги оперативно-профилактической операции «Патент-2» [Электронный ресурс]. – URL: <https://82.мвд.рф/news/item/24972030>

D. V. Klimova. Implementation of the state migration policy in the Republic of Crimea: some improvement issues // // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 96-104.

Regulation of migration processes is one of the main directions of the Concept of the state Migration Policy of the Russian Federation for the period up to 2025. With the entry of the Republic of Crimea into the Russian Federation, the nature and dynamics of migration processes on the territory of the peninsula have changed. The article reflects the legal foundations of the migration policy of the Russian Federation and examines the state policy of regulating migration processes at the present stage. The statistics of the migration situation in the Russian Federation and the Republic of Crimea are given, the main indicators of migration activity are identified and analyzed. Some problems of legal regulation of migration flows are considered and the need to improve legislation in the field of migration is substantiated.

Some issues of countering illegal migration by the internal affairs bodies of the Republic of Crimea at the present stage are reflected. The main directions and a number of measures to prevent and counteract illegal migration in the territory of the Republic of Crimea are proposed.

Keywords: migration, migration policy, illegal migration, labor migrants, internal affairs bodies, counteraction, Russian Federation, Republic of Crimea.

Spisok literatury:

1. Antonov A. V. Sovershenstvovanie organizacii deyatelnosti podrazdelenij po voprosam migracii territorial'nogo organa MVD Rossii po okazaniyu gosudarstvennyh uslug v elektronnoj forme na regional'nom urovne // Molodoj uchenyj. – 2019. – № 20(258). – S. 282–284.
2. Bajdakov S. L. Mnogofunkcional'nyj centr predostavleniya gosudarstvennyh uslug: model', naznachenie i principy organizacii. Opyt Central'nogo administrativnogo okruga g. Moskvy. – M.: Olimp-Biznes, 2013.
3. Vladimir Kolokol'cev prinyal uchastie v zasedanii Soveta Ministrov vnutrennih del gosudarstv – uchastnikov SNG [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://mvd.rf/news/item/26387115/>.
4. V Goskonnace Kryma sostoyalsya seminar-soveshchanie po aktual'nym voprosam social'no-kul'turnoj adaptacii i integracii inostrannyh grazhdan [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://gkmmn.rk.gov.ru/article/show/1329>
5. V Krymu policejskie proveli profilakticheskoe meropriyatie «Nelegal'nyj migrant» [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://82.mvd.rf/news/item/22370032>
6. Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 g. (v dejstvuyushchej redakcii) // IPP «Garant» [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://base.garant.ru/10103000/>
7. Kontrol'no-nadzornaya deyatelnost' [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://82.mvd.rf/ms/kontrol'no-nadzornaya-deyatelnost'>
8. Migraciya naseleniya Kryma v 2021 godu [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://veraukaz.ru/migraciya-naseleniya-kryma-v-2020.html>.
9. MVD podgotovilo novuyu koncepciyu migracionnoj politiki [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3461314>.
10. O Koncepcii gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii na 2019 - 2025 gody: Ukaz Prezidenta RF ot 31 oktyabrya 2018 g. № 622 // IPP «Garant» [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://base.garant.ru/72092260/>.
11. O novyh meropriyatiyah po realizacii Koncepcii gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii na 2019-2025 gody [Elektronnyj resurs]. – URL: https://mvd.rf/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/news/item/20320603/
12. Ob utverzhdenii municipal'noj programmy «Razvitie mezhnacional'nyh otnoshenij municipal'nogo obrazovaniya gorodskoj okrug Simferopol' Respubliki Krym»: Postanovlenie Administracii goroda Simferopolya Respubliki Krym ot 20.12.2019 g. № 7448 [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/561707741>.
13. Ocenka chislennosti postoyannogo naseleniya po gorodskim okrugam i municipal'nym rajonam Respubliki Krym po sostoyaniyu na 01.01.2021 goda [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/weSIKOGK/CHislennost%20na%2001-01-2021.pdf>.
14. Plan meropriyatij po social'no-kul'turnoj adaptacii i integracii migrantov v Respublike Krym na 2020-2022 gody: Rasporyazhenie Soveta Ministrov Respubliki Krym ot 14.07.2020 № 1003-r [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://rk.gov.ru/ru/document/show/22483>.
15. Predstaviteli MVD po Respublike Krym prinyali uchastie v soveshchanii po voprosu populyarizacii gosudarstvennyh uslug, predostavlyаемых MVD po Respublike Krym [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://82.mvd.rf/news/item/27370722>
16. Pravovye i organizacionnye osnovy obespecheniya migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii: nauchno-prakticheskoe posobie / A. N. Sandugej, M. V. Anisiforova, M. P. Banaeva. – M.: VNII MVD Rossii, 2020.
17. Rossiya yavlyetsya chetvertoj v spiske stran, naibolee privlekatel'nyh dlya migrantov [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/09/1363082>
18. Razvitie nacional'no-kul'turnyh avtonomij – neobhodimoe uslovie formirovaniya mezhnacional'nogo soglasiya (na primere Respubliki Krym) / Klimova D. V., Obrinskaya E. K. // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo, YUridicheskie nauki. – 2019. – T. 5 (71). № 2. – S. 22-27.
19. Realii i perspektivy realizacii gosudarstvennoj nacional'noj politiki na territorii Respubliki Krym / Klimova D. V. // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2020. – T. 6 (72). № 2. – S. 77-86.
20. Svodka osnovnyh pokazatelej deyatelnosti po migracionnoj situacii v Rossijskoj Federacii za yanvar'–dekabr' 2021 goda [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://mvd.rf/deyatelnost/statistics/migracionnaya/item/28104434/>
21. Sbornik rezul'tatov raboty po vyavleniyu i raskrytiyu prestuplenij za 12 mesyacev 2020 goda. – Simferopol', 2020 [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://82.mvd.rf>.
22. Sotrudnikami upravleniya po voprosam migracii MVD po Respublike Krym prinyato uchastie v rabote rasshirenogo sovmestnogo soveshchaniya – seminar na baze Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://82.mvd.rf/news/item/27532334>.
23. Sotrudniki krymskoj policii podveli itogi operativno-profilakticheskoy operacii «Patent-2» [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://82.mvd.rf/news/item/24972030>

УДК 343.985.7

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ СИСТЕМ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Мартынюк С. Н., Косовский В. Б.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Обеспечение безопасности дорожного движения является одной из первостепенных задач стоящих перед государством. Новые технические требования и стандарты обустройства автомобильных дорог, требуют внедрения современных автоматизированных и роботизированных комплексов организации дорожного движения, с целью снижения дорожно-транспортной аварийности.

В статье рассматриваются значение и роль использования автоматизированных систем видеонаблюдения в обеспечении безопасности дорожного движения. Проведен анализ самых распространенных комплексов фотовидеофиксации используемых на дорогах Российской Федерации. Обозначены основные направления применения автоматизированных систем с целью выявления, контроля и фиксации административных правонарушений. Авторами сформулированы основные функции автоматизированных систем при решении оперативно-служебных задач сотрудников дорожно-патрульной службы. Отражены рекомендуемые участки их применения по сбору и анализу данных о дорожном движении, выявлении и отслеживании нарушителей правил дорожного движения. Исследованы типичные ошибки, допускаемые при эксплуатации комплексов автоматизированных систем видеонаблюдения в обеспечении безопасности дорожного движения.

Ключевые слова: автоматизированные системы видеонаблюдения, дорожное движение, специальные технические средства, средств автоматической фиксации, безопасность, дорожно-патрульная служба, транспортное средство.

Одним из наиболее важных направлений современной государственной политики России является – снижение уровня дорожно-транспортной аварийности. В Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» поставлена цель внедрить к 2024 г. новые технические требования и стандарты обустройства автомобильных дорог, в том числе на основе цифровых технологий, направленных на устранение мест концентрации дорожно-транспортных происшествий, а также автоматизированные и роботизированные технологии организации дорожного движения и контроля за соблюдением правил дорожного движения [3, п. 8].

В связи с высоким ростом автомобильного транспорта, который ежегодно появляется на дорогах нашей страны, а также с развитием дорожной инфраструктуры, на систему Государственной инспекции безопасности дорожного движения, возлагается большой объем задач по обеспечению безопасности дорожного движения. Ст. 11 ФЗ «О полиции» гласит о том, что в качестве одного из принципов деятельности, полиция обязана использовать достижения науки и техники, современные технологии и информационные системы, при документировании обстоятельств совершения административных правонарушений [1]. С появлением современных автоматизированных систем видеонаблюдения, участники дорожного движения стали более дисциплинированы, внимательны и аккуратны. Как показывает практика, недисциплинированные водители при обнаружении системы видеонаблюдения, либо со-

трудников ГИБДД незамедлительно снижают скорость движения, чтобы избежать фиксации автомобиля с нарушением правил дорожного движения. Использование видеонаблюдения на участках дорог, где необходимо обеспечить постоянный контроль дорожного движения, снижает нагрузку на сотрудников подразделений ДПС, а также исключает коррупционные составляющие в данной сфере. Ежедневно на дорогах работает более 24 тыс. камер фотовидеофиксации, которые отличаются функционалом и внешним видом, фиксирующие множество нарушений ПДД, такие как: превышение скоростного режима, проезд перекрестков на запрещающий сигнал светофора, нарушение правил остановки и стоянки транспортных средств и др.

Проведем анализ самых распространенных комплексов фотовидеофиксации: комплексы «Автоураган» способны контролировать движение транспортных средств до четырех полос, с одновременной фиксацией нарушений скоростного режима, а также осуществляют контроль выезда на выделенные полосы для маршрутных транспортных средств; комплексы «АвтоУраган-МС» фиксируют практически все виды нарушений ПДД, данные комплексы, встроенные в балку светового специального сигнала автомобилей ДПС. В связи с чем, устройство может использоваться в качестве стационарного, так и мобильного комплекса фиксации правонарушений; комплексы «Автодория» позволяют оценивать дорожную ситуацию на трассах, с возможностью отслеживания и передвижения транспортных средств, находящихся в розыске; комплексы «Астра-Лаб» способны контролировать по 8 полосам одновременно скорость автомобилей во встречном и попутном направлениях, а также научились фиксировать в автоматическом режиме не включенные фары, следят за рядностью проезда перекрестков, обочиной, нарушителями разметки и водителями; комплексы «Стрелка-СТ» фиксируют распространенные нарушения, такие как скорость движения и размещение транспорта на проезжей части, имеют узнаваемый вид - железный бокс квадратной формы; комплексы «Стрелка Плюс» научились распознавать использование мобильного телефона водителем во время движения, а также не пристегнутый ремень безопасности. По внешнему виду значительно отличается от комплексов «Стрелка-СТ», имеют овальные инфракрасные прожектора по бокам и продолговатую форму; комплексы «Стрит-Фалькон» с круговым обзором следят за соблюдением правил парковки. Разработаны для фиксации нарушений правил остановки и стоянки транспортных средств, под запрещающими знаками, на пешеходных переходах, тротуарах, а также с пятиминутным интервалом фиксируют машины на платной парковке. Сам внешний вид такой камеры, смонтирован под городской фонарь, что существенно затрудняет его обнаружение для участников дорожного движения; комплексы «Кордон» могут контролировать движение автомобилей в обе стороны, выявление нарушителей скоростного режима, является главной задачей данного комплекса. Монтаж и настройка камер семейства «Кордон» занимает около 5 мин.; комплексы «Форсаж» разработанные для фиксации факта непредоставления преимущества пешеходам. Система самостоятельно рассчитывает скорость движения транспорта и траекторию движения пешехода, при одновременном наличии пешехода на пешеходном переходе и автомобиля в зоне контроля камера фиксирует нарушение; комплексы «Паркрайт» и «Паркнет» камеры фиксируют нарушения правил остановки и стоянки, контролируют платные зоны, а также проезд автомобилей по выделенным полосам для маршрутных транспортных средств. Комплексы «Паркрайт» устанавливают на специальные автомо-

били, курсирующие по городу, а портативной системой «Паркнет» пользуются уже сотрудники городских дорожных служб.

В некоторые регионы РФ в распоряжение ГИБДД поступил аппаратно-программный комплекс «Судебный пристав», сканирующий в автоматическом режиме номера транспортных средств, проверяя их по базам данных. В случае обнаружения у владельца автомобиля неоплаченных долгов, камера подает звуковой сигнал, инспектор ГИБДД останавливает транспортное средство, а судебный пристав получает возможность разобраться с должником.

Все вышеперечисленные комплексы автоматизированных систем видеонаблюдения, разработанные с целью профилактики нарушений правил дорожного движения, а также обеспечения безопасности дорожного движения и направлены на снижение дорожно-транспортных происшествий.

Превышение скорости движения остается и является одним из самых опасных правонарушений, совершаемых на дорогах России. Для снижения ДТП, сотрудники центра безопасности движения РФ совместно с представителями ГИБДД ежемесячно анализирует аварийноопасные участки дорожной сети, устанавливая на них современные комплексы фотовидеофиксации правонарушений. Самыми распространенными средствами автоматической фиксации являются – стационарные комплексы, активно используются передвижные, мобильные и носимые средства автоматической фиксации. В последнее время появился один из новых способов фиксации административных правонарушений с помощью беспилотных летательных аппаратов. Полученная информация с камер фотовидеофиксации незамедлительно передается на сервер в центр автоматизированной фиксации нарушений, для дальнейшего принятия решения.

В случае фиксации административного правонарушения стационарной автоматизированной системой видеонаблюдения, не зависимо от того, кто управляет транспортным средством в момент совершения нарушения, постановление о привлечении к административной ответственности выносится на собственника транспортного средства. Но в соответствии с частью 2 статьи 2.6.1 КоАП РФ собственник (владелец) ТС освобождается от административной ответственности, если в ходе рассмотрения его жалобы будет подтверждено, что в момент фиксации административного правонарушения, транспортное средство находилось во владении или в пользовании другого лица [2]. Либо в момент совершения административного правонарушения транспортным средством управляло лицо, незаконно завладевшее им, что является поводом к возбуждению уже уголовного дела в отношении указанных лиц.

В ситуациях, когда правонарушение зафиксировано уже с помощью передвижных, мобильных камер видеонаблюдения, либо с беспилотных летательных аппаратов, информация поступает непосредственно на пост или в патрульный автомобиль сотрудников ДПС. В данном случае сотрудникам необходимо незамедлительно остановить водителя транспортного средства, на ближайшем посту ДПС, для привлечения его к административной ответственности.

Функционал современных комплексных систем видеонаблюдения, постоянно расширяется благодаря развитию нейросетевых технологий. Так, камеры уже начали фиксировать не пристегнутых водителей, использование телефона, а также в ближайшее время начнут фиксировать такие нарушения как: поворот или разворот налево не из крайнего положения, движение мотоциклистов между полос, нарушение

ние правил перевозки грузов, фиксация автомобилей без ОСАГО, что существенно снизит показатели аварийности на дорогах. Одним из грубых нарушений правил дорожного движения, является «опасное вождение». Он включает беспорядочное перестроение из полосы в полосу, резкое торможение, несоблюдение дистанции, скоростные обгоны, а также совершение необдуманных поступков, которые могут спровоцировать дорожно-транспортное происшествие. Выбор мест установки средств автоматической фиксации осуществляется на основании анализа аварийности на участках автомобильных дорог с высокой вероятностью возникновения дорожно-транспортного происшествия, в местах концентрации ДТП [5]. При снижении аварийности на участках, может производиться передислокация комплексов.

Согласно п. 5 ГОСТ Р 57145-2016 г. технические средства автоматической фотовидеофиксации, рекомендуется применять на участках, где произошло три и более дорожно-транспортных происшествий с пострадавшими в течение года: на участках автомобильных дорог, не превышающих 200 м. в населенных пунктах и не превышающих 1000 м. вне населенных пунктов; на регулируемых и нерегулируемых перекрестках автомобильных дорог и участках дорог с ограниченной видимостью; на железнодорожных переездах и в местах, где запрещена стоянка или остановка транспортных средств; при наличии выделенной полосы для движения маршрутных транспортных средств, а также на пересечениях с пешеходными и велосипедными дорожками; на участках дорог (автомобильных дорог), характеризующихся многочисленными проездами транспортных средств по обочине, тротуару или разделительной полосе; вблизи образовательных учреждений и мест массового скопления людей; на участках размещения систем автоматизированного весогабаритного контроля; при изменении скоростного режима.

Допускается применение муляжей автомобилей и инспекторов дорожно-патрульной службы, вместо стационарных технических средств автоматической фотовидеофиксации, если наблюдается последовательное снижение количества фиксируемых ими административных правонарушений [6]. Активно тестируется новое устройство шериф-балка – специальное устройство, имитирующее проблесковые маячки патрульного автомобиля ДПС, главной задачей которого является профилактика нарушений ПДД. Основным преимуществом шериф – балки перед вышеперечисленными макетами является ее хорошая видимость на удаленном расстоянии, устройство автоматически начинает работать с наступлением темного времени суток. Указанный прием психологически влияет на участников дорожного движения, особенно при въездах в город и выездах из него, на загородных участках дороги, перед нерегулируемыми пешеходными переходами, остановками общественного транспорта и т.д. Водители, проезжающие транзитом по данному участку дороги, увидев муляж автомобиля со специальными световыми сигналами, инспектора ДПС или шериф-балку автоматически снижают скорость автомобиля, что способствует снижению количества зарегистрированных дорожно-транспортных происшествий.

Из вышеперечисленного можно сформулировать основные функции автоматизированных систем видеонаблюдения в обеспечении безопасности дорожного движения: визуальный контроль ситуации на оборудованном ею объекте; фиксация административных правонарушений в области дорожного движения; моментальное выявление и идентификация автомобилей независимо от времени суток; в режиме реального времени наблюдение и отслеживание на труднодоступных участках мест-

ности, транспортных средств, находящихся в розыске; выявление автотранспорта, с нарушением правил остановки и стоянки транспортных средств; при эксплуатации комплексов автоматизированных систем видеонаблюдения, на практике допускаются типичные ошибки нарушения законодательства, влекущие как административную, так и уголовную ответственность, например, такие как: 1) установка стационарных комплексов без информационных знаков 6.22 «Фотовидеофиксация», указывающих на то, что на данном участке дороги, может осуществляться фиксация административных правонарушений стационарными или передвижными специальными техническими средствами, работающими в автоматическом режиме и имеющими функции фото и видео фиксации нарушений ПДД; 2) некорректная работа комплексов, сбоев в программе, погрешности прибора, выражающиеся в незаконном привлечении водителей к административной ответственности за превышение установленной скорости движения; 3) незаконное освобождение государственных служащих от ответственности за правонарушения, зафиксированные с применением комплексов; 4) ненадлежащая реализация программных мероприятий, направленных на развитие комплексов; 5) незаконное расходование бюджетных средств.

Проводя анализ статистических данных представленных на официальном сайте и данных служебной деятельности ГИБДД за 10 месяцев 2021 г., можно оценить эффективность работы средств автоматической фиксации - вынесено свыше 100 мил. постановлений по делам об административных правонарушениях, на сумму 900 мил. руб., что составляет почти 85% от общего числа вынесенных постановлений [8]. Анализируя аварийно-опасные участки, контролируемые с помощью комплексов автоматической фиксации, наблюдается значительное снижение дорожно-транспортных происшествий, чем на участках дорог, где отсутствуют системы видеонаблюдения, в большинстве случаев это связано с тем, что водители стали более дисциплинированы и опасаются попасть в объектив камер видеонаблюдения.

Сегодня, перед государством стоит первоочередная задача по снижению уровня дорожно-транспортной аварийности, стремительно развиваются наука и техника, создаются новые информационные технологии, коренным образом меняющие жизнь людей. С развитием инфраструктуры, расширяется дорожная сеть, строятся новые автомагистрали, создаются комфортные условия для участников дорожного движения. Дорожная сеть оборудуется в соответствии с новыми техническими требованиями и стандартами обустройства автомобильных дорог, устанавливаются комплексы автоматизированных систем видеонаблюдения. Проект «Безопасные и качественные дороги» рассматривает фотовидеофиксацию нарушений правил дорожного движения как один из эффективных инструментов сокращения уровня аварийности на дорогах страны.

Подводя итог, необходимо отметить, что использование автоматизированных систем видеонаблюдения в обеспечении безопасности дорожного движения положительно влияют на снижение дорожно-транспортной аварийности. Данные системы, оказывают не только психологическое воздействие на водителей транспортных средств, но и выполняют главную функцию по контролю и идентификации автомобилей независимо от времени суток с фиксацией нарушений правил дорожного движения. За последние несколько лет современные комплексы фотовидеофиксации показывают высокие результаты в области управления транспортом на дорогах Российской Федерации и достигли уровня самых прогрессивных городов мира.

Список литературы:

1. О полиции: Федеральный закон РФ от 07.02.2011 № 3-ФЗ.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон РФ от 30.12.2001 № 195-ФЗ.
3. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204.
4. О Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования: Распоряжение Правительства РФ от 25.03.2020 № 724-р.
5. Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел РФ государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства РФ в области безопасности дорожного движения: Приказ Министерства внутренних дел РФ от 23.08.2017 № 664.
6. ГОСТ Р 57145-2016 «Специальные технические средства, работающие в автоматическом режиме и имеющие функции фото- и киносъемки, видеозаписи, для обеспечения контроля за дорожным движением» от 01.06.2017.
7. Мартынюк С. Н., Косовский В. Б. Использование беспилотных летательных аппаратов в обеспечении безопасности дорожного движения // Теория и практика общественного развития. – № 2. – 2021.
8. Интернет-ресурс: сайт Госавтоинспекции МВД России. – URL: <http://stat.gibdd.ru>

S. N. Martynyuk, V. B. Kosovsky. The use of automated video surveillance systems in ensuring road safety // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 105-110.

Ensuring road safety is one of the primary tasks facing the state. New technical requirements and standards for the arrangement of highways require the introduction of modern automated and robotic traffic management systems in order to reduce road traffic accidents.

The article discusses the importance and role of the use of automated video surveillance systems in ensuring road safety. The analysis of the most common photovideofixation complexes used on the roads of the Russian Federation is carried out. The main directions of application of automated systems for the purpose of detection, control and fixation of administrative offenses are outlined. The authors formulate the main functions of automated systems in solving operational and service tasks of employees of the road patrol service. The recommended areas of their application for the collection and analysis of traffic data, identification and tracking of violators of traffic rules are reflected. Typical mistakes made during the operation of automated video surveillance systems in ensuring road safety are investigated.

Keywords: automated video surveillance systems, traffic, special technical means, means of auto-commit, security, road traffic accident, vehicle.

Spisok literatury:

1. О полици: Федерал'nyj zakon RF ot 07.02.2011 № 3-FZ.
2. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah: Federal'nyj zakon RF ot 30.12.2001 № 195-FZ.
3. O nacional'nyh celyah i strategicheskikh zadachah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda: Ukaz Prezidenta RF ot 07.05.2018 № 204.
4. O Konceptii obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya s uchastiem bespilotnyh transportnyh sredstv na avtomobil'nyh dorogah obshchego pol'zovaniya: Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 25.03.2020 № 724-r.
5. Ob utverzhdanii Administrativnogo reglamenta ispolneniya Ministerstvom vnutrennih del RF gosudarstvennoj funkicii po osushchestvleniyu federal'nogo gosudarstvennogo nadzora za soblyudeniem uchastnikami dorozhnogo dvizheniya trebovanij zakonodatel'stva RF v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: Priказ Ministerstva vnutrennih del RF ot 23.08.2017 № 664.
6. GOST R 57145-2016 «Special'nye tekhnicheskie sredstva, rabotayushchie v avtomaticheskom rezhime i imeyushchie funkicii foto- i kinos"emki, videozapisi, dlya obespecheniya kontrolya za dorozhnym dvizheniem» ot 01.06.2017.
7. Martynyuk S. N., Kosovskij V. B. Ispol'zovanie bespilotnyh letatel'nyh apparatov v obespechenii bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – № 2. – 2021. – S. 50–53.
8. Internet-resurs: sajт Gosavtoinspekcii MVD Rossii. – URL: <http://stat.gibdd.ru>.

УДК 342.9

**ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ СОВЕРШЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННЫХ
МЕСТАХ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО Ч. 1 СТ. 20.3 КоАП РФ**

Равнюшкин А. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Основой для антиэкстремистского законодательства являются положения ст. 29 Конституции Российской Федерации, согласно которой не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, а также идеи превосходства по данным признакам. В КоАП РФ составы административных правонарушений экстремистской направленности перечислены в главе 20, объектом посягательства которых является общественный порядок и общественная безопасность. К ним следует причислить статьи 20.3, 20.3.1, 20.3.2, 20.29 КоАП РФ. Особый интерес представляет имеющий самую широкую из перечисленных статей практику применения состав ст. 20.3 КоАП РФ. Именно данная норма является основополагающей для однородных дел.

Автором рассматриваются актуальные вопросы квалификации данного административного правонарушения, совершаемого в общественных местах: объект и предмет правонарушения, его мотивы и цели, а также способы совершения. Сделал вывод о том, что по мере изменения конструкции данной статьи менялась и практика ее применения: первая редакция предоставляла широкую возможность для толкования, затем суды обязали учитывать все обстоятельства использования символики и атрибутики. Предлагается под символикой и атрибутикой экстремистской организации понимать изображения, описание которых дается в ее учредительных документах, но и те, которые экстремистская организация систематически использует, а также знаки и изображения данных организаций, признанных судом экстремистскими, но не имеющими учредительных документов.

Ключевые слова: правонарушение, организации, пропаганда, символика, атрибутика, публичная демонстрация, судебная практика.

Распространившись во многих странах, экстремизм разрушает гражданский мир и согласие, представляет угрозу для всего мира, ведет к подрыву общественной безопасности и государственной целостности Российской Федерации. Особенно опасны проявления экстремизма. По законодательству Российской Федерации за экстремистскую деятельность предусмотрена не только уголовная, но и административная ответственность. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за первое полугодие 2021 г. на рассмотрение судов общей юрисдикции по ст. 20.3, 20.3.1, 20.29 КоАП РФ поступило соответственно 2 259, 557, 906 дел об административных правонарушениях, имеющих экстремистскую направленность, что составляет значительное количество от их общей массы. В виду того, что ст. 20.3.2 введена в КоАП РФ относительно недавно, в конце 2020 года, сведений о поступивших дел департаментом не приводятся [1].

Из приведенной статистики следует, что количество выявленных административных правонарушений экстремистской направленности является значительным. В то же время в практической деятельности сотрудники полиции сталкиваются с проблемными вопросами точной квалификации таких административных правонарушений. Особый интерес представляет имеющий самую широкую из перечисленных статей практику применения состав ст. 20.3 КоАП РФ. Данная статья претерпела

несколько редакций.

Формально объектом данного правонарушения является общественный порядок и общественная безопасность, но следует отметить, что фактически совершением данного правонарушения, то есть публичной демонстрацией запрещенной атрибутики или символики, осуществляется и посягательство на основы конституционного строя, а также права и свободы человека и гражданина. Много неясностей по поводу предмета правонарушения, которыми выступают запрещенная атрибутика или символика.

Следует отметить, что до сих пор широкой общественности не представлен официальный список и изображения нацистской атрибутики или символики, а также атрибутики или символики экстремистских организаций. Доступен только перечень современных экстремистских организаций. В связи с этим возникают споры относительно принадлежности тех или иных знаков и изображений к нацистским или экстремистским. Отдельные авторы отмечают неоднозначность толкования о возможности законного использования указанной символики и атрибутики [2, с. 146].

Вследствие этого, представляется целесообразным прямо обратиться к действующему законодательству. В ст. 6 Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», рассматривающей борьбу с проявлением фашизма, указано, что нацистской символикой или атрибутикой, символикой или атрибутикой, сходными до степени смешения с нацистской атрибутикой или символикой, а также экстремистскими изображениями являются изображения руководителей организаций, сотрудничавших с группами, организациями, движениями или лицами, признанными виновными в совершении преступлений, а также организации (в том числе иностранные или международные), отрицающие установленные приговорами факты и выводы, а также атрибутика и символика указанных организаций. Кроме того, в законе прописано, что перечень экстремистских организаций, их атрибутики и символики определяется в порядке, установленном Правительством Российской Федерации [3]. Однако, собственно перечень в этом постановлении не приводится, что создает проблемы в определении предмета административного правонарушения [4]. Данный вопрос остается открытым.

В виду того, что пропаганда или публичное демонстрация нацистских и других экстремистских изображений является правонарушением, необходимо выяснить, какие организации, и, соответственно, какая атрибутика и символика являются запрещенными. В данном случае ответ кроется в понимании того, что запрещенные нацистские организации признаются преступными судом. Отправной точкой для судебной практики является приговор Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси от 1 октября 1946 года. Необходимо разобраться в том, какие организации трибунал признал преступными. Приговор признал таковыми организации: руководство Национал-социалистической немецкой рабочей партии Германии (НСДАП), в том числе начальников отделов в аппарате рейхслейтунге, гаулейтунге и крейслейтунге (тогдашние административно-территориальные единицы), а также тех, кто знал о преступной деятельности партии и (или) лично был замешан в них; руководство и сотрудников охранных отрядов НСДАП, называемых СС (общие СС, войска СС, соединения СС «Мертвая голова», полицейские службы СС); государственная тай-

ная полиция – управление гестапо (IV отдел Главного имперского управления безопасности – РСХА), включая руководство, оперативный состав, пограничную полицию; служба безопасности рейхсфюрера СС (СД), то есть III (главное управление по деятельности СД внутри Германии), IV и VII (отдел, специализирующийся на исследовательских вопросах идеологического характера) отделы РСХА [5].

Таким образом, следует разделить распространенное в научной среде мнение, что преступными организациями признаны не все нацистские организации, но, бесспорно, руководящий состав национал-социалистической партии, СС, СД и гестапо [6, с. 87]. Соответственно, к запрещенной относится вся символика и атрибутика перечисленных организаций. В тоже время Генеральный штаб, Верховное командование германских вооруженных сил и штурмовые отряды (СА) НСДАП судом не признаны преступными. Формально за публичную демонстрацию их знаков и атрибутики ответственность не предусмотрена. Однако данный вопрос все же является спорным.

Относительно атрибутики современных запрещенных организаций следует отметить, что в соответствии со ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», экстремистской организацией признается общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых на основании данного закона судом имеется вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности [7]. Прежде всего, под символикой экстремистской организации понимаются изображения, описание которых содержатся в их учредительных документах. Бесспорно, такая официальная атрибутика и символика, как и организации, признается запрещенной.

Перечень экстремистских организаций ведется Министерством юстиции Российской Федерации, на официальном сайте которого он и размещен [8]. Однако следует признать запрещенной также и ту символику, которая постоянно или систематически используется экстремистскими организациями, но не содержится в ее учредительных документах. Определенная часть организаций, признанных судом экстремистскими, официально не имеет каких-либо учредительных документов и, соответственно, не зарегистрирована в Министерстве юстиции Российской Федерации. На это правоприменителю также следует обращать особое внимание.

Необходимо отметить, что современная судебная практика согласуется с выводами Нюрнбергского международного военного трибунала: «нацистской атрибутикой и символикой являются атрибутика и символика, которые использовались организациями, признанными Нюрнбергским международным военным трибуналом преступными. К таковым относят, в частности, знамена, значки, атрибуты униформы, приветственные жесты и пароли, свастика, а также их воспроизведение в любой форме» [9]. Естественно, речь идет об атрибутах униформы СС, СД и гестапо, но военная форма также может иметь нацистские атрибуты.

Существует проблема толкования диспозиции ст. 20.3 КоАП РФ. Конструкция первой редакции рассматриваемой статьи предопределила широкое ее толкование в судебной практике, так как деяниями фактически признавались все действия, сопряженные с пропагандой. Например, в одном из решений Конституционного Суда Российской Федерации отмечено, что, несмотря на то, что привлеченный к административной ответственности по ст. 20.3 КоАП РФ заявитель утверждал, что исполь-

зюемые им знаки (символы) в традициях различных народов имеют значение, которое не связано с нацистской идеологией, а потому запрет на их использование и распространение не согласуется с гарантируемой Конституцией Российской Федерации свободой мысли, совести, вероисповедания, само по себе использование нацистской атрибутики (символики), равно как и атрибутики (символики), сходной с нацистской атрибутикой (символикой) до степени смешения, – безотносительно к ее генезису – может причинить страдания людям, чьи родственники погибли во время Великой Отечественной войны [10]. Любое использование данных предметов подпадало под действие рассматриваемой нормы. В дальнейшем Конституционный Суд неоднократно подтверждал такую позицию по данному вопросу [11].

По результатам редакции структура конструкции ст. 20.3 КоАП РФ была усложнена на «пропаганда либо публичное демонстрирование в целях пропаганды...» и сложилась практика привлечения к административной ответственности по рассматриваемой статье публицистов, ученых-историков, писателей, интересующихся и исследующих нацизм и экстремизм, что не могло не вызывать критическую реакцию научной общественности. Однако со временем судебная практика стала принимать во внимание не только цели, но и мотивы, а также детальные обстоятельства демонстрации лицом атрибутики или символики: «вывод о том, что оборот нацистских атрибутики и символики не направлен на их пропаганду, можно сделать только в том случае, если он совершен в целях, не связанных с ней, включая, в частности, научные исследования, художественное творчество, подготовку материалов, осуждающих нацизм либо излагающих исторические события» [12]. Широкую поддержку нашла официальная позиция Роскомнадзора, предусматривающая, что публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики без целей пропаганды не является проявлением экстремизма [13], что предоставила возможность специалистам удовлетворять свой профессиональный интерес. Судебная практика стала разнонаправленной.

Однозначность в данном вопросе была определена внесением 1 июля 2021 г. в Федеральный закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» части 5, определяющей, что не запрещено использование указанных атрибутики, символики либо иных запрещенных изображений, при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацизма, а к ст. 20.3 КоАП РФ появилось соответствующее примечание. Последующая судебная практика стала соответствовать данной логике, а кассационные суды – требовать от нижестоящих судов, чтобы ими учитывалась совокупность всех обстоятельств, в частности, форма и содержание размещенной информации, ее контекст [14]. Стало наблюдаться единообразие в судебной практике.

До настоящего времени открытым остается вопрос о способах пропаганды или публичного демонстрирования запрещенных предметов. Анализ судебной практики показал, что административным правонарушением признается, например, факт наличия наклейки с изображением нацистской символики на корпусе ноутбука [15]. Очевидно, что даже при молчаливом ношении лицом в общественных местах ноутбука или другого предмета с нацистской символикой «не формируется негативное отношение к идеологии нацизма» и нельзя утверждать, что при этом не «отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацизма». Многое зависит от мнения правоприменителя.

Еще одним примером действий с запрещенной символикой и атрибутикой в общественных местах является распространение листовок. Например, Второй кассационный суд общей юрисдикции привел обстоятельства дела, рассмотренного судом первой инстанции, Никулинского районного суда города Москвы, согласно которым виновное лицо, находясь в общественном месте, «распространял листовки с изображением мужчины в головном уборе с нацистской символикой в виде черного орла с распростертыми крыльями, держащего в лапах стилизованный дубовый венок со свастики в центре, с кокардой под ним с концентрическими кольцами трех цветов, публично демонстрировал нацистскую символику, тем самым совершил административное правонарушение, предусмотренное частью 1 статьи 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [16]. Действия, осуществляемые с данными предметами и влекущие административную ответственность, могут быть разнообразными.

При этом отдельные манипуляции с атрибутикой или символикой могут выступать средством возбуждения ненависти и вражды, действий, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 20.3.1 КоАП РФ. Очевидна тонкая линия, отграничивающая данное правонарушение от смежных составов. Таким образом, невзирая на то, что состав рассматриваемого административного правонарушения является формальным, по сути, лицо, пропагандирующее или публично демонстрирующее данные атрибуты, фактически прямо или косвенно возбуждает социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть, вражду и рознь.

Публичной демонстрацией запрещенной символики и атрибутики в общественных местах признается размещение на фасаде собственного жилого дома свастического символа, схожего с нацистской символикой, доступный для обозрения [17]. Также известны факты управления автомобилем с размещенным на его зеркале заднего вида предмета с изображением экстремистской символики, в частности, «Квадрата Сварога» или «Сварогов квадрата», являющегося символикой запрещенного межрегионального общественного объединения «Северное братство» [18]. Совершением административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ, признается судом, например, демонстрация лицом на собственном теле татуировки с изображением четырехконечного креста с загнутыми в правую сторону концами, стоящими на ребре [19]. Таких примеров можно привести множество.

При документировании данного правонарушения следует обращать внимание на обнаружение, фиксацию и оценку доказательств. Запрещенная символика и атрибутика подлежит изъятию в качестве вещественного доказательства. Так, обнаруженный у физического лица предмет изымается протоколом о личном досмотре, досмотре вещей, находящихся при физическом лице в соответствии со ст. 27.7 КоАП РФ. Необходимо осуществить фото- или видеофиксацию правонарушения, отобрать у очевидцев объяснения по данному поводу. По случаям использования символики правоприменителям следует учитывать заключения соответствующих экспертиз, разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, мотивы и цели поведения лица, их проявленность во внешней деятельности [20, с. 54]. В совокупности данные материалы составляют дело. Согласно п. 1 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ протоколы об административных правонарушениях по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ должностные лица органов внутренних дел (полиции), но рассматривают, согласно ч. 1 ст. 23.1 КоАП РФ, только судьями районных судов.

Таким образом, резюмируя сказанное, следует определить, что организация признается экстремистской только по решению суда, сведения о ней вносятся в перечень экстремистских организаций. Соответственно, символика данных организаций также признается экстремистской, их описание дается в учредительных документах организации. Отдельные организации, признанные судом экстремистскими, официально не имеют каких-либо учредительных документов и, соответственно, не зарегистрированы в Министерстве юстиции Российской Федерации. Возникают проблемы в определении символов таких организаций.

Отсутствие полноценного официального реестра запрещенной символики или атрибутики создает проблемы в определении предмета административного правонарушения. Правоприменителю приходится руководствоваться оценочными понятиями и собственными представлениями о запрещенных символике и атрибутике. Однако невозможно всю запрещенную символику и атрибутику предусмотреть в каком-либо правовом акте. Данный перечень всегда будет оставаться открытым в виду возможного появления новых экстремистских организаций. Тем не менее, для упрощения и единообразия практики правоприменения такой исходный список был бы практически востребован.

Список литературы:

1. № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях» // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт: данные судебной статистики. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5896> (дата обращения: 25.02.2022).
2. Рыдченко К. Д. Запрет оборота сведений экстремистского характера: проблемы нормотворчества и правоприменения / К. Д. Рыдченко, Н. В. Горденко // Время науки: сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции, Михайловск, 22 марта 2019 года. – Михайловск: Общество с ограниченной ответственностью «СЕКВОЙЯ», 2019. – С. 145–149.
3. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» (действующая редакция) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1928.
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 11 июня 2015 г. № 574 «Об утверждении Правил определения перечня организаций, указанных в частях третьей и четвертой статьи 6 Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», а также атрибутики и символики этих организаций» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 25. – Ст. 3657.
5. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми томах. – Т. 8. – М., 1987. – С. 605–610.
6. Лебедева Н. С. Нюрнбергский процесс и его приговор // Вестник МГИМО Университета. – 2010. – № 6(15). – С. 75–92.
7. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
8. Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Министерство юстиции Российской Федерации: официальный сайт. – URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения: 25.02.2022).
9. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 10 января 2018 г. № 5-АД17-109. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71763818> (дата обращения: 25.02.2022).
10. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 октября 2014 г. № 2480-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мурашова Владимира Алексеевича на нарушение его конституционных прав статьей 6 Федерального закона «Об увековечении победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», статьей 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и статьей 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70705996/> (дата обращения: 25.02.2022).
11. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 октября 2019 г. № 2923-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Круглова Александра Геннадьевича на нарушение его конституционных прав статьей 6 Федерального закона «Об увековечении победы советско-

го народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов № и частью 1 статьи 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». – URL: <https://demo.garant.ru/#/document/72998694/> (дата обращения: 25.02.2022).

12. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 10 января 2018 г. № 5-АД17-109. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71763818/> (дата обращения: 25.02.2022).

13. Демонстрация нацистской символики без целей пропаганды не должна трактоваться как нарушение закона о противодействии экстремизму // Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: официальный сайт. – URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news31736.htm> (дата обращения: 25.02.2022).

14. Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21 июля 2021 г. по делу № 16-3720/2021. – URL: <https://demo.garant.ru/#/document/322509993/> (дата обращения: 25.02.2022).

15. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 ноября 2016 г. № 2540-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Безушко Елены Ивановны на нарушение ее конституционных прав частью 1 статьи 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». – URL: <https://demo.garant.ru/#/document/71569494/> (дата обращения: 25.02.2022).

16. Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 06 августа 2021 г. по делу № 16-3376/2021. – URL: <https://demo.garant.ru/#/document/322526705/> (дата обращения: 25.02.2022).

17. Решение Краснодарского краевого суда от 12 марта 2013 г. – URL: <https://demo.garant.ru/#/document/109723185/> (дата обращения: 25.02.2022).

18. Постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 22 апреля 2021 г. по делу № 16-699/2021. – URL: <https://demo.garant.ru/#/document/322233096/> (дата обращения: 25.02.2022).

19. Решение Верховного Суда Республики Башкортостан от 24 января 2018 г. по делу № 12-80/2018. – URL: <https://demo.garant.ru/#/document/301062157/> (дата обращения: 25.02.2022).

20. Хоменко А. Н. Отграничение экстремистских проявлений от правомерного поведения в контексте ст. 20.3, 20.3.1 КоАП РФ и ст. 280, 282 УК РФ / А. Н. Хоменко, Н. А. Черемнова // Вестник Востоčno-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2019. – № 3(90). – С. 44-56.

A. V. Ravnushkin. Problems of qualification of committing an administrative offense in public places provided for in part 1 of article 20.3 of the administrative code of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 111-118.

The basis for anti-extremist legislation is the provisions of Article 29 of the Constitution of the Russian Federation, according to which propaganda or agitation inciting social, racial, national or religious hatred and enmity, as well as ideas of superiority on these grounds, are not allowed. In the Administrative Code of the Russian Federation, the compositions of administrative offenses of extremist orientation are listed in Chapter 20, the object of encroachment of which is public order and public safety. These should include articles 20.3, 20.3.1, 20.3.2, 20.29 of the Administrative Code of the Russian Federation. Of particular interest is the practice of applying the composition of Article 20.3 of the Administrative Code of the Russian Federation, which has the widest of the listed articles. It is this norm that is fundamental for homogeneous torts.

The author considers topical issues of qualification of this administrative offense committed in public places: the object and subject of the offense, its motives and goals, as well as methods of commission. I concluded that as the design of this article changed, the practice of its application also changed: the first edition provided a wide opportunity for interpretation, then the courts obliged to take into account all the circumstances of the use of symbols and attributes. It is proposed to understand the symbols and attributes of an extremist organization as images described in its constituent documents, but also those that the extremist organization systematically uses, as well as signs and images of these organizations recognized by the court as extremist, but without constituent documents.

Keywords: offence, organizations, propaganda, symbols, paraphernalia, public display, judicial practice.

Spisok literatury:

1. № 1-АП «Otchet o rabote sudov obshchej yurisdikcii po rassmotreniyu del ob administrativnyh pravonarusheniyah» // Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii: oficial'nyj sajt: dannye sudebnoj statistiki. –URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5896> (data obrashcheniya: 25.02.2022).

2. Rydchenko K. D. Zapret oborota svedenij ekstremistskogo haraktera: problemy normotvorchestva i pravoprimeneniya / K. D. Rydchenko, N. V. Gordenko // Vremya nauki: sbornik nauchnyh trudov I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Mihajlovsk, 22 marta 2019 goda. – Mihajlovsk: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «SEKVOJYA», 2019. – S. 145–149.

3. Federal'nyj zakon ot 19 maya 1995 g. № 80-FZ «Ob uvekovechenii Pobedy sovetskogo naroda v Velikoj Otechestvennoj Vojne 1941-1945 godov» (dejstvuyushchaya redakciya) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 1995. – № 21. –St. 1928.

4. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 11 iyunya 2015 g. № 574 «Ob utverzhdenii Pravil opredeleniya perechnya organizacij, ukazannyh v chastyah tret'ej i chetvertoj stat'i 6 Federal'nogo zakona «Ob uvekovechenii Pobedy sovetskogo naroda v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941-1945 godov», a takzhe atributki i simboliki etih organizacij» // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2015. – № 25. – St. 3657.
5. Nyurnbergskij process. Sbornik materialov v 8-mi tomah. – T. 8. – M., 1987. – S. 605–610.
6. Lebedeva N. S. Nyurnbergskij process i ego prigovor // Vestnik MGIMO Universiteta. – 2010. – № 6(15). – S. 75–92.
7. Federal'nyj zakon ot 25 iyulya 2002 g. № 114-FZ «O protivodejstvii ekstremistskoj deyatel'nosti» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 30. St. 3031.
8. Perechen' obshchestvennyh ob"edinenij i religioznyh organizacij, v otnoshenii kotoryh sudom prinyato vstupivshee v zakonnuyu silu reshenie o likvidacii ili zaprete deyatel'nosti po osnovaniyam, predusmotrennym Federal'nyim zakonom ot 25 iyulya 2002 g. № 114-FZ «O protivodejstvii ekstremistskoj deyatel'nosti» // Ministerstvo yusticii Rossijskoj Federacii: oficial'nyj sajt. – URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (data obrashcheniya: 25.02.2022).
9. Postanovlenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 10 yanvarya 2018 g. № 5-AD17-109. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71763818/> (data obrashcheniya: 25.02.2022).
10. Opredelenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 23 oktyabrya 2014 g. № 2480-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Murashova Vladimira Alekseevicha na narushenie ego konstitucionnyh prav stat'ej 6 Federal'nogo zakona «Ob uvekovechenii pobedy sovetskogo naroda v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941-1945 godov», stat'ej 1 Federal'nogo zakona «O protivodejstvii ekstremistskoj deyatel'nosti» i stat'ej 20.3 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70705996/> (data obrashcheniya: 25.02.2022).
11. Opredelenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 24 oktyabrya 2019 g. № 2923-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Kruglova Aleksandra Gennad'evicha na narushenie ego konstitucionnyh prav stat'ej 6 Federal'nogo zakona «Ob uvekovechenii pobedy sovetskogo naroda v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941-1945 godov № i chast'yu 1 stat'i 20.3 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah». – URL: <https://demo.garant.ru/#/document/72998694/> (data obrashcheniya: 25.02.2022).
12. Postanovlenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 10 yanvarya 2018 g. № 5-AD17-109. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71763818/> (data obrashcheniya: 25.02.2022).
13. Demonstraciya nacistskoj simboliki bez celej propagandy ne dolzhna traktovat'sya kak narushenie zakona o protivodejstvii ekstremizmu // Federal'naya sluzhba po nadzoru v sfere svyazi, informacionnyh tekhnologij i massovyh kommunikacij: oficial'nyj sajt. – URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news31736.htm> (data obrashcheniya: 25.02.2022).
14. Postanovlenie Sed'mogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 21 iyulya 2021 g. po delu № 16-3720/2021. – URL: <https://demo.garant.ru/#/document/322509993/> (data obrashcheniya: 25.02.2022).
15. Opredelenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 24 noyabrya 2016 g. № 2540-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanki Bezushko Eleny Ivanovny na narushenie ee konstitucionnyh prav chast'yu 1 stat'i 20.3 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah». – URL: <https://demo.garant.ru/#/document/71569494/> (data obrashcheniya: 25.02.2022).
16. Postanovlenie Vtorogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 06 avgusta 2021 g. po delu № 16-3376/2021. – URL: <https://demo.garant.ru/#/document/322526705/> (data obrashcheniya: 25.02.2022).
17. Reshenie Krasnodarskogo kraevogo suda ot 12 marta 2013 g. – URL: <https://demo.garant.ru/#/document/109723185/> (data obrashcheniya: 25.02.2022).
18. Postanovlenie Devyatogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 22 aprelya 2021 g. po delu № 16-699/2021. – URL: <https://demo.garant.ru/#/document/322233096/> (data obrashcheniya: 25.02.2022).
19. Reshenie Verhovnogo Suda Respubliki Bashkortostan ot 24 yanvarya 2018 g. po delu № 12-80/2018. – URL: <https://demo.garant.ru/#/document/301062157/> (data obrashcheniya: 25.02.2022).
20. Homenko A. N. Otgranichenie ekstremistskih proyavlenij ot pravomernogo povedeniya v kontekste st. st. 20.3, 20.3.1 KoAP RF i st. st. 280, 282 UK RF / A. N. Homenko, N. A. CHERemnova // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennih del Rossii. – 2019. – № 3(90). – S. 44-56.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – С. 119-125.

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО;
ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО
СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ**

УДК 347.634/.637

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ ПРИ РАЗДЕЛЬНОМ ПРОЖИВАНИИ
РОДИТЕЛЕЙ**

Аблятипова Н. А., Цыганова Д. С.

Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье рассматривается семейно-правовой аспект определения места жительства несовершеннолетних детей при раздельном проживании родителей. Выделены некоторые проблемы, возникающие в данной сфере, как с теоретической стороны, так и с практической – на основе действующего российского законодательства и судебной практики. Приведен анализ сложившейся судебной практики по вопросам определения места жительства детей, выделены основные критерии, которые имеют значение для разрешения споров. Авторы рассматривают потребность в принятии правовых норм, направленных на восполнение пробелов законодательства, существующих в указанной области. Сформулированы предложения, которые восполняют пробелы законодательства в вопросе об определении места жительства ребенка

Ключевые слова: место жительства несовершеннолетнего ребенка, раздельное проживание родителей, интересы ребенка, равенство родителей, семейно-правовой спор, права ребенка.

Проблемы детства, семьи и воспитания являются одними из самых древнейших институтов в семейном праве и не утрачивают своей актуальности, в связи с тем, что отношения внутри той или иной ячейки общества затрагивают права и интересы каждого из членов семьи на всех этапах развития общества.

В настоящее время институт семьи и брака переживает трудные времена. Данный феномен связан с такими факторами как: неустойчивость брачных уз, сокращение уровня брачных союзов, увеличение разводов в стране. Например, по официальным данным Федеральной службы государственной статистики, за 2020 год в Российской Федерации официальных браков было зарегистрировано 662264, а разводов – 457409. За январь-октябрь 2021 года количество браков в Российской Федерации составило 799676, разводов – 537880. В процентном соотношении заключение браков в 2021 г. к 2020 г. – 120.7%, расторжение браков в 2021 г. к 2020 г. составляет 117.6% [1], то есть прослеживается явное инкрементирование разводов. Одним из возможных неблагоприятных последствий разрушения семьи является ненадлежащее соблюдение прав и законных интересов детей. В современных реалиях анализ теоретических исследований и судебной практики дает возможность говорить не только о важности вопросов, которые в первую очередь крепко переплетены с необходимостью выяснения места жительства ребенка при распаде семьи, но и о проблемах, возникающих в данной сфере.

Прежде чем приступить к исследованию проблем, следует рассмотреть вопрос о понятии «место жительства». В соответствии с п. п. 1, 2 ст. 20 Гражданского кодекса Российской Федерации местом жительства признается место, где гражданин по-

стоянно или преимущественно проживает. Местом жительства несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет, или граждан, находящихся под опекой, признается место жительства их законных представителей – родителей, усыновителей или опекунов [2].

При рассмотрении вопроса об определении места жительства детей при раздельном проживании родителей, стоит заметить, что в семейном законодательстве закреплена возможность родителей разрешить сложившуюся проблему с помощью соглашения [3].

Представляется, что вышеупомянутое соглашение об определении места жительства детей является разновидностью гражданско-правового договора и должно отвечать общим требованиям договоров, то есть не противоречить букве закона, в частности нормам Семейного кодекса РФ. Однако, несмотря на закрепление правовых норм о соглашении, отметим, что в законодательстве отсутствуют требования касательно формы, механизма соблюдения и исполнения соглашения. Помимо этого, законодателем не закреплены императивные правила, закрепляющие порядок изменения данного соглашения, что является проблемой в современных реалиях, в частности при самостоятельном разрешении конфликтов родителями.

Считаем, что во избежание конфликтов между сторонами целесообразнее заключать такое соглашение в нотариальной форме. Установление такого правила на законодательном уровне существенно снизит вероятность признания нотариально удостоверенного соглашения об определении места жительства ребенка недействительным в судебном порядке.

Представляется, что в случае отсутствия соглашения об определении места жительства ребенка родители обращаются в суд. Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении от 28.05.2020 г. № 1200-О подчеркнул то, что такое регулирование направлено на защиту прав и интересов детей и не препятствует определению места жительства детей как совместно с матерью, так и совместно с отцом [4].

По общему правилу, иск об определении места жительства ребенка подается любым из родителей в районный суд по месту жительства ответчика. Однако существуют исключения, когда истец может предъявить иск и по своему месту жительства. К примеру, если одновременно истцом заявлено требование о взыскании алиментов, или заявлено требование о расторжении брака, при этом несовершеннолетний ребенок находится непосредственно с ним [5].

Согласно п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» (далее – Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10) решая вопрос о месте жительства несовершеннолетнего при раздельном проживании его родителей (независимо от того, состоят ли они в браке), необходимо иметь в виду, что место жительства ребенка определяется исходя из его интересов, а также с обязательным учетом мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, при условии, что это не противоречит его интересам (п. 3 ст. 65, ст. 57 СК РФ) [6].

Представляется, что право на выражение мнения при определении места проживания ребенка относится к одному из важнейших неимущественных прав, закрепленных в ст. 12 Конвенции ООН «О правах ребенка» [7]. Но, несмотря на это, подчёркнём, что обязательный учет мнения ребенка при вынесении судом решения но-

сит диспозитивный характер.

Помимо вышеуказанного, при рассмотрении дела об определении места жительства ребенка, суд учитывает: возраст ребенка; привязанность к каждому из родителей, братьям, сестрам и другим членам семьи; возможность создания ребенку условий для воспитания и развития; другие обстоятельства, характеризующие обстановку, которая сложилась в месте проживания каждого из родителей [6].

Следовательно, важно отметить, что в правоприменительной практике сформировались определенные критерии, при установлении которых суд выносит решение в пользу той или иной стороны.

Так, Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда [8] рассмотрела дело по иску матери, которая обратилась в суд с иском о взыскании алиментов, мотивируя свои требования тем, что ребенок проживает с ней, а ответчик (далее – отец) материальной помощи не оказывает. Отец ребенка, в свою очередь, обратился в суд со встречным иском об определении места жительства несовершеннолетней дочери. Он указывал на то, что мать девочки ограничивает его общение с ребенком, оказывает психологического давление и формирует негативное мнение о нем. Отец отметил, что по месту его жительства созданы все необходимые условия для ребенка, а также в связи с его работой он сможет много времени уделять ребенку.

Как следует из материалов дела, в ходе обследования жилищно-бытовых условий специалистами отдела опеки попечительства был сделан вывод о том, что настоящему месту жительства девочки имеются все условия для проживания и занятия учебной деятельностью. Также специалисты побеседовали с несовершеннолетней, девочка рассказала о том, что она с мамой живут дружно, в настоящее время несовершеннолетняя с отцом не общается и в дальнейшем не желает, так как он оказался не таким хорошим, как она думала. Помимо этого, проведено обследование жилищно-бытовых условий по месту проживания отца девочки, сделан вывод о том, что санитарное состояние квартиры соответствует нормам, однако отсутствует отдельное спальное место. Вместе с тем судом установлен факт телесных повреждений своей дочери.

При допросе свидетеля (старшей сестры несовершеннолетней), выяснилось, что младшая сестра обижена на отца за то, что он избил её, также пояснила, что ей лучше проживать с мамой, так как она занимается её воспитанием и развитием, а отец этого никогда не делал. При этом старшая дочь проживает с отцом, однако поясняет, что с матерью у неё хорошие отношения, а факт проживания с отцом обусловлен тем, что ей так просто удобнее, но никакого общения между ними нет.

Суд первой инстанции принял решение об удовлетворении первоначальных исковых требований о взыскании алиментов, отказе в удовлетворении встречных исковых требованиях об определении места жительства несовершеннолетней дочери с отцом. Суд принял во внимание тот факт, что ответчик имеет постоянный заработок, также учтено мнение несовершеннолетней дочери, отношение каждого из родителей к ребенку. Судебная коллегия по гражданским делам, исследовав материалы дела, пришла к выводу об оставлении решения суда первой инстанции без изменения, а апелляционной жалобы – без удовлетворения. Данная позиция широко распространена в судебной практике и отражена в следующих судебных актах: Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 26 мая 2021 г. по делу № 33-21095/21 [9]; Апелляционное опреде-

ление судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 28 июня 2021 г. № 33-24981/21 [10]; Решение Шамильского районного суда от 12 ноября 2020 г. по делу № 2-218/2020 [11].

Таким образом, при разрешении споров по требованиям об определении места жительства ребенка важным является не только создание надлежащих условий жизни, а также суды, прежде всего, исходят из интересов ребенка, как духовных, так и материальных.

Стоит также отметить, что важную роль при разрешении споров об определении места жительства ребенка играет деятельность органов опеки и попечительства. В соответствии с п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10 к участию в деле обязательно привлекается орган опеки и попечительства, который проводит обследование условий жизни ребенка и лиц, которые претендуют на его воспитание. Впоследствии данный орган предоставляет суду акт обследования и основанное на нем заключение по существу спора [6]. Заметим, что акт обследования имеет существенное значение при вынесении судом решения по делу. При этом он подлежит оценке в сочетании с другими доказательствами по вышеуказанной категории дела (для суда акт обследования, как доказательство не является первостепенным). К примеру, суд может не поддержать позицию, отраженную в заключении органа опеки и попечительства, но при этом обязан объективно мотивировать причины своего несогласия.

Обратим внимание на то, что одной из проблем, встречающихся в научной юридической литературе и имеющих место в судебной практике, является дисбаланс прав и обязанностей родителей. В соответствии с п. 1 ст. 61 СК РФ родители имеют равные права и обязанности в отношении своих детей. Следовательно, суд при вынесении решения об определении места жительства несовершеннолетних детей должен исходить из равенства прав и обязанностей матери и отца.

Козлова Н.А. и Трофимова М.С. отмечают, что «по сложившейся еще в советское время правовой традиции, с учетом образа жизни советского населения, отношения к институту брака, к разводам, суды долгое время отдавали предпочтение матери» [12, с.8]. Согласно принципу 6 Декларации прав ребенка ООН от 20 ноября 1956 года «...малолетний ребенок не должен, кроме тех случаев, когда имеются исключительные обстоятельства, быть разлучаем со своей матерью...» [13]. К таким исключительным доказательствам можно отнести, например, злоупотребление матерью наркотическими средствами или алкогольными напитками, нанесение физического или морального вреда ребенку и другие.

Обратим внимание, что при определении места жительства детей суды чаще всего, принимая решение, отдают предпочтение матери (при равных жилищно-бытовых и материальных условиях, личностных качествах родителей, равной привязанности ребенка к матери и отцу).

Так, Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда [14] при рассмотрении требования об определении места жительства ребенка указала: «...оценив акты обследования жилищно-бытовых условий по месту жительства истца и ответчика, ... суд пришел к выводу о том, что в ходе судебного разбирательства не были установлены обстоятельства, которые могли бы явиться однозначным препятствием к проживанию ребенка с кем-то из родителей, либо, напротив, однозначным основанием, в соответствии с которым ребенок должен проживать с одним

из родителей». Однако по итогу место жительства ребенка определено с матерью. Суд учел, возраст девочки – 13 лет, а также тот факт, что несовершеннолетний ребенок не возражает проживать вместе с матерью. Во внимание принято и заключение органа опеки и попечительства, отсутствие обстоятельств, исключающих возможность проживания несовершеннолетней с матерью.

Тем не менее в силу абз. 5 «Обзора практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011): «...ряд судов отметили, что в последние годы возрастает число случаев, когда место жительства ребенка определяется с его отцом» [15].

Приведем примеры из судебной практики. В первом случае, суд принял во внимание заключение судебно-психологической экспертизы и все установленные по делу обстоятельства. Суд обратил внимание на то, что и истец, и ответчик в равной степени имеют желание и способы создать все необходимые условия для развития детей. В данном случае место жительства несовершеннолетних определено по месту жительства отца [16].

Во втором случае, отцу было отдано предпочтение, в связи с обладанием истцом положительных нравственных и личных качеств, а также с тем, что на момент рассмотрения дела дети проживали с отцом в благоустроенном доме со всеми удобствами и всем необходимым для проживания. Помимо того, судом учтено то обстоятельство, что мать, действуя вопреки интересам несовершеннолетних детей, забрала одного ребёнка со школы, а двух других – со двора истца, не предупредив его об этом. С этого момента ответчик не выходила на связь и не интересовалась судьбой двух старших детей, также не явилась в заседание суда, о месте своего жительства истцу не сообщила [17].

Таким образом, в современных реалиях судебная практика двойственна. Однако заметим, что чаще всего суды в случае психологического и материального равенства, при отсутствии исключительных обстоятельств, отдают предпочтение матери, что создает дисбаланс прав и обязанностей родителей.

Еще одной проблемой, касающейся определения места проживания ребенка, является неисполнение судебных актов одним из родителей. Обратим внимание на то, что данная проблема присутствует не только на общегосударственном уровне, но и на международном. Одной из причин её существования является то, что в резолютивной части решения суда зачастую указывается только определение места жительства ребенка с одним из родителей.

Резолютивная часть решения не возлагает на сторону обязанность по передаче ребенка, что предопределяет определенные сложности для Федеральной службы судебных приставов и их территориальных подразделений при исполнении судебного постановления.

Таким образом, правовое регулирование определения места жительства несовершеннолетних детей при раздельном проживании родителей значительно отстает от темпов развития общественных отношений и нуждается в реформировании и совершенствовании со стороны законодателя. В связи с этим, считаем необходимым закрепить на законодательном уровне: 1) правовую норму, в которой бы отражалось следующее: типовая форма соглашения и его обязательные условия; права и обязанности родителей; правовые последствия (ответственность), в случае неисполне-

ния условий соглашения; механизм реализации и исполнения гражданско-правового договора; правила, касающиеся определения порядка изменения/отмены соглашения. Введение подобной нормы сможет облегчить разрешение конфликтных ситуаций между родителями, особенно при самостоятельном принятии решения об определении места жительства несовершеннолетних детей; 2) правовую норму процессуального характера, регламентирующую закрепление в резолютивной части решения: обязанности родителя или иного лица, с которым проживает ребенок передать несовершеннолетнего лицу, в пользу которого вынесено решение судом; указание адреса места жительства ребенка, определенного судом.

Данные нововведения будут способствовать формированию единообразной судебной практики по делам в рамках рассматриваемой категории споров, будут способствовать обеспечению соблюдения и надлежащей защиты прав и интересов ребенка. Полагаем, что вышеуказанные правовые нормы в значительной степени восполнят пробелы законодательства в вопросе об определении места жительства ребенка, поспособствуют снижению конфликтности между родителями, а также уменьшению количества судебных споров по данной категории в целом.

Список литературы:

1. Сведения о числе зарегистрированных родившихся, умерших, браков и разводов за январь - октябрь 2021 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения 28.09.2021).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 1, ст. 16.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 28.05.2020 № 1200-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тагиева Дениса Вагифовича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 статьи 65 Семейного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28052020-n-1200-o/>.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание Законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18980/.
7. Конвенции ООН «О правах ребенка» (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/
8. Апелляционное определение Московского городского суда от 22 апреля 2021 г. по делу № 33-15747/21 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/>.
9. Апелляционное определение Московского городского суда от 26 мая 2021 г. по делу № 33-21095/21 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/>.
10. Апелляционное определение Московского городского суда от 28 июня 2021 г. № 33-24981/21 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/>.
11. Решение Шамильского районного суда от 12 ноября 2020 г. по делу № 2-218/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XwmBQNIWhtoj/>
12. Козлова Н.А., Трофимова М.С. Правовые проблемы защиты отцовства в современной России. Семейное и жилищное право. 2021. № 3. С. 6-10.
13. Декларация прав ребенка (Принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru/2562501/>.
14. Апелляционное определение Московского городского суда от 14 июля 2021 г. по делу N 33-28376/2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/>.
15. Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125826/.
16. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 11 марта 2020 г. по делу № 88-4129/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ003&n=5121#jFdSttSwvLZRS9rJ>.

17. Решение Карабулакского районного суда от 28 февраля 2020 г. по делу № 2-31/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/h4J721CaZ8gl/>.

Ablyatipova N.A., Tsyganova D.S. Some problems of determining the place of residence of juvenile children with separate accommodation of parents // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 119-125.

The article discusses the family-legal aspect of determining the place of residence of minor children when serving parents. Some problems arising in this area, both from the theoretical side and with practical - on the basis of the current Russian legislation and judicial practice. The analysis of the current judicial practice on determining the place of residence of children is given, the main criteria that matter to resolve disputes are allocated. The authors are considering the need for legal norms aimed at replenishing the gaps of legislation existing in the specified area. Formulated proposals that make the gaps of legislation in the matter of determining the place of residence of the child

Keywords: the place of residence of a minor child, separate accommodation of parents, the interests of the child, the equality of parents, the family-legal dispute, the rights of the child.

Spisok literatury:

1. Svedeniya o chisle zaregistrirovannykh rodivshikhnya, umershikh, brakov i razvodov za yanvar' - oktyabr' 2021 goda. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://rosstat.gov.ru/> (data obrashcheniya 28.09.2021).
2. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 g. № 51-FZ (red. ot 21.12.2021) // Sobranie zakonodatel'stva RF, 05.12.1994, № 32, st. 3301.
3. Semeinyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 29.12.1995 № 223-FZ (red. ot 02.07.2021) // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii, 1996, № 1, st. 16.
4. Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 28.05.2020 № 1200-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Tagieva Denisa Vagifovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav punktom 3 stat'i 65 Semeinogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii» [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28052020-n-1200-o/>.
5. Grazhdanskii protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 30.12.2021) // Sobranie Zakonodatel'stva RF, 18.11.2002. № 46. St. 4532.
6. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27.05.1998 g. № 10 «O primenenii sudami zakonodatel'stva pri razreshenii sporov, svyazannykh s vospitaniem detei» [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18980/.
7. Konventsii OON «O pravakh rebenka» (odobrena General'noi Assambleei OON 20.11.1989) (vstupila v silu dlya SSSR 15.09.1990) [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/
8. Apellyatsionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 22 aprelya 2021 g. po delu № 33-15747/21 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://www.consultant.ru/>.
9. Apellyatsionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 26 maya 2021 g. po delu № 33-21095/21 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://www.consultant.ru/>.
10. Apellyatsionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 28 iyunya 2021 g. № 33-24981/21 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://www.consultant.ru/>.
11. Reshenie Shamil'skogo raionnogo suda ot 12 noyabrya 2020 g. po delu № 2-218/2020 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XwmBQNIWhtoj/>
12. Kozlova N.A., Trofimova M.S. Pravovye problemy zashchity otsovstva v sovremennoi Rossii. Semeinoe i zhilishchnoe pravo. 2021. № 3. S. 6-10.
13. Deklaratsiya prav rebenka (Prinyata 20.11.1959 Rezolyutsiei 1386 (XIV) na 841-om plenarnom zasedanii General'noi Assamblei OON) [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://base.garant.ru/2562501/>.
14. Apellyatsionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 14 iyulya 2021 g. po delu N 33-28376/2021 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://www.consultant.ru/>.
15. Obzor praktiki razresheniya sudami sporov, svyazannykh s vospitaniem detei (utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 20.07.2011) [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125826/.
16. Opredelenie Tret'ego kassatsionnogo suda obshchei yurisdiktsii ot 11 marta 2020 g. po delu № 88-4129/2020 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ003&n=5121#jFdSttSwvLZRS9rJ>.
17. Reshenie Karabulakskogo raionnogo suda ot 28 fevralya 2020 g. po delu № 2-31/2020 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/h4J721CaZ8gl/>.

УДК 347.9

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО
ПРОЦЕССА: ТЕКУЩИЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Гелиева И. Н.

Кубанский государственный университет

В настоящей статье рассматриваются некоторые проблемные вопросы и перспективы применения цифровых технологий в контексте деятельности по отправлению гражданского, арбитражного и административного судопроизводства, т.е. в рамках цивилистического процесса.

Целью исследования является анализ состояния отечественной правовой действительности в контексте реализации задач по имплементации инструментов цифрового восприятия информации в рамках гражданского, арбитражного и административного судопроизводства для совершенствования механизмов судебной защиты прав граждан и организаций.

По итогам исследования автором делается вывод, что в условиях развития информационных технологий и цифровых средств связи перед отечественной судебной системой открываются новые горизонты для дальнейшего развития и расширения охвата их применения, что, в свою очередь, служит логическим шагом в трансформации форм взаимодействия между судом и иными участниками процессуальных правоотношений при рассмотрении и разрешении дел в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве.

Ключевые слова: цифровые технологии, гражданский процесс, арбитражный процесс, суды общей юрисдикции, электронное правосудие, цифровизация, диджитализация, электронный документооборот, цивилистический процесс, судебное делопроизводство.

Говоря о правовой природе категории «электронное правосудие», ученые-правоведы сводят ее к выражению деятельности специально уполномоченных органов по применению правовых норм в рамках установленной за ними компетенции. При этом реализация рассматриваемой деятельности приобретает специфические, особенные свойства посредством применения инструментария цифровизации, который воздействует на содержание процессов по отправлению правосудия [1]. Стоит отметить, что первичное закрепление понятия «электронное правосудие» в нормативной сфере было дано в Концепции развития информатизации судов до 2020 г. [2]. Так, в соответствии с положениями данного документа в качестве электронного правосудия рассматривается процедура реализации действий, закрепленных в процессуальном законодательстве, базирующихся на применении средств цифровизации для обеспечения функционирования судебных органов власти, в том числе различные формы и способы коммуницирования между судами, а также между судом и иными участниками процесса в цифровом формате.

Опыт использования цифровых средств связи при разрешении споров в мировой практике сложился достаточно давно и, как верно отмечается в юридической литературе, способствует унификации судебной практики и обеспечению более эффективной защиты и восстановлению нарушенных прав и законных интересов субъектов правоотношений [3].

Постепенное внедрение электронного документооборота, применение онлайн-приложений и платформ при общении с государственными органами, расширение сфер информатизации дистанционного правосудия диктуют необходимость государственных судов приспосабливаться к новым условиям и новой реальности. Исходя из изложенного, среди тенденций в области развития цифровизации судебной

системы выделяют [4]: расширение сферы автоматизации судопроизводства; размещение информации о судебных делах в электронном виде; рассмотрение электронных документов в качестве доказательств по делу; упрощение требований к проведению дистанционных видеопроцессов; внедрение технологии искусственного интеллекта в процесс рассмотрения бесспорных требований (гл. 11 ГПК РФ); использование системы аудиопротоколирования; создание базы доверенностей.

Основополагающую роль в деле становления интернет-правосудия у нас в стране сыграло Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406, ставшее основой Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013 - 2024 годы» [5].

Следует отметить, что в условиях ограничений, вызванных распространением новой коронавирусной инфекции, суды продолжали свою деятельность, проводились судебные заседания. При этом Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Совета судей Российской Федерации от 8 апреля 2020 г. № 821 стало отправной точкой для внедрения системы веб-конференций, где в качестве возможного формата проведения судебных заседаний было обозначено использование системы видео-конференц-связи и (или) системы веб-конференции с учетом опыта Верховного Суда Российской Федерации [6].

В свое время практику интернет-трансляций судебных заседаний ввел Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ. Затем данная возможность появилась у Конституционного Суда РФ. В 2015 г. суды общей юрисдикции заявили о своей готовности к онлайн-трансляции судебных процессов. При этом заметим, что схожая форма обеспечения доступности судебной власти имеет место в деятельности судебных органов ряда зарубежных стран. Так, Верховный суд Канады еще в 2009 г. запустил процесс трансляции всех дел в прямом эфире, а в 2012 г. Верховный суд Великобритании начал извещать о своих решениях через сеть микроблогов Twitter. В 2018 г. в целях обеспечения открытости отправления правосудия по гражданским делам и для понимания работы судов отдельные дела палаты по гражданским делам Апелляционного суда Англии и Уэльса транслируются в прямом эфире на канале судебной власти на YouTube [7].

Дальнейшее движение вперед в контексте совершенствования отечественной системы судостроительства непосредственно связано с внедрением как в судопроизводство в целом, так и в судебное делопроизводство в частности, передовых информационно-коммуникационных технологий, а также раздвижением границ их применения для целей совершенствования форм и механизмов реализации права на судебную защиту субъектами правоотношений и восстановления их прав, свобод и законных интересов в соответствии с нормами действующего законодательства [8]. Как отмечает С.Ф. Афанасьев, сложившаяся в настоящее время правоприменительная практика демонстрирует, что в арбитражные процессуальные правоотношения «цифра» вошла достаточно давно и прочно, детерминантом чего выступает специфика и характеристика лиц, участвующих в деле, – индивидуальных предпринимателей, организаций и юридических лиц, занимающихся экономической деятельностью. При этом, в судах общей юрисдикции цифровизация производства по гражданским и административным делам идет не так динамично в связи с недостаточным уровнем подготовленности и технико-технологической вовлеченности населения в соответствующие тренды [9]. Полноценному осуществлению процессуальных

прав через портал ГАС «Правосудие» препятствуют многие технико-юридические факторы [10]: необходимость распечатки поступивших в суд материалов и дублирование электронных документов бумажными оригиналами; отсутствие правового регулирования последствий электронной подачи документов в суд; отсутствие «процессуального» отклика от суда на электронное обращение; ограниченный объем документов, отправляемых в суд в электронной форме; необходимость использования программ конвертации файлов из одного формата в другой формат, установленный Порядком подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа [11]; отсутствие в законе понятия, порядка обеспечения и правил исследования судом «электронных» доказательств; нерешенность вопроса о допустимости и порядке исследования доказательств в судебном заседании, проводимом в порядке видео-конференц-связи; невозможность ознакомления с материалами дела через систему в силу отсутствия доступа к делу и его самого в электронном виде; фактическая невозможность получения лицами, участвующими в деле, заверенных копий судебных постановлений с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет; пробел в правовом регулировании последствий отсутствия аудиопротокола судебного заседания или несоответствия протокола судебного заседания его аудиоверсии.

Исследование действующих цифровых систем судопроизводства свидетельствует, по мнению В.Ф. Борисовой, о единой проблеме недостаточности правового регулирования «электронного правосудия». Общими направлениями совершенствования правового регулирования процессуальных правоотношений, реализуемых в электронном формате, являются [10]: создание блока правовых норм, касающихся принятия или отказа в принятии искового заявления, поданного в электронном виде; урегулирование порядка обеспечения, приобщения, аутентификации, исследования электронных доказательств и доказательств, поданных в электронном виде, а также порядка исследования вещественных и письменных доказательств в судебном заседании, проводимом в формате видео-конференц-связи; урегулирование последствий отсутствия аудиопротокола судебного заседания или несоответствия протокола судебного заседания его аудиоверсии.

Можно согласиться с позицией учёных уместно отмечающих, что несмотря на то что доступность цифрового правосудия пока только формирующееся в процессуальной доктрине понятие (в аспекте более широкого термина «доступность правосудия»), требующее детального научного обоснования, отрицать его существование вряд ли возможно [12]. В правовой доктрине в контексте цифровизации судопроизводства уже предлагается введение категорий «цифровой профиль» и «цифровая дееспособность». При этом отмечается, что лицо, обладатель цифровой дееспособности, способно эффективно реализовывать возможности, предоставляемые в цифровой среде при отправлении правосудия цифровыми алгоритмами, в ближайшей перспективе – искусственным интеллектом. Из всего объема возможностей по реализации предоставленных участникам процесса прав автор останавливается на действиях, которые лицо получает возможность совершать в ходе рассмотрения дела в зависимости от того, как реализуется лицом право вступать в правоотношения посредством создания и использования цифрового профиля, а также потенциальном участии представителя, привлекаемого в процесс для гарантированного содействия лицу, участвующему в деле, для реализации процессуальных прав в формах элек-

тронных сервисов [13].

Отечественные исследователи небезосновательно предлагают обсуждать реформирование территориальной структуры судебной организации в плоскости следующих параметров: а) переход к цифровой экономике и новому качеству реализации государственной власти; б) ограниченные судебные ресурсы; в) несбалансированное их распределение в ракурсе уровня судебной нагрузки [14].

Анализируя вышеизложенную перспективу, ученые-правоведы пришли к следующим умозаключениям [15]: во-первых, изменение территориальной структуры судебной организации, как общемировая тенденция, обусловлено вызовами информационного общества. Использование информационных технологий в судебной деятельности позволяет достичь рационального распределения судебных ресурсов посредством их консолидации, что предполагает укрупнение судебных районов при одновременном увеличении размера судов; во-вторых, консолидация судебных ресурсов не должна приводить к умалению конституционного права на доступность правосудия (суда). Соответствующий баланс призваны обеспечить критерии изменения территориальной структуры судебной организации, выработанные на международно-правовом уровне. Данные критерии характеризуют как судебную территорию (уровень социально-экономического и демографического развития), так и деятельность конкретного суда (уровень судебной нагрузки).

В-третьих, взаимосвязь и баланс названных критериев изменения территориальной структуры судебной организации определяют в том числе информационно-технологические факторы, которые сгруппированы следующим образом: а) востребованность пользователями электронных коммуникаций с судом; информированность общества о судебной системе соответствующего уровня и о способах обеспечения доступа к правосудию; б) качественный уровень комплексов средств автоматизации суда; объем судебных ресурсов, затрачиваемых на эксплуатацию и сервисное обслуживание комплексов средств автоматизации в конкретном суде.

В-четвертых, изменение территориальной структуры судебной организации должно происходить поэтапно, синхронизированно с изменениями процессуального законодательства (изменение правил родовой подсудности; внедрение обязательного рассмотрения отдельных категорий судебных дел в электронной форме).

При активном внедрении в работу информационных технологий не стоит забывать о том, что полный переход на электронный документооборот возможен только при защите информации от несанкционированного доступа к ней. На современном этапе такое возможно при внедрении в работу систем, отвечающих высокой степени безопасности: искусственного интеллекта, смарт-контракта и технологий блокчейна. В судебной системе указанные технологии будут иметь высокий потенциал позиционирования в качестве достоверной информации, отпадет необходимость выполнять межведомственные запросы, аппарат суда освободится от рутинной работы [16].

Важно заметить, что развитие цифрового поля неминуемо предполагает расширение механизмов, способов его применения. В этой связи стоит говорить об обновлении перечня информационных инструментов для реализации целей отправления правосудия. Так, наиболее релевантной для исследования классификацией будет их диверсификация в зависимости от той операции с данными, в которой они принимают участие [17; 18]: 1) информационные инструменты фиксации, хранения

и отображения данных; 2) информационные инструменты передачи информации; 3) информационные инструменты обработки информации.

Несомненно, что внедрение информационного инструмента должна проходить лишь в том случае, если это не противоречит указанным критериям. Существующие информационные инструменты содержат определенные недоработки, которые необходимо исправить законодателю [17].

В целом внедрение цифровых инструментов в цивилистический процесс дает больше возможностей и для осуществления основополагающих начал, принципов его деятельности. Так, реализация принципа независимости судей как одного из руководящих организационно-функциональных начал гражданского процесса обеспечивается благодаря использованию автоматизированной системы распределения дел, что значительно снижает риски оказания давления на конкретного судью, исключая коррупциогенные факторы [7]. Также в этом аспекте существенное значение имеет открытость информации о судебной системе, в частности, о доходах и расходах судьи и членов его семьи, принадлежащем ему на праве собственности имуществе и т.д. [19]

В свою очередь влияние средств информационного обеспечения на реализацию принципа диспозитивности проявляется в инициативе участников гражданского процесса использовать технологии нового поколения и в выражении согласия на такое использование. Так, процессуальные документы могут быть поданы в суд в электронной форме исключительно по инициативе заявителя (ч. 1.1 ст. 3 ГПК РФ). Извещение участников процесса допускается посредством электронной почты или СМС-сообщения при условии наличия их письменного согласия на уведомление таким способом [20].

Таким образом, современные информационные технологии не только обеспечат систему надежностью сохранения данных, но и в силу своей многозадачности позволят использовать их в различных отраслях права, обеспечат работу с большим массивом документов, а также позволят получать актуальные данные при постоянно меняющихся нормах законодательства.

Процесс цифровизации российского правосудия активирован. В национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» сформированы условия для развития цифровой экономики [11]. В числе первоочередных задач названо снятие барьеров для развития цифровой экономики посредством разработки необходимой нормативной базы. Электронное правосудие означает автоматизацию судебного документооборота, а также действий суда и участников процесса. Цифровизация правосудия предполагает переход к применению искусственного интеллекта, более широкому использованию электронных документов, реализации максимума процессуальных прав и обязанностей дистанционно, удаленному участию в судебных заседаниях, электронному межведомственному взаимодействию судов с другими государственными органами и т.д.

Подводя итоги, можно отметить, что в условиях развития информационных технологий и цифровых средств связи перед отечественной судебной системой открываются новые горизонты для дальнейшего развития и расширения охвата их применения, что, в свою очередь, служит логическим шагом в трансформации форм взаимодействия между судом и иными участниками процессуальных правоотношений при рассмотрении и разрешении дел в судах общей юрисдикции.

Список литературы:

1. Хисамов, А.Х. Тенденции интеграции информационных технологий в цивилистический процесс // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 229-247.
2. Концепция развития информатизации судов до 2020 года, утв. Постановлением Президиума Совета судей Российской Федерации от 19 февраля 2015 г. № 439 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Даниелян, А.С. Электронные доказательства в гражданском процессе зарубежных стран (на примере Европейского Союза, Швейцарии, Украины) // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2021. – № 3. – С. 62-70.
4. Чеботарев, А.В., Панарина, М.М. Формы осуществления дистанционного правосудия в России // Адвокатская практика. – 2021. – № 3. – С. 18-23.
5. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013 - 2024 годы»: Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 (ред. от 29.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Галиакберов, А.Ф., Хисамов, А.Х., Хафизова, Л.Р. Развитие судебной системы в условиях цифровой модернизации // Российский судья. – 2021. № 5. С. 34-36.
7. Луконина, Ю.А. Трансформация основополагающих начал гражданского процессуального права в аспекте цифровизации правосудия по гражданским делам // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – № 10. – С. 42-45.
8. Малько, А.В., Костенко, М.А. Цифровые технологии в судебной системе: проблемы внедрения // Российская юстиция. – 2019. – № 2. – С. 52-54.
9. Афанасьев, С.Ф. Правосудие и судебное решение по whatsapp: допустимая цивилистическая процессуальная реальность? // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 2. – С. 41-44.
10. Борисова, В.Ф. Электронные платформы правосудия по гражданским делам: состояние, риски, перспективы // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 4. – С. 13-17.
11. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // Бюллетень актов по судебной системе. – 2017. – № 2.
12. Брановицкий, К.Л. Цифровая доступность правосудия: трансграничное измерение // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – № 6. – С. 39-44.
13. Фетисов, А.К. Цифровая дееспособность // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 5. – С. 3-7.
14. Бурдина, Е.В. Развитие судебной системы в условиях информационного общества // Российское правосудие. – 2018. – № 7. – С. 19-33.
15. Капустин, О.А. Влияние использования информационных технологий в федеральных судах общей юрисдикции на перспективы изменения территориальной судебной организации // Администратор суда. – 2019. – № 2. – С. 3-8.
16. Крисько, В.С. К вопросу о реализации принципа доступности правосудия и создания единого информационного пространства судебной системы // Администратор суда. – 2019. – № 1. – С. 54-56.
17. Наумов, В.В. Информационные инструменты в гражданском и арбитражном процессе: проблемы внедрения и критерии эффективности // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – № 7. – С. 7-12.
18. Незнамов, А.В. О классификации цифровых технологий в гражданском процессе // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2019. – № 3. – С. 30-31.
19. Указ Президента РФ от 18 мая 2009 г. № 558 «О представлении гражданами, претендующими на замещение государственных должностей Российской Федерации, и лицами, замещающими государственные должности Российской Федерации, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 21. – Ст. 2543.
20. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25 декабря 2013 г. № 257 «Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений» // Бюллетень актов по судебной системе. – 2014. – № 2.

Gelieva Irina N. E-justice in the context of the civilistic process: current state and prospects // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 126-132.

This article discusses some problematic issues and prospects for the use of digital technologies in the context of the administration of civil, arbitration and administrative proceedings, i.e. within the civil process.

The aim of the study is to analyze the state of domestic legal reality in the context of implementing the tasks of implementing tools for digital perception of information in the framework of civil, arbitration and administrative proceedings in order to improve the mechanisms for judicial protection of the rights of citizens and organizations.

Based on the results of the study, the author concludes that in the context of the development of information technologies and digital means of communication, new horizons are opening up for the domestic

judicial system for further development and expansion of the scope of their application, which, in turn, serves as a logical step in transforming the forms of interaction between the court and other participants in procedural legal relations in the consideration and resolution of cases in civil, arbitration and administrative proceedings.

Keywords: digital technologies, civil process, arbitration process, courts of general jurisdiction, e-justice, digitalization, electronic document management, civil process, court office work.

Spisok literatury:

1. Hisamov, A.H. Tendencii integracii informacionnyh tekhnologij v civilisticheskij process // Vestnik grazhdanskogo processa. 2018. № 1. S. 229-247.
2. Koncepciya razvitiya informatizacii sudov do 2020 goda, utv. Postanovleniem Prezidiuma Soveta sudej Rossijskoj Federacii ot 19 fevralya 2015 g. № 439 // SPS «Konsul'tantPlyus».
3. Danielyan, A.S. Elektronnye dokazatel'stva v grazhdanskom processe zarubezhnyh stran (na primere Evropejskogo Soyuza, SHvejcarii, Ukrainy) // YUridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2021. – № 3. – S. 62-70.
4. CHEbotarev, A.V., Panarina, M.M. Formy osushchestvleniya distancionnogo pravosudiya v Rossii // Advokatskaya praktika. – 2021. – № 3. – S. 18-23.
5. O federal'noj celevoj programme «Razvitie sudebnoj sistemy Rossii na 2013 - 2024 gody»: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 27.12.2012 № 1406 (red. ot 29.12.2020) // SPS «Konsul'tantPlyus».
6. Galiakberov, A.F., Hisamov, A.H., Hafizova, L.R. Razvitie sudebnoj sistemy v usloviyah cifrovoj modernizacii // Rossijskij sud'ya. – 2021. № 5. S. 34-36.
7. Lukonina, YU.A. Transformaciya osnovopolagayushchih nachal grazhdanskogo processual'nogo prava v aspekte cifrovizacii pravosudiya po grazhdanskim delam // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. – 2020. – № 10. – S. 42-45.
8. Mal'ko, A.V., Kostenko, M.A. Cifrovye tekhnologii v sudebnoj sisteme: problemy vnedreniya // Rossijskaya yusticiya. – 2019. – № 2. – S. 52-54.
9. Afanas'ev, S.F. Pravosudie i sudebnoe reshenie po whatsapp: dopustimaya civilisticheskaya processual'naya real'nost'? // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. – 2021. – № 2. – S. 41-44.
10. Borisova, V.F. Elektronnye platformy pravosudiya po grazhdanskim delam: sostoyanie, riski, perspektivy // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. – 2021. – № 4. – S. 13-17.
11. Prikaz Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii ot 27 dekabrya 2016 g. № 251 «Ob utverzhdenii Poryadka podachi v federal'nye sudy obshchej yurisdikcii dokumentov v elektronnom vide, v tom chisle v forme elektronnoho dokumenta» // Byulleten' aktov po sudebnoj sisteme. – 2017. – № 2.
12. Branovickij, K.L. Cifrovaya dostupnost' pravosudiya: transgranichnoe izmerenie // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. – 2020. – № 6. – S. 39-44.
13. Fetisov, A.K. Cifrovaya deesposobnost' // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. 2021. № 5. – S. 3-7.
14. Burdina, E.V. Razvitie sudebnoj sistemy v usloviyah informacionnogo obshchestva // Rossijskoe pravosudie. – 2018. – № 7. – S. 19-33.
15. Kapustin, O.A. Vliyanie ispol'zovaniya informacionnyh tekhnologij v federal'nyh sudah obshchej yurisdikcii na perspektivy izmeneniya territorial'noj sudebnoj organizacii // Administrator suda. – 2019. – № 2. – S. 3-8.
16. Kris'ko, V.S. K voprosu o realizacii principa dostupnosti pravosudiya i sozdaniya edinogo informacionnogo prostranstva sudebnoj sistemy // Administrator suda. – 2019. – № 1. – S. 54-56.
17. Naumov, V.V. Informacionnye instrumenty v grazhdanskom i arbitrazhnom processe: problemy vnedreniya i kriterii effektivnosti // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. – 2020. – № 7. – S. 7-12.
18. Neznamov, A.V. O klassifikacii cifrovnyh tekhnologij v grazhdanskom processe // Elektronnoe prilozhenie k «Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu». – 2019. – № 3. – S. 30-31.
19. Ukaz Prezidenta RF ot 18 maya 2009 g. № 558 «O predstavlenii grazhdanami, pretenduyushchimi na zameshchenie gosudarstvennyh dolzhnostej Rossijskoj Federacii, i licami, zameshchayushchimi gosudarstvennye dolzhnosti Rossijskoj Federacii, svedenij o dohodah, ob imushchestve i obyazatel'stvah imushchestvennogo haraktera» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2009. – № 21. – St. 2543.
20. Prikaz Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude RF ot 25 dekabrya 2013 g. № 257 «Ob utverzhdenii Reglamenta organizacii izveshcheniya uchastnikov sudoproizvodstva posredstvom SMS-soobshchenij» // Byulleten' aktov po sudebnoj sisteme. – 2014. – № 2.

УДК 347.922

ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В СРЕЗЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОЗНАНИЯ

Даниелян А. С.

Кубанский государственный университет

Целью исследования выступает рассмотрение и анализ закономерностей принятия решений в рамках процессуальной деятельности, осуществляемой посредством гражданского судопроизводства и арбитражного судопроизводства.

Задачи исследования предопределены его целью и заключаются в 1) уяснении подходов к сущности категории «решение» в философском, логическо-математическом и правовом восприятии, в частности, в рамках гражданского судопроизводства и арбитражного судопроизводства; 2) доказывании путём использования герменевтического анализа плюральности словосочетания «принятие решения» в контексте его применения в судопроизводстве – гражданском процессе и арбитражном процессе; 3) формулировании алгоритма принятия решения при рассмотрении и разрешении споров гражданском процессе и арбитражном процессе; 4) исследовании возможности применения теории принятия решений для реализации задач, ставящихся перед участниками судебного разбирательства; 5) анализе факторов, воздействующих на принятие юридически обоснованных решений участниками судебного процесса, в частности, судьями при вынесении соответствующих актов правосудия в гражданском процессе и арбитражном процессе (решений, определений, постановлений, судебных приказов) и их итоговое влияние на реализацию комплекса задач судопроизводства, установленных в процессуальном законодательстве (ст. 2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и ст. 2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации).

Ключевые слова: решение; принятие решения; судебное решение; судебное сознание; правосознание; категории права; гражданский процесс; арбитражный процесс; гражданское судопроизводство; арбитражное судопроизводство.

Устоявшееся мнение о том, что юридическая деятельность имеет в своей основе управленческий компонент, позволяет считать необходимым формирование в профессиональном юридическом мышлении знаний теории управления и принятия решений.

Юридические управленческие решения имеют и свою специфику, требующую овладения соответствующими умениями и навыками.

Профессиограмма юриста включает, наряду с другими элементами, его организационную компетентность, подразумевающую способности к планированию, прогнозированию, принятию решений, осуществлению руководящей деятельности. Законодатель прямо обязывает юристов в определенных законом случаях принимать управленческие решения. Вопросы же эффективного юридического менеджмента, выбора оптимального юридического решения до последнего времени, по сути, были вне поля зрения исследователей и практиков. Восполнить, хотя бы отчасти, этот пробел и призвана данная учебная дисциплина, являющаяся по своей природе междисциплинарной, а по назначению многофункциональной, касающейся различных видов юридической деятельности [1].

Формулировка «Принятие решений в юриспруденции» изначально вызывает сомнения в однозначности трактовки в контексте содержания. С одной стороны, здесь

мы говорим о решении как о [том или ином] результате, которому предшествует совершение некоего алгоритма (порядка, системы, процесса) действий, направленных для достижения определенной цели, т.е. рассматриваем его сквозь призму – если так можно выразиться – логико-математического восприятия. С другой же стороны, словосочетание «юридическое решение» может рассматриваться как форма юридического документа, т.е. письменного акта, составленного в соответствии с установленными правовой нормой требованиями и имеющего определённую императивность. Первичный герменевтический анализ данного вопроса может вызвать, как думается, ошибочное понимание сути излагаемого – 1) мы говорим, как раз, об определенных действиях и их алгоритме, реализуемых в рамках правового поля, а также о том какую они несут роль; 2) мы говорим о юридических актах, и, в частности, о судебном решении (особенно, учитывая ст. 195 ГПК РФ «законность и обоснованность *решения...*», т.е. формулировки, которые в юридическом сообществе тесно связаны именно с ним); 3) мы постулируем синтез первого и второго подходов (а к такому выводу можно прийти если проанализировать содержание темы целиком) и нивелируем их в качестве отдельных и самостоятельных (кстати, это очень в духе постмодернизма – свести к нулю базис и наработки предшествующих поколений и на «руинах» построить новое знание) [2, с. 63-77; 3]. В целом же стоит солидаризироваться с позицией Бертрана Рассела, высказанной в предисловии первого английского издания «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна, что основополагающее требование к идеальному языку заключается в том, что в нём должно быть одно и только одно имя для каждого простейшего предмета и не должно быть одинакового имени для двух различных предметов [4, р.8].

В препарировании конструкции «принятие решений» существенную роль играет понятийно-категориальный аппарат, выработанный Аристотелем, в рамках которого данная формулировка обозначалась наименованием «*προαίρεσις*» («проэрезис»). В системе познания великого греческого философа данный термин контекстуально рассматривается в двух интерпретациях: 1) «преднамеренность» – такое толкование данного слова выражает буквальный смысл, закрепленный за ним и является производным от греческого «*αἴρεσις*» («эрезис» – выбор, намерение); 2) «сознательный выбор» – именно в этом аспекте концептуально рассматривалось указанная категория самим Аристотелем. Суть сводилась к тому, что под дефиницией «сознательный» понималась логически выстроенная составляющая интеллектуального процесса, приводящая субъекта к решению. При этом стоит учесть, что совершение конечного действия (т.е. решения) не предполагает его оптимальный характер [5].

Само решение – по мнению Аристотеля – «поиск и анализ», заканчивающиеся обнаружением возможного. Поиск средств и способов для осуществления цели; анализ средств до самого основного средства («до первопричины»), т.е. средства для всех последующих средств. Таким образом, решение — это всецело рациональная процедура [6, р. 1908-1952].

Любопытен тот факт, что современные исследования, посвященные проблемам порядка принятия решения в основе своей базируются на тех же положениях и принципах, которые в своё время применялись философом при описании процесса осуществления выбора. Однако аксиологическим лейтмотивом в системе взглядов Стагирита стоит признать акцентирование внимания на иррациональном аспекте процесса принятия решений и его месте в человеческом существовании [5].

Резюмируя вышеизложенное, можно под категорией «сознательный выбор» понимать действие, которое обладает свойствами рациональности и направленное на достижение определенного результата при наличии в его содержании двух компонентов – решения и выбора.

«Принятие решения» как категория рассматривается в научных кругах с двух позиций: узкого и широкого. Так, в русле узкого подхода интерпретация «принятия решения» ведётся как завершающего интеллектуального действия по обнаружению и исследованию разнообразных способов действия (образов поведения), в качестве целеполагания которого лежит избрание и закрепление оптимального варианта решения, *modus operandi*. Помимо этого, предлагается рассматривать решение в качестве последствий осуществленного выбора, и в таком случае стоит говорить о нём как предписании к действию [7].

В контексте широкого подхода, принятие решения – процесс, развивающийся темпорально, реализация которого происходит в несколько стадий. Принятие решения – это возможность выбора, альтернативны. Отсутствие плюрализма неминуемо ведет к отсутствию свободы выбора, а это, в свою очередь, приводит к аннигиляции решения как такового [7].

Здесь обратим внимание, что, говоря о принятии решений в рамках юриспруденции в целом и судопроизводстве в частности, необходимо учитывать тот факт, что они подчиняются общим принципам и правилам такого рода деятельности. В данной связи важным является уяснение сути базовых алгоритмов принятия управленческих решений, которые выступают близкими по своей природе к принятию решения в сфере судопроизводства. Так, управленческое решение, как и любое процессуальное решение — это результат труда, а его принятие – процесс, предваряющий и способствующий достижению данного результата. Принятие решений в организации характеризуется как: - человеческая деятельность, характеризующаяся обдуманностью и направленностью на достижения конкретного результата; - образ действия, базирующийся на фактах и социальных установках (в контексте судопроизводства – базирующийся на *правовых нормах*, фактах (судебных доказательствах) и социальных установках); - процесс интеракции сотрудников организации (в контексте судопроизводства – участников судебного разбирательства); - выбор имеющихся вариантов в границах общественного и политического состояния организационной среды (в контексте судопроизводства – практическая реализация принципа диспозитивности в гражданском и арбитражном процессах); - элемент управленческого процесса (в контексте судопроизводства – составная часть общего порядка рассмотрения и разрешения споров в судебном процессе); - обязательная составляющая повседневной деятельности менеджера (в контексте судопроизводства – субъектов судебного разбирательства, т.е. суда, лиц, участвующих в деле и лиц, содействующих в осуществлении правосудия).

В научной среде существует ряд исследований по вопросу принятия людьми решений в различных областях деятельности.

К примеру, теория принятия решений связана с аргументацией, лежащей в основе выбора «агента» (т.е., личности, которая способна обдумывать и действовать), будь то повседневный выбор между автобусом или такси или более далеко идущий выбор относительно того, следует ли делать сложную политическую карьеру. В любом случае теория принятия решений – это не только теория верований, желаний и

других подходящих позиций, но и теория выбора; важно то, как эти различные отношения (назовем их «предпочтениями») согласовываются друг с другом [8].

В свою очередь теория принятия решений Леонарда Сэвиджа, представленная в его «Основах статистики» (1954 г.) [9], без сомнения, является наиболее известной нормативной теорией выбора в условиях неопределенности, в частности, в экономике и науках о принятии решений. В книге Л. Сэвидж представляет набор аксиом, ограничивающих предпочтения по набору вариантов, которые гарантируют существование пары функций вероятности и полезности, относительно которых предпочтения могут быть представлены как максимизирующие ожидаемую полезность.

Теория ожидаемой полезности Ричарда Джеффри отличается от теории Л. Сэвиджа как с точки зрения рассматриваемых перспектив (то есть вариантов), так и с точки зрения рациональных ограничений на предпочтения в отношении этих перспектив. Несомненным преимуществом теории Джеффри является то, что реальные проблемы принятия решений можно смоделировать так, как их воспринимает агент. Правдоподобность ограничений рациональности предпочтений не зависит от проблем принятия решений, моделируемых определенным образом. Сначала мы описываем перспективы или набор решений и вытекающее из них правило ожидаемой полезности, прежде чем обратиться к соответствующим ограничениям рациональности на предпочтения и соответствующей теореме.

В отличие от Л. Сэвиджа, Джеффри не делает различия между объектами инструментального и неинструментального желания (действиями и результатами соответственно) и объектами веры (состояниями мира). Скорее, Джеффри предполагает, что суждения, описывающие положения дел, являются объектами как желаний, так и убеждений. На первый взгляд это кажется неуместным: точно так же, как мы можем иметь представление о том, будет ли на самом деле дождь, мы также можем иметь представление о том, насколько это было бы желательно [10].

Конечно же, употребляя формулировку «принятие решения» в контексте как гражданского, так и арбитражного судопроизводства, мы, всё же, в первую очередь имеем в виду действия судьи по вынесению процессуального акта по итогам рассмотрения дела по существу. В частности, М.А. Гурвич, выделял в судебном решении два автономных начала и рассматривал его с одной стороны как акт правосудия, а с другой стороны как документ, выразивший его с процессуальной точки зрения [11, с. 6]. Считаем, что можно согласиться с такой трактовкой советского правоведа, так как она верным образом закрепляет субъективную (индивидуально-волевою) и объективную (процессуальную) сторону, выносимого судебного решения. Конгениальность данному подходу выражал и С.С. Алексеев, который при раскрытии понятия «судебное решение» давал следующее его определение: «индивидуальное, государственно-властное веление (предписание), вынесенное в результате решения юридического дела, ... само правоприменительное действие, взятое с внешней стороны, со стороны результата решения» [12, с.68].

Учитывая специфику комплекса способов и приемов научного познания, которые применяются при исследовании механизма принятия решения как этапа правоприменения его имеет смысл рассматривать с позиций соединения двух элементов, таких как 1) итог интеллектуальной деятельности субъекта правоприменения, выраженный посредством разрешения им вопросов, возникающих в области права; 2)

результат его умственных познаний в юридической сфере, который находит отражение в выносимом судебном акте.

Исходя из вышеизложенного, правоведами делается вывод о необходимости дифференцирования принятия решения в двух плоскостях – действие и результат действия. И только при соединении обеих составляющих (содержательной и формальной) возможна полноценная реализация процесса правоприменения [13, с.119].

Отечественное материальное и процессуальное законодательство установило возможность применения при принятии решения судьями дискреционных начал. Судейская дискреция или же судейское усмотрения, имеет различные формы выражения (напр., ст. 67 ГПК РФ и ст. 71 АПК РФ (оценка доказательств); ст. 105, 106 ГПК РФ и ст. 119, 120 АПК РФ (наложение судебного штрафа); ст. 169 ГПК РФ и ст. 158 АПК РФ (отложение судебного разбирательства)), да и в целом решения судьи могут уходить далеко за пределы разрешения индивидуально-конкретного спора и распространяться на регулирования отношений абстрактно-неопределённого круга лиц на территории всего государства, чему есть подтверждения как в рамках отечественной правовой действительности, так и в зарубежных правовых порядках [14; 15; 16].

Прежде всего «судейское сознание», как отмечает Ч. Варга, нацелено на разрешение (через урегулирование) вынесенных на судебное заседание конфликтов интересов (вызванных ими ценностных конфликтов). Разрешение происходит путем утверждения судьей того варианта решения конфликта, который он посчитает наиболее законным из всех возможных или представленных, и путем исполнения, насколько позволяют условия и «система исполнения» (*Verfullungssystem*), существующая при данном правовом режиме [17, с.15].

В свое время Р. Паунд отмечал, что в новой картине мира, которую юристы должны нарисовать для судов, важными элементами будет выступать [18, р. 958]: 1) формирование процесса социально-правовой инженерии как части всего процесса общественного контроля; 2) установление баланса между решением фактической причины и разработкой прецедента, при котором, отнесение претензий сторон к общим социальным претензиям, как можно большей из последних будет реализовано; 3) побуждение к осознанию роли идеальных картин социального и правового порядка как в принятии решений, так и в провозглашении закона.

Ирландский правовед Б. Барри в своём исследовании «*Как судьи судят: эмпирические взгляды на процесс принятия судебных решений*» [19] рассматривает выходящие за рамки закона факторы, которые способны воздействовать на судебные решения. **Автором** вполне резонно указывается на то, что роль судьи – принимать решения, и от хорошего судьи ожидается, что он будет принимать их беспристрастно, справедливо и на основе буквы закона, однако в большей степени на вынесенное решения могут повлиять субъективные факторы.

Так, например, в 2012 г. шесть ученых и одно должностное лицо были осуждены за непредумышленное убийство по причине, что якобы преуменьшали вероятность человеческих жертв в связи с сильным землетрясением в Аквиле (Италия), которое произошло спустя шесть дней. Только в 2016 г. все обвинительные приговоры были отменены. Некоторые утверждают, что ретроспективная предвзятость, т.е. тенденция думать, что результат более предсказуем *после* того, как он произошел, чем он фактически был в то время, играл роль в решении судьи первой инстанции осудить.

Исследования доказывают, что предвзятость ретроспективного взгляда и другие когнитивные предубеждения иногда могут повлиять на судебные результаты.

Ещё один пример – в одном из более ранних исследований американских судей попросили решить, обязана ли железнодорожная компания выполнять определенные ремонтные работы. Одной группе сказали, что компания имеет безупречный послужной список безопасности, другой группе сказали, что недавно произошел несчастный случай. Поразительно, что обе группы с одинаковой вероятностью решали дело одинаково, основываясь на правилах, а не на не относящемся к делу событии [19].

Вместе с тем современные юристы все чаще сталкиваются с наличием пробелов в исследованиях механизма принятия решения в судопроизводстве, которые могут быть заполнены с помощью психологических знаний [20]. Так, С.А. Пашин одной из причин судебной ошибки определял профессиональную непригодность. В данном случае речь идет не только о слабом теоретическом уровне подготовки судьи, но и о наличии психологических факторов, способствующих увеличению вероятности совершения ошибки [21]. К таким факторам наиболее правомерно было бы отнести явление профессионального выгорания у судей.

В свою очередь Г.И. Бушуев пишет, что принятие решения судьей происходит вследствие взаимодействия имеющихся у него знаний, опыта с его личностными особенностями, установками, убеждениями и позицией [22]. Многие из таких психологических конструктов актуализируются и обостряются в ситуации неопределенности. Например, в случае, когда судья в ходе судебного заседания не находит альтернативы, исключая разумные сомнения, у него увеличивается уровень тревожности, что в свою очередь влияет на продуктивность волевой активности судьи, увеличивает шанс судебной ошибки.

Часть исследователей предполагает, что в ситуациях, когда время ограничено, а вопрос является важным, люди действуют на основании смутно осознаваемых впечатлений. Процесс принятия решения заключается не в тщательном сравнении двух или более вариантов, а в оценке одного, чаще всего первого пришедшего в голову, варианта. Люди используют данный вариант, если он приемлем, но не обязательно является наилучшим [23]. Большое количество решений принимается на основании «озарений», то есть с помощью быстро поступающей и практически незаметно обработанной информации [24].

Психологи в течение нескольких десятилетий интенсивно интересовались двумя способами мышления, вызванными изображением разгневанной женщины и проблемой умножения, и предложили им множество обозначений. Так, Д. Канеман взял за основу понятийный аппарат, предложенный психологами К. Становичем и Р. Уэстом, выделил две системы мышления – Систему 1 и Систему 2.

Система 1 работает автоматически и быстро, с минимальными усилиями или без них и без чувства произвольного контроля. Система 2 направляет внимание на требующие усилий умственные действия, включая сложные вычисления. Операции Системы 2 часто связаны с субъективным опытом свободы воли, выбора и концентрации [25]. По степени разработанности процесса принятия решения принято выделять рутинные, селективные, адаптационные и инновационные решения. Эти термины, используемые для описания управленческих решений, применимы и к су-

дебной деятельности в зависимости от наличия или отсутствия стандартных методик принятия решений [13].

Рутинные решения характеризуются хорошо известными способами действий для разрешения возникшей проблемы. Такие запрограммированные решения, типичные для неоднократно повторяющихся ситуаций, принимаются в соответствии с ранее выработанной правоприменителем определенной последовательностью этапов. Сродни секрету Полишинеля будет тот факт, что абсолютное большинство решений носят именно рутинный характер. Далее, с большим отрывом идут селективные решения, дающие определенную свободу маневрирования и альтернативу в рамках правоприменения (напр., привлечение к процессуальной ответственности участников судебного процесса – ст. 105, ст. 159 ГПК РФ).

Адаптивные решения принимаются в случаях трансформации исходных обстоятельств, требующих корректировки апробированных способов посредством учета специфики сложившейся обстановки.

Инновационные решения являются наиболее трудоемкими и предполагают от субъекта их принятия применения принципиально нестандартного подхода в силу неэффективности предыдущих способов и механизмов. Реализация вышеустановленного презюмирует необходимость наличия у лица, выносящего решения, высокого уровня познаний в области юриспруденции и навыков их внешнего закрепления в рамках установленной процессуальной формы (гражданской или арбитражной). Примером таких решений могут служить акты судей, принятые ими не только с опорой на нормы действующего отечественного законодательства, но и с привлечением ссылок на законодательство и правоприменительную практику зарубежных стран, правовую доктрину (отечественную и зарубежную), памятники права (Дигесты Юстиниана, бранденбургское водное право и т.д.) [26;27]. Вдобавок нестандартный подход применяется и при структурировании судебных актов [28].

В заключении необходимо отметить, что принятие решений в юриспруденции и в судопроизводстве в частности подчиняется общим правилам и установкам [принятия решений в рамках] формальной логики с учётом специфики психологических характеристик конкретного субъекта. Однако помимо схожести факторов, принятие решения в гражданском процессе и арбитражном процессе (как и в юриспруденции в целом) предполагает в императивной форме учёт актов нормативно-правового и правоприменительного свойства. Это, в свою очередь, детерминирует дополнительную психоэмоциональную и интеллектуальную (когнитивную) нагрузку на субъекта его принятия и негативным образом способно отразиться на разумности (рациональности) итоговых результатов.

Список литературы:

1. Блинова-Сычкарь, И.В. Рабочая программа дисциплины «Психология управления и принятия решений в юридической деятельности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://volsu.ru/download.php?id=0000053122-1.pdf> (дата обращения: 13.06.2021)
2. Методология и методика научного исследования : учебное пособие / И. Л. Честнов. – Санкт-Петербург, 2018. – 124 с.
3. Feyerabend, P.K. Against Method. Outline of an anarchistic theory of knowledge. – London, 1975. – 339 p.
4. Russell, B. Introduction in Wittgenstein L. Tractatus Logico-Philosophicus. – London, New York, 1922. – 162 p.
5. Платонов-Поляков, Р.С. Философия Аристотеля: принятие решений как структурный элемент человеческой деятельности [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах Простран-

- ство и Время. 2015. Т. 9. Вып. 2: Пространство и время принятия решений. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-aristotelya-prinyatie-resheniy-kak-strukturnyyu-element-chelovecheskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 13.06.2021).
6. Aristotle, Ross W.D. *Ethica Nicomachea*. The Works of Aristotle. / Ed. and trans. W.D. Ross. – Vol. 9. – Oxford: Clarendon Press, 1925. – P. 1908-1952.
 7. Методы принятия управленческих решений: краткий курс лекций / Сост.: Д.А. Воробьева. – Саратов, 2017. – 68 с.
 8. Steele, K., Orri, H. Stefánsson Decision Theory [Электронный ресурс] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2020 Edition), Edward N. Zalta (ed.), – URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2020/entries/decision-theory/> (дата обращения: 13.06.2021).
 9. Savage, Leonard J. *The Foundations of Statistics*. – New York: John Wiley and Sons, 1954. – 294 p.
 10. Jeffrey, R. *The Logic of Decision*. 2nd edition. – Chicago, 1990. – 246 p.
 11. Гурвич, М.А. Решение советского суда в исковом производстве. – М., 1955. – 128 с.
 12. Алексеев, С.С. Общая теория социалистического права. – Свердловск, 1966. – Вып. 4. – 212 с.
 13. Чертова, Н.А., Юринская, И.С. Механизм принятия судебного решения: теоретические аспекты // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – №3. – С.118-125.
 14. Потапенко, С.В., Даниелян, А.С. Судебное правотворчество в контексте правовой системы России: вопросы теории и практики: монография. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2018. – 153 с.
 15. Даниелян, А.С. Роль и значение Верховного суда Израиля в организации и функционировании национальной правовой системы // Право и политика. – 2017. – № 3. – С.86-95.
 16. Barak, A. Some Reflections on the Israeli Legal System and its Judiciary // *Electronic Journal of Comparative Law*. – 2002. – Vol. 6.1. – April. – P. 1–10.
 17. Варга, Ч. Право, юридический процесс, судейское сознание // *Российский юридический журнал*. – 2011. – №4. – С. 14–24.
 18. Pound, R. *The Theory of Judicial Decision*. III. A Theory of Judicial Decision for Today // *Harvard Law Review*. – 1923. – Vol. 36. – № 8. – P. 940–959.
 19. Barry, B. *How Judges Judge: Empirical Insights into Judicial Decision-Making*. – Routledge, 2020. – 312 p.
 20. Попова, Т.В., Калашникова, А.С. Научно-практические рекомендации по профилактике эмоционального выгорания у судей. [Электронный ресурс] // *Психология и право*. – 2018(8). – № 1. – С.119-127.
 21. Посохина, И.В. К вопросу о классификации судебных ошибок // *Криминалист*. – 2011. – № 1. – С. 89–95.
 22. Абушенко, Д.Б. Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. – М.: Норма, 2002. – 176 с.
 23. Грищенкова, А.В. Психологические особенности принятия судебного решения: российский и иностранный опыт // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. – № 4. – С.145-151.
 24. Gladwell, M. *Blink: The Power of Thinking Without Thinking*. – New York, 2005. – 296 p.
 25. Kahneman, D. *Thinking, Fast and Slow*. – New York, 2011. – 499 p.
 26. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 сентября 2019 по делу № А32-19942/2018 (председательствующий – судья Галов В.В.) // Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2a004d8b-65c2-4a6f-83f0-4bf434cffe39/7636a6a6-c1a4-4849-aba2-46c4e37b8460/A32-19942-2018_20190927_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True;
 27. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 13 января 2015 г. по делу № А32-25579/2014 (председательствующий – судья Назыков А.Л.) // Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/42646f3c-644f-44f7-811c-3e628c187bf0/68512dd7-592b-4c42-9d9c-0feb1e9ca4fc/A32-25579-2014_20150113_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 13.06.2021).
 28. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 11 мая 2021 г. по делу № А32-50785/2020 (председательствующий – судья Назыков А.Л.) // Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/61a11a36-91af-4783-8484-d9c2d4503d84/31805c46-21f2-48c9-82d6-f78986ba3e01/A32-50785-2020_20210511_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 13.06.2021).

Danielyan Armen S. Decision making in civil and arbitration proceedings in the context of interdisciplinary knowledge // *Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science*. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 133-142.

The aim of the research is to examine and analyze the patterns of decision-making in the framework of procedural activities carried out through civil proceedings and arbitration proceedings.

Research tasks are predetermined by its purpose and consist in:

1) understanding the approaches to the essence of the category "decision" in the philosophical, logical-mathematical and legal perception, in particular, within the framework of civil proceedings and arbitration proceedings;

2) proving, through the use of hermeneutic analysis, the plurality of the phrase "decision-making" in the context of its application in legal proceedings - civil proceedings and arbitration proceedings; 3) the formulation of an algorithm for making a decision when considering and resolving disputes in civil proceedings and arbitration proceedings;

4) the study of the possibility of applying the theory of decision-making for the implementation of the tasks assigned to the participants in the proceedings; 5) analysis of the factors affecting the adoption of legally justified decisions by the participants in the judicial process, in particular, by the judges when passing the relevant acts of justice in the civil process and the arbitration process (decisions, rulings, rulings, court orders) and their final impact on the implementation of a set of tasks of legal proceedings, established in the procedural legislation (Art. 2 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and Art. 2 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation).

Keywords: solution; decision-making; judgment; judicial consciousness; legal awareness; categories of law; civil procedure; arbitration process; civil proceedings; arbitration proceedings.

Spisok literatury:

1. Blinova-Sychkar', I.V. Rabochaya programma discipliny «Psikhologiya upravleniya i prinyatiya reshenij v yuridicheskoy deyatel'nosti» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://volsu.ru/download.php?id=00000053122-1.pdf> (data obrashcheniya: 13.06.2021)
2. Metodologiya i metodika nauchnogo issledovaniya : uchebnoe posobie / I. L. CHestnov. – Sankt-Peterburg, 2018. – 124 s.
3. Feyerabend, P.K. Against Method. Outline of an anarchistic theory of knowledge. – London, 1975. – 339 p.
4. Russell, B. Introduction in Wittgenstein L. Tractatus Logico-Philosophicus. – London, New York, 1922. – 162 p.
5. Platonov-Polyakov, R.S. Filosofiya Aristotelya: prinyatie reshenij kak strukturnyj element chelovecheskoj deyatel'nosti [Elektronnyj resurs] // Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manah Prostranstvo i Vremya. 2015. T. 9. Vyp. 2: Prostranstvo i vremya prinyatiya reshenij. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-aristotelya-prinyatie-resheniy-kak-strukturnyy-element-chelovecheskoj-deyatelnosti> (data obrashcheniya: 13.06.2021).
6. Aristotle, Ross W.D. Ethica Nicomachea. The Works of Aristotle. / Ed. and trans. W.D. Ross. – Vol. 9. – Oxford: Clarendon Press, 1925. – P. 1908-1952.
7. Metody prinyatiya upravlencheskih reshenij: kratkij kurs lekcij / Sost.: D.A. Vorob'eva. – Saratov, 2017. – 68 s.
8. Steele, K., Orri, H. Stefánsson Decision Theory [Elektronnyj resurs] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2020 Edition), Edward N. Zalta (ed.), – URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2020/entries/decision-theory/> (data obrashcheniya: 13.06.2021).
9. Savage, Leonard J. The Foundations of Statistics. – New York: John Wiley and Sons, 1954. – 294 p.
10. Jeffrey, R. The Logic of Decision. 2nd edition. – Chicago, 1990. – 246 p.
11. Gurvich, M.A. Reshenie sovetskogo suda v iskovom proizvodstve. – M., 1955. – 128 s.
12. Alekseev, S.S. Obshchaya teoriya socialisticheskogo prava. – Sverdlovsk, 1966. – Vyp. 4. – 212 c.
13. CHertova, N.A., YUrinskaya, I.S. Mekhanizm prinyatiya sudebnogo resheniya: teoreticheskie aspekty // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki. – 2015. – №3. – S.118-125.
14. Potapenko, S.V., Danielyan, A.S. Sudebnoe pravotvorchestvo v kontekste pravovoj sistemy Rossii: voprosy teorii i praktiki: monografiya. – Krasnodar: Kubanskij gosudarstvennyj universitet, 2018. – 153 s.
15. Danielyan, A.S. Rol' i znachenie Verhovnogo suda Izrailya v organizacii i funkcionirovanii nacional'noj pravovoj sistemy // Pravo i politika. – 2017. – № 3. – S.86-95.
16. Barak, A. Some Reflections on the Israeli Legal System and its Judiciary // Electronic Journal of Comparative Law. – 2002. – Vol. 6.1. – April. – P. 1–10.
17. Varga, CH. Pravo, yuridicheskij process, sudejskoe soznanie // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. – 2011. – №4. – S. 14–24.
18. Pound, R. The Theory of Judicial Decision. III. A Theory of Judicial Decision for Today // Harvard Law Review. – 1923. – Vol. 36. – № 8. – P. 940–959.
19. Barry, B. How Judges Judge: Empirical Insights into Judicial Decision-Making. – Routledge, 2020. – 312 p.
20. Popova, T.V., Kalashnikova, A.S. Nauchno-prakticheskie rekomendacii po profilaktike emocional'nogo vygoraniya u sudej. [Elektronnyj resurs] // Psikhologiya i pravo. – 2018(8). – № 1. – S.119-127.
21. Posohina, I.V. K voprosu o klassifikacii sudebnyh oshibok // Kriminalist". – 2011. – № 1. – S. 89–95.

22. Abushenko, D.B. Sudebnoe usmotrenie v grazhdanskom i arbitrazhnom processe. – M.: Norma, 2002. – 176 s.
23. Grishchenkova, A.V. Psihologicheskie osobennosti prinyatiya sudebnogo resheniya: rossijskij i inostrannyj opyt // Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina (MGYUA). – 2017. – № 4. – S.145-151.
24. Gladwell, M. Blink: The Power of Thinking Without Thinking. – New York, 2005. – 296 p.
25. Kahneman, D. Thinking, Fast and Slow. – New York, 2011. – 499 p.
26. Postanovlenie Pyatnadcatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 27 sentyabrya 2019 po delu № A32-19942/2018 (predsedatel'stvuyushchij – sud'ya Galov V.V.) // Rezhim dostupa: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2a004d8b-65c2-4a6f-83f0-4bf434cffe39/7636a6a6-c1a4-4849-aba2-46c4e37b8460/A32-19942-2018_20190927_Postanovlenie_apellyacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True;
27. Reshenie Arbitrazhnogo suda Krasnodarskogo kraja ot 13 yanvarya 2015 g. po delu № A32-25579/2014 (predsedatel'stvuyushchij – sud'ya Nazykov A.L.) // Rezhim dostupa: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/42646f3c-644f-44f7-811c-3e628c187bf0/68512dd7-592b-4c42-9d9c-0feb1e9ca4fc/A32-25579-2014_20150113_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (data obrashcheniya: 13.06.2021).
28. Reshenie Arbitrazhnogo suda Krasnodarskogo kraja ot 11 maya 2021 g. po delu № A32-50785/2020 (predsedatel'stvuyushchij – sud'ya Nazykov A.L.) // Rezhim dostupa: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/61a11a36-91af-4783-8484-d9c2d4503d84/31805c46-21f2-48c9-82d6-f78986ba3e01/A32-50785-2020_20210511_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (data obrashcheniya: 13.06.2021).

УДК 347.73

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Евсикова Е. В., Старицын А. В.

Крымский филиал ФГБОУВО "Российский государственный университет правосудия"

В статье раскрываются и исследуются проблемы нормативно-правового регулирования отношений, возникающих при выпуске, учете и обращении цифровых финансовых активов, особенности деятельности оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов, а также отношений, возникающих при обороте цифровой валюты в РФ. Авторы анализируют и исследуют особенности реализации концепции цифровых прав в РФ в контексте принятого «цифрового» законодательства, а также изучают сущность и соотношений категорий «цифровые права», «утилитарные цифровые права», «цифровые финансовые активы», «цифровая валюта». Кроме того, авторы анализируют и исследуют особенности учета, обращения и выпуска цифровых финансовых активов, обязанности, требования к деятельности и ответственность оператора информационной системы, правила информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, порядок ведения реестра пользователей информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, особенности выпуска и размещения цифровых финансовых активов, удостоверяющих возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, оборота цифровой валюты. Отдельные вопросы в сфере налогообложения операций с цифровыми финансовыми активами и цифровой валютой, судебной защиты прав и интересов обладателей цифровых финансовых активов и цифровой валюты, закрепление формулировки и особенностей категории «цифровые финансовые активы» раскрыты очень поверхностно и требуют дальнейшей детальной проработки для закрепления в соответствующем законодательстве.

Ключевые слова: цифровые права, утилитарные цифровые права, цифровые финансовые активы, цифровая валюта.

Цифровизация продолжает развиваться бурными темпами и порождает новые виды отношений, нуждающихся в качественном нормативно-правовом урегулировании, основанном на научном подходе и с учетом правоприменительной практики.

Появление и распространение цифровых ценностей обуславливает потребность правового регулирования правоотношений в сфере их обращения и применения. В силу чего, вопрос о проведении научного исследования теоретических и практических проблем правового регулирования и перспектив развития финансовых правоотношений в сфере цифровых финансовых активов с учетом динамичных и стремительных процессов цифровизации всех сфер общественной и государственной жизни остается открытым. В рамках реализации указа Президента РФ от 7.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [1] предусмотрена реализация национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», которая предполагает, в том числе, решение таких задач, как: создание системы правового регулирования цифровой экономики, основанного на гибком подходе в каждой сфере, а также внедрение гражданского оборота на базе цифровых технологий; создание глобальной конкурентоспособной инфраструктуры передачи, обработки и хранения данных преимущественно на основе отечественных разработок; создание комплексной системы финансирования проектов по разработке и (или) внедрению цифровых тех-

нологий и платформенных решений, включающей в себя венчурное финансирование и иные институты развития и т.д.

При этом, Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [2] в качестве одной из целей развития России до 2030 г. определена цифровая трансформация, реализация которой возможна путем достижения «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также государственного управления. Однако сегодня можно утверждать, что всеобщие процессы цифровизации значительно опережают нормативно-правовое регулирование порядка обращения и использования цифровых прав и цифровых финансовых активов, выдвигая все новые и новые требования к участникам данной сферы правоотношений, которая нуждается в научном анализе и детальной проработке для ее дальнейшего облачения в правовые рамки.

При этом, РФ при решении данного вопроса необходимо учитывать международный опыт в данной сфере, а также опыт наших ближайших соседей и партнеров, например, Республики Беларусь. Кроме того, актуальность и востребованность обозначенной темы исследования продиктована тем, что основная масса исследований в сфере правового регулирования цифровых финансовых активов проведена до принятия федерального законодательства и основывается только на соответствующих законопроектах, которые неоднократно изменялись и дополнялись, в силу чего, вопрос о проведении полноценного научного исследования в сфере правового регулирования цифровых финансовых активов, основанного на положениях действующего федерального законодательства в данной сфере, остается открытым, чем и обусловлен выбор темы исследования.

Как справедливо отмечают Цинделиани И.А. и Нигматулина Л.Б., в условиях внедрения новых цифровых технологий становления и развития на этом фоне новых объектов, основанных на публичном блокчейне таких криптовалют, как биткоин, лайткоин, эфириум и т.д., возникает потребность в правовом регулировании как самих инструментов, так и отношений, возникающих в связи с их использованием в целом, поскольку, на сегодняшний день возникла достаточно сложная и противоречивая ситуация, при которой, информационные технологии внедряются во сферы жизнедеятельности человека, общества и государства при отсутствии своевременно подготовленных правовых механизмов, внедрение с опозданием которых может дать кардинально противоположный эффект, когда не государство будет управлять системой, а система государством [3].

Так, появление и стремительное распространение и использование цифровых ценностей способствовало внесению изменений и дополнений в ГК РФ Федеральным законом 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [4], в соответствии с которым, к объектам гражданских прав отнесены цифровые права, под которыми понимаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу. При

этом, в качестве обладателя цифрового права признается лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом. В случаях и по основаниям, которые предусмотрены законом, обладателем цифрового права признается иное лицо.

Причем, такая формулировка определения цифровых прав предполагает необходимость ее дальнейшего уточнения и развития уже в специальных законах, определяющих особенности правового регулирования отдельных видов цифровых прав, а также саму цифровую среду, в рамках которой возможно осуществление и существование таких цифровых прав [5]. Сегодня наблюдается попытка законодателя применить системный подход к решению проблем правового регулирования оборота новых цифровых объектов в киберпространстве [6].

Так, в развитие концепции цифровых прав 2.08.2019 принят № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7], что регламентирует деятельность инвестиционных платформ по приобретению, отчуждению и осуществлению цифровых прав (утилитарных цифровых прав), к которым относятся: право требовать передачи вещи (вещей); право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности; право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг. Однако, утилитарными цифровыми правами не могут являться право требовать имущество, права на которое подлежат государственной регистрации, и (или) право требовать имущество, сделки с которым подлежат государственной регистрации или нотариальному удостоверению.

Важным условием содержания и условия осуществления утилитарных цифровых прав является то, что они определяются в инвестиционной платформе способом, обеспечивающим их доступность для последующего использования, в том числе для воспроизведения в неизменном виде, а сама инвестиционная платформа должна соответствовать ряду определенных признаков, закрепленных законодательством, анализ которых позволяет говорить о том, что утилитарные цифровые права реализуются в информационных системах распределенного реестра.

Оператор инвестиционной платформы обеспечивает всем участникам инвестиционной платформы техническую возможность приобретать утилитарные цифровые права при их обращении, знакомиться с их содержанием, осуществлять утилитарные цифровые права, а также распоряжаться ими.

Как отмечает Беликова К.М. действующее законодательство относит утилитарные цифровые права к правам требования, т.е. правам которые вытекают из обязательств по договору, поскольку, выступая правами требования, они, в ряде ситуаций, связанных с финансовыми операциями, будут подлежать оценке (для реализации долгов предприятия, в случае процедуры банкротства или обращения взыскания на имущество должника, исходя из их рыночной стоимости, выраженной в определенной денежной сумме, полученной при их реализации) [8].

В свою очередь, отношения, возникающие при выпуске, учете и обращении цифровых финансовых активов, особенности деятельности оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов, а также отношения, возникающие при обороте цифровой валюты в РФ регламентированы ФЗ от 31.07.2020 № 259-ФЗ

«О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [9].

Следует отметить, что в понимании законодателя, цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим ФЗ, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные инфосистемы.

Законодатель понимает цифровые финансовые активы сквозь призму категории «право на право» обладания и осуществления операций с ними, которое реализуется в определенной информационной системе, т.е. в информационной системе на основе распределенного реестра либо иной информационной системе. Ученые, при определении категории «цифровые финансовые активы» в большинстве своем основываются на положениях Проекта федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах», который определял «цифровые финансовые активы» как имущество в электронной форме, созданное с использованием шифровальных средств, выделяя при этом такие основные признаки «цифровых финансовых активов», как имущественный характер, электронная форма выражения, применение криптографических средств при создании.

Вместе с тем, цифровые финансовые активы не всегда основаны на применении методов криптографии и распределенных реестров. Так, Раздорожный К.Б. указывает, что цифровой финансовый актив является имуществом в электронной форме, созданным с использованием шифровальных (криптографических) средств. Анализируя данный проект, можно прийти к выводу о том, что регулирование сделок с цифровыми финансовыми активами по своим признакам будет напоминать регулирование сделок с ценными бумагами [10].

Костеников М.В., Куракин А.В., Карпухин Д.В. отмечают, что под цифровым финансовым активом предлагается понимать имущество в электронной форме, которое создается посредством использования криптографических средств, а право собственности на такое имущество необходимо удостоверить посредством внесения цифровых записей в реестр цифровых транзакций. Криптовалюта рассматривается как одна из разновидностей цифрового актива, которая создается и учитывается в реестре цифровых транзакций в соответствии с установленными правилами, а оборот криптовалюты предлагается регулировать через оператора обменных цифровых финансовых активов [11]. Лазарева Н.А. отмечает, что цифровые финансовые активы – это права на реальные товары/услуги, выраженные в цифровом виде – учет и обращение которых возможны только путем внесения или изменения записей в информационной системе на основе распределенного реестра [12].

Сарафанова Д.Д. отмечает, что в ФЗ № 259-ФЗ не содержится четкого определения термина «цифровые финансовые активы», вместо этого он отсылает к ГК РФ и данному в нем понятию цифровых прав, указывая при этом, что главной целью принятого ФЗ № 259-ФЗ было ввести первоначальное регулирование общественных отношений, связанных с цифровыми финансовыми активами, в связи с чем правовые дефиниции, представленные в нем, получились компромиссными и вызывают

дальнейшие споры. Отсутствие определения категории «цифровые финансовые активы» является пробелом в правовом регулировании данной сферы, что приводит к неопределенности что до сферы применения правового режима [13].

Выпуск, учёт и обращение цифровых финансовых активов возможны только путём внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределённого реестра, а также в иные информационные системы. Закон Мальты «О виртуальных финансовых активах» 2018 г. закрепляет понятие «виртуальный финансовый актив» (VFA), под которым понимает любую форму записи на цифровом носителе, которая используется как цифровое средство обмена, единица расчета или средство сбережения, однако не является электронными деньгами, финансовым инструментом или виртуальным токеном. При этом, допускается использование VFA для любых цифровых активов, которые применяются в государстве [14]. ФЗ № 259-ФЗ предусматривает, что права, удостоверенные цифровыми финансовыми активами, возникают у их первого обладателя с момента внесения в информационную систему, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, записи о зачислении цифровых финансовых активов указанному лицу.

Цифровые финансовые активы учитываются в информационной системе, в которой осуществляется их выпуск, в виде записей способами, установленными правилами указанной информационной системы. Записи о цифровых финансовых активах вносятся или изменяются по указанию лица, осуществляющего выпуск цифровых финансовых активов, обладателя цифровых финансовых активов, а в случаях, предусмотренных ФЗ № 259-ФЗ, иных лиц или в силу действия, совершенного в рамках сделки, предусматривающей исполнение сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательств отдельно выраженного дополнительного волеизъявления сторон путем применения информационных технологий в соответствии с правилами информационной системы, в которой учитываются цифровые финансовые активы.

Ограничение или обременение права распоряжаться цифровыми финансовыми активами возникает с момента внесения в информационную систему записи об этом в соответствии с правилами информационной системы.

Действия по внесению в информационную систему, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, записи о зачислении цифровых финансовых активов их первому обладателю вправе осуществлять: 1) индивидуальные предприниматели; 2) юридические лица (коммерческие и некоммерческие организации).

Обладателем цифровых финансовых активов признается лицо, одновременно соответствующее следующим критериям: 1) лицо включено в реестр пользователей информационной системы, в которой учитываются цифровые финансовые активы, ведение которого осуществляется в порядке, предусмотренном ФЗ № 259-ФЗ; 2) лицо имеет доступ к информационной системе, в которой учитываются цифровые финансовые активы, посредством обладания уникальным кодом, необходимым для такого доступа, который позволяет ему получать информацию о цифровых финансовых активах, которыми он обладает, а также распоряжаться этими цифровыми финансовыми активами посредством использования информационной системы.

Доступ к информационной системе, в которой учитываются цифровые финансовые активы, обеспечивается в соответствии с правилами указанной информацион-

ной системы, в том числе с использованием программно-технических средств, которые позволяют реализовать обязанности оператора информационной системы.

Предоставление доступа к информационной системе, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, ведение реестра пользователей такой информационной системы, а также её функционирование обеспечивает оператор.

Оператор системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, обязан обеспечить: 1) возможность восстановления доступа обладателя цифровых финансовых активов к записям информационной системы по требованию обладателя цифровых финансовых активов, если такой доступ был им утрачен; 2) бесперебойность и непрерывность функционирования информационной системы, в том числе наличие и надлежащее функционирование дублирующих (резервных) технологических и операционных средств, обеспечивающих бесперебойное и непрерывное функционирование информационной системы; 3) целостность и достоверность информации о цифровых финансовых активах, содержащейся в записях информационной системы; 4) корректность реализации в информационной системе установленных оператором информационной системы алгоритма (алгоритмов) создания, хранения и обновления информации, содержащейся в распределенном реестре, и алгоритма (алгоритмов), обеспечивающих тождественность указанной информации во всех базах данных, составляющих распределенный реестр, а также невозможность внесения изменений в установленные оператором информационной системы алгоритм (алгоритмы) иными лицами – для информационных систем на основе распределенного реестра.

Оператор системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, обязан обеспечить внесение (изменение) записей о цифровых финансовых активах на основании вступившего в законную силу судебного акта, исполнительного документа, в том числе постановления судебного пристава-исполнителя, актов других органов и должностных лиц при осуществлении ими своих функций, предусмотренных законодательством, либо выданного в порядке, предусмотренном законом, свидетельства о праве на наследство, предусматривающего переход цифровых финансовых активов определенного вида в порядке универсального правопреемства, не позднее рабочего дня, следующего за днем получения соответствующего требования таким оператором информационной системы. Оператор системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, обязан проинформировать оператора обмена цифровых финансовых активов о внесении (изменении) записей о цифровых финансовых активах, произведенных в соответствии с настоящей частью, не позднее рабочего дня, следующего за днем внесения (изменения).

Оператор обязан предоставлять содержащуюся в записях информационной системы информацию о цифровых финансовых активах, принадлежащих их владельцу: 1) по требованию суда; 2) по требованиям федерального органа исполнительной власти, принимающего меры по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения, Банка России, органов принудительного исполнения РФ, налоговых органов, других органов и должностных лиц в случаях, предусмотренных законодательными актами об их деятельности, а также на основании судебного решения в случаях, если такая информация необходима для осуществления ими своих функций, предусмотренных законодательством

РФ; 3) при наличии согласия руководителя следственного органа – по требованию органов предварительного следствия по делам, находящимся в их производстве; 4) на основании судебного решения - должностным лицам органов, уполномоченных осуществлять оперативно-разыскную деятельность, при выполнении ими функций по выявлению, предупреждению и пресечению преступлений по их запросам, направляемым в суд, при наличии сведений о признаках подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлений, а также о лицах, их подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела; 5) по запросам, направляемым уполномоченными лицами; 6) по требованию конкурсного управляющего в ходе конкурсного производства в отношении обладателя цифровых финансовых активов; 7) по требованию регистратора (депозитария), в котором открыт лицевой счет (счет депо) цифровых финансовых активов.

Оператор системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, обязан обеспечить хранение информации о сделках с цифровыми финансовыми активами, выпущенными в информационной системе, оператором которой он является, а также об участниках таких сделок не менее пяти лет с даты совершения соответствующих сделок. Кроме того, он обязан обеспечить фактическую возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, возможность осуществления прав по которым удостоверяется цифровыми финансовыми активами, права требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, удостоверенного цифровыми финансовыми активами, и прав по акциям непубличного АО, выпущенным в виде цифровых финансовых активов (в том числе прав на участие в общем собрании акционеров, прав на получение выплат и иных прав), в порядке и на условиях, предусмотренных решением о выпуске соответствующих цифровых финансовых активов.

Однако, оператор которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, обязан возместить убытки пользователям этой информационной системы, возникшие вследствие: 1) утраты информации, хранящейся в информационной системе, об объеме цифровых финансовых активов, принадлежащих их обладателям, и (или) о самих обладателях цифровых финансовых активов; 2) сбоя в работе информационных технологий и технических средств информационной системы; 3) предоставления пользователям информационной системы недостоверной, неполной и (или) вводящей в заблуждение информации об информационной системе, о правилах работы информационной системы и об операторе информационной системы; 4) нарушения оператором информационной системы правил работы информационной системы, в том числе нарушения требований бесперебойности и непрерывности функционирования информационной системы; 5) несоответствия информационной системы требованиям ФЗ № 259-ФЗ.

Анализ положений ФЗ № 259-ФЗ показывает, что оператор системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, осуществляет ведение реестра пользователей информационной системы. В реестр пользователей информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, в отношении каждого пользователя вносится следующая информация: 1) сведения о пользователе информационной системы; 2) сведения, необходимые для аутентификации пользователя в информационной системе; 3) запись о том, в каком качестве пользователь аутентифицирован в информационной системе (в качестве лица,

выпускающего цифровые финансовые активы, владельца цифровых финансовых активов, оператора обмена цифровых финансовых активов).

При этом, сделки купли-продажи цифровых финансовых активов, иные сделки, связанные с цифровыми финансовыми активами, включая обмен цифровых финансовых активов одного вида на цифровые финансовые активы другого вида либо на цифровые права, предусмотренные законом, в том числе сделки с цифровыми финансовыми активами, выпущенными в информационных системах, организованных в соответствии с иностранным правом, а также сделки с цифровыми правами, включающими одновременно цифровые финансовые активы и иные цифровые права, совершаются через оператора обмена цифровых финансовых активов, который обеспечивает заключение сделок с цифровыми финансовыми активами путем сбора и сопоставления разнонаправленных заявок на совершение таких сделок либо путем участия за свой счет в сделке с цифровыми финансовыми активами в качестве стороны такой сделки в интересах третьих лиц.

Оператором обмена цифровых финансовых активов могут быть кредитные организации, организаторы торговли, а также иные юридические лица, соответствующие требованиям настоящего Федерального закона и принимаемых в соответствии с ним нормативных актов Банка России, которые включены им на основании их ходатайства в установленном им порядке в реестр операторов обмена цифровых финансовых активов. Оператор вправе осуществлять свою деятельность с момента включения в реестр операторов обмена цифровых финансовых активов, который ведется Банком России в установленном им порядке. Реестр операторов обмена цифровых финансовых активов размещается на официальном сайте Банка России в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Оператор обмена цифровых финансовых активов обязан обеспечить хранение информации о сделках с цифровыми финансовыми активами, совершенных через него, а также об участниках таких сделок не менее 5 лет с даты совершения соответствующих сделок. При этом, оператор обмена цифровых финансовых активов может совмещать свою деятельность с деятельностью оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов. Оператором обмена цифровых финансовых активов, а также иных видов цифровых прав, выпущенных с использованием инвестиционной платформы, может быть оператор указанной инвестиционной платформы.

Важно, что обмен цифровых финансовых активов осуществляется по правилам, утвержденным оператором обмена цифровых финансовых активов, подлежащих согласованию с Банком России, которые должны содержать: 1) порядок совершения сделок с цифровыми финансовыми активами через оператора обмена цифровых финансовых активов; 2) виды цифровых финансовых активов, цифровых прав (при наличии), сделки с которыми могут совершаться через оператора обмена цифровых финансовых активов; 3) порядок взаимодействия оператора обмена цифровых финансовых активов с операторами информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов (за исключением случаев совмещения деятельности оператора обмена цифровых финансовых активов с деятельностью соответствующего оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов); 4) требования к защите информации и операционной надежности; 5) указание на случаи, при которых обязательства по сдел-

кам с цифровыми финансовыми активами исполняются при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательств отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон, включая волю оператора обмена цифровых финансовых активов.

Банк России включает лиц в реестр операторов обмена цифровых финансовых активов в течение трех рабочих дней со дня согласования правил обмена цифровых финансовых активов. Однако, в случае внесения изменений в согласованные Банком России правила обмена цифровых финансовых активов оператор обмена цифровых финансовых активов обязан представить на согласование в Банк России указанные изменения в правила в виде новой редакции правил. В срок, не превышающий 30 рабочих дней со дня получения изменений в правила обмена цифровых финансовых активов, Банк России принимает решение о согласовании указанных изменений или об отказе в их согласовании. Кроме того, ФЗ № 259-ФЗ определяет особенности выпуска и размещения цифровых финансовых активов, удостоверяющих возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг.

Следует отметить, что оператор информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, обязан обеспечить доступ приобретателям цифровых финансовых активов, которые удостоверяют возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам или право требовать их передачи, к решению о выпуске соответствующих ценных бумаг, а также к сведениям о наличии преимущественного права их приобретения и порядке осуществления такого права не позднее даты выпуска цифровых финансовых активов, удостоверяющих возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам или право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг.

Вместе с тем, ФЗ № 259-ФЗ уделяет внимание обороту цифровой валюты, однако недостаточно. Если обратиться к опыту наших ближайших соседей и партнеров, то следует отметить Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики» определила «криптовалюту» как биткоин и иной цифровой знак (токен), который используется в международном обороте в качестве универсального средства обмена. При этом, под токеном понимается запись в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе, удостоверяющая наличие у владельца цифрового знака (токена) прав на объекты гражданских прав и (или) является криптовалютой. Но, данная формулировка не учитывается разнообразие видов токенов, применяемых в мировой практике (пользовательские токены, токены-акции, токены-сертификаты, кредитные токены, лицензионные токены, долговые токены, токены капитала), что, отнюдь, не свидетельствует о недостатках данной формулировки, поскольку предполагает четкое закрепление только вида токенов, которые могут использоваться в качестве средства обмена и подпадают под определение криптовалюты, с учетом того, что все остальные виды токенов представляют собой иные объекты. Как видим, данная формулировка криптовалюты основывается на функциональном критерии – функции универсального средства обмена, что является очень прогрессивным и перспективным и позволяет выделить криптовалюту среди иных цифровых объектов [15].

В ФЗ № 259-ФЗ законодатель четко определил, что под цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), со-

держатся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей РФ, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам.

Следует отметить, что к цифровой валюте относится и криптовалюта, которая в понимании ФЗ № 259-ФЗ может быть признана средством платежа, однако не является денежной единицей РФ, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей. При этом, в РФ запрещается распространение информации о предложении и (или) приеме цифровой валюты в качестве встречного предоставления за передаваемые ими (им) товары, выполняемые ими (им) работы, оказываемые ими (им) услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг). Вместе с тем, вопросы правового регулирования выпуска и обращения «криптовалюты» в положениях ФЗ № 259-ФЗ раскрыты очень поверхностно и требуют дальнейшей детальной проработки с целью закрепления в соответствующем законодательстве.

ФЗ № 259-ФЗ разграничивает такие понятия, как «организация выпуска цифровой валюты», «выпуск цифровой валюты» и «организация обращения цифровой валюты». Однако, сам порядок осуществления «организации выпуска цифровой валюты», «выпуска цифровой валюты» и «организации обращения цифровой валюты» ФЗ № 259-ФЗ не раскрывает, в силу чего, данные вопросы остаются не регламентированными на законодательном уровне. При этом, юридические лица, личным законом которых является российское право, филиалы, представительства и иные обособленные подразделения международных организаций и иностранных юридических лиц, компаний и других корпоративных образований, обладающих гражданской правоспособностью, созданные на территории РФ, физические лица, фактически находящиеся в РФ не менее 183 дней в течение 12 следующих подряд месяцев, не вправе принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за передаваемые ими (им) товары, выполняемые ими (им) работы, оказываемые ими (им) услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг), хотя в самом определении цифровой валюты указывается на то, что она может быть признана средством платежа, хотя и не является денежной единицей, что, по-нашему мнению, противоречит друг другу.

Кроме того, требования указанных лиц, связанные с обладанием цифровой валютой, подлежат судебной защите только при условии информирования ими о фактах обладания цифровой валютой и совершения гражданско-правовых сделок и (или) операций с цифровой валютой в порядке, установленном законодательством РФ о налогах и сборах, т.е. порядок осуществления судебной защиты прав и интересов обладателей цифровой валюты ставится в прямую зависимость от информирования ими о фактах обладания цифровой валютой и совершения гражданско-правовых сделок и (или) операций с цифровой валютой, что совсем неправильно, поскольку право на судебную защиту является одним из конституционных прав граждан, га-

рантированных Конституцией РФ. Также, вопросы налогообложения операций с цифровыми финансовыми активами и криптовалютой остаются неурегулированными, вследствие чего, такие операции будут подпадать под общие правила налогообложения, что может вызывать определенные затруднения и противоречия, в том числе, при выборе налога, которым они будут облагаться, либо это будет НДС, либо налог на доходы физических лиц, либо налог на прибыль.

Таким образом, ряд вопросов, связанных с выпуском и обращением цифровых финансовых активов и цифровой валюты остается нерешенным, в силу чего, возникает правовая неопределенность в рамках реализации правоотношений с цифровыми финансовыми активами и цифровой валютой, что не будет способствовать реализации и достижению целей ФЗ № 259-ФЗ. ФЗ № 259-ФЗ придал правовой статус «криптовалюте» путем отнесения ее к категории «цифровых денег» и путем возможности включения ее в состав конкурсной массы при процедурах банкротства, наследования, исполнительного производства, противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, противодействия коррупции и др. Как свидетельствует судебная практика, подобные решения уже имели место быть, когда «криптовалюту» приравнивали к имуществу [16]. Но, ФЗ № 259-ФЗ установлен прямой запрет на принятие «криптовалюты» в счет оплаты товаров, работ и услуг, хотя «цифровая валюта» признается в качестве средства платежа, однако, не является денежной единицей РФ, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей. При этом, суды отмечают, что для обеспечения существования «криптовалюты» необходимы специальные мощности – «майнинговое оборудование», которое является специализированным компьютерным оборудованием, предназначенным для выработки криптовалюты. А процесс выработки криптовалюты является непрерывным, поэтому оборудование предназначено изначально для непрерывного функционирования; не требует контроля со стороны персонала и работает полностью в автоматическом режиме после первоначальной настройки [17].

Вместе с тем, вопросы правового регулирования выпуска и обращения «криптовалюты», вопросы налогообложения операций с цифровой валютой и цифровыми финансовыми активами, а также вопросы судебной защиты обладателей цифровых финансовых активов и цифровой валюты в положениях ФЗ № 259-ФЗ раскрыты очень поверхностно и требуют дальнейшей детальной проработки для закрепления в соответствующем законодательстве в целях надлежащего нормативно-правового урегулирования данной сферы правоотношений и обеспечения прав и законных интересов физических и юридических лиц, участников данных правоотношений.

Список литературы:

25. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. N 204 "О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года" (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <https://base.garant.ru/71937200/>.
26. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/>.
27. Цинделиани И.А., Нигматулина Л.Б. Криптовалюта как объект гражданско-правового и финансово-правового регулирования / И.А. Цинделиани, Л.Б. Нигматулина // Финансовое право. – 2018. - № 7.
28. Федеральный закон 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" [Электронный ресурс] // [Режим доступа]:

- http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/3d0cac60971a511280cbb229d9b6329c07731f7/#dst100011.
29. Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Цифровые финансовые активы: проблемы и перспективы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 6. — С. 43—54. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.043-054.
30. Дейнеко А.Г. Цифровые права в Гражданском Кодексе: ближайшие последствия и отдаленные перспективы / Дейнеко А.Г. // Труды Института государства и права РАН. 2020. Том 15. № 2. — С. 175–198. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-2-deineko
31. Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (последняя редакция). [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330652/
32. Беликова К.М. — Теоретические и практические аспекты правовой квалификации виртуальной собственности в России и за рубежом // Юридические исследования. - 2021. -№ 7. DOI: 10.25136/2409-7136.2021.7.35869 URL: https://vnbpublisli.com/librai-v_rcad_articlc.php?icl=35869.
33. Федеральным законом от 31.07.2020 № 259-ФЗ "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации". [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/.
34. Раздорожный К.Б. Финансово-правовое регулирование цифрового финансового актива (криптовалюты), процедуры выпуска и размещения цифровых финансовых активов (ICO) в России и зарубежных странах /Раздорожный К.Б. // Вектор юридической науки, № 9. – 2018. – С. 163-169.
35. Костеников М.В., Куракин А.В., Карлухин Д.В. Административно-правовое регулирование использования криптовалюты в Российской Федерации: анализ нормативно-правовых и правоприменительных аспектов проблемы. Вестник Московского университета МВД России. 2019;(3):204–9.
36. Лазарева Н.А. Цифровые финансовые активы: экономические и правовые аспекты их обращения //Лазарева Н.А. // Научные известия. № 19, - 2020. – С. 7-13.
37. Сарафанова Д.Д. Пробелы в правовом регулировании цифровых финансовых активов / Д.Д. Сарафанова // Вопросы российской юстиции. - № 11. – 2021. – С. 274-280.
38. Закон Республики Мальта «О виртуальных финансовых активах» от 26 июня 2018 г. [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <https://iqdecision.com/pravovoe-regulirovanie-virtualnyh-finansovyh-aktivov-na-malte/>
39. Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики». [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716>.
40. Постановление 9 Арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № А40-124668/2017. Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <https://sudact.ru/arbitral>.
41. Постановление 17 Арбитражного апелляционного суда от 21.12.2020 № А60-1032/2019. Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <https://sudact.ru/arbitral>.

Evsikova E.V., Staritcin A. V. Some aspects of the regulatory regulation of digital financial assets in the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 143-155.

The article reveals and explores the problems of regulatory regulation of relations arising during the issuance, accounting and circulation of digital financial assets, the specifics of the activities of the operator of the information system in which the issue of digital financial assets is carried out, and the operator of the exchange of digital financial assets, as well as relations arising during the turnover of digital currency in the RF. The authors analyze and investigate the specifics of the implementation of the concept of digital rights in the RF in the context of the adopted "digital" legislation, and also study the essence and relationships of the categories "digital rights", "utilitarian digital rights", "digital financial assets", "digital currency". In addition, the authors analyze and investigate the features of accounting, circulation and issuance of digital financial assets, duties, requirements for the activity and responsibility of the operator of the information system, the rules of the information system in which the issue of digital financial assets is carried out, the procedure for maintaining the register of users of the information system in which the issue of digital financial assets is carried out, the specifics of the issue and placement of digital financial assets certifying the possibility of exercising rights under equity securities, the right to demand the transfer of equity securities, the turnover of digital currency. Based on the analysis, the authors conclude that certain issues in the field of taxation of transactions with digital financial assets and digital currency, judicial protection of the rights and interests of holders of digital financial assets and digital currency, fixing the wording and features of the category "digital financial assets" are disclosed very superficially and require further detailed study to be fixed in the relevant legislation.

Keywords: digital rights, utilitarian digital rights, digital financial assets, digital currency.

Spisok literaturi:

2. Ukaz Prezidenta RF ot 7 maya 2018 g. N 204 "O nacional'nyh celyah i strategicheskikh zadachah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda" (s izmeneniyami i dopolneniyami). [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa]: <https://base.garant.ru/71937200/>.
2. Ukaz Prezidenta RF ot 21 iyulya 2020 g. № 474 "O nacional'nyh celyah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda". [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa]: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/>.
3. Cindeliani I.A., Nigmatulina L.B. Kriptovalyuta kak ob'ekt grazhdansko-pravovogo i finansovo-pravovogo regulirovaniya // I.A. Cindeliani, L.B. Nigmatulina // *Finansovoe pravo*. – 2018. – № 7. – S. 16-23.
4. Federal'nyj zakon 18.03.2019 № 34-FZ «O vnesenii izmenenij v chasti pervuyu, vtoruyu i stat'yu 1124 chasti tret'ej Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/3d0cac60971a511280cbb229d9b6329c07731f7/#dst100011.
5. Rozhdestvenskaya T. E., Guznov A. G. Cifrovye finansovye aktivy: problemy i perspektivy pravovogo regulirovaniya // *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. — 2020. — T. 15. — № 6. — S. 43—54. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.043-054.
6. Dejneko A.G. Cifrovye prava v Grazhdanskom Kodekse: blizhajshie posledstviya i otdalennye perspektivy / Dejneko A.G. // *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*. 2020. Tom 15. № 2. – S. 175–198. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-2-deineko
7. Federal'nyj zakon ot 2 avgusta 2019 g. № 259-FZ «O privilechenii investicij s ispol'zovaniem investicionnyh platform i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» (poslednyaya redakciya). [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330652/
8. Belikova K.M. — Teoreticheskie i prakticheskie aspekty pravovoj kvalifikacii virtual'noj sobstvennosti v Rossii i za rubezhom // *YUridicheskie issledovaniya*. - 2021. -№ 7. DOI: 10.25136/2409-7136.2021.7.35869 URL: https://yubpublisli.com/librai-y_rcad_articlc.php?icl=35869.
9. Federal'nym zakonom ot 31.07.2020 № 259-FZ "O cifrovyyh finansovyh aktivah, cifrovoj valyute i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii". [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/.
10. Razdorozhnyj K.B. Finansovo-pravovoe regulirovanie cifrovogo finansovogo aktiva (kriptovalyuty), procedury vypuska i razmeshcheniya cifrovyyh finansovyh aktivov (ICO) v Rossii i zarubezhnyh stranah /Razdorozhnyj K.B. // *Vektor yuridicheskoy nauki*, № 9. – 2018. – S. 163-169.
11. Kostennikov M.V., Kurakin A.V., Karpuhin D.V. Administrativno-pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya kriptovalyuty v Rossijskoj Federacii: analiz normativno-pravovyh i pravoprimeritel'nyh aspektov problemy. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2019;(3):204–9.
12. Lazareva N.A. Cifrovye finansovye aktivy: ekonomicheskie i pravovye aspekty ih obrashcheniya /Lazareva N.A. // *Nauchnye izvestiya*. № 19, - 2020. – S. 7-13.
13. Sarafanova D.D. Probely v pravovom regulirovanii cifrovyyh finansovyh aktivov / D.D. Sarafanova // *Voprosy rossijskoj yusticii*. - № 11. – 2021. – S. 274-280.
14. Zakon Respubliki Mal'ta «O virtual'nyh finansovyh aktivah» ot 26 iyunya 2018 g. [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa]: <https://iqdecision.com/pravovoe-regulirovanie-virtualnyh-finansovyh-aktivov-na-malte/>
15. Dekret Prezidenta Respubliki Belarus' ot 21.12.2017 № 8 «O razvitii cifrovoj ekonomiki». [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa]: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrya-2017-g-17716>.
16. Postanovlenie 9 Arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 15.05.2018 № A40-124668/2017. Sudebnye i normativnye akty RF. [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : <https://sudact.ru/arbitral>.
17. Postanovlenie 17 Arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 21.12.2020 № A60-1032/2019. Sudebnye i normativnye akty RF. [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : <https://sudact.ru/arbitral>.

УДК 342.7

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В СУБЪЕКТАХ РФ

Захарова Л. А.

Юридический факультет ЮФУ

Статья посвящена актуальному вопросу исследования особенностей правового статуса уполномоченного по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации. Являясь достаточно новым и очень важным правозащитным институтом, уполномоченный по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации нуждается в строгом урегулировании правового статуса и законодательной защите деятельности для недопущения противозаконного влияния на принимаемые им в рамках его правозащитной деятельности решения. Этому может способствовать достаточно четко прописанные процедуры в законодательстве субъектов Российской Федерации. В целом определение правового статуса уполномоченного по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации позволит осуществлять свою деятельность максимально эффективно и напротив, неточные формулировки относительно прав, обязанностей и процедур реагирования смогут свести эффективную правозащитную деятельность к имитации таковой с нулевым, а то и отрицательным результатом.

Проанализировав нормативные правовые акты ряда субъектов РФ, у регулирующие правовой статус уполномоченного по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации представляется возможным сделать вывод о том, что, что в большей степени региональные законы в сфере регламентации деятельности уполномоченных по защите прав предпринимателей повторяют, либо лишь незначительно дополняют федеральное законодательство по данному вопросу. Особенности регионального законодательства в исследуемой сфере проявляются в деталях, учитываются особенности соответствующих регионов и делаются акценты лишь на отдельных элементах. Действующее законодательство в субъектах Российской Федерации о статусе уполномоченного по защите прав предпринимателей содержит достаточно разработанные нормы, позволяющие уполномоченному по защите прав предпринимателей в субъектах осуществлять свою деятельность достаточно эффективно.

Ключевые слова: омбудсмен, уполномоченный по защите прав предпринимателей, правозащитная деятельность, федерация, субъект федерации, законодательство.

Согласно нормам статей 9 и 10 ФЗ «Об уполномоченных в субъектах Российской Федерации» могут учреждаться уполномоченные по защите прав предпринимателей в субъектах РФ, при этом они относятся к государственным должностям субъекта Российской Федерации [1]. Основные задачи, компетенция и правовой статус уполномоченного в субъекте Российской Федерации устанавливаются законом субъекта Российской Федерации с учетом положений федерального закона. Проследить развитие института уполномоченного по защите прав предпринимателей в регионах следует на примере конкретного субъекта РФ, где данный институт был успешно применен, например – Санкт-Петербург.

Основным нормативным правовым актом субъекта РФ является конституция или устав субъекта РФ. В Санкт-Петербурге таким актом является – Устав Санкт-Петербурга [2]. Интересна статья 19-2, закладывающая правовые основы для деятельности Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Санкт-Петербурге [3]. В соответствии с ней – Уполномоченный в СПб замещает государственную должность Санкт-Петербурга, назначается на должность Губернатором Санкт-Петербурга по согласованию с Уполномоченным при Президенте РФ по защите прав предпринимателей и Заксобранием Санкт-Петербурга с учетом мнения пред-

принимательского сообщества Санкт-Петербурга и действует на основании Устава, закона Санкт-Петербурга в соответствии с Конституцией и законодательством.

Уставом определена и цель деятельности Уполномоченного в СПб, так в п.2 статьи 19-2 Устава отмечено, что «деятельность Уполномоченного направлена на обеспечение гарантий государственной защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности, зарегистрированных и (или) осуществляющих свою деятельность на территории Санкт-Петербурга» [3].

Таким образом Устав Санкт-Петербурга закладывает основу деятельности Уполномоченного в СПб, тогда как конкретизации данных положений осуществляется в отдельном – специальном законе. Таким в сфере регулирования деятельности Уполномоченного по правам предпринимателей в Санкт-Петербурге является Закон Санкт-Петербурга от 11.12.2013 № 694-122 «Об Уполномоченном по защите прав предпринимателей в Санкт-Петербурге и о внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга «О Реестре государственных должностей Санкт-Петербурга и Реестре должностей государственной гражданской службы Санкт-Петербурга» [3], принятый Законодательным собранием СПб 04.12.2013 г. В соответствии с данным Законом определяется правовое положение, основные задачи и компетенцию Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Санкт-Петербурге. В соответствии с п.1 ст.1 Закона Об уполномоченном в СПб должность Уполномоченного в СПб создается «в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности, зарегистрированных и (или) осуществляющих свою деятельность на территории Санкт-Петербурга, органами государственной власти Санкт-Петербурга и органами местного самоуправления внутригородских муниципальных образований Санкт-Петербурга, их должностными лицами» [3].

В ст. 2 этого закона указаны задачи Уполномоченного в СПб, среди которых Уполномоченный: «осуществляет защиту прав и законных интересов предпринимателей; участвует в формировании и реализации политики Санкт-Петербурга в сфере развития предпринимательства, в осуществлении защиты прав и законных интересов предпринимательского сообщества; осуществляет информационную осведомленность общественности Санкт-Петербурга о состоянии соблюдения и защиты прав и законных интересов предпринимателей в подконтрольном регионе; осуществляет содействие улучшению инвестиционного и делового климата в регионе; пропагандирует и популяризирует предпринимательскую деятельность и т.д.» [3].

В данной части можно провести связь с аналогичными федеральными нормативными актами, но в Законе Об уполномоченном в СПб закрепляется большее количество задач и направлений деятельности. В соответствии с п.7 ст. 6, ст.9 Закона Об уполномоченном в СПб Уполномоченный в СПб готовит ежегодные доклад, который содержит сведения о количественных и качественных показателях, характеризующих деятельность Уполномоченного, а также состояние дел в сфере соблюдения и защиты прав и законных интересов предпринимателей. Уполномоченный в СПб направляет в Заксобрание губернатору ежегодный доклад не позднее 31 марта года, следующего за отчетным. Заслушивается же доклад на заседании Законодательного Собрания Санкт-Петербурга не позднее 15 апреля года, следующего за отчетным.

Между тем, в соответствии с п.2 ст. 9 Закона Об уполномоченном в СПб для осведомленности общественности о деятельности Уполномоченного в СПб, еже-

годный доклад публикуются на официальном сайте Уполномоченного в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и официальном сайте Администрации города в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Отдельно следует отметить, что в соответствии со ст.11 Закона Об уполномоченном в СПб был создан государственный орган Санкт-Петербурга – «Аппарат Уполномоченного». Аппарат совместно с Уполномоченным являются государственным органом Санкт-Петербурга с наименованием «Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Санкт-Петербурге».

Компетенция Уполномоченного в СПб в части управления аппаратом закреплена в п.3 ст.11 Закона Об уполномоченном в СПб. При этом сотрудники аппарата являются государственными гражданскими служащими Санкт-Петербурга. Однако закон допускает, что в аппарате могут быть учреждены должности, которые не относятся к должностям государственной гражданской службы города. Деятельность Уполномоченного в СПб регулируется также и иными нормативными правовыми актами в отдельных сферах – определение порядка подписания и выдачи удостоверений [4], определение перечня должностей государственной гражданской службы Санкт-Петербурга аппарата Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Санкт-Петербурге [5], в части финансирования деятельности [6] и т.д.

Если говорить о правовом регулировании деятельности уполномоченных по защите прав предпринимателей в субъектах РФ, то для полноты раскрытия темы необходимо провести анализ основных нормативных актов в данной сфере различных административно-территориальных единицы России. Для примера были взяты законы об уполномоченных по правам предпринимателей одного города федерального значения (Санкт-Петербург), одной республики (Республика Башкортостан), и одной области (Оренбургская область).

Определимся с наименованиями законов в данных субъектах РФ, в Санкт-Петербурге таким актом является – Закон Санкт-Петербурга от 11.12.2013 № 694-122 «Об Уполномоченном по защите прав предпринимателей в Санкт-Петербурге и о внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга «О Реестре государственных должностей Санкт-Петербурга и Реестре должностей государственной гражданской службы Санкт-Петербурга». В Республике Башкортостан профильный закон называется - Закон Республики Башкортостан от 5.02.2014 №42-з «Об Уполномоченном по защите прав предпринимателей в Республике Башкортостан» [7]. А в Оренбургской области – Закон Оренбургской области от 12 ноября 2013 года № 1869/568-V-ОЗ «Об уполномоченном по защите прав предпринимателей в Оренбургской области» [8]. Эти нормативные правовые акты имеют как отличия, так и схожие черты. Во-первых, все законы были изданы примерно в одно время – в течение четырех месяцев, однако стоит заметить, что например, для Республики Башкортостан это уже второй закон в сфере регулирования деятельности регионального бизнес-омбудсмена [9]. Новый закон сложно назвать революционным, радикально изменяющим положения действовавшего закона 2012 г., изменения по большей части они носят исключительно внешний характер, не затрагивая фундаментальных основ.

В новом законе расширили перечень задач, возложенных на Уполномоченного в РБ, их перечень увеличился с шести до девяти, часть задач были дополнены (например, взаимодействие с предпринимательским сообществом), часть были изменены (например, вместо «содействие обеспечению гарантий государственной за-

щиты прав и законных интересов субъектов малого и среднего предпринимательства», было введено – «защита прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности в Республике Башкортостан»).

В новом законе не нашлось места принципам, которые были закреплены ранее. Данная норма была исключена. В ст.4 ранее действовавшего закона отмечалось, что Уполномоченный в РБ строит свою деятельность на основе принципов законности, независимости, открытости, объективности и доступности.

Данную статью можно было считать новацией регионального законодательства по сравнению с федеральным, поскольку в федеральном законодательстве указанные принципы не отражаются. Потому было оправдано их включение в специальный закон, чтобы обозначить основополагающие начала, которыми должен руководствоваться региональный бизнес-омбудсмен в своей деятельности, поэтому не включение статьи про принципы в новый закон нельзя считать его достоинством.

Во-вторых, если говорить об структуре исследуемых региональных законов, то значимых отличий между законами не замечено, так Закон Об уполномоченном в Республике Башкортостан состоит из 5 глав и 22 статей, Закон Об уполномоченном в Оренбургской области – 4 главы и 14 статей, Закон Об уполномоченном в СПб – 5 глав и 14 статей. По содержанию данных актов кардинальных отличий не замечено, но есть определенные особенности, на которых следует заострить внимание.

Первое значительное отличие закона Оренбургской области заключается в статье 3 соответствующего закона. Эта статья закрепляет принципы деятельности Уполномоченного. Здесь указывается не только на общеправовые принципы – такие как законность, справедливость и гуманность в деятельности уполномоченного, но и специальные принципы - взаимодействие и сотрудничество с органами государственной власти области, территориальными органами федеральных органов исполнительной власти, органами местного самоуправления, должностными лицами, организациями независимо от их организационно-правовых форм и форм собственности, общественными объединениями и их структурными подразделениями, выражающими интересы субъектов предпринимательской деятельности в области.

Наличие указанной статьи не только отличает его от сравниваемых законов, но и наводит на мысли об усовершенствовании профильного федерального законодательства, где аналогичной статьи не содержится. Следовательно, в этой части можно отдать должное закону Оренбургской области, поскольку, несмотря на то, что подобными принципами должны руководствоваться все субъекты права, зачастую они находятся в различных актах и выявить все принципы в конкретной сфере является затруднительным. Выделение принципов в специальном законе об уполномоченном можно считать значительным плюсом данного закона.

Во всех трех сравниваемых законах содержатся положения с требованиями к кандидату на должность Уполномоченного. Общими требованиями указывается, что Уполномоченным назначается исключительно лицо, являющееся гражданином РФ, не моложе 30 лет, имеющее высшее образование. О необходимости конкретизации специализации высшего образования отмечалось выше, однако считаю необходимым ввести подобные ограничения и на уровне регионального законодательства, но между тем следует отметить, что Закон об уполномоченном в Республике Башкортостан содержит небольшую особенность, которая значительно ограничивает круг возможных кандидатов. Так ст. 4 соответствующего закона устанавливает

дополнительное требование – «опыт работы в области развития малого и среднего предпринимательства».

Думается, что данную норму можно посчитать дискриминационной, поскольку все те кандидаты, которые не имеют подобного опыта, теряют возможность участвовать в конкурсе на замещение соответствующей должности. Однако если сравнить данную статью на предмет соответствия федеральному законодательству, то ст. 1 данного Закона устанавливает требование, что Уполномоченный назначается с учетом мнения предпринимательского сообщества. Таким образом, норму закона РБ нельзя считать дискриминационной, это подтверждается и сложившейся практикой назначения на указанную должность исключительно лиц, пользующихся уважением в предпринимательской среде, а, следовательно, и имеющие опыт в данной сфере.

Опыт работы в сфере бизнеса – это необходимое требование к кандидату на должность, можно отдать должное законодателю, что он предусмотрел подобное положение. В данной сфере опыт не только прихоть законодателя, но и в определенной степени – гарантия качественного исполнения обязанностей бизнес-омбудсмена. Лицо, не обладающее знаниями в текущей экономической ситуации, не разбирающееся в бизнес-климате региона, не обладающее навыками, способными оказывать влияние на существующие процессы, не способно качественно исполнять обязанности по защите прав предпринимателей. Однако формулировка не идеальна, непонятно почему законодатель в Законе Об уполномоченном в Республики Башкортостан исключил возможность быть кандидатом на должность регионального уполномоченного в Республики Башкортостан лицу, имеющему опыт в сфере крупного бизнеса.

Таким образом, считаем необходимым в региональных законах, а в будущем и в федеральном законодательстве прописать требование к кандидату на должность уполномоченного по защите прав предпринимателей следующим образом – «Уполномоченным назначается лицо, являющееся гражданином Российской Федерации, не моложе тридцати лет, имеющее высшее юридическое или экономическое образование, опыт работы в области предпринимательства».

Важным отличием закона Республики Башкортостан является особенность назначения на должность уполномоченного по правам предпринимателей субъекта РФ. И в Законе Об уполномоченном в СПб, и в Законе Об уполномоченном в Оренбургской области в статьях 4 и 5 соответственно отмечено, что бизнес-омбудсмен региона назначается на должность Губернатором соответствующего субъекта РФ по согласованию с Уполномоченным при Президенте РФ по защите прав предпринимателей с учетом мнения предпринимательского сообщества соответствующего региона (в Законе Об уполномоченном в СПб Губернатор дополнительно согласует кандидата на должность уполномоченного с Законодательным Собранием Санкт-Петербурга).

Однако существенная особенность закона Республики Башкортостан содержится в ст. 5 соответствующего закона, где также устанавливается порядок назначения на должность Уполномоченного – «Уполномоченный назначается на должность Государственным Собранием – Курултайем Республики Башкортостан большинством голосов от числа избранных депутатов Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан по представлению Президента Республики Башкортостан (данная статья еще не изменена в соответствии с требованиями п.6 ст. 18 Федераль-

ного закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [10], поэтому под Президентом Республики Башкортостан следует понимать должность Главы Республики Башкортостан), которое вносится по согласованию с Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей и с учетом мнения предпринимательского сообщества».

Это является своеобразной особенностью вообще проводимой политики Республики Башкортостан. Такая прерогатива, закрепленная за законодательной властью, по большей степени свидетельствует об особом статусе республик в составе РФ. Уместно вспомнить и тот факт, что Республика Башкортостан в числе первых пролоббировала заключение Договора Российской Федерации и Республики Башкортостан от 3.08.1994 «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Башкортостан» [11]. Следовательно, предусмотренная процедура назначения регионального бизнес-омбудсмана свидетельствует о намерении законодателя в очередной раз подчеркнуть особый статус республики, передав подобно право назначения регионального уполномоченного по правам предпринимателей законодательной власти, а не главе региона.

Однако считать данную процедуру незаконной нельзя, т.к., если обратиться к федеральному законодательству, то в части регулирования деятельности региональных уполномоченных отмечается, что субъекты РФ сами правомочны устанавливать процедуру назначения уполномоченных, однако назначение кандидата на должность должно непременно быть согласовано с федеральным Уполномоченным.

Значительной особенностью, и возможно даже недостатком, закона РБ является отсутствие положений об ограничениях и запретах, связанных с замещением должности уполномоченного. Подобные нормы заключаются в ст.5 Закона Об уполномоченном в СПб и в ст. 6-1 Закона Об уполномоченном в Оренбургской области. Данные нормы конкретизируют положения федерального законодательства. Помимо установленных федеральным законом ограничений, региональные законы указывают на недопустимость - быть поверенным или иным представителем по делам третьих лиц в органах государственной власти и органах местного самоуправления, если иное не предусмотрено ФЗ; получать гонорары за публикации и выступления в качестве лица, замещающего государственную должность и т.д.

Действительно, отсутствие подобных норм в законе Башкортостана можно считать недостатком, поскольку включение их в подобный специализированный закон свидетельствует о том, что уполномоченный обладает не только обширным кругом полномочий, но и не малым кругом ограничений и запретов.

Также недостатком закона Республики Башкортостан является достаточно поверхностное отношение к процедуре прекращения полномочий уполномоченного – ст. 9 соответствующего закона лишь определяет процедуру прекращения полномочий, но не устанавливает основания, что нельзя считать допустимым, поскольку оставляет возможность не только злоупотребления полномочиями, но и различных коррупционных схем для продолжения осуществления незаконной деятельности. В ст.5 Закона Об уполномоченном в СПб и в ст.7 Закона Об уполномоченном в Оренбургской области подобные основания приводятся.

Однако есть недостатки и в Законе Об уполномоченном в СПб, так в нем отсутствуют нормы об ответственности за вмешательство в деятельность Уполномоченного с целью повлиять на его решение, неисполнение законных требований Уполномоченного и прочее. Подобная норма не только защищает омбудсмена от возможных посягательств на него как специального субъекта, но и регламентирует перечень действий, совершение которых недопустимо в отношении него. Однако это не означает, что законодатель Санкт-Петербурга исключает ответственность за вмешательство в деятельность уполномоченного по защите прав предпринимателей. Она предусмотрена в ст. 46-3 Закон Санкт-Петербурга от 31.05.2010 №273-70 «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге» [12], в соответствии с которой предусмотрена ответственность за вмешательство в деятельность Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Санкт-Петербурге с целью повлиять на его решение, за неисполнение должностными лицами законных требований Уполномоченного, либо воспрепятствование деятельности Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Санкт-Петербурге в иной форме.

Однако считаем необходимым включить в Закон Об уполномоченном в СПб отсылочную норму к вышеуказанному закону, поскольку отсутствие нормы о запрете на вмешательство в деятельность уполномоченного в специальном законе может быть расценено как желание законодателя отказаться от наложения санкции на такое поведение. Считаю возможным изложить норму о запрете на воспрепятствование деятельности уполномоченного в Законе Об уполномоченном в СПб абстрактно, конкретизировав ее положения в Закон Санкт-Петербурга от 31.05.2010 №273-70 «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге» – так, как это сделано в иных сравниваемых нормативных правовых актах субъектов РФ.

Так, в соответствии со ст. 11.1. Закона Об уполномоченном в Оренбургской области – в случае вмешательства в деятельность Уполномоченного с целью повлиять на его решение, либо в случае неисполнения должностными лицами требований, установленных в Законе Об уполномоченном в Оренбургской области, а равно воспрепятствование деятельности Уполномоченного в иной форме влечет за собой ответственность, установленную ст.25 Закона Оренбургской области «Об административных правонарушениях в Оренбургской области» [13]. В соответствии же со ст.16 Закона Об уполномоченном в Республике Башкортостан – вмешательство в деятельность Уполномоченного с целью повлиять на его решение, невыполнение должностными лицами законных требований Уполномоченного либо создание препятствий в осуществлении его деятельности, несоблюдение должностным лицом установленных сроков предоставления информации (документов, материалов, ответов на обращения) Уполномоченному влечет административную ответственность, установленную ст.11.2. «Кодекса Республики Башкортостан об административных правонарушениях» от 23.06.2011 № 413-з [14].

На этом стоит закончить сравнение законов, поскольку более значительных отличий между ними не замечено. Однако можно выделить ряд небольших особенностей, присущих лишь конкретным актам. Если говорить о Законе Об уполномоченном в СПб, то в нем содержится ряд незначительных особенностей, не нашедших своего отображения в иных сравниваемых законах. Во-первых, важная норма закреплена в ст. 8 – Конфиденциальность при рассмотрении жалобы. Нельзя недооценить значимость данной нормы для рассмотрения уполномоченным жалоб пред-

принимателей, поскольку разглашение сведений о предпринимателях и их хозяйственной деятельности способно нанести как материальный, так и репутационный вред. Во-вторых, если говорить о недостатках, то в данном законе отсутствуют положения о гарантиях уполномоченного, и процедура рассмотрения жалобы описана поверхностно. Однако самая большая особенность данного закона заключается в самом его названии. Помимо того, что данный Закон устанавливает правовые основы деятельности регионального бизнес-омбудсмана, он также и вносит изменения в Закон Санкт-Петербурга «О Реестре государственных должностей Санкт-Петербурга и Реестре должностей государственной гражданской службы Санкт-Петербурга» [15], тогда как в Оренбургской области [16] и Башкортостане [17] издавали отдельный акт с аналогичными изменениями, что значительно выделяет закон Санкт-Петербурга среди иных актов.

Между тем, в ст. 11 и 12 Закона Об уполномоченном в Республики Башкортостан в отличие от иных субъектов более детально регламентирована процедура рассмотрения жалоб субъектов предпринимательской деятельности. Это, несомненно, большое достижение закона, поскольку деятельность омбудсменов не имела бы смысла без рассмотрения ими жалоб. Также большим плюсом является наличие нормы об Общественном совете при Уполномоченном (ст. 19) и об общественных приемных (ст. 20). Подобные органы не только помогают при рассмотрении каких-либо конкретных вопросов, но и свидетельствуют об открытости деятельности уполномоченного. Закон Оренбургской области какими-либо значительными особенностями, помимо тех, что были приведены выше, не обладает.

Таким образом, проанализировав различные нормативные правовые акты разных субъектов РФ можно констатировать, что в большей степени региональные законы в сфере регламентации деятельности уполномоченных по защите прав предпринимателей повторяют, либо лишь незначительно дополняют федеральное законодательство по данному вопросу. Особенности регионов проявляются в деталях, учитываются особенности соответствующих регионов и делаются акценты лишь на отдельных элементах. Нельзя из рассмотренных законов выбрать идеальный, который бы всецело соответствовал текущим реалиям и был бы максимально конкретизирован на все возможные ситуации. Каждый закон обладает своими преимуществами и недостатками. Однако это лишь регламентирование норм, большее значение имеет также их применение. Поэтому важно не только то, как прописано в законе, важно и то чтобы выявленные проблемы решались, чтобы в Уполномоченном по защите прав предпринимателей бизнес-сообщество видело сильный институт, способный решать проблемы предпринимателей.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 07.05.2013 N 78-ФЗ (ред. от 30.04.2021) "Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. - 13.05.2013. - № 19. - Ст. 2305.
2. Устав Санкт-Петербурга. Принят Законодательным Собранием С.-Петербурга 14 янв. 1998 г. // Вестник Законодательного Собрания С.-Петербурга – 1998. – № 5–6.
3. Об Уполномоченном по защите прав предпринимателей в Санкт-Петербурге и о внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга «О Реестре государственных должностей Санкт-Петербурга и Реестре должностей государственной гражданской службы Санкт-Петербурга» закон принят Законодательным Собранием С.-Петербурга 11 декабря 2013 № 694-122 // Вестник Законодательного Собрания С.-Петербурга. – 2013. – № 40.

4. О порядке подписания и выдачи удостоверений Уполномоченному по правам человека в Санкт-Петербурге, Уполномоченному по правам ребенка в Санкт-Петербурге, Уполномоченному по защите прав предпринимателей в Санкт-Петербурге: закон принят Законодательным Собранием С.-Петербурга 10.06.2015 №317-56// Вестник Законодательного Собрания С.-Петербурга.–2015.–№21.
5. О Реестре государственных должностей Санкт-Петербурга и Реестре должностей государственной гражданской службы Санкт-Петербурга: закон принят Законодательным Собранием С.-Петербурга 15.06.2005 № 302-34 // Вестник Законодательного Собрания С.-Петербурга. – 2005. – № 9.
6. О бюджете Санкт-Петербурга на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов: закон принят Законодательным Собранием С.-Петербурга 04.12.2017 № 801-131// Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга <http://www.gov.spb.ru>.
7. Об Уполномоченном по защите прав предпринимателей в Республике Башкортостан: закон принят Гос. Собр. - Курултай Р. Башкортостан 05 февраля 2014 г. № 42-з //Республика Башкортостан–2012.–№25.
8. Об уполномоченном по защите прав предпринимателей в Оренбургской области: закон принят Законодат. Собр. Оренбургской области 12 ноября 2013 № 1869/568-V-O3// Оренбуржье. – 2013. – №188.
9. Об Уполномоченном по защите прав предпринимателей в Республике Башкортостан: закон принят Гос. Собр. - Курултай Р. Башкортостан 01 марта 2012 г. № 514-з// Республика Башкортостан – 2012. - №43. (утр.силу).
10. Федеральный закон от 06.10.1999 N 184-ФЗ (ред. от 21.12.2021) "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации"(с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) //Российская газета. - № 206. - 19.10.1999.
11. О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Башкортостан: договор между Российской Федерацией и Республикой Башкортостан от 03.08.1994 // Российские вести.- № 35.- 1996.
12. Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге: закон принят Законодательным Собранием С.-Петербурга 31.05.2010 № 273-70// Вестник Законодательного Собрания С.-Петербурга. – 2010. – № 21.
13. Об административных правонарушениях в Оренбургской области: закон принят Законодат. Собр. Оренбургской области 01 октября 2003 № 489/55-III-O3 // Южный Урал. – 2003. – №210.
14. Кодекс Республики Башкортостан об административных правонарушениях: закон принят Гос. Собр. - Курултай Р. Башкортостан 23 июня 2011 №413-з // Республика Башкортостан – 2011. - №127.
15. О Реестре государственных должностей Санкт-Петербурга и Реестре должностей государственной гражданской службы Санкт-Петербурга: закон принят Законодат. Собр. С.-Петербурга 15.06.2005 № 302-34// Вестник Законодательного Собрания С.-Петербурга. – 2005. – № 9.
16. О внесении изменений в Закон Оренбургской области «О реестре государственных должностей и реестре должностей государственной гражданской службы Оренбургской области»: закон принят Законодат. Собр. Оренбургской области 29 апреля 2015 № 3189/846-V-O3// Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.
17. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Башкортостан: закон принят Гос. Собр. - Курултай Р. Башкортостан 26 декабря 2012 г. № 629-з // Официальный Интернет-портал правовой информации Республики Башкортостан <http://www.npa.bashkortostan.ru>.

Zakharova L.A. Features of the legal status of the commissioner for the protection of the rights of entrepreneurs in the subjects of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 156-165.

The article is devoted to the topical issue of researching the features of the legal status of the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the constituent entities of the Russian Federation. Being a fairly new and very important human rights institution, the Ombudsman for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the constituent entities of the Russian Federation needs a strict regulation of the legal status and legislative protection of activities in order to prevent unlawful influence on the decisions he makes as part of his human rights activities. Quite clearly defined procedures in the legislation of the constituent entities of the Russian Federation can contribute to this. In general, the definition of the legal status of the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the constituent entities of the Russian Federation will allow them to carry out their activities as efficiently as possible, and vice versa, inaccurate formulations regarding the rights, duties and response procedures can reduce effective human rights activities to imitation of such activities with zero, or even negative results. After analyzing the regulatory legal acts of a number of constituent entities of the Russian Federation that regulate the legal status of the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the constituent entities of the Russian Federation, it seems possible to conclude that, to a greater extent, regional laws in the field of regulation of the activities of the Commissioners for the Protection of the Rights of Entrepreneurs repeat, or only slightly supplement the

federal legislation on this issue. The features of regional legislation in the area under study are manifested in detail, the features of the respective regions are taken into account, and only individual elements are emphasized. The current legislation in the constituent entities of the Russian Federation on the status of the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs contains sufficiently developed norms that allow the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the constituent entities to carry out their activities quite effectively.

Keywords: ombudsman, commissioner for the protection of the rights of entrepreneurs, human rights activities, federation, subject of the federation, legislation.

Spisok literaturi:

1. Federal'nyy zakon ot 07.05.2013 N 78-FZ (red. ot 30.04.2021) "Ob upolnomochennykh po zashchite prav predprinimateley v Rossiyskoy Federatsii" // Sobraniye zakonodatel'stva RF. - 13.05.2013. - № 19. - St. 2305.
2. Ustav Sankt-Peterburga. Prinyat Zakonodatel'nyim Sobraniyem S.-Peterburga 14 yanv. 1998 g. // Vestnik Zakonodatel'nogo Sobraniya S.-Peterburga – 1998. – № 5–6.
3. Ob Upolnomochennom po zashchite prav predprinimateley v Sankt-Peterburge i o vnesenii izmeneniy v Zakon Sankt-Peterburga «O Reyestre gosudarstvennykh dolzhnostey Sankt-Peterburga i Reyestre dolzhnostey gosudarstvennoy grazhdanskoj sluzhby Sankt-Peterburga» zakon prinyat Zakonodatel'nyim Sobraniyem S.-Peterburga 11 dekabrya 2013 № 694-122 // Vestnik Zakonodatel'nogo Sobraniya S.-Peterburga.–2013 –№ 40.
4. O porvyadke podpisaniya i vydachi udostovereniy Upolnomochennomu po pravam cheloveka v Sankt-Peterburge, Upolnomochennomu po pravam rebenka v Sankt-Peterburge, Upolnomochennomu po zashchite prav predprinimateley v Sankt-Peterburge: zakon prinyat Zakonodatel'nyim Sobraniyem S.-Peterburga 10 iyunya 2015 g. №317-56// Vestnik Zakonodatel'nogo Sobraniya S.-Peterburga. – 2015. – № 21.
5. O Reyestre gosudarstvennykh dolzhnostey Sankt-Peterburga i Reyestre dolzhnostey gosudarstvennoy grazhdanskoj sluzhby Sankt-Peterburga: zakon prinyat Zakonodatel'nyim Sobraniyem S.-Peterburga 15.06.2005 № 302-34 // Vestnik Zakonodatel'nogo Sobraniya S.-Peterburga. – 2005. – № 9.
6. O byudzhete Sankt-Peterburga na 2018 god i na planovyy period 2019 i 2020 godov: zakon prinyat Zakonodatel'nyim Sobraniyem S.-Peterburga 04.12.2017 № 801-131// Ofitsial'nyy sayt Administratsii Sankt-Peterburga <http://www.gov.spb.ru>.
7. Ob Upolnomochennom po zashchite prav predprinimateley v Respublike Bashkortostan: zakon prinyat Gos. Sobr. - Kurultay R. Bashkortostan 05 fevralya 2014 g. № 42-z // Respublika Bashkortostan–2012. - №25.
8. Ob upolnomochennom po zashchite prav predprinimateley v Orenburgskoy oblasti: zakon prinyat Zakonodat. Sobr. Orenburgskoy oblasti 12 noyabrya 2013 № 1869/568-V-OZ// Orenburzh'ye. – 2013. – №188.
9. Ob Upolnomochennom po zashchite prav predprinimateley v Respublike Bashkortostan: zakon prinyat Gos. Sobr. - Kurultay R. Bashkortostan 01 marta 2012 g. № 514-z// Respublika Bashkortostan – 2012. - №43. (utr.silu).
10. Federal'nyy zakon ot 06.10.1999 N 184-FZ (red. ot 21.12.2021) "Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoy vlasti sub'yektov Rossiyskoy Federatsii"(s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2022) // Rossiyskaya gazeta. - № 206. - 19.10.1999.
11. O razgranichenii predmetov vedeniya i vzaimnom delegirovaniy polnomochiy mezhdru organami gosudarstvennoy vlasti Rossiyskoy Federatsii i organami gosudarstvennoy vlasti Respubliki Bashkortostan: dogovor mezhdru Rossiyskoy Federatsiyey i Respublikoy Bashkortostan ot 03.08.1994 // Rossiyskiye vesti. - № 35.- 1996.
12. Ob administrativnykh pravonarusheniyakh v Sankt-Peterburge: zakon prinyat Zakonodatel'nyim Sobraniyem S.-Peterburga 31.05.2010 № 273-70// Vestnik Zakonodatel'nogo Sobraniya S.-Peterburga. – 2010. – № 21.
13. Ob administrativnykh pravonarusheniyakh v Orenburgskoy oblasti: zakon prinyat Zakonodat. Sobr. Orenburgskoy oblasti 01 oktyabrya 2003 № 489/55-III-OZ // Yuzhnyy Ural. – 2003. – №210.
14. Kodeks Respubliki Bashkortostan ob administrativnykh pravonarusheniyakh: zakon prinyat Gos. Sobr. - Kurultay R. Bashkortostan 23 iyunya 2011 №413-z // Respublika Bashkortostan – 2011. - №127.
15. O Reyestre gosudarstvennykh dolzhnostey Sankt-Peterburga i Reyestre dolzhnostey gosudarstvennoy grazhdanskoj sluzhby Sankt-Peterburga: zakon prinyat Zakonodat. Sobr. S.-Peterburga 15.06.2005 № 302-34// Vestnik Zakonodatel'nogo Sobraniya S.-Peterburga. – 2005. – № 9.
16. O vnesenii izmeneniy v Zakon Orenburgskoy oblasti «O reyestre gosudarstvennykh dolzhnostey i reyestre dolzhnostey gosudarstvennoy grazhdanskoj sluzhby Orenburgskoy oblasti»: zakon prinyat Zakonodat. Sobr. Orenburgskoy oblasti 29 aprelya 2015 № 3189/846-V-OZ// Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii <http://www.pravo.gov.ru>.
17. O vnesenii izmeneniy v otdel'nyye zakonodatel'nyye akty Respubliki Bashkortostan: zakon prinyat Gos. Sobr. - Kurultay R. Bashkortostan 26 dekabrya 2012 g. № 629-z // Ofitsial'nyy Internet-portal pravovoy informatsii Respubliki Bashkortostan <http://www.npa.bashkortostan.ru>.

УДК 342.7

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ СТОРОН КОРПОРАТИВНОГО ДОГОВОРА

Кузьменко Ю. А.

ФГБОУВО «Российский государственный гуманитарный университет»

В содержании статьи рассматриваются особенности правового регулирования корпоративного договора, в частности исполнение обязательств сторон. Анализируется гражданское и корпоративное законодательство Российской Федерации. Автор отмечает актуальность исследования, которая заключается в осуществлении защиты прав сторон корпоративного договора при возникновении особых обстоятельств, например, не позволяющих участникам хозяйственного общества сделать непропорциональное отчуждение доли или акций.

Автор приходит к выводу, что правовое регулирование корпоративного договора, в том числе и способы защиты сторон непосредственно связаны с наличием у контрагента реальных обязательств при нарушении или неисполнении договора. Вопросы защиты прав и интересов сторон напрямую зависят от существенных условий корпоративного договора.

Ключевые слова: корпоративный договор, корпоративные отношения, хозяйственное общество, уставный капитал, исполнение обязательств, исполнительное производство.

Корпоративный договор на протяжении последних лет набирает все большую популярность в компаниях крупного и среднего бизнеса. Однако эффективность использования корпоративных соглашений напрямую зависит от желания его сторон исполнять принятые на себя обязательства. Как показывает опыт, желание исполнять обязательства непосредственно связано с наличием у контрагента реальных способов защиты при нарушении или неисполнении договора со стороны своего контрагента.

В юридической литературе справедливо отмечается, что обязательство само по себе не имеет никакой ценности, а заключение договора лишь с целью связать лиц отношениями подчинения не имеет ни правового, ни экономического смысла. По этой причине ценность обязательства заключается в необходимости его надлежащего исполнения [1, с. 58]. В соответствии с содержанием текста п. 1 ст. 67.2 ГК РФ [2], в качестве предмета корпоративного договора выступает основное существенное условие, напрямую касающееся вопроса порядка осуществления участниками данного соглашения своих корпоративных прав по управлению хозяйственным обществом [3, с. 3].

Е. А. Суханов считает необходимым утверждать, что «каждая сделка имеет правовое основание – правовую цель, к достижению которой стремятся субъекты» [4, с. 337], и делает это исходя из того, что можно рассматривать корпоративный договор в силу сложившихся традиций с позиции деления обычно совершаемых на его основе сделок на так называемые казуальные и абстрактные. Вышеназванный корпоративный договор следует относить к числу казуальных сделок. Принимая во внимание, что сторонами корпоративного договора на основе ранее сформировавшейся традиции являются, главным образом, участники разнообразных хозяйственных обществ, и только потом уже – кредиторы или поставщики продукции данному хозяйственному обществу, корпоративный договор может быть отнесен одновременно и к числу предпринимательских договоров.

Следует сказать, что содержание корпоративного договора составляет совокупность условий, на которые соглашаются подписывающие его стороны. Участники хозяйственного общества закрепляют данные условия путем использования соответствующей формы. Как содержание, так и форма корпоративного договора способствуют тому, чтобы достаточно четко и недвусмысленно определить взаимные права и соответствующие им обязанности. Например, в соответствии с условиями корпоративного договора стороны внесли изменения в устав общества, предусмотрев в нем возможность принятия на себя участниками общества дополнительных обязанностей, включая установленные корпоративным договором, указав, что положения договора имеют приоритет перед положениями устава общества.

Юридическое значение условий корпоративного договора обуславливает их наиболее традиционное подразделение на существенные, которым уделяется первостепенное внимание каждого участника хозяйственного общества, а также сопутствующие – это обычные и случайные условия. Необходимо отметить, что предмет договора напрямую касается вопросов реализации корпоративных прав участников хозяйственного общества. Как было отмечено ранее, действующее гражданское законодательство предусмотрело корпоративные договоры, которые могут устанавливать для его сторон обязанности как совершать определенные действия, так и в противоположном случае, участники хозяйственного общества могут воздерживаться от осуществления принадлежащих им прав по тем или иным мотивам. Например, они могут голосовать (или же не голосовать) в пользу того или иного решения по итогам вопросов, выносимых на обсуждение общим собранием участников хозяйственного общества.

Также к числу существенных условий, определяющих предмет корпоративного договора участников хозяйственного общества, относится выраженное согласование реализации мер, направленных на качественное управление обществом. К примеру, расширительное толкование существенных условий корпоративного договора можно отметить в постановлении Арбитражного суда Дальневосточного округа от 31.03.2017 № Ф03-691/2017 по делу № 40 А51-10201/201612. Одним из существенных условий корпоративного договора являлось прекращение его действия с момента, когда ежемесячная выплата прекратит поступать, либо начнет поступать ему несвоевременно. Судебная коллегия в результате судебного разбирательства признала вышеупомянутую формулировку существенным условием корпоративного договора, заключенного двумя участниками хозяйственного общества, вполне корректной, и при этом сам данный корпоративный договор сочла реально заключенным [5].

Так, корпоративный договор как инструмент корпоративных отношений не новый, возможность его использования насчитывает уже более 10 лет (положения появились в 2009 г.: для акционерных обществ путем введения ст. 32.1 Закона об АО [6]., а для обществ с ограниченной ответственностью – п. 3 ст. 8 Закона об ООО [7].). Однако долгое время популяризация применения корпоративного договора в предпринимательской среде происходила путем наработки судебной (не редко негативной) практики по ним. Ситуация поменялась в 2014 г. в период масштабных изменений в гражданском и корпоративном законодательстве, посвященных юридическим лицам.

В частности, Федеральным законом от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в гл. 4 ч. 1 ГК РФ и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [8] была изменена ст. 66 ГК РФ, в п. 1 которой говорится: «Объем правомочий участников хозяйственного общества определяется пропорционально их долям в уставном капитале общества. Еще один немаловажный этап истории развития корпоративного договора состоялся 25 ноября 2020 г. по вступлению в силу ряда обновленных форм заявлений, предоставляющих принципиально новые возможности для заключивших их членов хозяйственных обществ. Вступил в силу приказ ФНС России от 31.08.2020 № ЕД-7-14/617 «Об утверждении форм и требований к оформлению документов, представляемых в регистрирующий орган при государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств», которым утвержден ряд новых форм для государственной регистрации [9].

Главным образом, это коснулось отражения всех необходимых сведений и информации о хозяйственных обществах в едином государственном реестре юридических лиц. С этого момента в едином государственном реестре юридических лиц у хозяйственных обществ появилась возможность поместить важные сведения и информацию о наличии заключенного в отношении хозяйственного общества корпоративного договора, и при этом указать на внесении в текст данного договора условий о непропорциональном голосовании. Также появилась возможность разместить в едином государственном реестре юридических лиц сведения о наличии ограничений на отчуждение долей/акций, которые предусматриваются корпоративным договором хозяйственного общества. В том случае если отдельные члены хозяйственного общества наделяются правом действовать от данного хозяйственного общества в отсутствие доверенности, в едином государственном реестре юридических лиц следует указать на режим осуществления данными участниками полномочий, совместно или независимо друг от друга.

Поскольку сведения, содержащиеся в едином государственном реестре юридических лиц, носят исключительно публичный характер и доступны неограниченному кругу лиц, размещение подобной информации поможет стать достойным средством, направленным на предотвращение попыток осуществления недобросовестных действий третьими лицами в процессе взаимодействия с участниками хозяйственного общества.

При этом также решена и проблема защищенности хозяйственного общества и его конкретных участников от последствий возникновения рисков, которые связаны с неправомерной передачей, равно как и отчуждением долей или акций данного хозяйственного общества.

Вместе с тем размещение вышеупомянутых сведений в едином государственном реестре юридических лиц одновременно позволяет решить и проблему защищенности хозяйственного общества и его участников от последствий неправомерного голосования на общих собраниях участников.

Данная возможность регламентируется п. 6 ст. 67.2 ГК РФ, равно как и сделок, которые заключаются от имени хозяйственного общества при нарушении условий реализации полномочий исполняющего обязанности согласно п. 1 ст. 174 ГК РФ.

Следует также отметить, что в процессе рассмотрения судами споров, возникающих в области подобных сделок, одним из наиболее распространенных условий

признания ее недействительной необходимо назвать знание противоположной стороны о том, какие именно ограничения в данном случае существуют.

В случае если сведения о соответствующих ограничениях будут находиться в едином государственном реестре юридических лиц, то процесс доказывания вышеупомянутого знания у другой стороны увеличивает шансы защитить интересы хозяйственного общества и его конкретных участников.

В свою очередь, если у хозяйственного общества возникнет необходимость создать, закрыть, изменить наименование и адрес своего филиала или представительства, то потребность во внесении соответствующих изменений в устав хозяйственного общества исчерпывается. Данное обстоятельство можно расценивать как возможность предотвращения последствий, которые могли возникнуть ранее в случае изъятия из содержания устава хозяйственного общества сведений о создаваемых или закрываемых филиалах и представительствах общества, которые уже содержатся в уставе.

Следует отметить, что корпоративный договор представляет собой действенный инструмент регулирования отношений членов хозяйственных обществ. При его помощи существует возможность обеспечить контроль со стороны владельцев бизнеса, а также снизить риски возникновения конфликтов в рамках конкретных хозяйственных обществ. Наряду с этим, корпоративный договор уже сейчас во многом позволяет защитить имущественные интересы членов хозяйственных обществ. История применения корпоративного договора свидетельствует о его возможностях в реализации процесса регулирования правовых отношений как, собственно, между членами хозяйственных обществ, так и между многими другими лицами, интересы которых тем или иным образом затрагивают деятельность хозяйственного общества. Корпоративный договор предоставляет участникам хозяйственных обществ возможность заблаговременно договориться о том, каким образом разделить между собой полномочия, касающиеся вопроса управления хозяйственным обществом. Иной объем правомочий участников непубличного хозяйственного общества может быть предусмотрен уставом общества, а также корпоративным договором при условии внесения сведений о наличии такого договора и о предусмотренном им объеме правомочий участников общества в едином государственном реестре юрлиц.

Суды, как правило, также исходили из природы, смысла и назначения договора. Например, со ссылкой на ст. 421 ГК РФ и отсутствие прямого законодательного запрета корпоративными договорами признавались соглашения, регламентировавшие финансовые и иные взаимоотношения сторон. В настоящий момент существенно повышается актуальность рассмотрения корпоративного договора в качестве инструмента регулирования отношений между участниками хозяйственного общества, в тексте которого прослеживается достаточно четкое определение прав и обязанностей каждого из них.

Согласно утверждению, которое счел необходимым сделать В. Г. Бородкин, отечественный договор, касающийся вопросов осуществления прав участников акционерных обществ, который поименован автором законодательных инициатив в качестве корпоративного договора, в определённой степени близок по основному содержанию к американским соглашениям, в частности, содержит нормы о голосовании, предмет которых никаким образом не охватывает вопросов структуры и компетенции органов управления хозяйственным обществом, в то время как акцентиру-

ется исключительно только на обязательстве участников данного общества голосовать определенным образом на общем собрании акционеров [10, с. 43, 255].

Как видим, повышение значимости корпоративного договора происходит также и за счет своевременного введения в круг подписывающих его участников кредиторов, а также всех необходимых для успешной реализации его положений иных лиц. Проводя правовой обзор соглашений акционеров, Х.-Й. Шрамм считает нужным высказать следующую мысль о том, что корпоративные договоры могут касаться исключительно прав участников о голосовании и об ограничении права распоряжения акциями» [11, с. 28].

Безусловно, заключая договор, участники общества принимают на себя обязательства, связанные с согласованным осуществлением принадлежащих им корпоративных прав. При этом условия корпоративного договора предусматривают ограничение, которые и являются неким способом обеспечения интересов участников корпоративных отношений. Указанные ограничения касаются осуществления прав из доли (акции) либо осуществления прав на долю (акцию).

Следует подчеркнуть, что на протяжении всей своей истории институт корпоративного договора является предметом научных дискуссий, а судебная практика не всегда демонстрирует единообразное применение соответствующих положений закона. Существующие в настоящий момент законодательные акты Российской Федерации не содержат никаких специальных указаний на то, каким образом и при каких обстоятельствах может быть востребовано исполнение своих обязательств в натуре фактически ни от одной из участвующих в корпоративном договоре сторон.

Возникновение обязательственных отношений сторон корпоративного договора не дает достаточных оснований для того, чтобы отрицать, то, что совершенно любая подписавшая его сторона может претендовать на использование определенного универсального способа защиты, который выражается в понуждении контрагента к безотлагательному исполнению обязательства в должном объеме в натуре. Этому, в частности, способствует то немаловажное обстоятельство, что корпоративный договор на основании положений п. 1 ст. 67.2 ГК РФ может строиться по модели, которая характерна для договора простого товарищества, и вместе с тем - для организационного договора, а одновременно – и для договора купли-продажи, равно как и для опционного договора.

Досконально исследовав российское право, функционирующее в интересах совместных предприятий, А. Гармаев считает необходимым заметить, что даже посредством вмешательства судебных инстанций представляется достаточно проблематичным принуждение участника хозяйственного общества к реальному исполнению обязательств, вытекающих из содержания корпоративного договора [12, с. 2].

Рассматривая акционерные соглашения как средство правового регулирования корпоративных отношений, Т. В. Грибкова считает необходимым утверждать, что к числу главных проблем в процессе использовании данного способа защиты прав одной из сторон корпоративного договора следует отнести сложность исполнения отдельных положений в принудительном порядке. В числе последних следует рассматривать обязанность согласовать вариант голосования со всеми остальными участниками хозяйственного общества или голосовать, таким образом, как этого требуют положения корпоративного договора. В настоящее время судебное принуждение виновной стороны является проблематичным фактом в исполнении по-

ложений корпоративного договора и считается недостатком существующего корпоративного договора [13, с. 205-206].

Высказанная выше позиция заслуживает значительного внимания, поскольку обнаруживается определенный разрыв между существующим в настоящий момент материальным правом и соответствующим отечественным законодательством, функционирующим в сфере современного исполнительного производства. Следует признать, что российское исполнительное производство не предоставляет достаточной возможности принудительно исполнить, включая обязательство, касающееся непосредственно вопроса голосования по ключевым вопросам деятельности хозяйственного общества на основании корпоративного договора.

Участвующие лица в корпоративном договоре способны защищать имеющиеся у них права путем подачи иска о понуждении виновной стороны к исполнению своих обязательств в натуре. Однако же в целях своевременной и полноценной выработки наиболее эффективных механизмов реализации процесса понуждения виновной стороны, к своевременному исполнению имеющегося у нее обязательства в натуре следует в должной мере определить, в каких условиях и какие именно обязательства могут в данной ситуации подлежать принудительному исполнению.

Согласно убеждению А. Иванова и Н. Лебедевой: «в данный момент существуют две надлежащих формы реализации принудительного исполнения корпоративного договора в натуре, первая из которых предполагает признание недействительным решения, принимаемого органом управления хозяйственного общества. Это производится в том самом случае, когда голосование данной стороны корпоративного договора происходило в нарушение документально закрепленных договоренностей, преследующих цель возврата в то состояние, которое предшествовало моменту нарушения корпоративного договора. Наряду с этим предполагается понуждение виновной стороны корпоративного договора к исполнению, принадлежащего ей обязательства проголосовать во время проведения общего собрания участников хозяйственного общества таким образом, который указывался в содержании корпоративного договора» [14, с. 2]. Вышеназванные формы принуждения виновной стороны корпоративного договора к исполнению ранее данного ею обязательства в натуре не могут быть использованы в описанном данным автором виде, поскольку нуждаются в существенном переосмыслении.

Таким образом, понуждение необходимо выделить как форму виновной стороны корпоративного договора к исполнению ранее данного ею обязательства в натуре вместе с тем также и принуждение данной стороны корпоративного договора к купле-продаже долей (акций) в уставном капитале.

Стоит отметить, что на протяжении значительного отрезка времени такой способ защиты прав сторон корпоративного договора используется на практике по отношению к традиционным договорам купли-продажи долей или акций, находящихся в уставном капитале хозяйственного общества. Представляется полное отсутствие каких бы то ни было оснований для того, чтобы было признано невозможным использование подобных ранее наработанных и достаточно хорошо зарекомендовавших себя однозначно эффективных механизмов.

Они могут быть наиболее логично применены к подобным обязательствам, которые устанавливаются корпоративным договором. Например, активно используется возможность понуждения виновной стороны корпоративного договора к исполне-

нию ранее данного ею обязательства в натуре. Это используется теперь уже путем обязания виновной стороны в неисполнении или ненадлежащем исполнении, или несвоевременном исполнении своих обязательств стороны корпоративного договора своевременно выкупить долю в уставном капитале.

Достаточно убедительным прецедентом внедрения подобного алгоритма стало решение Арбитражного суда Ставропольского края от 19.01.2015 по делу № А63-9751/2014 [15]. Исходя из этого решения, следует отметить, что во всех обязательствах, которые имеют ярко выраженный имущественный характер, существует необходимая совокупность оснований для того, чтобы признать понуждение виновной стороны корпоративного договора исполнение ранее данного ею обязательства в натуре наиболее приемлемым в настоящий момент способом защиты прав потерпевшей стороны данного договора. При этом следует отметить, что решение суда по подобному делу может выступать достаточным основанием для того, чтобы были внесены соответствующие изменения записи об участнике хозяйственного общества в единый государственный реестр юридических лиц, а также взыскать соответствующие денежные средства с банковских счетов покупателя доли или акций в уставном капитале хозяйственного общества.

В качестве еще одного дополнительного способа понуждения виновной стороны корпоративного договора к исполнению ею ранее взятого на себя обязательства в натуре следует назвать то, признание недействительным определенное решение органа управления хозяйственного общества. Такой способ может быть применен тогда, когда данное решение органа управления хозяйственного общества принималось в условиях явного недвусмысленного нарушения содержания подписанного сторонами корпоративного договора. В настоящий момент вышеуказанная возможность предлагается пунктом 6 статьи 67.2 гражданского законодательства, но только в том случае, если к моменту принятия высшим органом хозяйственного общества решения сторонами корпоративного договора являлись все его участники.

Анализируя законодательство, необходимо отметить, что корпоративный договор, который был заключен всеми участниками хозяйственного общества, оказывается способным породить своеобразный внешний корпоративно-правовой эффект, который обязателен не только для подписавших его сторон, но и также для хозяйственного общества в целом, поскольку в существующем виде он способен оказывать позитивное влияние на правоотношения хозяйственного общества с третьими лицами.

Таким образом, основной вопрос заключается в том, как будут сформулированы условия корпоративного договора, содержащие положения о корпоративном управлении, в частности об осуществлении права на участие в управлении хозяйственным обществом, о структуре органов управления, их компетенции, порядке принятия ими решения. И именно от этого будет зависеть разрешение вопроса о том, противоречат ли они действующему законодательству, и могут ли быть признаны недействительными и каким образом будут исполнены обязательства стороной, нарушившей условия договора.

Исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. В содержание корпоративного договора все подписывающие его участники хозяйственного общества стремятся включить максимум существенных условий для того, чтобы в случае возникновения споров, относительно принадлежащих им прав

суд мог принять во внимание именно ту аргументацию, которая представляется наиболее весомой каждой из данных сторон. Тем не менее, как показывает практика, содержание корпоративного договора, равно как и совокупность его существенных условий, все еще нуждается в значительно большей определенности для того, чтобы каждая судебная инстанция на существующих в настоящий момент законных основаниях смогла оказать реальную помощь обратившимся в суд сторонам корпоративного договора.

2. В целом непротиворечивое единство современных законодательных актов Российской Федерации, тем не менее, приводит к определенным различиям в толковании сторон корпоративного договора, и, соответственно, принадлежащих им по данному договору прав и интересов. Однако при этом уточнений требует даже не столько законодательство, касающееся собственно корпоративного договора, сколько фундаментальные понятия, например, более четкое разграничение понятий учредителя и участника хозяйственного общества и др.

3. Вопрос защиты прав и интересов стороны корпоративного договора также нуждается в дополнительной проработке. Приведенная в настоящем исследовании совокупность методов и способов защиты прав стороны корпоративного договора постоянно подвергается аргументированной критике со стороны современных отечественных ученых, способных определить значительное количество несоответствий в разработанности практического инструментария степени важности и ответственности решаемых при их помощи задач. В целом, полноценно защитить права и интересы стороны корпоративного договора можно будет только лишь в том случае, когда соответствующее отечественное законодательство претерпит процесс значительного совершенствования.

Список литературы:

1. Бородин В.Г., Станкевич А. В. О некоторых проблемах арбитражного процесса и способов защиты прав. Сборник очерков. Часть 1. - М.: «Инфотропик Медиа». – 2018. – с.58.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // СЗ РФ. – 1994 г. № 32.– Ст. 3301.
3. Качалова А. В. Корпоративный договор как основание корпоративного управления [Текст] /А. В. Качалова, //Законодательство. –2020. № 2. – С.3.
4. Гражданское право: В 2 т. Том 1: Учебник / отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. –М., – 2000. – С. 337.
5. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 31.03.2017 № Ф03-691/2017 по делу № А51-10201/2016 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Гарант. (Дата обращения: 17.02.2022).
6. Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ (ред. от 25.02.2022) «Об акционерных обществах»//СЗ РФ. –1996. г. –№1. –ст. 1
7. Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 02.07.2021, с изм. 25.02.2022) "Об обществах с ограниченной ответственностью"// СЗ РФ. – 1998 г. – № 7 – ст. 785.
8. О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: федеральный закон [от 05.05.2014 № 99-ФЗ] // СЗ РФ. – 2014 г. № 19 – Ст. 2304.
9. Приказ Федеральной налоговой службы от 31 августа 2020 г. N ЕД-7-14/617@ «Об утверждении форм и требований к оформлению документов, представляемых в регистрирующий орган при государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Гарант (Дата обращения: 04.03.2022).
10. Бородин В.Г. Гражданско-правовое регулирование корпоративного договора: дис. ... канд. юрид. наук. М. – 2016. – С. 43, 255.
11. Шрамм Х.-И. Правовой обзор соглашений акционеров [Текст] / Вестник корпоративного управления. Казахстан. 2008. –№ 7. – С. 28.
12. Гармаев А. Российское право для совместных предприятий // ЭЖ-Юрист. – 2014. –№ 38. – С.2

13. Грибкова Т.В. Акционерные соглашения как средство правового регулирования корпоративных отношений: Дис. ... канд. юрид. наук. М. –2011. – С. 205–206.
14. Иванов А., Лебедева Н. Соглашения акционеров: шаг вперед или топтание на месте? // Корпоративный юрист. – 2008. – № 9. – С.2
15. Решение Арбитражного суда Ставропольского края от 19.01.2015 по делу № А63-9751/2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Гарант (Дата обращения: 20.02.2022).

Kuzmenko Y. A. On the issue of protecting the rights and interests of the parties to the corporate agreement // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 166-174.

The content of the article discusses the features of the legal regulation of a corporate contract, in particular, the fulfillment of the obligations of the parties. The civil and corporate legislation of the Russian Federation is analyzed. The author notes the relevance of the study, which consists in protecting the rights of the parties to a corporate contract in the event of special circumstances, for example, preventing the participants of a business company from making an illegal alienation of a share or shares.

The author comes to the conclusion that the legal regulation of the corporate contract, including the ways of protecting the parties, is directly related to the presence of the counterparty's real obligations in case of violation or non-fulfillment of the contract. Issues of protection of the rights and interests of the parties directly depend on the essential terms of the corporate agreement.

Keywords: corporate agreement, corporate relations, business entity, authorized capital, fulfillment of obligations, enforcement proceedings.

Spisok literary:

1. Borodkin V.G., Stankevich A. V. O nekotorykh problemakh arbitrazhnogo protsessa i sposobov zashchity prav. Sbornik ocherkov. Chast' 1. - M.: «Infotropik Media». – 2018. – s. 58.
2. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 25.02.2022) // SZ RF. – 1994 g. № 32.– St. 3301.
3. Kachalova A. V. Korporativnyy dogovor kak osnovaniye korporativnogo upravleniya [Tekst] /A. V. Kachalova. //Zakonodatel'stvo. –2020. № 2. – S.3.
4. Grazhdanskoye pravo: V 2 t. Tom 1: Uchebnik / otv. red. Ye.A. Sukhanov. – 2-ye izd., pererab. i dop. –M., – 2000. – S. 337.
5. Postanovleniye Arbitrazhnogo suda Dal'nevostochnogo okruga ot 31.03.2017 № F03-691/2017 po delu № A51-10201/2016 // [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: SPS Garant. (Data obrashcheniya: 17.02.2022).
6. Federal'nyy zakon ot 26.12.1995 N 208-FZ (red. ot 25.02.2022) «Ob aktsionernykh obshchestvakh» // SZ RF. –1996. g. –№1. –st. 1
7. Federal'nyy zakon ot 08.02.1998 N 14-FZ (red. ot 02.07.2021, s izm. 25.02.2022) "Ob obshchestvakh s ogranichennoy otvetstvennost'yu" // SZ RF. – 1998 g. – № 7 – st. 785.
8. O vnesenii izmeneniy v glavu 4 chasti pervoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i o priznanii utrativshimi silu otdel'nykh polozheniy zakonodatel'nykh aktov Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon [ot 05.05.2014 № 99-FZ] // SZ RF. – 2014 g. № 19 – St. 2304.
9. Prikaz Federal'noy nalogovoy sluzhby ot 31 avgusta 2020 g. N YED-7-14/617@ «Ob utverzhenii form i trebovaniy k oformleniyu dokumentov, predstavlyayemykh v registriruyushchiy organ pri gosudarstvennoy registratsii yuridicheskikh lits, individual'nykh predprinimateley i krest'yanskikh (fermerskikh) khozyaystv» [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: SPS Garant (Data obrashcheniya: 04.03.2022).
10. Borodkin V.G. Grazhdansko-pravovoye regulirovaniye korporativnogo dogovora: dis. ... kand. yurid. nauk. M. – 2016. – S. 43, 255.
11. Shramm KH.-Y. Pravovoy obzor soglasheniy aktsionerov [Tekst] / Vestnik korporativnogo upravleniya. Kazakhstan. 2008. –№ 7. – S. 28.
12. Garmayev A. Rossiyskoye pravo dlya sovместnykh predpriyatiy // EZH-Yurist. – 2014. –№ 38. – S.2
13. Griбkova T.V. Aktsionernyye soglasheniya kak sredstvo pravovogo regulirovaniya korporativnykh otноsheniy: Dis. ... kand. yurid. nauk. M. –2011. – S. 205–206.
14. Ivanov A., Lebedeva N. Soglasheniya aktsionerov: shag vpered ili toptaniye na meste? // Korporativnyy yurist. – 2008. –№ 9. – S.2
15. Resheniye Arbitrazhnogo suda Stavropol'skogo kraya ot 19.01.2015 po delu № А63-9751/2014 [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: SPS Garant (Data obrashcheniya: 20.02.2022).

УДК 347.97

СОВРЕМЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Пеленицына М. В., Городецкий А. А.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В связи с тем, что органы прокуратуры и их должностные лица преследуют цель защиты прав и свобод человека и гражданина, в настоящей статье, с учётом глубокого рассмотрения процессуального положения и полномочий прокурора, проводится анализ современной проблематики участия прокурора в гражданском судопроизводстве и дается ряд предложений по совершенствованию положений гражданско-процессуального законодательства. Рассматривается проблематика ч. 1 ст. 45 ГПК РФ, связанная как с абстрактностью категорий «состояние здоровья», «возраст», «другие уважительные причины», так и проблематика юридической коллизии между данной нормой и ч. 4 ст. 27 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». Анализируется такая форма участия прокурора в гражданском процессе, как заключение прокурора, а также даются практические рекомендации по её реализации. Отмечается отсутствие надлежащей регламентации процессуального положения прокурора в рамках исполнительного производства.

Ключевые слова: прокуратура; прокурор; гражданское судопроизводство; гражданский процесс; формы участия; заключение прокурора; юридическая коллизия; исполнительное производство.

Актуальность исследования основывается на том, что прокуратура, преследуя цель обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, а также защиты прав и свобод человека и гражданина, участвует в рассмотрении определенной категории гражданских дел по указанным в законе основаниям. Прокуратура своей деятельностью в рамках гражданского процесса защищает уязвимые категории граждан, а также осуществляет предупреждение нарушений публичного интереса. Поэтому, рассмотрение и разрешение проблематики участия прокурора в гражданском процессе требует детального рассмотрения и освещения в отечественной правовой доктрине.

Согласно положениям Конституции РФ, Российская Федерация – это социальное государство, в котором человек, его законные права и свободы являются высшей ценностью и обязанностью государства является не только признание и соблюдение данных прав и свобод, но и их защита.

Органом, гарантирующим соблюдение, защиту прав и свобод человека и гражданина, является прокуратура, которая определяется государством как единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов и надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

Органы прокуратуры имеют важное значение при отправлении правосудия, так как они не только выступают гарантией защиты прав граждан, но и обладают большим правозащитным потенциалом, отличающим её от других государственных органов. Прокуратура благоприятствует вынесению судом законного, справедливого и обоснованного решения и выступает «проводником интересов государства» [1, с. 78].

Однако, как и любая другая государственная система, прокуратура не лишена рядом теоретических и практических проблем, несовершенств, которые могут возыметь своё влияние на способность прокуроров своевременно и должным образом осуществлять защиту прав и свобод человека и гражданина.

1. Согласно ч. 1 ст. 45 ГПК РФ, прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту законных интересов граждан в случаях, в которых граждане не могут самостоятельно обратиться в суд за защитой своих прав вследствие состояния здоровья, возрасту, недееспособности или другим уважительным причинам [2].

Не останавливаясь на том, что указанные ограничения не распространяются на ряд нарушенных или оспариваемых прав граждан в некоторых сферах (защита семьи и детства, социальной защиты, охраны здоровья, образования и т.д.) отметим, что данное процессуальное положение содержит большое количество абстрактных элементов. Это не только рождает большое количество дискуссий в научных кругах, обосновывающих теоретические проблемы, но и приносит на практику последовательную проблематику, так как ни прокуроры, аргументирующие в исковых заявлениях своё вмешательство в диспозитивность сторон, ни суды, принимающие такие заявления, не всегда верно и однородно истолковывают эти положения.

Ни гражданским процессуальным законодательством, ни правоприменительной практикой точно не определен перечень понятий «состояние здоровья», «возраст» и «уважительные причины», что предопределяет возможность как слишком широкого, так и слишком узкого трактования настоящей нормы.

Так, например, в законодательстве и практике отсутствуют определенные критерии оценки состояния здоровья человека и гражданина, при которых у него будет отсутствовать фактическая возможность самостоятельно обращаться за защитой своих законных интересов. Отсутствует разъяснения о том, какое состояние здоровья надлежит считать причиной, при которой прокурор имеет право обратиться за защитой прав и свобод. Это состояние, препятствующее обращению за защитой своих прав и законных интересов? Или это состояние, которое может получить негативные потрясения в ходе гражданского судопроизводства? Рассмотрим несколько точек зрения.

Одним из немногих субъектов правоприменения, который попытался определить категории «состояние здоровья» является Рязанский областной суд, который в 2016 году выпустил тематический обзор практики по делам, связанным с обращениями прокурора в суд общей юрисдикции в порядке статьи 45 ГПК РФ [14]. В данном документе было определено, что только хроническая болезнь, которая мешает гражданину в физическом или психоэмоциональном плане, является препятствующей для защиты своих прав и законных интересов. Таковыми, например, являются наличие ребёнка-инвалида либо инвалидность I группы, наличие у гражданина хронического алкоголизма или наркомании. Однако, в свою очередь, как отмечается Ергашевым Е.Р. и Поджаровым Д.А. в судебной практике встречаются дела, в которых суд не рассматривает инвалидность гражданина, как безусловное основание для принятия искового заявления от прокуроров [7].

Исследователи в свою очередь высказывают различные мнения.

Фирсова О.А. высказывает мнение, что прокурор может обратиться с заявлением в защиту законных интересов гражданина в гражданском процессе не только в случае, если последний имеет явные физические или психологические расстройства, но

и при потенциальной возможности нарушения состояния здоровья из-за эмоционально-психологических нагрузок, обусловленных самостоятельным обращением гражданина в суд в рамках гражданского судопроизводства. Это может являться следствием прошедших или существующих факторов (например, беременность, сердечно-сосудистые заболевания и т.д.) [16, с. 9].

Похожие вопросы открываются также при рассмотрении категории «возраст». В данном случае, правоприменителю сложно определить, какие возрастные группы имеют право на прокурорскую защиту их законных интересов.

Во-первых, вызывает проблемы рассмотрение пожилых людей, как подходящих под категорию «возраст». Отсутствует определение того, по достижении какого возраста лицо не может самостоятельно защищать свои законные интересы в гражданском процессе. Фирсова О.А. отмечает, что пожилые относимы к категории «возраст» по причине износа как структуры организма, так и возрастных изменений в психике, что является достаточным препятствием для самостоятельного осуществления права на судебную защиту [16, с. 10]. В свою очередь, отметим, что пожилых людей стоит включать в данную категорию также в случаях, когда сфера общественных отношений, в которых нарушаются их права, непонятна и неизвестна им в силу её новизны.

Во-вторых, возрастной группой, подлежащей защите вследствие возрастных ограничений, являются несовершеннолетние. Здесь отметим, что Борисова В.Ф. и Афанасьев С.Ф. считают, что это лишь дополнительное повторение нормативных оснований для реализации права прокурора обратиться в суд в защиту прав и интересов несовершеннолетнего, так как ребёнок по общему правилу либо недееспособен, либо не обладает дееспособностью в необходимых объемах [4, с.46-47].

Вместе с этим, в гражданском судопроизводстве возникает случаи, когда суды отказывают в принятии искового заявления, поданного прокурором в защиту интересов несовершеннолетнего лица, обосновывая это тем, что у несовершеннолетнего присутствуют законные представители, самостоятельно решающие вопросы судебной защиты [5, с. 230]. Однако, с подобной практикой нельзя согласиться, так как прокурор в заявлении указывает на нарушении прав несовершеннолетнего лица, а не законных представителей, а отсутствие полной дееспособности является безусловным основанием для реализации права прокурора.

Формулировка «другие уважительные причины» имеет ещё более абстрактные трактовки, вследствие чего возникает проблема, связанная с отсутствием единой точки зрения у правоприменителя на то, что считать такими обстоятельствами, при которых человек или гражданин не имеет возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы; на какой круг лиц распространяется право прокурора обращаться в суд за защитой их прав?

Практика признает следующие обстоятельства: низкий уровень имущественной обеспеченности гражданина, его семьи; инвалидность I, II группы; потребность в постоянном уходе за нетрудоспособными членами семьи; удалённость места жительства гражданина от места рассмотрения гражданского дела; природные и техногенные катаклизмы, военные или антитеррористические действия.

Тем не менее, из-за отсутствия унифицированного подхода к понимаю уважительных причин, отсутствует единообразная судебная практика и даже инвалид-

ность I группы не всегда является для судов обстоятельствами, препятствующими гражданину в самостоятельной защите своих прав и интересов.

Рассматривая возможности устранения существующей проблематики, связанной с положениями части 1 ст. 45 ГПК РФ, часть исследователей предлагает изложить в настоящей норме все возможные уважительные причины и сделать данный список исчерпывающим; другие, предлагают и вовсе исключить формулировку «другим уважительным причинам». Однако, ни то, ни другое невозможно, так как решение данной проблематики через указанные варианты исключено, ведь представляется невозможным предусмотреть всё разнообразие возможных ситуаций, при которых лицо по уважительным причинам не сможет защищать свои права и законные интересы. Правильным здесь будет путь, предложенный Китаевой А.В., которая предлагает внести в часть 1 статьи 45 ГПК РФ положение, согласно которому запретить расширительное толкование установленного перечня [11], а в дальнейшем Верховный Суд РФ, в целях обеспечения правильного применения законодательства должен дать необходимые разъяснения.

2. В соответствии с частью 3 статьи 45 ГПК РФ следующей формой участия прокурора является вступление прокурора в гражданский процесс, для дачи заключения по определенным Кодексом и другими федеральными законами делам.

Однако, рядом ученых-цивилистов и практикующих юристов признается, что настоящее положение не в полном объеме отвечает потребностям и ограничениям гражданского процессуального права. Заключение прокурора имеет существенное положение в гражданском судопроизводстве, так как в нём дается правовая оценка гражданской коллизии субъектов и указание на то, какие правовые нормы подлежат применению. При этом, предоставление прокурором заключения по делу может нарушать принцип независимости суда. И такой вывод не кажется из ряда вон выходящим и в правовой доктрине, даже с учётом того, что заключение прокурора выступает некой гарантией защиты прав граждан и организаций. Это аргументируется тем, что заключение прокурора опосредованно влияет не только на ход гражданского разбирательства, но и воздействует на суд.

Заключение прокурора, выполняя функцию надзора за соблюдением законных интересов гражданина, уже не является актуальной формой участия прокурора в гражданском судопроизводстве и нарушает центральные принципы гражданского процессуального права, а именно принципы диспозитивности и состязательности сторон.

3. Согласно части 4 статьи 27 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» «в случае нарушения прав и свобод человека и гражданина, защищаемых в порядке гражданского и административного судопроизводства, когда пострадавший по состоянию здоровья, возрасту или иным причинам не может лично отстаивать в суде свои права и свободы или когда нарушены права и свободы значительного числа граждан либо в силу иных обстоятельств нарушение приобрело особое общественное значение, прокурор предъявляет и поддерживает в суде иск в интересах пострадавших» [1].

Предъявления и поддержание заявления в гражданском судопроизводстве, в случаях, указанных в настоящей статье, исходя из буквального толкования закона, является обязанностью прокурора.

В свою очередь, положения части 1 статьи 45 ГПК РФ определяют, что обращение прокурора с заявлением в защиту законных интересов граждан является его правом. Обязанности прокурора процессуальным законом здесь не установлено.

И на первый взгляд вышеописанная юридическая коллизия представляет собой лишь упущение законодателя. Между тем, на практике могут возникнуть случаи, когда прокуроры, руководствуясь положениями Гражданского процессуального кодекса незаконно откажут гражданам в обращении с заявлением в защиту их прав, свобод и законных интересов

4. Заключение прокурора, как форма его участия в рамках гражданского судопроизводства, имеет ряд пробелов, связанных с теоретическим и практическим моментом реализации заключения прокурора.

Первым делом, стоит отметить, что в гражданском процессуальном законодательстве отсутствует определение понятия «заключение прокурора». Заключение прокурора, хоть и является спорным элементом процессуального статуса прокурора в гражданском судопроизводстве, имеет большое значение, которое заключается в том, что, как указывалось ранее, в нём дается юридическая оценка гражданско-правового конфликта субъектов и рекомендации, связанные с тем, какие нормы подлежат применению в конкретном гражданском деле.

Это детерминирует потребность участников гражданско-процессуальных отношений в юридическом термине, определяющем понятие «заключение прокурора». Таковое, на взгляд авторов, необходимо внести либо в ГПК РФ, либо в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации».

Вместе с этим, отметим то, что в гражданском процессуальном законодательстве не установлены требования к форме заключения прокурора. На практике заключение прокурора может предоставляться суду как в устной, так и письменной форме. Это породило дискуссии в научных кругах о необходимости внесения в ГПК РФ как требований об исключительно письменной форме заключения прокурора, т.е. написание самостоятельного процессуального документа и приобщение его к гражданскому делу, так и положения об отсутствии этого ограничения.

Некоторые исследователи полагают, что внесение в ГПК РФ требований об исключительно письменной форме заключения прокурора неоправданно. И это аргументируется не только тем, что протоколы судебного заседания составляются при рассмотрении каждого гражданского дела, и в них должны заноситься выступления прокурора вместе с заключением, но и тем, что при рассмотрении гражданского дела могут появиться новые обстоятельства и доказательства. Таковое снизит ответственность заключения прокурора [9; с. 8-9]. Следовательно, подготовка нового письменного заключения приведет к затягиванию процесса вследствие отложения судебного разбирательства. Поэтому заключение прокурора излагается суду в устной форме с занесением в протокол судебного заседания [8, с. 52-53].

Сторонники письменной формы заключения прокурора, как например Ергашев Е.Р. привлекает внимание к тому, что письменная форма предполагает более тщательное изучение прокурором материалов дела и уяснение мнения всех участников процесса, выработку собственной позиции по гражданскому делу, что вследствие приведет и к более тщательной подготовке к судебным заседаниям, и к более качественному рассмотрению гражданского дела в общем [6, с. 98-99]. Вместе с этим, заключение прокурора, изложенное в письменной форме, является наиболее пред-

почтительным, поскольку повышает собственную ответственность прокуроров [15, с. 28].

Авторы настоящей статьи считают вторую точку зрения более целесообразной, так как: устное заключение прокурора, может говорить о формальном отношении к участию в судебном заседании; секретарь судебного заседания по различным причинам может фрагментарно отразить содержание устного заключения прокурора; по сложным гражданским делам прокурор, без обстоятельного изучения материалов дела может упустить важные обстоятельства.

5. Исполнение судебных постановлений в рамках гражданского процесса является завершающей стадией. В связи с этим участие прокурора на данной стадии является не только правомерным, но и необходимым. Тем не менее, надзор прокуроров за соблюдением законных интересов граждан в исполнительном производстве должен регулироваться с учетом и гражданско-процессуального права, и законодательства об исполнительном производстве.

В соответствии с частью 2 статьи 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» прокуроры Российской Федерации осуществляют надзор за исполнением законов судебными приставами. В указании Генпрокуратуры РФ от 12.05.2009 г. «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами», предполагается, что в целях восстановления нарушенных прав и законных интересов граждан прокуроры будут применять исчерпывающие меры прокурорского реагирования как к судебным приставам-исполнителям, так и к лицам, не исполняющим их требования [3].

Но, Федеральный закон «Об исполнительном производстве» не предоставляет участникам исполнительного производства регламентацию процессуального положения прокурора в указанном производстве, а указание Генпрокуратуры от 12.05.2009 г., как подзаконный акт, не может в полной мере удовлетворить требования процессуального законодательства, так как надзорные полномочия требуют процессуальных форм их реализации.

Следовательно, для повышения роли прокурора в исполнительном производстве, авторами предлагается: нормативно закрепить участие прокурора в исполнительном производстве и определить процессуальные формы его участия не на подзаконном, а на законном уровне, а именно внести дополнения в Федеральный закон «Об исполнительном производстве»; рассмотреть вопрос о внесении изменений в статью 441 ГПК, Государство стимулирует полное и своевременно исполнение принятых судебных актов и прокуроры будут принимать участие в исполнительном производстве не в интересах его сторон, а только для обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина [12].

Кроме этого, актуальность настоящих предложений подтверждается и статистикой: свыше 149 тыс. нарушений законодательства об исполнительном производстве в деятельности судебных приставов-исполнителей органами прокуратуры выявлено в 2020 году [17].

В российском законодательстве возможности прокурора, предусмотренные в Гражданском процессуальном кодексе РФ достаточно ограничены. И здесь мы можем вспомнить гражданское процессуальное законодательство Республики Беларусь и Республики Казахстан, где прокурор может вступить в любой процесс на

любой стадии защиты прав и интересов как отдельных индивидов, так и неопределенного круга лиц, государства [13, с. 12].

Защита прокурором частного, общественного и государственного интересов требует к себе детального внимания, обсуждения и решения существующей проблематики, так как именно прокуратура может оперативно и эффективно реагировать на возникающие в обществе и государства противоречия, помогать социально-незащищенным гражданам и обеспечить защиту интереса неопределенного круга лиц в различных обстоятельствах.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021): [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ред. от 01.07.2021): [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_39570/
3. Указание Генпрокуратуры РФ от 12.05.2009 N 155/7 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами»: [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92202/
4. Афанасьев С. Ф., Борисова В. Ф. Некоторые проблемы участия прокурора в гражданском судопроизводстве с целью защиты прав и законных интересов других лиц // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 9. С. 46-51.
5. Гадиятова М. В. Проблемы участия прокурора в защиту прав и законных интересов несовершеннолетних в гражданском процессе // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 4А. С. 228-235.
6. Ергашев Е. Р. О проблемах правовой регламентации и применения правовых средств прокурора, участвующего в рассмотрении судами гражданских дел // Российский юридический журнал. 2017. № 3. С. 95-102.
7. Ергашев Е.Р., Поджаров Д.А. О некоторых проблемах участия прокурора в гражданском процессе // Российское право: образование, практика, наука. 2020. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotoryh-problemah-uchastiya-prokurora-v-grazhdanskom-protssesse> (дата обращения: 29.10.2021).
8. Извеков Ю. Н. Заключение прокурора по гражданскому делу // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2016. № 2. С. 51-54.
9. Исаенкова О. В., Григорьев А. Н. Участие прокурора в искомом производстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 3. С. 6-10.
10. Кислова Е.М. Значение участия прокурора в гражданском судопроизводстве (история и современный этап) // Гуманитарные научные исследования. - 2017. - №8 (72). - С. 72-81.
11. Китаева А.В. Актуальные проблемы участия прокурора в гражданском процессе // Инновационная наука. 2016. №3-2 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-uchastiya-prokurora-v-grazhdanskom-protssesse-1> (дата обращения: 31.10.2021).
12. Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Актуальные проблемы участия прокурора в гражданском процессе // Научные итоги года: достижения, проекты, гипотезы. 2014. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-uchastiya-prokurora-v-grazhdanskom-protssesse> (дата обращения: 28.10.2021).
13. Простова В.М., Корулина Ю.В. Проблемы теории и практики участия прокурора в гражданском и арбитражном судопроизводстве. Вестник Академии Генеральной Прокуратуры РФ №2(4) – 2008. С.8-14
14. Слугин А. А. Обзор судебной практики Рязанского областного суда от 06.12.2016 г. по делам, связанным с обращениями прокурора в суд общей юрисдикции в порядке ст. 45 ГПК РФ // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/36043456/> (дата обращения: 29.10.2021).
15. Тетюев С. В. Заключение прокурора в гражданском процессе // Российская юстиция. 2018. № 12. С. 27-28.
16. Фирсова О. А. Состояние здоровья как обоснование предъявления иска прокурором // Законность. 2007. № 2. С. 9-11.
17. «Почти 150 тысяч нарушений выявлено прокурорами в деятельности судебных приставов-исполнителей»: [Электронный ресурс] // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=59778022>

Pelenitsyna M.V., Gordetskiy A.A. Modern problems of participation of the prosecutor in civil legal proceedings // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 175-182.

Article analyzes the modern problems of the prosecutor's participation in civil proceedings and provides a number of proposals for improving the provisions of civil procedural legislation. The problems of Part 1 of Art. 45 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation, associated both with the abstractness of the categories "state of health", "age", "other good reasons", and the problem of a legal conflict between this norm and Part 4 of Art. 27 of the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation". This form of participation of the prosecutor in the civil process, as the conclusion of the prosecutor, is analyzed. There is a lack of proper regulation of the procedural position of the prosecutor in the framework of enforcement proceedings.

Keywords: prosecutor's office; the prosecutor; civil litigation; civil process; forms of participation; the conclusion of the prosecutor; legal conflict; executive production.

Spisok literatury:

1. Federalnyy zakon ot 17.01.1992 N 2202-1 «O prokurature Rossiyskoy Federatsii» (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.09.2021): [Elektronnyy resurs] // SPS KonsultantPlyus URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/
2. Grazhdanskiy protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii (red. ot 01.07.2021): [Elektronnyy resurs] // SPS KonsultantPlyus URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_39570/
3. Ukazaniye Genprokuratury RF ot 12.05.2009 N 155/7 «Ob organizatsii prokurorskogo nadzora za ispolneniyem zakonov sudebnymi pristavami»: [Elektronnyy resurs] // SPS KonsultantPlyus URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92202/
4. Afanasyev S. F., Borisova V. F. Nekotoryye problemy uchastiya prokurora v grazhdanskom sudoproizvodstve s tselyu zashchity prav i zakonnykh interesov drugikh lits // Zakony Rossii: opyt. analiz. praktika. 2012. № 9. S. 46-51.
5. Gadiyatova M. V. Problemy uchastiya prokurora v zashchitu prav i zakonnykh interesov nesovershennoletnikh v grazhdanskom protsesse // Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. 2019. T. 9. № 4A. S. 228-235.
6. Ergashev E. R. O problemakh pravovoy reglamentatsii i primeneniya pravovykh sredstv prokurora. uchastvuyushchego v rassmotrenii sudami grazhdanskikh del // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. 2017. № 3. S. 95-102.
7. Ergashev E.R., Podzharov D.A. O nekotorykh problemakh uchastiya prokurora v grazhdanskom protsesse // Rossiyskoye pravo: obrazovaniye. praktika. nauka. 2020. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotorykh-problemah-uchastiya-prokurora-v-grazhdanskom-protsesse> (data obrashcheniya: 29.10.2021).
8. Izvekov Yu. N. Zaklyucheniye prokurora po grazhdanskomu delu // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2016. № 2. S. 51-54.
9. Isayenkova O. V., Grigoryev A. N. Uchastiye prokurora v iskovom proizvodstve // Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess. 2008. № 3. S. 6-10.
10. Kislova E.M. Znachenkiye uchastiya prokurora v grazhdanskom sudoproizvodstve (istoriya i sovremennyy etap) // Gumanitarnyye nauchnyye issledovaniya. - 2017. - №8 (72). - S. 72-81.
11. Kitayeva A.V. Aktualnyye problemy uchastiya prokurora v grazhdanskom protsesse // Innovatsionnaya nauka. 2016. №3-2 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-uchastiya-prokurora-v-grazhdanskom-protsesse-1> (data obrashcheniya: 31.10.2021).
12. Novikov A.V., Slabkaya D.N. Aktualnyye problemy uchastiya prokurora v grazhdanskom protsesse // Nauchnyye itogi goda: dostizheniya. proyekty. gipotezy. 2014. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-uchastiya-prokurora-v-grazhdanskom-protsesse> (data obrashcheniya: 28.10.2021).
13. Prostova V.M., Korulina Yu.V., Problemy teorii i praktiki uchastiya prokurora v grazhdanskom i arbitrazhnom sudoproizvodstve. Vestnik Akademii Generalnoy Prokuratury RF №2(4) – 2008. С. 8-14
14. Slugin A. A. Obzor sudebnoy praktiki Ryazanskogo oblastnogo suda ot 06.12.2016 g. po delam. svyazannym s obrashcheniyami prokurora v sud obshchey yurisdiksiy v poryadke st. 45 GPK RF // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/36043456/> (data obrashcheniya: 29.10.2021).
15. Tetyuyev S. V. Zaklyucheniye prokurora v grazhdanskom protsesse // Rossiyskaya yustitsiya. 2018. № 12. S. 27-28.
16. Firsova O. A. Sostoyaniye zdorovia kak obosnovaniye predyavleniya iska prokurorom // Zakonnost. 2007. № 2. S. 9-11.
17. «Pochti 150 tisyach narusheniy vyyavleno prokurorami v deyatelnosti sudebnykh pristavov-ispolniteley»: [Elektronnyy resurs] // Ofitsialnyy sayt Generalnoy prokuratury Rossiyskoy Federatsii URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=59778022>

УДК 347.113

ПРИМЕНЕНИЕ ОБЩИХ ПОЛОЖЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА ОБ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ К ОТНОШЕНИЯМ ПО ПОВОДУ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА

Плиева Н. Г.

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

В статье излагаются результаты исследования проблемы применения общих положений об обязательствах к отношениям по поводу возмещения вреда. Обращается внимание на то обстоятельство, что ст. 307.1 ГК предусматривает такое применение, но не содержит правила о возможности применения к таким отношениям общих положений о договорах, что нельзя признать правильным. Обосновывается вывод о том, что к обязательствам вследствие причинения вреда не может применяться п. 3 ст. 401 ГК вследствие наличия в этом пункте оговорки «если иное не предусмотрено законом». Показывается возможность применения к обязательствам вследствие причинения вреда ст. 381 ГК по причине наличия в ст. 1091 ГК содержательных дефектов, исключающих возможность ее применения. Обосновывается возможность толкования понятия причинной связи, которое используется при формулировании общих положений об обязательствах, с учетом того понимания причинной связи, которое вытекает из ст. 1079 и 1080 ГК.

Ключевые слова: возмещение вреда, системные связи, вина, обязательства, правовые нормы, причинная связь.

Проблема применение общих положений Гражданского кодекса об обязательствах к отношениям по поводу возмещения вреда имеет важное значение для защиты имущественных прав и интересов как лиц, чьи права нарушены и которые получают право на возмещение причиненного им вреда, так и лиц, обязанных такой вред возместить. Можно утверждать также, что надлежащее решение вопросов, связанных с применением общих положений об обязательствах к отношениям по поводу возмещения вреда имеет существенное значение для защиты гражданского оборота в целом. Теоретические основы для защиты такой оптимизации призвана создать наука гражданского права. Однако исследования правового регулирования отношений по поводу возмещения вреда ведутся во много раз менее интенсивно, чем, например, исследование договорных обязательств. Что касается проблемы, которая поставлена и рассматривается в настоящей статье, то она вообще остается за пределами внимания науки гражданского права. А законодательная и правоприменительная практика решает соответствующие проблемы во многом интуитивно, без опоры на науку. С учетом изложенного тема настоящей статьи должна быть признана актуальной.

Хотя специально проблема системных связей положений института обязательств вследствие причинения вреда и общих положений не исследовалась, методологические основы для ее исследования созданы научными исследованиями Т.М. Яблочкова, К.М. Варшавского, С.А. Беляцкина, А.С. Кривцова, К.К. Яичкова, Х.И. Шварца, М.М. Агаркова, О.С. Иоффе, Н.С. Малеина, Е.А. Флейшиц, В.Г. Смирнова, А.А. Собчака, Г.К. Матвеева, Б.С. Антимонова и других ученых.

Структура Гражданского кодекса позволяет распространить на обязательства вследствие причинения вреда действие положений общей части обязательственного

права, то есть общих положений об обязательствах (ст. 307-319 ГК) и общих положений о договорах (ст. 420-453 ГК). О возможности такого распространения свидетельствуют указания в п.2 ст. 307 ГК на возникновение обязательств вследствие причинения вреда, в абзаце втором ст. 411 ГК указывается на недопустимость перехода к другому лицу требований о возмещении вреда и на недопустимость зачета требований о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью, Законодатель, однако, решил внести большую определенность в соответствующее правовое регулирование и при внесении изменений и дополнений в Гражданский кодекс Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ установил, что к «обязательствам вследствие причинения вреда и к обязательствам вследствие неосновательного обогащения общие положения об обязательствах (настоящий подраздел) применяются, если иное не предусмотрено правилами глав 59 и 60 настоящего Кодекса или не вытекает из существа соответствующих отношений» (п. 2 ст. 307.1 ГК). Действуя таким образом, законодатель подтвердил то, что до этого лишь вытекало из структуры Гражданского кодекса: сделал явное еще более явным. Исследования проблемы целесообразности такого метода правотворчества выходит за пределы темы настоящей статьи. Они, очевидно, должны вестись в русле общих исследований проблем юридической техники, опыт которых в отечественной юридической науке накапливается [1; 2].

Но здесь следует обратить внимание на ту долю неясности, которую внес в обязательственное право п.1 ст. 307.1 ГК: предусмотрев возможность применения к обязательствам вследствие причинения вреда общих положений об обязательствах, то есть положений подраздела 1 раздела III Гражданского кодекса, законодатель исключил применение к обязательствам вследствие причинения вреда общих положений о договоре, содержащихся в подразделе 2 раздела III Гражданского кодекса (вывод *a contrario* из п. 2 ст. 307.1 ГК). Такой вывод, как утверждает в одном из исследований, судебная практика (начиная от практики Конституционного Суда) использует фактически, хотя ни разу не признала возможность такого использования в виде общей на этот счет правовой позиции [3, с.307-312]. Но наука признает такой вывод как средство правотолкования и вообще [4, с. 305-312; 5, с.157-159] и при разрешении конкретных коллизий [6, с.129-132], хотя последнее и случается нечасто.

Таким образом, имеется правовая норма, которая текстуально нигде не формулируется, но логически в п. 2 ст. 307.1 ГК закреплена. При толковании эта правовая норма обнаруживается при помощи вывода от противоположного (от противного, от обратного). Обилие русскоязычных терминов заставляет использовать латинское выражение «*a contrario*». Следовательно, правовая норма, которая не допускает применения к обязательствам вследствие причинения вреда положений подраздела 2 раздела III (ст. 420-453) Гражданского кодекса в гражданском праве имеется. Надо только разобраться, как ее применять. Утверждается, что, по общему правилу, такие правовые нормы не способны к конкуренции с другими правовыми нормами того же иерархического уровня [3, с.326]. Очевидно, тем более – с правовыми нормами высшего иерархического уровня. Но при отсутствии такой конкуренции рассматриваемые правовые нормы применению подлежат. Следовательно, подлежат применению и правовая норма, которая логически закреплена в п. 2 ст. 307.1 ГК, обнаруживается при толковании при помощи вывода *a contrario* и в соответствии с которой

общие положения о договорах к обязательствам вследствие причинения вреда применяться не могут. Впрочем, проблему поиска конкурирующей нормы нельзя считать решенной. Такой поиск можно продолжить, прежде всего, в законодательном массиве, который касается свободы договора (и принципа, и конкретной правовой нормы).

Но если решение рассматриваемой проблемы представляется сложным *de lege lata*, то *de lege ferenda* такое решение сложности не представляет: сторонам обязательства вследствие причинения вреда, конечно же, надо законом предоставить право заключать договоры о размере, условиях в том числе о сроках, способах возмещения вреда. Если потерпевшим (кредитором) в таком обязательстве является гражданин, то надо было бы установить специальную правовую норму, содержание которой следовало бы позаимствовать из ст. 16 Закона «О защите прав потребителей»: такие договоры в части ухудшения положения потерпевших по сравнению с законом должны признаваться недействительными (ничтожными).

Что касается обязательств вследствие причинения вреда, сторонами которых являются юридические лица, то очень трудно найти аргументы против того, чтобы им не было предоставлено право заключать договоры рассматриваемого рода. Если возникнут опасения по поводу налогово-правовых последствий такого рода соглашений, то для целей налогообложения можно было соответствующие показатели брать исходя из размеров и порядка возмещения вреда, установленных законом. Установление законодательных положений, разрешающих договорное определение размера и условий возмещения вреда, является целесообразным с учетом, например, разрешения сторонам залоговых правоотношений, возникших на основании закона (на основании обстоятельств, предусмотренных законом), заключать соглашения, имеющие юридическую силу для их сторон (п.3 ст. 334.1 ГК).

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в п.2 ст. 307.1 ГК после слов «общие положения об обязательствах» законодатель в скобках сделал уточнение «настоящий подраздел» (применяется к обязательствам вследствие причинения вреда). Это означает, что к обязательствам вследствие причинения вреда применяются не только положения собственно об обязательствах, но и положения подраздела 1 раздела III Гражданского кодекса, касающиеся оснований возникновения обязательств (поскольку в этом подразделе содержатся многочисленные правила на этот счет). Это, в частности, дает основание применять к обязательствам вследствие причинения вреда положение абзаца второго п. 1 ст. 401 ГК, в соответствии с которым «лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства». Разумеется, эта правовая норма для целей применения главы 59 Гражданского кодекса в части ее гипотезы подлежит уточнению: речь в этом случае должна идти о той степени заботливости и осмотрительности, которая требовалась от лица по обстоятельствам, при которых был причинен вред. Да и все меры, которые должно принять лицо, должны быть направлены на предотвращение вреда. С учетом этих уточнений положение абзаца второго п. 1 ст. 401 ГК является вполне применимым к обязательствам вследствие причинения вреда.

Связь положений Гражданского кодекса об основаниях ответственности за нарушение обязательств и положений об основаниях возникновения обязательств

вследствие причинения вреда как одна из проблем применения общих положений об обязательствах к отношениям, регулируемым институтом обязательств вследствие причинения вреда вызывает особый интерес. На такую связь указывают уже заглавия ст. 401 ГК («основания ответственности за нарушение обязательства») и ст. 1064 ГК («основания ответственности за причинение вреда»).

Нельзя не заметить разницы в содержании этих статей: если в ст. 401 ГК речь идет только о вине как основании ответственности, то в ст. 1064 ГК вина понимается как одно из оснований ответственности за причиненный вред, хотя в заглавиях обеих статей слово «основания» употребляется во множественном числе. Эта проблема решается в аспекте *de lege ferenda* довольно просто: ст. 401 ГК надо озаглавить несколько иначе (например, «вина, как одно из оснований ответственности за нарушение обязательства»), а еще лучше «вина, как одно из условий ответственности за нарушение обязательства», имея виду, что совокупность соответствующих условий будет составлять основание ответственности. Слово «основание» при этом будет употребляться в единственном числе). Ст. 1064 ГК также следует озаглавить иначе (например, «основание возникновения обязательств вследствие причинения вреда»), имея виду, что это основание будет составлять та же совокупность условий, которая составляет основание ответственности за нарушение обязательства).

Правоприменительные вопросы соотношения между рассматриваемыми законодательными положениями являются гораздо более сложными. По своему содержанию статьи 401 и 1064 ГК находятся в состоянии гораздо большего противоречия, чем их заглавия. Если попытаться выйти к истокам этого противоречия, то можно заметить следующее. Ст. 444 ГК 1964 г. содержала в части вины как условия возникновения обязательств вследствие причинения вреда то же положение, что и ст. 222 ГК 1964 г. применительно к общим основаниям об обязательствах. В ст. 401 ГК, первая часть которого была принята в 1994 г., условие о вине как элементе основания ответственности за нарушение обязательства было изложено в двух правовых нормах. Общая правовая норма, признающая вину условием ответственности за нарушение обязательства, была изложена в положении п. 1 ст. 401 ГК. Специальная правовая норма была закреплена в п. 3 ст. 401 ГК. Ее действие распространяется на случаи нарушения обязательств при осуществлении предпринимательской деятельности. В этих случаях должник несет ответственность не только при наличии вины, но и при отсутствии вины. Он освобождается от ответственности только при условии, если докажет, что нарушение обязательства явилось следствием действия непреодолимой силы. Таким образом, сфера ответственности должника, нарушившего обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, была расширена: теперь такой должник отвечает и за безвиновное (случайное, не охватываемое непреодолимой силой) нарушение обязательства. Это актуализировало и проблему соотношения понятий случая и непреодолимой силы, что, однако, выходит за пределы темы настоящей статьи.

Отсутствие в п. 2 ст. 1064 ГК РФ решения вопроса о дифференциации основания ответственности за причиненный вред по критерию характера деятельности причинителя вреда при причинении вреда (предпринимательская и иная деятельность) в какой-то мере было компенсировано содержащейся в этом законодательном положении оговоркой «законом может быть предусмотрено возмещение вреда и при отсутствии вины». Этим не только была устранена коллизия между п. 2 ст. 1064 ГК, с

одной стороны, и ст. 1070, 1079 и другими статьями главы 59 ГК, которые предусматривают случаи безвиновной ответственности за причиненный вред, – с другой, но и был внесен вклад в придание коллизии между п. 3 ст. 401 ГК и п. 2 ст. 1064 ГК характера неразрешимой при наличном уровне правотолкования (в его практических и теоретических аспектах).

Суть проблемы заключается в определении тех правовых норм, к которым отсылают оговорки «законом может быть предусмотрено возмещение вреда и при отсутствии вины» или другие аналогичные по своему юридическому содержанию оговорки. То, что эта оговорка в п. 2 ст. 1064 ГК отсылает к специальным правовым нормам, установленным ст. 1070, 1079, 1100 и некоторыми другими статьями Гражданского кодекса, не должно вызывать дискуссий. И применительно к этим правовым нормам рассматриваемая оговорка вообще не имеет существенного значения, поскольку правило «*lex specialis derogat generali*» действует независимо от наличия в законодательном положении, устанавливающем общую норму, оговорки о ее неприменении при наличии не совместимой с нею специальной правовой нормы. Существенно решение другого вопроса: отсылает ли оговорка, содержащаяся в п. 2 ст. 1064 ГК и допускающая возникновение обязательств вследствие причинения вреда при отсутствии вины причинителя вреда, к п. 3 ст. 401 ГК, которая в соответствующей части допускает ответственность за безвиновное нарушение. Но, несмотря на существенность этого вопроса, и наука гражданского права не проявляет готовности к разрешению подобного рода вопросов, и судебная практика оказывается не вполне готовой к разрешению подобного рода коллизий. Так, сравнивая правовой режим договорной и деликтной ответственности, Т.В. Драгунова пишет, что «в отношении предпринимательских договоров действует особое правило, предусматривающее, что презумпция вины может быть опровергнута исключительно ссылкой на действие непреодолимой силы...» [7]. Но при этом вообще не ставится вопрос о возможности (или невозможности) применения п.3 ст. 401 ГК к деликтным обязательствам.

С.А. Сеницын несколько приближается к рассматриваемой проблеме, но его суждения имеют противоречивый характер: «Объем регулирования нормы ст. 401 ГК РФ изначально не распространен на случаи внедоговорной ответственности лиц, не участвующих в обязательстве в качестве его сторон, что одновременно не исключает их гражданско-правовой ответственности за причинённые их противоправными действиями убытки по правилам о деликтной ответственности» [8, с. 495]. Наличие в тексте слова «изначально» дает основание ожидать, что в дальнейшем будет показано и доказано, что в силу дополнительных каких-то обстоятельств такое распространение становится возможным. Однако в дальнейшем автор ведет речь не о возможности распространения ст. 401 ГК на отношения по поводу возмещения вреда, а о том, что изначально нераспространение ст. 401 ГК на указанные отношения не исключает ответственности за «убытки» по иным правилам (о деликтной ответственности). Выходит, что вред возмещается по собственным правилам о деликтной ответственности (без применения ст. 401 ГК). Поскольку это утверждение надлежаще не аргументировано, то попробуем разрешить этот вопрос.

Начнем с судебной практики и с предложенного высшей судебной инстанцией варианта разрешения коллизии между п. 1 ст. 308.3 и ст. 397 ГК. Эта коллизия аналогична той, которая существует между п. 3 ст. 401 ГК и п. 2 ст.1064 ГК. В случае,

если будет сделан вывод о логической приемлемости способа разрешения коллизии между п. 1 ст. 308.3 и ст. 398 ГК, который использовал Верховный Суд, этот способ следует применить и к разрешению коллизии между п. 1 ст. 401 ГК и п. 2 ст. 1064 ГК. П. 1 ст. 308.3 ГК общей нормой предоставляет кредитору возможность защиты своего нарушенного права путем предъявления требования о понуждении должника к исполнению обязательства в натуре. Специальная норма, закрепленная в ст. 397 ГК, такого способа защиты права в предусмотренных этой статьей случаях не предусматривает. Пленум Верховного Суда в п. 25 Постановления от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса об ответственности за нарушение обязательств» пришел к выводу о том, что ст. 397 ГК не исключает применения ст. 308.3 ГК. Однако данное разъяснение не в полной мере соответствует логике взаимоотношений между рассматриваемыми правовыми нормами и законодательными положениями.

Суть проблемы в том, что оба эти законодательные положения содержат оговорки «если иное не установлено законом». Такая оговорка, дополняющая общую правовую норму, предусмотренную ст. 308.3 ГК, конечно же, отсылает к специальной правовой норме, установленной ст. 397 ГК. Но такая же оговорка, дополняющая специальную правовую норму, установленную ст. 397 ГК, не может отсылать к общей правовой норме. В противном случае для специальной правовой нормы предмета правового регулирования не остается (весь он «уйдет» в предмет правового регулирования общей нормы). Напротив, оговорка «если иное не установлено законом», дополняющая общую норму, «отдает» в сферу регулирования специальной правовой нормы только часть своего предмета, оставляя за собой только ту часть предмета своего регулирования, которая не «ушла» в предмет регулирования специальных правовых норм.

Аналогично соотносятся и правовые нормы, установленные п. 3 ст. 401 ГК и п. 2 ст. 1064 ГК. Первое из названных законодательных положений устанавливает общую правовую норму, второе – специальную правовую норму. Оба эти положения содержат юридически тождественные, но изложенные в разной грамматической форме оговорки «если иное не предусмотрено законом». Оговорка, которой дополнена общая правовая норма, установленная п. 3 ст. 401 ГК, отсылает, в частности, к п. 2 ст. 1064 ГК. Оговорка, которой дополнена специальная правовая норма, установленная п. 2 ст. 1064 ГК, к общей правовой норме не отсылает. Следовательно, несмотря на то, что п. 2 ст. 307.1 ГК предусматривает применение к обязательствам вследствие причинения вреда общих положений об обязательствах, п. 3 ст. 401 ГК к обязательствам вследствие причинения вреда применяться не может: лица, которые причинили вред другим лицам при осуществлении предпринимательской деятельности, обязуются к возмещению вреда только при наличии их вины, если только иное не установлено правовыми нормами, которые являются специальными по отношению к правовой норме, установленной п. 2 ст. 1064 ГК.

В научной литературе и судебной практике не всегда учитывается возможность применения к обязательствам вследствие причинения вреда общих положений об обязательствах. Так, в апелляционном определении Воронежского областного суда от 05 июля 2014 г. № 33-3755/2014 повторяется фрагмент мотивировочной части решения суда первой инстанции, в котором воспроизводится содержание ст. 1091 ГК. Между тем, в данном случае имеется коллизия между специальной правовой

нормой, которая установлена в ст. 1091 ГК и распространяется на случаи, когда в субъекте Российской Федерации не установлена величина прожиточного минимума, подлежащая использованию при индексации размера возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью потерпевшего, и общей правовой нормой, установленной ст. 318 ГК. Уникальность этой коллизии обусловлена тем, что указанная специальная правовая норма на случай невозможности индексации размера возмещения вреда в соответствии с величиной прожиточного минимума в субъекте Федерации в связи с отсутствием в данном субъекте такой величины устанавливает, что сумма возмещения вреда «должна быть не менее установленного в соответствии с законом величины прожиточного минимума на душу населения в целом по Российской Федерации». Начав текст ст. 1091 ГК с индексации и ее критериев, законодатель в конце статьи установил минимальный размер суммы возмещения без какой-либо связи с первоначально установленным размером возмещения и показателями, на основании которых он был определен. Таким образом, это правило вообще не касается индексации размера возмещения, а потому и не исключает применения общей правовой нормы, установленной ст. 318 ГК, к обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью потерпевшего. Это уникальный случай, когда специальная правовая норма, которая должна применяться преимущественно перед общей и в силу правила «*lex specialis derogat generali*» и в силу указания закона (п.2 ст. 307.1 ГК), все-таки в конечном счете оказывается неспособной конкурировать с общей правовой нормой ввиду отсутствия у специальной правовой нормы необходимых признаков для ее включения в систему правового регулирования соответствующих отношений.

К обязательствам вследствие причинения вреда могут применяться другие многочисленные нормы, установленные подразделом 1 раздела III Гражданского кодекса. Но важно обратить внимание и на то, что есть и такие случаи, когда при применении общих положений об обязательствах необходимо учитывать положения института обязательств вследствие причинения вреда. Так, в соответствии с п.1 ст. 404 ГК, «если неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства произошло по вине обеих сторон, суд соответственно уменьшает размер ответственности должника». В.В. Байбак поставил вопрос о том, как же следует интерпретировать оценочный термин «соответственно», и со ссылкой на одно из определений Коллегии по экономическим спорам Верховного Суда утверждает, что слово «соответственно» должно толковаться как в зависимости формы вины каждой их сторон, и дополняет, что «этот подход во многом основан на аналогии с деликтной ответственностью» и ссылается на п.2 ст. 1083 ГК [9, с. 716]. Применение аналогии закона в данном случае противоречило бы п.1 ст. 6 ГК, поскольку нет неурегулированности общественных отношений. Но учитывать при толковании п. 1 ст. 404 ГК то понимание критерия уменьшения размера ответственности, которая вытекает из п. 2 ст. 1083 ГК, возможно, и было бы разумным (наши сомнения на этот счет связаны с возможностью учета другого критерия, которым могла бы быть мера причинения).

Особенно важно учитывать положения института обязательств вследствие причинения вреда при применении общих положений об обязательствах, предполагающих учет причинной связи. В ст. 393 ГК и в других общих положениях об обязательствах (ст. 404, 405, 406 ГК) указывается на возмещение «причиненных» убытков, но при этом не содержится каких-либо разъяснений относительно того, какие

же убытки следует считать «причиненными». Научная литература изобилует концепциями причинной связи, но при этом не дает каких-либо разъяснений относительно того, как же законодатель понимает причинную связь. А законодатель отвергает саму идею перерыва причинной связи, которая разрабатывалась и обосновывалась в немецкой юридической литературе в XIX веке и оказывается не забытой и сегодня в России.

Так, в соответствии с п.2 ст. 1079 ГК при наличии вины владельца источника повышенной опасности в противоправном изъятии этого источника из его обладания ответственность может быть возложена как на владельца, так и на лицо, противоправно завладевшее источником повышенной опасности. Казалось бы, противоправное завладение источником повышенной опасности должно прерывать причинную связь между действиями (бездействием) владельца источника повышенной опасности и тем вредом, который возникает после противоправного изъятия этого источника из обладания его законного владельца, поскольку лицо, противоправно завладевшее названным источником, должно само нести ответственность за последствия, возникшие в ходе дальнейшей эксплуатации указанного источника. Но законодатель решил иначе: он допустил частичное возложение ответственности за эти последствия на владельца источника повышенной ответственности, и, таким образом, признал, что есть причинная связь между действиями (бездействием) владельца этого источника и вредом, возникшим в результате эксплуатации источника повышенной опасности после его противозаконного изъятия, что причинная связь не прерывалась. Тем самым законодатель выразил свое понимание причинной связи, которое должно учитываться при применении не только ст. 1079 ГК, но и общих положений об обязательствах, в особенности ст. 393 ГК, регулирующей отношения по поводу возмещения убытков, причиненных нарушением обязательства. И эта позиция законодателя имеет глубокие корни: еще до принятия Гражданского кодекса 1964 г. Верховный Суд СССР выработал правовую позицию, которая аналогична содержанию рассматриваемого положения предложения третьего п.2 ст. 1079 действующего Гражданского кодекса Российской Федерации. Аналогичное понимание причинной связи вытекает из части третьей ст. 1080 ГК.

Поэтому судебная практика, подчиняясь воле законодателя, уже давно должна была бы при применении ст. 393 ГК и других законодательных положений, предполагающих учет причинной связи, принять во внимание то понимание причинной связи, которое вытекает из ст. 1079 и 1080 ГК. Что касается научных поисков, то они могут обосновывать любые концепции причинной связи только тогда, когда речь идет о сугубо теоретических аспектах или об обосновании предложений *de lege ferenda*. Если же научные исследования ведутся в пределах правоприменительной проблематики, то они также должны учитывать то понятие причинной связи, которое вытекает из ст. 1079 и 1080 ГК и которое имеет общее значение, выходящее за рамки института обязательств вследствие причинения вреда.

Дальнейшее научное исследование проблемы применения общих положений Гражданского кодекса об обязательствах к отношениям, регулируемым институтом обязательств вследствие причинения вреда может выявить много новых аспектов таких связей. Это будет способствовать развитию науки гражданского права, совершенствованию практики правоприменения и подготовит почву для дальнейшего совершенствования гражданского законодательства России.

Список литературы:

1. Юридическая техника: учебник/ Под ред. В.М. Баранова. – М.: Проспект, 2021. – 648с.
2. Краснов Ю.К., Надвикова В.В., Шкатулла В.И. Юридическая техника: учебник. – М.: Юстицинформ, 2014. – 536 с.
3. Новейшее учение о толковании права/ Под ред. В.Г. Ротаня. – Симферополь, 2019. – 782 с.
4. Васильковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. – М.: ЦентрЮрИнфоР, 2002. – 508 с.
5. Черданцев А.Ф. Толкование права и договора. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 381с.
6. Перетерский И.С. Толкование международных договоров. – М.: Госюриздат, 1959. – 172 с.
7. Драгунова Т.В. Конкуренция договорных и деликтных требований в сфере предпринимательских отношений// СПС «КонсультантПлюс».
8. Синицын С.А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах. Дисс... доктора юрид. наук. – М., 2017. – 604 с.
9. Обязательственное и договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307-453 Гражданского Кодекса Российской Федерации/ Под ред. А.Г. Карапетова. – М.: Статут, 2017. – 1120 с.

N. Plieva. Application of the general provisions of the Civil Code on obligations to relations regarding compensation for harm // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 183-191.

The article presents the results of a study of the problem of applying general provisions on obligations to relations regarding compensation for harm. Attention is drawn to the fact that Article 307.1 of the Civil Code provides for such application, but does not contain a rule on the possibility of applying general provisions on contracts to such relations, which cannot be considered correct. The conclusion is substantiated that paragraph 3 of Article 401 of the Civil Code cannot be applied to obligations as a result of causing harm due to the presence of a clause in this paragraph "unless otherwise provided by law". There is shown the possibility of applying the Article 381 of the Civil Code to obligations as a result of causing harm due to the presence in the Article 1091 of the Civil Code such substantive defects precluding the possibility of its application. The possibility of interpreting the concept of causality, which is used in the formulation of general provisions on obligations is substantiated, considering that understanding of causality that follows from Articles 1079 and 1080 of the Civil Code.

Keywords: compensation for harm, systemic relations, guilt, obligations, legal norms, causality

Spisok literaturyi:

1. Yuridicheskaya tehnika: uchebnik/ Pod red. V.M. Baranova. – M.: Prospekt, 2021. – 648 s.
2. Krasnov Yu.K., Nadvikova V.V., Shkatulla V.I. Yuridicheskaya tehnika: uchebnik. – M.: Yustitsinform, 2014. – 536 s.
3. Noveyshee uchenie o tolkovanii prava/ Pod red. V.G. Rotanya. – Simferopol, 2019. – 782 s.
4. Vaskovskiy E.V. Tsivilisticheskaya metodologiya. Uchenie o tolkovanii i primenении grazhdanskih zakonov. – M.: TsentrYurInfoR, 2002. – 508 s.
5. Cherdantsev A.F. Tolkovanie prava i dogovora. – M.: YuNITI-DANA, 2003. – 381s.
6. Pereterskiy I.S. Tolkovanie mezhdunarodnyih dogovorov. – M.: Gosyurizdat, 1959. – 172 s.
7. Dragunova T.V. Konkurentsiya dogovornyih i deliktnyih trebovaniy v sfere predprinimatelskih otnosheniy// SPS «KonsultantPlyus»
8. Sinicyн S.A. Obshchee uchenie ob absol'yutnyh i otnositel'nyh sub"ektivnyh grazhdanskih pravah. Diss... doktora yurid. nauk. – M., 2017. – 604 s.
9. Obyazatel'stvennoe i dogovornoe pravo (obshhaya chast'): postatejny'j kommentarij k stat'yam 307-453 Grazhdanskogo Kodeksa Rossijskoj Federaczi/ Pod red. A.G. Karapetova. – M.: Statut, 2017. – 1120 s.

УДК 349.3

КОДИФИКАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СОЦИАЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ: PRO ET CONTRA

Попов С. В., Кручек И. В., Агашева И. П.

Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье рассматривается актуальный в теоретическом смысле и в практическом понимании вопрос о необходимости кодификации законодательства о социальном обеспечении. Право социального обеспечения является одной из самых сложных и динамично развивающихся отраслей права. Нормативные правовые акты в сфере социального обеспечения представляют собой несистематизированный правовой массив, результативные попытки кодификации которого в Российской Федерации не предпринимались. Сегодня необходимость кодификации норм о социальном обеспечении, как одной из форм систематизации и правотворчества, очевидна для ученых и специалистов в этой области. Между тем по ряду вопросов, в том числе о форме кодификационного акта, о виде кодификации, о сроках и этапах ее проведения общая позиция не выработана.

Проанализированы теоретические и практические проблемы, связанные с отсутствием кодифицированного источника в указанной области правового регулирования, изучен зарубежный опыт систематизации социально-обеспечительного законодательства и опыт кодификации законодательства о социальном обеспечении регионального уровня, накопленный в ряде субъектов Российской Федерации.

Авторы приходят к выводу, что проведение единой отраслевой кодификации норм, содержащихся в федеральном законодательстве о социальном обеспечении, является своевременным в связи с тем, что разработка единого закона позволит достичь структурного и содержательного упорядочивания правовых норм, а значит упростить правоприменение в указанной сфере. Аргументирована точка зрения, в соответствии с которой приоритетной формой кодифицированного акта в сфере нормативного регулирования социального обеспечения является Кодекс законодательства о социальном обеспечении Российской Федерации.

Ключевые слова: социальное обеспечение, правовая культура, кодификация, законодательство о социальном обеспечении, социальный кодекс, цели кодификации, региональные кодексы социального обеспечения, социальная поддержка.

За всю историю существования российского законодательства о социальном обеспечении попытки его кодификации никогда не предпринимались.

Основы социального обеспечения закреплены в ряде конституционных норм. Основным же источником правового регулирования социально-обеспечительных правоотношений являются законы. В них выражены цели, задачи, суть социального обеспечения, закреплено право граждан на основные виды социального обеспечения и предложен механизм реализации такого права.

Учитывая сложившийся в общественном и профессиональном сознании стереотип о том, что такие источники правовых норм, как кодексы и иные кодифицированные акты, принимаются для регулирования наиболее значимых для государства сфер общественной жизни, наличие кодифицированного акта становится своего рода показателем включения той или иной области правового регулирования в число приоритетных, и, предположительно, свидетельствует о повышенной общественной заинтересованности в отрасли, а значит повышенной ответственности государства за ее состояние и развитие.

Ввиду отсутствия единого кодифицированного акта в сфере регулирования социально-обеспечительных отношений, а также по причине отсутствия планов по его разработке, в социуме, да и в профессиональной среде, складывается отношение к праву социального обеспечения как к «непрестижной», «неприоритетной» отрасли права. Между тем, процессы конвергенции национального и международного законодательства о социальном обеспечении, его ориентированность на международные стандарты в данной сфере убедительно свидетельствуют о социальной направленности отечественной правовой политики. Указанное несоответствие не является единственной причиной для принятия решения о систематизации отрасли. Первоочередной причиной является гарантированность надлежащего правоприменения.

Система источников права социального обеспечения, которая сформировалась в период с девяностых годов XX в. по первые десятилетия XXI в., фактически установив многоуровневость социального обеспечения, а также изменения, произошедшие в организационно-правовых формах и системе финансирования социального обеспечения, увеличила число органов, уполномоченных принимать нормативные акты в сфере социального обеспечения. Кроме Министерства труда и социальной защиты РФ – федерального органа, наделенного полномочиями в сфере социального обеспечения, – ряд федеральных министерств, компетенция которых охватывает иные сферы, также получили определенные полномочия по регулированию вопросов социального обеспечения. Как отмечалось выше, законы в праве социального обеспечения призваны урегулировать наиболее важные отношения. В связи с этим достаточно широка компетенция органов исполнительной власти всех уровней по реализации и развитию положений федеральных и региональных законов, и, в первую очередь, приведение в действие социально-обеспечительных процедур. Объем ведомственного нормотворчества увеличился до такой степени, что в научных публикациях стало нередко встречаться выражение «ведомственный беспредел», как элемент характеристики социально-обеспечительного законодательства [1, с. 142].

Значение высокой динамики развития права социального обеспечения в течение постсоциалистического этапа, как детерминанты кризиса социально-обеспечительного законодательства, при всей своей обоснованности представляется несколько преувеличенным. В условиях современной правовой реальности достаточно сложно назвать отрасль права, для которой было бы характерно относительно стабильное количество нормативных правовых актов.

Сложность, запутанность текста, характерная для источников права социального обеспечения на всех этапах его развития, большое количество отсылочных норм, наличие математических формул, частое и не всегда обоснованное расширение используемой законодателем терминологии, использование разных слов и словосочетаний для обозначения одного и того же явления, отсутствие ясных и точных формулировок, недостаточная терминологическая проработка [2, с. 45; 3, с.118; 4, с. 4], усложняют работу специалистов в области социального обеспечения. Не случайно Ю.В. Васильева назвала социально-обеспечительное законодательство «тайной областью знаний, разобраться в которой могут лишь специалисты» [4, с. 4].

Разрастающееся, многоуровневое законодательство малопонятно для гражданина – субъекта-получателя конкретного социально-обеспечительного предоставления. Субъекты, профессиональная сфера деятельности которых так или иначе связана с

правоприменением норм о социальном обеспечении в большинстве случаев также испытывают сложности в поиске, анализе подлежащих применению норм.

Вопрос о необходимости кодификации законодательства о социальном обеспечении поднимается юридической наукой, начиная с семидесятых годов двадцатого века. Однако в течение советского этапа его развития проводилась работа по исключению утративших силу актов, выявлению пробелов и коллизий в социально-обеспечительном законодательстве в процессе подготовки Свода законов ССР, Собрания действующего законодательства РСФСР. За истекшие десятилетия постсоветского этапа развития социального обеспечения задачи систематизации национального законодательства о социальном обеспечении тем или иным способом усложнились, а широкомасштабная практическая работа в этом направлении на государственном уровне, если не учитывать принятие ряда законов кодификационного типа и инкорпорацию в формате единого федерального регистра нормативных правовых актов в разрезе отраслей права, не проводилась [5, с. 124].

До настоящего времени не выработана единая позиция о форме кодифицированного акта. Еще в 1970 году В.С. Андреев высказал мнение о необходимости разработки и принятия Основ законодательства о социальном обеспечении, которые ознаменовали бы завершение процесса создания самостоятельной отрасли права социального обеспечения [6, с. 29]. Эта позиция разделялась и разделяется в настоящее время многими учеными [7, с. 53; 8, с. 165; 9, с. 42; 10, с. 28].

В.С. Аракчеев, подчеркивая необходимость принятия кодекса, считает, что для его принятия еще не созданы необходимые экономические, политические, идеологические и теоретические предпосылки. Более целесообразным и достаточным на текущий момент ученый считает разработку и принятие базового закона «Об основах социального обеспечения в РФ», в котором были бы закреплены принципы и унифицированные нормативные положения о формах и видах социально-обеспечительных предоставлений, основания и условия их назначения [11, с. 18-19].

Подчеркивая, что в советский период в развитие Основ законодательства предполагалось принятие отраслевых кодексов и специальных законов, Ю.В. Васильева считает, что такая сложная правовая конструкция неприемлема для решения задач систематизации современного социально-обеспечительного законодательства с учетом динамики его развития с одной стороны и многоуровневости механизма его правового регулирования – с другой [12, с. 110-112]. Ученый считает, что отраслевая кодификация является оптимальным способом совершенствования современного законодательства о социальном обеспечении. Этой же позиции придерживаются и такие видные ученые как В.Ш. Шайхатдинов и С.И. Кобзева [13, с. 59; 3, с. 121].

Э.Г. Тучкова в целом поддерживая позицию о предпочтении именно кодекса как формы кодификации, отмечает, что многообразие массива норм права социального обеспечения, широта регулируемых общественных отношений и отсутствие опыта в проведении кодификации этой отрасли права, позволяют вынести на повестку дня вопрос о частичной или поэтапной кодификации, в рамках которой осуществить кодификацию основной массы нормативного материала отрасли, базовых норм и институтов [14, с. 195-210].

Представляется, что приведенные выше обстоятельства в данном случае являются, скорее, аргументами против поэтапной кодификации и за проведение единой кодификации. В ходе поэтапной кодификации над разными частями кодекса будут

работать разные команды специалистов в разных составах и в разные временные периоды, что, по нашему мнению, будет способствовать усилению субъективной составляющей и может привести к нарушению логической согласованности всех положений и структурных частей кодекса.

В контексте исследуемой проблематики представляется целесообразным коротко проанализировать зарубежный опыт кодификации социально-обеспечительного законодательства. Большинство европейских государств формируют свою политику в области социального обеспечения, руководствуясь Европейским кодексом социального обеспечения от 16 апреля 1964 года, Европейской социальной хартией от 18 октября 1961 г., Европейской конвенцией о социальном обеспечении от 16 декабря 1972 г., Конвенциями МОТ и другими актами Совета Европы. Европейская и мировая социальная политика формируется с учетом положений концепции социальной сплоченности, которая, начиная с 1997 г., включена в политическую стратегию Совета Европы.

Во Франции, помимо Кодекса социального обеспечения действуют еще Кодекс взаимного страхования и Кодекс Гражданских и военных пенсий государственной службы. Однако во Франции кодификацией является любая форма приведения в единое целое правовых норм, которые рассредоточены по разным источникам, вне зависимости от того, будет ли создан в результате кодекс, или же кодифицированные нормы останутся в силе [15, с. 289]. С позиции российской юридической доктрины, которая рассматривает кодификацию в «узком» смысле – как нормотворческую деятельность по упорядочению законодательства, в результате которой принимается новый крупный нормативный акт – кодекс, устав, основы законодательства, – а акты, вошедшие в него, утрачивают юридическую силу [14, с. 198], Французский Кодекс социального обеспечения является результатом консолидации законодательства.

В Австрийской Республике существует Кодекс о социальном обеспечении, который В.Ш. Шайхатдинов приводит в пример инкорпорации [16, с. 339-341].

Социальный кодекс ФРГ является основным источником социального права в Федеративной Республике Германия. Основные положения, которые закреплены в его нормах, применяются единообразно для всех областей социального обеспечения. Кодекс состоит из 12 разделов – по видам социального обеспечения [16, с. 339-341]. В контексте исследуемой проблематики считаем целесообразным обратить внимание, что нормы, регулирующие социально-административные процедуры, сосредоточены в отдельном томе кодекса и применяются единообразно для всех видов социального обеспечения.

В научной периодике по вопросам кодификации законодательства о социальном обеспечении, используются различные варианты названия будущего кодифицированного акта: Социальный кодекс, Кодекс социального обеспечения, Кодекс законодательства о социальном обеспечении. Вопрос о том, какое название будет иметь будущий кодекс, представляется нам чрезвычайно важным. Убеждены в том, что название будущего кодекса предопределяет вид проводимой кодификации: комплексная или отраслевая. Приоритет, по нашему мнению, должна иметь отраслевая кодификация. Еще в середине прошлого века С.С. Алексеев писал, что комплексные образования, хотя и представляют собой довольно прочные правовые общности,

являются все же вторичной структурой, которая наслаивается над главной – отраслевой [17, с. 29].

Право социального обеспечения, как сформировавшаяся самостоятельная отрасль права, имеет свой предмет правового регулирования, ядро которого составляют отношения по предоставлению помощи или содержания нуждающимся гражданам, которые в силу объективных причин лишены возможности удовлетворять свои алиментарные потребности [18, с. 55]. Социальный кодекс не может ограничиться закреплением правовых норм, которые регулируют социально-обеспечительные и тесно связанные с ними отношения, как бы обширен не был их круг.

Нормы Социального кодекса должны регулировать социальные отношения, а они присутствуют во всех областях общественной жизни, которые мы привыкли называть социальной сферой. Ведь социальную функцию выполняют и трудовое, и жилищное, и семейное право, законодательство об образовании, о физической культуре и спорте. Представляется, что в данном случае имеет место неоправданное отождествление понятий «социальное законодательство» и «законодательство о социальном обеспечении».

Термин «социальное законодательство» имеет характер собирательный, который подразумевает законодательство социального блока или социальной сферы, включая и законодательство о социальном обеспечении. В этом случае задачи кодификация многократно усложнятся, а объем законодательства, которое необходимо будет обработать – многократно увеличится. Никакого положительного результата в этом случае ожидать не приходится, очевидно, что право социального обеспечения как самостоятельная отрасль права растворится в общей массе правовых норм, а эффективность механизма правового регулирования минимизируется. В этой части считаем справедливыми и обоснованными опасения С.И. Кобзевой [2, с. 46].

Принимая во внимание вышесказанное, считаем возможным утверждать, что в результате отраслевой кодификации должен быть создан Кодекс законодательства о социальном обеспечении РФ.

Считаем целесообразным в рамках настоящего исследования коснуться вопроса о целях кодификации права социального обеспечения. Видный французский ученый Реми Кабрйак пришел к выводу, что кодификация, вне зависимости от исторических, политических, национальных, временных, социальных условий и факторов, главными целями имеет юридико-технические цели, с которыми всегда связаны социальные и политические цели [15, с. 213].

Ю.В. Васильева указывает на познавательную цель кодификации, которая, по мнению ученого, направлена на рост правовых знаний, улучшение качества научно-го знания, стимулирование научных исследований в этой области [4, с.4, 10].

Технико-юридическая цель направлена на упорядочение массива нормативных актов, обеспечение его информационной доступности и для государственных органов и для граждан, повышение качества отраслевого законодательства. Достижение этой цели предполагает решение задач интеграции и стабилизации законодательства о социальном обеспечении.

Достижение социальных целей кодификации предполагает решение ряда задач, в том числе, таких как достижение социальной сплоченности российского общества, повышение престижа социальной сферы.

Политическими факторами, без которых кодификация законодательства о социальном обеспечении невозможна, являются, например, федеративное устройство Российской Федерации, наличие совместной компетенции РФ и субъектов РФ в сфере социального обеспечения, предопределяющих многоуровневость правового регулирования социально-обеспечительных отношений. Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением ученых-юристов, которые утверждают, что именно кодификация должна способствовать отделению юридических актов от политических, а роль политических целей в процессе кодификации должна быть минимальной [19, с. 23-24].

В научных исследованиях высказано мнение о том, что принятие Кодекса о социальном обеспечении позволит «повысить результативность социального обеспечения» [20, с. 49]. В Кодексе Омской области о социальной защите отдельных категорий граждан [26] сформулирована цель Кодекса – обеспечение реализации прав граждан в области социальной защиты населения, создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие граждан.

Представляется, что сформулированная таким образом цель может быть достигнута и без кодификации законодательства, ведь уровень социального обеспечения меньше всего зависит от формы нормативного правового акта. Достаточно вспомнить, что большинство европейских государств не имеют социальных кодексов, и это не влияет на уровень социального обеспечения в этих государствах.

Учитывая, что кодификация регионального законодательства осуществлена в ряде субъектов Российской Федерации: в г. Санкт-Петербурге, Астраханской, Белгородской, Волгоградской, Калининградской, Ленинградской, Омской, Ярославской областях, [21 – 28], попытаемся проанализировать, как на практике реализованы вышеназванные универсальные цели кодификации.

Анализ норм региональных социальных кодексов, в которых закреплены основные понятия и термины, которые в них используются, свидетельствует, по нашему мнению, о следующем.

Ряд понятий, сформулированных и закрепленных в федеральном законодательстве и/или на доктринальном уровне как самостоятельные понятия, в региональных социальных кодексах синонимизируются: социальная защита и социальное обеспечение; меры социальной поддержки и виды социального обеспечения; вид социального обеспечения и конкретное социально-обеспечительное предоставление, виды и формы социального обеспечения.

Имеют место случаи, когда в региональном законодательстве изменяется название льготной категории граждан, которое сформулировано и закреплено в федеральном законе. Так, например, для категории граждан, которая в соответствии с подп. 4 п.1 ст. 2 Закон РФ «О ветеранах» отнесена к категории участников Великой Отечественной войны, используется термин «труженик тыла».

Вместе с тем, считаем необходимым обратить внимание, что на региональном уровне предпринимаются попытки сформулировать понятия, которые отсутствуют в законодательстве о социальном обеспечении федерального уровня, но правоприменительная практика свидетельствует об их необходимости: компенсация, компенсационная выплата, одинокая мать, кризисная жизненная ситуация, состав семьи.

Социальные кодексы субъектов РФ еще более подчеркнули проблемы, характерные для понятийного аппарата права социального обеспечения. Они служат практи-

ческим подтверждением вывода о том, что содержание основных понятий, таких как социальная защита, социальное обеспечение, нуждаемость, вид и форма социального обеспечения, социально-обеспечительное предоставление и др. необходимо изложить в федеральном кодексе. Это позволит сделать еще один шаг в решении задачи по формированию общей части в структуре права социального обеспечения.

Анализ норм региональных социальных кодексов позволяет сделать вывод о том, что в субъектах РФ применяются качественно однородные критерии выявления малоимущих для определения их права на государственную социальную помощь, согласно которым фактический среднедушевой доход семьи (одиноко проживающего гражданина) сравнивается с нормативными доходами, которые, в свою очередь, определяются исходя из прожиточного минимума, установленного в регионе. Однако в ряде регионов из числа таких семей (граждан) выделяются отдельные категории семей (граждан), которым и предоставляется государственная социальная помощь. Например, нуждающиеся в поддержке одинокие инвалиды второй или третьей группы, одинокие граждане, освободившиеся из мест лишения свободы, члены нуждающейся в поддержке семьи с детьми, безработные граждане, не имеющие средств к существованию [5, с. 126].

Таким образом, представляется возможным утверждать, что наряду с адресным подходом, в регионах применяется и адресно-категориальный подход к определению нуждаемости семьи (гражданина) в государственной социальной помощи, что, по нашему мнению, усложняет решение задач по достижению социальной сплоченности российского общества, и не способствует реализации социальных целей кодификации.

Представляется возможным утверждать, что задача по интеграции социально-обеспечительного законодательства на региональном уровне решена частично – путем закрепления положений, согласно которым региональные законы в области социального обеспечения должны соответствовать социальным кодексам, а в случае противоречия между ними применяется социальный кодекс соответствующего региона [22, 26, 27, 28]; а также норм, согласно которым региональные нормативные правовые акты, принятые до вступления в силу социального кодекса региона, действуют в части, не противоречащей кодексу [23, 24]. Для решения этой задачи необходимо, прежде всего, закрепление в федеральном кодифицированном акте отраслевых принципов социального обеспечения, интегрирующих весь массив социально-обеспечительного законодательства.

Безусловно, принятие ряда кодификационных законов, закрепляющих институциональные принципы и ряд общих положений и понятий отдельных институтов права социального обеспечения, свидетельствует об активизации работы по повышению качества социально-обеспечительного законодательства, но, как представляется, эта работа может рассматриваться и как подготовка нормативного массива отрасли к кодификации.

Региональные кодексы, сосредоточившись на регулировании материальных отношений, закрепляют, в основном, материальные нормы о различных социально-обеспечительных предоставлениях, об основаниях и условиях их получения, что, безусловно, способствует повышению юридической грамотности населения. Вместе с тем, принимая во внимание неразрывную связь материальных и процедурных норм права социального обеспечения, представляется необходимым присутствие в

региональных кодексах процедурных норм, которое сегодня можно охарактеризовать как минимальное.

Считаем необходимым еще раз подчеркнуть, что реализация прав граждан, установленных в материальных нормах права, осуществляется с помощью процедурных норм и через процедурные отношения. Таким образом, эффективное регулирование социально-обеспечительных процедур, равно как и возможность гражданина ознакомиться с ними, не менее важная составляющая в формировании правовой грамотности и правовой культуры граждан [29, с.158], воспитания у них уважительного отношения к закону, борьбы с правовым нигилизмом, а также в решении задачи по повышению престижа права социального обеспечения.

Представляется, что в процессе кодификации социально-обеспечительного законодательства федерального уровня можно и должно выработать, и закрепить социально-обеспечительные процедуры, которые обеспечивали бы возможность получения гражданином материального блага в удобном для него режиме, и соблюдение баланса между сложностью процедурной нормы и минимальным урегулированием процедурных правоотношений.

Кодексы, как известно, являются системообразующими отраслевыми актами, поэтому кодификация, как правило, сдерживает рост числа нормативных правовых актов в отрасли, стабилизируя ее. Принятие региональных кодексов действительно позволило значительно сократить количество нормативных правовых актов регионального уровня [30, с. 132]. Однако имеющие место многочисленные и достаточно частые изменения, вносимые в региональные социальные кодексы, служат, скорее, примером обратного. Они не способствуют так остро необходимым стабилизации социально-обеспечительного законодательства, повышению его эффективности, укреплению доверия граждан к закону и государству.

Инициировав попытку кодификации законодательства о социальном обеспечении на региональном уровне, субъекты Российской Федерации внесли свой вклад в решение задачи по упорядочению и стабилизации социально-обеспечительного законодательства, повышения правовой грамотности и правовой культуры граждан. Думается, что кодификация права социального обеспечения на региональном уровне может послужить своеобразной «пробой пера», начальным этапом в многосложном процессе создания федерального кодифицированного акта. Принимая во внимание имевший место в прошлом опыт кодификации других отраслей права субъектами РФ, с принятием Кодекса законодательства о социальном обеспечении РФ систематизация законодательства о социальном обеспечении должна осуществляться иными существующими способами.

Принимая во внимание вышеизложенное, представляется возможным сделать следующие выводы.

Отсутствие в законодательстве о социальном обеспечении кодифицированного акта не позволяет выделить в структуре права социального обеспечения сформированную доктриной и практикой общую часть права социального обеспечения.

Очевидно, что постоянно возрастающая необходимость в формулировании и уточнении содержания ряда понятий и терминов, установления видов социального обеспечения, решение множества теоретических и практических проблем в этой области должна быть осуществлена в процессе единой отраслевой кодификации фе-

дерального законодательства, в результате которой должен быть создан Кодекс законодательства о социальном обеспечении РФ.

Принятие единого кодифицированного акта подчеркнет государственную значимость права социального обеспечения в системе отраслей российского права.

Список литературы:

1. Алферова Е.В. 2011.02.035. Васильева Ю.В. Кодификация российского законодательства о социальном обеспечении: монография. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2009. – 364с. / Е.В. Алферова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: государство и право. Реферативный журнал. – 2011. – №2. – С.142-143.
2. Кобзева С.И. К гармоничному развитию и систематизации источников права социального обеспечения / С.И. Кобзева // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) – 2017. – № 10 – С.43-52.
3. Кобзева С.И. К вопросу о кодификации законодательства о социальном обеспечении. / С.И. Кобзева // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) – 2019. – № 11 – С.117-122.
4. Васильева Ю.В. Кодификация российского законодательства о социальном обеспечении: теоретические и практические проблемы. Автореф. дисс. ... док. юрид. наук. – Москва, 2010. – 54 с.
5. Кручек И.В. К вопросу об опыте кодификации регионального законодательства о социальном обеспечении / И.В. Кручек // Modern Science – 2022. – № 1 – С.124-129.
6. Андреев В. С. Право социального обеспечения в СССР / В.С. Андреев – Москва: Юрид. лит., 1980. 312 с.
7. Советское право социального обеспечения / под ред. А. Д. Зайкина. Москва, Изд-во Моск. ун-та., 1982. 264 с.
8. Концепции развития российского законодательства / под ред. Л. А. Окунькова, Ю. А. Тихомирова, Ю. П. Орловского. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 1998. – 324 с.
9. Буянова М. О. Социальное обслуживание граждан России в условиях рыночной экономики (теоретико-правовой аспект). Автореф. дис. ... док. юрид. наук. – Москва, 2003. С. 42
10. Зеленина, А.Ю. Нормативная основа права социального обеспечения России. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2013. – 31 с.
11. Аракчеев В.С. О необходимости и целесообразности принятия социального кодекса Российской Федерации. / В.С. Аракчеев // Вестник Томского государственного университета. –2011.– №1. – С. 13-19.
12. Васильева Ю.В. Кодификация законодательства о социальном обеспечении: Основы законодательства или кодекс? / Ю.В. Васильева // Правоведение – 2009. – №4. – С. 109 – 116.
13. Шайхатдинов В.Ш. Проблемы модернизации российского законодательства о социальном обеспечении в современный период. / В.Ш. Шайхатдинов // Академический юридический журнал . – 2018 – №1(78). – С.51-59.
14. Проблемы общей части права социального обеспечения. под ред. Э.Г. Тучковой : монография. – Москва: Проспект, 2017. – 416 с.
15. Кабрияк Р. Кодификации / Р. Кабрияк – Москва: Стаут, 2007. – 476 с.
16. Шайхатдинов В.Ш., Истомина Е.А., Силкина Е.А., Кузнецов Д.С. Систематизация законодательства о социальном обеспечении: зарубежный опыт / В.Ш. Шайхатдинов, Е.А. Истомина, Е.А. Силкина, Д.С. Кузнецов // Научный вестник Уральского академии государственной службы. – 2012. – № 2 (19). – С.333- 344
17. Алексеев С.С. Структура советского права. / С.С. Алексеев – Москва: Юрид. лит., 1975. – 264 с.
18. Право социального обеспечения России: учеб. / Д.В. Агашев, В.С. Аракчеев, Е.И. Бутенко и др.; под ред. Д.В. Агашева, В.С. Аракчеева. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. – 508 с.
19. Васильева Ю.В. Цели кодификации Российского законодательства о социальном обеспечении // Государство и право. – 2013. – №11. – С.17–24
20. Волостнова Т.И. К вопросу о кодификации законодательства Российской Федерации о социальном обеспечении. / Т.И. Волостнова // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2017. – №1-10. – С. 46 – 49
21. Закон Астраханской области от 22 декабря 2016 года № 85/2016-03 «О мерах социальной поддержки и социальной помощи отдельным категориям граждан в Астраханской области» [Электронный ресурс] / Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов URL: <https://docs.cntd.ru/document/444886974>
22. Закон Белгородской области от 28 декабря 2004 года №165 «Социальный кодекс Белгородской области» [Электронный ресурс] / Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов URL: <https://docs.cntd.ru/document/469022331>

23. Закон Волгоградской области от 31 декабря 2015 года № 246-ОД «Социальный кодекс Волгоградской области» [Электронный ресурс] / Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов URL: <https://docs.cntd.ru/document/432835725>
24. Закон Калининградской области от 7 октября 2019 года № 318 «Социальный кодекс Калининградской области» [Электронный ресурс] / Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов URL: <https://docs.cntd.ru/document/561570221>
25. Закон Ленинградской области от 17 ноября 2017 года № 72-оз «Социальный кодекс Ленинградской области» [Электронный ресурс] / Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов URL: <https://docs.cntd.ru/document/555652177>
26. Закон Омской области от 4 июля 2008 года № 1061-ОЗ «Кодекс Омской области о социальной защите отдельных категорий граждан» [Электронный ресурс] / Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов URL: <https://docs.cntd.ru/document/943027040>
27. Закон Ярославской области от 19 декабря 2008 года № 65-3 «Социальный кодекс Ярославской области» [Электронный ресурс] / Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов URL: <https://docs.cntd.ru/document/934023342>
28. Закон Санкт-Петербурга от 22 ноября 2011 года № 728-132 «Социальный кодекс Санкт-Петербурга» [Электронный ресурс] / Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов URL: <https://docs.cntd.ru/document/89185978>
29. Литвинова Сравнительный анализ социальных кодексов субъектов Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – №3. – С. 151– 160.
30. Локосов В.В., Ярашева А.В. Проект социального кодекса Российской Федерации и социальное государство // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2013. – № 2. – С. 131–137.

Popov S. V., Kruchek I. V., Anasheva I. P. Codification of the legislation on social security: pro et contra // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 192-202.

The article deals with the issue of the need to codify the legislation on social security, which is relevant in a theoretical sense and in a practical sense. Social security law is one of the most complex and dynamically developing branches of law. Normative legal acts in the field of social security represent an unsystematized legal array, effective attempts to codify which have not been made in the Russian Federation. Today, the need for codification of norms on social security, as one of the forms of systematization and lawmaking, is obvious to scientists and specialists in this field. Meanwhile, on a number of issues, including the form of the codification act, the type of codification, the timing and stages of its implementation, a common position has not been developed.

Theoretical and practical problems associated with the lack of a codified source in this area of legal regulation are analyzed, foreign experience in systematizing social security legislation and the experience of codifying legislation on social security at the regional level, accumulated in a number of constituent entities of the Russian Federation, are studied.

The authors come to the conclusion that the implementation of a unified sectoral codification of the norms contained in the federal legislation on social security is extremely reasonable, due to the fact that the development of a unified law will achieve a structural and meaningful streamlining of legal norms, and therefore simplify law enforcement in this area. The point of view is argued, according to which the Code of Legislation on Social Security of the Russian Federation is the priority form of a codified act in the field of normative regulation of social security.

Key words: social security, legal culture, codification, social security legislation, social code, codification goals, regional social security codes, social support.

Spisok literatury:

1. Alferova E.V. 2011.02.035. Vasilyeva Yu.V. Codification of Russian legislation on social security: monograph. – Perm: Perm. state un-t, 2009. - 364 p. / E.V. Alferova // Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 4: state and law. Abstract journal. - 2011. - No. 2. – P.142-143.
2. Kobzeva S.I. To harmonious development and systematization of sources of social security law / S.I. Kobzeva // Bulletin of the University named after O.E. Kutafin (MGYuA) - 2017. - No. 10 - P.43-52.
3. Kobzeva S.I. On the issue of codification of legislation on social security. / S.I. Kobzeva // Bulletin of the University named after O.E. Kutafin (MGYuA) - 2019. - No. 11 - P.117-122.
4. Vasilyeva Yu.V. Codification of Russian legislation on social security: theoretical and practical problems. Abstract diss. ... doc. legal Sciences. - Moscow, 2010. - 54 p.
5. Kruchek I.V. To the question of the experience of codification of regional legislation on social security / I.V. Kruchek // Modern Science) - 2022. - No. 1 - S..
6. Andreev V.S. Social security law in the USSR / V.S. Andreev - Moscow: Jurid. lit., 1980. 312 p.
7. Soviet social security law / ed. A. D. Zaykina. Moscow, Publishing house Mosk. un-ta., 1982. 264 p.

8. Concepts for the development of Russian legislation / ed.L. A. Okunkov, Yu. A. Tikhomirov, Yu. P. Orlovsky. - Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 1998. - 324 p.
9. Buyanova M. O. Social services for Russian citizens in a market economy (theoretical and legal aspect). Abstract dis. ... doc. legal Sciences. - Moscow, 2003. S. 42.
10. Zelenina A.Yu. Normative basis of social security law in Russia. Abstract dis. ... cand. legal Sciences. - St. Petersburg, 2013. - 31 p.
11. Arakcheev V.S. On the necessity and expediency of adopting the social code of the Russian Federation. / V.S. Arakcheev // Bulletin of the Tomsk State University. -2011.- №1. - S. 13-19. 12. Vasilyeva Yu.V. Codification of legislation on social security: Fundamentals of legislation or code? / Yu.V. Vasilyeva // Jurisprudence - 2009. - No. 4. - S. 109 - 116.
13. Shaikhhatdinov V.Sh. Problems of modernization of the Russian legislation on social security in the modern period. / V.Sh. Shaikhhatdinov // Academic legal journal. - 2018 - No. 1 (78). - P.51-59.
14. Problems of the general part of the law of social security. ed. E.G. Tuchkova: monograph. - Moscow: Prospekt, 2017. - 416 p.
15. Kabriyakh R. Codifications / R. Kabriyakh - Moscow: Stout, 2007. - 476 p.
16. Shaikhhatdinov V.Sh., Istomina E.A., Silkina E.A., Kuznetsov D.S. Systematization of legislation on social security: foreign experience / V.Sh. Shaikhhatdinov, E.A. Istomin, E.A. Silkina, D.S. Kuznetsov // Scientific Bulletin of the Ural Academy of Public Administration. - 2012. - No. 2 (19). - P.333-344
17. Alekseev S.S. The structure of Soviet law. / S.S. Alekseev - Moscow: Jurid. lit., 1975. - 264 p.
18. The right of social security in Russia: textbook. / D.V. Agashev, V.S. Arakcheev, E.I. Butenko and others; ed. D.V. Agasheva, V.S. Arakcheev. - Tomsk: Publishing House Vol. un-ta, 2015. - 508 p.
19. Vasilyeva Yu.V. Goals of codification of the Russian legislation on social security// State and Law. - 2013. - No. 11. - P.17-24
20. Volostnova T.I. On the issue of codification of the legislation of the Russian Federation on social security. / T.I. Volostnova // Modern trends in the development of science and technology.-2017.-No. 1-10. - S. 46-49.
21. Law of the Astrakhan region dated December 22, 2016 No. 85/2016-OZ "On measures of social support and social assistance to certain categories of citizens in the Astrakhan region" [Electronic resource] / Electronic fund of legal and regulatory documents URL: <https://docs.cntd.ru/document/444886974>
22. Law of the Belgorod Region dated December 28, 2004 No. 165 "Social Code of the Belgorod Region" [Electronic resource] / Electronic fund of legal and regulatory documents URL: <https://docs.cntd.ru/document/469022331>
23. Law of the Volgograd Region dated December 31, 2015 No. 246-OD "Social Code of the Volgograd Region" [Electronic resource] / Electronic fund of legal and regulatory documents URL: <https://docs.cntd.ru/document/432835725>
24. Law of the Kaliningrad Region dated October 7, 2019 No. 318 "Social Code of the Kaliningrad Region" [Electronic resource] / Electronic fund of legal and regulatory documents URL: <https://docs.cntd.ru/document/561570221>
25. Law of the Leningrad Region dated November 17, 2017 No. 72-oz "Social Code of the Leningrad Region" [Electronic resource] / Electronic fund of legal and regulatory documents URL: <https://docs.cntd.ru/document/555652177>
26. Law of the Omsk Region dated July 4, 2008 No. 1061-OZ "Code of the Omsk Region on the social protection of certain categories of citizens" [Electronic resource] / Electronic fund of legal and regulatory documents URL: <https://docs.cntd.ru/document/94302>
27. Law of the Yaroslavl Region dated December 19, 2008 No. 65-Z "The Social Code of the Yaroslavl Region" [Electronic resource] / Electronic fund of legal and regulatory documents URL: <https://docs.cntd.ru/document/934023342>
28. Law of St. Petersburg dated November 22, 2011 No. 728-132 "Social Code of St. Petersburg" [Electronic resource] / Electronic fund of legal and regulatory documents URL: <https://docs.cntd.ru/document/89185978>
29. Litvinova Comparative analysis of the social codes of the constituent entities of the Russian Federation // Actual problems of Russian law. - 2019. - No. 3. - S. 151-160.
30. Lokosov V.V., Yarasheva A.V. Draft social code of the Russian Federation and the social state // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. - 2013. - No. 2. - P. 131-137.

УДК 347.9

УКРЕПЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Пошивайлова А. В.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Севастопольский государственный университет

В статье исследован конституционно-правовой принцип независимости судей сквозь призму его реализации в Российской Федерации. Общеизвестно, что принцип права представляет основополагающее начало, основную идею, в связи чем, возникла потребность осмысления реализации такой основополагающей идеи в российском судопроизводстве в целом, и в гражданском, в частности, как принцип независимости судей. Особое внимание уделено гарантиям принципа независимости судей в гражданском судопроизводстве. В статье сделана попытка сделать краткий экскурс в историю и проследить становление и развития принципа независимости судей от идеи до реализации. Автором поднимается вопрос о том, как не создать гипертрофированную независимость судей, какие судебные ошибки должны считаться основанием для прекращения полномочий судьи, а какие нет. Исследуется практика Дисциплинарной коллегии Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: принцип независимости судей, статус судей, конституция, гарантии, реализация принципов, судопроизводство, цивилистический процесс, гражданский процесс, гражданское процессуальное право, дисциплинарное судебное присутствие, Дисциплинарная коллегия Верховного Суда, дисциплинарный проступок, ординарные судебные ошибки, неординарные судебные ошибки.

Принципу независимости судей посвящена статья 120 Конституции Российской Федерации. В свою очередь, гражданском судопроизводстве он подкреплён рядом гарантий, обеспечивающих, действительно независимое поведение судьи при рассмотрении и разрешении гражданских дел. Назовем их.

Применительно к гражданскому процессуальному праву можно говорить о нескольких аспектах проявления принципа независимости судей.

Так, при коллегиальном рассмотрении дела судьи независимы друг от друга и от председательствующего судьи. Поэтому решение принимается голосованием, а председательствующий в судебном заседании судья голосует последним.

Следующая гарантия – это право судьи на особое мнение. Здесь очень важный момент, такое особое мнение косвенно способно инициировать проверочное производство в вышестоящей инстанции. Судья, оставшийся на голосовании в меньшинстве, в особом мнении излагает свои доводы, которые могут быть в полном объеме или частично положены в основание апелляционной, надзорной, кассационной жалоб или представлений. Таким образом, в случае согласия вышестоящей инстанции с доводами жалобы, представления, позиция судьи, который был изначально в меньшинстве, будет подтверждена.

Еще одна гарантия – независимость от заключения иных лиц. В гражданском судопроизводстве активно используется институт заключений. Это и заключение эксперта, и прокурора, и органов государственной власти и местного самоуправления. Но при отправлении правосудия судья свободен от этих заключений и выносит решение, исходя из своего внутреннего убеждения.

Судьи независимы от вышестоящих судебных инстанций. Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации по этому вопросу не вызывает со-

мнения и была подтверждена неоднократно в его определениях: судья или суд, не согласный с мнением суда кассационной инстанции, вправе при новом рассмотрении дела принять процессуальное решение самостоятельно в пределах собственной компетенции. Мнение кассационной инстанции не должно препятствовать вынесению законного, обоснованного и справедливого приговора. Иное истолкование означало бы нарушение закрепленных в Конституции Российской Федерации принципов самостоятельности суда и судей и их независимости.

Еще одна гарантия – это несменяемость судей. Интересно, что в соответствии с действовавшим ранее законодательством судьи назначались на должность в первый раз сроком на 3 года. По истечении этого срока они могли быть назначены на ту же должность уже без ограничения срока полномочий о достижения предельного возраста. Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 157 отменил трехлетний испытательный срок и теперь не предусмотрен срок, которым могут быть ограничены полномочия судьи. При этом сохраняется предельный возраст пребывания в должности – 70 лет. Целью этих изменений явилось установление дополнительной гарантии независимости судей [1].

К числу дополнительных гарантий следует отнести внесенные в 2011 г. изменения в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации в часть 3 статью 14 [2]. Состав суда для рассмотрения конкретного дела формируется с учетом нагрузки и специализации судей в порядке, исключающем влияние на его формирование лиц, заинтересованных в исходе судебного разбирательства, в том числе с использованием автоматизированной информационной системы.

Очередное усиление гарантий принципа независимости судей произошло в 2018 г., путем внесения изменений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и Федеральный закон «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» [3].

Во-первых, изменена функция председателя суда при назначении судей. Теперь для председателя суда исключена возможность несогласия с решением квалификационной коллегии судей о рекомендации на должность судьи. По этому поводу председатель теперь не высказывается, его мнение является субъективным и не учитывается.

Во-вторых, вышеназванные изменения ввели для судей такое дисциплинарное взыскание, как понижение в квалификационном классе за существенное нарушение Закона о статусе и (или) кодекса судейской этики. Условие - судья ранее уже подвергался дисциплинарному взысканию. Таким образом, установлена более «мягкая» ответственность для судьи. Совет судей Российской Федерации, Президиум Совета судей Российской Федерации, совет судей региона получили право проводить проверку и обращаться в квалификационную коллегию судей с целью наложения на судью дисциплинарного взыскания.

И еще одно важное нововведение, нацеленное на укрепление принципа независимости судей. Речь идет об устранении возможности лиц, участвующих в деле, для оказания давления на судью, путем манипуляции с отводом. Нельзя повторно заявлять отвод, если отвод уже заявлялся по тем же основаниям, у в отводе было отказано. Это нововведение не даст недобросовестным участникам гражданского процесса возможность затягивать судебное разбирательство, злоупотреблять своим процессуальным правом [4].

И, наконец, нельзя упустить из внимания важнейшую гарантию принципа независимости судей – создание Дисциплинарной коллегии при Верховном Суде РФ. Она является правопреемницей Дисциплинарного судебного присутствия.

Федеральный конституционный закон от 9 ноября 2009 г. N 4-ФКЗ «О Дисциплинарном судебном присутствии» ввел в российскую судебную систему новый специальный орган судебной власти. В его компетенцию входило рассмотрение дел о досрочном прекращении полномочий судей. Цель заключалась в том, чтобы такие дела рассматривались в независимом суде, где исключалось бы всякое влияние на ход рассмотрения дела о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности со стороны председателей судов, коллег [5].

После упразднения Высшего Арбитражного Суда, дисциплинарное судебное присутствие тоже было упразднено. А при Верховном Суде была создана Дисциплинарная коллегия [6]. Она рассматривает дела по жалобам на решения Высшей квалификационной коллегии судей и квалификационных коллегий судей регионов о досрочном прекращении полномочий судей за совершение ими дисциплинарных проступков и по аналогичным обращениям Председателя Верховного Суда Российской Федерации в случаях, если коллегии отказались удовлетворить соответствующие представления. По жалобам на решения Высшей квалификационной коллегии о наложении дисциплинарных взысканий на судей; о результатах аттестации судей.

Согласно Закону о статусе судей основанием для привлечения судьи к дисциплинарной ответственности является совершение дисциплинарного поступка. До недавнего времени отсутствие легального определения понятия «дисциплинарный поступок» не исключало произвольного прекращения полномочий судей, а в некоторых случаях, даже сведение счетов с тем судьей, который, к примеру, вошел в конфликт с председателем соответствующего суда.

Конечно, здесь проблема двоякая: как не допустить присутствие в судебной системе судей-непрофессионалов, с одной стороны, и обеспечить принцип независимости судей, – с другой.

Определенным «прорывом» в этом направлении стало постановление Конституционного Суда [7]. Судебные ошибки им подразделяются на ординарные и неординарные. Первые – это ошибки, связанные с принятием незаконного и необоснованного судебного акта, явившегося следствием в том числе неверной оценки доказательств по делу либо неправильного применения нормы права, при условии: 1) если допущенные судьей нарушения закона не носят систематического характера, 2) допущенные судьей нарушения закона не обусловлены намеренным отступлением от общепризнанных морально-этических норм; 3) допущенные судьей нарушения закона не дискредитируют судебную власть. Эти нарушения, по мнению, Конституционного Суда, не влекут прекращение полномочий судьи.

Вторая группа нарушений – это нарушения, попирающие конституционные принципы судопроизводства. Подобного рода ошибки могут являться основанием для применения к судье мер дисциплинарной ответственности, даже если подобное нарушение совершено однократно, а не в системе.

Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, в свою очередь тоже дано разъяснение по такому вопросу [8]. В частности, подчеркивается, что судью нельзя

привлечь к какой-либо ответственности за выраженное им при отправлении правосудия мнение или принятое судом решение. Судья не может быть привлечен к дисциплинарной ответственности за сам факт принятия незаконного или необоснованного судебного акта в результате судебной ошибки, которая произошла из-за неверной оценки доказательств либо неправильного применения норм права.

За дисциплинарный проступок на судью может налагаться дисциплинарное взыскание в виде замечания, предупреждения, досрочного прекращения полномочий. При выборе конкретной меры ответственности нужно учитывать характер проступка, обстоятельства и последствия его совершения, форму вины судьи, степень нарушения прав, свобод и законных интересов граждан и организаций.

Нельзя оставлять без внимания и данные, характеризующие личность судьи, его профессиональную деятельность (морально-нравственные качества, обстоятельства, связанные с семейной жизнью, стаж работы в должности и т. п.).

Досрочное прекращение полномочий судьи применяется в исключительных случаях. Поводом для этого могут являться как неоднократные нарушения, когда исчерпаны все иные средства воздействия, так и однократное грубое нарушение, которое дискредитирует судебную власть, причиняет ущерб репутации судьи и несовместимо с его статусом. Подтвердить наличие этих исключительных обстоятельств должна квалификационная коллегия судей. в Федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации», предусмотрел тайное голосование членов квалификационных коллегий судей при решении вопроса о применении к судье дисциплинарного взыскания в виде досрочного прекращения полномочий судьи. Из практики Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ (далее – Дисциплинарная коллегия) имеют интерес два диаметрально противоположных сточки зрения подходов решения, дела. В первом из них коллегия отметила, что неумышленные судебные ошибки ординарного характера не могут расцениваться как проявление недобросовестного отношения судьи к своим профессиональным обязанностям не могут служить основанием для применения к нему дисциплинарного взыскания.

Дисциплинарная коллегия удовлетворила жалобу судьи Иванова на решение квалификационной коллегии судей Самарской области от 24 марта 2017 г. о досрочном прекращении его полномочий судьи Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области за совершение дисциплинарного проступка. Из представления следует, судья вынес решение в первой инстанции, которое впоследствии было отменено. Квалификационная коллегия судей посчитала, что отмена и изменение решений судьи вышестоящей инстанцией свидетельствует о низком качестве его работы.

Дисциплинарная коллегия в решении отметила, что «основанием для привлечения судьи к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий судьи должно быть не любое отступление от требований закона и этических норм, а лишь такое, которое по своему характеру с очевидностью несовместимо с высоким званием судьи, явно противоречит социальному предназначению судебной власти, носителем которой является судья».

Исходя из конституционно-правового статуса судьи и природы осуществляемой им деятельности по отправлению правосудия пп. 1 и 2 ст. 3 и п. 1 ст. 12.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в их системной

взаимосвязи не предполагают привлечение судьи к дисциплинарной ответственности за судебную ошибку, если судья действовал в рамках судебского усмотрения и не допустил грубого нарушения при применении норм материального или процессуального права.

Судья Иванов допустил судебную ошибку, которая квалификационной коллегией судей без достаточных оснований была расценена как дисциплинарный проступок, влекущий применение наиболее строгого вида дисциплинарного взыскания. Но в связи с тем, что судебная ошибка была своевременно исправлена вышестоящей судебной инстанцией, негативных последствий не наступило [9].

А вот другое дело, рассмотренное в Дисциплинарной коллегии, ярко демонстрирует недобросовестное отношение судьи к исполнению профессиональных обязанностей и грубое нарушение уголовного и уголовно-процессуального законодательства при рассмотрении дела, что привело к искажению фундаментальных принципов судопроизводства, нарушению прав и законных интересов граждан, умалению авторитета судебной власти.

В судебном заседании установлено, что судья Глухов, специализирующийся на рассмотрении уголовных дел и иных материалов, вытекающих из уголовного судопроизводства, достоверно знал, что Корчак осужден за тяжкие преступления. На момент обращения в суд адвоката П. с ходатайством об условно-досрочном освобождении Корчак не отбыл половину назначенного ему срока наказания в виде лишения свободы. Вопреки действующему законодательству судья принял заявление адвоката к своему производству и 18 февраля 2016 г. в нарушение п. “б” ч. 3 ст. 79 УК РФ принял решение об условно-досрочном освобождении осужденного из мест лишения свободы.

Принимая к рассмотрению ходатайство адвоката П. об условно-досрочном освобождении Корчака, Глухов достоверно знал о том, что дело неподсудно Центральному районному суду, поскольку ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Волгоградской области местом отбытия наказания Корчака не являлось.

Осужденный Корчак был этапирован в ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Волгоградской области в порядке ст. 77.1 УИК РФ на основании постановления судьи Глухова, вынесенного им в рамках находившегося в его производстве уголовного дела в отношении К.

При этом этапирование Корчака в судебное заседание по уголовному делу в отношении Корчака необходимо не вызывалось, поскольку он в ходе предварительного следствия в качестве свидетеля по данному уголовному делу никогда не допрашивался, в списке лиц, подлежащих вызову в суд, не указан, в суде по делу Корчак не допрашивался, что свидетельствует о том, что его доставка в ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Волгоградской области обусловлена желанием Глухова создать видимость законности рассмотрения дела об условно-досрочном освобождении Корчака именно в Центральном районном суде г. Волгограда [10].

Этот случай ярко демонстрирует такое нарушение уголовного процессуального законодательства, о котором судья просто не мог не знать. Правила выхода на условно-досрочное освобождение знает любой выпускник юридического ВУЗа, и, само собой разумеется, судья. Такие действия Дисциплинарная коллегия посчитала дисциплинарным проступком.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что с учетом появившихся новых гарантий, усиления существующих гарантий, устоявшейся практики применения законодательства о прекращении полномочий судей, - конституционный принцип независимости судей в гражданском судопроизводстве не только провозглашен, но и полностью реализован.

Список литературы:

1. О внесении изменений в статьи 6 и 11 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" и в статьи 17 и 19 Федерального закона "Об органах судейского сообщества в Российской Федерации" : федеральный закон от 17.07.2009 № 157-ФЗ // Российская газета. – 2009. – № 133. – 22 июля.
2. О внесении изменений в статью 14 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статью 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 14.06.2011 № 140-ФЗ // Российская газета. – № 129. – 17 июня.
3. О внесении изменений в Закон Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" и Федеральный закон "Об органах судейского сообщества в Российской Федерации" : федеральный закон // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.10.2021).
4. О внесении изменения в статью 19 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 03.04.2018 № 66-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.10.2021).
5. О Дисциплинарном судебном присутствии : федеральный конституционный закон от 09.11.2009 № 4-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 45. – Ст. 5261.
6. Об утверждении Положения о Дисциплинарной коллегии Верховного Суда Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 августа 2014 г. № 5 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2014. № 10.
7. По делу о проверке конституционности положений пункта 1 и 2 статьи 3, пункта 1 статьи 8 и пункта 1 статьи 12.1 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" и статей 19, 21 и 22 Федерального закона "Об органах судейского сообщества в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданки А. В. Матюшенко : постановление Конституционного Суда Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 5.
8. О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 апреля 2016 г. № 13 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2016. – № 6.
9. Решение по делу № ДК17-30 // Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 декабря 2017 г.). – Режим доступа : свободный. – КонсультантПлюс – справочная правовая система (дата обращения: 01.12.2018).
10. Решение по делу № ДК17-8 // Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 5 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 декабря 2017 г.). – Режим доступа : свободный. – КонсультантПлюс – справочная правовая система (дата обращения: 01.12.2018).

Poshivaylova A.V. Strengthening the constitutional principle of judges' independence in civil proceedings in the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 203-209.

The article examines the constitutional and legal principle of judicial independence through the prism of its implementation in the Russian Federation. It is well known that the principle of law represents the fundamental principle, the main idea, and therefore, there was a need to comprehend the implementation of such a fundamental idea in Russian judicial proceedings in general, and in civil, in particular, as the principle of judicial independence. Special attention is paid to guarantees of the principle of independence of judges in civil proceedings. The article attempts to make a brief digression into history and trace the formation and development of the principle of independence of judges from idea to implementation. The author raises the question of how not to create hypertrophied independence of judges, which judicial errors should be considered grounds for termination of the powers of a judge, and which are not. The practice of the Disciplinary Board of the Supreme Court of the Russian Federation is investigated.

Key words: the principle of independence of judges, the status of judges, the constitution, guarantees, implementation of principles, judicial proceedings, civil procedure, civil procedure, civil procedural law,

disciplinary judicial presence, Disciplinary Board of the Supreme Court, disciplinary misconduct, ordinary judicial errors, extraordinary judicial errors.

Spisok literaturey:

1. O vnesenii izmenenij v stat'i 6 i 11 Zakona Rossijskoj Federacii "O statute sudej v Rossijskoj Federacii" i v stat'i 17 i 19 Federal'nogo zakona "Ob organah sudejskogo soobshchestva v Rossijskoj Federacii" : federal'nyj zakon ot 17.07.2009 № 157-FZ // Rossijskaya gazeta. – 2009. – № 133. – 22 iyulya.
2. O vnesenii izmenenij v stat'yu 14 Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii i stat'yu 30 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii : federal'nyj zakon ot 14.06.2011 № 140-FZ // Rossijskaya gazeta. – № 129. – 17 iyunya.
3. O vnesenii izmenenij v Zakon Rossijskoj Federacii "O statute sudej v Rossijskoj Federacii" i Federal'nyj zakon "Ob organah sudejskogo soobshchestva v Rossijskoj Federacii" : federal'nyj zakon // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 01.10.2021).
4. O vnesenii izmeneniya v stat'yu 19 Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii : federal'nyj zakon ot 03.04.2018 № 66-FZ // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 01.10.2021).
5. O Disciplinarnom sudebnom prisutstvii : federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 09.11.2009 № 4-FKZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2009. – № 45. – St. 5261.
6. Ob utverzhdenii Polozheniya o Disciplinarnoj kollegii Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii : postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 7 avgusta 2014 g. № 5 // Byulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. – 2014. № 10.
7. Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij punkta 1 i 2 stat'i 3, punkta 1 stat'i 8 i punkta 1 stat'i 12.1 Zakona Rossijskoj Federacii "O statute sudej v Rossijskoj Federacii" i statej 19, 21 i 22 Federal'nogo zakona "Ob organah sudejskogo soobshchestva v Rossijskoj Federacii" v svyazi s zhaloboj grazhdanki A. V. Matyushenko : postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii // Vestnik Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii. – 2011. – № 5.
8. O sudebnoj praktike primeneniya zakonodatel'stva, reguliruyushchego voprosy disciplinarnoj otvetstvennosti sudej : postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 14 aprelya 2016 g. № 13 // Byulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. – 2016. – № 6.
9. Reshenie po delu № DK17-30 // Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii № 5 (2017) (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 27 dekabrya 2017 g.). – Rezhim dostupa : svobodnyj. – Konsul'tantPlyus – spravochnaya pravovaya sistema (data obrashcheniya: 01.12.2018).
10. Reshenie po delu № DK17-8 // Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda RF № 5 (2017) (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 27 dekabrya 2017 g.). – Rezhim dostupa : svobodnyj. – Konsul'tantPlyus – spravochnaya pravovaya sistema (data obrashcheniya: 01.12.2018).

УДК 347.9

**К ВОПРОСУ О СМЕНЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ЛИЦ,
УЧАСТВУЮЩИХ В ДЕЛЕ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ
ПРОЦЕССЕ**

Рябус О. А.

Ростовский филиал ФГБОУВО «РГУП»

Актуальность темы исследования по мнению автора заключается в том, что несмотря на то, что институт лиц, участвующих в деле, неоднократно подвергался детальному анализу в гражданском процессуальном праве и не является новым, вопросы, связанные с его реализацией, в настоящее время по-прежнему остаются и являются весьма дискуссионными. Интерес к данному институту связан прежде всего с тем, что законность и обоснованность принятого по делу судебного решения во многом зависят от правильного определения процессуального положения каждого из субъектов сложившихся правоотношений.

В статье проводится теоретико-правовой анализ института лиц, участвующих в деле, иллюстрируя примерами из правоприменительной

Авторы отмечают, что в связи с многообразием материальных норм и возникающих на их основе правоотношений отсутствие в процессуальном законодательстве возможных средств и способов трансформации процессуального статуса создает ряд трудностей для органов правосудия и лиц, участвующих в деле.

Ключевые слова: гражданский процесс, арбитражный процесс, лица, участвующих в деле, трансформация.

Для изменения процессуального положения лиц, участвующих в деле, необходимо совершить последовательный ряд действий. Такие действия совершаются как судом, так и иными лицами, волеизъявление которых направлено на такое изменение.

Представляет интерес, приведенные В.М. Гордоном пример из судебной практики XIX в., наглядно изображающий, что изменение процессуального положения обусловлено как волеизъявлением самого лица, так и действиями суда: «...если третье лицо и становится на место прежде указанного ответчика, то это делается не по произволу истца, а вследствие отвода первоначального ответчика, не считающего себя обязанным отвечать по заявленному иску по приводимым им основаниям, обсуждение основательности которых зависит от суда» [1, с. 206].

При этом между действиями суда и сторон имеются значительные различия. По данному поводу Е.В. Васьковский отмечал следующее: «совершение действий сторонами зависит исключительно от их волеизъявления. Напротив, процессуальные действия суда обязательны в том смысле, что суд не только может, но, при наличии указанных в законе условий, должен совершать их, потому что его права являются вместе с тем и обязанностями; действия суда ведут к юридическим последствиям непосредственно, а вторые – только через посредство первых» [2, с. 566]. Далее он пишет: «однако в другом отношении действия суда являются несамостоятельными, по крайней мере в большинстве случаев. В силу принципов диспозитивности, состязательности и почина сторон суд не может ни приступить к производству, ни совершать последующих процессуальных действий без ходатайства и содействия сторон. С этой точки зрения можно сказать, что действия сторон обу-

словливают деятельность суда и являются необходимыми поводами для нее» [2, с. 112].

Вследствие этого в процессе на первом плане стоят действия суда. В них заключается существо процесса, «ими непосредственно вызываются процессуальные последствия, они служат ближайшей причиной этих последствий. Действия же сторон «имеют значение поводов, вызывающих действия суда и влияющих на них, они служат отдаленною причиной» [3, с. 149].

В связи с этим наибольший интерес представляет не деятельность сторон, которая в большей части сводится лишь к волеизъявлению, а деятельность суда, обуславливающая изменение процессуального положения. Проанализируем действия суда, которые совершаются им в ходе рассмотрения дела и приводят к изменению процессуального положения лиц, участвующих в деле.

Для начала отметим, что суд при осуществлении своей деятельности ограничен определенными законом рамками. Так Г.Л. Осокина отмечала, что «как суд, так и стороны могут совершать в процессе не все действия, какие покажутся им пригодными для достижения цели процесса – разрешения дела, а только те, на которые уполномочены законом, т.е. которые соответствуют их процессуальным правам» [4, с. 94].

Е.В. Васьковский подразделял все действия суда на три группы: «кпервой он относил такие действия, которые непосредственно направлены на проверку требований сторон и заключаются в восприятии и оценке процессуального материала, установлении фактической стороны дел и постановлении решений. В эту категорию входят и те, которые касаются выяснения фактического материала процесса в силу инструкционного принципа, как-то: право расспроса сторон, назначения осмотра, экспертизы и прочие» [2, с. 567].

Вторую группу, по мнению Васьковского Е.В. «составляют действия по управлению ходом процесса, принадлежащие суду согласно принципу формального руководства процессом. Третьей разновидностью являются действия, направленные на поддержание внешнего порядка, приличия и благопристойности во время заседаний» [2, с. 567].

Если говорить о действиях суда, обуславливающих изменение процессуального положения, то такие действия могут быть отнесены к первой или второй группе, приведенной выше классификации.

Их перечень весьма обширен, как отмечает большинство авторов: «они не зафиксированы в определенной статье процессуального закона как, например, действия суда при подготовке дела к судебному разбирательству. Их необходимо вычленять в каждом отдельном случае в зависимости от основания изменения процессуального положения и фактических обстоятельств дела. При этом многие из них не закреплены законодательством и совершаются судом по своему усмотрению» [5, с. 98].

Суд осуществляет свои процессуальные права и обязанности «двояким способом: либо высказывая суждения (например, признает ходатайства сторон подлежащими удовлетворению или нет), либо совершая те или другие фактические действия (выслушивает заявления сторон, выносит определения и т.д.)» [2, с.568].

Елисейкин П. считает, что «в первом случае деятельность суда – логическая: он строит суждения, т.е. делает логические заключения из норм объективного права и фактических обстоятельств. Во втором случае его деятельность фактическая. Меж-

ду этими двумя видами судейской деятельности имеется существенное различие» [6, с. 132].

Первая оказывает непосредственное влияние на процесс: на передвижение его из стадии в стадию, на окончательную судьбу как самого иска, так и на принятие решения по вопросу изменения процессуального положения. Вторая же сводится только к подготовке фактического материала для первой [6, с. 132].

Говоря о деятельности суда по решению вопроса об изменении процессуального положения, можно отметить что она совершается двумя вышеперечисленными способами. Суд осуществляет как логическую деятельность, так и фактические действия. Так Зеленская Л.А. среди действий суда, направленных на разрешение вопроса о составе лиц, участвующих в деле, называет: «во-первых, правильное определение состава субъектов спорного материального правоотношения; во-вторых, учет возможного наличия субъектов других материальных правоотношений, находящихся в тесной взаимосвязи со спорным материальным правоотношением; в-третьих, извещение и/или привлечение в процесс указанных лиц» [7].

Совершение указанных действий является необходимым и при разрешении вопроса о дальнейшем изменении процессуального статуса. При этом указанное выступает не как единичное действие. Этому предшествует длительный анализ имеющихся правоотношений и совершение ряда иных действий, направленных на разрешение дела.

На самом деле принятия решения по вопросу об изменении процессуального положения лиц, участвующих в деле в основном предопределяется при совершении судом действий при подготовке дела к судебному разбирательству.

Для уяснения и уточнения фактических обстоятельств «суд знакомится с содержанием представленных доказательств, вызывает стороны на беседу, допрашивает свидетелей, предлагает представить дополнительные доказательства, направляет запросы, совершает иные необходимые действия» [8, с. 81].

Для выяснения надлежащего положения лица, участвующего в деле, устанавливает юридические связи между субъектами права, «при этом окончательно решить данный вопрос возможно только в ходе рассмотрения дела на основе применения норм материального права, которые определяют субъектный состав правоотношений, исходя из реально сложившихся отношений между спорящими лицами» [9, с.82]. В связи с этим именно определение юридических связей между субъектами права позволяет установить надлежащее положение лиц, участвующих в деле.

Таким образом, на данном этапе суд совершает действия по своему усмотрению и самостоятельно определяет перечень таковых с учетом имеющихся фактических обстоятельств и положений процессуального законодательства. Именно на данном этапе активность судьи является ключевой и значимой.

Только после уяснения всех фактических обстоятельств дела, определения нормы материального права, состава субъектов спорного материального правоотношения, а также оснований для изменения процессуального статуса суд может совершить действия, которые окончательно фиксируют изменение процессуального положения и предопределяют необходимость совершения дальнейших действий.

Говоря «о действиях, окончательно фиксирующих изменение процессуального положения, мы подразумеваем как раз вынесение судом определения. Суд обязан

закреплять в письменной форме свои действия, чтобы обеспечить возможность проверки их правомерности высшими инстанциями» [8, с.81].

Необходимость вынесения судом определения закреплена процессуальным законодательством и является обязательным вне зависимости от основания изменения процессуального положения.

Изменить процессуальное положение лиц, участвующих в деле, возможно «посредством определений, заканчивающих процесс урегулированием спора (о прекращении производства по делу) и определений, обеспечивающих нормальный ход процесса (о замене или об отказе в замене правопреемника, о замене ненадлежащего ответчика, о привлечении к участию в деле)» [10, с.67].

Отметим, что вид и порядок вынесения определения напрямую зависит от основания изменения процессуального положения. Для одних перечень действий будет более расширенный, для других – ограничиваться лишь установлением фактических обстоятельств и проверкой на соответствие действующему законодательству.

Так, если мы говорим о правопреемстве, то после выяснения фактических обстоятельств суд выносит определение о замене или об отказе в замене правопреемника (ч. 3 ст. 44 ГПК РФ, ч. 2 ст. 48 АПК РФ) [11, 12].

Вынесение такого определения происходит по общим правилам. Оно постановляется судом обычно в совещательной комнате в том же порядке, как и решение. При этом суд может вынести определение и после совещания на месте, не удаляясь в совещательную комнату. Такое определение будет занесено в протокол судебного заседания с указанием вопроса, по которому выносится определение, мотивов, которыми суд руководствовался (в том числе и ссылки на законы), и самого содержания определения (резольютивная часть) [13, с.15].

В определении суда, которое по форме представляет самостоятельный процессуальный документ, кроме того, указываются время и место вынесения определения, наименование и состав суда, вынесшего определение, фамилия секретаря судебного заседания, лиц, участвующих в деле, и предмет спора, а также порядок и срок обжалования определения (ст. ст. 224 и 225 ГПК РФ) [14].

Если же мы рассматриваем субъективные основания изменения процессуального статуса, то здесь имеется определенная специфика - перечень действий не ограничивается только установлением фактических обстоятельств с последующим вынесением определения.

Согласно ч. 1 ст. 41 ГПК РФ «суд при подготовке дела или во время его разбирательства в суде первой инстанции может допустить по ходатайству или с согласия истца замену ненадлежащего ответчика надлежащим» [12]. Из указанного положения следует, если судом будет выявлено что требования истца предъявлены к ненадлежащему ответчику, суд должен поставить на обсуждение вопрос о замене такого ответчика для выяснения мнения истца.

При поступлении ходатайства или с согласия истца суд выносит определение о замене ненадлежащего ответчика надлежащим.

При этом довольно часто «на практике суды одним судебным актом разрешают вопрос о замене ненадлежащего ответчика и об изменении процессуального статуса «бывшего» ответчика (привлечении его в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельные требования относительно спора, на стороне ответчика)» [15, с. 207].

Довольно интересно обстоит ситуация с отказом истца от иска к некоторым ответчикам. Учитывая серьезность последствий отказа от иска (прекращение производства по делу и невозможность повторного обращения с аналогичными требованиями), законом предусмотрены действия суда, направленные на защиту истца и иных лиц.

Так в силу ч. 2 ст. 39 ГПК РФ «суд не принимает отказ истца от иска, признание иска ответчиком и не утверждает мировое соглашение сторон, если это противоречит закону или нарушает права и законные интересы других лиц» [12].

Таким образом перед принятием отказа от иска суд обязан проверить данный отказ на соответствие закону и исключить возможность нарушения прав и интересов других лиц.

Кроме того, в соответствии с ч. 2 ст. 39 ГПК РФ «суд разъясняет истцу, ответчику или сторонам последствия отказа от иска, признания иска или заключения мирового соглашения сторон» [12]. Аналогичные положения содержатся и в АПК РФ [11].

Лишь только после совершения указанных действий суд выносит определение о частичном прекращении производства, которое принимается в форме отдельного судебного акта. Неисполнение данных обязанностей будет являться основанием для отмены судебного акта.

Необходимо констатировать, что помимо выяснения фактических обстоятельств вынесению определений, посредством которых происходит изменение процессуального положения, предшествует ряд действий. Такие действия суда, по мнению Юдина А. «закключаются в проверке заявленных ходатайств на соответствие нормам действующего права, разъяснении последствий, а также в проверке на отсутствие нарушений прав и законных интересов других лиц» [16, с.11]. При этом из указанного следует, что суд может вынести не только положительное определение (о замене ненадлежащего ответчика, о замене стороны правопреемником и т.д.), но и отрицательное (об отказе в принятии заявления о частичном отказе от иска и др.).

Основанием для вынесения такого рода определений «будут служить несоответствие и недоказанность фактических обстоятельств, на которые ссылается субъект, нарушение норм материального и процессуального права, невозможность совершения процессуального действия на определенной стадии гражданского судопроизводства и т. д.» [13, с. 112].

При этом фиксация изменения процессуального статуса в определении суда предопределяет необходимость совершения дальнейших действий. Они предусмотрены процессуальным законодательством и совершаются как судом, так и лицами, участвующими в деле.

Примером действий, совершаемых сторонами, может являться, например, «направление в адрес привлеченного третьего лица искового заявления, отзыва на заявление и иных документов, которые у него отсутствуют, с последующим представлением доказательств направления, либо вручения документов в судебное заседание» [17, с.189].

Если же говорить о судебных действиях, то они прежде всего заключаются в обязательном извещении лиц, участвующих в деле о времени и месте проведения судебного заседания. Не менее важной является и «обязанность суда разъяснить

процессуальные права лицу, чье процессуальное положение было изменено в ходе рассмотрения дела» [18, с.281].

Кроме того, судом на лицо, чей процессуальный статус был изменен, может быть возложена обязанность по предоставлению отзыва на исковое заявление. Также процессуальным законодательством предусмотрена обязанность суда по направлению копий некоторых определений (например, о прекращении производства по делу) лицам, участвующим в деле, но не явившимся в судебное заседание [19, с.572].

Таким образом, действия, совершаемые судом в целях изменения процессуального положения, не ограничиваются и не заканчиваются одним лишь вынесением определения суда. Такие действия совершаются судом в определенном процессуальным законодательством порядке.

Рассмотрев действия суда по изменению процессуального положения, можно сделать вывод, что нормы процессуального законодательства, основанные на началах состязательности и диспозитивности, все же наделяют суд активными полномочиями. По мнению И. М. Пятилетова «активность суда восполняет распорядительную волю сторон и приводит ее в соответствие с действительными правами и интересами сторон» [20, с.7].

Подводя итог, подчеркнем перечень действий, совершаемых судом в целях изменения процессуального положения является достаточно обширным. При этом большинство из них не закреплены действующим законодательством и осуществляются по усмотрению суда. Кроме того, считаем необходимым отметить тесную взаимосвязь и неразрывность всех совершаемых в ходе рассмотрения дела действий. Так изменение процессуального положения предопределяет совершение дальнейших действий, например, об извещении лиц, участвующих в деле или о необходимости начать рассмотрения дела с самого начала.

Список литературы:

1. Гордон В.М. Основание иска в составе изменения исковых требований. Ярославль, 1902. С. 206, 216.
2. Васильковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения действия. – М.: Статут, 2016. С. 566.
3. Ярков В.В. Гражданский процесс. М., 2017. С. 149.
4. Осокина, Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть: Учебник / Г.Л. Осокина. - 3-е изд., перераб. - Москва: Норма: НИЦ Инфра-М, 2013. С. 94.
5. Гражданский процесс: учебник / А.П. Вершинин, Л.А. Кривоносова, М.А. Митина, В.А. Мусин и др.; отв.ред.: В.А. Мусин, Н.А. Чечина, Д.М. Чечот. - М., 1996. С. 98.
6. Елисейкин П.Ф. Предмет судебной деятельности в советском гражданском процессе // Советского государства и право. - 1974. - № 8. - С. 130 – 132.
7. Зеленская Л.А. Разрешение вопроса о составе лиц, участвующих в деле в гражданском судопроизводстве // Научный журнал КубГАУ - №120(06). - 2016 г.
8. Гражданское процессуальное право / под ред. М.С. Шакарян. М., 1993. С. 81.
9. Лукьянова И.Н. Процессуальные правила определения круга лиц, участвующих в деле, как фактор своевременного разрешения гражданского дела по существу // Современное право.-№3 - 2001. - С. 82-87.
10. Минасян Г.М. Решения и определения судов первой инстанции общей юрисдикции: Дис. канд. юрид. наук. - М., 2009. С. 67.
11. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022).//Российская газета. N 137, 27.07.2002;
12. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2022).//Российская газета. N 220, 20.11.2002.

13. Червякова С.Л. Определения суда первой инстанции по гражданским делам: Дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1981. - С. 15.
14. Осокина, Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть: Учебник / Г.Л. Осокина. - 3-е изд., перераб. - Москва: Норма: НИЦ Инфра-М, 2013. - С. 98.
15. Фомина О.Ю. Преобразование процессуального положения лиц, участвующих в деле, при взаимодействии норм материального и процессуального права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2015, № 3 (104). - С. 207.
16. Юдин А. Изменение и лишение процессуального статуса лиц, участвующих в деле, в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. - 2009.-№ 1.- С. 11.
17. Николайченко, О. В. Проблемы нормативного регулирования участия третьих лиц при рассмотрении и разрешении гражданских дел // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - №3 (86)- 2012. - С. 189.
18. Кац, С.Ю., Комаров В.В., Носко Л.Я., Радченко П.И. Советский гражданский процесс / под ред. Н.А.Чечиной, Д.М. Чечота. - Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984. - С. 281.
19. Гражданский процесс: Учебник / В.В. Аргунов, Е.А. Борисова, Н.С. Бочарова; Под ред. М.К. Треушников. - 5-е изд., перераб. и доп. - Москва : Статут, 2014. С. 572.
20. Пятилетов И. М. Распоряжения сторон гражданскими материальными и процессуальными правами в суде первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1970. - С. 7–8.

Ryabus O. A. To the question of change of the procedural status of persons participated in the case in the civil and arbitration process // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 210-217.

The relevance of the research topic, according to the author, lies in the fact that despite the fact that the institution of persons participating in the case has repeatedly been subjected to detailed analysis in civil procedural law and is not new, issues related to its implementation still remain and are highly controversial. The interest in this institution is primarily due to the fact that the legality and validity of the court decision adopted in the case largely depend on the correct determination of the procedural status of each of the subjects of the existing legal relations. The article provides a theoretical and legal analysis of the institution of persons participating in the case, illustrating with examples from law enforcement.

The authors note that due to the variety of substantive norms and the legal relations arising on their basis, the absence in the procedural legislation of possible means and methods for transforming the procedural status creates a number of difficulties for the judiciary and the persons involved in the case.

Keywords: civil process, arbitration process, persons involved in the case, transformation.

Spisok literary:

1. Gordon V.M. Osnovaniye iska v sostave izmeneniya iskovykh trebovaniy. Yaroslavl', 1902. - S. 206, 216.
2. Vas'kovskiy Ye.V. Kurs grazhdanskogo protsessa: Sub"yekty i ob"yekty protsessa, protsessual'nyye otnosheniya i deystviya. - M.: Statut, 2016. S. 566.
3. Yarkov V.V. Grazhdanskiy protsess. - M., 2017. - S. 149.
4. Osokina, G. L. Grazhdanskiy protsess. Obshchaya chast': Uchebnik / G.L. Osokina. - 3-е изд., перераб. - Москва: Норма: NITS Инфра-М, 2013. - С. 94.
5. Grazhdanskiy protsess: uchebnik / A.P. Vershinin, L.A. Krivonosova, M.A. Mitina, V.A. Musin i dr.; otv. red.: V.A. Musin, N.A. Chechina, D.M. Chechot. M., 1996. - S. 98.
6. Yeliseykin P.F. Predmet sudebnoy deyatel'nosti v sovetskom grazhdanskom protsesse // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. - 1974. - № 8. - S. 130 – 132.
7. Zelenskaya L.A. Razresheniye voprosa o sostave lits, uchastvuyushchikh v dele v grazhdanskom sudoproizvodstve / Nauchnyy zhurnal KubGAU. - №120(06).- 2016 g
8. Grazhdanskoye protsessual'noye pravo / pod red. M.S. Shakaryan.- M., 1993. S. 81.
4. Osokina, G. L. Civil process. General part: Textbook / G.L. Osokin. - 3rd ed., revised. - Moscow: Norma: NITs Infra-M, 2013.-S. 94.
5. Civil process: textbook / A.P. Vershinin, L.A. Krivonosov, M.A. Mitina, V.A. Musin and others; resp. editor: V.A. Musin, N.A. Chechina, D.M. Chechot. M., 1996. - S. 98.
6. Eliseikin P.F. The subject of judicial activity in the Soviet civil process // Soviet state and law. - 1974. - № 8. - S. 130 - 132.
7. Zelenskaya L.A. Resolution of the issue of the composition of persons participating in the case in civil proceedings / Scientific journal of KubSAU.- № 120 (06).- 2016
8. Civil procedural law / ed. M.S. Shakarian.- M., 1993. - S. 81.

9. Luk'yanova I.N. Protssesual'nyye pravila opredeleniya kruga lits, uchastvuyushchikh v dele, kak faktor svoeyevremennogo razresheniya grazhdanskogo dela po sushchestvu // *Sovremennoye pravo*. №3 - 2001. - S. 82-87.
10. Minasyan G.M. Resheniya i opredeleniya sudov pervoy instantsii obshchey yurisdiktsii: Dis. ... kand. yurid. nauk. - M., 2009. - S. 67.
11. Arbitrazhnyy protssesual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 24.07.2002 N 95-FZ (red. ot 30.12.2021) (s izm. i dop., vstup. v silu s 10.01.2022)//*Rossiyskaya gazeta*. N 137, 27.07.2002;
12. Grazhdanskiy protssesual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 14.11.2002 N 138-FZ (red. ot 30.12.2021) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.02.2022)//*Rossiyskaya gazeta*. N 220, 20.11.2002.
13. Chervyakova S.L. Opredeleniya suda pervoy instantsii po grazhdanskim delam: Dis. ... kand. yurid. nauk. Sverdlovsk, 1981. S. 15.
14. Osokina, G. L. Grazhdanskiy protsess. Obshchaya chast': Uchebnik / G.L. Osokina. - 3-e izd., pererab. - Moskva: Norma: NITS Infra-M, 2013. - S. 98.
15. Fomina O.YU. Preobrazovaniye protssesual'nogo polozheniya lits, uchastvuyushchikh v dele, pri vzaimodeystvii norm material'nogo i protssesual'nogo prava // *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. - 2015, № 3 (104). - S. 207.
16. Yudin A. Izmeneniye i lisheniye protssesual'nogo statusa lits, uchastvuyushchikh v dele, v grazhdanskom sudoproizvodstve // *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*. - 2009.-№ 1. - S. 11.
17. Nikolaychenko, O. V. Problemy normativnogo regulirovaniya uchastiya tret'ikh lits pri rassmotrenii i razreshenii grazhdanskikh del//*Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. - №3 (86).- 2012. - S. 189
18. Kats, S.YU., Komarov V.V., Nosko L.YA., Radchenko P.I. Sovetskiy grazhdanskiy protsess / pod red. N.A. Chechinoy, D.M. Chechota. – L.: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1984. S. 281.
19. Grazhdanskiy protsess: Uchebnik / V.V. Argunov, Ye.A. Borisova, N.S. Bocharova; Pod red. M.K. Treushnikova.- 5-e izd., pererab. i dop. - Moskva : Statut, 2014. - S. 572.
20. Pyatiletov I. M. Rasporyazheniya storon grazhdanskimi material'nymi i protssesual'nymi pravami v sude pervoy instantsii : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1970. S. 7–8.

УДК 347.9

ОСОБЕННОСТИ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ

Рябус О. А., Старицын А. В.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

Как в России, так и во всем мире активно развиваются и набирают все большую популярность альтернативные способы разрешения (урегулирования) споров, под которыми понимается – совокупность процедур, которые способствуют не судебному разрешению споров. К таким процедурам в различных странах относят различные внесудебные формы разрешения дела, в частности медиация, арбитраж (третейское разбирательство), переговоры, судебное примирение и т.д.

Исследование зарубежного опыта их применения и тщательный анализ сильных и слабых сторон позволит обогащать отечественную правовую систему новыми правовыми институтами без издержек, сопутствующих внедрению абсолютно новых институтов.

Статья посвящена детальному анализу сильных и слабых сторон альтернативных способов разрешения споров.

Ключевые слова: спор, разрешение спора, медиация, арбитраж, судебное примирение, примирительные процедуры, согласительные процедуры.

В правовых системах зарубежных стран выработалось стабильное понятие – разрешение споров (Dispute Resolution). Американская ассоциация адвокатов на своем сайте приводит следующее определение указанного понятия: «разрешение споров» — это термин, который относится к числу процессов, которые могут быть использованы для разрешения конфликта, спора или претензии» [1]. Как правило, если речь идет о перечислении конкретных способов разрешения споров, то употребляется термин «формы разрешения споров». Реже используется термин «способы разрешения споров».

Среди основных форм разрешения споров зарубежные авторы наиболее часто называют: «производство в государственных судах (Court litigation), арбитраж (Arbitration), альтернативные способы разрешения споров (Alternative Dispute Resolution – ADR) и онлайн-разрешение споров (Online Dispute Resolution)».

Способы урегулирования споров без обращения в государственные суды традиционно объединяются под названием «альтернативные» (т.е. другие, в некотором смысле «противоположные»). Значение слова «альтернативный» в словосочетании «альтернативные способы разрешения споров» можно трактовать несколько шире, нежели «отличный от обращения в государственные суды». Это слово подчеркивает гражданско-правовую природу этих способов. Как справедливо отмечает В.А. Ойгензихт, «альтернатива является проявлением присущей гражданскому праву диспозитивности, т.е. способность «осуществлять правосубъектность по своему усмотрению, приобретая гражданские права и обязанности, распоряжаясь ими, определяя в известных пределах их содержание» [2, с. 11].

Кроме того, «альтернатива предписанию диспозитивной нормы допустима только в отношении обоюдного волеизъявления, соглашения сторон, а не в отношении одностороннего установления правоприменительного органа» [2, с.11].

Поэтому справедливо будет утверждать, что все альтернативные способы разрешения (урегулирования) споров объединены их договорной природой и каждый их

них представляет собой консенсуальный договор сторон. В последнее время в России и за рубежом все больше особое внимание уделяется вопросам развития и применения альтернативных способов разрешения споров. Причинами этого выступают ряд факторов: «во-первых, большое влияние оказывает недостаточная эффективность работы судебной системы при рассмотрении отдельных категорий дел, которая может заключаться в перегруженности судов, длительности судебного разбирательства, некачественном рассмотрении дел, а также ряд других признаков, присущих различным судебным системам» [3, с. 150-159].

Во-вторых, стороны предпочитают сохранить деловые и партнерские отношения, избежать огласки и разрешить спор полюбовно. Обычно это не всегда удается при разбирательстве в государственном суде. Также выделяют такие факторы как стремительные социально – экономические изменения, глобализация, рост миграции.

Альтернативные способы разрешения (урегулирования) споров выступают ответом на вызов современной общественно-экономической эволюции. Недаром в последние годы все чаще аббревиатуру АРС расшифровывают как «адекватные способы разрешения споров» [4, с. 90].

Мировая практика является подтверждением эффективного использования альтернативные способы разрешения (урегулирования) споров при урегулировании споров. Так, например, по данным Центра эффективного разрешения споров в Англии (Centre for Effective Dispute Resolution) 85% споров, которые разрешались путем посредничества в указанном Центре, завершились заключением мирового соглашения (при средней продолжительности посредничества в полтора дня), 6% были мирно урегулированы в течение трех месяцев после проведения посредничества и лишь 9% споров были переданы на рассмотрение в суд [5, р.91]. В России, к сожалению, не более 1% гражданско-правовых споров разрешаются третейскими судами, а медиация и вовсе не развита [6, с. 275].

Несмотря на это, Россия не оставалась в стороне от общемировых тенденций в этой сфере, тем более что испокон веков традиционно применялись такие формы разрешения споров, как третейское разбирательство, с 19 века – мировые суды, в 20 веке – претензионный порядок, разного рода примирительные и согласительные процедуры. Актуальность использования альтернативных способов разрешения (урегулирования) споров в России особенно возросла в связи с принятием в 2002 году нового АПК РФ. В котором появилась Глава 15 АПК («Примирительные процедуры. Мировое соглашение»), которая в свою очередь содержит положение о том, что стороны могут урегулировать спор, заключив мировое соглашение или используя другие примирительные процедуры, если это не противоречит федеральному закону. АПК РФ так же содержит ряд других положений, стимулирующих использовать альтернативные способы разрешения (урегулирования) споров и развивать партнерские отношения.

Например, несоблюдение истцом претензионного или иного досудебного порядка, если он предусмотрен федеральным законом или договором, «является основанием для оставления искового заявления без движения (п. 1 ст. 128); АПК устанавливает в качестве основной задачи подготовки дела к судебному разбирательству в арбитражном суде примирение сторон (п. 3 ст. 133) и обязанность арбитражного суда по разъяснению сторонам их права передать спор на разрешение третейского суда, и обращение за содействием к посреднику в целях урегулирования спора, и

последствия совершения таких действий (п. 2 ст. 135); возможность отложения арбитражным судом судебного разбирательства по ходатайству обеих сторон в случае их обращения за содействием к суду или посреднику в целях урегулирования спора (п. 2 ст. 158)» и т.д.

Несмотря на это, следует отметить, что в настоящий момент нормы российского законодательства, посвященные альтернативным способам разрешения (урегулирования) споров, носят отрывочный и декларативный характер. На сегодняшний день понятие «Альтернативный способ разрешения споров» в российском законодательстве не раскрыто, также не установлен полный перечень примирительных процедур, отсутствуют указания на допустимые или рекомендованные способы. В АПК РФ содержится лишь ссылка на возможность использования примирительных процедур и возможность обращения к посреднику.

Дефиниция «альтернативное разрешение спора» заимствована из английского языка (Alternative dispute resolution (ADR)) и в самом общем смысле означает любое внесудебное разрешение споров. По мнению А.Ю. Коннонова, «Альтернативные способы разрешения (урегулирования) споров представляет собой систему взаимосвязанных действий сторон и иных лиц по рассмотрению возникшего спора, направленных на его внесудебное урегулирование или разрешение с использованием примирительных или иных не запрещенных процедур, осуществляемое, как правило, на основании добровольного волеизъявления сторон» [7, с.124]. Г.В. Севастьянов «под альтернативным разрешением споров понимает право выбора любого не запрещенного законом способа разрешения спора и урегулирования конфликта самими субъектами спорного правоотношения исходя из конкретной ситуации» [8, с.141].

По мнению С.С. Сулакшина «альтернативное разрешение споров — это способ внесудебного воздействия на конфликт, целью которого является устранение противоречия между сторонами конфликта или минимизация негативных последствий конфликта для его участников» [9].

Многие российские авторы, исследуя отдельные виды альтернативных способов разрешения (урегулирования) споров используют термин «процедуры»: «Под способами разрешения споров и урегулирования правовых конфликтов понимаются регулируемые законодательством и/или соглашением сторон государственные или негосударственные (частные) процедуры: государственное судопроизводство, третейское разбирательство, примирительные процедуры и др.» [10, с.14]. Аналогичный термин использует М.А. Рожкова: «К процедурам внесудебного разрешения и урегулирования споров относится также и примирение (согласительные процедуры)» [11, с.12].

Применительно к альтернативным способам разрешения (урегулирования) споров распространен также термин «механизмы». Например, научно-практическое пособие Н.И. Гайдаенко имеет название «Формирование системы альтернативных механизмов разрешения споров: бесконфликтное общество как основа противодействия коррупции» [12, с.75].

Таким образом, в приведенных цитатах применительно к альтернативным способам разрешения (урегулирования) споров использовались несколько терминов: «способы», «процедуры», «виды», «механизмы» и «формы». На практике, перечисленные термины используются учеными как синонимы.

Еще одной отличительной особенностью является то, что в рамках альтернативных способов разрешения (урегулирования) спора он не разрешается судом по существу, суд может выступать только в качестве лица, содействующего самой процедуре альтернативного разрешения споров. Например, суд в некоторых странах может рекомендовать сторонам, начавшегося судебного процесса, использовать одну из форм альтернативного разрешения спора. Также, суд может содействовать исполнению решений, например, путем признания и приведения в исполнение решений, вынесенных в результате использования АРС или утверждения мирового соглашения. Так, например, «Кировский районный суд г. Астрахани утвердил мировое соглашение по гражданскому делу по иску Саркисяна А.А. к Скороход Е.В., Жулдарсовой Р.Ю. о признании сделки недействительной, в основе которого положено медиативное соглашение, поскольку данное соглашение достигнуто в результате процедуры медиации, проведенной после передачи спора на рассмотрение в суд» [13].

Также в качестве специфического признака можно назвать то, что действия сторон и иных лиц, участвующих в альтернативных способах разрешения (урегулирования) спор при рассмотрении и разрешении спора, должны носить системный характер и быть взаимосвязаны. Системность обеспечивается выбранной процедурой альтернативных способов разрешения (урегулирования) спор: при третейском разбирательстве, стороны и арбитры подчиняются правилам третейского разбирательства; при посредничестве, как правило стороны, и посредник руководствуются соглашением о посредничестве и правилами проведения посредничества. При этом важно, чтобы использование соответствующе процедуры не было запрещено законом для разрешения соответствующего спора.

Обязательной целью проведения альтернативных способов разрешения (урегулирования) спора является достижение определенногорезультата – урегулирование или разрешение спора. При этом, важно отличать процедуру альтернативного разрешения споров от различных способов «предотвращения» спора и «управления» им. Процедура предотвращения представляет собой совокупность действий, по планированию и анализу, направленных на построение отношений таким образом, чтобы избежать возможный конфликт. Такие способы могут включать: «юридический аудит (legal audit), представляющий собой идентификацию источников потенциальной или реальной возможности возникновения спора, с целью уменьшить или исключить риск его возникновения; партнерство (partnering), представляющее собой выработку стратегии взаимоотношений сторон, в рамках конкретных договорных отношений, направленной на разрешение возникших проблем, главная цель которой - гармонизацию отношений между сторонами; «фильтрация споров» (filtering of disputes), суть данного способа заключается в формировании многоуровневой системы оценки споров, которая позволяет выявить (отфильтровать) те споры, которые могут быть разрешены без судебного или арбитражного разбирательства» [14, р.41].

Управление спорами представляет собой практические действия сторон в уже возникшем споре, направленные на избежание судебного разбирательства, минимизацию издержек, выбор наиболее подходящей процедуры разрешения спора и т.д. Главная «цель таких действий — это сохранение времени и минимизация затрат сторон». Несмотря на то, что «некоторые альтернативные способы разрешения

(урегулирования) спора могут способствовать управлению уже возникшего спора, а также предотвращать его возникновение, они прежде всего направлены на разрешение уже возникшего спора» [14, р. 41].

Большинство из альтернативных способов разрешения (урегулирования) споров осуществляются при наличии добровольного волеизъявления сторон. Как правило, это означает наличие определенного соглашения между сторонами спора. Однако, «имеются случаи, при которых стороны обязаны использовать какую-либо из процедур альтернативного разрешения споров, например, соблюдение претензионного или досудебного порядка при рассмотрении определенных категорий дел» [15], а «соблюдение примирительных процедур предусмотрена при разрешении коллективных трудовых споров, на практике к таким примирительным процедурам как правило относятся коллективные переговоры» [16].

Список литературы:

1. Dispute Resolution Processes // American Bar Association. [Электронный ресурс]. URL: http://www.americanbar.org/groups/dispute_resolution/resources/DisputeResolutionProcesses (дата обращения: 21.12.2021).
2. Альтернатива в гражданском праве. / В.А. Ойгензихт. Душанбе: Ирфон, 1991.
3. Галицкая В.А., Казарян К.В. Институт примирительных процедур в России: история становления и развития. // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. - 2016. - № 1. - С. 150-159.
4. Шамликашвили Ц.А., Кабанова Е.В., Тюльканов С.Л. Альтернативные способы разрешения споров и медиация в современном российском законодательстве // Современное право. - 2015. - № 5. - С. 90.
5. Carrol E., Mackie K. International Mediation - The Art of Business Diplomacy: Kluwer Law International, 2000. P. 91.
6. Силина Е.В. Перспективы развития альтернативных форм разрешения споров // Ленинградский юридический журнал. - 2017. - № 2. - С. 275.
7. Коннонов А.Ю. Понятие, классификация и основные виды альтернативных способов разрешения споров // Журнал российского права. - 2004. - № 12. - С. 124.
8. Севастьянов Г.В. Альтернативное разрешение споров: понятие и общие признаки // Третейский суд. - 2016. - № 2. - С. 141.
9. Альтернативные способы разрешения споров между субъектами предпринимательской деятельности: монография / С. С. Сулакшин. Центр проблемного анализа и гос.-управленческого проектирования. - Москва: Научный эксперт, 2013. - С. 78.
10. Андреева Т.К. Примирительные процедуры в арбитражном процессе // Третейский суд. - 2016. - № 1. - С. 14.
11. Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора / М.А. Рожкова. М.: Волтерс Клувер, 2016. - С. 12.
12. Формирование системы альтернативных механизмов разрешения споров: бесконфликтное общество как основа противодействия коррупции: Науч.-практ. пособие / Отв. ред. Н.Г. Семилотина. М.: ИЗИСП; ИНФРА-М, 2015. - С. 75.
13. Определение Кировского районного суда г. Астрахань от 30 июня 2017 № 2-2201/2017 2-2201/2017~М- 2405/2017 М-2405/2017 по делу № 2-2201/2017 // <http://sudact.ru/> (дата обращения 21.01.2021).
14. Pirie J. Andrew. Alternative Dispute Resolution. Skills, Science, and the Law: Irwin Law, 2000. P. 41.
15. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 03.06.2018 № 4221/2018-306932(3) по делу № А56-41715/2018 // <http://kad.arbitr.ru/> (дата обращения 21.12.2021).
16. Решение Центрального районного суда г. Сочи от 1 августа 2017 № 2-2957/2017 2-2957/2017~М-3854/2017 М-3854/2017 по делу № 2-2957/2017 // <http://sudact.ru/> (дата обращения 21.12.2021).

Ryabus O. A., Staritcin A. V. Features of alternative dispute resolution methods // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 218-223.

Both in Russia and around the world, alternative methods of resolving (settlement) of disputes are actively developing and gaining more and more popularity, which is understood as a set of procedures that contribute to non-judicial resolution of disputes. Such procedures in different countries include various extrajudicial

forms of resolving a case, in particular mediation, arbitration (arbitration), negotiations, judicial conciliation, etc.

The study of foreign experience in their application and a thorough analysis of strengths and weaknesses will allow enriching the domestic legal system with new legal institutions without the costs associated with the introduction of completely new institutions.

The study of foreign experience in their application and a thorough analysis of strengths and weaknesses will allow enriching the domestic legal system with new legal institutions without the costs associated with the introduction of completely new institutions.

The article is devoted to a detailed analysis of the strengths and weaknesses of alternative dispute resolution methods.

Keywords: dispute, dispute resolution, mediation, arbitration, judicial conciliation, conciliation procedures, conciliation procedures.

Spisok literaturi:

1. Dispute Resolution Processes // American Bar Association. [Электронный ресурс]. URL: http://www.americanbar.org/groups/dispute_resolution/resources/DisputeResolutionProcesses (дата обращения: 21.12.2021).
2. Al'ternativa v grazhdanskom prave. / V.A. Oygenzikht. Dushanbe: Irfon, 1991.
3. Galitskaya V.A., Kazaryan K.V. Institut primiritel'nykh protsedur v Rossii: istoriya stanovleniya i razvitiya. // Elektronnyy vestnik Rostovskogo sotsial'no-ekonomicheskogo instituta. - 2016. - № 1. - S. 150-159.
4. Shamlikhailshvili TS.A., Kabanova Ye.V., Tyul'kanov S.L. Al'ternativnyye sposoby razresheniya sporov i mediatsiya v sovremennom rossiyskom zakonodatel'stve // Sovremennoye pravo. - 2015. - № 5. - S. 90.
5. Carrol E., Mackie K. International Mediation - The Art of Business Diplomacy: Kluwer Law International, 2000. P. 91.
6. Silina Ye.V. Perspektivy razvitiya al'ternativnykh form razresheniya sporov // Leningradskiy yuridicheskoy zhurnal. - 2017. - № 2. - S. 275.
7. Kononov A.YU. Ponyatiye, klassifikatsiya i osnovnyye vidy al'ternativnykh sposobov razresheniya sporov // Zhurnal rossiyskogo prava. - 2004. - № 12. - S. 124.
8. Sevast'yanov G.V. Al'ternativnoye razresheniye sporov: ponyatiye i obshchiye priznaki // Treteyskiy sud. - 2016. - № 2. - S. 141.
9. Al'ternativnyye sposoby razresheniya sporov mezhdru sub'yektami predprinimatel'skoy deyatel'nosti: monografiya / S. S. Sulakshin. Tsentr problemnogo analiza i gos.-upravlencheskogo proyektirovaniya. - Moskva: Nauchnyy ekspert, 2013. - S. 78.
10. Andreeva T.K. Conciliation procedures in the arbitration process // Arbitration Court. - 2016. - No. 1. - P. 14.
11. Sredstva i sposoby pravovoy zashchity storon kommercheskogo spora / M.A. Rozhkova. M.: Volters Kluwer, 2016. - S. 12.
12. Formirovaniye sistemy al'ternativnykh mekhanizmov razresheniya sporov: beskonfliktnoye obshchestvo kak osnova protivodeystviya korruptsii: Nauch.-prakt. posobiye / Otv. red. N.G. Semilyutina. M.: IZiSP; INFRA-M, 2015. - S. 75.
13. Opredeleniye Kirovskogo rayonnogo suda g. Astrakhan' ot 30 iyunya 2017 № 2-2201/2017 2-2201/2017~M- 2405/2017 M-2405/2017 po delu № 2-2201/2017 // <http://sudact.ru/> (data obrashcheniya 21.01.2021).
14. Pirie J. Andrew. Alternative Dispute Resolution. Skills, Science, and the Law: Irwin Law, 2000. P. 41.
15. Decision of the Arbitration Court of the city of St. Petersburg and the Leningrad Region dated 06/03/2018 No. 4221/2018-306932(3) in case No. A56-41715/2018 // <http://kad.arbitr.ru/> (accessed 21.12. 2021).
16. Decision of the Central District Court of Sochi dated August 1, 2017 No. 2-2957/2017 2-2957/2017~M-3854/2017 M-3854/2017 in case No. 2-2957/2017 // <http://sudact.ru/> (accessed 12/21/2021).

УДК 346.62

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОНКУРЕНЦИИ НА ФИНАНСОВОМ РЫНКЕ

Щербак Е. Н.

ФГБОУВО «Российский государственный гуманитарный университет»

В статье рассматриваются действующие нормы российского антимонопольного законодательства, призванные эффективно регулировать конкуренцию на финансовом рынке с целью ее развития. Анализируются особенности развития конкуренции на финансовом рынке в условиях цифровой трансформации. Исследуются основные правовые способы устранения недобросовестной конкуренции и тенденции их совершенствования. контроля за экономической концентрацией на финансовом рынке.

Автор приходит к выводу о наличии серьезных проблем в части применения норм действующего антимонопольного регулирования к участникам финансового рынка. Предлагаются конкретные рекомендации для правоприменительной практики в сфере конкуренции на финансовом рынке.

Ключевые слова: конкуренция, финансовый рынок, финансовые организации, доминирующее положение на финансовом рынке, злоупотребление доминирующим положением, потребители финансовых услуг.

Конкуренция – одно из важных условий развития финансового рынка. Она позволяет финансовым организациям повышать эффективность своей деятельности, внедрять инновационные достижения и в конечном счете полностью удовлетворять растущие потребности клиентов.

Основные задачи по развитию конкуренции в финансовой сфере, определены в Указе Президента Российской Федерации от 21.12.2017 №618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» [1]. Выполнение поставленных Президентом задач предусмотрено в Национальном плане развития конкуренции в Российской Федерации [2]. Банком России разработаны «Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2022–2024 годов», где особо выделена конкуренция, в качестве одного из основных направлений развития финансового рынка [3].

Как известно, понятие «антимонопольная государственная политика» как юридическое определение характеризуется сложным составом, основное ее содержание направлено на соблюдение антимонопольного законодательства. Реализация антимонопольной политики заключается в профилактике, предупреждении и пресечении возникновения монополистической деятельности, злоупотреблений своим доминирующим положением, пресечении заключения картельных соглашений, которые направлены на ограничение конкуренции на финансовом рынке.

Мероприятия по реализации антимонопольной политики на финансовом рынке направлены на достижение следующих результатов: исключить дискриминацию и устранить барьеры для финансовой деятельности; значительно снизить степень влияния государства на финансовые рыночные отношения; исключить обстоятельства, которые усиливают власть доминирующих игроков на финансовом рынке; создать дополнительные условия для спроса на финансовые услуги; снизить «привязки» клиентов к обслуживаемой финансовой организации; стимулировать добросовестные практики в деятельности финансовых организаций.

В нормах 135-ФЗ «О защите конкуренции», дано определение понятию конкуренции как «соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них, исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке» [п.7 ст.4. 4]

Такая формулировка очень обширна. Она охватывает общее абстрактное состояние соперничества примерно равных хозяйствующих субъектов по критерию конкурентности только для некоего абстрактного рынка.

Это определение вполне подходит для характеристики деятельности конкурентов на рынке соответствующего товара и не вполне подходит для целей развития конкуренции именно на рынке финансовых услуг.

Специфика конкуренции на финансовом рынке связана с тем, что финансовые организации, в отличие от иных хозяйствующих субъектов, распоряжаются в основном привлеченными денежными средствами, а не собственными. А как правило, любые потери финансовых средств, могут очень серьезно отразиться на бизнесе и могут привести к банкротству или ликвидации участников бизнеса, потере рабочих мест. Кроме того, физические лица доверяя свои сбережения финансовым организациям не всегда обладают специальными познаниями в сфере управления финансами и потеря крупных собственных сбережений для физических лиц, в отдельных случаях сравнима с личной трагедией.

Закон дает свое определение финансовой услуги, как совокупности банковских услуг, страховых услуг, услуг на рынке ценных бумаг, услуг по договору лизинга, а также услуг, оказываемых финансовой организацией и связанных с привлечением и (или) размещением денежных средств юридических и физических лиц [п.2 ст.4.,4].

С учетом такой специфики регулятором устанавливаются особые требования к наличию у финансовых организаций собственных средств, к резервированию рисков, к деловой репутации самой финансовой организации и ее руководителей.

Финансовый рынок с учетом такой специфики, в большинстве своих сегментов не соответствует классической теоретической модели, в соответствии с которой, конкурируют большое число участников товарного рынка, и они обладают минимальной, примерно равноценной рыночной властью. Наоборот, приоритетом для потребителей финансовых услуг могут быть не мелкие, а крупные финансовые организации.

Однако, с другой стороны, потребителям финансовых услуг выгодно соревнование между финансовыми организациями по таким важным параметрам как время, стоимость, качество, доступность и надежность финансовых услуг.

Таким образом, по нашему мнению, более содержательным будет следующее определение: конкуренция на финансовом рынке – представляет собой соперничество между финансовыми организациями за лучшее качество финансовых услуг, предоставляемых потребителям.

При таком подходе и понятие антимонопольного регулирования на рынке финансовых услуг можно определить, как – комплекс законодательных норм, направленных на обеспечение условий для рыночной конкуренции и не допущения монополизации финансового рынка.

Тогда с одной стороны проявляется соперничество между финансовыми организациями, оказывающими одинаковые и взаимозаменяемые финансовые услуги и в

то же время, с другой стороны эти организации стремятся занять прочное положение на финансовом рынке за счет привлечения и удержания большинства клиентов.

Согласно федеральному закону: финансовая организация это хозяйствующий субъект, оказывающий финансовые услуги, в том числе, кредитная организация, профессиональный участник рынка ценных бумаг, организатор торговли, клиринговая организация, микрофинансовая организация, кредитный потребительский кооператив, субъект страхового дела, негосударственный пенсионный фонд, управляющая компания инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов, негосударственных пенсионных фондов, специализированный депозитарий инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов, негосударственных пенсионных фондов, ломбард (финансовая организация, поднадзорная Центральному банку Российской Федерации), лизинговая компания (иная финансовая организация, финансовая организация, не поднадзорная Центральному банку Российской Федерации) [п.б. ст. 4., 4].

Однако такой перечень не в полной мере соответствует методологии Банка России по классификации и формированию реестра финансовых организаций. Необходимо отметить, что перечень финансовых организаций поднадзорных и не поднадзорных регулятору значительно шире и содержательнее чем это сформулировано в федеральном законе 135-ФЗ «О защите конкуренции».

Так в соответствии с «Методологией формирования Перечня организаций финансового сектора», Банком России сформированы и ведутся обширные, содержательные реестры, например: Единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ), представляемый в Банк России на квартальной основе в соответствии с Соглашением об информационном взаимодействии между Федеральной налоговой службой (ФНС) и Банком России; Книга государственной регистрации кредитных организаций; Реестр операторов платежных систем; Государственный реестр бюро кредитных историй; Государственный реестр сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативов; Государственный реестр микрофинансовых организаций; Государственный реестр саморегулируемых организаций микрофинансовых организаций; Государственный реестр саморегулируемых организаций кредитных потребительских кооперативов; Государственный реестр ломбардов; Государственный реестр кредитных потребительских кооперативов; Реестр жилищных накопительных кооперативов; Реестр паевых инвестиционных фондов; Реестр лицензий управляющих компаний; Реестр лицензий негосударственных пенсионных фондов; Реестр лицензий акционерных инвестиционных фондов; Реестр саморегулируемых организаций профессиональных участников рынка ценных бумаг; Реестр саморегулируемых организаций субъектов коллективных инвестиций; Список брокеров; Список дилеров; Список доверительных управляющих; Список депозитариев; Реестр лицензий специализированных депозитариев; Список реестродержателей (регистраторов); Реестр лицензий бирж; Список форекс-дилеров; Реестр лицензий на осуществление клиринговой деятельности; Единый государственный реестр субъектов страхового дела; Реестр объединений субъектов страхового дела; Реестр управляющих компаний специализированных обществ.

По мере появления новых данных, а также в процессе взаимодействия с отчитывающимися организациями подходы к включению организаций Перечень могут

уточняться. Поэтому перечень финансовых организаций как основных поставщиков финансовых услуг остается открытым.

Очевидно, что основная специфика конкуренции между этими финансовыми организациями проявляется в том, что условия конкуренции на этом рынке формируют сами участники. С учетом такой специфики в структуре основных участников финансового рынка можно выделить следующие категории: потребители финансовых услуг; поставщики финансовых услуг; контрольные и надзорные органы (ФАС России, Банк России, а также саморегулируемые организации (СРО).

Основным органом, обладающим самым широким кругом полномочий, является ФАС России. Эти полномочия обеспечивают предупреждение и пресечение монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, а также действий органов государственной власти, направленных на ограничение конкуренции на финансовом рынке.

Учитывая значение конкуренции на финансовом рынке законом (в ст.18 ФЗ «О защите конкуренции») предусмотрены особенности заключения договоров финансовых организаций с федеральными органами исполнительной власти и с органами управления государственных внебюджетных фондов. Они заключаются только по результатам открытого конкурса или открытого аукциона в соответствии с Федеральным законом от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [5].

ФАС России формирует предложения о стоимости активов для целей контроля за экономической концентрацией. Эти предложения формируются при взаимодействии с Министерством финансов Российской Федерации и Банком России.

Как известно признаками злоупотребления хозяйствующим субъектом своим доминирующим положением могут быть сочетания следующих выявленных фактов: факт признания положения организации как доминирующего на финансовом рынке; факт совершения действий по злоупотреблению этим доминирующим положением. А в отношении финансовых организаций ФЗ «О защите конкуренции» предусматривает дополнительно специальный вид злоупотребления доминирующим положением: «запрещается установление финансовой организацией необоснованно высокой или необоснованно низкой цены финансовой услуги, следствием которой будет или могут являться недопущение, ограничение, устранение конкуренции и (или) ущемление интересов других лиц (хозяйствующих субъектов) в сфере предпринимательской деятельности либо неопределенного круга потребителей»

Банк России для развития конкуренции осуществляет следующие функции: согласует правила и условия, при которых финансовая организация признается занимающей доминирующее положение на финансовом рынке; согласует правила недискриминационного доступа к финансовым услугам организаций, занимающих доминирующее положение, в случаях выявления нарушений закона в действиях этих организаций; согласует методики определения необоснованно высокой или необоснованно низкой цены услуг финансовой организации; согласует порядок проведения анализа состояния конкуренции для выявления доминирующего положения в отдельных сегментах финансового рынка; согласует величину активов для дачи согласия на сделки; участвует в работе коллегиальных органов ФАС России при пересмотре принятых территориальными органами ФАС России, решений и

предписаний по делам финансовых организаций, нарушивших антимонопольное законодательство.

Совместная работа Банка России с ФАС России в коллегиальных органах и комиссиях, осуществляется на паритетной основе со всеми правами, предусмотренными для членов таких органов и комиссий.

Основа для совместной, слаженной работы Банка России и ФАС заложена и регулируется приказом Федеральной антимонопольной службы от 14.10.2004г. №136 «О создании Экспертного совета по защите конкуренции на рынке финансовых услуг при Федеральной антимонопольной службе».

Экспертный совет в своей деятельности охватывает четыре сегмента: рынок банковских услуг, рынок страховых услуг, рынок ценных бумаг, организованные торги.

Совместная деятельность по развитию конкуренции Банка России и ФАС России закреплена и в «Соглашении о взаимодействии между Центральным Банком Российской Федерации и Федеральной антимонопольной службой» подписанном 8 июня 2017г. №БР-Д-40/559 и соответствующем Дополнительном соглашении.

В ходе современной цифровой трансформации важным направлением является создание национальных цифровых платформ на всех сегментах финансового рынка.

Особенность такой модели заключается в том, что на финансовом рынке не возникают проблемы, связанные с необходимостью реального перемещения или потребления материальных ценностей. В основе современной финансовой услуги лежит ускоренный оборот информации о финансовых активах, ускоренная обработка цифровой информации и ее надежная защита. Так формируется полезная стоимость финансовых услуг с помощью современных цифровых технологий. Появление новых финансовых продуктов в сфере алгоритмической торговли, робоэдвайзинга, смарт-контрактов, системы быстрых платежей и стандартов QR-кодов и др., создают условия для выхода на более высокий уровень конкуренции. Уходит в прошлое перетягивание клиентов из одной финансовой организации в другие только через влияние навязчивой рекламы. Привлекательными и доступными для клиентов, надежно обеспечивающими безопасность, а значит повышающими конкурентоспособность, по мнению Банка России являются следующие направления: внедрение удаленной биометрической идентификации; внедрение инфраструктуры цифрового профиля гражданина; внедрение системы быстрых платежей; внедрение технологий распределенных реестров (платформы типа «Маркетплейс», «Мастерчейн») [6].

Важное место в формировании конкурентного преимущества для финансовых организаций, занимает новый уровень отношений с клиентами. Эти отношения приобретают возможность финансовым организациям самостоятельно показывать клиентам свои реальные преимущества, а значит позволяют клиентам влиять на конкуренцию своим выбором той или иной финансовой организации.

Можно констатировать, что позитивное влияние на состояние конкуренции, оказывает активный процесс уменьшения значения физической инфраструктуры финансовых организаций и увеличение значимости их интеллектуальной собственности в сфере новых финансовых продуктов, систем накопления и использования финансовой информации.

Так внедрение инновационных способов в сегменте кредитования позволяет автоматизировать большинство этапов предоставления кредитов, начиная от привлечения заемщиков, реальное предоставление денежных средств, обслуживание воз-

врата и задолженностей. В инвестиционном сегменте появилось множество моделей от краудфандинга до ICO.

Развитие конкурентных преимуществ в рамках действующего антимонопольного законодательства, способны в перспективе устранять временные, географические и другие барьеры, которые еще существуют между сегментами финансового рынка. Как результат будет осуществляться трансформация еще существующих самостоятельных сегментов в единую высококонкурентную среду, в которой потребителям финансовых услуг будут постоянно доступны отвечающие самым высоким требованиям услуги по обоснованным конкурентным ценам.

Таким образом, дальнейшее развитие конкуренции, дает возможность влиять на структуру финансового рынка, создает условия для финансовых организаций переходить от соперничества за технологическое первенство на новый уровень инновационного лидерства за счет привлекательности сервисных и ценовых характеристик предлагаемых финансовых услуг.

Новые правовые инструменты антимонопольного законодательства, соответствующие уровню цифровой трансформации, могут быть эффективными, если будут обеспечивать формирование на финансовом рынке такой конкурентной среды, когда сами потребители будут своим выбором влиять на состояние конкуренции, а поставщики финансовых услуг будут добиваться конкурентных преимуществ за счет их высокого качества, доступных цен, высокого сервиса, а также удовлетворения других запросов потребителя.

Для оценки реального состояния Банк России на постоянной основе изучает и анализирует тенденции в сфере конкуренции. Результаты мониторинга свидетельствуют о том, что пока еще в большинстве сегментов отечественного финансового рынка уровень развития конкуренции недостаточен.

Регулятор своеобразно охарактеризовал состояние конкуренции как «монополию или олигополию с конкурентным окружением. При этом возможности такого окружения очень ограничены и не могут создать конкуренцию лидеру» [7].

При этом отмечается, что в последние годы складывается тенденция к формированию горизонтальных и вертикальных связей между финансовыми организациями «финансового конгломерата» с крупным банком – «ядром конгломерата». Этим якобы достигается «синергетический эффект» за счет комплексных услуг или за счет использования единой сети продаж финансовых услуг.

Такая тенденция, как правило связана с относительно низкими барьерами перехода с одного сектора финансового рынка на другой. Конечно, эта тенденция затрагивает многие сектора, за исключением банковского сектора, в котором сохраняются высокие барьеры входа, они свидетельствуют о принципиальной значимости банковских услуг по сравнению с другими финансовыми услугами.

Как отмечалось в настоящей статье, основным признаком и особенностью финансовой системы России является наличие в каждом его сегменте узкого круга доминирующих хозяйствующих субъектов. А в условиях цифровой экономики круг лидеров на финансовом рынке значительно сужается.

Этот объективный процесс отражается на показателе уровня конкуренции конкретного сегмента финансового рынка. Такой показатель «СBR-Composite» разработан и применяется ЦБ РФ в качестве агрегированного индекса, с помощью которого делается попытка отражать уровень конкуренции в цветовой гамме: «красный

уровень» свидетельствует о низком уровне конкуренции в отдельном сегменте финансового рынка; «оранжевый уровень» свидетельствует об умеренном уровне конкуренции в отдельном сегменте финансового рынка; «зеленый уровень» свидетельствует о высоком уровне конкуренции в отдельном сегменте финансового рынка.

Во всех основных сегментах: эквайринг, карточные платежи, переводы, кредитование, привлечение средств физических лиц, доверительное управление и добровольное страхование – отмечается низкий уровень конкуренции. Только в сегменте привлечения средств юридических лиц отмечен умеренный уровень конкуренции.

Самыми крупными участниками конкуренции на финансовом рынке отмечаются Сбер, с долей активов более 40%, затем ВТБ с долей активов более 20%.

Попытки Банка России бороться с монополизмом отдельных кредитных организаций заключался в запуске системы быстрых платежей (СБП), практически с нулевой комиссией. Кроме того, введена в действие Единая Биометрическая Система, она позволяет удаленно обслуживаться в любом банке, при наличии изображения лица и «слепок» голоса клиента. Разработанную Банком России концепцию развития и внедрения «цифрового рубля» можно так же отнести к мерам по развитию конкуренции на финансовом рынке. По мнению разработчиков, внедрение в платежный оборот «цифрового рубля» позволит пользователям осуществлять денежные переводы без привязки к конкретной кредитной организации. При этом хранение цифровой валюты будет осуществлять сам ЦБ РФ в специальных «электронных кошельках».

Еще одним перспективным направлением развития конкуренции со стороны Банка России рассматривается выход государства их капиталов финансовых организаций, что позволит другим финансовым организациям практически на равных условиях получить доступ к национальным проектам.

Важный шаг в развитии конкуренции на финансовом рынке предусмотрен Банком России в сфере регулирования экосистем. Существование нескольких крупных экосистем позволит развитию конкуренции только при условии совершенствования антимонопольного законодательства. Новые нормы антимонопольного законодательства и локальные нормативные акты Банка России будут направлены на ограничения рисков, в том числе рисков связанных с появлением на финансовом рынке новых хозяйствующих субъектов в том числе «бигтехов». Способность влиять таких «новых игроков» на финансовую стабильность и оценку такого влияния Банк России берет на себя.

Однако, характерная для современных условий конкуренция крупных кредитных организаций за клиента имеет другую сторону медали – возрастание рисков для средних и малых банков т. к. они не имеют возможности предложить своим клиентам конкурентные условия. Высокие планки финансовых возможностей крупных банков позволяют им развивать новые технологии, занимать новые открывающиеся ниши финансового сегмента и в конечном счете завоевывать рынок. При этом крупные игроки на финансовом рынке допускают злоупотребление своим доминирующим положением, предлагая и навязывая клиентам дорогостоящие услуги. Как известно, ФАС РФ не имеет возможности прямого воздействия на таких монополистов, а должен согласовывать свои меры с Банком России.

Но все усилия Банка России по развитию конкуренции на финансовом рынке не могут принести желаемые результаты без устранения такого важного, традиционно-

го препятствия как «финансовая безграмотность» не только населения, но и руководителей компаний и организаций. По результатам изучения ситуации с конкуренцией, сделан вывод о том, что для эффективной поддержки конкуренции, «необходимо осуществить качественный переход от системы действующего антимонопольного надзора на более высокий уровень.

От существующей отраслевой направленности надзора за банковскими группами и банковскими холдингами, нужно переходить на более высокую, сложную систему секторального надзора». Такой глубокий уровень антимонопольного надзора должен охватывать все сферы деятельности всех финансовых организаций, а также их горизонтальные и вертикальные взаимосвязи.

Эпохальным вызовом всей системе регулирования конкуренции на финансовом рынке оказались санкции, в ответ на которые Президентом РФ изданы указы, направленные на защиту граждан Российской Федерации и российских юридических лиц и в целях защиты национальных интересов Российской Федерации [8].

Предусмотрена обязательная продажа иностранной валюты в размере 80 % на основании внешнеторговых контрактов, заключенных с нерезидентами и предусматривающих передачу нерезидентам товаров, оказание нерезидентам услуг, выполнение для нерезидентов работ, передачу нерезидентам результатов интеллектуальной деятельности, в том числе исключительных прав на них.

Указом были запрещены валютные операции, связанные с предоставлением резидентами в пользу нерезидентов иностранной валюты по договорам займа и зачисление иностранной валюты на свои счета (вклады), открытые в расположенных за пределами территории Российской Федерации банках и иных организациях финансового рынка, а также осуществление переводов денежных средств без открытия банковского счета с использованием электронных средств платежа, предоставленных иностранными поставщиками платежных услуг.

Центральному Банку дано указание определить порядок осуществления продажи иностранной валюты. Разрешено публичным акционерным обществам приобретать свои акции при снижении их цены на 20 и более %.

Кредитным организациям предоставлено право открывать банковские счета (вклады) клиентам – физическим лицам без их личного присутствия. Перевод денежных средств осуществляется кредитной организацией после получения согласия в письменной форме клиента – физического лица на передачу указанных сведений кредитной организации и использование их в целях заключения с клиентом – физическим лицом договора банковского счета (вклада). Способ и форма передачи указанных сведений определяются кредитными организациями самостоятельно.

В свою очередь регулятор в оперативном порядке принял меры по поддержке кредитных организаций [9].

В сфере пруденциального надзора, кредитным организациям предоставлена возможность принимать решение о ухудшении оценки финансового положения заемщика для целей формирования резервов под потери, в случае если ухудшение финансового положения заемщика. Возможность не ухудшать оценку качества обслуживания долга вне зависимости от оценки финансового положения заемщика по реструктурированным ссудам.

Регулятор рекомендует реструктурировать задолженность, не назначать пени и штрафы по кредитам (займам), в случае если финансовое положение заемщиков

ухудшилось после 18 февраля в результате действия санкций. Банк России распускает накопленный макропруденциальный буфер капитала по необеспеченным потребительским кредитам и ипотечным кредитам в рублях и иностранной валюте.

Вводятся послабления в отношении обязательности соблюдения кредитными организациями, к которым применены иностранные санкции, размеров (лимитов) открытых валютных позиций для облегчения адаптации банков к ситуации.

В частности, регулятор не будет применять к кредитным организациям меры за несоблюдение установленных лимитов в отношении открытых валютных позиций в отдельных иностранных валютах и драгоценных металлах, суммы всех открытых валютных позиций в иностранных валютах и драгоценных металлах, а также балансирующей позиции в рублях при условии, что данная ситуация возникла в силу внешних обстоятельств, а предоставленная возможность не используется банками в спекулятивных целях. Устанавливается временный запрет для брокеров на исполнение сделок по продаже ценных бумаг по поручению нерезидентов.

Принимаются и другие дополнительные временные меры для обеспечения финансовой стабильности страны [10]. Установлен особый порядок осуществления резидентами сделок с иностранными лицами по предоставлению кредитов и займов (в рублях), а также сделок, влекущих за собой возникновение права собственности на ценные бумаги и недвижимое имущество с лицами иностранных государств, совершающих недружественные действия. Запрещается вывоз из Российской Федерации наличной иностранной валюты и (или) денежных инструментов в иностранной валюте в сумме, превышающей эквивалент 10 тыс. дол. США.

Конечно все экстремальные меры, последнего времени направлены в первую очередь на защиту основных участников конкурентных правоотношений – клиентов, получающих финансовые услуги. Регулятор выполняет возложенные на него полномочия по защите финансовой системы в самых экстремальных условиях.

Таким образом, к основным приоритетам развития и совершенствования конкуренции на финансовом рынке в современных условиях, можно отнести следующие: совершенствование понятийного аппарата с учетом того, что наиболее содержательным будет следующее определение: конкуренция на финансовом рынке – представляет собой соперничество между финансовыми организациями за лучшее качество финансовых услуг, предоставляемых потребителям. А понятие антимонопольного регулирования на рынке финансовых услуг целесообразно определить, как – комплекс законодательных норм, направленных на обеспечение условий для рыночной конкуренции и не допущения монополизации финансового рынка; формирование единой конкурентной среды на финансовом рынке в цифровой экономике, согласованными действиями Федеральной антимонопольной службы и Центрального Банка РФ; устранение неравных условий ведения финансового бизнеса, связанных с участием государства в капиталах финансовых организаций; создание стимулов для добросовестного поведения участников финансового рынка и использования передовых цифровых технологий в том числе в условиях внешних финансовых санкций со стороны недружественных государств.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 21 декабря 2017 г. N 618 "Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции"// СЗ РФ от 25 декабря 2017 г. N 52 (часть I) ст. 8111.

2. Распоряжение Правительства РФ от 16 августа 2018 г. N 1697-р О плане мероприятий ("дорожной карте") по развитию конкуренции в отраслях экономики РФ и переходу отдельных сфер естественных монополий из состояния естественной монополии в состояние конкурентного рынка на 2018 - 2020 гг. (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ от 3 сентября 2018 г. N 36 ст. 5655.
3. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2022–2024 годов (подготовлено Банком России)//Текст информации опубликован не был. (cbr.ru) – дата обращения 30.01.2022
4. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. N 135-ФЗ «О защите конкуренции»//Собрание законодательства Российской Федерации от 31 июля 2006 г. N 31 (часть I) ст. 3434.
5. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. N 44-ФЗ "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд"//РГ от 12 апреля 2013 г. N 80.
6. Подходы Банка России к развитию конкуренции на финансовом рынке//Доклад для общественных консультаций. Подготовлен Департаментом стратегического развития финансового рынка. Consultation_Paper_191125.pdf (cbr.ru) – дата обращения 01.02.2022
7. Конкуренция на финансовом рынке//Аналитический доклад. Подготовлен Банком России при участии ФАС России к XXVII Международному финансовому конгрессу (6–8 июня 2018 года, г. Санкт-Петербург. 20180607_report.pdf (cbr.ru) – дата обращения 30.01.2022.
8. Указ Президента РФ от 28 февраля 2022 г. N 79 "О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций"//РГ от 1 марта 2022 г. N 43.
9. Информационное сообщение Банка России от 28 февраля 2022 г. «Меры Банка России по поддержке кредитных организаций»//Текст информационного сообщения опубликован не был.
10. Указ Президента РФ от 01.03.2022 №81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» // РГ РФ от 3 марта 2022 г. N 45

Shcherbak E.N. Legal regulation of competition in the financial market // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 224-234.

The article deals with the current norms of Russian antimonopoly legislation, designed to effectively regulate competition in the financial market with a view to its development. The features of the development of competition in the financial market in the conditions of digital transformation are analyzed. The main legal methods of eliminating unfair competition and trends in their improvement are investigated. control over economic concentration in the financial market. The author comes to the conclusion that there are serious problems in terms of applying the norms of the current antimonopoly regulation to the participants of the financial market. Specific recommendations for law enforcement practice in the field of competition in the financial market are proposed.

Keywords: competition, financial market, financial organizations, dominant position in the financial market, abuse of dominant position, consumers of financial services.

Spisok literatury:

1. Ukaz Prezidenta RF ot 21 dekabrya 2017 g. N 618 "Ob osnovnykh napravleniyakh gosudarstvennoy politiki po razvitiyu konkurentsii"// SZ RF ot 25 dekabrya 2017 g. N 52 (chast' I) st. 8111.
2. Rasporyazheniye Pravitel'stva RF ot 16 avgusta 2018 g. N 1697-r O plane meropriyatiy ("dorozhnoy karte") po razvitiyu konkurentsii v otraslyakh ekonomiki RF i perekhodu otdel'nykh sfer yestestvennykh monopolii iz sostoyaniya yestestvennoy monopolii v sostoyaniye konkurentnogo rynka na 2018 - 2020 gg. (s izmeneniyami i dopolneniyami) // SZ RF ot 3 sentyabrya 2018 g. N 36 st. 5655.
3. Osnovnyye napravleniya razvitiya finansovogo rynka Rossiyskoy Federatsii na period 2022–2024 godov (podgotovleno Bankom Rossii)//Tekst informatsii opublikovan ne byl. (cbr.ru) – data obrashcheniya 30.01.2022
4. Federal'nyy zakon ot 26 iyulya 2006 g. N 135-FZ «O zashchite konkurentsii»//Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 31 iyulya 2006 g. N 31 (chast' I) st. 3434.
5. Federal'nyy zakon ot 5 aprelya 2013 g. N 44-FZ "O kontraktnoy sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd"//RG ot 12 aprelya 2013 g. N 80.
6. Podkhody Banka Rossii k razvitiyu konkurentsii na finansovom rynke//Doklad dlya obshchestvennykh konsul'tatsiy. Podgotovlen Departamentom strategicheskogo razvitiya finansovogo rynka. Consultation_Paper_191125.pdf (cbr.ru) – data obrashcheniya 01.02.2022

7. Konkurenciya na finansovom rynke//Analiticheskiy doklad. Podgotovlen Bankom Rossii pri uchastii FAS Rossii k XXVII Mezhdunarodnomu finansovomu kongressu (6–8 iyunya 2018 goda, g. Sankt-Peterburg. 20180607_report.pdf (cbr.ru) – data obrashcheniya 30.01.2022.
8. Ukaz Prezidenta RF ot 28 fevralya 2022 g. N 79 "O primeneni spetsial'nykh ekonomicheskikh mer v svyazi s nedruzhestvennyimi deystviyami Soyedinennykh Shtatov Ameriki i primknuvshikh k nim inostrannykh gosudarstv i mezhdunarodnykh organizatsiy".//RG ot 1 marta 2022 g. N 43
9. Informatsionnoye soobshcheniye Banka Rossii ot 28 fevralya 2022 g. «Mery Banka Rossii po podderzhke kreditnykh organizatsiy»./Tekst informatsionnogo soobshcheniya opublikovan ne byl.
10. Ukaz Prezidenta RF ot 01.03.2022 №81 «O dopolnitel'nykh vremennykh merakh ekonomicheskogo kharaktera po obespecheniyu finansovoy stabil'nosti Rossiyskoy Federatsii». // RG RF ot 3 marta 2022 g. N 45.

УДК 347.939.6

ПРИНЦИП РАЗУМНОСТИ СРОКОВ В КОНТЕКСТЕ ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Фирсова А. А., Чуйко А. А.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В современном обществе одним из показателей цивилизованности государства считается наличие основополагающих принципов, закрепленных на национальном уровне. Данная тема актуальна в связи с тем, что в Российской Федерации идет постоянный процесс обновления законодательства, однако нововведений касательно принципов не вводится, хотя эта сфера также нуждается в совершенствовании. Проведен анализ норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, закрепляющих положения о принципе разумности. Выведены вопросы о толковании, основных критериях предложенного принципа, а также причинах нарушения разумности сроков рассматриваемых дел. Исследованы сущность, содержание принципа разумности сроков судопроизводства и его реализация на судебной практике. Кроме того, рассмотрены мнения учёных по поводу дискуссионных вопросов о продолжительности такого срока и необходимости выделения разумности в качестве основного принципа гражданского процессуального права.

На основании проведенного анализа выяснили, что принцип разумности приобрел свойства общественного мнения. Также даны и другие соответствующие выводы не только в теоретическом, но и в практическом аспектах. Также уделено внимание совершенствованию правовых актов в этой сфере. Все итоги подкреплены научной литературой и судебной практикой.

Ключевые слова: принцип гражданско-процессуального права, принцип разумности сроков, принцип разумности судопроизводства, право на разбирательство в разумный срок, разбирательство гражданских дел.

В законодательстве Российской Федерации презюмируется право на судопроизводство в разумный срок и право на исполнение судебного акта в разумный срок [1, ст. 6.1]. Они имеют определенную сферу применения путем разработки государством процессуальных методов, обеспечивающих эффективное и беспристрастное рассмотрение дел, а также предоставление гарантий своевременного исполнения судебных актов [2]. Здесь следует учитывать, что законодатель напрямую не говорит о «принципе», хотя в литературе часто используется именно такое словосочетание.

Право на разбирательство гражданских дел в разумный срок считается одним из фундаментальных принципов правосудия, отраженных в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [3] (далее – Конвенция). Государства - участники Конвенции несут полную ответственность за организацию правовых систем таким образом, чтобы суды могли гарантировать каждому право на получение в разумный срок судебного решения, разрешающего спор о гражданских правах или обязанностях.

Стоит отметить, что некоторые ученые не выделяют разумность сроков в качестве принципа [4], другие же относят его к принципам гражданского процесса [5]. Судебная практика легко трактует именно «принцип разумности сроков» в своих решениях [6; 7]. Закрепленных в законе понятия и критериев разумности нет. Однако обратившись к юридической литературе, мы находим и то, и другое. Так прин-

цип разумности предполагает определение судом таких временных границ, которые являются оптимальными (необходимыми и достаточными) для реализации процессуальных действий в соответствии с фактической и правовой сложностью дел, поведением субъектов гражданского процесса и иными обстоятельствами [8]. А под разумностью срока правосудия следует понимать минимально возможное время, необходимое суду для восстановления нарушенного права по каждому конкретному юридическому делу, находящемуся в его производстве [9].

Исследуя разумность сроков судопроизводства, нужно сказать, что гражданские дела рассматриваются и разрешаются судом до истечения двух месяцев со дня поступления заявления в суд, а мировым судьей до истечения месяца со дня принятия заявления к производству [1, ст. 154]. Если возможность субъекта на судебное разбирательство в разумный срок не соблюдена, он вправе обратиться в суд с требованием о компенсации [10, Ст. 1]. Одни авторы согласны с мнением о том, что разумность сроков – это установленные законом промежутки [11]. Другие же говорят о том, что это «законные сроки», а не «разумные». И разумные сроки, в свою очередь, включают в себя «законные» [12].

Дабы избежать нарушения разумных сроков, суд часто рассматривает дела в отсутствие не явившихся лиц. К примеру, Феодосийский городской суд рассмотрел гражданское дело по иску о взыскании денежных средств по договору подряда, взыскании судебных расходов. А также по встречному искомому заявлению о взыскании излишне уплаченной суммы по договору подряда, штрафа, неустойки, компенсации морального вреда и судебных расходов. В судебное заседание не явились истец по первоначальному иску и ответчик по встречному иску, но их дело было должным образом рассмотрено и вынесено соответствующее решение [13].

Если происходит неправомерная задержка исполнения судебного акта, исходя из независящих от лица обстоятельств, то такому гражданину начисляется справедливая компенсация. Так, в суд поступил иск о взыскании компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок [14]. Истец указала, что 2018 года возбуждено исполнительное производство, которое до момента подачи заявления (2020 год) не окончено. В результате продолжительного неисполнения решения она находится в состоянии правовой неопределенности, что доставляет моральные и нравственные страдания. Из материалов настоящего дела суд выяснил, что судебный акт не был исполнен, в установленный законом срок, по причинам, не зависящим от взыскателя. Следовательно, исходя из ч. 2 ст. 1 Федерального Закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [10, ч. 2 ст. 1] суд присуждает компенсацию за нарушенные права. Отсюда понятно, что существует определенная мера ответственности за несоблюдение предложенного права.

Следует отметить и то, что соблюдение принципа разумного срока правосудия не только способствует повышению эффективности судебной защиты прав граждан, но и повышает авторитет судебной власти. Несоблюдение названного принципа рассматривается как нарушение норм судейской этики [15].

Следовательно, под принципом разумности срока следует понимать точное соблюдение установленных законодательством временных пределов.

Из-за чего происходят нарушения разумности сроков рассматриваемых дел? Ученые выделяют множество причин, основные из них: чрезмерную нагрузку на

аппараты судов; недостаточный уровень технического обеспечения деятельности судов и квалификации уполномоченных лиц [16], недостаточно эффективный контроль за гражданским производством, в связи с чем злоупотребление со стороны правоприменителей [17], а также необоснованное восстановление процессуальных сроков, которое представляет собой грубое нарушение законодательства [18].

В практике [19] также говорится о том, что необоснованное восстановление процессуального срока нарушает принципы процесса и в действующем законодательстве не допускается произвольное, не ограниченное по времени рассмотрение судебных актов, даже в случае установления такого оценочного понятия как «разумные сроки».

Для устранения таких проблем необходимо создание комплексного подхода, направленного на совершенствование гражданского судопроизводства.

Следует отметить, что не все согласны с выделением разумности как принципа гражданско-процессуального права. В обоснование своей точки зрения говорится о том, что отнесение разумности к принципам права даёт основание для неточности основных задач судопроизводства [12]. Мы считаем, что принцип не создает «нечеткость» задач гражданского процесса, а предполагает расширение возможностей компетентных лиц, которые осуществляют гражданские процессуальные действия. То есть такое оценочное понятие как «принцип разумности» показывает на высокий уровень правовой культуры и правосознания людей [20].

Анализ отечественной судебной практики и российского законодательства позволяет сделать вывод о том, что принцип разумности приобрел свойства не только категории права, но и общественного мнения. Его реализация широко применима судами и составляет неотъемлемую часть гражданского права. Также следует отметить, что при вступлении в гражданские правоотношения необходимо учитывать потенциальное существование принципа разумности.

Каковы же перспективы развития данных гражданско-правовых отношений?

Во-первых, учитывая, что принципы являются фундаментальными основами гражданско-правовых отношений, что не раз подтверждается юридической литературой и судебной практикой. Следует отметить, что у принципа разумности сроков нет официальной дефиниции, а также конкретных критериев определения. В связи с чем предлагаем урегулировать данный вопрос путём закрепления понятия и основных признаков в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ N 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок». Предлагаем следующую формулировку: принцип разумности срока – это минимально возможное время, которое предполагает собой оптимальность (необходимость и достаточность) и соразмерность временных границ и соответствующего этапа судопроизводства, для реализации судом процессуальных действий. Исходя из этого определения, легко выделить критерии, предъявляемые предложенному принципу.

Во-вторых, опираясь на то, что законодатель избегает говорить о разумности сроков, как о «принципе», при анализе учебной литературы и судебной практики, рассмотрено широкое применение. Следует предложить дополнение ГПК РФ положениями о том, что разумность сроков – не только право, но и основополагающий принцип судопроизводства.

В-третьих, ещё одной из важных задач является развитие самого аппарата суда. Мы уже поняли, что соответствующие компетентные органы нуждаются в высококлассных специалистах. Это направление требует не только существенного финансирования, но и создания условий для привлечения квалифицированных кадров. В связи с этим, в первую очередь необходимо увеличить штат: аппарат суда, количества судей, секретарей, помощников судей и иных компетентных лиц, а также совершенствование материально-технической базы суда.

В-четвертых, необходимо повышать уровень правовой грамотности лиц, так как, все-таки, разумность рассматривается и как оценочное понятие. Поэтому гражданам необходимо иметь свою юридически правильную позицию. А также в связи с злоупотреблением права со стороны компетентных лиц по необоснованному восстановлению процессуальных сроков, возможным видим включить в статью 112 ГПК РФ положение, регламентирующее четкий перечень обстоятельств по такому действию.

В-пятых, говоря о роли принципов в гражданско-правовых отношениях, следует отметить возможность их правового развития и внедрения в отдельные положения и статьи ГПК РФ.

Таким образом, предложенные решения помогут правильно и точно понимать принцип разумности сроков, его критерии, а также роль в гражданско-процессуальном праве в целом.

Список литературы:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 18 ноября 2002 года. №46. Ст. 4532.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 N 11 (ред. от 29.06.2021) "О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок" [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс (дата обращения: 25.09.2021).
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS N 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Доступ из Системы ГАРАНТ (дата обращения: 25.09.2021).
4. Кайль, Я. Я. Гражданский процесс : учебник / Кайль Я. Я. — Москва : Юстиция, 2022. — 352 с. [Электронный ресурс] URL: <https://book.ru/book/942138> (дата обращения: 25.09.2021).
5. Юдин, А. В. Принципы гражданского процессуального права : учебное пособие / Юдин А. В., Комарова Т. А., Исаенкова О. В., Агаларова М. А. — Москва : Русайнс, 2021. — 106 с. [Электронный ресурс] // URL: <https://book.ru/book/939955> (дата обращения: 25.09.2021).
6. Решение Энгельского районного суда № 2-1-2976/2020 2-2976/2020 2-2976/2020~М-2820/2020 М-2820/2020 от 21 июля 2020 г. по делу № 2-1-2976/2020 [Электронный ресурс]. // URL: <https://clck.ru/XnX9C> (дата обращения: 25.09.2021)
7. Решение Сургутского районного суда № 2-742/2020 2-742/2020~М-665/2020 М-665/2020 от 9 июля 2020 г. по делу № 2-742/2020 [Электронный ресурс]. // URL: <https://clck.ru/XnXFC> (дата обращения: 25.09.2021)
8. Зеленцов А. Б., Ястребов О. А. Судебное административное право: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности "Юриспруденция" ("Статут", 2017) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 25.09.2021).
9. Гражданский процесс: Учебник для студентов высших юридических учебных заведений (10-е издание, переработанное и дополненное) (отв. ред. В. В. Ярков) ("Статут", 2017) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 25.09.2021).
10. Федеральный закон от 30.04.2010 N 68-ФЗ "О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок" // Собрание законодательства Российской Федерации. 3 мая 2010 года. №18. Ст. 2144.
11. Курбанов, Д. А. Разумный срок в гражданском судопроизводстве: критерии оценки и практика применения / Д. А. Курбанов, Я. А. Калашникова // Право, экономика и управление : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 16 октября 2020 года / Главный редактор Э.В. Фомин. — Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2020. — С. 182-186.

12. Кулдыркаева, К. И. Понятие разумного срока в гражданском судопроизводстве / К. И. Кулдыркаева // *Контентус*. – 2021. – № 1(102). – С. 35-42. – DOI 10.24411/2658-6932-2021-10127.
13. Решение Феодосийского городского суда № 2-1103/2020 2-1103/2020~М-665/2020 М-665/2020 от 14 июля 2020 г. по делу № 2-1103/2020 [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/XqZzy> (дата обращения: 28.09.2021)
14. Решение Волгоградского областного суда № 3А-499/2020 3А-499/2020~М-358/2020 М-358/2020 от 4 декабря 2020 г. по делу № 3А-499/2020 [Электронный ресурс]. // URL: <https://clck.ru/XnVqg> (дата обращения: 25.09.2021)
15. Актуальные проблемы деятельности судов общей юрисдикции Российской Федерации: Учебник" (под ред. В. М. Бозрова) ("Юстиция", 2017) § 5. Принцип разумного срока правосудия [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 25.09.2021).
16. Андреева, Д. Н. Право на судебное разбирательство в разумный срок как принцип гражданского судопроизводства / Д. Н. Андреева, А. В. Ракович // Актуальные проблемы гражданского судопроизводства : Материалы межвузовской научно-практической конференции, Краснодар, 20 апреля 2017 года / Под редакцией С.В. Потапенко. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2017. – С. 115-120.
17. Семенова, Я. О. Актуальные проблемы сроков в гражданском законодательстве Российской Федерации / Я. О. Семенова // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. – 2021. – № 9-2(60). – С. 168-171. – DOI 10.24412/2500-1000-2021-9-2-168-171.
18. Эггардт, А. Необоснованность восстановления процессуальных сроков как нарушение принципа процессуального срока / А. Эггардт // *Международные научные студенческие чтения : Материалы XV международной студенческой научной конференции, Омск, 19 мая 2017 года / Отв. ред. Д. Т. Караманукян*. – Омск: Омская юридическая академия, 2018. – С. 120-122.
19. Постановление от 30 апреля 2021 г. по делу № А09-1110/2016 Арбитражного суда Центрального округа (ФАС ЦО) [Электронный ресурс]. // URL: <https://clck.ru/YuUL9> (дата обращения: 25.09.2021)
20. Фетисов О.Е. Оценочные понятия в праве: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2019. – С. 15.

Chuyko A.A., Firsova A.A. Principle of reasonable time in the context of civil procedure law // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 235-240.

In modern society, one of the indicators of the state's civilization is the existence of fundamental principles enshrined at the national level. This topic is relevant due to the fact that in the Russian Federation there is a constant process of updating legislation, however, innovations regarding the principles are not being introduced, although this area also needs to be improved. The analysis of the norms of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, which fix the provisions on the principle of reasonableness, is carried out. Questions are raised about the interpretation, the main criteria of the proposed principle, as well as the reasons for violating the reasonableness of the terms of the cases under consideration. The essence, content of the principle of reasonableness of the terms of legal proceedings and its implementation in judicial practice are studied. In addition, the opinions of scientists regarding the debatable issues about the duration of such a period and the need to single out reasonableness as the main principle of civil procedural law are considered.

Based on the analysis, it was found that the principle of reasonableness acquired the properties of public opinion. Other relevant conclusions are also given, not only in theoretical, but also in practical aspects. Attention is also paid to the improvement of legal acts in this area. All results are supported by scientific literature and judicial practice.

Keywords: the principle of civil procedural law, the principle of reasonable time, the principle of the reasonableness of legal proceedings, the right to proceedings within a reasonable time, proceedings in civil cases.

Spisok literatury:

1. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 N 138-FZ // *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii*. 18 noyabrya 2002 goda. №46. St. 4532.
2. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 29.03.2016 N 11 (red. ot 29.06.2021) "O nekotorykh voprosah, vznikayushchih pri rassmotrenii del o prisuzhdenii kompensacii za narushenie prava na sudoproizvodstvo v razumnyj srok ili prava na ispolnenie sudebnogo akta v razumnyj srok" [Elektronnyj resurs] // *Konsul'tantPlyus* (data obrashcheniya: 25.09.2021).
3. Konvenciya o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod ETS N 005 (Rim, 4 noyabrya 1950 g.) (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Elektronnyj resurs] // *Dostup iz Sistemy GARANT* (data obrashcheniya: 25.09.2021).
4. Kajl', YA. YA. *Grazhdanskij process : uchebnik / Kajl' YA. YA.* — Moskva : YUsticiya, 2022. — 352 s. [Elektronnyj resurs] URL: <https://book.ru/book/942138> (data obrashcheniya: 25.09.2021).

5. YUdin, A. V. Principy grazhdanskogo processual'nogo prava : uchebnoe posobie / YUdin A. V., Komarova T. A., Isaenkova O. V., Agalarova M. A. — Moskva : Rusajns, 2021. — 106 s. [Elektronnyj resurs] // URL: <https://book.ru/book/939955> (data obrashcheniya: 25.09.2021).
6. Reshenie Engel'sskogo rajonnogo suda № 2-1-2976/2020 2-2976/2020 2-2976/2020~M-2820/2020 M-2820/2020 ot 21 iyulya 2020 g. po delu № 2-1-2976/2020 [Elektronnyj resurs]. // URL: <https://clck.ru/XnX9C> (data obrashcheniya: 25.09.2021)
7. Reshenie Surgut'skogo rajonnogo suda № 2-742/2020 2-742/2020~M-665/2020 M-665/2020 ot 9 iyulya 2020 g. po delu № 2-742/2020 [Elektronnyj resurs]. // URL: <https://clck.ru/XnXFC> (data obrashcheniya: 25.09.2021)
8. Zelencov A. B., YAstrebov O. A. Sudebnoe administrativnoe pravo: Uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushchihsya po special'nosti "YUrisprudenceiya" ("Statut", 2017) [Elektronnyj resurs] // SPS Konsul'tantPlyus (data obrashcheniya: 25.09.2021).
9. Grazhdanskij process: Uchebnik dlya studentov vysshih yuridicheskikh uchebnyh zavedenij (10-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe) (otv. red. V. V. YArkov) ("Statut", 2017) [Elektronnyj resurs] // SPS Konsul'tantPlyus (data obrashcheniya: 25.09.2021).
10. Federal'nyj zakon ot 30.04.2010 N 68-FZ "O kompensacii za narushenie prava na sudoproizvodstvo v razumnyj srok ili prava na ispolnenie sudebnogo akta v razumnyj srok" // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 3 maya 2010 goda. №18. St. 2144.
11. Kurbanov, D. A. Razumnyj srok v grazhdanskom sudoproizvodstve: kriterii ocenki i praktika primeneniya / D. A. Kurbanov, YA. A. Kalashnikova // Pravo, ekonomika i upravlenie : Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, CHEboksary, 16 oktyabrya 2020 goda / Glavnyj redaktor E.V. Fomin. – CHEboksary: Obshestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Izdatel'skij dom «Sreda», 2020. – S. 182-186.
12. Kuldyrkaeva, K. I. Ponyatie razumnogo sroka v grazhdanskom sudoproizvodstve / K. I. Kuldyrkaeva // Kontentus. – 2021. – № 1(102). – S. 35-42. – DOI 10.24411/2658-6932-2021-10127.
13. Reshenie Feodosijskogo gorod'skogo suda № 2-1103/2020 2-1103/2020~M-665/2020 M-665/2020 ot 14 iyulya 2020 g. po delu № 2-1103/2020 [Elektronnyj resurs] // URL: <https://clck.ru/XqZzy> (data obrashcheniya: 28.09.2021)
14. Reshenie Volgograd'skogo oblast'nogo suda № 3A-499/2020 3A-499/2020~M-358/2020 M-358/2020 ot 4 dekabrya 2020 g. po delu № 3A-499/2020 [Elektronnyj resurs]. // URL: <https://clck.ru/XnVqg> (data obrashcheniya: 25.09.2021)
15. Aktual'nye problemy deyatel'nosti sudov obshchej yurisdikcii Rossijskoj Federacii: Uchebnik" (pod red. V. M. Bozrova) ("YUsticiya", 2017) § 5. Princip razumnogo sroka pravosudiya [Elektronnyj resurs] // SPS Konsul'tantPlyus (data obrashcheniya: 25.09.2021).
16. Andreeva, D. N. Pravo na sudebnoe razbiratel'stvo v razumnyj srok kak princip grazhdanskogo sudoproizvodstva / D. N. Andreeva, A. V. Rakovich // Aktual'nye problemy grazhdanskogo sudoproizvodstva : Materialy mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Krasnodar, 20 aprelya 2017 goda / Pod redakciej S.V. Potapenko. – Krasnodar: Kubanskij gosudarstvennyj universitet, 2017. – S. 115-120.
17. Semenova, YA. O. Aktual'nye problemy srokov v grazhdanskom zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii / YA. O. Semenova // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. – 2021. – № 9-2(60). – S. 168-171. – DOI 10.24412/2500-1000-2021-9-2-168-171.
18. Ekgardt, A. Neobosnovannost' vosstanovleniya processual'nyh srokov kak narushenie principa processual'nogo sroka / A. Ekgardt // Mezhdunarodnye nauchnye studencheskie chteniya : Materialy XV mezhdunarodnoj studencheskoj nauchnoj konferencii, Omsk, 19 maya 2017 goda / Otv. red. D. T. Karamanukyan. – Omsk: Omskaya yuridicheskaya akademiya, 2018. – S. 120-122.
19. Postanovlenie ot 30 aprelya 2021 g. po delu № A09-1110/2016 Arbitrazhnogo suda Central'nogo okruga (FAS CO) [Elektronnyj resurs]. // URL: <https://clck.ru/YuUL9> (data obrashcheniya: 25.09.2021)
20. Fetisov O. E. Ochenochnye ponyatiya v prave: problemy teorii i praktiki: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Tambov, 2019. – S. 15.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – С. 241-248.

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС; КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ,
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 343.2

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В УСЛОВИЯХ
ЦИФРОВИЗАЦИИ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

Арямов А. А., Руева Е. О.

В данной статье авторами проведен обзор новелл (2020-2021г.) международных актов, а также зарубежного законодательства и зарубежных юрисдикционных практик, ориентированных на борьбу и профилактику коррупционных деликтов на основе использования цифровых технологий; выявлены основные тенденции развития данного вектора политики и дана им правовая оценка. В частности, констатируется, что криминальные инвестиции (в случае вывода коррупционных активов за рубеж) разрушают национальные экономики иных стран, звучат неубедительно на фоне расширения оффшорных практик государств, отправляющих внесудебную санкционную антикоррупционную политику. Кроме того, очевидно грубое нарушение ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод г. Рим, от 04.11.1950 г. – право на справедливое судебное разбирательство – каждому лицу гарантируется право на рассмотрение его дела независимым и беспристрастным судом. Обострение проблемы (на грани юридического хаоса) имеет место, когда в порядке отправления процедур конфискации без вынесения обвинительного заключения (Non-Conviction Based Confiscation) на конкретного субъекта (физическое или юридическое лицо) одновременно претендует несколько юрисдикций. Такие процедуры позволяют активно вмешиваться во внутренние дела других государств (антикоррупционная политика в конкретной стране – это, прежде всего, внутригосударственная проблема), по мотиву «недостаточности политической воли в стране спроса и в стране предложения»; презюмируется, что высшие эшелоны власти в таких странах сами являются бенефициарами коррупционных схем (конфликт интересов на государственном уровне), что трансформируется в процессуальную позицию не инициирования публично-правового преследования, и не привлечения к ответственности «своих» субъектов.

Ключевые слова: альтернативные формы решения уголовно-правового конфликта, цифровизация, кибернетическое пространство, отчетность, конфискация, коррупция, ответственность, санкции, NTR, политика, блокчейн.

15 марта 2021 г. на заседании Совета Европы состоялось обсуждение проблемы конфискации необъясненного имущества в рамках гражданского производства [5]. В качестве итогового документа был принят доклад «Об использовании конфискации без обвинительного приговора в отношении имущества, полученного в результате неправомерной деятельности» [8], в котором акцент делался именно на активах, полученных в результате коррупционных деликтов при реализации транснациональных коррупционных схем на основе использования цифровых ресурсов. Задекларирован базовый тезис: лишить коррупционное поведение привлекательности. То есть создать на пути коррупционеров такие финансовые и имущественные препятствия, чтобы такой вид асоциального поведения просто «не окупался», чтобы правонарушители объективно не имели возможности воспользоваться плодами сво-

их деяний. В качестве основного инструмента воздействия рассматривалась конфискация без вынесения обвинительного заключения (Non-Conviction Based Confiscation – NCBC) в рамках гражданско-правового производства. В формировании же потенциальной конфискационной массы незаменимым орудием является потенциал трансграничной технологии блокчейн, используемой для мониторинга финансово-имущественных потоков. Отчетливо прослеживается явное снижение «стандарта доказывания»: активно используется институт презумпции (презумпция незаконности происхождения декларируемых активов) имплементированный из общего английского права инструментарий доказывания – «вне всяких разумных сомнений» (*beyond reasonable doubt*), «баланс вероятностей» (*balance of probabilities*), «наиболее вероятно» (*highly likely*), «показания с чужих слов» – (*hearsay evidence*), «необъяснимое богатство» (*unexplained wealth*), «общекриминальный образ жизни» (*general criminal lifestyle*); в контексте рассматриваемой ситуации незаконность происхождения активов ответчика более вероятна, чем законность, с возложением бремени доказывания на него же, при этом иск подается к имуществу, а не к ответчику (*action in rem*). Подобного рода упрощения процесса доказывания весьма соответствуют запросам алгоритмизации цифровых программ выявления и упрощенного взыскания неправомерных доходов (традиционные же процедуры доказывания, предполагающие достаточный уровень усмотрения правоприменителя, несколько не «вписываются» в деятельность искусственного интеллекта). Цифровизация процедуры NCBC (внедрение ее в трансграничное киберпространство) позволит получить доступ к активам в любой части планеты, определить соответствие расходов официальным доходам, позволяет наделить статусом инициатора этой процедуры широчайший спектр государственных органов и «оптимизировать» их корреспондирующие связи с частным бизнесом (в аспекте комплаенс, аудита и налоговой отчетности). Предписания о раскрытии информации, истребование документации и иные привычные процессуальные действия утрачивают свою актуальность. Мониторинг счетов будет осуществляться в автоматическом режиме. Более того, правосудие в этой деятельности становится как бы лишним, популярность приобретают внесудебные формы взыскания имущества; ожидания цифровизации самого правосудия, по всей вероятности, не оправдаются, вектор развития обозначенных процессов приобрел иное направление. На настоящий момент цифровые платформы NCBC реализуются во многих странах: в Австралии, Армении, Болгарии, Канаде, Великобритании, Грузии, Италии, Новой Зеландии, Мексике, Перу, США, Филиппинах и т.д.

2 – 5 июня 2020 г. в Сеуле (Южная Корея) прошла 19-я Международная антикоррупционная конференция (организаторы: Комиссия по борьбе с коррупцией и защите гражданских прав Южной Кореи и Transparency International), материалы которой содержат весьма любопытную информацию. Работа целой секции была посвящена оценке работ альянсов по борьбе с гендерными формами коррупции; акцент делался на противодействии использованию продукции бизнеса виртуальных сексуальных услуг в качестве предмета подкупа должностных лиц (особо актуальна постановка такого вопроса на фоне бесконечных споров на отечественных антикоррупционных конференциях и круглых столах по вопросу о том: может ли быть сексуальная услуга предметом взятки/подкупа?). Также представляет интерес и доклад команды *GlobaLeaks* о разработке и внедрении бесплатного программного обеспе-

чения с открытым исходным кодом для создания единой межотраслевой цифровой системы анонимного сообщения о коррупции и иных неправомерных действиях; данная система снабжена функцией автоматического контроля за реакцией компетентных органов на информацию о коррупционном деликте [3].

В марте 2020 г. учреждена «Группа высокого уровня ООН по вопросам финансовой подотчетности, прозрачности и неподкупности (UN's high-level panel on financial accountability, transparency and integrity – FACTI). Нас, прежде всего, интересует департамент противодействия коррупции [9]. В его фокусе внимания – противодействие коррупционным финансовым потокам, элементами которого являются обеспечение прозрачности и подотчетности финансовой системы в целом, открытость информации о бюджетах, тендерах и контрактах, выявление факторов уязвимости финансовых систем, которые используются коррупционными синдикатами, совершенствование систем прозрачной отчетности о характере и размере «комиссионных», выплачиваемых крупными финансовыми учреждениями, разработка и внедрение международной системы защиты заявителей о коррупции. В контексте исследуемой нами тематики представляют интерес следующие документы данной организации: а) Справочный документ №7 – Рекомендации по ускорению и оптимизации процесса возвращения активов, похищенных коррумпированными государственными должностными лицами; б) Справочный документ №8 – Экспертная оценка в вопросах обеспечения финансовой неподкупности. И в том, и в другом особое внимание уделяется перспективам использования цифровых программ и инструментов в обозначенных сферах деятельности.

Представляется целесообразным уделить внимание освещению деятельности такой международной некоммерческой организации, как TRACE International, которая на основании математического анализа колоссального объема информации, почерпнутой из открытых источников системы Интернет, ежегодно издает многоаспектный документ – TRACE Bribery Risk Matrix. Индекс за 2020г. демонстрирует пристальный интерес к вопросам использования цифровых технологий в целях противодействия коррупции прежде всего в сферах: а) взаимодействия бизнеса и государства (в том числе публичного и частного секторов экономики); б) обеспечения прозрачности деятельности правительства и государственных служб.

В качестве перспективной модели альтернативного разрешения коррупционного конфликта на настоящий момент пристально рассматривается институт «финансовой ответственности» – когда за совершение коррупционного деликта виновное лицо привлекается к уголовной ответственности во внесудебном порядке помимо уголовно-процессуальных процедур.

В предыдущих работах мы акцентировали внимание на исследовании работы «специального офиса министерства финансов США» [1, с. 320]. Однако, представляет интерес и работа иных ведомств Правительства США - комиссии по торговле товарными фьючерсами США (Commodity Futures Trading Commission – CFTC) - активно реализующий принцип экстратерриториального действия закона в пространстве. Обнародован факт привлечения впервые иностранной компании к финансовой ответственности за подкуп иностранных чиновников концерна Vitol, реализующих свои полномочия в кибернетическом пространстве на цифровых платформах. О том, что компания Vitol была привлечена к ответственности за подкуп иностранных должностных лиц, объявили Министерство юстиции США (DOJ) и

CFTC. Согласно материалам дела, компания оплачивала фиктивные услуги консультантов, которые передавали часть денег в виде взяток должностным лицам государственных компаний в Бразилии (Petrobras), Эквадоре (Petroecuador) и Мексике (PEMEX) с целью заключения контрактов на покупку/поставку нефтепродуктов и получения конфиденциальной информации. Общая сумма взяток за период 2005-2020 гг. составила около \$ 10 млн. В результате разбирательства Минюст заключил с Vitol Inc., американским дочерним предприятием нидерландской Vitol Holding B.V., соглашение об отсрочке судебного преследования и обязал компанию выплатить уголовный штраф в размере \$ 135 000 000: из которых \$ 45 000 000 будет выплачено в рамках параллельного разбирательства властям Бразилии, \$ 90 000 000 – властям США. Кроме уголовных санкций, на компанию были наложены гражданско-правовые санкции в рамках разбирательства CFTC, которое регулятор вел совместно с DOJ: а) \$ 12,8 млн Vitol выплатит в качестве возвращения незаконно присвоенного имущества, полученного в результате реализации коррупционной схемы; б) \$ 16 млн – в качестве штрафа за манипуляции с ценами на нефть (изначально сумма штрафа составляла \$ 83 млн, однако была снижена на \$ 67 млн в связи с выплатами в разбирательствах DOJ и Бразилии) [10].

На 19-ой международной антикоррупционной конференции состоялась презентация цифровой программы Datasros как инструмента оценки коррупционных рисков. По большому счету она представляет собой оцифрованную методику работы службы международной финансовой разведки Эгмон, качественно опробированной в течении последнего десятилетия. Ее основная идея – автоматизация риск-ориентированных процессов обработки входящей информации с минимизацией человеческого фактора. Планируется внедрение ее на пространстве Европейского Союза, корреспондироваться она будет с множеством функционирующих цифровых платформ, в том числе и с единой открытой общеевропейской системой финансового и налогового учета и контроля. На основании сводного анализа информации, поступившей из различных источников, сведенных в единую систему на основании технологии блокчейн, происходит выявление оценка коррупционных рисков как в публичной, так и в частной сферах; причем выявляются коррупциогенные связи между ними. Определяющим является тезис: коррупционные деликты в частном бизнесе являются предикатными для коррупции в публично-государственном секторе. На начальном этапе внедрения этой программы акцент делается на традиционно высокорискованных отраслях экономики таких, как: строительство, здравоохранение, энергетический сектор и сфера закупок...

Примерный алгоритм действия программы следующий: а) прежде всего выявляются аномалии в структуре собственности и организационной структуре компаний (например, необоснованно сложная внутренняя структура корпорации), связи и зависимости в структуре активов хозяйствующих субъектов, финансовые операции с неочевидной экономической выгодой и т.д.; б) выявляются связи с другими организациями; в) выявляются конечные бенефициары хозяйственной деятельности и устанавливаются возможные тождества и аффилированности между ними; г) анализируется географическая концентрация тождественной или взаимосвязанной экономической деятельности разных субъектов; д) определяется присутствие в хозяйственных схемах субъектов, входящих в так называемые «черные списки», регистрация бизнеса в оффшорных территориях и т.д.; е) выявляются зависимости

между экономической деятельностью и решениями, принимаемыми публичными чиновниками; ж) исследуется динамика имущественного положения такого чиновника и его близких и фиксируются зависимости такой динамики от прибыли хозяйствующих субъектов, полученной от хозяйственных операций, находящихся в причинно-следственной связи с решениями, принимаемыми данным государственным служащим; з) итогом будет оценка коррупционных рисков по сферам деятельности, по хозяйствующим субъектам и даже иногда по персоналиям. Предполагается, что пользовательский интерфейс на официальном сайте Datacros будет состоять из двух сегментов – открытые для любого пользователя данные (плацдарм для деятельности гражданского общества и общественного контроля) и закрытый раздел аналитической статистики, доступный только для компетентных органов. Платформа Datacros обеспечивает прозрачность и антикоррупционную безопасность бизнеса, облегчит процесс определения хозяйствующими субъектами «желательных» контрагентов, определит перечень «коррупционно-токсичных» лиц; а помощь юрисдикционным органам в их антикоррупционной политике трудно переоценить.

В 2020 г. состоялось пробное тестирование Datacros Антикоррупционным агентством Франции (Agence Française Anticorruption – AFA). Результаты испытания обнадеживают. Полученные замечания учитываются, система дорабатывается. 2021й год планируется итоговым во внедрении данной программы [5].

2 марта 2021 г. во Франции была принята поправка № 176 в более масштабный закон о развитии солидарности и борьбе с глобальным неравенством [6]. Было дано определение незаконных активов. «Активы, полученные в результате неправомерной деятельности» (biens mal acquis) – это активы (движимое и недвижимое имущество, финансовые продукты и т.п.), приобретенные на территории Франции в целях отмывания доходов, полученных в результате незаконной деятельности, или сокрытия финансовых преступлений, в том числе коррупционных, совершенных в зарубежных юрисдикциях политически значимыми лицами и/или их родственниками и наносящих ущерб государственным институтам и населению таких юрисдикций». Примечательно, что данное определение вполне коррелируется с единой общеевропейской системой автоматического цифрового финансового контроля и налоговой отчетности. Если на выявленные активы сомнительного происхождения не претендует никакое иное государство, они взыскиваются в бюджет Республики Франция.

Представляет также интерес цифровая программа, разработанная в 2020 г. Шведской некоммерческой организацией «Институт противодействия коррупции» (Institutet Mot Mutor - IMM) – «Кодекс по предупреждению коррупции в бизнесе», который позволяет выявлять и оценивать торговлю влиянием и финансирование подкупа по неосторожности (предоставление хозяйствующим субъектом активов контрагенту, которые в дальнейшем используются в качестве предмета подкупа), а также «платежи за упрощение формальностей» (facilitation payments), «сомнительные подарки» и непринятие юридическим лицом достаточных мер по профилактике. В качестве ответственности юридических лиц предусматривается конфискация прибыли от сделки, связанной с коррупционным деликтом [4].

В порядке подведения итогов: отчетливо прослеживается проникновение феномена диспозитивности в публично-правовое пространство; все вышеуказанные меры демонстрируют наличие трехстороннего договора между государством в лице

компетентного органа, правонарушителем и потерпевшим от деликта. Наибольшую популярность NTR получили в США, прежде всего в порядке исполнения Закона о коррупционных практиках за рубежом (FCPA). В качестве органов, компетентных решать уголовно-правовые конфликты (прежде всего, коррупционные), задекларированы такие организации, официальный функционал которых, казалось бы, далек от правоохранительной деятельности и отправления правосудия: а) 2004 г. – Миност, б) 2010 г. – КЦББ и др.

Американский опыт (в аспекте принятия пакета законов о криминальных активах/доходах и о борьбе с коррупционными практиками за рубежом) получил развитие в европейском правовом поле: Англия (2013 г.), Испания (2015 г.), Франция (2016 г.), и далее по всему миру: Бразилия (2014 г.), Колумбия (2016 г.), Мексика (2017 г.), Аргентина (2018 г.), Перу (2018 г.), Япония (2018 г.), Канада (2018 г.), Сингапур (2018 г.), Австралии (2020 г.). Такие процедуры позволяют активно вмешиваться во внутренние дела других государств (антикоррупционная политика в конкретной стране – это, прежде всего, внутригосударственная проблема), по мотиву «недостаточности политической воли в стране спроса и в стране предложения»; презюмируется, что высшие эшелоны власти в таких странах сами являются бенефициарами коррупционных схем (конфликт интересов на государственном уровне), что трансформируется в процессуальную позицию не инициирования публично-правового преследования, и не привлечения к ответственности «своих» субъектов. Очевидно, что, в случае выявления коррупционного деликта (место правонарушения – территория государства, субъект – гражданин государства, объект посягательства – авторитет государства), это событие подпадает под юрисдикцию национальных правоохранительных и судебных органов и должно реализоваться в уголовно-процессуальных формах.

Другое государство не правомочно инициировать уголовное преследование в такой ситуации. И вот тут задействуются NTR, которые формально не нарушают юрисдикцию государства, в котором произошел деликт, реализуются во внесудебных частнопроводимых процедурах. Весьма настораживающий момент, чреватый масштабными злоупотреблениями. Провозглашаемые тезисы об эффективном противодействии межюрисдикционным коррупционным схемам представляются простым лукавством: при наличии такой схемы полномочны инициировать преследование как компетентные органы «государства предложения», так и «государства спроса»; а если государство не является ни тем, ни другим, то каковы основания его вмешательства в отправление иностранного правосудия? Утверждения о том, что криминальные инвестиции (в случае вывода коррупционных активов за рубеж) разрушают национальные экономики иных стран, звучат неубедительно на фоне расширения оффшорных практик государств, отправляющих внесудебную санкционную антикоррупционную политику. Кроме того, очевидно грубое нарушение ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод г. Рим, от 04.11.1950г. – право на справедливое судебное разбирательство - каждому лицу гарантируется право на рассмотрение его дела независимым и беспристрастным судом. Обострение проблемы (на грани юридического хаоса) имеет место, когда в порядке отправления процедур NTR на конкретного субъекта (физическое или юридическое лицо) одновременно претендует несколько юрисдикций. Вывод же обозна-

ченных проблем на цифровой уровень в кибернетическом пространстве чреват рисками в геометрической прогрессии [7].

Список литературы:

1. Арямов А.А., Колыванцева М.А., Колыванцев А.С. Конфискационный ресурс антикоррупционной политики. М. Юрлитинформ. 2019. С. 320.
2. В Абу-Даби состоялась Конференция стран-участниц Конвенции ООН против коррупции / https://anticor.hse.ru/main/news_page/v_abudabi_sostoyalas_konferentsiya_stranuchastnits_konventsii_oon_protiv_korruptsii
3. В Сеуле состоялась Конференция стран-участниц Конвенции ООН против коррупции / https://anticor.hse.ru/main/news_page/sostoyalas_19aya_mezhdunarodnaya_antikorruptsionnaya_konferentsiya
4. В Швеции выпущен обновленный Кодекс по предупреждению коррупции в бизнес-секторе / https://anticor.hse.ru/main/news_page/v_shvetsii_vypuschen_obnovlennyy_kodeks_po_preduprezhdeniyu_korruptsii_v_biznes
5. Варби В. Datacros: инструмент оценки коррупционных рисков / https://anticor.hse.ru/main/news_page/datacros_instrument_otsenki_korruptsiionnyh_risikov
6. Во Франции разработана правовая основа реституции коррупционных активов / https://anticor.hse.ru/main/news_page/vo_frantsii_razrabotana_pravovaya_osnova_restitutsii_korruptsiionnyh_aktivov
7. Горбачева Н. С. Транснациональный подкуп: современные тенденции правоприменения / https://aif.ru/money/corruption/v_2020_godu_v_rossii_byli_osuzhdeny_7500_korruptsiionerov
8. Доклад Совета Европы: конфискация необъясненного имущества в рамках гражданского производства / https://anticor.hse.ru/main/news_page/doklad_soveta_evropy_konfiskatsiya_neobyasnennogo_imuschestva_v_ramkah_grazhdanskogo_proizvodstva
9. Обзор антикоррупционных инициатив FACTI / https://anticor.hse.ru/main/news_page/obzor
10. Халки Ж. Комиссия по торговле товарными фьючерсами США: еще один игрок на сцене экстра-территориального правоприменения / https://anticor.hse.ru/main/news_page/komissiya_po_torgovle_tovarnymi_fyuchersami_ssha_esche_odin_igrok_na_stsene_ekstraterritorialnogo_pravoprimerenija

Aryamov A.A., Rueva E.O. Countering corruption in the context of digitalization: international and foreign experience // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 241-248.

In this article, the authors conducted a review of novelties (2020-2021) of international acts, as well as foreign legislation and foreign jurisdictional practices focused on the fight and prevention of corruption offenses based on the use of digital technologies; identified the main trends in the development of this policy vector and gave them a legal assessment. In particular, it is stated that criminal investments (in the case of the withdrawal of corrupt assets abroad) destroy the national economies of other countries, sound unconvincing against the background of the expansion of offshore practices of states that implement extrajudicial sanctions anti-corruption policy. In addition, there is an obvious gross violation of Article 6 of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of Rome, dated 04.11.1950 - the right to a fair trial – every person is guaranteed the right to have his case heard by an independent and impartial court. The aggravation of the problem (on the verge of legal chaos) takes place when several jurisdictions simultaneously apply for a specific subject (individual or legal entity) in the order of execution of confiscation procedures without an indictment (Non-Conviction Based Confession). Such procedures make it possible to actively interfere in the internal affairs of other states (anti-corruption policy in a particular country is, first of all, an internal problem), motivated by «insufficient political will in the country of demand and in the country of supply»; it is assumed that the highest echelons of power in such countries are themselves beneficiaries of corruption schemes (conflict of interests at the state level), which is transformed into a procedural position of not initiating public prosecution, and not holding "their" subjects accountable.

Key words: alternative forms of solving criminal law conflict, digitalization, cybernetic space, reporting, confiscation, corruption, responsibility, sanctions, NTR, politics, blockchain.

Spisok literatura:

1. Aryamov A.A., Kolyvanceva M.A., Kolyvancev A.S. Konfiskacionnyj resurs antikorrupcionnoj politiki. M. YUrlitinform. 2019. S. 320.
2. V Abu-Dabi sostoyalas' Konferenciya stran-uchastnic Konvencii OON protiv korrupcii/
https://anticor.hse.ru/main/news_page/v_abudabi_sostoyalas_konferentsiya_stranuchastnits_konventsii_oon_protiv_korrupsii_
3. V Seule sostoyalas' Konferenciya stran-uchastnic Konvencii OON protiv korrupcii/
https://anticor.hse.ru/main/news_page/sostoyalas_19aya_mezhdunarodnaya_antikorrupsionnaya_konferentsiya
4. V SHvecii vypushchen obnovlennyy Kodeks po preduprezhdeniyu korrupcii v biznes-sektore/
https://anticor.hse.ru/main/news_page/v_shvetsii_vypuschen_obnovlennyy_kodeks_po_preduprezhdeniyu_korrupsii_v_biznes
5. Varbi V. Datacros: instrument ocenki korrupcionnyh riskov/
https://anticor.hse.ru/main/news_page/datacros
6. Vo Francii razrabotana pravovaya osnova restitucii korrupcionnyh aktivov/
https://anticor.hse.ru/main/news_page/vo_frantsii_razrabotana_pravovaya_osnova_restitutsii_korrupsionnyh_aktivov
7. Gorbacheva N. S. Transnacional'nyj podkup: sovremennye tendencii pravoprimeniya/
https://aif.ru/money/corruption/v_2020_godu_v_rossii_byli_osuzhdeny_7500_korrupcionero
8. Doklad Soveta Evropy: konfiskaciya neob"yasennogo imushchestva v ramkah grazhdanskogo proizvodstva/
https://anticor.hse.ru/main/news_page/doklad_soveta_evropy_konfiskatsiya_neobyasennogo_imuschestva_v_ramkah_grazhdanskogo_proizvodstva
9. Obzor antikorrupcionnyh iniciativ FACTI/
https://anticor.hse.ru/main/news_page/obzor_antikorrupsionnyh_
10. Halki ZH. Komissiya po trgovle tovarnymi fyuchersami SSHA: eshche odin igrok na scene ekstraterritorial'nogo ravoprimeniya/

УДК 342.951

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Басова Ю. Ю.

*Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации*

В статье проведен анализ научных исследований предметом которых являлись различные аспекты обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях. Установлено, что обеспечение законности в чрезвычайных ситуациях включает в себя своевременное принятие востребованных и справедливых нормативных правовых актов.

Кроме того, анализ содержательной стороны различных научных концепций позволил обозначить ряд проблем, которые требуют современного научного осмысления и разрешения в сфере обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях.

Автором установлено, что динамичное развитие законодательства и правовых отношений в данной сфере, изменение правового статуса органов государственной власти, появление новых субъектов правоотношений, обуславливает актуальность исследования указанной научной проблематики. На основе проведенного исследования установлено, что усовершенствование нормативно-правовой базы в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций связано не только с разработкой и принятием новых нормативных актов, в том числе для восполнения существующих пробелов, но и с деятельностью по упорядочению системы законодательства, а именно, проведение кодификации. Обосновано, что результатом данной работы должен стать единый, юридически и логически цельный акт – Кодекс гражданской защиты населения Российской Федерации.

Кроме того, предложены дополнения в Постановление Правительства РФ от 07.06.1995 № 561 «О государственных жилищных сертификатах, выдаваемых гражданам Российской Федерации, лишившимся жилого помещения в результате чрезвычайных ситуаций, стихийных бедствий, террористических актов или при пресечении террористических актов правомерными действиями»; в Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 г. № 1-ФКЗ «Об уполномоченного по правам человека в Российской Федерации». Внесение указанных изменений обеспечить реализацию важного условия законности, а именно: своевременное принятие востребованных нормативных правовых актов.

Ключевые слова: деятельность, законность, обеспечение, чрезвычайные ситуации, теория, законодательство, нормативный правовой акт, кодекс, защита, население, усовершенствование.

В настоящее время в Российской Федерации вопросы, связанные с эффективным правовым обеспечением различных направлений деятельности государства, занимают одно из ключевых мест, о чем свидетельствует постоянное внимание Президента России В. В. Путина. В Послании Федеральному Собранию 20.02.2019 Президент России В. В. Путин подчеркнул о необходимости принятия более радикальных мер в сфере пересмотра правовой базы, нормы которой регулируют контрольно-надзорную деятельность [1]. Проф. А. В. Мелехин, ссылаясь на мнение председателя Конституционного Суда РФ В. Зорькина, отмечает «для повышения качества системы законодательства России необходимо решить ряд проблем. К некоторым из них можно отнести такие: преодоление бессистемности при разработке законодательства, устранение несогласованности между различными законодательными актами, снизить частоту изменений действующих законов, устранить нечеткость формулировок норм законодательных актов» [2, с. 45].

Среди форм и методов обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях особое место занимает правовое регулирование, включает в себя принятие нормативных правовых актов, нормы которых устанавливают общие принципы обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях, определяют соответствующих субъектов и принципы их деятельности, права, обязанности, ответственность физических, юридических лиц в данной сфере. В условиях чрезвычайных ситуаций регулятивная, организующая, воспитательная роль права значительно возрастает, ведь именно право становится важнейшим инструментом государства, универсальным регулятором и «стабилизатором» общественных отношений, возникающих в таких условиях, оно способствует обеспечению общественной безопасности, защиты прав граждан и интересов общества [3, с. 168].

Изучение механизма действия права при возникновении чрезвычайных ситуаций имеет целью определения, какие последствия таких ситуаций оказывают влияние на реализацию права, как они влияют на эти процессы, на организационно-ресурсную основу, как отражаются на процессе управления и поведении населения, следовательно, на результативность правоприменительной деятельности органов государственной власти. Любая чрезвычайная ситуация увеличивает потребность в четко определенном поведении [4, с. 3]. Некоторые аспекты действия права в чрезвычайных ситуациях были исследованы Б.Н. Топорным [5, с. 3-4]. По его мнению, под «правам чрезвычайных ситуаций» следует понимать совокупность юридических норм, регулирующих отношения по обеспечению безопасности человека, общества и государства, прогнозирования и предупреждения возможных угроз безопасности, ликвидации чрезвычайных ситуаций и ее последствий. Однако указанное понятие не в полной мере соответствует объективным реалиям современной социальной системы и действующему законодательству. Также следует отметить, что юридические нормы, регулирующие вопросы предотвращения социально-политических конфликтов и безопасного функционирования современного техногенного производства, трудно привести к единому логическому «знаменателю». Таким образом, на сегодня целесообразно рассматривать становление и постоянное развитие законодательства о чрезвычайных ситуациях, регулирующего сферу предупреждения и ликвидации конкретных природных, техногенных и социально-политических чрезвычайных ситуаций.

В отношении «права чрезвычайных ситуаций», то его определение и содержание являются общетеоретической проблемой, решение которой должно показать, каким образом видоизменяется действие юридических норм в условиях чрезвычайной ситуации, юридический инструментарий необходимый для обеспечения процесса ее урегулирования.

Необходимо отметить, что для «права чрезвычайных ситуаций» важна разработка общетеоретических проблем. Если речь идет о социально-политическом конфликте, порождаемым межгосударственными, межнациональными отношениями, то прикладные научные дисциплины обращаются, прежде всего, к учению о суверенитете, которое призвано ответить на сложные методологические вопросы, возникающие в связи с возникновением новых независимых государств, развитием автономии, с одной стороны, и усилением объективных потребностей в экономической и политической интеграции – с другой стороны [5, с. 5].

В тоже время, «право чрезвычайных ситуаций» непосредственно касается конституционных прав и свобод человека и гражданина, следовательно, в его основе должен быть закон, то есть обеспечение принципа приоритета закона. Это означает, что непосредственно закон, а не подзаконный нормативный акт является основным источником правового регулирования обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях. Как отмечает профессор В.В. Гушин, закон не может приниматься заинтересованными органами исполнительной власти. Закон принципиально не может быть изменен любым указом или постановлением [6, с. 111]. Исключением из этого правила являются лишь Указ Президента о введении чрезвычайного административно-правового режима (военного положения, чрезвычайного положения). Однако данный Указ должен быть утвержден законом. Все иные органы, общественные объединения, предприятия, учреждения, организации, граждане должны строго и последовательно соблюдать закон, в том числе и в условиях ЧС.

Следует заметить, что все подзаконные акты принимаются на основании закона и в целях его исполнения. Для обеспечения соблюдения принципа приоритета закона в сфере обеспечения законности в условиях чрезвычайных ситуаций необходимо разграничить те сферы правового воздействия, где общественные отношения регулируются только законом. Так, например, только законом могут быть определены элементы правового статуса физических и юридических лиц, порядок применения ограничения их права. В сферу правового воздействия подзаконных нормативных правовых актов может входить только конкретизация, детализация норм закона, а также механизм реализации норм закона, однако объем правового регулирования не может быть изменен. В результате издания подзаконного нормативного правового акта органам исполнительной власти не могут предоставляться новые полномочия, непредусмотренные законом, отменяться уже установленные, недопустимо их расширение или сужение по сравнению с законом, вносить изменения в процедуру их применения [6, с. 111]. Таким образом, обеспечение соблюдения принципа приоритета закона позволит обеспечить законность, и обоснованность мер, которые будут применены уполномоченными субъектами к физическим и юридическим лицам с целью урегулирования чрезвычайной ситуации.

Отметим, что законодательство о чрезвычайных ситуациях содержит в себе правовой механизм урегулирования чрезвычайной ситуации, «сдерживание» ее в определенных границах и на этой основе трансформирует ее в нормальную, обычную ситуацию. В то же время возникновение такой ситуации означает перераспределение средств на осуществление обычной деятельности государственных институтов и, следовательно, деформацию самой этой деятельности. В условиях чрезвычайной ситуации происходит перераспределение властных полномочий от одних структур (органов власти) и субъектов к другим, а характер управления приобретает, как правило, более авторитарного характера [4, с. 3].

Итак, обращаясь к праву как средству социального регулирования в условиях чрезвычайных ситуаций, можно отметить, что: в случае возникновения чрезвычайной ситуации потребность в праве значительно (в геометрической прогрессии) растет и становится более заметной; возникновение чрезвычайных ситуаций обуславливает возникновение, изменение, прекращение общественных отношений, что, в свою очередь, влечет за собой изменение содержания регулятивного потенциала права, то есть оно становится другим, адекватным содержанию чрезвычайной ситу-

ации, которая возникла; в условиях чрезвычайной ситуации меняется фактическая значимость и актуальность отдельных правовых предписаний; в чрезвычайной ситуации резко меняется способность обычных правоприменительных органов выполнять свои функции, их важность, реальные возможности и средства этих органов не способны реализовывать правовые нормы; в чрезвычайной ситуации меняется содержание процесса реализации права, становится более жестким, авторитарным, а в некоторых случаях воплощается в форму чрезвычайного административно-правового режима.

В правовой науке сложилось несколько мнений относительно классификации нормативных правовых актов, которые осуществляют регулирование общественных отношений исследуемой сфере. Так, по мнению И.А. Назаренко, правовую базу по обеспечению правопорядка и безопасности в чрезвычайных ситуациях составляют две группы нормативных актов. К первой группе автор относит законы и подзаконные акты, регулирующие деятельность органов государственной власти по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций любого характера. Ко второй группе – нормативные акты, которые непосредственно определяют конкретные права, обязанности, функции субъектов, специально созданные для обеспечения общественной безопасности в чрезвычайных ситуациях [7, с. 133].

Профессор Б. Порфирьев считает, что систему правового регулирования деятельности субъектов в условиях чрезвычайных ситуаций составляют четыре вида нормативных правовых актов. Первая группа актов – это общесистемные правовые акты, формирующие базовый понятийный аппарат, принципы, цели, задачи, основные характеристики механизма управления в чрезвычайных ситуациях.

Вторая группа актов – это акты, нормы которых регулируют деятельность по предупреждению чрезвычайных ситуаций. По мнению Б. Порфирьева, данная группа нормативных актов должна регулировать такие вопросы: установление норм, которые является допустимой нагрузкой на здоровье человека и окружающей среды, установление порядка размещения хозяйственных объектов и жилых помещений с учетом критериев риска возникновения чрезвычайных ситуаций, определение процедуры их введения в эксплуатацию и т.д.

Третья группа правовых актов – это акты, нормы которых регулируют деятельность по непосредственной подготовке к реагированию на чрезвычайные ситуации. Эта группа нормативных актов определяет принципы планирования и организации подготовки и реагирования на чрезвычайные ситуации органов государственной власти, населения, подготовки сотрудников органов внутренних дел, Федеральной Службы безопасности, МЧС России.

Четвертая группа правовых актов включает в себя акты, нормы которых регулируют деятельность по ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, а именно: порядок реализации мер, направленных на ликвидацию или уменьшение убытков чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера, регулирующих порядок проведения эвакуации населения, аварийно-спасательных работ, оказания медицинской и психологической помощи населению [8, с. 38–51].

Однако, нормативные правовые акты в данной сфере целесообразно классифицировать по определенным направлениям деятельности субъектов обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях. В частности:

– в области определения правового статуса субъектов обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях. Выполнение комплекса мероприятий, направленных на предупреждение и ликвидацию негативных последствий чрезвычайной ситуации обеспечивает соответствующая система государственных органов, которые действуют на основании действующего законодательства, нормы которого закрепляют содержание их полномочий в указанной сфере. Последовательное и системное законодательное закрепление полномочий, задач, функций и принципов деятельности указанных органов и их должностных лиц при таких условиях обеспечит: определение круга уполномоченных субъектов ответственных за реализацию соответствующих мероприятий по предупреждению и ликвидации негативных последствий чрезвычайной ситуации; определение направлений, содержания и границ их деятельности; закрепление перечня ограничительных мер, вводимых в условиях возникновения чрезвычайных ситуаций и ответственных за их реализацию государственных органов, эффективную реализацию гарантий прав и свобод физических и юридических лиц; соблюдение режима законности деятельности уполномоченных субъектов в таких условиях.

– в области международно-правового регулирования обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях. Как уже было отмечено ранее, в международно-правовом регулировании обеспечения общественной безопасности в чрезвычайных ситуациях, традиционно выделяют несколько направлений: 1) международно-правовое регулирование военных конфликтов немеждународного характера, которые могут быть основанием для введения чрезвычайного положения; 2) международно-правовое регулирование реализации принципов применения института «чрезвычайного положения» и ограничения прав человека в данных условиях; 3) международно-правовые средства обеспечения международных обязательств в сфере правопорядка, как средство обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях;

– в области оказания финансовой помощи пострадавшим в результате чрезвычайной ситуации. Право граждан на защиту жизни, здоровья и личного имущества в случае возникновения чрезвычайных ситуаций, а также на возмещение ущерба, причиненного их здоровью и имуществу вследствие чрезвычайных ситуаций, закреплено в Бюджетном кодексе РФ, Федеральным законом от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (ст. 18). Основными документами, регламентирующими порядок финансирования мероприятий по ликвидации чрезвычайных ситуаций, является постановление Правительства РФ от 28.12.2019 № 1928 «Об утверждении Правил предоставления иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования резервного фонда Правительства РФ, бюджетам субъектов РФ на финансовое обеспечение отдельных мер по ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, осуществления компенсационных выплат физическим и юридическим лицам, которым был причинен ущерб в результате террористического акта, и возмещения вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями»; Постановление Правительства РФ от 07.06.1995 № 561 «О государственных жилищных сертификатах, выдаваемых гражданам Российской Федерации, лишившимся жилого помещения в результате чрезвычайных ситуаций,

стихийных бедствий, террористических актов или при пресечении террористических актов правомерными действиями».

Неоднозначность правоприменения, а в частности судебной практики, обуславливает необходимость конкретизации оснований условия получения финансовой помощи, связанной с утратой жилого помещения путем внесения дополнений, в частности: в ч. 2 постановления Правительства Российской Федерации от 07.07.1995 № 561 «О государственных жилищных сертификатах, выдаваемых гражданам Российской Федерации, лишившимся жилого помещения в результате чрезвычайных ситуаций, стихийных бедствий, террористических актов или при пресечении террористических актов правомерными действиями» необходимо внести изменения и дополнения, в соответствии с которыми, финансовая помощь пострадавшим будет оказываться: а) при установлении факта проживания гражданина в утраченном жилом помещении на момент чрезвычайной ситуации, стихийного бедствия, террористического акта или пресечения террористического акта правомерными действиями; б) утраченное жилое помещение находилось в собственности (в том числе долевой собственности) либо предоставлено им по договору социального найма.

– в области применения ограничений прав и свобод граждан в условиях чрезвычайных ситуаций. Основным нормативным правовым актом, который определяет перечень прав человека и гражданина, порядок их реализации и перечень обстоятельств, при которых права могут быть ограничены, является Конституция РФ. Ч.1. ст. 56 Конституции России определяет, что в условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в соответствии с федеральным конституционным законом могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия. Федеральные конституционные законы «О военном положении», «О чрезвычайном положении», в своем содержании непосредственно содержат перечень ограничительных мер, которые применяются к физическим и юридическим лицам. Данные ограничения прежде всего, обеспечивают охрану более важных для человека прав и свобод, создают условия для обеспечения безопасности граждан, восстановления правопорядка для осуществления восстановительных работ. Следовательно, реализацию данных ограничений нельзя рассматривать только в негативном правовом аспекте.

Однако действующее законодательство содержит ряд исключений, относительно реализации ограничительных мер. Так, ст. 4 Федерального конституционного закона от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» определяет, что полномочия Уполномоченного не могут быть прекращены в случае введения военного или чрезвычайного положения. В то же время, федеральное законодательство, кроме военного и чрезвычайного положения, предусматривает наличие и других режимов, в частности режима чрезвычайной ситуации, режима контртеррористической операции, карантина. Итак, несомненно, данную часть целесообразно дополнить и привести в соответствие с действующим федеральным законодательством и ст. 4 Федерального конституционного закона от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» изложить в следующей редакции:

«Полномочия Уполномоченного не могут быть прекращены или ограничены в случае введения военного, чрезвычайного положения, режима чрезвычайной ситуа-

ции, режим контртеррористической операции или действия других ограничительных мер, введенных в связи с возникновением чрезвычайной ситуации»;

– в области обеспечения проведения мероприятий по гражданской обороне населения. Отметим, что каждый имеет право на защиту своей жизни и здоровья от последствий аварий, катастроф, пожаров, стихийных бедствий, от опасностей, возникающих при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов. Государство как гарант этого права создает систему гражданской обороны, которая имеет своей целью защиту населения от опасных последствий аварий и катастроф техногенного, экологического, природного и военного характера.

Федеральный закон от 12.02.1998 № 28-ФЗ «О гражданской обороне» определяют правовые и организационные основы защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций в военное и мирное, полномочия органов исполнительной власти и других органов управления, порядок создания и применения сил, их комплектования, а также гарантии социальной и правовой защиты личного состава органов и подразделений гражданской обороны.

– в области обеспечения защиты населения от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Основным нормативным правовым актом здесь является Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [9], который определяет общие для России организационно-правовые нормы в области защиты населения, всего земельного, водного, воздушного пространства в пределах РФ или его части, объектов производственного и социального назначения, а также окружающей среды от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Одновременно, Федеральный закон от 30.03.1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», Федеральный закон от 17.09.1998 №157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней», Федеральный закон 10.01.2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности», Федеральный закон от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности», Постановление Правительства РФ от 30.12.2003 № 794 «О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций», Постановление Правительства РФ от 30.06.2007 № 417 «Об утверждении правил пожарной безопасности в лесах», Постановление Правительства РФ от 02.11.2000 № 841 «Об утверждении Положения об организации обучения населения в области гражданской обороны», Постановление Правительства РФ от 04.09.2003 № 547 «О подготовке населения в области защиты от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» также регулируют отдельные аспекты обеспечения защиты населения от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

– в области обеспечению международного сотрудничества в сфере обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях. Отметим, что Россия принимает участие в международном сотрудничестве в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций на основе многосторонних и двусторонних соглашений. Международное сотрудничество в области защиты населения от чрезвычайных ситуаций осуществляется заключением международных договоров, меморандумов и т.д., участия в международных программах и проектах, обмена информацией и опытом работы, предоставление или получение гуманитарной и научно-технической помощи.

Участие России в международном сотрудничестве в области защиты населения от чрезвычайных ситуаций осуществляется в порядке, установленном федеральным законодательством путем: проведение совместных научных исследований; разработки и реализации международных программ, договоров, меморандумов; создание совместных рабочих групп управления (сопровождения) международными проектами; осуществление взаимного обмена информацией и изучения международного опыта; участия в международных конгрессах, конференциях, симпозиумах, совместных учениях и переподготовке руководящего состава субъектов обеспечения общественной безопасности в чрезвычайных ситуациях; поддержание международных профессиональных контактов.

Правительство РФ заключило соглашения о сотрудничестве и взаимной помощи в области предупреждения чрезвычайных ситуаций и ликвидации их последствий с правительствами таких стран, как Азербайджан, Словакия, Беларусь, Армения, Казахстан, Албания, Болгария, Греция, Молдова, Китай, Румыния и т.д.

– *в области обеспечению социальной защиты населения, принимающий участие в ликвидации чрезвычайных ситуаций.* Следует отметить, что на сегодняшний день в данной сфере правового регулирования принято большое количество нормативных правовых актов, а именно: Закон РФ 05.05.1991 № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» [10], Федеральный закон от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [9], Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 года № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» [11], Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [12], Федеральный закон от 3.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [13], Федеральный закон от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [14] и т.д.

Анализ указанных нормативных правовых актов дает возможность определить основные положения в этой сфере: процедуры в сфере реализации права граждан на защиту жизни, здоровья, личного имущества, возмещения ущерба, пострадавших в результате чрезвычайных ситуаций; об особенностях регулирования труда лиц, работающих в зоне чрезвычайной ситуации; о медицинском обслуживании лиц, непосредственно участвовавших в ликвидации чрезвычайной ситуации, и лиц, пострадавших в результате ее возникновения; об установлении социальных льгот, получение материальных компенсаций; о льготном пенсионном обеспечении или пенсионное обеспечение в случае получения травмы во время ликвидации чрезвычайной ситуации; о пенсионном обеспечении в случае потери кормильца при ликвидации чрезвычайной ситуации любого характера;

– *в области обеспечению охраны окружающей среды.* Согласно ст. 42 Конституции РФ каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением. Данные положения отражены во значительном количестве нормативных правовых актах, касающихся обеспечения общественной безопасности в чрезвычайных ситуациях. Так, Федеральный Закон от 09.01.1996 № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения» устанавливает приоритет безопасности человека и окружающей среды, права и обязанности граждан общественных объединений в области обеспечения радиационной безопасности,

регулирует деятельность, связанную с использованием ядерных установок и источников ионизирующего излучения, устанавливает порядок обеспечения радиационной безопасности при радиационной аварии, государственное управление в области обеспечения радиационной безопасности, осуществление государственного надзора, производственного и общественного контроля в области обеспечения радиационной безопасности [15].

В то же время, во исполнение положений Венской конвенции «О гражданской ответственности за ядерный ущерб» был разработан и подан на рассмотрение проект Федерального Закона «О гражданско-правовой ответственности за причинение ядерного вреда и ее финансовом обеспечении» который регулирует отношения по гражданской ответственности за ядерный ущерб, устанавливается порядок возмещения вреда, вызванного ядерным инцидентом, определяются способы финансового обеспечения гражданской ответственности и ее пределы [16].

Особое место в данной сфере занимает Федеральный закон 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [17]. Он Закон определяет правовые, экономические и социальные основы организации охраны окружающей среды в интересах нынешнего и будущих поколений, ведь охрана окружающей среды, рациональное использование природных ресурсов, обеспечения экологической безопасности жизнедеятельности человека – неотъемлемое условие устойчивого экономического и социального развития страны. С этой целью РФ осуществляет на своей территории экологическую политику, направленную на сохранение безопасной для существования живой и неживой природы окружающей среды, защиты жизни и здоровья населения от негативного воздействия, обусловленного загрязнением окружающей среды, достижение гармоничного взаимодействия общества и природы, охрану, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов.

Подводя итог проведенного анализа, отметим, что в настоящее время в исследуемой сфере действует более 40 федеральных законов, десятки указов Президента, более 100 постановлений Правительства, значительное количество нормативных актов субъектов РФ, приказов МВД и других субъектов обеспечения общественной безопасности в чрезвычайных ситуациях. Высокая активность в сфере нормотворчества свидетельствует о повышенном внимании со стороны уполномоченных субъектов к вопросам обеспечения общественной безопасности в чрезвычайных ситуациях. Установлено, что Конституция РФ имеет базовое значение и осуществляет первичную легализацию деятельности государственных органов в сфере предупреждения и ликвидации негативных последствий чрезвычайных ситуаций, закрепляя основополагающие принципы, направления административной деятельности в данной сфере, а также процедуры введения чрезвычайных административно-правовых режимов и временного ограничения прав и свобод человека и гражданина в таких условиях.

В тоже время проведенный анализ позволил выявить ряд проблем.

Во-первых. С одной стороны, при значительном количестве нормативных правовых актов по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера, прослеживается существенная нехватка федеральных норм в сфере предупреждения и пресечение чрезвычайных ситуаций социально-политического характера. Проф. С.А. Старостин справедливо отмечает, что «следует осуществлять эту работу, руководствуясь не только стратегическими целями, но

и общественно-политической ситуацией в стране. По мнению ученого, следует принять закон, предусматривающий более мягкий, по сравнению с чрезвычайным положением, особый правовой режим, вводимый в случае возникновения чрезвычайных различного генезиса [18].

Вместе с тем, значительное количество нормативных актов в указанной сфере, находятся в «поле зрения» подзаконного, ведомственного нормотворчества. Однако, результаты анкетирования показывают, что большинство респондентов (68 %) указывают, что такая ситуация только лишь усложняет правоприменительную деятельность, а в частности эффективную реализацию взаимодействия. В научных работах уже неоднократно указывалась на необходимость «выхода из подзаконного» характера регулирования общественных отношений в данной сфере. С указанным предложением следует согласиться частично, т.к. не все аспекты деятельности субъектов в данной сфере могут иметь «открытый» характер. Безусловно, особенности тактического, оперативного, информационного и иных видов обеспечения так и должны оставаться в сфере ведомственного регулирования.

Во-вторых. Как уже было отмечено, на сегодня общественные отношения в исследуемой сфере регулируются значительным количеством нормативных правовых актов. По нашему мнению возникает необходимость проведения их кодификации,

Говоря о проблеме кодификации законодательства, исследователи отмечают сложность этого процесса, обусловленного его комплексным характером. Во-первых, специфика полиаспектных отношений в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций отражается на содержании регулирующих эти отношения законодательных актов и составляющих их норм права. Во-вторых, законодательство в указанной сфере характеризуется значительным числом актов, издаваемых различными органами. Традиционно ведомственное нормотворчество в нашей стране развивалось очень интенсивно, поскольку была слаба законодательная база. Однако, в различных сферах государственного управления можно наблюдать парадоксальный обратный процесс: развитие законодательства не сократило, а стимулировало нормотворческую деятельность органа управления, а многие вопросы по-прежнему остаются вне сферы действия закона или ему не соответствуют [19]. Кроме того, различные аспекты предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций регулируются актами органов межотраслевой компетенции. В-третьих, наличие значительного количества актов в данной сфере обуславливает появление «дублирующих норм, которых регулируют однородные общественные отношения.

Вследствие указанного, рассматривая проблемы кодификации законодательства в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, следует иметь в виду состояние всей системы национального законодательства.

В связи с указанным, в рамках широкой научной дискуссии предлагаем проведение кодификации нормативных актов, действующих в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера. Таким актом может стать – Кодекс гражданской защиты населения РФ.

В данном случае Кодекс гражданской защиты населения России, подобно УКРФ должен выступать в качестве «юридического монополиста». Справедливо отмечает профессор А.В. Мелехин, что «такой подход в наибольшей степени отвечает требованиям эффективного регулирования общественных отношений в рассматриваемых

условиях, а также является необходимым условием соблюдения базовых положений в процессе строительства правового государства» [2, с. 483].

Разработка и принятие данного кодекса в короткой исторической перспективе позволит включить в него положения федерального законодательства, которые регулируют близкие по своей правовой природе общественные отношения. Предложенная кодификация позволит упразднить значительное количество нормативных актов, нормы которых регулируют общественные отношения в указанной сфере, а именно: Федеральные законы от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», от 12.02.1998 № 28-ФЗ «О гражданской обороне», от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности», от 22.08.1995 № 151-ФЗ «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей»; Указ Президента РФ от 27.05.1996 № 784 «Вопросы гражданской обороны Российской Федерации» (вместе с положением о Войсках ГО РФ); Постановления Правительства РФ от 21.05.2007 № 304 «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», от 30.12.2003 № 794 «О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций», от 30.06.2007 г. № 417 «Об утверждении правил пожарной безопасности в лесах», от 02.11.2000 № 841 «Об утверждении Положения об организации обучения населения в области гражданской обороны», от 04.09. 2003 г. № 547 «О подготовке населения в области защиты от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера».

Список литературы:

1. Послание Президента Федеральному Собранию 29 февраля 2019 года [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения 29.01.2022).
2. Мелехин А.В. Чрезвычайное законодательство Российской Федерации: теоретические, правовые и организационные проблемы его реализации. Монография / А.В. Мелехин. - М.: Академия управления МВД России. 2013. 491 с.
3. Давитадзе М. Д. Теоретические, организационные и правовые основы деятельности органов внутренних дел в условиях межнациональных конфликтов: дисс. ... докт. юрид. наук : 12.00.02 / Давитадзе Мевлуд Делуралович. – М., 2000. – 451 с.
4. Дубовик О. Л. Механизм действия права в чрезвычайных ситуациях / О. Л. Дубовик // Обеспечение безопасности и территории. – М., 1994. – С. 3–18.
5. Право и чрезвычайные ситуации : сборник научных трудов / Институт государства и права РАН. – М., 1992. – 223 с.
6. Гуцин В. В. Правовые и организационные основы обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации при чрезвычайных ситуациях: дис. ... докт. юрид. наук. : 12.00.02 / Гуцин Василий Васильевич. – М., 1998. – 449 с.
7. Назаренко И. А. Организация деятельности органов внутренних дел при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера: дисс. ... канд. юрид. наук. : 12.00.14 / И. А. Назаренко. – М., 2003. – 226 с.
8. Порфирьев Б. Н. Государственное управление в чрезвычайных ситуациях: анализ методологии и проблемы организации / Порфирьев Б. Н. – М. : Наука, 1991. – 136 с..
9. Федеральный закон от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=200121&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.3906050873649023> (дата обращения 29.01.2022).
10. Закон Российской Федерации 05.05.1991 г. № 1244-1 О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=200926&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.13299504328125367> (дата обращения 29.01.2022).
11. Федеральный конституционный закон от 30.05 2001 года № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» [Электронный ресурс] URL:

- «<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=200610&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.9669654351604442> (дата обращения 29.01.2022).
12. Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=200988&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.06394653084557733> (дата обращения 29.01.2022).
13. Федеральный закон от 3 июля 2016 года № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=200506&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.6806400340608267> (дата обращения 29.01.2022).
14. Федеральный закон от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=201212&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.4370087256678228> (дата обращения: 02.03.2022).
15. Федеральный Закон от 09.01.1996 года № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения» [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=117494&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.009151115424195444> (дата обращения: 02.03.2022).
16. Пояснительная записка к проекту Федерального Закона «О гражданско-правовой ответственности за причинение ядерного вреда и ее финансовом обеспечении» [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=2588;frame=29> (дата обращения: 02.03.2022).
17. Федеральный закон 10.01.2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=200681&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.3086512863964139/> (дата обращения: 02.03.2022).
18. Старостин С.А. Чрезвычайное положение: монография. Москва: Проспект, 2019. 120 с.
19. Барабанова С. Образовательное законодательство (проблемы кодификации) // Высшее образование в России. 2004. №9. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnoe-zakonodatelstvo-problemy-kodifikatsii> (дата обращения: 02.03.2022).

Yulia Basova. Ensuring the rule of law in emergency situations: the state and problems of legal regulation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 249-261.

The article analyzes scientific research, the subject of which was various aspects of ensuring the rule of law in emergency situations. It has been established that ensuring the rule of law in emergency situations includes the timely adoption of demanded and fair regulatory legal acts.

In addition, the analysis of the content side of various scientific concepts made it possible to identify a number of problems that require modern scientific understanding and resolution in the field of ensuring the rule of law in emergency situations.

The author found that the dynamic development of legislation and legal relations in this area, the change in the legal status of public authorities, the emergence of new subjects of legal relations, determines the relevance of the study of this scientific issue. On the basis of the study, it was found that the improvement of the regulatory framework in the field of prevention and liquidation of emergency situations is associated not only with the development and adoption of new regulations, including to fill existing gaps, but also with activities to streamline the legislative system, namely, carrying out codification. It is substantiated that the result of this work should be a single, legally and logically integral act - the Code of Civil Protection of the Population of the Russian Federation.

In addition, additions are proposed to Decree of the Government of the Russian Federation dated 07.06.1995 No. 561 "On state housing certificates issued to citizens of the Russian Federation who have lost their housing as a result of emergencies, natural disasters, terrorist acts or in the suppression of terrorist acts by lawful actions"; in the Federal Constitutional Law of February 26, 1997 No. 1-FKZ "On the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation". The introduction of these changes will ensure the implementation of an important condition of legality, namely: the timely adoption of the required regulatory legal acts.

Key words: activity, legality, provision, emergency situations, theory, legislation, normative legal act, code, protection, population, improvement.

Spisok literatury:

1. Poslanie Prezidenta Federalnomu Sobraniyu 29 fevralya 2019 goda [Elektronnyiy resurs] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863> (data obrascheniya 29.01.2022).
2. Melehin A.V. Chrezvychaynoe zakonodatelstvo Rossiyskoy Federatsii: teoreticheskie, pravovye i organizatsionnyye problemy ego realizatsii. Monografiya / A.V. Melehin. - M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii. 2013. 491 s.

3. Davitadze M. D. Teoreticheskie, organizatsionnye i pravovyye osnovy deyatelnosti organov vnutrennih del v usloviyah mezhnatsionalnykh konfliktov: diss. ... dokt. yurid. nauk : 12.00.02 / Davitadze Mevlud Deluralovich. – M., 2000. – 451 s.
4. Dubovik O. L. Mehanizm deystviya prava v chrezvyichaynykh situatsiyah / O. L. Dubovik // Obespechenie bezopasnosti i territorii. – M., 1994. – S. 3–18.
5. Pravo i chrezvyichaynyie situatsii : sbornik nauchnykh trudov / Institut gosudarstva i prava RAN. – M., 1992. – 223 s..
6. Guschin V. V. Pravovyye i organizatsionnye osnovy obespecheniya obschestvennoy bezopasnosti v Rossiyskoy Federatsii pri chrezvyichaynykh situatsiyah: dis. ... dokt. yurid. nauk. : 12.00.02 / Guschin Vasilii Vasilevich. – M., 1998. – 449 s.
7. Nazarenko I. A. Organizatsiya deyatelnosti organov vnutrennih del pri chrezvyichaynykh situatsiyah prirodnoogo i tehnogennoogo haraktera: diss. ... kand. yurid. nauk. : 12.00.14 / I. A. Nazarenko. – M., 2003. – 226 s.
8. Porfirev B. N. Gosudarstvennoe upravlenie v chrezvyichaynykh situatsiyah: analiz metodologii i problemy organizatsii / Porfirev B. N. – M. : Nauka, 1991. – 136 s..
9. Federalnyy zakon ot 21.12.1994 g. # 68-FZ O zaschite naseleniya i territoriy ot chrezvyichaynykh situatsiy prirodnoogo i tehnogennoogo haraktera: [Elektronnyy resurs] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=200121&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.3906050873649023> (data obrascheniya 29.01.2022).
10. Zakon Rossiyskoy Federatsii 05.05.1991 g. # 1244-I O sotsialnoy zaschite grazhdan, podvergshihsva vozdeystviyu radiatsii vsledstvie katastrofyi na Chernobyilskoy AES [Elektronnyy resurs] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=200926&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.13299504328125367> (data obrascheniya 29.01.2022).
11. Federalnyy konstitutsionnyy zakon ot 30.05.2001 goda # 3-FKZ «O chrezvyichaynom polozhenii» [Elektronnyy resurs] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=200610&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.9669654351604442> (data obrascheniya 29.01.2022).
12. Federalnyy zakon ot 07.02.2011 g. # 3-FZ «O politicii» [Elektronnyy resurs] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=200988&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.06394653084557733> (data obrascheniya 29.01.2022).
13. Federalnyy zakon ot 3 iyulya 2016 goda # 226-FZ «O voyskakh natsionalnoy gvardii Rossiyskoy Federatsii» [Elektronnyy resurs] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=200506&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.6806400340608267> (data obrascheniya 29.01.2022).
14. Federalnyy zakon ot 06.03.2006 g. # 35-FZ «O protivodeystvii terrorizmu» [Elektronnyy resurs] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=201212&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.4370087256678228> (data obrascheniya: 02.03.2022).
15. Federalnyy Zakon ot 09.01.1996 goda # 3-FZ «O radiatsionnoy bezopasnosti naseleniya» [Elektronnyy resurs] URL: www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=117494&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.009151115424195444 (data obrascheniya: 02.03.2022).
16. Poyasnitelnaya zapiska k proektu Federalnogo Zakona «O grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti za prichinenie yadernogo vreda i ee finansovom obespechenii» [Elektronnyy resurs] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ;n=2588;frame=29> (data obrascheniya: 02.03.2022).
17. Federalnyy zakon 10.01.2002 goda # 7-FZ «Ob ohrane okruzhayushey sredy» [Elektronnyy resurs] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=200681&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.3086512863964139/> (data obrascheniya: 02.03.2022).
18. Starostin S.A. Chrezvyichaynoe polozhenie: monografiya. Moskva: Prospekt, 2019. 120 s.
19. Barabanova S. Obrazovatelnoe zakonodatelstvo (problemy kodifikatsii) // Vyishee obrazovanie v Rossii. 2004. #9. [Elektronnyy resurs] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnoe-zakonodatelstvo-problemy-kodifikatsii> (data obrascheniya: 02.03.2022).

УДК 343.21

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА И ОТРАСЛИ КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА КАК ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА СИСТЕМУ ВОЕННО- УГОЛОВНЫХ НОРМ

Бодаевский В. П.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье констатируется, что наиболее активное влияние на систему уголовно-правовых норм, обеспечивающих воинский правопорядок, оказывают уголовная политика и отрасли права криминального цикла, такие как уголовно-процессуальное право и уголовно-исполнительное право России. Приводятся аргументы в подтверждение того, что концептуальные установки уголовной политики воздействуют на систему норм военно-уголовного права на двух уровнях: мировоззренческом (идейном) и на законодательном. Причем на законодательном уровне путем воздействия непосредственно на уголовный закон или военное право, к которому он отсылает. Отстаивается мнение, что между уголовным правом и другими отраслями криминального цикла действуют генетические, функциональные, координационные и субординационные связи. Влияние генетических связей на правотворческую и правоприменительную деятельность, связанную с рассматриваемыми отраслями права, имеет свое проявление, главным образом в том, что ни одна из них не может функционировать и развиваться друг без друга. Без какой-либо одной из них существование других бессмысленно. Соответственно учет законодателем генетических связей между военно-специальными подсистемами отраслей криминального цикла, на наш взгляд, должен заключаться в одновременном («пакетном») принятии текстов кодифицированных законодательных актов, в которые они включаются. Обосновывается позиция о базовом положении уголовного права по отношению к другим отраслям криминального цикла, что свидетельствует о существовании между ними субординационных связей. Иное указывало бы на отсутствие функционального единства между ними, а следовательно, на их функциональную несостоятельность и неэффективность.

Ключевые слова: уголовная политика, межотраслевые связи, нормативное предписание, система военно-уголовных норм, отрасли права криминального цикла, уголовное право, уголовно-процессуальное право, уголовно-исполнительное право.

В специальной литературе отмечается, что правовой действительности, как и всему окружающему нас миру, свойственны диалектическое взаимопроникновение, связь и синтез [1, с. 76]. Иными словами, в праве не существует абсолютно изолированных правовых систем. В тоже время, как правильно отметил С.С. Алексеев, любая правовая система – это: «... сложный, спаянный закономерными связями организм» [2, с. 252].

Изложенное полностью относится и к системе правовых норм УК РФ, обеспечивающих охрану воинского правопорядка, получившей в уголовно-правовой доктрине название «военно-уголовное право». Характер и своеобразие взаимодействия этой системы с внешними факторами во многом определяют специфику конструкции и применения, составляющих ее норм, и соответственно, особенности возникающих с ней системообразующих связей. К наиболее активным внешним факторам, влияющим на систему военно-уголовных норм, помимо Конституции РФ и международных договоров, также относят уголовную политику, военное законодательство и отрасли законодательства криминалистического блока.

Уголовная политика, являясь частью государственной политики, исходя из установленных в государстве ориентиров, базирующихся на сложившихся в обществе

ценностях, через свою подсистему, уголовно-правовую политику, определяет пределы и механизмы воздействия на уголовный закон.

В теории уголовного права в рамках уголовной политики выделяют еще и военно-уголовную политику. Так, по мнению Я.Н. Ермоловича, под последней, в узком смысле, понимают деятельность государства, в лице соответствующих органов, направленную на противодействие преступности в ВС РФ средствами и методами уголовного права. Военно-уголовная политика представляет собой обособленную часть уголовной политики, предметом которой является военная безопасность государства, включающая в себя, в качестве обязательной составляющей, воинский правопорядок, а сферой деятельности – Вооруженные Силы, другие войска, воинские формирования и органы РФ, в которых предусмотрена военная служба [3].

Мы не будем вступать в полемику по поводу понятий и соотношения вышеперечисленных составляющих уголовной политики, поскольку это предмет самостоятельного комплексного исследования. Вместе с тем отметим, что к методам военно-уголовной политики, как и всех других ее подсистем относятся: криминализация, декриминализация, пенализация, депенализация, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности [3]. Соответственно, центральными ее звеньями являются правотворческая и правоприменительная деятельность государства [4, с. 83]. Как точно по данному поводу заметил В.И. Ленин: «Закон есть мера политическая, есть политика» [5, с. 99], что, исходя из опыта правоприменительной практики, никаким образом не исключает наличия у права самостоятельности и собственной внутренней логики, не связанной с политикой [6, с. 1].

Концептуальные установки всех подсистем уголовной политики находят свое отражение в Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ № 400 от 02.07.2021 (далее – Стратегия), в Военной доктрине РФ, утвержденной Президентом РФ № Пр-2976 от 25.12.2014 (далее – Доктрина) и в ежегодных посланиях Президента России Федеральному собранию РФ. Они носят комплексный (общий) характер, основываются на предписаниях Конституции РФ, Федеральных законах «О безопасности» от 28.23.2010 г. № 390-ФЗ, «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.07.2014 г. № 172-ФЗ и других нормативных актов (п. 4 Стратегии). Например, достижение целей государственной и общественной безопасности предполагает комплексное решение ряда взаимосвязанных задач, среди которых можно выделить, относящиеся к уголовной политике: «... снижение уровня криминализации общественных отношений, развитие единой государственной системы профилактики правонарушений» (пп. 8 п. 47 Стратегии); «... реализация принципа неотвратимости наказания за совершение преступления» (пп. 12 п. 47 Стратегии) и т.д. При этом, «Достижение целей обороны осуществляется в рамках реализации военной политики ...» (п. 40 Стратегии), в ходе чего особое внимание уделяется решению такой задачи, как: «... поддержание на высоком уровне ... правопорядка и воинской дисциплины в Вооруженных Силах, других войсках, воинских формированиях и органах» (пп. 12 п. 40 Стратегии).

В Военной доктрине РФ от 25.12.2014 г. подчеркивается: несмотря на снижение вероятности развязывания против РФ крупномасштабной войны, на ряде направлений военная опасность для РФ усиливается (п. 11 Доктрины); РФ обеспечивает постоянную готовность Вооруженных Сил, других войск и органов к сдерживанию и предотвращению военных конфликтов, к вооруженной защите РФ и ее союзников в

соответствии с нормами международного права и международными договорами РФ (п. 19 Доктрины); выполнение основных задач строительства и развития Вооруженных Сил, других войск и органов достигается в том числе путем укрепления организованности, правопорядка и воинской дисциплины, а также профилактики и пресечения коррупционных проявлений (п. 39 Доктрины).

Что касается ежегодных посланий Президента России Федеральному Собранию РФ, то в своем обращении еще от 10.05.2006 г. В.В. Путин отметил, что: «современной России нужна армия, имеющая все возможности адекватно реагировать на современные ... угрозы... И наконец, не менее важная задача – это укрепление дисциплины в войсках» [7]. Во всех своих последующих Посланиях В.В. Путин подчеркивает актуальность необходимости постоянного укрепления Вооруженных Сил РФ. Так, в Послании от 21.04.2021 г. подчеркивается: «Не могу не сказать сегодня, как это обычно в ежегодных Посланиях Федеральному Собранию делается, и о том, что совершенствование и качественное укрепление Вооруженных Сил России идет постоянно» [8]. Такие установки воздействуют на систему норм военно-уголовного права на мировоззренческом (идейном) уровне, а для законодателя служат посылом к усовершенствованию уголовного закона в части ответственности военнослужащих. Кроме того, в рамках военной политики они воздействуют на военное право, поскольку учитываются законодателем при принятии федеральных законов военной сферы, в правотворческой деятельности Президента РФ и соответствующих государственных органов (например, Министерства обороны РФ) при принятии нормативно-правовых актов, регламентирующих различные общественные отношения, образующие воинский правопорядок, в том числе и тех, что обеспечиваются охраной уголовного закона. Например, Указами Президента РФ утверждены такие важные основополагающие нормативные акты, как: «Вопросы прохождения военной службы» от 16.09.1999 г. № 1237, «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных сил Российской Федерации» от 10.11.2007 г. № 1495.

В предшествующих своих работах мы проводили исследования взаимодействия военного и военно-уголовного права и пришли к выводу, что оно происходит посредством приема отсылки в диспозициях «военных» уголовно-правовых норм к военно-правовым нормам. Между этими системами действует множество межсистемных связей, среди которых выделяются генетические и функциональные связи, порождающие, в свою очередь, иерархические, координационные, адаптационные и гомеостазные. Военное право необходимо рассматривать, как наиболее активный внешний фактор, прямо воздействующий на систему военно-уголовных норм, обеспечивающих охрану воинского правопорядка [9, с. 44-62].

В свою очередь военно-уголовная политика взаимодействуя с военной политикой, обладая правообразующей ролью, выполняет системообразующую функцию и обеспечивает динамизм и обновление системы военно-уголовных норм. Вместе с тем, эта система, являясь искусственной, результатом правотворческой деятельности, во многом зависит от качества, полноты и продуманности решений законодателя. Как отмечает М.С. Кириенко, взаимосвязь уголовного закона и правотворческой деятельности представляет собой основной канал его взаимосвязи с уголовной политикой [4, с. 94-97].

Уголовный закон взаимодействует со всеми отраслями права и законодательства, регламентирующего общественные отношения, обеспеченные уголовно-правовой

охраной. Однако некоторой спецификой характеризуется взаимодействие системы военно-уголовных норм с законодательством криминалистического блока. К такому законодательству, как указывает А.Г. Безверхов, отечественная правовая наука относит уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное, административное и комплексное федеральное законодательство о противодействии конкретным группам (видам) преступлений и иных правонарушений [1, с. 76-92]. Причем значительную роль в реализации уголовно-правовых норм играет уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство. В чем, собственно, и заключается общая закономерность их взаимосвязи. Военно-уголовное законодательство относится к одной из немногих подсистем уголовного закона, которая реализуется в уголовном процессе специальными органами военной юстиции и единственной, реализуемой при исполнении специфических видов уголовных наказаний, назначаемых только военнослужащим специальными военно-пенитенциарными органами.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) 2001 г. сохранил практически все институты (за некоторым исключением, например, института дачи согласия командования на привлечение военнослужащего к уголовной ответственности), регулирующие деятельность органов военной юстиции, предусмотренные ранее действующим УПК РСФСР 1960 г. Органы дознания представлены в нем начальниками органов военной полиции Вооруженных Сил РФ, командирами воинских частей, соединений, начальниками военных учреждений и гарнизонов (п. 3 ч. 1 ст. 40 УПК РФ). Военные следственные органы, осуществляющие расследование преступлений в отношении военнослужащих, представлены соответствующими подразделениями Следственного комитета РФ (п.п. «в» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ). Органы прокуратуры – органами военной прокуратуры, которые осуществляют надзор за законностью в Вооруженных Силах РФ, дознанием, следствием и в пределах своей компетенции, предусмотренной УПК РФ, уголовное преследование от имени государства в ходе уголовного судопроизводства (ст. 37 УПК РФ). Судебная система – военными судами, оправляющими правосудие в отношении военнослужащих и других лиц, в соответствии с их подсудностью (ст. 31 УПК РФ).

Уголовно-исполнительный кодекс (далее – УИК РФ) 1997 г. предусматривает ряд институтов, регулирующих деятельность системы военно-пенитенциарных органов, к которым относятся: командиры воинских частей, исполняющие военно-уголовное наказание в виде ограничения по военной службе и осуществляющие контроль за условно осужденными военнослужащими (части 12 и 13 ст. 16 УИК РФ); органы военной полиции Вооруженных Сил РФ, исполняющие военно-уголовные наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части (в специально предназначенных для этого дисциплинарных воинских частях) и ареста (на гауптвахтах) (часть 12 ст. 16 УИК РФ); военные суды, исполняющие наказание в виде лишения воинского звания (ч. 3 ст. 16 УИК РФ).

Я.Н. Ермолович отмечает, общая закономерность взаимосвязи уголовного права и процесса выражается в ряде частных закономерностей: зависимости процессуального принуждения от характера уголовной ответственности; зависимости уголовно-процессуальной формы от характера уголовной ответственности; зависимости предмета доказывания от состава преступления. По мнению этого ученого, зависимость процессуального принуждения от характера уголовной ответственности имеет свое проявление при выборе вида конкретной меры принуждения (задержания

подозреваемого, той или иной меры пресечения, либо иной меры процессуального принуждения), в зависимости от тяжести преступления, в котором подозревается или обвиняется лицо. Зависимость уголовно-процессуальной формы от характера уголовной ответственности проявляется в дифференциации порядка деятельности органов государственной власти, в зависимости от тяжести совершенного преступления. Например, дела частного обвинения, дела, расследуемые в форме дознания (по преступлениям небольшой или средней тяжести) и дела, расследуемые в форме предварительного следствия (по тяжким и особо тяжким преступлениям). В свою очередь, зависимость предмета доказывания от состава преступления выражается в том, что предмет доказывания определяется признаками состава преступления, описанного в уголовном законе, а также обстоятельствами, исключаящими преступность деяния, обстоятельствами, которые учитываются судом при назначении наказания, криминологическими аспектами уголовного судопроизводства (обстоятельствами, способствующими совершению преступления) и т.д. [10, с. 392-393].

Что касается взаимозависимости уголовного и уголовно-исполнительного права, то она, как представляется, наиболее выразительно проявляется в сопоставлении отдельных элементов их предмета правового регулирования, к которым необходимо отнести: наказание, иные меры уголовно-правового характера и некоторые аспекты освобождения от наказания. Эти элементы регулируются данными отраслями права по-разному, но характеризуются единым понятийным аппаратом, что создает ряд частных закономерностей зависимости этих отраслей права друг от друга. Так, определение понятия наказания и иных мер уголовно-правового характера, установление их видов, регламентация порядка назначения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, относятся к ведению уголовного права [11, с. 19]. В нормах же уголовно-исполнительного права предусмотрен порядок исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, применительно к их виду.

Вопросы условно-досрочного освобождения, освобождения от наказания по болезни, отсрочки исполнения наказания регулируются как уголовным, так и уголовно-исполнительным правом. При этом, нормы уголовного права предусматривают основания для применения перечисленных видов освобождения, а уголовно-исполнительного – процедуру представления, осужденного к освобождению и процесс освобождения от отбывания наказания, после состоявшегося соответствующего судебного решения. Основываясь на указанном утверждении, многие ученые (например, З.А. Незнамова) относят нормы уголовно-исполнительного права к процедурным или процессуальным, называя эту отрасль права продолжением уголовного процесса [12, с. 27], с чем трудно не согласиться. Аргументом в пользу этого утверждения, и еще одним свидетельством взаимозависимости уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права, на наш взгляд, может служить регламентация УПК РФ процедур исполнения приговора и судебного контроля за его исполнением (раздел XIV УПК РФ).

Учитывая вышеуказанную взаимозависимость всех трех отраслей права, целесообразно рассматривать межотраслевые связи между ними в их единстве. Как отметила А.В. Денисова: «Их связывает не только общность институтов и близость правовых норм, но и, в первую очередь, «родственность» регулируемых общественных отношений. Следовательно, именно при анализе взаимодействия вышеуказанных трех отраслей можно выявить разнохарактерное многообразие межсистемных свя-

зей российского уголовного права» [13, с. 331]. К наиболее ярко выраженным межотраслевым связям, которые проявляются при анализе взаимозависимости уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права необходимо отнести генетические, функциональные, координационные и субординационные межотраслевые связи [13, с. 331].

В юридической литературе отмечается, что при исследовании межотраслевых связей материального и процессуального права перспективным представляется выявление именно вышеперечисленных связей, что позволяет определить причины и процессы, обуславливающие обособление и единство сопоставляемых систем, и их составляющих, а также возможные противоречия между ними [14, с. 90].

Генетические связи, или связи порождения, свидетельствуют о происхождении исследуемых правовых систем и их влияние на последующую правотворческую и правоприменительную деятельность. В специальной литературе отмечается (например, Д.Ю. Гончаровым, З.А. Незнамовой), что в ранних правовых источниках материальные, процессуальные и исполнительные нормы существовали неотделимо друг от друга, содержательно переплетаясь между собой, а порой, одна норма (смешанная) одновременно выполняла все три функции, но все же преобладающими были процессуальные нормы [15, с. 70-71; 16, с. 199]. Однако, проведенная Д.Ю. Гончаровым периодизация сопоставляемого законодательства показала, что уголовное материальное право сформировалось (в современном его понимании) раньше уголовно-процессуального [17, с. 99; 18, с. 15].

Что касается процессуального права с военной составляющей, то оно выделилось из военного права одновременно с военно-уголовным и уголовно-исполнительным, примером чему может служить анализ предписаний принятого в 1621 г. Устава ратных, пушкарских и других дел, касающихся до военной науки [10, с. 71; 19] и Воинского устава 1716 г., а точнее его составной части Артикула воинского. Первый документ, с полной уверенностью, можно отнести к памятникам военного права, поскольку в нем преобладала информация об устройстве и управлении войсками, сведения по тактике и артиллерии, об организации жизнедеятельности войск, а также, производно от нее, были закреплены нормы о дисциплинарной и уголовной ответственности за совершение воинских правонарушений, процессуальные и уголовно-исполнительные предписания [10, с. 71]. Второй документ, преимущественно содержал уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные нормы, был обязательным для всех судов империи, практически заменив, таким образом, действующее параллельно с военно-судебным законодательством, общеуголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство того времени. В большинстве своем уголовно-процессуальные нормы предусматривались в третьей части Воинского устава, которая называлась: «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» [10, с. 394]. Уголовно-исполнительные нормы существовали бок о бок как с уголовно-правовыми, так и с уголовно-процессуальными, а порой и в смешанном виде. Примером последних можно норму, закрепленную в арт. 164 главы 19 «О смертном убийстве» Артикула воинского, где указывалось: «Ежели кто сам себя убьёт, то надлежит палачу тело его в бесчестное место отволочь и закопать, волоча прежде по улицам или обозу» [20, с. 398].

Влияние генетических связей на правотворческую и правоприменительную деятельность, связанную с рассматриваемыми отраслями права, имеет свое проявление,

главным образом в том, что ни одна из них не может функционировать и развиваться друг без друга. Без какой-либо одной из них существование других бессмысленно. Например, механизм функциональных зависимостей этих отраслей права друг от друга можно представить следующим образом: для того чтобы привлечь лицо к уголовной ответственности, необходимо применить действия, предусмотренные УПК, но эти действия обусловлены квалификацией преступления и необходимостью применения УК, а в случае назначения уголовного наказания, для его исполнения, необходимо применение УИК и, по некоторым вопросам исполнения приговора, УПК (гл. 47 УПК РФ) [10, с. 54].

Однако, из указанного механизма зависимостей вытекает, что отрасль уголовного права необходимо признать базой для двух других отраслей права. А кроме того, именно она устанавливает общие цели и задачи деятельности государства в противодействии преступности, содержит основополагающие институты, на которые опираются как уголовно-процессуальное, так и уголовно-исполнительное право.

Следовательно, и система военно-уголовных норм, отражая в себе специфику охраняемых ею воинских общественных отношений, является базой, основанной на общих генетических связях с военным правом, для закрепления в уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве системы специальных правовых норм, регулирующих процессуальную деятельность (как отмечалось, основанную на том, что предмет доказывания определяется составами преступлений, закрепленными в УК РФ) и деятельность, связанную с исполнением уголовных наказаний (перечень и описание которых содержит УК РФ) соответствующих органов военной юстиции, как в прочем, и детерминантом их существования.

Учет законодателем генетических связей между военно-специальными подсистемами отраслей криминалистического блока должен заключаться в одновременном («пакетном») принятии текстов кодифицированных законодательных актов, в которые они включаются. Только в этом случае, как заметила А.В. Денисова, «... они будут пропитаны «единым» духом, концептуально «подогнаны» друг под друга, что приведет к минимизации «конфликтов» между ними» [13, с. 333].

В теории уголовного права практически общепризнанным является мнение, высказанное Б.И. Сыромятниковым о том, что материальные нормы доходят до адресата через процессуальные [21, с. 19-20], что указывает на существование между ними функциональных связей [14, с. 90] (их еще называют «системообретенные») [22, с. 396]. Эти связи между уголовным, уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным правом заключаются во взаимодействии функций, выполняемых каждой из названных отраслей законодательства, в рамках правовой общности. Данное взаимодействие можно объяснить с помощью традиционной градации отраслей права, в зависимости от выполняемых ими основных функций, на охранительные и регулятивные, а также вышеприведенными зависимостями друг от друга и их механизмом.

Отношения между ними складываются в сложные многофункциональные связи, при которых какие-либо изменения в одной из названных систем влекут за собой и соответствующие изменения в другой [17, с. 99]. Так, например, закрепление в уголовном законодательстве военно-нормативного предписания о том, что военнослужащие воинских частей РФ дислоцированных за пределами России за преступления, совершенные на территории иностранного государства, несут уголовную от-

ветственность по УК РФ, если иное не предусмотрено международным договором РФ (ч. 2 ст. 12 УК РФ), вызвало необходимость закрепления в ч. 3 ст. 2 УПК РФ нормативного предписания, где отмечается, что в случаях, предусмотренных ст. 12 УК РФ, отдельные процессуальные действия за пределами территории РФ могут проводиться в соответствии с требованиями УПК РФ. Или, предусмотренность в уголовном законе такого вида наказания, как ограничение по военной службе (п. «е» ст. 44, ст. 51 УК РФ), обусловило появление гл. 18 УИК РФ.

Дальнейшее развитие системы уголовно-правовых норм, обеспечивающих охрану воинского правопорядка, теория уголовного права связывает с разработкой и законодательным закреплением института уголовной ответственности военнослужащих за совершение преступлений в военное время или в боевой обстановке. Его существование задекларировано ч. 3 ст. 331 УК РФ. В этом случае необходимо согласиться с мнением Я.Н. Ермоловича о том, что реализация этого института требует создания и закрепления, соответствующих уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных норм. Как показывает исторический опыт, уголовно-процессуальное законодательство военного времени может предусматривать упрощенный порядок судопроизводства органами военной юстиции, распространение их юрисдикции (путем расширения подследственности и подсудности) на территорию боевых действий или территорию, где отсутствуют другие правоохранительные органы, расширение полномочий военного командования в уголовном процессе. По мнению данного ученого, упрощенный порядок судопроизводства может заключаться в сокращенных сроках дознания и предварительного следствия, в ограничении институтов пересмотра судебных решений, в введении института военной адвокатуры или исключении участия защитника, при наличии препятствий к его участию в деле, упрощенный порядок применения мер процессуального принуждения, повышения их гибкости применительно к условиям боевой обстановки и жизнедеятельности войск и т.д. [10, с. 414]

Уголовно-исполнительное право также имеет свою специфику регулирования в военное время и в условиях боевой обстановки. В период действия этой временной обстановки усиливается уровень общественной опасности преступлений, соответственно, усиливается строгость уголовных наказаний и режима их отбывания. Скоротечность процесса привлечения к уголовной ответственности в особых условиях обуславливает и сокращение сроков предъявления приговора к исполнению и его исполнения для соответствующих видов наказаний. Возникает необходимость введения и применения высшей меры наказания, за совершение некоторых видов воинских преступлений, и новых видов наказаний, а также изменения порядка назначения, субъективного состава и условий отбывания уже предусмотренных уголовным законом наказаний. Так, в период ВОВ распространенным было направление осужденных военнослужащих на передовую, в составе штрафных рот или батальонов, аналогом которых в настоящее время является дисциплинарная воинская часть. Как представляется, такая замена наказания применима и к гражданским лицам (с учетом их личности), совершившим общеуголовные преступления (с учетом характера общественной опасности и обстоятельств по делу), изъявивших желание искупить вину защитой своего Отечества и годных к военной службе по состоянию здоровья.

Принятие военно-уголовного законодательства военного времени и, в связи с этим, соответствующих дополнений в других отраслях права криминалистического

блока, должно быть взвешенным, основываться на современных научных достижениях правовой науки и историческом опыте разработки и реализации этого законодательства в досоветский и советский периоды, а также зарубежный опыт, для чего необходимо время. Поэтому, работа над принятием этого законодательства должна вестись уже сейчас.

В теории права отмечается, что немаловажными для взаимодействия правовых систем являются и координационные связи, которые указывают на упорядоченность и согласованность не подчиненных друг другу систем права по горизонтали. Возникновение этих связей между отраслями права обусловлено взаимодействием последних в сочетании друг с другом, с использованием общего для них понятийного аппарата, а, соответственно, наличием бланкетных норм.

В свою очередь, в юридической литературе распространено мнение, что между отраслями криминалистического блока действуют исключительно горизонтальные связи, поскольку эти отрасли права являются самостоятельными, имеют свойственные только им предмет и метод правового регулирования и не подчинены друг другу. Субординационные же связи (вертикальные связи), наоборот указывают на иерархическую зависимость одного сопоставляемого объекта от другого, а, соответственно, не могут возникнуть среди равных, независимых друг от друга, отраслей права. Например, такого мнения придерживаются А.В. Денисова [13, с. 349-345], Д.Ю. Гончаров [23, с. 18-19] и А.И. Кокарев [24]. «Базовость» уголовного права по отношению к остальным отраслям права этого блока (или производность последних от уголовного права), по их мнению, еще не свидетельствует о наличии между ними иерархических связей. Субординационные связи, с этой точки зрения, возможны только с нормами Конституции РФ, общепризнанными принципами и нормами международного права.

Так, А.В. Денисова ничего не говорит о возможности существования субординационных связей между отраслями права криминалистического блока. По ее мнению, они соотносятся между собой, как равные друг другу, что указывает на существование между ними только лишь координационных межотраслевых связей, но одновременно подчеркивает, что уголовное право является базовым в этом блоке [13, с. 332, 349-345]. Д.Ю. Гончаров критикует разные подходы к рассматриваемому вопросу и отмечает недоказанность историческими фактами производности (подчиненности) уголовному праву других отраслей криминалистического блока [23, с. 18-19]. В свою очередь, А.И. Кокарев категорично утверждает, что: «Отнесение уголовного права к профилирующим основным отраслям, а уголовно-процессуального права – к другим основным, которые как бы надстраиваются над профилирующим, не указывает на наличие субординации между нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства» [24]. Встречается и другая разновидность данного подхода, в частности, Н.И. Пикуров отмечает, что базовый характер уголовного права свидетельствует о вертикальных отношениях между отраслями права криминалистического блока. Однако, в таком случае, речь идет не о подчиненности уголовному праву двух других отраслей, а о существовании между ними зависимости генетического порядка [25, с. 24].

Вторая позиция, высказана Д.А. Липинским, А.А. Мусаткиной и Е.В. Чукловой, которые считают, что субординационная связь между указанными отраслями права легко прослеживается, если сопоставить их институты уголовной и уголовно-

процессуальной ответственности – «... последняя не возникает до реализации материальных правоотношений юридической ответственности. Исключение составляет ситуация, когда процессуальные отношения возникают в силу мнимого убеждения о наличии материального отношения, обусловившего возникновение спора или конфликта (юридическая ошибка). Поэтому можно утверждать не только о производном характере процессуальной ответственности от материально-правовой, но и о наличии субординационных связей. ... Кроме того, производность обусловлена самой сущностью процессуальных норм и отношений, которые направлены на развитие норм материального права» [14, с. 93]. В случае противоречий, между нормативными предписаниями УК РФ и УПК РФ, УИК РФ, приоритет к применению отдается первым [16, с. 204, 206], но при этом, учитывается предметность регулируемых общественных отношений. Как правильно высказался в свое время по этому поводу В.Г. Даев, процесс всегда внутренне связан с характером материальных отношений и представляет собой принудительный способ их реализации [26, с. 29].

На наш взгляд, вторая позиция более убедительна. Наличие или отсутствие субординационных связей уголовного права с другими отраслями права криминалистического блока, необходимо рассматривать, прежде всего, с позиции их функционального предназначения и направленности, на которые указывают вышеприведенные функциональные зависимости и общий механизм функционирования этих отраслей права. Чтобы исключить любые отклонения от единой функциональной направленности отраслей права криминалистического блока и возможные противоречия, взаимодействие между ними должно строиться не на паритетных, а на иерархических началах, что свидетельствует о существовании субординационных связей между ними. Координатором такого взаимодействия, на правах реализуемой отрасли права, является уголовное право, что признается преобладающим большинством научного сообщества. Иное указывало бы на отсутствие функционального единства этих отраслей права, а, следовательно, на их функциональную несостоятельность и неэффективность.

Учитывая это, законодатель, внося изменения и дополнения в одной из указанных отраслей права, должен проверять не противоречат ли они нормам уголовного права. Кроме того, наличие субординационных связей в блоке отраслей права криминалистического цикла не исключает, а наоборот, требует усиления координации между базовой и производными отраслями права: их упорядоченности и согласованности, использование общего для них понятийного аппарата, исходящего от уголовного закона, а, соответственно, бланкетного способа правового регулирования.

Таким образом, можно констатировать, что на систему уголовно-правовых норм, обеспечивающих воинский правопорядок, наиболее активное влияние оказывают военно-уголовная политика и отрасли права криминального цикла, такие как уголовно-процессуальное право и уголовно-исполнительное право России. Концептуальные установки военно-уголовной политики воздействуют на систему норм военно-уголовного права на двух уровнях: мировоззренческом (идейном) и на законодательном. Причем на законодательном уровне, путем воздействия непосредственно на уголовный закон или военное право, к которому он отсылает. Межотраслевые взаимосвязи характеризуются множеством связей, среди которых выделяются генетические и функциональные связи, порождающие, в свою очередь, иерархические, координационные, адаптационные и гомеостатные.

Между уголовным правом и другими отраслями криминального цикла действуют генетические, функциональные, координационные и субординационные связи.

Влияние генетических связей на правотворческую и правоприменительную деятельность, связанную с рассматриваемыми отраслями права, имеет свое проявление, главным образом в том, что ни одна из них не может функционировать и развиваться друг без друга. Без какой-либо из них существование других бессмысленно. Соответственно, учет законодателем генетических связей между военно-специальными подсистемами отраслей криминального цикла, на наш взгляд, должен заключаться в одновременном («пакетном») принятии текстов кодифицированных законодательных актов, в которые они включаются.

Уголовное право служит базой для всех отраслей криминального цикла, поскольку определяет их направленность. Соответственно, система военно-уголовных норм, отражая в себе специфику охраняемых ею воинских общественных отношений, является базой, основанной на общих генетических связях с военным правом, для закрепления в уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве системы специальных правовых норм, регулирующих процессуальную деятельность и деятельность, связанную с исполнением уголовных наказаний соответствующих органов военной юстиции, а также детерминантом их существования.

Изложенное свидетельствует о наличии субординационных связей между системой военно-уголовных норм, как подсистемы уголовного права, с соответствующими подсистемами других отраслей права криминального цикла. Иное указывало бы на отсутствие функционального единства этих отраслей права, а, следовательно, на их функциональную несостоятельность и неэффективность.

Список литературы:

1. Безверхов А.Г. О действии уголовного закона в условиях межотраслевых связей // *Lex Russica*, № 10, октябрь 2015 г. С. 76-92.
2. Алексеев С.С. *Право: азбука–теория–философия. Опыт комплексного исследования*. М.: Статут, 1999. 712 с.
3. Ермолович Я.Н. Понятие военно-уголовной политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа. <http://disus.ru/knigi/367884-1-ponyatie-voenno-ugolovnoy-politiki-rossiyskoy-federacii>. Название с титул. экрана.
4. Кириенко М.С. Система Особенной части уголовного кодекса Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013 г. 229 с.
5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Т. 30. М.: Изд-во «Политическая литература», 1973. 561 с.
6. Никулин В.В. Правосудие и политика: соотношение политики и права в советской системе наказаний // *Genesis: исторические исследования*, 2013. № 5. С. 1-59.
7. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 10.05.2006 г. // *Российская газета*. 2006. 11 мая.
8. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 21.04.2021 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382666/
9. Бодаевский В.П. Характеристика и функциональное назначение системы уголовно-правовых норм, обеспечивающих охрану воинского правопорядка // *Lex russica*. 2021. Т. 74. № 4. С. 44-62.
10. Ермолович Я.Н. Теоретико-правовые основы военно-уголовной политики в Российской Федерации: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 576 с.
11. Уголовно-исполнительное право: учебник для академического бакалавриата / Под общ. ред. И.Я. Козаченко, А.П. Деткова. М.: Изд-во Юрайт, 2016. 408 с.
12. Уголовно-исполнительное право: учебник. В 2 т. Т. 1: Общая часть / под ред. Ю.И. Калинина. М.: Рязань: Логос; Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказания. 2006. 444 с.
13. Денисова А.В. Системность российского уголовного права: теория, закон, практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 633 с.
14. Липинский Д.А., Мусаткина А.А., Чуклова Е.В. О генетических, координационных и субординационных связях процессуальной ответственности // *Юридические исследования*. 2019. № 10. С. 86-96.

15. Гончаров Д.Ю. Законодательство о противодействии преступности: межотраслевые взаимосвязи. Монография / под научн. ред. И.Я. Козаченко. 2-е изд. М.: ООО «Издательство Юрайт», 2019. 285 с.
16. Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве. Монография. Екатеринбург: Изд-во «Cricket», 1994.
17. Гончаров Д.Ю. Генетические связи норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Государство и право. 2007. № 10. С. 93-100.
18. Гончаров Д.Ю. Взаимосвязи и коллизии норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. 24 с.
19. Устав ратных, пушкарских и других дел, касающихся до военной науки. В 2 ч. Напечатан с рукописи найденной в 1775 году, в Мастерской и Оружейной палате в Москве; Издан под смотрением асессора Рубана. СПб.: При Гос. воен. коллегии, 1777-1781. 231 с. (такое название имела только первая часть).
20. Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма // отв. ред. А.Г. Маньков. М.: Юридическая литература, 1986. 512 с.
21. Сыромятников Б.И. Очерк истории суда в древней и новой России // Судебная реформа. Т. 1. М.: Книгоизд-во «Объединение». 1915. С. 16-180.
22. Теория государства и прав: учебник / под ред. проф. В.К. Бабаева. М.: Юристъ, 2003. 592 с.
23. Гончаров Д.Ю. Основы концепции межотраслевых взаимосвязей в законодательстве о противодействии преступности // Юридические записки. № 1. 2014. С. 14-24.
24. Кокарев А.И. К вопросу о соотношении координационных и функциональных связей уголовного и уголовно-процессуального законодательства [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://naukarus.com/k-voprosu-o-sootnoshenii-koordinatsionnyh-i-funktsionalnyh-svyazey> Название с титул. экрана.
25. Уголовное право России. Общая часть: учебник для академического бакалавриата / под ред. О.С. Капинус. М.: Издательство Юрайт, 2015. 539 с.
26. Даев В.Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. Л.: изд-во ЛГУ. 1982. 114 с.

Bodayevskiy V.P. Criminal policy and branches of the criminal cycle as external factors affecting the system of military criminal norms // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 262-274.

The article states that the most active influence on the system of criminal law norms that ensure military law and order is exerted by criminal policy and branches of law of the criminal cycle, such as criminal procedure law and penal enforcement law of Russia. Arguments are given to confirm that the conceptual attitudes of criminal policy affect the system of norms of military criminal law at two levels: ideological (ideological) and legislative. Moreover, at the legislative level by influencing directly the criminal law or military law to which it refers. The opinion is defended that there are genetic, functional, coordination and subordination links between criminal law and other branches of the criminal cycle. The influence of genetic connections on law-making and law enforcement activities related to the branches of law under consideration has its manifestation, mainly in the fact that none of them can function and develop without each other. Without any one of them, the existence of the others is meaningless. Accordingly, the legislator's consideration of the genetic links between the military-special subsystems of the branches of the criminal cycle, in our opinion, should consist in the simultaneous («package») adoption of the texts of codified legislative acts in which they are included. The position on the basic position of criminal law in relation to other branches of the criminal cycle is substantiated, which indicates the existence of subordination relations between them. Otherwise, it would indicate the lack of functional unity between them, and, consequently, their functional inconsistency and inefficiency.

Key words: criminal policy, intersectoral relations, regulatory prescription, system of military criminal norms, branches of law of the criminal cycle, criminal law, criminal procedure law, penal enforcement law.

Spisok literatury:

1. Bezverhov A.G. O dejstvii ugovolnogo zakona v usloviyah mezhotraslevykh svyazey // Lex Russica, № 10, oktyabr' 2015 g. S. 76-92.
2. Alekseev S.S. Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya. Opyt kompleksnogo issledovaniya. M.: Statut, 1999. 712 s.
3. Ermolovich Ya.N. Ponyatie voenno-ugolovnoy politiki Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa. <http://disus.ru/knigi/367884-1-ponyatie-voenno-ugolovnoy-politiki-rossijskoj-federacii>. Nazvanie s titul. ekrana.
4. Kirienko M.S. Sistema Osobennoj chasti ugovolnogo kodeksa Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. jurid. nauk. Chelyabinsk, 2013 g. 229 s.
5. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. Izdanie pyatoe. T. 30. M.: Izd-vo «Politicheskaya literatura», 1973. 561 s.
6. Nikulin V.V. Pravosudie i politika: sootnoshenie politiki i prava v sovetskoj sisteme nakazaniy // Genesis: istoricheskie issledovaniya, 2013. № 5. S. 1-59.
7. Poslanie Prezidenta RF V.V. Putina Federal'nomu Sobraniyu RF ot 10.05.2006 g. // Rossijskaya gazeta. 2006. 11 maya.

8. Poslanie Prezidenta RF V.V. Putina Federal'nomu Sobraniyu RF ot 21.04.2021 g. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382666/ Nazvanie s titul. ekrana.
9. Bodaevskij V.P. Harakteristika i funkcional'noe naznachenie sistemy ugovolno-pravovyh norm, obespechivayushchih ohranu voinskogo pravoporyadka // Lex russica. 2021. T. 74. № 4. S. 44-62.
10. Ermolovich Ya.N. Teoretiko-pravovye osnovy voenno-ugolovnoj politiki v Rossijskoj Federacii: monografiya. M.: Yurlitinform, 2012. 576 s.
11. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata / Pod obshch. red. I.Ya. Kozachenko, A.P. Detkova. M.: Izd-vo Yurajt, 2016. 408 s.
12. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo: uchebnik. V 2 t. T. 1: Obshchaya chast' / pod red. Yu.I. Kalinina. M.: Ryazan': Logos; Akademiya prava i upravleniya Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniya. 2006. 444 s.
13. Denisova A.V. Sistemnost' rossijskogo ugovolnogo prava: teoriya, zakon, praktika: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2018. 633 s.
14. Lipinskij D.A., Musatkina A.A., Chuklova E.V. O geneticheskikh, koordinacionnyh i subordinacionnyh svyazyah processual'noj otvetstvennosti // Yuridicheskie issledovaniya. 2019. № 10. S. 86-96.
15. Goncharov D.Yu. Zakonodatel'stvo o protivodejstvii prestupnosti: mezhotraslevye vzaimosvyazi. Monografiya / pod nauchn. red. I.Ya. Kozachenko. 2-e izd. M.: OOO «Izdatel'stvo Yurajt», 2019. 285 s.
16. Neznamova Z.A. Kollizii v ugovolnom prave. Monografiya. Ekaterinburg: Izd-vo «Cricket», 1994. 284 s.
17. Goncharov D.Yu. Geneticheskie svyazi norm ugovolnogo i ugovolno-processual'nogo zakonodatel'stva // Gosudarstvo i pravo. 2007. № 10. S. 93-100.
18. Goncharov D.Yu. Vzaimosvyazi i kollizii norm ugovolnogo i ugovolno-processual'nogo zakonodatel'stva: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2004. 24 s.
19. Ustav ratnyh, pushkarskih i drugih del, kasayushchihsya do voennoj nauki. V 2 ch. Napechatan s rukopisi najdennoj v 1775 godu, v Masterskoj i Oruzhejnoj palate v Moskve; Izdan pod smotreniem asesora Rubana. SPb.: Pri Gos. voen. kollegii, 1777-1781. 231 s. (takoe nazvanie imela tol'ko pervaya chast').
20. Rossijskoe zakonodatel'stvo X-XX vv.: v 9 t. T. 4. Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absolyutizma // otv. red. A.G. Man'kov. M.: Yuridicheskaya literatura, 1986. 512 s.
21. Syromyatnikov B.I. Ocherk istorii suda v drevnej i novoj Rossii // Sudebnaya reforma. T. 1. M.: Knigoizd-vo «Ob"edinenie». 1915. S. 16-180.
22. Teoriya gosudarstva i prav: uchebnik / pod red. prof. V.K. Babeeva. M.: Yurist', 2003. 592 s.
23. Goncharov D.Yu. Osnovy koncepcii mezhotraslevykh vzaimosvyazej v zakonodatel'stve o protivodejstvii prestupnosti // Yuridicheskie zapiski. № 1. 2014. S. 14-24.
24. Kokarev A.I. K voprosu o sootnoshenii koordinacionnyh i funkcional'nyh svyazej ugovolnogo i ugovolno-processual'nogo zakonodatel'stva [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa. <http://naukarus.com/k-voprosu-o-sootnoshenii-koordinatsionnyh-i-funktsionalnyh-svyazey> Nazvanie s titul. ekrana.
25. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast': uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata / pod red. O.S. Kapinus. M.: Izdatel'stvo Yurajt, 2015. 539 s.
26. Daev V.G. Vzaimosvyaz' ugovolnogo prava i processa. L.: izd-vo LGU. 1982. 114 s.

УДК 343.2

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ В РОССИИ И АНГЛИИ

Галкин А. Г., Матирная А. Н.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»

В рамках данной статьи проведен сравнительный анализ уголовно-правового института соучастия на примере уголовного законодательства Российской Федерации (как представителя романо-германской правовой семьи) и правовых норм Англии (как представителя англосаксонской правовой семьи), регламентирующих реализацию данного института.

Целью настоящей статьи выступает проведение сравнительного анализа норм о соучастии для выявления особенностей, положительных и отрицательных аспектов их правовой регламентации на примере конкретных государств со своей законодательной базой.

Ключевые слова: романо-германская правовая семья, англо-саксонская правовая семья, сравнительное правоведение, уголовное право России, институт соучастия.

Согласно нормам российского уголовного законодательства, а именно, ст. 32 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления [1]. Соучастие – это институт уголовного права, который имеет довольно длительную историю своего становления и развития в Российской Федерации. Российская Федерация – это государство, входящее в романо-германскую правовую семью. Именно поэтому более интересным, на наш взгляд, представляется проведение сравнительного анализа данного института уголовного права России с аналогичным институтом страны, относящейся, к примеру, к англосаксонской правовой семье. Именно поэтому обратимся к институту соучастия в уголовном праве Англии.

Актуальность избранной для исследования темы обусловлена тем, что совершение лицами виновно наказуемых деяний совместно – это весьма распространенное явление в Российской Федерации, его правовая регламентация осуществляется нормами уголовного законодательства. Но, по мнению автора, реализация сравнительного анализа аналогичного института различных стран, анализа норм, его регулирующих, – это всегда положительная практика, способствующая тому, что то или иное государство может перенимать существующий опыт его реализации, обращать внимание на существующие пробелы в назначении уголовного наказания за совершение преступления лицами при соучастии. Как отметил А.А. Илidgeев: «в уголовных кодексах большинства стран дальнего зарубежья не содержится общего определения соучастия в преступлении, однако признаки соучастия раскрываются при регламентации его видов и отдельных форм. Как правило, соучастием признаются умышленные совместные действия, направленные на совершение преступления. На позиции признания умышленного характера действий соучастников при совершении умышленного противоправного деяния находится УК ФРГ» [2, с. 228].

Уже в Русской Правде (ст. 31 Краткой редакции) можно отметить указание на институт соучастия как обстоятельство, отягчающее наказание за совершение преступления: «А если (кто-либо) украдет коня или волов или (обокрадет) дом, да при

этом крал их один, то платить ему гривну (33 гривны) и тридцать резан; если воров будет 18 (даже 10), то (платить каждому) по три гривны и по тридцать резан платить людям (княжеским)» [3].

Средневековое английское право в качестве соучастия подразумевало особую форму совместной (групповой) преступной деятельности (joint enterprise), при которой имело место объединение сил нескольких субъектов в целях достижения одного умысла в совершении преступного деяния. В Англии подразумевалось, что каждый из соучастников нес равную наряду с непосредственным исполнителем уголовную ответственность. Наказание предусматривалось и при непосредственном совершении преступления соучастниками, и даже если имело место только покушение на преступление, так как значительное внимание уделялось преступной воле, злему намерению, разумению соучастника. Сегодня к числу соучастников преступления в РФ наряду с исполнителем выступают организатор, подстрекатель и пособник.

В качестве исполнителя законодатель обозначил лицо, которое непосредственно совершило преступление либо непосредственно участвовало в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями), а также лицо, которым было совершено преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных уголовным законодательством.

Важным отличием данного института в российской правовой действительности от тождественного института Англии заключается в том, что для английского уголовного права характерно, что в качестве обязательной формы вины применительно к соучастникам не выступает умысел. Уголовное право России придерживается иной позиции. Умысел – это обязательная форма вины, как составляющей одного из элементов преступления – субъективной стороны. Следовательно, законодатель в России предусмотрел исключительно умышленную вину, то есть исключается возможность соучастия в неосторожных преступлениях.

Уголовное право Англии предусматривает же институт соучастия по неосторожности. Как отмечено в научной статье К.А. Кузнецова: «Важен лишь изначальный замысел участников (как правомерный, так и противоправный), которым охвачены действия, при этом достаточно лишь предвидеть совершение другим лицом, то есть исполнителем, каких-либо противоправных действий. Результаты данных действий будут вменены им в вину, в независимости от того, желали они наступления общественно опасных последствий или нет» [4].

Интересным считаем следующее. В английском уголовном праве под соучастниками преступления достаточно длительное время понимались исключительно исполнители и пособники [5, с. 68]. Деление соучастников на группы лиц, которое применялось в Англии до принятия в 1861 г. Закона о пособниках и подстрекателях, можно обозначить следующим образом: 1) исполнитель 1 степени; 2) исполнитель 2 степени; 3) пособники: а) пособники до факта совершения преступления; б) пособники после факта совершения преступления.

Отличие пособника от исполнителя 2 степени в том, что пособник не должен оказывать помощь в момент и на месте совершения преступления. Пособник превратится в исполнителя 1 степени, если исполнитель действует невиновно.

Отметим особенность категории пособников после факта совершения преступления, которыми могут считаться те лица, которые укрывают непосредственных

преступников. Такое укрывательство может быть выражено в оказании пособником помощи (технической поддержки, финансовой поддержки, в реализации фальсификации сведений о фактах) в целях избегания привлечения к ответственности и наказания исполнителем и пособником до факта совершения преступления. Важно, чтобы здесь имел место прямой умысел на оказание помощи лицу, совершающему преступление. Английское уголовное право предусматривает освобождение от ответственности в некоторых случаях за реализацию таких действий женой, уголовное законодательство США предусматривает такую норму в отношении определенных родственников.

Однако, по мнению автора, отсутствие аналогичного положения в уголовных нормах Российской Федерации – это положительная практика, поскольку нельзя освобождать от ответственности и от наказания лицо, которое фактически выступает пособником в совершении виновно наказуемого деяния.

При этом надо доказать, что у исполнителей и пособников до факта совершения преступления было общее намерение на совершение преступления [6].

Отметим, что романо-германская правовая семья в качестве главного признака соучастия признает акцессорность. Это подразумевает, что реализуется принцип независимого характера соучастия в совершении преступления. Согласно настоящей теории ответственность и наказание соучастников будет зависеть только от ответственности и от того наказания, которое было назначено исполнителю.

В качестве постулатов данной теории можно обозначить следующие: 1) основанием уголовной ответственности соучастников является совершение общественно опасного деяния исполнителем; 2) уголовная ответственность соучастника допускается только в случае привлечения к ответственности исполнителя; 3) в качестве вида и меры наказания соучастникам предусматривается наказание, назначенное исполнителю преступления [7, с. 71].

Однако во всех странах эта теория акцессорности имеет некоторые исключения и особенности. Так, например, для российского уголовного права характерно, что есть ряд некоторых ограничений, которые логично следуют из теории самостоятельной ответственности соучастников. В данном случае важно отметить, что в качестве обязательного условия для возникновения соучастия выступает факт совершения уголовно наказуемого деяния исполнителем. Это, как отмечает в своей статье Ю.Е. Пудовочкин, подразумевает, что, когда отсутствует главное преступление или факт покушения на главное преступление, подстрекательство и пособничество, могут быть признаны виновно наказуемыми не в качестве видов соучастия, а в качестве отдельного самостоятельного противоправного деяния, наказуемого без всякого отношения к основному преступлению, последнее из которых не было совершено по каким-либо обстоятельствам [8, с. 109]. Данное положение можно подтвердить, например, ч. 5 ст. 34 УК РФ, в которой закреплено, что в случае недоведения исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам остальные соучастники несут уголовную ответственность за приготовление к преступлению или покушение на преступление. За приготовление к преступлению несет уголовную ответственность также лицо, которому по не зависящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления. Что касается стран общего права, то здесь несколько иной подход к институту соуча-

ствия. Англосаксонская правовая система не принимает обозначенную нами акцессорную природу соучастия, хотя, выступает основателем данного принципа.

Так, с 1861 г. в Англии применялся Закон о соучастниках и подстрекателях. При этом данный акт, как ни странно, не разграничивал эти виды соучастников, которые непосредственно были отражены в его названии. Он же не включил в себя и дефиниции понятия «соучастие», но был введен перечень действий, которые подразумевали пособничество или подстрекательство к преступлению.

В 1967 г. Закон об уголовном праве поменял подход к пониманию соучастия в преступлении. Но при этом ранее действующий Закон о соучастниках и подстрекателях также подлежал применению. Последним законом были устранены различия между фелониями и мисдиминорами (когда фелония означает преступление, более тяжелое, чем проступок (мисдиминор), устранив, таким образом, четырехзвенную градацию соучастников [9]. Принятие данного закона стало отправной точкой для признания всех участников преступлений в качестве исполнителей (до этого данное правило было применимо исключительно к мисдиминорам).

К соучастникам подлежит применению ст. 8 указанного закона (Если лицо помогает, подстрекает, консультирует или обеспечивает совершение преступления, преследуемого по обвинительному акту, то оно должно быть признано виновным в этом же преступлении), в соответствии с которой соучастник должен быть подвергнут такой же уголовной ответственности, как исполнитель преступления. Как отмечает В.В. Чемеринской: «Судья должен, когда назначает наказание, оценивать непосредственный «вклад» каждого из соучастников» [10, с. 68]. (С аналогичным подходом выступает и законодатель в РФ, о чем делаем вывод на основе ст. 67 УК РФ).

Обозначенные выше термины, которыми описываются действия соучастников, можно охарактеризовать на основе некоторых судебных решений. Так, в одном из дел Англии 1951 г., указано: «все четыре слова «помогать, подстрекать, консультировать и обеспечивать» могут быть использованы для характеристики деятельности любого участника преступления, кроме «исполнителя первой степени», если обвинение установит, что поведение преступника подпадает под одно из этих понятий, этого достаточно для признания его виновным» [11, с. 13].

Термин «соучастники» в Англии имеет несколько, на взгляд автора, необычную по сравнению в российском опытом трактовку, поскольку интерпретируется весьма неоднозначно. А.С. Некоз указывает, что: «... если Р. Уолкер включает в это понятие любых участников преступления, то Р. Кард только дополнительных участников. При этом в английском уголовном праве нет четкого критерия для выделения каждого вида преступной деятельности отдельного соучастника» [12, с. 237]. Т.е., в английском праве нет строго закрепленных дефиниций соучастников преступления, которые находят свое закрепление в уголовном праве России. Изучив заявленную тему, приходим к выводу, что в России и Англии у данного института имеются и положительные, и отрицательные характеристики. Именно благодаря сравнительно-правовому анализу их можно выделить и применять для дальнейшего совершенствования действующего законодательства и правоприменительной практики в РФ.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Российская газета. – 08.06.2010.
2. Илджев А.А. Сущность соучастия в преступлении по зарубежному уголовному законодательству // Вестник Владимирского юридического института. - 2011. - № 1. - С. 227-229.

3. Пространная Русская Правда // <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/prp.htm> (дата обращения: 20.12.2021 г.)
4. Кузнецова К.А. Институт соучастия в России и в странах общего права // SCI-ARTICLE.RU №4 (декабрь). – 2013.
5. Юрченко И. А. Уголовное право зарубежных стран: учебное пособие. М. : Проспект, 2014. - 112 с.
6. Соучастие в преступлении по уголовному праву Англии и США. URL: http://studopedia.net/3_51921_souchastie-v-prestuplenii-po-ugolovnomu-pravu-anglii-i-ssha.html (дата обращения: 20.12.2021)
7. Кокин Д.М. Соучастие в преступлении. Лекция // Мир политики и социологии. – 2018. - № 5-6.
8. Пудовочкин Ю.Е. Концепция соучастия: опыт теоретической разработки и нормативного закрепления // Журнал российского права. – 2018. – № 8. – С. 102-112.
9. Закон об уголовном праве 1967 года - Criminal Law Act 1967 // Режим доступа: wikiboard.ru
10. Чемеринская В.В. Новые тенденции в уголовном праве Англии, Франции и Германии в период XX века // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2010. - № 9. – С. 68-81.
11. Черных А.В. Ответственность за соучастие в преступлении по английскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1986. – 20 с.
12. Некоз А.С. Соучастие в преступлении по англосаксонской правовой системе // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. - № 3. – С. 236-238.

Galkin A.G., Matirnaya A. N. Comparative characteristics of the institute of complicity in Russia and England // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 275-279.

Within the framework of this article, a comparative analysis of the criminal legal institution of complicity will be carried out on the example of the criminal legislation of the Russian Federation (as a representative of the Romano-Germanic legal system) and the legal norms of England (as a representative of the Anglo-Saxon legal system) governing the implementation of this institution.

The purpose of this article is to conduct a comparative analysis of the rules on complicity in order to identify the features, positive and negative aspects of their legal regulation on the example of specific states with their own legislative framework.

Key words: Romano-Germanic legal system, Anglo-Saxon legal system, comparative jurisprudence, criminal law of Russia, institution of complicity.

Spisok literatury:

1. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ // Rossijskaya gazeta. – 08.06.2010.
2. Ilidzhev A.A. Sushchnost' souchastiya v prestuplenii po zarubezhnomu ugolovnomu zakonodatel'stvu // Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo instituta. - 2011. - № 1. - S. 227-229.
3. Prostrannaya Russkaya Pravda // <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/prp.htm> (data obrashcheniya: 20.12.2021 g.)
4. Kuznecova K.A. Institut souchastiya v Rossii i v stranah obshchego prava // SCI-ARTICLE.RU №4 (dekabr'). – 2013.
5. YUrchenko I. A. Ugolovnoe pravo zarubezhnyh stran: uchebnoe posobie. M. : Prospekt, 2014. - 112 s.
6. Souchastie v prestuplenii po ugolovnomu pravu Anglii i SSHA. URL: http://studopedia.net/3_51921_souchastie-v-prestuplenii-po-ugolovnomu-pravu-anglii-i-ssha.html (data obrashcheniya: 20.12.2021)
7. Kokin D.M. Souchastie v prestuplenii. Lekciya // Mir politiki i sociologii. – 2018. - № 5-6. – S. 68-81.
8. Pudovochkin YU.E. Konceptiya souchastiya: opyt teoreticheskoy razrabotki i normativnogo zakrepleniya // Zhurnal rossijskogo prava. – 2018. – № 8. – S. 102-112.
9. Zakon ob ugolovnom prave 1967 goda - Criminal Law Act 1967 // Rezhim dostupa: wikiboard.ru
10. СНемеринская В.В. Новыe tendencii v ugolovnom prave Anglii, Francii i Germanii v period XX veka // Trudy Orenburskogo instituta (filiala) Moskovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. – 2010. - № 9.
11. СЧерных А.В. Otvetstvennost' za souchastie v prestuplenii po anglijskomu ugolovnomu pravu: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – М., 1986. – 20 s.
12. Nekoz A.S. Souchastie v prestuplenii po anglosaksonskoj pravovoj sisteme // Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. – 2018. - № 3. – S. 236-238.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – С. 280-289.
УДК 343.272

**КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА В УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ
ПРЕДПИСАНИЯХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН: ОСОБЕННОСТИ
РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ**

Горбачев И. С.

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

На основе авторской классификации стран, закрепляющих в своих правовых системах конфискацию имущества, рассмотрены особенности уголовно-правовой регламентации данного института. Сделан вывод о приоритетном применении в современном мире специальной конфискации, предполагающей изъятие имущества, связанного с преступной деятельностью лица. Сопоставление российской конфискации с её зарубежными аналогами позволило выявить черты их сходства и различия, а также преимущества и недостатки. Доказана необходимость взаимного обогащения опытом правового регулирования конфискации имущества в России и зарубежных государствах.

В процессе исследования широко использовался сравнительно-правовой метод научного познания, позволивший детально рассмотреть нормы о конфискации имущества в уголовно-правовых предписаниях зарубежных стран и сопоставить их с отечественными. С помощью формально-юридического метода удалось выявить преимущества и недостатки регламентации института конфискации имущества в российском и зарубежном законодательстве. Логический метод лег в основу выявления актуальных тенденций реализации конфискации имущества в современном мире.

Ключевые слова: зарубежные страны, законодательство, конфискация, имущество, наказание, собственность, мера уголовно-правового характера, предмет, правовая система, преступная деятельность.

Одним из наиболее популярных механизмов противодействия преступности, получившим распространение в большинстве государств современного мира, выступает конфискация имущества, суть которой сводится к принудительному изъятию собственности у лиц, преступивших закон. По своему репрессивному потенциалу подобная мера не уступает растиражированному институту лишения свободы, а, зачастую, превосходит его. Лишение осужденного собственности, в том числе, полученной незаконным путем, значительно затрудняет его дальнейшее существование в социуме и служит серьезной превентивной мерой, особым фактором сдерживания преступности.

Многие зарубежные страны единодушно поддерживают идею о необходимости применения конфискации имущества, однако правовой подход к её регламентации у государств неодинаков. Одни используют конфискацию как универсальное средство реагирования на совершаемые преступления, другие – применяют данный институт дозированно, третьи – сводят его использование к минимуму. Соответственно, разнятся взгляды на роль и место конфискации в правовых системах зарубежных стран.

Рассмотрение конфискации имущества в сравнительно-правовом аспекте не только расширит представление о реализации данного института в мировой практике, но и даст возможность определить наиболее эффективные направления и перспективы его развития в Российской Федерации (далее – РФ). Анализ зарубежного законодательства позволит выявить актуальные тенденции регламентации и правоприменения конфискации имущества, а также установить, какие из них согласуются с отечественными, а какие противоречат им.

В целях проведения объективного и результативного сравнительно-правового анализа конфискации имущества в правовых предписаниях зарубежных стран видится целесообразным отойти от традиционного деления государств в зависимости от типа правовой семьи или географических особенностей (европейские, азиатские страны и т.д.) и воспользоваться иной классификацией, построенной на основании правового статуса рассматриваемого института. Подобное смещение акцента на предмет исследования видится наиболее рациональным вариантом, который позволит детально сопоставить российскую конфискацию имущества с её зарубежными аналогами.

В соответствии с обозначенной градацией все государства, закрепляющие в своих правовых системах конфискацию имущества, следует классифицировать на три группы: 1) государства, устанавливающие конфискацию в качестве как основного, так и дополнительного уголовного наказания (Франция); 2) государства, определяющие конфискацию как дополнительное уголовное наказание (Армения, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Беларусь, США, Франция, Япония, Китай и т.д.); 3) государства, не включившие конфискацию в систему наказаний и устанавливающие её в качестве меры государственного принуждения (Эстония, Литва, Молдова, Испания, Сербия и т.д.).

Характеризуя первую группу стран, отметим, что в современном мире конфискация почти не используется в качестве основного уголовного наказания. Исключением выступает уголовное законодательство Франции, допускающее двойственное применение подобной санкции (как основной и дополнительный её вид) в отношении юридических лиц. Подобная новация, не характерная для других государств, представляется совершенно оправданной. Лишение юридических лиц вещей, необходимых им для совершения преступлений, а также предметов, полученных в результате их незаконной деятельности, видится целесообразной мерой, обладающей серьезным превентивным потенциалом. К физическим лицам конфискация может быть применена только как дополнительное наказание.

Такое широкое использование института конфискации, характерное для правовой системы Франции, дополняется установлением перечня деяний, за совершение которых имущество изымается в императивном порядке. Речь идет о вредных и опасных предметах, которые обязательно конфискуются у нарушителя [1, с. 24].

Отдельного внимания заслуживает закрепленная во французском уголовном законе возможность применения «расширенной конфискации», которая наделяет судебные органы уникальным правом конфисковать имущество лица, которое оказалось не в состоянии объяснить законность его происхождения. Подобная «презумпция преступного происхождения имущества» распространяется на преступления, санкция за совершение которых превышает пять лет лишения свободы [2, с. 31].

Также французский законодатель узаконил возможность применения двух разновидностей конфискации: общей (например, за совершение преступлений против человечества) и специальной. Если общая предполагает передачу государству всего имущества осужденного, то специальная предусматривает изъятие тех предметов, которые связаны с осуществлением преступной деятельности лица. Такая «популярность» рассматриваемого института позволяет говорить о Франции как об одном из лидеров применения конфискации имущества в современном мире. В этой связи

вряд ли представляется возможным говорить о каком-либо сходстве между французской и российской конфискацией имущества.

Переходя к рассмотрению второй группы государств, где конфискация предусмотрена в качестве дополнительного наказания, целесообразно условно разделить их на две подгруппы: а) страны, закрепляющие общую и специальную конфискацию как дополнительное уголовное наказание (Армения, Украина, Китай и т.д.); б) страны, закрепляющие только специальную конфискацию как дополнительное наказание (Кыргызстан, Туркменистан, Казахстан, Беларусь, Япония, США и т.д.).

Подробно рассматривая первую обозначенную подгруппу, отметим, что позиция о возможности применения общей и специальной конфискации в качестве дополнительного наказания была популярной в советский период и унаследована единичными государствами. Так, законодатель Армении сохранил нормы о возможности изъятия всего или части имущества в пользу государства. При этом Уголовный кодекс (далее – УК) Республики Армения допускает назначение общей конфискации в случае совершения корыстных тяжких и особо тяжких преступлений [3]. Украинский законодатель дополнил указанный перечень преступлений деяниями против общественной безопасности и против основ национальной безопасности Украины [4]. Стоит отметить, что указанные страны довольно лаконично подходят к регламентации института конфискации имущества: нормы о запрещенном к изъятию имуществе характеризуется бланкетным характером, обобщенно изложен вопрос о размере конфискуемой собственности и т.д.

Ещё более краток китайский законодатель, который в ст. 59 УК КНР, кроме возможности применения общей или специальной конфискации, закрепил положения о необходимости сохранения семье осужденного имущества «на жизненные расходы», а также о недопустимости изъятия личных предметов осужденного или его семьи [5]. Вместе с тем, в отличие от рассмотренных выше стран-участниц СНГ, уголовное законодательство Китая предусмотрело норму об обязательности уплаты законных долгов осужденного из конфискованного имущества.

Несмотря на сохранение отдельными странами общей и специальной конфискации как дополнительного наказания, в современном мире преобладает тенденция, связанная с осознанием нерациональности лишения виновного имущества, приобретенного законным путем [6; 7].

Дискуссия о целесообразности сохранения общей конфискации длится уже на протяжении нескольких десятков лет и не утихает до сих пор. Представляется, что позиция, связанная с приоритетным применением общей конфискации, прямо противоречит основным началам собственности. При этом ставится под сомнение незыблемость конституционного положения о праве каждого на частную собственность. Лишение преступника законно нажитого имущества также непосредственно нарушает принцип виновности, ведь члены семьи осужденного претерпевают материальные трудности и теряют возможность наследовать конфискованную собственность.

По этим причинам общая конфискация, широко применяющаяся в прошлом веке, в последние несколько десятилетий была постепенно исключена из уголовного законодательства Беларуси, Казахстана и других стран. Конфискация, сохранившая статус дополнительного наказания, стала распространяться не на всё имущество

виновного, а на конкретные, поименованные в законе объекты собственности, связанные с осуществлением преступной деятельности.

Логично переходя к рассмотрению второй подгруппы государств, отметим, что применяемую в них в качестве дополнительного уголовного наказания специальную конфискацию условно можно разделить на два вида: конфискация орудий и средств, с использованием которых совершалось преступное деяние, и конфискация имущества, полученного преступным путем.

Так, законодатель Туркменистана прямо указывает, что конфискуемое имущество является собственностью осужденного и обязательно должно быть приобретено запрещенным законом способом [8]. Более детально к данному вопросу подошел Кыргызский законодатель, который уделяет особое внимание институту конфискации имущества. В частности, детально проработаны вопросы, связанные с процедурой взыскания изымаемого имущества. Например, закон четко определяет, что в случаях, когда подлежащее конфискации имущество используется, продается или не может быть изъято по иным объективным причинам, в пользу государства обращается конкретная денежная сумма, соответствующая стоимости такого имущества [9]. Названная особенность характерна для многих государств из рассматриваемой группы (Казахстан, Австрия, Литва, Япония, Голландия и т.д.). Также подробно описан порядок истребования имущества у лиц, заведомо знавших о незаконном характере их приобретения.

Очень близок к рассмотренному подход к регламентации института конфискации в Республике Казахстан. В ст. 48 УК Казахстан также подробно прописаны особенности применения исследуемого дополнительного наказания: детально определены объекты собственности, разрешенные и запрещенные для конфискации; проработан вопрос о судьбе имущества, которое не может быть изъято ввиду его использования и продажи и т.д. [10].

Анализ положений Особенной части УК Казахстан говорит о значительной распространенности института конфискации: данное дополнительное наказание содержится в санкциях более 90 составов преступлений. Выступая наказанием как для основных, так и для квалифицированных составов, конфискация охватила большинство глав Особенной части УК Казахстана.

Широкое применение специальной конфискации характерно и для США, где изъятию также подлежат различного рода предметы материальной выгоды «преступного происхождения», а также средства и орудия совершения преступлений. Довольно развернуто конфискация регламентируется федеральным законом и более фрагментарно и обобщенно – законами штатов. Специфика правового регулирования данного института состоит в усиленном внимании к вопросам обеспечения сохранности предметов, подлежащих конфискации [11, с. 66].

Японский законодатель довольно четко обозначил, какое имущество может быть изъято в процессе конфискации. Перечень такого имущества некоторым образом отличается от рассмотренных выше стран и включает в себя следующие предметы: 1) выступающие образующим элементом преступления; 2) предназначенные для совершения преступления, а равно, употребленные в процессе его совершения; 3) возникшие в результате совершения преступления или полученные в качестве вознаграждения за него; 4) полученные в обмен на предметы, изложенные в п.3 [12].

Одна из специфических черт специальной конфискации как дополнительного уголовного наказания состоит в возможности её применения в отношении третьих лиц, которые не принимали личного участия в совершении преступления, но «обогатились» от преступной деятельности. Об этом свидетельствуют положения уголовного законодательства Австрии, Японии, а также ряда стран СНГ.

Сопоставляя рассмотренный институт, воплощенный в законодательстве второй группы стран, с российской конфискацией имущества, необходимо отметить следующее. Несмотря на различие в правовом статусе, многие черты специальной конфискации, выступающей в качестве дополнительного вида уголовного наказания, воплощены в рамках российского уголовного закона.

Во-первых, схожими характеристиками обладает перечень предметов, разрешенных для конфискации. Равно как и в зарубежных странах, в РФ изъятию подлежат: имущество, полученное в результате совершения преступления; доходы от такого имущества; имущество, выступающее средством финансирования терроризма, экстремизма и групповой преступности; орудия и средства совершения преступления. Несмотря на отдельные отличия, обусловленные национальными и законодательными особенностями того или иного государства, в общих чертах перечень конфискуемого имущества носит идентичный характер.

Во-вторых, российский законодатель, равно как и зарубежный, допускает возможность конфискации денежной суммы взамен имущества, которое не может быть изъято по объективным причинам.

В-третьих, по аналогии с зарубежными странами, в УК РФ законодательно закреплена процедура истребования имущества у недобросовестного владельца, заведомо знавшего о преступном происхождении такого имущества.

Однако закрепление в рассмотренных странах конфискации в качестве дополнительного наказания с её параллельным установлением в санкциях многих составов преступлений свидетельствуют о большей распространенности и применимости данного института. Кроме того, в уголовных законах изученных государств уделяется недостаточно внимания особенностям возмещения ущерба, причинённого в результате конфискации законному собственнику имущества, в то время как в УК РФ данный вопрос проработан довольно детально.

Переходя к характеристике третьей группы государств, отметим, что в них конфискация, не включенная в систему уголовный наказаний, обладает особым правовым статусом. Если, например, в Швейцарии, по аналогии с РФ, она относится к разряду «иных мер уголовно-правового характера», то УК Литвы определяет её как «средство карательного воздействия», УК Молдовы и Италии – как «мера безопасности», УК Испании и Перу – как «дополнительное последствие совершение преступления», УК Норвегии – как «другое правовое последствие» и т.д. Отдельные государства, такие как Хорватия или Сербия, разграничивают юридический статус конфискации в зависимости от её предмета. Если изымаются средства совершения преступления, речь идет о конфискации как о мере безопасности, а при изъятии имущества, полученного преступным путем, конфискация выступает в качестве иной меры уголовно-правового характера [13, с. 342]. Однако, несмотря на разнообразие используемых формулировок, в каждом из государств конфискация не входит в систему наказаний и рассматривается в качестве меры государственного принуж-

дения, которая может назначаться либо самостоятельно, либо в сочетании с уголовным наказанием.

Специфично применение рассматриваемого института в Германии, где конфискация, выступающая правовым последствием деяния, применяется в следующих случаях: а) при получении от преступного деяния имущественной выгоды (простая конфискация); б) при получении неправомερных доходов от преступлений, совершаемых субъектами организованной преступности (например, наркогруппировками), даже если незаконность приобретенного имущества только предполагается (расширенная конфискация) [14, с. 167].

Законодатель Дании, определивший конфискацию в категорию «Иные правовые последствия наказуемого деяния», при регламентации данного института отдает приоритет фискальным интересам государства. Достаточно широко определяя круг возможных для изъятия предметов (созданные преступлением, использованные в преступлении, а также те, благодаря которым преступление было совершено), УК Дании говорит о возможности равнозначного взыскания денежной суммы, эквивалентной стоимости данных предметов. Кроме того, закон прямо предписывает, что при возникновении трудностей в процессе определения такой суммы, конфискации подлежит сумма, равнозначная предполагаемым доходам виновного [15].

Итальянский законодатель последовательно претворяет в жизнь идею признания конфискации мерой безопасности. Отдавая приоритет указанной идее, уголовный закон Италии допускает применение конфискации в отношении невменяемых лиц [16, с. 59]. Акцент на безопасности делает и швейцарский законодатель, предоставляя судебным органам право на конфискацию имущества, использованного для совершения преступления и угрожающего безопасности граждан, а также нравственности и общественному порядку. По распоряжению судьи такое имущество может быть уничтожено или приведено в негодность [17].

Интерес представляет законодательная классификация конфискации, установленная в Республике Молдова. Уголовный закон указанного государства выделяет специальную и расширенную конфискацию, упоминая о них в ст. 98 УК Молдовы как о мерах безопасности [18]. По сравнению с ранее рассмотренными государствами, перечень объектов специальной конфискации носит гораздо более широкий характер. Наряду с имуществом, предназначенным для совершения преступления, а также полученным вследствие его совершения (включая любые материальные выгоды от его использования, а также вещи, преобразованные из такого имущества), изъятию подлежит: имущество, которое было передано для склонения лица к совершению преступного деяния (в качестве подкупа) либо предназначено для вознаграждения преступника; имущество, находившееся во владении лица без предусмотренных законом оснований; имущество, выступающее в качестве предмета отмывания денежных средств либо финансирования терроризма.

О широком применении специальной конфискации свидетельствует законодательно установленная возможность её самостоятельного применения (без наказания), а также право суда в случае фактического отсутствия имущества или его передачи добросовестному владельцу, взыскивать у виновного сумму, эквивалентную стоимости такого имущества.

Расширенная конфискация используется в отношении небольшого, строго указанного в законе перечня преступлений в случае их совершения из корыстных по-

буждений. Однако её применение ограничено целым рядом условий, изложенных в ст. 106.1 УК Республики Молдова. Например, одним из таких условий является существенное превышение стоимости имущества над законными доходами лица.

Видится, что, несмотря на придание конфискации имущества статуса «вспомогательной» меры государственного принуждения, законодательная регламентация данного института свидетельствует о его широком использовании в ряде государств. Конфискация как иная мера, отличная от наказания, получила популярность в европейских странах и странах СНГ.

Возвращаясь к цели настоящего исследования, констатируем, что отечественная конфискация имущества по своей правовой природе и юридическому статусу наиболее схожа с конфискацией, применяемой в третьей группе стран. Сопоставляя российскую конфискацию имущества с рассматриваемыми зарубежными аналогами, следует отметить следующее. Несмотря на ряд непохожих признаков (например, для РФ не свойственно применение расширенной конфискации, а также не характерно её использование в качестве инструмента обеспечения безопасности), глава 15.1 УК РФ в общих чертах воспроизводит особенности, характерные для конфискации как меры государственного принуждения, применяемой в иных государствах.

Во многом тождественны категории изымаемого имущества (полученное в результате совершения преступления; выступающее орудием или средством его совершения; необходимое для финансирования терроризма, экстремизма и т.д.). Схожи также отдельные правила конфискации. Например, не отличается новизной норма, применяемая в отношении третьих лиц, заведомо знавших о незаконном происхождении имущества. Во многих зарубежных странах также фигурирует положение, закрепленное в ст. 104.2 УК РФ, связанное с конфискацией денежной суммы взамен имущества, которое невозможно изъять. Аналогию можно провести и между ст. 104.3 УК РФ, предусматривающей возмещение законному владельцу имущества причиненного в результате конфискации вреда, и рассмотренными выше тождественными нормами ряда стран.

Представляется, что некоторые черты регламентации конфискации имущества в российском законодательстве отличаются более прогрессивным характером, нежели в зарубежных государствах. Так, конфискация помещена в отдельную главу УК РФ, что целесообразно не только с точки зрения удобства применения норм, но и с позиций систематизации уголовного законодательства. Расположив конфискацию в рамках главы 15.1 УК РФ раздела VI «Иные меры уголовно-правового характера», российский законодатель четко определил место данного института в отечественной уголовной системе. В свою очередь, зарубежные государства не предусматривают выделения конфискации в самостоятельную главу кодекса и ограничиваются их регламентацией по родовому признаку (например, в УК Молдовы нормы о конфискации, наряду с иными мерами безопасности, помещены в общую главу). Преимуществом также отличается смысловая разграниченность норм о конфискации имущества: если в подавляющем большинстве рассмотренных зарубежных стран положения о конфискации представлены в разных частях одной нормы, то в УК РФ такие положения логично изложены в рамках трех различных норм (ст.ст. 104.1, 104.2, 104.3 УК РФ). Иначе говоря, законодательная техника в части регламентации института конфискации имущества в РФ отличается большей продуманностью.

В целом можно утверждать, что российский законодатель в рамках главы 15.1 УК РФ максимально и наиболее удачно охватил все основные правила конфискации, которые, как показал сравнительно-правовой анализ, фрагментарно и разобщённо отражены в нормах законодательства иностранных государств.

Вместе с тем, следует обратить внимание на недостатки, присущие российскому закону в части регламентации института конфискации. Так, критике можно подвергнуть изложенный в п. «а» ч.1 ст. 104.1 УК РФ перечень преступлений, совершение которых допускает возможность применения конфискации имущества. До сих пор не совсем ясно, по какому объединяющему признаку он построен, ведь содержащиеся в нём преступления размещены в разных главах УК РФ, а значит, имеют различные родовые и видовые объекты. Нельзя не отметить и тенденцию постоянного пополнения обозначенной нормы новыми составами: с момента внедрения конфискации в российский уголовный закон в качестве иной меры уголовно-правового характера редакция п. «а» ч.1 ст. 104.1 УК РФ менялась более 15 раз.

В свою очередь, зарубежный законодатель практически не прибегает к перечислению отдельных составов «конфискационных» преступлений. Относительно конфискации как вида наказания он использует обобщенные формулировки, например, «преступления против общественной безопасности», «корыстные преступления» и т.д. В процессе регламентации конфискации как меры государственного принуждения законодатель вовсе избегает перечисления категорий преступных деяний, лишь определяя виды разрешенного для изъятия имущества.

Решение российского законодателя о прямом перечислении конкретных составов преступлений, в отношении которых может быть изъято имущество, видится крайне нелогичным и противоречащим зарубежным тенденциям регламентации института конфискации имущества. Одной из перспектив дальнейшей регламентации российской конфискации имущества видится совершенствование п. «а» ч.1 ст. 104.1 УК РФ в части унификации преступлений, к которым она может быть применена. Подобная унификация должна носить продуманный характер и основываться на определенных критериях, как это сделано в нормах зарубежного законодательства многих стран. Таким образом, большинство стран современного мира предусматривают применение конфискации имущества, которая играет роль основного или дополнительного наказания, только дополнительного наказания или меры государственного принуждения (воплощенной в различных формулировках). Классификация стран, основанная на данном предметном критерии, позволила наиболее объективно рассмотреть особенности уголовно-правовой регламентации института конфискации имущества за рубежом.

Общемировые требования гуманизации уголовно-правовых отношений привели к постепенному отказу законодателя ряда стран от общей конфискации, а также конфискации, применяемой в качестве основного уголовного наказания, и предопределили приоритетное использование специальной конфискации имущества.

Правовая модель регламентации специальной конфискации имущества напрямую зависит от национальных и правовых особенностей государства. Вместе с тем, между российской и зарубежной конфискацией имущества имеется немало общих признаков, позволяющих сопоставить данные правовые институты.

В результате исследования определены преимущества российской и зарубежной конфискации имущества, которые могут послужить основой для взаимного совер-

шенствования законодательства в данной сфере. В частности, более прогрессивными чертами отличается систематизация норм о конфискации имущества в рамках УК РФ, в то время как закрепление ограниченного перечня преступлений, по которым возможна конфискация, представляется крайне нелогичным шагом, противоречащим зарубежным тенденциям. Одной из перспектив развития института конфискации имущества в РФ видится заимствование отдельных законодательных конструкций ряда в сфере регламентации преступных деяний, совершение которых предполагает возможность такой конфискации.

Список литературы:

1. Румянцева, Ю.Н. Конфискации имущества и ее роль в совершенствовании законодательства об ответственности за злоупотребление должностными полномочиями в России и Франции / Ю.Н. Румянцева // Пролог: журнал о праве. – 2018. – №2. – С. 20-28. – Текст: непосредственный.
2. Ключников, А.Ю. Расширенная конфискация во Франции и Англии / А.Ю. Ключников // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2017. – №4 (67). – С.30-33. – Текст: непосредственный.
3. Уголовный кодекс Республики Армения. – URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show..> (дата обращения: 07.02.2022). – Текст: электронный.
4. Уголовный кодекс Украины. –URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109.. (дата обращения: 07.02.2022). – Текст: электронный.
5. Уголовный кодекс КНР. – URL: <https://asia-business.ru/law/law1/criminalcode/crimin..> (дата обращения: 07.02.2022). – Текст: электронный.
6. Хайруллин, Р.Р. К вопросу о применении конфискации имущества / Р.Р. Хайруллин // –Наука. Общество. Государство. – 2020. – Т8. – №1(29). – С. 174-181. – Текст: непосредственный.
7. Куликов, А.В. Проблемы назначения и применения конфискации имущества / А.В. Куликов, Ю.А. Хибнерс // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2021. – №1. – С. 39-46. – Текст: непосредственный.
8. Уголовный кодекс Туркменистана. –URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286.. (дата обращения: 08.02.2022). – Текст: электронный.
9. Уголовный кодекс Кыргызской Республики. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065.. (дата обращения: 08.02.2022). – Текст: электронный.
10. Уголовный кодекс Республики Казахстан. –URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 08.02.2022). – Текст: электронный.
11. Козочкин, И.Д. Конфискация имущества по уголовному праву США / И.Д. Козочкин, Д.А. Камзатов // Государство и право. – 2014. – №10. – С. 62-72. – Текст: непосредственный.
12. Уголовный кодекс Японии. – URL: <https://constitutions.ru/?p=407> (дата обращения: 08.02.2022). – Текст: электронный.
13. Шарипова, Л. Р. О сравнительном анализе конфискации имущества по уголовному законодательству России и зарубежных стран / Л.Р. Шарипова // Молодой ученый. – 2017. – № 2 (136). – С. 341-345. – Текст: непосредственный.
14. Головненков П.В., Понятовская Т.Г. Сущность конфискации имущества в германском и российском уголовном праве / П.В. Головненков, Т.Г. Понятовская // Всероссийский криминологический журнал. – 2015. – №1. – С. 164-173. – Текст: непосредственный.
15. Уголовный кодекс Дании. – URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-z..> (дата обращения:10.02.2022). – Текст: электронный.
16. Толков, Д.В. Конфискация имущества по законодательству европейских и иных зарубежных стран: системообразующие признаки института и их анализ / Д.В. Толков // Человек: преступление и наказание. – 2011. – №4. – С. 56-60. – Текст: непосредственный.
17. Уголовный кодекс Швейцарии. –URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/20007> (дата обращения:11.02.2022). – Текст: электронный.
18. Уголовный кодекс Республики Молдова. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923.. (дата обращения:11.02.2022). – Текст: электронный.

Gorbachev I. S. Confiscation of property in the criminal law regulations of foreign countries: features of regulation and law enforcement // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 280-289.

On the basis of the author's classification of countries that enshrine the confiscation of property in their legal systems, the features of the criminal law regulation of this institution are considered. The conclusion is made about the priority application in the modern world of special confiscation, which involves the seizure of

property associated with the criminal activity of a person. Comparison of Russian confiscation with its foreign counterparts made it possible to identify their similarities and differences, as well as advantages and disadvantages. The necessity of mutual enrichment with the experience of legal regulation of confiscation of property in Russia and foreign countries is proved.

In the course of the study, the comparative legal method of scientific knowledge was widely used, which made it possible to consider in detail the rules on confiscation of property in the criminal law regulations of foreign countries and compare them with domestic ones. Using the formal legal method, it was possible to identify the advantages and disadvantages of regulating the institution of property confiscation in Russian and foreign legislation. The logical method formed the basis for identifying current trends in the implementation of confiscation of property in the modern world.

Key words: foreign countries, legislation, confiscation, property, punishment, property, criminal law measure, subject, legal system, criminal activity.

Spisok literary:

1. Rumyancheva, YU.N. Konfiskacii imushchestva i ee rol' v sovershenstvovanii zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za zloupotreblenie dolzhnostnymi polnomochiyami v Rossii i Francii / YU.N. Rumyancheva // Prolog: zhurnal o prave. – 2018. – №2. – S. 20-28. – Tekst: neposredstvennyj.
2. Klyuchnikov, A.YU. Rasshirennaya konfiskaciya vo Francii i Anglii / A.YU. Klyuchnikov // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. – 2017. – №4 (67). – S.30-33. – Tekst: neposredstvennyj.
3. Ugolovnyj kodeks Respubliki Armeniya. –URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show..> (data obrashcheniya: 07.02.2022). – Tekst: elektronnyj.
4. Ugolovnyj kodeks Ukrainy. –URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109.. (data obrashcheniya: 07.02.2022). – Tekst: elektronnyj.
5. Ugolovnyj kodeks KNR. – URL: <https://asia-business.ru/law/law1/criminalcode/crimin..> (data obrashcheniya: 07.02.2022). – Tekst: elektronnyj.
6. Hajrullin, R.R. K voprosu o primeneni konfiskacii imushchestva / R.R. Hajrullin // –Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. – 2020. – T8. – №1(29). – S. 174-181. – Tekst: neposredstvennyj.
7. Kulikov, A.V. Problemy naznacheniya i primeneniya konfiskacii imushchestva / A.V. Kulikov, YU.A. Hibners // Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. – 2021. – №1. – S. 39-46. – Tekst: neposredstvennyj.
8. Ugolovnyj kodeks Turkmenistana. –URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286.. (data obrashcheniya: 08.02.2022). – Tekst: elektronnyj.
9. Ugolovnyj kodeks Kyrgyzskoj Respubliki. –URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065.. (data obrashcheniya: 08.02.2022). – Tekst: elektronnyj.
10. Ugolovnyj kodeks Respubliki Kazahstan. –URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (data obrashcheniya: 08.02.2022). – Tekst: elektronnyj.
11. Kozochkin, I.D. Konfiskaciya imushchestva po ugovnomu pravu SSHA / I.D. Kozochkin, D.A. Kamzalov // Gosudarstvo i pravo. – 2014. – №10. – S. 62-72. – Tekst: neposredstvennyj.
12. Ugolovnyj kodeks Yaponii. – URL: <https://constitutions.ru/?p=407> (data obrashcheniya: 08.02.2022). – Tekst: elektronnyj.
13. SHaripova, L. R. O sravnitel'nom analize konfiskacii imushchestva po ugovnomu zakonodatel'stvu Rossii i zarubezhnyh stran / L.R. SHaripova // Molodoj uchenyj. – 2017. – № 2 (136). – S. 341-345. – Tekst: neposredstvennyj.
14. Golovnenkov P.V., Ponyatovskaya T.G. Sushchnost' konfiskacii imushchestva v germanskom i rossijskom ugovnom prave / P.V. Golovnenkov, T.G. Ponyatovskaya // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. – 2015. – №1. – S. 164-173. – Tekst: neposredstvennyj.
15. Ugolovnyj kodeks Danii. – URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-z..> (data obrashcheniya:10.02.2022). – Tekst: elektronnyj.
16. Tolkov, D.V. Konfiskaciya imushchestva po zakonodatel'stvu evropejskih i inyh zarubezhnyh stran: sistemoobrazuyushchie priznaki instituta i ih analiz / D.V. Tolkov // CHelovek: prestuplenie i nakazanie. – 2011. – №4. – S. 56-60. – Tekst: neposredstvennyj.
17. Ugolovnyj kodeks SHvejcarii. –URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/20007> (data obrashcheniya:11.02.2022). – Tekst: elektronnyj.
18. Ugolovnyj kodeks Respubliki Moldova. –URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923.. (data obrashcheniya:11.02.2022). – Tekst: elektronnyj.

УДК 343.914

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Донская О. Г., Москалева Е. Н.

В статье представлен авторский анализ закономерностей женской преступности. Авторы исследуют количественные показатели женской преступности, соотносят их с ее детерминантами. Проводится анализ масштабов женской преступности во взаимосвязи с демографическими проблемами и кризисными факторами. Исследуется социальный статус женщины в современных реалиях. Авторами представлены аргументированные выводы о негативных тенденциях женской преступности, зависимости закономерностей ее развития от экономических и социальных факторов. Акцентируется внимание на том, что тенденции женской преступности обусловлены изменениями в политической и экономической жизни России, ростом социальной напряженности, социальных конфликтов и противоречий. В заключении авторы приходят к выводу о том, что криминологические закономерности женской преступности напрямую связаны с функционированием института семьи, материальным и социальным благополучием общества. Негативные экономические тенденции отрицательно влияют на личность женщины, способствуя ее криминализации. С учетом негативных демографических прогнозов, на ближайшее десятилетие можно прогнозировать снижение количественных показателей женской преступности, но экономические и социальные реалии могут привести к негативным изменениям в ее качественных характеристиках.

Ключевые слова: криминология, уголовный закон, преступность, женщина-преступница, социальные последствия, причины, тенденции, закономерности, кризисные факторы, статистические данные, динамика, психология женщины, социальный портрет, семейное насилие демография.

Предметом криминологического исследования феномен женской преступности стал не так давно, поскольку до середины XX в. считалось, что она не представляет научного и практического интереса, ввиду незначительного количества преступлений, совершаемых лицами женского пола. Вторая половина XX в. положила начало исследованию особенностей и закономерностей женской преступности.

Изменение социального статуса женщин, а также увеличение количества и «утяжеление» женских преступлений положили начало формирования самостоятельного раздела криминологии, изучающего женскую преступность. Научные изыскания, позволили ученым выработать и обосновать социологическую теорию женской преступности, в основе которой лежит социальное положение и роль женщины на определенном историческом этапе. Указанный подход позволил не только эффективно изучать женскую преступность, но и успешно прогнозировать ее. Таким образом, криминологическое прогнозирование женской преступности невозможно без учета ее исторических закономерностей.

Количественные показатели женской преступности за последние 30 лет показывают остро негативную тенденцию. Число преступлений, совершенных женщинами, стало возрастать в начале 90-х гг. XX в. и сегодня составляет весомую часть от общего количества совершаемых преступлений, значительно превышая преступления, совершенные несовершеннолетними (в среднем 2% от общего количества совершаемых преступлений). По данным ГИАЦ МВД России, если в 1991 г. доля женщин-преступниц составляла 10,6% в общей массе зарегистрированных преступников, то в 1998 г. – 14,7%; в 1999 г. – 15,1%; в 2000 г. – 16,3%; в 2001 г. – 16,9%; в 2002 г. – 17,8%; в 2003 г. – 16,6%; в 2004 г. – 13,4%, в 2005 г. – 13,8%, в 2006 г. – 15,1% [1, с. 4]. Еще более высокий удельный вес женской преступности наблюдался в 2007 г. –

он поднялся до 16%. Волнообразный рост общего количества преступлений, совершенных женщинами, в приведенный период, исследователи объясняют, прежде всего, экономической нестабильностью и отсутствием реальной социальной поддержки населения со стороны государства.

В последующие 6 лет удельный вес женской преступности незначительно снизился и составлял в 2008 г. 15,5%, в 2009 – 15,4%, в 2010 – 15,3%, в 2011 – 15,4%, в 2012 – 15,4%, в 2013 г. – 15,7%. В 2014 г. последовал рост женской преступности. За этот период удельный вес совершенных женщинами преступлений поднялся до 16,2%. В 2015 г. этот показатель составил 14,5%, а в течение 2016 г. – 14,4% [2], в 2019 г. – 16,1%, в 2020 г. – 16,0%.

Статистические данные в динамике женской преступности цикличны, при этом резкие спады, зафиксированные в 2004 и 2016 гг. нельзя связывать с положительными изменениями в количественных и качественных характеристиках рассматриваемого вида преступности, т.к. они связаны с декриминализацией составов, характерных для женщин-преступниц [3, с. 61]. При этом, не смотря на снижение общего количества зарегистрированных преступлений, доля преступлений, совершаемых женщинами, не снижается. Удельный вес преступниц на территории РФ за последние 30 лет увеличился с 10,6% в 1991 г. до 16% в 2020 г., а в среднем за последние 10 лет доля женщин-преступниц в общей структуре преступности составляет 15,3%. Несмотря на то, что женщины совершают примерно в 6 раз меньше преступлений, чем мужчины, уровень женской преступности занимает заметное место в структуре общей преступности.

Ошибочно полагать, что женская преступность не представляет собой большой угрозы ни для общества, ни для криминогенной обстановки в стране и мире, т.к. преступления, совершаемые женщинами, имеют небольшой удельный вес. Социальные последствия женской преступности отличаются многогранностью и глубиной, в народе говорят: «Портится мужчина – портится семья, портится женщина – портится весь народ». Сам факт существования феномена женской криминогенности способствует самовоспроизводству преступности.

В современной действительности преступность рассматривается как следствие причин и условий, имеющих социальный характер. При этом в природе женской преступности всегда был ярко выражен социальный аспект. Женщина олицетворяется с красотой, теплом, уютом, она испокон веков являлась хранительницей домашнего очага, ей посвящены стихи, поэмы и песни. По своей сущности женщина и преступность несовместимые понятия. Лишь множество социальных предпосылок способствует искажению женской натуры, только существенные обстоятельства способны подтолкнуть женщину на противоправное поведение.

Возрастающее расслоение современного общества по уровню доходов отрицательно сказывается на поведении женщин. В 2019 г. доля населения, находящегося за чертой бедности, в России составила 12,3% [4]. При этом в целом за 2020 г. уровень бедности в России составил 12,1%. В I квартале 2021 г. уровень бедности составил 14,4% (21,1 млн. человек), во II квартале 2021 г. 12,1% (17,7 млн. чел.) [5]. Уровень доходов, рассчитанный на 100 тыс. жителей страны в 2020 г. выглядит следующим образом: 5,5% составляют граждане с наименьшим доходом, 46,2 – с наибольшим доходом. Оставшаяся часть населения составляет средний уровень доходов, который колеблется от 10,3 до 22,7% [6]. Отсутствие законных способов

преодоления материальной неустроенности автоматически ведет к криминализации женщины. Данная закономерность подтверждена на международном уровне. Так, международная организация труда и ООН по обеспечению гендерного равенства «ООН-женщины» определяют безработицу в качестве глобальной проблемы, детерминирующей рост женской преступности [7].

Женщина, испокон веков является хранительницей очага, следовательно для прогнозирования ее поведения в будущем, следует оценить уровень ее комфорта в настоящем. Сегодня институт брака находится на грани распада. По данным Единой межведомственной информационно-статистической системы в «2020 г. в России распалось 73% браков, для сравнения в 2018 и 2019 гг. распалось 65 % браков. 30 лет назад данное соотношение было равным 42 %, а 70 лет назад распалось всего лишь 4 % брачных союзов» [8]. Многие российские семьи сталкиваются со сложностями при обеспечении жилищных условий. По последним данным, почти на 1 млн. рублей выросла сумма кредита на покупку жилья в новостройке за год [9]. Согласно данным Росстата, за последние десять лет средняя площадь квартир в России уменьшилась на 20% и составляет на сегодня около 51 кв. м. [10] Стесненные условия проживания неминуемо способствуют повышению уровня агрессивности, а значит семейно-бытовые конфликты и иные насильственные проявления будут возрастать. Представляется, что вполне естественным стремлением женщины является улучшение жилищных условий, что может «толкать» ее на путь совершения противоправных корыстных деяний.

Существует проблема влияния экономических факторов на психологию женщины. Экономическая психология направлена на выявление экономического поведения людей, связанного с эмоциями, и обеспечение точного руководства для принятия решений [11, с. 189]. Природа преступного поведения женщин связана с реализацией биологических инстинктов посредством обеспечения материального минимума для своей семьи. И.М. Поляков предполагает, что «развитие человека является врожденным в экономических и потребительских рамках, где эмоциональные, социальные и индивидуальные факторы являются сквозными в экономике» [11, с. 191]. Междисциплинарное понимание психологии и экономики в подходе к женскому потреблению может быть расширено до криминологического аспекта.

Рожая и воспитывая детей, женщина часто теряет свою профессиональную квалификацию (а в некоторых случаях даже не успевает ее приобрести). Большинство браков в России заключается в возрасте 26-35 лет (49 %) [12]. Это означает, что семейный и иной жизненный опыт у большинства женщин формируется одновременно с карьерным ростом, который в большинстве случаев прерывается с наступлением материнства. Рождение ребенка позволяет реализоваться женщине как биологическому существу, она передает детям все навыки человеческого общения, культуры, традиций, способствует обучению детей в дошкольных и школьных образовательных учреждениях. Мужчина в большинстве случаев ведет себя отстраненно, т.к. занят работой, карьерой, бизнесом, ведь он по своей природе, добытчик. Следовательно, в период рождения и воспитания детей мужчина-отец имеет возможность развиваться в профессиональном плане, а женщина – жертвует карьерой в силу своей социальной функции – «хранительницы домашнего очага». Именно поэтому уровень безработицы женщин превышает уровень безработицы мужчин [13].

Женщина, воспитывающая детей, часто зависит в материальном плане от муж-

чины-добытчика. С одной стороны, это естественно, в силу ее занятости домашними делами, с другой стороны, внутрисемейное материальное неравенство зачастую приводит к психологическому и (или) физическому преобладанию мужчины над женщиной. Она чувствует себя уязвимой и незащищенной, вынуждена терпеть в некоторых случаях противоправное отношение к себе, в том числе психическое и физическое насилие. Агрессия в отношении женщин характерна и для благополучных семей. Это негативно сказывается на жизни и деятельности членов семьи, а также на функционировании российского общества и государства, в целом [14, с. 21].

Необходимо учитывать и значение кризисных факторов, каковым в 2020-2021 гг. был «удар» пандемии по экономике. «Пандемия COVID-19 нанесла триллионный ущерб российской экономике» [15]. Среди малого и среднего бизнеса много женщин-предпринимателей. Рабочие места сокращаются, [16] в результате чего затруднено дальнейшее трудоустройство женщин зрелого возраста, имеющих на обеспечении детей. «Потеря работы представляет собой потенциальный источник стресса и может привести к эмоциональным и физическим страданиям, изоляции и отчуждению» [17, с. 359]. Существует прямая зависимость между ростом безработицы и ухудшением криминогенной ситуации [18, с. 923].

Тенденции женской преступности обусловлены изменениями в политической и экономической жизни России, ростом социальной напряженности, социальных конфликтов и противоречий. «Произошли изменения и в понимании социального статуса женщины» [19], что неминуемо отразилось на качественных характеристиках преступности. Ранее в женской преступности преобладал бытовой характер, в современных реалиях криминальные деяния женщин отличаются большим многообразием, в их мотивации преобладает корысть.

Социальный портрет рассматриваемого вида преступности характеризует отношение женщин к антиценностям и, прежде всего, к алкоголизму и наркомании. Распространенность этих явлений способствует трансформации антиобщественных свойств в преступное поведение. «Результаты выборочных исследований свидетельствуют, что 52% женщин совершили преступления в состоянии алкогольного опьянения, 25% - после употребления наркотических веществ» [20, с. 151].

При анализе закономерностей женской преступности обязательно необходимо учитывать демографические показатели. В 2005 г. произошло масштабное сокращение населения, количество россиян сократилось на 564,5 тыс. чел. «Численность постоянного населения России на 1.01.2020 составляла 146,75 млн человек, а на 1.01.2021 146,24 млн чел. За 2020 г. страна потеряла 510 тыс. жителей» [21]. Более того, в настоящее время убыль населения продолжается. Согласно подсчетам правительства до 2024 г., население России может сократиться на 1,2 млн человек [22]. По данным Росстата в среднем прогнозе численность россиян уменьшится до 143 млн человек к 2035 г., в пессимистическом варианте сократится до 134 млн. [23].

Вследствие негативных тенденций в демографии, можно прогнозировать снижение количественных показателей женской преступности. В ситуации убыли населения женщина в силу своей природы будет стремиться к продолжению рода, однако экономические и социальные трудности при реализации данного инстинкта будут подталкивать ее к выбору криминальных способов обеспечения семьи.

Таким образом, несмотря на тенденцию к убыли населения, удельный вес женской преступности стабилен, что свидетельствует о ее росте. Криминологические закономерности женской преступности напрямую связаны с функционированием института семьи, материальным и социальным благополучием общества. Негатив-

ные экономические тенденции отрицательно влияют на личность женщины, способствуя ее криминализации. С учетом негативных демографических прогнозов, на ближайшее десятилетие можно прогнозировать снижение количественных показателей женской преступности, но экономические и социальные реалии могут привести к негативным изменениям в ее качественных характеристиках. В пользу этого вывода говорит отсутствие положительной динамики, не смотря на декриминализацию значительного количества преступлений небольшой тяжести, коэффициент преступлений, совершаемых женщинами, не снижается.

Список литературы:

1. Абызова Е.Р. Криминологическое исследование личности женщин, совершающих преступления, и предупреждение их преступного поведения: автореф. дис. к.ю.н. - М., 2007.
2. Состояние преступности в России за январь - декабрь 2003 - 2016 годов. М.: Главный информационно-аналитический центр МВД России, 2004 - 2017.
3. Грудинин Н.С. Статистические показатели женской преступности в Российской Федерации и столичном регионе // Закон и жизнь. - 2018. - N 4.
4. В России снизился уровень крайней бедности – URL: <https://glasnarod.ru/rossiya/330325-v-rossii-snizilsya-uroven-krajnej>
bednosti?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fews%2Fstory%2FUroven_krajnej_bednosti_snizilsya_za_god_v_Rossii-f57fdc72fcfd67eb58b827617ae4b672 (дата обращения: 25.10.2021).
5. Росстат оценил уровень бедности в стране в 13,1% – URL: <https://www.interfax.ru/russia/782984> (дата обращения: 04.11.2021).
6. Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения // Федеральная служба государственной статистики – URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2Furov_32g.doc&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 14.11.2021).
7. Глобальные тенденции в сфере занятости женщин в 2012 году: Доклад Международной организации труда и ООН от 11 декабря 2012 г. / Центральные учреждения Организации Объединенных Наций: официальный сайт - URL: <http://www.un.org> (дата обращения: 07.10.2021).
8. Количество свадеб и разводов в России за год резко сократилось - URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/254697806> (дата обращения: 14.11.2021).
9. Интерфакс-недвижимость - URL: https://realty.interfax.ru/ru/news/articles/131895?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1636045024000 (дата обращения: 29.10.2021).
10. Жилье уменьшается в размерах - URL: https://www.kommersant.ru/doc/5055099?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffromzen%3Dsearchapp (дата обращения: 29.10.2021).
11. Поляков И.М. Экономические факторы, влияющие на психологию индивидуума // Научно-образовательные дискуссии: фундаментальные и прикладные исследования: материалы XXX Всероссийской научно-практической конференции (14 апреля 2021г.): в 2-х ч. Ч-1. – Ростов-на-Дону: изд-во Южного университета ИУБиП, 2021.
12. Статистика возраста вступления в брак в России - URL: <https://socprav.ru/brachnyy-voznrast#closehttps://socprav.ru/brachnyy-voznrast> (дата обращения: 10.09.2021).
13. Занятость и безработица в Российской Федерации в августе 2020 года! – URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/181.htm (дата обращения: 20.10.2021).
14. Беспалов Ю.Ф. Семейное насилие в Российской Федерации как порок жизни и деятельности семьи и ее членов: социально-правовой аспект // Нотариус. - 2019. - N 1.
15. Цена ковида: Роспотребнадзор оценил ущерб от пандемии // Газета.ru - URL: <https://www.gazeta.ru/business/2021/07/05/13701374.shtml> (дата обращения: 04.11.2021).
16. Москалькова Т.: домашнее насилие участилось за время самоизоляции - URL: <https://ria.ru/20200505/1570953246.html> (дата обращения: 04.11.2021).
17. Бренд Д.Е. Далеко идущие последствия потери работы и безработицы // Ежегодный обзор социологии. - 2015. - № 41.
18. Дудина О.М., Арсельгова М.А. Социальные и экономические последствия безработицы // Экономика труда. - 2019. - Т. 6. - № 2.
19. Трошкина О.Н. Женская преступность: особенности, причины, тенденции – URL: <https://www.law.ru/blog/22406-jenskaya-prestupnost-osobennosti-prichiny-tendentsii> (дата обращения: 12.11.2021).

20. Коломытцев Н.А., Одинцова Л.Н. Этика права и проблемы женской преступности в России // Lex russica. - 2018. - N 10.
21. Сокращение населения России на фоне пандемии стало рекордным за 15 лет – URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/01/2021/6012a7ca9a7947d4e0e8042d> (дата обращения: 12.11.2021).
22. Песков: поддержка материнства помогает сдержать темпы убыли населения - URL: https://runews24.ru/society/16/10/2020/af0cb04b1d1733aa5abc1588c0c16251?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 10.11.2021).
23. Статистика смертности по данным Росстата - URL: <https://rosinfostat.ru/smernost/#i-3> (дата обращения: 17.11.2021).

Donskaya O. G., Moskaleva E. N. Patterns of female crime // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 290-296.

The article presents the author's analysis of the patterns of female crime. The authors study the quantitative indicators of female crime, correlate them with its determinants. An analysis is made of the scale of female crime in relation to demographic problems and crisis factors. The social status of a woman in modern realities is investigated. The authors present reasoned conclusions about the negative trends in female crime, the dependence of the patterns of its development on economic and social factors. Attention is focused on the fact that the trends in female crime are due to changes in the political and economic life of Russia, the growth of social tension, social conflicts and contradictions. In conclusion, the authors come to the conclusion that the criminological patterns of female crime are directly related to the functioning of the family institution, the material and social well-being of society. Negative economic trends have a negative impact on the personality of a woman, contributing to her criminalization. Taking into account the negative demographic forecasts, a decrease in the quantitative indicators of female crime can be predicted for the next decade, but economic and social realities may lead to negative changes in its qualitative characteristics.

Keywords: criminology, criminal law, crime, female criminal, social consequences, causes, trends, patterns, crisis factors, statistical data, dynamics, psychology of a woman, social portrait, family violence, demography.

Spisok literatury:

1. Abyzova Ye.R. Kriminologicheskoye issledovaniye lichnosti zhenshchin, sovershayushchikh prestupleniya, i preduprezhdeniye ikh prestupnogo povedeniya: avtoref. dis. k.yu.n. - M., 2007.
2. Sostoyaniye prestupnosti v Rossii za yanvar' - dekabr' 2003 - 2016 godov. M.: Glavnnyy informatsionno-analiticheskyy tsentr MVD Rossii, 2004 - 2017.
3. Grudin N.S. Statisticheskiye pokazateli zhenskoy prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii i stolichnom regione // Zakon i zhizn'. - 2018. - N 4.
4. The level of extreme poverty has decreased in Russia – URL: https://glasnarod.ru/rossiya/330325-v-rossii-snizilsya-uroven-krajnej-bednosti?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fstory%2FUroven_krajnej_bednosti_snizilsya_za_god_v_Rossii--f57fdc72fcfd67eb58b827617ae4b672 (date of access: 25.10.2021).
5. Rosstat otsenil uroven' bednosti v strane v 13,1% – URL: <https://www.interfax.ru/russia/782984> (data obrashcheniya: 04.11.2021).
6. Raspredeleniye obshchego ob'yema denezhnykh dokhodov i kharakteristiki differentsiatsii denezhnykh dokhodov naseleniya // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki – URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediaban%2Furov_32g.doc&wdOrigin=BROWSELINK (data obrashcheniya: 14.11.2021).
7. Global'nyye tendentsii v sfere zanyatosti zhenshchin v 2012 godu: Doklad Mezhdunarodnoy organizatsii truda i OON ot 11 dekabrya 2012 g. / Tsentral'nyye uchrezhdeniya Organizatsii Ob'yedinennykh Natsiy: ofitsial'nyy sayt - URL: <http://www.un.org> (data obrashcheniya: 07.10.2021).
8. Kolichestvo svadeb i razvodov v Rossii za god rezko sokratilos' - URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/254697806> (data obrashcheniya: 14.11.2021).
9. Interfaks- nedvizhimost' - URL: https://realty.interfax.ru/ru/news/articles/131895?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1636045024000 (data obrashcheniya: 29.10.2021).
10. Zhil'ye umen'shayetsya v razmerakh - URL: https://www.kommersant.ru/doc/5055099?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffromzen%3Dsearchapp (data obrashcheniya: 29.10.2021).
11. Polyakov I.M. Ekonomicheskiye faktory, vliyayushchiye na psikhologiyu individuuma // Nauchno-obrazovatel'nyye diskussii: fundamental'nyye i prikladnyye issledovaniya: materialy XXX Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (14 aprelya 2021g.): v 2-kh ch. CH-1. – Rostov-na-Donu: izd-vo Yuzhnogo universiteta IUBiP, 2021.
12. Statistika vozrasta vstupleniya v brak v Rossii - URL: <https://socprav.ru/brachnyy-voznast#closehttps://socprav.ru/brachnyy-voznast> (data obrashcheniya: 10.09.2021).

13. Zanyatost' i bezrobotitsa v Rossiyskoy Federatsii v avguste 2020 goda! – URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/181.htm (data obrashcheniya: 20.10.2021).
14. Bepalov YU.F. Semeynoye nasiliye v Rossiyskoy Federatsii kak porok zhizni i deyatelnosti sem'i i yeye chlenov: sotsial'no-pravovoy aspekt // Notarius. - 2019. - N 1.
15. Tsena kovida: Rospotrebnadzor otsenil ushcherb ot pandemii // Gazeta.ru - URL: <https://www.gazeta.ru/business/2021/07/05/13701374.shtml> (data obrashcheniya: 04.11.2021).
16. Moskal'kova T.: domashneye nasiliye uchastilos' za vremya samoizolyatsii - URL: <https://ria.ru/20200505/1570953246.html> (data obrashcheniya: 04.11.2021).
17. Brend D.E. Daleko idushchiye posledstviya poteri raboty i bezrobotitsy // Yezhegodnyy obzor sotsiologii. - 2015. - № 41.
18. Dudina O.M., Arsel'gova M.A. Sotsial'nyye i ekonomicheskiye posledstviya bezrobotitsy // Ekonomika truda. - 2019. - T. 6. - № 2.
19. Troshkina O.N. Zhenskaya prestupnost': osobennosti, prichiny, tendentsii – URL: <https://www.law.ru/blog/22406-jenskaya-prestupnost-osobennosti-prichiny-tendentsii> (data obrashcheniya: 12.11.2021).
20. Kolomytsev N.A., Odintsova L.N. Etika prava i problemy zhenskoy prestupnosti v Rossii // Lex russica. - 2018. - N 10.
21. Sokrashcheniye naseleniya Rossii na fone pandemii stalo rekordnym za 15 let – URL: RBK:<https://www.rbc.ru/economics/28/01/2021/6012a7ca9a7947d4e0e8042d> (data obrashcheniya: 12.11.2021).
22. Peskov: podderzhka materinstva pomogayet sderzhat' tempy ubyli naseleniya - URL: https://runews24.ru/society/16/10/2020/af0cb04b1d1733aa5a6c1588c0c16251?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (data obrashcheniya: 10.11.2021).
23. Statistika smertnosti po dannym Rosstata - URL: <https://rosinfostat.ru/smernost/#i-3> (data obrashcheniya: 17.11.2021).

УДК:343

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ПСИХИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ

Дроздов Д. Е.

ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского»

В статье исследовано понятие, признаки, сущность и цели уголовно – правового психического насилия. Оценено свойство психики реагировать на воздействие объектов внешней среды как предпосылка эффективности выбора психического насилия в качестве способа совершения преступного деяния. Обосновано авторское определение способа совершения преступлений, связанных с применением психического насилия. На основе анализа УК РФ выделены виды психического насилия. С учетом разъяснений Пленума Верховного суда РФ выделены особенности угрозы как наиболее распространенного вида психического насилия. Доказано отличие угрозы от принуждения на основе структурного построения норм УК РФ. Предложено авторское определение психического насилия, с учетом специфики способа совершения преступления, который выступает его неотъемлемым признаком.

Ключевые слова: психическое насилие, физическое насилие, способ совершения преступления, психика, воздействие, принуждение, угроза, деяние, состав преступления, факультативный признак, поведение.

Психическое и физическое насилие в уголовном праве традиционно рассматриваются как неразрывно связанные понятия, поскольку содержат психологический аспект, что не исключает их специфики. Так частью первой ст. 117 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.01.2022) (далее – УК РФ) предусмотрена уголовная ответственность за истязание, то есть причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями. Частью второй, пунктом «д» статьи установлена ответственность за истязание с применением пытки. В диспозиции нормы систематические побои или иные насильственные действия (физическое насилие) рассматриваются как способ причинения в том числе психических страданий, что подтверждает неразрывную связь двух форм насилия. Физическое насилие всегда сопровождается психическим, поскольку любое негативное воздействие на организм аналогичным образом отражается на психике. Многие, но далеко не все формы психического насилия отражаются на физиологических процессах, протекающих в организме. Физическое насилие воспринимается как наиболее опасная форма агрессивного поведения. Однако некоторые формы психического насилия обладают характеристиками более опасными. В частности, длительное лишение человека сна, воздействие светом, звуком и многое другое.

Психическое насилие является распространенным способом совершения преступления и заключается в воздействии на психику человека или группы людей для достижения определенной цели каким – либо способом. М. М. Дайшутов, В. И. Динека, М. В. Денисенко обоснованно утверждают, что целью любого насилия, в том числе и психического, является воздействие на психику потерпевшего, ее активное подавление, принуждение к совершению действий выгодных насильнику [1], тем самым определяя его сущность. Л. В. Сердюк полагает, что психическое

насилие – это внешнее со стороны других лиц умышленное, противоправное влияние на человека (или группу лиц), осуществляемое помимо или против его (их) воли, и способное нанести ей органическую, физиологическую или психическую травму и ограничить свободу его (их) воли или действий [2], считая, что анализ психики выступает основой для определения предмета и объекта психического насилия [3]. Схожее определение предлагает Л. Н. Ключенко, понимая под уголовным психическим насилием противоправное общественно опасное воздействие, на психику другого лица (или группы лиц) выраженное в способе выполнения деяния. Воздействие осуществляется помимо или против его (их) воли, с прямым умыслом и способно причинить или причиняет психический, физический или материальный вред (ущерб) [4].

Единство мнений относительно психического насилия проявляется в понимании его как воздействия на психику. В свою очередь психика рассматривается как системное свойство высокоорганизованной живой материи, состоящее в отражении субъектом объективного мира, а также в построении неотчуждаемой от него картины мира и регуляции на этой основе своего поведения и деятельности. Отражение объективного мира определяется как способность получать информацию об окружающей среде. В процессе получения информации создается субъективный образ, который является копией объектов реального мира. Полученная информация служит основой для регуляции внутренней среды организма и формирования его поведения. Одним из свойств психики выступает способность реагирования не только на изменение состояния внешней среды, но и на воздействие объектов этой среды [5]. Именно способность психики реагировать и на изменение состояния внешней среды и в большей части на воздействие отдельных ее объектов определяет эффективность психического насилия как способа совершения преступного деяния.

Деяние совершается определенным способом. Следовательно, психическое насилие выступает способом совершения преступлений, который будучи объективной характеристикой действия, проявляется в преступлениях с умышленной и неосторожной формами вины [6]. Именно в способе проявляются индивидуальные особенности и своеобразие преступного деяния. По мнению П. В. Федьшиной, под способом совершения преступления понимается качественная характеристика деяния, включающая определенную последовательность методов, приемов и движений, которые совершаются в процессе выполнения объективной стороны общественно опасного деяния и направлены на достижение преступного результата [7]. Поскольку совершение преступления – это процесс, состоящий из ряда взаимосвязанных этапов, последовательно сменяющих друг друга, то способ может включать в себя совокупность методов, приемов и движений, направленных на достижение преступной цели. О. Р. Якубович указывая на взаимосвязь способа и деяния, где последнее определяет способ совершения преступления считает, что это факультативный признак объективной стороны состава преступления, который присущий каждому преступлению независимо от формы деяния, формы вины и представляет собой образ действий, прием или систему приемов, направленных на достижение результата, совершаемых в определенном порядке [8]. В предложенном О. Р. Якубович определении содержится противоречие. С одной стороны, утверждается, что способ совершения преступления присущ каждому преступлению

независимо от формы совершения (действия или бездействия) и формы вины. С другой стороны, способ совершения преступления определяется как факультативный признак состава преступления. Оба утверждения взаимоисключают друг друга. Если исходить из условия, что способ совершения преступления является факультативным признаком, то должны существовать преступления, которые не содержат способа. Однако преступление – это общественно – опасное деяние, то есть «проявление поведения человека во вне» [9]. Не зависимо от того как понимается деяние (преступление в целом или признак объективной стороны) будучи противоправным, общественно – опасным, осознанным и добровольным поведением человека внешне проявляющемся как метод, прием, движение и (или) их совокупность, оно является способом совершения преступления. Поскольку поведение человека понимается как взаимодействие с окружающей средой, опосредованное внешней (двигательной) и внутренней (психической) активностью [10], постольку оно содержит в себе способ. Деянию, как единственному обязательному признаку объективной стороны состава преступления присущи не только способ совершения, но и время, место, что позволяет отнести их к обязательным признакам объективной стороны состава преступления. В. Н. Кудрявцев не относил эти признаки к числу факультативных, считая их признаками общественно-опасного деяния [6]. Вместе с тем отсутствие одного из этих признаков влечет отсутствие общественно – опасного деяния. В случаях применения психического насилия путем бездействия, например, демонстрации оружия или иных предметов, используемых в качестве оружия, они выступают частью способа совершения преступления, который воспринимается потерпевшим как психическое насилие. Таким образом, под способом совершения преступлений, связанных с применением психического насилия, понимается прием, действие, метод воздействия на психику, либо их совокупность, в ряде случаев совершаемые в определенной последовательности, направленные на достижение преступной цели путем подавления воли, принуждения к совершению определенных действий либо отказа от их совершения.

В конструкции правовых норм используется значительный объем терминов, характеризующих психическое насилие. Угроза; угроза убийством; угроза применения насилия; угроза насильственных действий; угроза уничтожением, повреждением или изъятием имущества; угроза распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений; угроза массового заболевания или отравление людей; угроза совершения взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека; жестокое обращение; систематическое унижение человеческого достоинства; принуждение; склонение; шантаж; оскорбление; клевета; унижение чести и достоинства и другие. Многообразие внешнего проявления предопределяет выделение их в самостоятельные виды психического насилия. Наиболее распространенным видом является угроза. Угроза состоит в воздействии на психику путем запугивания потерпевшего наступлением различных неблагоприятных последствий. К признакам угрозы относят реальность, наличность [11], что сочетается с пунктом 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2015 № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» согласно которому угроза

должна восприниматься потерпевшим реально. Должны быть основания опасаться ее осуществления. При этом для оценки реальности угрозы не имеет значения намерение виновного осуществить его немедленно или в будущем. В связи с чем под угрозой предлагается понимать вид психического насилия, представляющий собой выраженное во вне реальное намерение виновного лица о наступлении неблагоприятных последствий для потерпевшего. Угрозу необходимо отличать от принуждения. Законодатель оценивает принуждение как менее общественно – опасное нежели угрозу насилием. В диспозиции первой части статьи 240 УК РФ (Вовлечение в занятие проституцией) указывается на принуждение к занятию проституцией. Пунктом «а» части второй установлена уголовная ответственность за деяние, совершенное с применением насилия или угрозы ее применения. В первой части статьи 302 УК РФ угроза рассматривается законодателем как один из способов принуждения к даче показаний или заключения. В части второй статьи 309 УК РФ принуждение соединено с шантажом, угрозой убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества. В части первой статьи 333 УК РФ принуждение, сопряженно с насилием или с угрозой его применения. Таким образом законодатель исключает из принуждения угрозу применения насилия, убийством, уничтожением или повреждением имущества. Именно поэтому сложно согласиться с позицией А. А. Павловой и З. И. Корякиной, которые утверждают, что содержанием психического насилия является принуждение как психический фактор внешней среды [12].

Анализ обширного количества определений психического насилия позволяет выделить его признаки. По мнению А. Ю. Решетникова и Л. Н. Клоченко оно проявляется во внешней среде; выражено в конкретных осознанных актах человеческого поведения; выражается в определенных формах; может иметь непосредственный или опосредованный характер; конкретного адресата; содержит цель; выступает способом совершения преступления и вызывает определенные последствия [13]. В. В. Векленко и Е. Н. Бархатова к его признакам относят противоправность, воздействие на человека помимо или против его воли, возможность наступления определенных негативных последствий для жизни и здоровья человека, воздействие именно на психику человека, целенаправленность воздействия, умышленный характер воздействия и общественная опасность [14]. С. В. Воробьев выделяет следующие признаки: принудительное воздействие на психику человека, умышленный характер, незаконность, противоправность, причинение или угроза причинения вреда, общественная опасность [15].

Общественная опасность, противоправность, умышленный характер, наступление или возможность наступления негативных последствий, целенаправленный характер, воздействие на психику человека – эти признаки психического насилия выделяются большинством ученых. Без них психическое насилие не может рассматриваться как уголовно – правовое. Поскольку психическое насилие является воздействием на психику, постольку оно проявляется как способ совершения преступления. Следовательно, под психическим насилием понимается умышленное, целенаправленное, общественно-опасное, противоправное воздействие на психику путем приема, действия, метода или их совокупности (в ряде случаев совершенные в определенной последовательности) направленное на

подавление воли, принуждение к совершению определенных действий либо отказу от их совершения.

Список литературы:

1. Дайшутов, М.М., Динека, В.И., Денисенко, М. В. Психическое насилие в уголовном праве // Вестник Московского университета МВД России. 2019; (3). С. 77–81
2. Сердюк, Л.В. О понятии насилия в уголовном праве // Уголовно-правовая охрана личности и ее оптимизация: научно-практическая конференция, посвященная памяти профессора А. Н. Красикова. Саратовская государственная академия права, 20–21 марта 2003 г. / под ред. Б. Т. Разгильдиева; Министерство образования Российской Федерации. Саратов: Изд-во Саратовской гос. академии права, 2003. С. 325.
3. Сердюк, Л. В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. / под ред. Заслуженного деятеля науки РФ, докт. юрид. наук, профессора С. П. Щербы. Москва: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2002. С. 384.
4. Клоченко, Л. Н. Психическое насилие: вопросы уголовно-правовой регламентации и квалификации: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Клоченко Лариса Николаевна. Москва, 2019. С. 206.
5. Маклаков, А. Г. Общая психология: Учебник для вузов. Санкт Петербург: Питер, 2016. С. 583.
6. Кудрявцев, В. Н. Объективная сторона преступления. Москва, 1960. С. 244.
7. Федышина П. В. Способ совершения преступления: учебное пособие. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. С. 36.
8. Якубович О. Р. Способ совершения преступления и его уголовно – правовое значение: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Якубович Ольга Романовна. Москва, 2004. С. 36.
9. Гаухман, Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 2-е изд., перераб. и дополн. Москва: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. С. 447.
10. Шамонов, Р. М. Психология социального поведения личности: Учеб. пособие. Саратов: Издательский центр «Наука», 2009. С. 186.
11. Безверхов, А. Г., Норвартян, Ю. С. Соотношение категорий «насилие» и «угроза» в современном уголовном праве России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т. 9. Вып. 4. С. 522–534.
12. Павлова, А.А., Корякина, З. И. Психическое насилие как способ совершения преступления // Вестник СВФУ, 2014, том 11, № 6. С. 164–167.
13. Решетников, А.Ю., Клоченко, Л. Н. Психологические и правовые основы учения о психическом насилии // Вестник Российского нового университета Серия «Человек и общество». 2018. Выпуск 3. С. 100–111. DOI: 10.25586/RNU.V9276.18.04.P. 100
14. Векленко, В.В., Бархатова, Е. Н. Психическое насилие как средство совершения преступлений: проблемы квалификации // Современное право. 2013. № 7. С. 134–137.
15. Воробьев, С. В. Сравнительно-правовой анализ уголовно-правового понятия «психическое насилие» // Юристъ-Правоведъ, 2017, № 3 (82). С. 90–96.

Drozдов D. E. Concept and signs of mental violence // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 297-302.

The article explores the concept, signs, essence and goals of criminal – legal mental violence. The property of the psyche to respond to the impact of objects of the external environment is assessed as a prerequisite for the effectiveness of the choice of mental violence as a way of committing a criminal act. The author’s definition of the method of committing crimes related to the use of mental violence is substantiated. Based on the analysis of the Criminal Code of the Russian Federation, types of mental violence are identified. Taking into account the clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, the features of the threat as the most common type of mental violence are highlighted. The difference between threat and coercion is proved on the basis of the structural construction of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation. The author’s definition of mental violence is proposed, taking into account the specifics of the method of committing a crime, which is its integral feature.

Key words: mental violence, physical violence, method of committing a crime, psyche, influence, coercion, threat, act, corpus delicti, optional attribute, behavior.

Spisok literatury:

1. Daishutov, M.M., Dineka, V.I., Denisenko, M.V. (2019) Psikhicheskoe nasilie v ugovnom prave [Mental violence in criminal law] // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. (3).77-81 p.
2. Serdyuk, L.V. (2002) Nasilie: kriminologicheskoe i ugovno-pravovoe issledovanie [Violence: criminological and criminal law research] / Pod red. Zasluzhennogo deyatelya nauki RF, dokt. yurid. nauk, professora S. P. Shcherby. Moskva: OOO Izdatel'stvo «Yurlitinform». 384 p.
3. Serdyuk, L.V. (2003) O ponyatii nasiliya v ugovnom prave [On the concept of violence in criminal law] // Ugovno-pravovaya okhrana lichnosti i ee optimizatsiya: nauchno-prakticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya pamyati professora A. N. Krasikova. Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava, 20–21 marta 2003 g. / pod red. B. T. Razgil'dieva; Ministerstvo obrazovaniya Rossiiskoi Federatsii. Saratov: Izd-vo Saratovskoi gos. akademii prava. 325 p.
4. Klochenko, L.N. (2019) Psikhicheskoe nasilie: voprosy ugovno-pravovoi reglamentatsii i kvalifikatsii [Mental violence: issues of criminal law regulation and qualification]: dis. ...kand. yurid. nauk: 12.00.08 / Klochenko Larisa Nikolaevna. Moskva. 206 p.
5. Maklakov, A.G. (2016) Obshchaya psikhologiya [General psychology]: Uchebnik dlya vuzov. Sankt Peterburg: Piter. 583 p.
6. Kudryavtsev, V. N. (1960) Ob"ektivnaya storona prestupleniya [The objective side of the crime]. Moskva. 244 p.
7. Fedyshina P. V. (2016) Sposob soversheniya prestupleniya [The method of committing the crime]: uchebnoe posobie. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii yuridicheskii institut (filial) Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii. 36 p.
8. Yakubovich O. R. (2004) Sposob soversheniya prestupleniya i ego ugovno – pravovoe znachenie [The method of committing a crime and its criminal legal significance]: avtoref. dis. ...kand. yurid. nauk: 12.00.08 / Yakubovich Ol'ga Romanovna. Moskva. 36 p.
9. Gaukhan, L.D. (2003) Kvalifikatsiya prestuplenii: zakon, teoriya, praktika [Qualification of crimes: law, theory, practice]. 2-e izd., pererab. i dopoln. Moskva: AO «Tsentr YurInfoR». 447 p.
10. Shamionov, R.M. (2009) Psikhologiya sotsial'nogo povedeniya lichnosti [Psychology of social behavior of the individual]: Ucheb. posobie. Saratov: Izdatel'skii tsentr «Nauka». 186 p.
11. Bezverkhov, A. G., Norvartyan, Yu. S. (2018) Sootnoshenie kategorii «nasilie» i «ugroza» v sovremennom ugovnom prave Rossii [Correlation of the categories of «violence» and «threat» in the modern criminal law of Russia] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. T. 9. Vyp. 4. 522-534 p.
12. Pavlova, A.A., Koryakina, Z.I. (2014) Psikhicheskoe nasilie kak sposob soversheniya prestupleniya [Mental violence as a way of committing a crime] // Vestnik SVFU, tom 11, № 6.164-167 p.
13. Reshetnikov, A.Yu., Klochenko, L.N. (2018) Psikhologicheskie i pravovye osnovy ucheniya o psikhicheskom nasilii [Psychological and legal foundations of the doctrine of mental violence] // Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta Seriya «Chelovek i obshchestvo». Vypusk 3. 100-111 p. DOI: 10.25586/RNU.V9276.18.04.P. 100.
14. Veklenko, V.V., Barkhatova, E.N. (2013) Psikhicheskoe nasilie kak sredstvo soversheniya prestuplenii: problemy kvalifikatsii [Mental violence as a means of committing crimes: problems of qualification] // Sovremennoe pravo. № 7. 34-137 p.
15. Vorob'ev, S.V. (2017) Sravnitel'no-pravovoi analiz ugovno-pravovogo ponyatiya «psikhicheskoe nasilie»[Comparative legal analysis of the criminal law concept of "mental violence"] // Yurist"-Pravoved", № 3 (82). 90-96 p.

УДК 340.34.03

СУДЕБНАЯ ОШИБКА КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ: ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Ерёмина И. С.

Крымский филиал ФГБОУВО "Российский государственный университет правосудия"

В статье рассматриваются основные закономерности возникновения и преодоления судебных ошибок. Автор раскрывает отличительные признаки понятия «судебная ошибка»; определяет факторы, способствующие возникновению судебных ошибок; предложил превентивные меры для профилактики совершения судебных ошибок. В статье рассмотрен механизм зарождения судебных ошибок, который кроется в заблуждении субъекта правоприменительной деятельности (его внутреннем состоянии), которое происходит из-за безответственного отношения к служебным обязанностям или добросовестного заблуждения в силу объективных обстоятельств. Проанализированы факторы, способствующие совершению судебных ошибок, такие как: отсутствия профессиональных компетенций; предубежденность, самоуверенность и обвинительный уклон субъекта правоприменительной деятельности; казуистичность и декларативность некоторых норм права; недолжное внимание на юридическую грамотность при принятии решений при апелляционном, кассационном и надзорном производстве; неблагоприятные условия труда и др. Предложены следующие меры, направленные на профилактику совершения судебных ошибок: составление обзора судебных ошибок при анализе судебной практики; правовое воспитание и поощрение качественного труда правоприменителя; модернизация системы профессионального образования и отбора кадров для судебной системы и др. В исследовании применялись общенаучные и частнонаучные методы: диалектический, сравнительный, формально-юридический, моделирования и др.

Ключевые слова: правоприменение; судебная ошибка; субъект правоприменительной деятельности; правовое воспитание; правовая культура; законодательство, добросовестное заблуждение, эффективное правовое регулирование, качество правоприменения, профилактика.

Увеличение правоприменительной нагрузки на судей неразрывно связано с устранением и сокращением ошибок у субъектов данной деятельности. Для чего необходимо разобраться в механизме их возникновения. Изучение вопроса причин и условий, способствующих совершению судебных ошибок имеет практическое значение – позволит создать основу для их предотвращения; управлять на качественном уровне правоприменительной деятельностью судей.

Раскрытие генезиса судебных ошибок имеет ряд сложностей: во-первых, совершению каждой судебной ошибки способствуют разнохарактерные обстоятельства; во-вторых, для выяснения истоков ошибочных действий правоприменителя необходим анализ полного спектра детерминант, процессов и состояний. Так, достаточно часто судебные постановления подлежат отмене (замене) из-за незаконных или необоснованных процессуальных решений судей, по причине неправильно выполненных или не проведенных ими действий. Например, отсутствие не извещенных сторон при рассмотрении иска, неточная оценка доказательств, способствуют неправомерному разрешению дела по существу. При аналогичных обстоятельствах, несомненно, есть причинно-следственная связь между неправильным решением судьи и сделанными ранее им нарушениями.

Но это бесспорные основания для совершения судебных ошибок, которые фиксируются в документах, завершающих производство по делу. При обнаружении таких ошибок достаточно сложно объяснить, что способствовало их совершению.

Причины и условия, способствующие совершению судебных ошибок, лежат за пределами сферы правоприменительной деятельности.

Общепринятый подход по данному вопросу заключается в следующем: многие ученые-юристы являются сторонниками позиции, что судебные ошибки совершаются вследствие объективных причин. Так, интерес заслуживает мнение А.С. Грицанова, который называет «...несовершенство некоторых процессуальных институтов, пробелы и коллизии в праве, сложности в условиях труда судей...» являющимися причинами судебных ошибок [1, с. 129]. Петрухин И.Л. и Моршакова Т.Г. утверждают, что «... полученная информация в ходе судебного процесса не всегда является надежной; ограниченность сроков рассмотрения дела; индуктивный характер рассуждений создают опасность подмены истины высокой степенью вероятности...» [2, с. 260-261]. Подобная позиция является односторонней.

Мы согласны с мнением Зайцева И.М., который считает теоретически несостоятельной и вредной в практическом плане концепцию объективизации генезиса судебных ошибок [3, с. 65]. Первопричины данного феномена преимущественно заключаются в субъективных факторах: дефекты правосознания; низкий уровень правового воспитания и правовой культуры; морально-нравственные качества субъекта правоприменительной деятельности.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что механизм зарождения судебных ошибок кроется в заблуждении субъекта правоприменительной деятельности (его внутреннем состоянии, которое происходит из-за безответственного отношения к служебным обязанностям или добросовестного заблуждения в силу объективных обстоятельств. На практике достаточно редко правоприменитель добросовестно заблуждается, и, как правило, это связано с обстоятельствами от него не зависящими. Так, отсутствие необходимой информации в силу некомпетентности эксперта или оперативного работника.

Больше всего судебные ошибки совершаются по причине отсутствия профессиональных компетенций (знаний, умений и навыков). Анализ обзора судебной практики Верховного Суда РФ показывает, что достаточно часто дела направляются на дополнительное расследование по причине «юридической неосведомленности» [4].

Не каждый становится высококвалифицированным специалистом, если даже он отлично учился в вузе. Например, неразвитое логическое мышление способствует созданию нелогичных, противоречивых, непоследовательных и неубедительно аргументированных правоприменительных актов.

Еще один фактор, который влияет на совершение судебных ошибок – определенные качества и способности субъекта правоприменительной деятельности. Преимущественно нравственные качества правоприменителя влияют на равнодушное отношение к выполнению профессионального долга: формальное осуществление правоприменения; бесчувствие к человеческим судьбам; отсутствие желания разобраться в деле; подкупность; недобросовестное, некорректное составление юридических документов. А в результате – совершение судебной ошибки.

Предубежденность, самоуверенность и обвинительный уклон субъекта правоприменительной деятельности приводят к одностороннему рассмотрению материалов дела. Проверка только избранной правоприменителем версии, шаблонность в процессуальных действиях мешает установлению истины по делу. Вследствие чего вероятность совершения судебной ошибки высока.

Неопытность субъекта правоприменительной деятельности может также быть причиной судебных ошибок. Молодые специалисты не всегда в совершенстве владеют навыками грамотной оценки обстоятельств по делу; недооценивают или переоценивают значение некоторых данных; неверно выстраивают иерархию фактов, что имеет важное значение для грамотной квалификации и принятии безошибочного решения.

Вместе с тем, профессиональный опыт дает возможность оптимального выбора решения. Узкий, несформировавшийся практический кругозор молодого специалиста-правоприменителя может привести к изданию ошибочного правоприменительного акта. Кроме того, опыт правоприменения позволяет лицу выбрать оптимальный вариант решения из тех, что ему предлагает норма, учитывая практику применения в подобных ситуациях в прошлом. Таким образом, опытный правоприменитель обладает более широким практическим кругозором, по сравнению с «молодым» специалистом. Не обладающий большим опытом правоприменения сотрудник в ситуации, где у него есть выбор из нескольких возможных решений, может остановиться на нецелесообразном, издать ошибочный акт применения права.

Впрочем, опыт правоприменителей со стажем имеет свои отрицательные стороны: консервативность и стандартность в решениях; невосприимчивость к новой информации и подходам в работе.

Следует отметить, что причины, без соответствующих условий не порождают ошибочных решений. На причинно-следственные связи влияют разнообразные события и факты, совокупность которых называется – условиями.

Рассмотрим базовые условия, которые способствуют совершению судебных ошибок: казуистичность и декларативность некоторых норм права. Большое количество оговорок, исключений в нормативно-правовых актах влияют на правильность правоприменительной деятельности. Декларативные нормы препятствуют эффективному правовому регулированию; низкое качество законодательной техники: двусмысленность, неясность формулировок, обозначение одинаковыми терминами различных явлений, большое количество оценочных понятий способствуют совершению судебных ошибок; несогласованность, противоречивость федерального законодательства и субъектов Российской Федерации; коллизии в праве приводят к вынужденным ошибкам правоприменительной деятельности; слабая, недостаточная работа контролирующих органов. Несовершенство прокурорского надзора, в основе которого заложен общепредупредительный характер воздействия; недолжное внимание на юридическую грамотность при принятии решений при апелляционном, кассационными надзорном производстве; отсутствие заинтересованности в выполнении качественного правоприменения. Работа по стимулированию сотрудников за добросовестное, профессиональное исполнение служебных обязанностей осуществляется не должном уровне, что снижает качество выполненных работ; низкий уровень правового воспитания и правовой культуры правоприменителей. Отсутствие системной работы в данном направлении со стороны руководителей и наставников. Несвоевременное реагирование со стороны руководства на нарушения подчиненных; ошибки работодателя при подборе кадров на должности. Не учитываются при назначении на должность интеллектуальные и профессиональные способности; неблагоприятные условия труда: отсутствие ремонта в служебных помещениях; неравномерное распределение нагрузки; плохой морально-психологический климат в

коллективе; утомляемость и усталость сотрудников; необеспеченность необходимой литературой, нормативными источниками; отсутствие занятий по профессиональной подготовке; судебное усмотрение. Некоторая произвольность при принятии решения по делу может повлечь совершение судебных ошибок.

Все вышесказанное обуславливает необходимость поиска путей преодоления судебных ошибок. Рассмотрим наиболее важные, по нашему мнению, пути преодоления судебных ошибок. Безусловным условием результативной работы по устранению судебных ошибок является обладание о них в большом объеме аутентичной информации. Статистические данные – это один из источников достоверной информации с широким охватом явлений судебной практики. В улучшении судебной практики существенное значение отводится обобщениям, которые способствуют раскрытию причин и условий судебных ошибок.

Составление обзора судебных ошибок при анализе судебной практики существенно повлияют на качество правоприменения. При составлении таких обзоров можно включать не только собственную «базу» ошибок, но и разных правоохранительных органов. Акцент в таких обзорах следует делать на сущности ошибок, их оценки различными специалистами в области права; применяемых мерах к нарушителю. Целесообразно аккумулировать не только ошибки в правоприменении, но и положительный опыт в этой сфере.

Анкетирование и опрос как социологические методы приемлемы для выявления и изучения факторов, обуславливающих судебные ошибки. Их систематическое использование покажет распространенные виды и характер совершаемых ошибок, сотрудников их совершающих.

Полученная информация из социологических исследований коллектива существенно повлияет на выбор форм правовоспитательной работы. Мы считаем, что правовое воспитание должно заключаться в развитии таких морально-нравственных качеств сотрудника как ответственность, гуманизм, самосознание, совесть, самоконтроль, долг, уважение к другим людям [5, с. 164]. Бесспорно, что в правовом воспитании также следует развивать такие качества как уважительное отношение к праву, осознание его социальной ценности.

Наибольший результат в правовом воспитании достигается путем стремлений самого специалиста к повышению своего профессионализма, т.е. в самовоспитании. Полагаем, что заинтересованность и стремление к повышению уровня профессиональной пригодности достигается путем поощрения качественного труда правоприменителя. Мотивация специалиста на профессионально грамотную работу вызывает стремление к точному и неуклонному исполнению своих должностных обязанностей. Заинтересованность в результатах своей работы улучшает ее качество.

Добиться качественных результатов правоприменительной деятельности можно путем поощрения за достигнутые профессиональные успехи. Так, на практике применяются следующие разновидности вознаграждений: объявление благодарности; ценный подарок; премирование; повышение по службе; внеочередное получение звания и т.п. В свою очередь поощрение как разновидность реализации права должно осуществляться только в строго установленном законном порядке, основанном на принципах справедливости и целесообразности.

Значительным способом профилактики совершения судебных ошибок будет законодательное определение ее понятия. Любой участник правоприменительного

процесса должен знать, что правореализация – «нормативно-признанное явление» [6, с. 144]. Отсутствие четкого однозначного определения понятия как правоприменительной ошибки, так и судебной, в частности, способствуют противоречиям в их толковании.

Важным фактором устранения судебных ошибок является коллегиальность рассмотрения дел, которая приведет к преодолению субъективизма. Использование опыта и знаний нескольких специалистов будет способствовать полному, объективному и всестороннему рассмотрению дел по существу.

Одним из серьезных условий грамотной правоприменительной деятельности является наличие у каждого правоприменителя необходимой информации. Обеспеченность актуальными справочно-правовыми системами, научной и справочной литературой будет способствовать высокому качеству правоприменительной деятельности сотрудников. А регулярно проводимые семинары авторитетных практиков дополнительно окажут помощь в профилактике совершения судебных ошибок.

Разумный контроль и проверка правоприменительной деятельности – важное направление в сфере предупредительного воздействия на субъекта правоприменительной деятельности. Сам факт существования контроля стимулирует правоприменителя к внимательности, ответственности и добросовестности.

Проведенный анализ причин и условий, способствующих совершению судебных ошибок показывает, что одна из основных проблем – отсутствие профессионализма, достаточных знаний и умений для грамотного правоприменения. Наличие диплома, подтверждающего юридическое образование не всегда показатель высококвалифицированного специалиста.

Исходя из сказанного, представляется, что модернизирование системы профессионального образования и отбора кадров для судебной системы – важное направление в преодолении судебных ошибок. Обучение не только теоретическим знаниям, но и практическому опыту предотвращения правоприменительных ошибок позволит подготовить специалиста с критическим мышлением. Детальный разбор правоприменительных ошибок; обучение поиску новых путей их преодоления; анализ и обсуждение конкретных практических ситуаций будут способствовать формированию мыслящего, уверенного и профессионально грамотного юриста.

Престиж профессии судьи позволяет требовательнее проводить отбор претендентов. В соответствии со ст. 119 Конституции Российской Федерации: «... судьями могут быть граждане Российской Федерации, достигшие 25 лет, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее пяти лет...» [7]. Также отмечается, что федеральный закон может устанавливать дополнительные требования к данной должности. Полагаем, что включение морально-этических норм и требований на должность судьи является действенной превентивной мерой предотвращения судебных ошибок.

Значительное влияние на правоприменительную деятельность оказывает качество и совершенство законодательства, его соответствие требованиям происходящих социальных процессов. Эквивалентность действующих норм права существующим представлениям в обществе о добре и зле, справедливости, гуманизме будет способствовать должному исполнению предписаний в праве.

Существенное влияние на качество правоприменительной деятельности оказывает правильное понимание воли законодателя и одинаковое ее исполнение. В этой

связи ясность, доступность, понятность правовых норм – обязательное условие, которым должны руководствоваться государственные органы при осуществлении правотворческой деятельности.

Высокая активность правотворческой работы зачастую приводит появлению коллизий в праве, которые могут привести некоторых правоприменителей к совершению судебных ошибок. Отсутствие знаний и навыков и системного толкования норм права, недооценка и несоблюдение правил разрешения коллизий правовых норм, отсутствие адекватного механизма преодоления коллизий приводит к нарушению законности, и как следствие – совершению судебной ошибки. Как верно подчеркивает Лаврентьев А.Р. следует законодательно закрепить иерархию коллизионных норм, которая снимет ряд ошибочных решений со стороны правоприменителя [8, с. 177].

Действенным условием выявления и устранения судебных ошибок является право лица на обжалование действий должностных лиц. Обязанность государства в полном объеме обеспечить это право. Так, в уголовно-процессуальном законодательстве достаточно установления факта нарушения законности влечет отмену или изменение правоприменительного акта [9]. Принудительное исполнение обязанностей также является праввосстановительной мерой ликвидации судебной ошибки.

Заслуживают отдельного внимания в вопросах защиты прав граждан от последствий совершения судебных ошибок меры реабилитационного характера. Институт реабилитации призван устранить судебные ошибки, восстановить нарушенные права и возратить доброе имя гражданина и причиненный ему ущерб. Конституция Российской Федерации в ст. 53 закрепляет право каждого «... на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц» [7]. Данное конституционное положение нашло свое отражение в уголовно-процессуальном кодексе, где возложена обязанность суда принять меры к возмещению вреда, причиненного незаконными действиями [9]. Праввосстановительные мероприятия включают в себя: возмещение материальных благ; отмена ошибочных запретов или ограничений; восстановление на работе; возмещение морального вреда и т.п. Кроме того, к лицу, вынесшему ошибочный правоприменительный акт могут быть применены меры юридической ответственности [10, с. 87].

Все вышесказанное обуславливает необходимость дальнейшей работы по научно-практической разработке законодательного закрепления правоприменительной (в том числе судебной) ошибки. Рассмотренные причины и условия, способствующие совершению судебных ошибок, позволяют усовершенствовать мероприятия по их профилактике. Предложенные пути преодоления судебных ошибок носят дискуссионный характер, что показывает важность и значимость рассматриваемого вопроса.

Список литературы:

1. Грицанов А.С. Кассационное производство в советском гражданском процессе. Томск, 1980. 259 с.
2. Право и социология. М., 1973. 325 с.
3. Зайцев И.М Теоретические вопросы устранения судебных ошибок в гражданском процессе. Дис... д-ра юрид. наук. Саратов, 1986. 364 с.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4, 2019. Утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019. Документ опубликован не был.
5. Ерёмкина И.С. Педагогическое управление становлением гражданственности будущих специалистов в образовательной системе вуза. Дис... д-ра пед. наук. Благовещенск, 2015. 366 с.

6. Лашков А.С. Правотворческие ошибки. Проблемы теории и практики. Дис ... канд. юрид. наук. СПб, 1999. 154 с.
7. Конституция Российской Федерации (с изм.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 15. Ст. 1691.
8. Лаврентьев А.Р. Коллизии института юридической ответственности в России. Дис... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. 155 с.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921
10. Мурсалимов К.Р. Правоприменительные ошибки: проблемы теории. Дис... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. 182 с.

Eremina I.S. Judicial error as a socio-legal phenomenon: ways to overcome // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 303-309.

The article discusses the main patterns of occurrence and overcoming of judicial errors. The author reveals the distinctive features of the concept of "judicial error"; identifies factors contributing to the occurrence of miscarriages of justice; proposed preventive measures to prevent miscarriages of justice. The article discusses the mechanism of the origin of judicial errors, which lies in the delusion of the subject of law enforcement activity (his internal state), which occurs due to an irresponsible attitude to official duties or a conscientious delusion due to objective circumstances. The factors contributing to the commission of judicial errors are analyzed, such as: lack of professional competencies; prejudice, self-confidence and accusatory bias of the subject of law enforcement; casuistry and declarativeness of some norms of law; inadequate attention to legal literacy when making decisions in appeal, cassation and supervisory proceedings; unfavorable working conditions, etc. The following measures are proposed to prevent miscarriages of justice: compiling a review of miscarriages of justice in the analysis of judicial practice; legal education and encouragement of high-quality work of the law enforcement officer; modernization of the vocational education system and selection of personnel for the judicial system, etc. The study used general scientific and specific scientific methods: dialectical, comparative, formal legal, modeling, etc.

Key words: law enforcement; judgement mistake; subject of law enforcement; legal education; legal culture; legislation, good faith delusion, effective legal regulation, quality of law enforcement, prevention.

Spisok literatury:

1. Gricanov A.C. Kassacionnoe proizvodstvo v sovetskom grazhdanskom processe. Tomsk, 1980. 259 s.
2. Pravo i sociologiya. M., 1973. 325 s.
3. Zajcev I.M. Teoreticheskie voprosy ustraneniya sudebnyh oshibok v grazhdanskom processe. Dis... d-ra jurid. nauk. Saratov, 1986. 364 s.
4. Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii № 4, 2019. Utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 25.12.2019. Dokument opublikovan ne byl.
5. Eryomina I.S. Pedagogicheskoe upravlenie stanovleniem grazhdanstvennosti budushchih specialistov v obrazovatel'noj sisteme vuza. Dis... d-ra ped. nauk. Blagoveshchensk, 2015. 366 s.
6. Lashkov A.C. Pravotvorcheskie oshibki. Problemy teorii i praktiki. Dis ... kand. jurid. nauk. SPb, 1999. 154 s.
7. Konstituciya Rossijskoj Federacii (s izm.) // Sbranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2014. № 15. St. 1691.
8. Lavrent'ev A.R. Kollizii instituta yuridicheskoy otvetstvennosti v Ros-sii. Dis... kand. jurid. nauk. N. Novgorod, 1999. 155 s.
9. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18 dekabrya 2001 g. N 174-FZ // Sbranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2001. № 52 (chast' I). St. 4921
10. Mursalimov K.R. Pravoprimenitel'nye oshibki: problemy teorii. Dis... kand. jurid. nauk. N. Novgorod, 2000. 182 s.

УДК 343.01

ПРИЗНАНИЕ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОЕ ДЕЯНИЕ, НЕВМЕНЯЕМЫМ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Кондрашов А. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Актуальность данной статьи определяется несколькими аспектами. 1) На современном этапе развития Российской Федерации достаточно остро стоит проблема рассмотрения судами уголовных дел, возбуждённых в отношении лиц, совершивших преступления в состоянии невменяемости. Во многом это обусловлено сложностью в установлении истины, то есть реально ли у таких лиц в момент совершения общественно опасного деяния отсутствовала возможность руководить собственными действиями, ведь уровень неудовлетворительного психического состояния людей может находиться как в острой фазе, так и в фазе ремиссии, что вызывает трудности у экспертов. 2) Данный аспект затрагивает справедливость установления мер принудительного медицинского характера или назначения уголовного наказания в рамках вынесения соответствующего приговора, относительно лиц, находящихся в пограничном состоянии между вменяемостью и невменяемостью.

Ключевые слова: вменяемость; невменяемость; ограниченная вменяемость; лицо, совершившее общественно опасное деяние; подозреваемый; обвиняемый; преступление; констатация факта невменяемости.

Понятие невменяемости появилось в теории уголовного права относительно недавно. Рассматривая римское право, надо сказать, что понятие вменяемости полностью совпадало с понятием гражданской дееспособности, другими словами способности своими действиями приобретать и осуществлять права и обязанности. Не было закреплено оно и в праве Средневековья. Первые попытки не только упомянуть термин невменяемости, но и установить общие условия признания лица, совершившего преступление, невменяемым были осуществлены лишь в конце XIX в. [8].

Субъектом преступления может быть не всякое физическое лицо, а лишь лицо вменяемое. Лицо, находящееся в состоянии невменяемости, не является субъектом преступления и не подлежит уголовной ответственности. Вменяемость является обязательным признаком субъекта, т.к. преступления являются осознанными актами поведения, совершаемыми под контролем сознания и воли. Вменяемым признается лицо, у которого психическая деятельность не нарушена, и он способен осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействий) и руководить ими. При этом адекватно воспринимать оценивать сущность, смысл, назначение принимаемых мер наказания могут лишь психически полноценные.

Таким образом, вменяемость – это такое психическое состояние лица, которое заключается в его способности отдавать отчет в своих деяниях, руководить своим поведением во время совершения преступления и нести в связи с этим уголовную ответственность и наказание. Институт вменяемости имеет широкий спектр распространения во всех странах мира. В России термин «вменяемость» не закреплен на законодательном уровне, регламентацию получил лишь антипод этого понятия «невменяемость», а именно состояние лица, при котором оно не в состоянии осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими вследствие психического заболевания или иного болезненного состояния психики. Этому состоянию посвящена ст. 21 УК РФ, где обозначено, что лицо

не подлежит уголовной ответственности, если во время совершения преступления оно не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своего деяния. К такому лицу суд может применить принудительные меры медицинского характера [1]. Необходимо отметить, что в настоящее время уголовно-процессуальное законодательство обязует следователя при возникновении сомнения во вменяемости подозреваемого, обвиняемого в рамках досудебного производства назначить судебно-медицинскую экспертизу в отношении этих лиц [2].

Как правило судебно-медицинская экспертиза назначается в амбулаторных условиях, что позволяет следователю оперативно получить заключение эксперта, но как показывает практическая деятельность некоторые лица, в отношении которых возбуждено уголовное дело умышленно пытаются ввести в заблуждение эксперта, не позволяя при этом выяснить истину в отношении имеющегося у него психического заболевания или расстройства, или его отсутствие. В таком случае эксперт вынужден перевести подозреваемого, обвиняемого в стационар для более длительного и тщательного изучения состояния его психических качеств, что приводит к продлению сроков производства по уголовному делу [7].

В настоящее время возможно признать лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело невменяемым только на основании двух критериев: медицинский критерий: установление на основании судебно-медицинской экспертизы наличия у лица, совершившего общественно опасное деяние психического расстройства (патологии), при этом установление медицинского критерия является прерогативой эксперта-психиатра, обладающего специальными знаниями и умениями в данной области. Эксперт не вправе выносить заключение о невменяемости лица, совершившего преступление, в заключении он вправе указать только на наличие психического заболевания. Правомочие признания лица невменяемым относится к исключительной компетенции суда и органов следствия, при этом заключение эксперта не должно иметь для суда заранее установленной силы и подлежит всесторонней и объективной оценке наряду с иными доказательствами; юридический критерий: определяется судом, когда тот даёт оценку лицу, совершившему общественно-опасное деяние, как не способному осознавать характер своих действий и руководить ими. Данный критерий состоит в отсутствии у лица способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или бездействия (интеллектуальный признак) и руководить ими (волевой признак). Юридический критерий невменяемости заключается в отсутствии у лица способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) – это интеллектуальный момент, либо руководить своими поступками – волевой момент. Содержание интеллектуального момента свидетельствует о том, что лицо не понимает опасности своего поведения для общества. Это качество психики означает отсутствие у лица способности понимать, как физическую сторону совершаемого деяния, так и его социальный смысл. Непонимание лицом содержания фактической стороны своего действия или бездействия обычно означает непонимание им причинной связи между совершенным деянием и наступившими последствиями. Однако главное в содержании интеллектуального признака заключается в непонимании лицом социального смысла своего деяния, т. е. в отсутствии понимания его общественно опасного характера. Состояние вменяемости и невменяемости имеет и промежуточное звено, здесь следует взять во внимание ст. 22 УК РФ «Уголовная ответ-

ственность лиц с психическими расстройствами, не исключающем вменяемости», регламентирующее положение о том, что вменяемое лицо, которое в момент совершения преступления в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своего деяния подлежит уголовной ответственности [1].

В этом случае суд должен учитывать психическое расстройство лица при назначении наказания и может служить основанием для применения к нему мер медицинского характера. Представляется, что в обществе наличествует потребность в более детальной регламентации юридических и медицинских критериев относительно использования норм «ограниченной вменяемости». Помимо этого, существует и такая проблема относительно института ограниченной вменяемости в российском уголовном праве, как отсутствие окончательного решения вопроса о том, в качестве какого обстоятельства должно учитываться психическое расстройство, не исключающее вменяемости, при назначении судом уголовного наказания. В качестве отягчающего или смягчающего? Как показывает судебная практика в отношении лиц, имеющих «психические аномалии», но не получившие экспертами заключение о невозможности осознавать фактический характер и общественную опасность своего деяния, суды устанавливают смягчающее вину обстоятельство, в связи с чем в научном правовом поле возникла определенная дискуссия и до сих пор этот вопрос является открытым для обсуждения. Одни ученые считают такой подход целесообразным, другие же, например, Н.С. Таганцева высказывается, что не всегда психическое расстройство, ограничивающее вменяемость, в частности при имени им особо жесткого либо дерзкого характера совершенного преступления, должно быть признано судом как обстоятельство, смягчающее наказание [3, с. 11].

В рамках нашего исследования считаем целесообразным предложить путь решения такой проблемы, в частности, необходимо не только детализировать критерии признания лица ограниченно вменяемым, но важно в отношении таких лиц проводить тщательную судебно-медицинскую экспертизу, в которой будет задействовано несколько экспертов-психиатров. Также считается возможным полностью исключить уголовную ответственность таких лиц в силу имеющегося у них отклонения, поскольку к числу «психических аномалий» возможно применение и патологий, связанных с полученной черепно-мозговой травмой, что уже позволяет сказать о невозможности лица осознавать характер своих действий и их последствия.

Следует упомянуть и о проблемах экспертов при проведении судебно-медицинской экспертизы, касающихся установления как самого психического расстройства, исключающего вменяемость, так и установление временного критерия, т.е. реально ли лицо в момент совершения преступления не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своего деяния. Здесь основополагающим значением является тот факт, что любое заболевание может находиться как в фазе ремиссии, так и в фазе обострения и поэтому на эксперте лежит ответственность установления истины в отношении такого лица.

Отмечая понятие невменяемости, надо сказать, что в российском уголовном праве существует и такой термин, как невменяемость в силу возраста. Уголовной ответственности подлежит лицо, которое в момент совершения преступного деяния достигло возраста шестнадцати лет, но из данного правила есть исключения, так, например, за некоторые составы преступлений, предусмотренные ст. Особенной

части УК РФ, лицо, достигшее возраста 14 лет, подлежит уголовной ответственности. Но в УК РФ существуют и такие составы преступлений, при которых возможно совершить общественно опасное деяние только имея особый социальный статус, например, преступления в области избирательного права и процесса, а также преступления в сфере правосудия, поскольку исходя из отдельных ФЗ мы знаем, что общий возраст для судей составляет 25 лет, а возраст, который позволяет быть членом избирательной комиссии составляет 18 лет [1]. Поскольку одним из источников уголовного права в России являются общепризнанные принципы и нормы международного права, следует обратить внимание на такой документ, имеющий международный характер, как «Пекинские правила», они были приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи от 29.11.1985 г. В данных правилах изложено положение о том, что нижний предел возраста привлечения к уголовной ответственности не должен устанавливаться на слишком низком возрастном уровне, учитывая при этом психологический и интеллектуальный аспект. Исходя из этого государства и устанавливают минимальный возраст уголовной ответственности и возраст 14 лет для отдельных составов преступления в РФ установлен с учетом того, что в данном возрасте лицо уже осознает фактический характер своих противоправных действий (бездействий), посягая на половую неприкосновенность, общественный порядок, безопасность и право собственности. Но несмотря на это некоторые несовершеннолетние, достигшие минимального возраста привлечения к уголовной ответственности в связи с психическим отставанием в развитии, не связанным с психическим расстройством, не способны осознавать общественную опасность своего деяния [6].

Возрастная невменяемость устанавливается на основе 3-х критериев: 1) медицинский критерий – отставание в психическом развитии несовершеннолетнего; 2) юридический критерий – несовершеннолетнее лицо не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействий) либо руководить ими; 3) временной критерий – указывающий на то, что два вышеперечисленных критерия повлияли непосредственно на поведение подростка [4, с. 5].

Таким образом, установление на основе трех критериев возрастной невменяемости освобождает несовершеннолетнее лицо от уголовной ответственности и наказания, но считаем целесообразным предложить законодателю в обязательном порядке и на основании решения суда помещать таких лиц в воспитательные учреждения закрытого типа, поскольку если уже в подростковом возрасте у лица существуют такие наклонности, то большая вероятность того, что если не принять меры к такому лицу в виде частной превенции, то в будущем он может стать злостным преступником или даже рецидивистом.

Исходя из вышесказанного, стоит отметить, что признание лица, совершившего общественно опасное деяние невменяемым, относится к явлению, которое появилось не так давно. В период с 1998 г. по настоящее время наблюдается рост психически неполноценных правонарушителей, а в отношении рецидивной преступности лиц, имеющих различные дефекты психики, прогнозируется ее дальнейший рост в будущем. Отмечается также, что данные о распространенности расстройств психической деятельности среди всех преступников по данным различных исследователей различны и колеблются от 20% до 50-60% [5, с. 121–123].

Таким образом, институты невменяемости и ограниченной вменяемости несмотря на их широкий спектр распространения имеют определенные несовершенства,

что обуславливает необходимость их дальнейшей детальной регламентации на федеральном законодательном уровне.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ.
3. Сарбаев А. А. Проблемы ограниченной вменяемости в уголовном праве [Электронный ресурс] // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=7882>
4. Невменяемость [Электронный ресурс]. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/400317>
5. Тугушев Р. Р. Невменяемость: уголовно-правовое значение и проблемы отграничения от вменяемости и ограниченной вменяемости [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – URL: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/nevmenjaemost-ugolovno-pravovoe-znachenie-i-problemy-otgranichenija-ot-vmenjaemosti-i.html>
6. Сарбаев А. А. Проблемы ограниченной вменяемости в уголовном праве [Электронный ресурс] // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=7882>
7. Долгова С. В. Проблемы установления невменяемости лица, совершившего общественно опасное деяние [Электронный ресурс] // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2007. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ustanovleniya-nevmenyaemosti-litsa-sovershivshego-obschestvenno-opasnoe-deyanie>
8. Родинов А. С. Понятие невменяемости по Уголовному кодексу РФ [Электронный ресурс] // Вестник Челябинского государственного университета. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-nevmenyaemosti-po-ugolovnomu-kodeksu-rossijskoy-federatsii>.

Kondrashov A. V. Recognition of a person who has committed a socially dangerous act as insane: theory and practice // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 310-314.

The relevance of this article is determined by several aspects. Firstly, at the present stage of development of the Russian Federation there is a rather acute problem of consideration by the courts of criminal cases initiated against persons who committed crimes in a state of insanity. This is largely due to the difficulty in establishing the truth, i.e. whether such persons at the time of committing a socially dangerous act really had no possibility to direct their own actions, because the level of unsatisfactory mental state of people may be both in the acute phase and in the remission phase, which causes difficulties for experts conducting forensic examination. Secondly, this aspect affects the fairness of establishing measures of compulsory medical nature or assignment of criminal punishment in the framework of the relevant sentence, concerning individuals who are in the borderline state between sanity and insanity.

Key words: sanity; insanity; limited sanity; the person who has committed socially dangerous acts; the suspect; the accused; the crime; the statement of the fact of insanity.

Spisok literatury:

1. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii: federal'nyj zakon ot 13.06.1996 g. № 63-FZ.
2. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: federal'nyj zakon ot 18.12.2001 g. № 174-FZ.
3. Sarbaev A. A. Problemy ogranichennoj vmenyaemosti v ugolovnom prave [Elektronnyj resurs] // Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij. – URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=7882>
4. Nevmenyaemost' [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/400317>
5. Tugushev R. R. Nevmenyaemost': ugolovno-pravovoe znachenie i problemy ogranicheniya ot vmenyaemosti i ogranichennoj vmenyaemosti [Elektronnyj resurs]: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – URL: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/nevmenjaemost-ugolovno-pravovoe-znachenie-i-problemy-otgranichenija-ot-vmenjaemosti-i.html>
6. Sarbaev A. A. Problemy ogranichennoj vmenyaemosti v ugolovnom prave [Elektronnyj resurs] // Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij. – URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=7882>
7. Dolgova S. V. Problemy ustanovleniya nevmenyaemosti lica, sovershivshego obshchestvenno opasnoe deyanie [Elektronnyj resurs] // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2007. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ustanovleniya-nevmenyaemosti-litsa-sovershivshego-obschestvenno-opasnoe-deyanie>
8. Rodinov A. S. Ponyatie nevmenyaemosti po Ugolovnomu kodeksu RF [Elektronnyj resurs] // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-nevmenyaemosti-po-ugolovnomu-kodeksu-rossijskoy-federatsii>.

УДК 342.9

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА В ПУБЛИЧНОМ УПРАВЛЕНИИ

Костылев В. В.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье на основе анализа действующего законодательства России о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле, новелл нормативных актов (2020-2021 гг.), практики их применения выявлены основные тенденции развития этого вектора политики государства, дана их правовая оценка.

В частности, констатируется, что Президент Российской Федерации, представительные и исполнительные органы власти страны проделали значительную работу по урегулированию функций контроля и надзора в соответствии с целями и принципами организации демократического, правового, социального государства, экономики рыночного типа, обеспечения баланса частных и публичных интересов. Несмотря на это, кардинальные изменения социально-экономического уклада жизни в России актуализировали поиск новых моделей административно-правового статуса должностных лиц органов контроля и надзора. Этот статус, в значительной мере обусловленный статусом органа публичного управления, выполняемыми им функциями, в настоящее время трансформировался в результате сосредоточения в компетенции федеральных органов исполнительной власти разноплановых в функциональном отношении властных полномочий – нормотворческих, контрольно-надзорных, юрисдикционных и пр. Отмечено характерное наличие такого же широкого спектра полномочий для государственных инспекций советского и постсоветского периодов, неоднозначность оценки в литературе результатов распределения управленческих функций между федеральными органами исполнительной власти в соответствии с их компетенцией.

С учетом результатов анализа практики соотношения их нормотворческих и правоприменительных полномочий, сложившихся по этому поводу суждений, выявлены отдельные организационно-правовые проблемы реализации контрольно-надзорной функции в публичном управлении. Предложенные пути их решения могут представить интерес при дальнейшем реформировании законодательства России о контроле и надзоре.

Ключевые слова: государственный контроль (надзор), муниципальный контроль, административное принуждение.

Статус демократического, правового [1, ст. 1], социального [1, ст. 7], государства, который закреплен в Конституции России, требует неуклонного соблюдения прав и свобод человека. Действенными средствами обеспечения режима законности и дисциплины в публичном управлении выступают контроль и надзор, которые охватывают все отрасли экономического, социально-культурного строительства, административно-политической деятельности государства.

Становление и развитие в России рыночной экономики, новых форм собственности и хозяйствования объективно обусловили необходимость переосмысления роли контроля и надзора в обеспечении режима законности, объемов реализации государством своих контрольно-надзорных функций, поиска новых форм и методов деятельности уполномоченных органов публичной власти, их должностных лиц.

Важность реформирования контроля и надзора неоднократно отмечал Президент России в своих ежегодных посланиях к Федеральному собранию РФ [2-6]. Таким образом, модернизация контроля и надзора стала, по сути, самостоятельным направлением административно-правовой политики, проводимой Президентом и Правительством РФ в рамках административной и судебной реформ.

Отправным нормативным актом, регулирующим отношения государственного контроля и надзора, являлся Федеральный закон от 08.08.2001 № 134-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» [7], который с 1.05.2009 утратил законную силу в связи с принятием Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». [8] До 31.12.2024 включительно положения закона № 294-ФЗ применяются в соответствии с особенностями, установленными в его ст. 26.3.

Наряду с этими законами, которые стали своеобразным результатом проводимой реформы, на разных ее этапах принимались многочисленные подзаконные нормативные акты, направленные на урегулирование государством реализации своих контрольно-надзорных функций. Так, например, Указом Президента РФ от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» [9] было определено понятие функций по контролю и надзору, в качестве федерального органа их осуществляющих в конкретной сфере определена федеральная служба, а сами эти функции отграничены от иных направлений деятельности органов публичной власти – по принятию нормативных правовых актов, по управлению государственным имуществом и по оказанию государственных услуг. Конкретные направления преобразований контроля и надзора были определены в указах Президента РФ, касающихся проведения административной реформы [10], распоряжениях Правительства РФ о ее концепции в 2006-2010 гг. [11], концепции снижения административных барьеров и повышения доступности государственных и муниципальных услуг на 2011-2013 годах [12]. По времени принятия этих правовых актов в литературе проводится периодизация (определяются этапы) административной реформы в РФ [13, с. 24-25].

Оценивая современное состояние правового регулирования контроля и надзора, отметим, что актуальные направления дальнейших преобразований в этой сфере определены в ряде распоряжений Правительства РФ [14] и в Паспорте приоритетной программы «Реформа контрольной и надзорной деятельности» [15]. Ее целями к концу 2025 года являются: 1) снижение уровня ущерба охраняемым законом ценностям на 50%; 2) снижение уровня материального ущерба по контролируемым видам рисков на 30%; 3) снижение при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля административной нагрузки на организации и граждан, осуществляющих предпринимательскую и иные виды деятельности, не менее чем на 50%; 4) рост индекса качества администрирования контрольно-надзорных функций, включая оптимизацию использования трудовых, материальных и финансовых ресурсов, используемых при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля, в 2 раза.

Результатом достижения этих целей стало утверждение Постановлениями Правительства России Правил составления и направления предостережения о недопустимости нарушения обязательных требований и требований, установленных муниципальными правовыми актами, подачи юридическим лицом, индивидуальным предпринимателем возражений на такое предостережение и их рассмотрения, уведомления об исполнении такого предостережения [16], Правил отнесения деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей и (или) используе-

мых ими производственных объектов к определенной категории риска или определенному классу (категории) опасности [17], принятие в июле 2020 г. Федеральных законов «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» [18] и «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [19], который пришел на смену Федеральному закону от 26.12.2008 № 294-ФЗ [8].

Таким образом, Президент РФ, представительные и исполнительные органы власти страны проделали значительную работу по урегулированию функций контроля и надзора в соответствии с целями и принципами организации демократического, правового, социального государства, экономики рыночного типа, обеспечения баланса частных и публичных интересов. Однако, анализ действующего законодательства, практики его применения свидетельствует о наличии ряда не до конца разрешенных проблем как общетеоретического, так и организационно-правового характера, негативно сказывающихся на качестве работы системы контроля и надзора в публичном управлении. Административно-правовой статус контрольно-надзорных органов, их структура, функции и полномочия, формы, методы и механизмы их осуществления требуют комплексного научного осмысления и дальнейшего совершенствования для эффективного обеспечения режима законности в новых экономических, политических и правовых реалиях современного развития российского государства и общества.

Кардинальные изменения социально-экономического уклада жизни в России, его регулирования в Конституции РФ актуализировали поиск новых моделей административно-правового статуса должностных лиц органов контроля и надзора. Не случайным является интерес к этой проблематике современных ученых, которые в своих диссертационных исследованиях [20-25], отдельных научных публикациях [26] с позиций отраслевой принадлежности, поставленных целей, реализуемых для их достижения функций, по-разному попытались в качестве элементов этого статуса определить структуру и объём полномочий, ответственность их работников. Отмечая общую согласованность их суждений с концепцией административно-правового статуса, включающей целевой, компетенционный, организационный блоки и блок ответственности [27; 28, с. 926], представляется актуальным детальное исследование и оценка статуса контрольно-надзорных органов (их должностных лиц) с учетом, с одной стороны, действующего законодательства России в сфере контроля и надзора [19], с другой – сложившейся практики правоприменения.

Анализируя особенности этого правового статуса, отметим, что в значительной степени он обусловлен статусом органа публичного управления, выполняемыми им функциями и характером его компетенции. Следовательно, говоря о статусе конкретного инспектора, важно определить функции, специализацию и объем компетенции соответствующего контрольно-надзорного органа, его место в системе органов исполнительной власти, публичного управления.

Распределение функций между федеральными органами исполнительной власти осуществляется на основании Указа Президента РФ от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» [9]. Согласно его положениям функции по контролю и надзору реализуют только федеральные службы [9, п/п «а» п. 4], которые в пределах своей компетенции издают индивидуальные правовые акты [9, п/п «б» п. 4] и не вправе осуществлять нормативно-правовое регули-

рование, кроме случаев, устанавливаемых указами Президента Российской Федерации или постановлениями Правительства Российской Федерации, управлять государственным имуществом, оказывать платные услуги [9, п/п «в» п. 4]. Федеральные министерства [9, п/п «в» п. 3] и агентства [9, п/п «а» п. 5, п «г» п. 5] не могут осуществлять функции по контролю и надзору за исключением случаев, предусмотренных в указах Президента РФ или постановлениях Правительства РФ

Реалии современного государственного управления свидетельствуют о значительной трансформации этой модели. Так, например, Федеральное агентство лесного хозяйства, находясь в ведении Министерства природных ресурсов и экологии РФ, выполняет функции по контролю и надзору в области лесных отношений (за исключением лесов, расположенных на особо охраняемых природных территориях) [29, пп. 1,2 разд. I], наделено для этого правом применять меры ограничительного, предупредительного и профилактического характера, направленные на недопущение нарушений, осуществлять в пределах своей компетенции производство по делам об административных правонарушениях [29, пп. 6.10, 6.11 п. 6 разд. II]. Одновременно на Агентство возложены полномочия, фактически связанные с эксплуатацией природных ресурсов, например, по установлению возрастов рубок [29, пп. 5.4.1 п. 5 разд. II], государственному мониторингу воспроизводства лесов [29 пп. 5.4.32 п. 5 разд. II], принятию решений об отнесении лесов к защитным лесам и пр. [29, пп. 5.4.4 п. 5 разд. II].

В свою очередь Федеральная служба по надзору в сфере природопользования, находясь в ведении Министерства природных ресурсов и экологии России, осуществляя значительный объем контрольных полномочий [30, п. 5.1 разд. II], выполняет функции, например, государственного регулирования в области охраны озера Байкал [30, п/п. 5.2.2 разд. II], выдает в установленном порядке разрешения на использование объектов животного и растительного мира, занесенных в Красную книгу Российской Федерации, а также находящихся на особо охраняемых природных территориях федерального значения [30, п/п. 5.3.1 разд. II], выбросы и сбросы загрязняющих веществ в окружающую среду (за исключением радиоактивных веществ), вредные физические воздействия на атмосферный воздух [30, п/п. 5.3.15 разд. II], осуществляет комплексное экологическое разрешение [30, п/п. 5.5(17) разд. II] и т.д. Кроме того, служба, которая не вправе осуществлять нормативно-правовое регулирование, за исключением случаев, устанавливаемых законодательством России, указами Президента РФ и постановлениями Правительства РФ [30 п. 7 разд. II], самостоятельно утверждает нормативы образования отходов и лимиты на их размещение применительно к хозяйственной и (или) иной деятельности индивидуальных предпринимателей, юридических лиц (за исключением субъектов малого и среднего предпринимательства), в процессе которой образуются отходы на объектах, подлежащих федеральному государственному экологическому надзору [30, п/п. 5.5(9) п.5 разд. II].

Таким образом, в компетенции разноплановых в функциональном отношении федеральных органов исполнительной власти оказался сосредоточен значительный объем властных полномочий – нормотворческих, контрольно-надзорных, юрисдикционных и пр., что, по мнению ряда специалистов, превратилось в тенденцию [31] современного управления. Однако, отметим, что такой же широкий спектр полномочий был характерен для государственных инспекций советского и постсоветского

периодов [32, с. 108; 33, с. 9-10].

В литературе неоднозначно оцениваются результаты распределения управленческих функций между федеральными органами исполнительной власти в соответствии с их компетенцией. С одной стороны, подвергается сомнению целесообразность ограничения нормотворчества федеральных служб и агентств [34], с другой – подчеркивается невозможность установления их должностными лицами общеобязательных норм [33, с. 17], «...регулирующих деятельность объектов контроля (надзора)...» [35, с. 75-77], объединения контрольно-надзорных и эксплуатационных функций в рамках компетенции одного органа исполнительной власти [32].

С учетом результатов анализа практики соотношения их нормотворческих и правоприменительных полномочий, сложившихся в специальной литературе суждений [26; 35; 36], следует выделить ряд проблем, связанных с реализацией должностными лицами этих органов контрольно-надзорной функции и своего административно-правового статуса: 1) объективно сложным представляется разъединение этих направлений деятельности. Отмеченные в литературе их взаимосвязь и переплетение, объединение в сложные комплексы [37, с. 241], осуществление в рамках правовых режимов [38, с. 232-235; 39, с. 68-72; 40, с. 379-382], обусловлены тем, что в ходе контрольно-надзорных мероприятий оценивается не только состояние законности, но и эффективность правового регулирования в конкретной сфере. Поэтому «чрезмерное обособление контрольных и регуляторных функций может негативно сказаться на указанной эффективности» [35, с. 74]; 2) накапливая опыт правоприменения, должностные лица контрольно-надзорных органов, будучи узкопрофильными специалистами, сталкиваются с реальными его проблемами, в т.ч. такими, которые требуют разрешения (иногда безотлагательного) в нормативных актах. Их принятие уполномоченными субъектами исполнительной власти (Правительством РФ, соответствующими федеральными министрами) связано, с одной стороны – с соблюдением установленного порядка подготовки, государственной регистрации [41], с другой – приоритетным осуществлением функции по выработке государственной политики, а не правоприменения в конкретной сфере управления. Эти факторы могут негативно сказаться на динамике и качестве правового регулирования; 3) в силу своей специализации, наличия соответствующих компетенций, глубокого знания особенностей функционирования подконтрольных объектов должностные лица контрольно-надзорных органов являются участниками подготовки проектов общеобязательных требований. Думается, что такая практика в условиях экономики рыночного типа, наличия многочисленных ее участников (в т.ч. юридических лиц разных форм собственности и ведомственной принадлежности, физических лиц – частных предпринимателей) может способствовать субъективной заинтересованности инспекторов, например, в завышении соответствующих показателей (индикаторов). Это, с одной стороны, повсеместно объясняется важностью защиты режима законности, с другой – может быть связано со служебным (обеспечение высокой оценки результативности и эффективности собственной деятельности [19, ст. 30]) либо коррупционным интересом.

Контролирующие органы не должны иметь отношение к разработке и, тем более, к принятию общеобязательных требований, за соблюдением которых впоследствии будут осуществлять контроль [33, с. 17; 35, с. 74-75]; 4) быстрота реакции на нарушение общеобязательных требований, скорейшее привлечение виновных к ответ-

ственности, восстановление нарушенных прав являются, по сути, главным доводом для объединения в компетенции инспекторов полномочий по самостоятельному составлению протоколов об административных правонарушениях, проведению административного расследования [42, ст. 28.3, 28.7; 43] и рассмотрению дел об этих проступках, по существу. Представляется, что законность результатов рассмотрения дел этих категорий, объективность, всесторонность и обоснованность такого рассмотрения должны обеспечиваться органами судебной власти; 5) достижению этой цели способствовала бы систематизация административно-процессуальных норм, которые регулируют административное и судебное рассмотрение дел о нарушении общеобязательных требованиях и об административных проступках [44]. Закрепление этих норм в действующих ныне КАС РФ, АПК РФ и КоАП РФ «...оказывает различное регулирующее воздействие на административное правосудие» [13, с. 271]. Контрольно-надзорная деятельность, таким образом, требует особого внимания законодателя [33, с. 15] и не должна регулироваться на ведомственном уровне [35, с. 74-75]; 6) повышение эффективности контрольно-надзорной деятельности органов (должностных лиц) публичной власти прямо зависит от переосмысления законодателем особенностей существования государства, общества и управления в цифровую эпоху. Решение государством непростых задач по сохранению режима законности, гарантирование и обеспечение реализации прав и свобод граждан, социальной и государственной безопасности в новых условиях будет связано с цифровизацией контроля (надзора) [45, с. 274].

Таким образом, предложенные пути решения обозначенных проблем могут представить интерес при реформировании законодательства России о контроле и надзоре.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принятой всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020);
2. Послание Президента Федеральному Собранию. 4 декабря 2014 года // URL: kremlin.ru/d/47173 (дата обращения 02.03.22).
3. Послание Президента Федеральному Собранию 3 декабря 2015 года // URL: kremlin.ru/d/50864 (дата обращения 02.03.22).
4. Послание Президента Федеральному Собранию. 1 декабря 2016 года // URL: kremlin.ru/d/53379 (дата обращения 02.03.22).
5. Послание Президента Федеральному Собранию. 1 марта 2018 года // URL: kremlin.ru/d/56957 (дата обращения 02.03.22).
6. Послание Президента Федеральному Собранию. 20 февраля 2019 года // URL: kremlin.ru/d/59863 (дата обращения 02.03.22).
7. Федеральный закон от 08.08.2001 № 134-ФЗ (ред. от 30.12.2006, с изм. от 22.12.2008 – утратил силу) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» // Собрание законодательства РФ, 13.08.2001, № 33 (часть I), ст. 3436.
8. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Собрание законодательства РФ, 29.12.2008, № 52 (ч. 1), ст. 6249.
9. Указ Президента РФ от 09.03.2004 № 314 (ред. от 20.11.2020) «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства РФ, № 11, 15.03.2004, ст. 945.
10. Указ Президента РФ от 23.07.2003 № 824 «О мерах по проведению административной реформы в 2003-2004 годах» // Собрание законодательства РФ, 28.07.2003, № 30, ст. 3046.
11. Распоряжение Правительства РФ от 25.10.2005 № 1789-р (ред. от 10.03.2009) «О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006-2010 годах» // Собрание законодательства РФ, 14.11.2005, № 46, ст. 4720.
12. Распоряжение Правительства РФ от 10.06.2011 № 1021-р (ред. от 28.08.2012) «Об утверждении Концепции снижения административных барьеров и повышения доступности государственных и муниципальных услуг на 2011-2013 годы и Плана мероприятий по реализации указанной Концепции» // Собрание законодательства РФ, 27.06.2011, № 26, ст. 3826.

13. Гармонизация судебной реформы с реформой государственного контроля и надзора: актуальные проблемы теории и практики: Монография / Стахов А.И. и др. – М.: РГУП, 2019. – 282 с.
14. Распоряжение Правительства РФ от 01.04.2016 № 559-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по совершенствованию контрольно-надзорной деятельности на 2016–2017 годы» // URL: <http://government.ru/docs/22472> (дата обращения 02.03.22);
15. «Паспорт приоритетной программы «Реформа контрольной и надзорной деятельности» (приложение к протоколу президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 21.12.2016 № 12) (ред. от 30.05.2017) // URL: <https://clck.ru/duo34> (дата обращения 02.03.22).
16. Постановление Правительства РФ от 10.02.2017 № 166 (ред. от 21.03.2019) «Об утверждении Правил составления и направления предостережения о недопустимости нарушения обязательных требований и требований, установленных муниципальными правовыми актами, подачи юридическим лицом, индивидуальным предпринимателем возражений на такое предостережение и их рассмотрения, уведомления об исполнении такого предостережения» // Собрание законодательства РФ, 20.02.2017, № 8, ст. 1239.
17. Постановление Правительства РФ от 17.08.2016 № 806 (ред. от 06.10.2021) «О применении риск-ориентированного подхода при организации отдельных видов государственного контроля (надзора) и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (вместе с «Правилами отнесения деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей и (или) используемых ими производственных объектов к определенной категории риска или определенному классу (категории) опасности») // Собрание законодательства РФ, 29.08.2016, № 35, ст. 5326.
18. Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» // СЗ РФ, 03.08.2020, № 31 (часть I), ст. 5007.
19. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СЗ РФ, 03.08.2020, № 31 (часть I), ст. 5007.
20. Аверин М. С. Административный надзор в области промышленной безопасности в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
21. Бутылина Е.В. Земельный контроль и надзор: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
22. Королев Д.А. Контрольные органы муниципальных образований в Российской Федерации: место в системе и правовой статус. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
23. Мустафина-Бредихина Д.М. Административно-правовое регулирование государственного контроля обязательных требований, предъявляемых к качеству медицинской деятельности в России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
24. Турчина О.В. Правовое регулирование налогового контроля в Российской Федерации и пути совершенствования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
25. Усатов Д.Н. Конституционно-правовые основы деятельности государственных контрольно-счетных органов в Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006 и др.;
26. Зырянов С.М. Административно-правовой статус сотрудника контрольно-надзорного органа // Журнал российского права. – 2019. – № 9. – С. 100-110.
27. Якимов А.Ю. Статус субъекта административной юрисдикции и проблемы его реализации. – М.: Проспект, 1999. – 200 с.
28. Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий и автобиографий. Т.4. / Отв. ред. В.М. Сырых. – М.: РГУП, 2015.
29. Постановление Правительства РФ от 23.09.2010 № 736 (ред. от 29.12.2021) «О Федеральном агентстве лесного хозяйства» (вместе с «Положением о Федеральном агентстве лесного хозяйства») (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Собрание законодательства РФ, 04.10.2010, № 40, ст. 5068;
30. Постановление Правительства РФ от 30.07.2004 № 400 (ред. от 30.10.2021) «Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере природопользования и внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 22 июля 2004 г. № 370» // Собрание законодательства РФ, 09.08.2004, № 32, ст. 3347.
31. Заверткина Е.В., Куракин А.В., Карпунин Д.В. Проблемы разграничения функций федеральных органов исполнительной власти как итог административной реформы // Современное право. – 2018. – № 1. – С. 17-22.
32. Студеникина М.С. Государственные инспекции в СССР. – М.: Юрид. лит., 1987. – 108 с.;
33. Костылев В.В. Организационно-правовые основы контрольной деятельности государственных инспекций в социальной сфере: автореф. ... дис. канд. полит. наук. Х., 2003. – 20 с.
34. Ноздрачев А.Ф. Современная правотворческая деятельность федеральных органов исполнительной власти: анализ практики, оценка правовых форм, предложения и рекомендации // Законодательство и экономика. 2014. – № 10. – С. 7-47.
35. Перов С.В. Контрольно-надзорные и регуляторные функции федеральных органов исполнительной власти: проблемы разграничения в контексте административной реформы // Lex Russica. – 2019. – № 2.
36. Зырянов С.М. Административно-правовой статус государственного инспектора как субъекта адми-

- нистративного надзора // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 3. – С. 162-168;
37. Афанасьев В.Г. Научное управление обществом: (Опыт системного исследования). М.: Политиздат, 1973.
38. Костылев, В. В. Понятие и сущность административно-правового режима государственного контроля (надзора) в Российской Федерации / В. В. Костылев // Публичная власть в современной России: проблемы и перспективы : Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 04 декабря 2020 года / Отв. редактор Ю.В. Соболева. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2020. – С. 232-235.
39. Костылев, В. В. Административно-правовой режим как основа регулирования оборота гражданского оружия самообороны / В. В. Костылев, О. Д. Клокова // Административное законодательство и практика его применения: состояние, тенденции, эффективность : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 10 июня 2020 года. – Краснодар: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский Дом – Юг», 2020. – С. 68-72.
40. Костылев, В. В. Правовой режим профилактики коррупции в образовательной среде / В.В. Костылев, А.В. Адлер // Крымские юридические чтения. Развитие конституционализма в России : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х томах, Симферополь, 10-11 июня 2020 года / Под общей редакцией Н.Н. Колоки. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Амирит», 2020. – С. 379-382.
41. Постановление Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 (с изм. и доп.) «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // СЗ РФ, 1997, № 33, ст. 3895.
42. КоАП РФ // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1 (ч. 1) ст. 1.
43. Приказ МВД России от 30.08.2017 № 685 (ред. от 27.08.2021) «О должностных лицах системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание» // URL: <https://rg.ru/2017/10/23/mvd-prikaz685-site-dok.html/> (дата обращения 02.03.22); и др.
44. Стахов А.И., Порываев С.А., Мустафина-Бредихина Д.М. Внесудебное и судебное разрешение административно-деликтных дел, возникающих из контрольно-надзорных отношений: Научно-практическое пособие / Под ред. А. И. Стахова. М.: РГУП, 2021. – 84 с. (Серия: «Библиотека российского судьи»).
45. Костылев, В. В. Перспективы осуществления государственного контроля и надзора в условиях цифровизации / В. В. Костылев, К. Е. Ворочай, М. Р. Новикова // Юридическая деятельность в условиях цифровизации : Сборник статей по результатам международной научно-практической конференции, Симферополь, 23 марта 2021 года / Под редакцией Е.В. Евсиковой, В.С. Тихомаевой. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2021. – С. 270-275.

Kostylev V.V. Organizational and legal problems of control and supervision in public administration // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 315-324.

Based on the analysis of the current legislation of Russia on state control (supervision), municipal control, novelties of regulations (2020-2021), the practice of their application, the article identifies the main trends in the development of this vector of state policy, and gives their legal assessment.

In particular, it is stated that the President of the Russian Federation, the representative and executive authorities of the country have done significant work to regulate the functions of control and supervision in accordance with the goals and principles of organizing a democratic, legal, social state, a market-type economy, and ensuring a balance of private and public interests. Despite this, cardinal changes in the socio-economic way of life in Russia have actualized the search for new models of the administrative and legal status of officials of control and supervision bodies. This status, largely due to the status of the public administration body, the functions it performs, has now been transformed as a result of the concentration in the competence of the federal executive authorities of functionally diverse powers - rule-making, control and supervision, jurisdictional, etc. It is noted that the characteristic presence the same wide range of powers for state inspections of the Soviet and post-Soviet periods, the ambiguity in the assessment in the literature of the results of the distribution of managerial functions between federal executive bodies in accordance with their competence.

Taking into account the results of the analysis of the practice of the correlation of their rule-making and law enforcement powers, the opinions that have developed on this matter, certain organizational and legal problems in the implementation of the control and supervisory function in public administration have been identified. The proposed ways to solve them may be of interest in the further reform of the Russian legislation on control and supervision.

Keywords: state control (supervision), municipal control, administrative coercion

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyatoj vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020).
2. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu. 4 dekabrya 2014 goda // URL: kremlin.ru/d/47173 (data obrashcheniya 02.03.22).
3. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu 3 dekabrya 2015 goda // URL: kremlin.ru/d/50864 (data obrashcheniya 02.03.22);
4. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu. 1 dekabrya 2016 goda // URL: kremlin.ru/d/53379 (data obrashcheniya 02.03.22).
5. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu. 1 marta 2018 goda // URL: kremlin.ru/d/56957 (data obrashcheniya 02.03.22);
6. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu. 20 fevralya 2019 goda // URL: kremlin.ru/d/59863 (data obrashcheniya 02.03.22).
7. Federal'nyj zakon ot 08.08.2001 № 134-FZ (red. ot 30.12.2006, s izm. ot 22.12.2008 – utratil silu) «O zashchite prav yuridicheskikh lic i individual'nyh predprinimatelej pri provedenii gosudarstvennogo kontrolya (nadzora)» // Sobranie zakonodatel'stva RF, 13.08.2001, № 33 (chast' I), st. 3436.
8. Federal'nyj zakon ot 26.12.2008 № 294-FZ (red. ot 11.06.2021) «O zashchite prav yuridicheskikh lic i individual'nyh predprinimatelej pri osushchestvlenii gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i municipal'nogo kontrolya» // Sobranie zakonodatel'stva RF, 29.12.2008, № 52 (ch. 1), st. 6249.
9. Ukaz Prezidenta RF ot 09.03.2004 № 314 (red. ot 20.11.2020) «O sisteme i strukture federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti» // Sobranie zakonodatel'stva RF, № 11, 15.03.2004, st. 945.
10. Ukaz Prezidenta RF ot 23.07.2003 № 824 «O merah po provedeniyu administrativnoj reformy v 2003-2004 godah» // Sobranie zakonodatel'stva RF, 28.07.2003, № 30, st. 3046.
11. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 25.10.2005 № 1789-r (red. ot 10.03.2009) «O Konceptcii administrativnoj reformy v Rossijskoj Federacii v 2006-2010 godah» // Sobranie zakonodatel'stva RF, 14.11.2005, № 46, st. 4720.
12. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 10.06.2011 № 1021-r (red. ot 28.08.2012) «Ob utverzhdenii Konceptcii snizheniya administrativnyh bar'erov i povysheniya dostupnosti gosudarstvennyh i municipal'nyh uslug na 2011-2013 gody i Plana meropriyatij po realizacii ukazannoj Konceptcii» // Sobranie zakonodatel'stva RF, 27.06.2011, № 26, st. 3826.
13. Garmonizaciya sudebnoj reformy s reformoj gosudarstvennogo kontrolya i nadzora: aktual'nye problemy teorii i praktiki: Monografiya / Stahov A.I. i dr. – M.: RGUP, 2019. – 282 s.
14. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 01.04.2016 № 559-r «Ob utverzhdenii plana meropriyatij («dorozhnoj karty») po sovershenstvovaniyu kontrol'no-nadzornoj deyatel'nosti na 2016–2017 gody» // URL: <http://government.ru/docs/22472> (data obrashcheniya 02.03.22).
15. «Pasport prioritetnoj programmy «Reforma kontrol'noj i nadzornoj deyatel'nosti» (prilozhenie k protokolu prezidiuma Soveta pri Prezidente RF po strategicheskomu razvitiyu i prioritetnym proektam ot 21.12.2016 № 12) (red. ot 30.05.2017) // URL: <https://clck.ru/duo34> (data obrashcheniya 02.03.22).
16. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 10.02.2017 № 166 (red. ot 21.03.2019) «Ob utverzhdenii Pravil sostavleniya i napravleniya predosterezheniya o nedopustimosti narusheniya obyazatel'nyh trebovanij i trebovanij, ustanovlennyh municipal'nymi pravovymi aktami, podachi yuridicheskim licom, individual'nyh predprinimatelem vozrazhenij na takoe predosterezhenie i ih rassmotreniya, uvedomleniya ob ispolnenii takogo predosterezheniya» // Sobranie zakonodatel'stva RF, 20.02.2017, № 8, st. 1239.
17. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 17.08.2016 № 806 (red. ot 06.10.2021) «O primenenii risk-orientirovannogo podhoda pri organizacii ot del'nyh vidov gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i vnesenii izmenenij v nekotorye akty Pravitel'stva Rossijskoj Federacii» (vmeste s «Pravilami otneseniya deyatel'nosti yuridicheskikh lic i individual'nyh predprinimatelej i (ili) ispol'zuemyh imi proizvodstvennyh ob'ektov k opredelennoj kategorii riska ili opredelennomu klassu (kategorii) opasnosti») // Sobranie zakonodatel'stva RF, 29.08.2016, № 35, st. 5326.
18. Federal'nyj zakon ot 31.07.2020 № 247-FZ «Ob obyazatel'nyh trebovaniyah v Rossijskoj Federacii» // SZ RF, 03.08.2020, № 31 (chast' I), st. 5007.
19. Federal'nyj zakon ot 31.07.2020 № 248-FZ «O gosudarstvennom kontrole (nadzore) i municipal'nom kontrole v Rossijskoj Federacii» // SZ RF, 03.08.2020, № 31 (chast' I), st. 5007.
20. Averin M. S. Administrativnyj nadzor v oblasti promyshlennoj bezopasnosti v Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2015.
21. Butylina E.V. Zemel'nyj kontrol' i nadzor: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2015.
22. Korolev D.A. Kontrol'nye organy municipal'nyh obrazovanij v Rossijskoj Federacii: mesto v sisteme i pravovoj status. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2008.
23. Mustafina-Bredihina D.M. Administrativno-pravovoe regulirovanie gosudarstvennogo kontrolya obyazatel'nyh trebovanij, pred"yavlyayemyh k kachestvu medicinskoj deyatel'nosti v Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2018.
24. Turchina O.V. Pravovoe regulirovanie nalogovogo kontrolya v Rossijskoj Federacii i puti sovershenstvovaniya: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2009.

25. Usatov D.N. Konstitucionno-pravovye osnovy deyatelnosti gosudarstvennyh kontrol'no-schetnyh organov v Rossijskoj Federacii: diss. ... kand. jurid. nauk. CHelyabinsk, 2006 i dr.
26. Zyryanov S.M. Administrativno-pravovoj status sotrudnika kontrol'no-nadzornogo organa // ZHurnal Rossijskogo prava. – 2019. – № 9. – S. 100-110.
27. YAkimov A.YU. Status sub"ekta administrativnoj yurisdikcii i problemy ego realizacii. – M.: Prospekt, 1999. – 200 s.
28. Pravovaya nauka i yuridicheskaya ideologiya Rossii. Enciklopedicheskij slovar' biografij i avtobiografij. T.4. / Otv. red. V.M. Syryh. – M.: RGUP, 2015.
29. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 30.07.2004 № 400 (red. ot 30.10.2021) «Ob utverzhdenii Polozheniya o Federal'noj sluzhbe po nadzoru v sfere prirodopol'zovaniya i vnesenii izmenenij v Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 22 iyulya 2004 g. № 370» // Sobranie zakonodatel'stva RF, 09.08.2004, № 32, st. 3347.
30. KoAP RF // Sobranie zakonodatel'stva RF, 07.01.2002, № 1 (ch. 1) st. 1.
31. Postanovleniya Pravitel'stva RF ot 23.09.2010 № 736 (red. ot 29.12.2021) «O Federal'nom agentstve lesnogo hozyajstva» (vmeste s «Polozheniem o Federal'nom agentstve lesnogo hozyajstva») (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2022) // Sobranie zakonodatel'stva RF, 04.10.2010, № 40, st. 5068.
32. Zavertkina E.V., Kurakin A.V., Karpuhin D.V. Problemy razgranicheniya funkcij federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti kak itog administrativnoj reformy // Sovremennoe pravo. – 2018. – № 1. – S. 17-22.
33. Studenikina M.S. Gosudarstvennye inspekcii v SSSR. – M.: YUrid. lit., 1987. – 108 s.
34. Kostylev V.V. Organizacionno-pravovye osnovy kontrol'noj deyatelnosti gosudarstvennyh inspekcij v social'noj sfere: avtoref. ... dis. kand. polit.nauk. H., 2003. – 20 s.
35. Nozdrachev A.F. Sovremennaya pravotvorcheskaya deyatelnost' federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti: analiz praktiki, ocenka pravovyh form, predlozheniya i rekomendacii // Zakonodatel'stvo i ekonomika. 2014. – № 10. – S. 7-47;
36. Perov S.V. Kontrol'no-nadzornye i reguljatornye funkcii federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti: problemy razgranicheniya v kontekste administrativnoj reformy // Lex Russica. – 2019. – № 2. – S. 69-80.
37. Zyryanov S.M. Administrativno-pravovoj status gosudarstvennogo inspektora kak sub"ekta administrativnogo nadzora // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2009. – № 3. – S. 162-168.
38. Afanas'ev V.G. Nauchnoe upravlenie obshchestvom: (Opyt sistemnogo issledovaniya). M.: Politizdat, 1973.
39. Kostylev, V. V. Ponyatie i sushchnost' administrativno-pravovogo rezhima gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) v Rossijskoj Federacii / V. V. Kostylev // Publichnaya vlast' v sovremennoj Rossii: problemy i perspektivy : Sbornik nauchnyh trudov po materialam Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Saratov, 04 dekabrya 2020 goda / Otv. redaktor YU.V. Soboleva. – Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2020. – S. 232-235.
40. Kostylev, V. V. Administrativno-pravovoj rezhim kak osnova regulirovaniya oborota grazhdanskogo oruzhiya samooborony / V. V. Kostylev, O. D. Klokova // Administrativnoe zakonodatel'stvo i praktika ego primeneniya: sostoyanie, tendencii, effektivnost' : Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Krasnodar, 10 iyunya 2020 goda. – Krasnodar: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Izdatel'skij Dom – YUg», 2020. – S. 68-72.
41. Kostylev, V. V. Pravovoj rezhim profilaktiki korrupcii v obrazovatel'noj srede / V.V. Kostylev, A.V. Adler // Krymskie yuridicheskie chteniya. Razvitie konstitucionalizma v Rossii : Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. V 2-h tomah, Simferopol', 10-11 iyunya 2020 goda / Pod obshchej redakciej N.N. Kolyuki. – Simferopol': Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Amirit», 2020. – S. 379-382.
42. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 13.08.1997 № 1009 (s izm. i dop.) «Ob utverzhdenii Pravil podgotovki normativnyh pravovyh aktov federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti i ih gosudarstvennoj registracii» // SZ RF, 1997, № 33, st. 3895;
43. Prikaz MVD Rossii ot 30.08.2017 № 685 (red. ot 27.08.2021) «O dolzhnostnyh licah sistemy Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, upolnomochennyh sostavlyat' protokoly ob administrativnyh pravonarusheniyah i osushchestvlyat' administrativnoe zaderzhanie» // URL: <https://rg.ru/2017/10/23/mvd-prikaz685-site-dok.html/> (data obrashcheniya 02.03.22); i dr.
44. Stahov A.I., Poryvaev S.A., Mustafina-Bredihina D.M. Vnesudebnoe i sudebnoe razreshenie administrativno-deliktnykh del, vznikayushchih iz kontrol'no-nadzornykh otnoshenij: Nauchno-prakticheskoe posobie / Pod red. A. I. Stahova. M.: RGUP, 2021. – 84 s. (Seriya: «Biblioteka Rossijskogo sud'i»).
45. Kostylev, V. V. Perspektivy osushchestvleniya gosudarstvennogo kontrolya i nadzora v usloviyah cifrovizacii / V. V. Kostylev, K. E. Vorochaj, M. R. Novikova // YUridicheskaya deyatelnost' v usloviyah cifrovizacii : Sbornik stat'ej po rezul'tatam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Simferopol', 23 marta 2021 goda / Pod redakciej E.V. Evsikovej, V.S. Tihomaevoj. – Simferopol': Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Izdatel'stvo Tipografiya «Arial», 2021. – S. 270-275.

УДК 347.963

**ГЕНЕЗИС ФОРМИРОВАНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ О
РАЗРЕШИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ**

Могорычев А. М.

помощник прокурора Республики Крым по пенсионному обеспечению

Исследование посвящено детальному анализу истории формирования и становления современного прокурорского надзора за исполнением законов о разрешительной системе. В рамках проведенного анализа делается вывод о том, что современный прокурорский надзор за исполнением законов о разрешительной системе берет свои истоки еще в тот период, когда происходило зарождение прокурорского надзора и деятельности прокуратуры как таковой в досоветский период. Автор осуществляет попытку анализа проблем современного прокурорского надзора за исполнением законов о разрешительной системе, в том числе определяет недостатки правового регулирования, которые, безусловно, требуют внимания со стороны законодателя, по причине того, что выявленные автором проблемы приводят к нарушениям законодательства и способствуют тому, что права участников разрешительной системы произвольно ограничиваются. Автор делает заключение о необходимости изменения действующего на сегодняшний день законодательства, регламентирующего прокурорский надзор за исполнением законов о разрешительной системе на основе внесения детально разработанных поправок и дополнений.

Ключевые слова: разрешительная система, прокурорский надзор, полномочия прокуроров, объект прокурорского надзора, предмет прокурорского надзора, прокурорская деятельность, надзор за исполнением законов.

Современное законодательство относительно прокурорского надзора за исполнением законов о разрешительной системе имеет довольно длительную историю формирования, беря истоки еще в самом начале учреждения прокуратуры.

Так, в начале XVIII в. возникла острая необходимость в обеспечении законности в такой проблемной сфере, как государственное управление для того, чтобы регулировать происходящие процессы и саму сферу государственного управления. С этой целью учреждается прокуратура, одной из главных задач которой являлось именно обеспечение законности в указанной сфере. Учрежденная еще в 1722 г. Петром I прокуратура имеет характерную схожесть с той прокуратурой, которая функционирует на сегодняшний день – а именно обеспечение законности в государственном управлении [1, с. 185].

Определенные изменения происходили, начиная с 1864 г., результатом тому являлась Судебная реформа, которая способствовала ограничению полномочий прокуроров «делами судебного ведомства». В конечном итоге прокурорская деятельность начала приобретать кардинально новые формы. В частности по различным категориям дел в губернских присутствиях теперь могли присутствовать и прокуроры. Примечательно, что они не являлись простыми наблюдателями, а были полноправными членами, например, по делам питейным, делам городского характера, фабричным. При этом, в значительной степени также расширились и полномочия прокуроров, помимо надзорных, правотворческих, также они были наделены разрешительными и административно-распорядительными.

В соответствии с законодательством 1889 г. в обязанность прокуроров входило осуществление общего надзора за тем, какие действия осуществляют земские

начальники, соблюдают ли они законодательство, и как его исполняют, в частности, правильность их действий.

Определенные изменения произошли в советский период, когда сменился так называемый объект прокурорского надзора, таковым стали органы милиция, которые и были на тот период наделены полномочиями по выдаче разрешений, по причине того, что это относилось к основным формам их административной деятельности. В рамках анализа структуры разрешительной системы того периода, можно констатировать, что милиция была наделена конкретными задачами, их действия в большей степени носили односторонний характер, административно-правовая регламентация также имела свою определенную специфику [2, с. 67].

Кардинальные перемены и изменения предмета прокурорского надзора произошли под влиянием происходящих изменений в политическом и экономическом строе страны. В результате чего произошло в значительной степени расширение сферы, на которую распространялся разрешительный метод регулирования экономики. Также это было обусловлено резким увеличением числа проблем социального характера, государственный механизм был попросту реорганизован. В связи с чем особую актуальность приобрел надзор, осуществляемый прокуратурой за тем, как происходит исполнения действующего законодательства, в том числе регламентирующего разрешительную систему.

Анализируя генезис формирования и современное состояние прокурорского надзора за исполнением законов о разрешительной системе, можно прийти к заключению, что под таковым целесообразно понимать правозащитный институт правозащитного характера, благодаря которому происходит действенное обеспечение соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина. Примечательно, что сам порядок их реализации определен действующим законодательством.

Важно отметить, что многочисленные проблемы в правоохране и ее дальнейшем развитии обусловлены в большей степени негативной характеристикой современного состояния законности на различных участках осуществления разрешительной системы.

Так, в рамках исследования истории становления и развития прокурорского надзора за исполнением законов о разрешительной системе, многими ученым, правоведами была также осуществлена оценка степени пораженности коррупцией отдельных сфер общественных отношений, что позволило сформировать общее представление о современном состоянии прокурорского надзора, выявить в нем существенную проблематику, а также недостатки, на которые законодателю целесообразно обратить особое внимание [3, с. 133].

В результате чего было установлено, что деятельность различных органов, которые наделены полномочиями разрешительного характера, целесообразно признать зоной повышенной коррупционной активности, на что есть веские основания, как показали многочисленные исследования и проведенные экспертами разнообразные опросы граждан.

Свобода экономической деятельности, по мнению экспертов, в большей степени ущемлена, это обусловлено распространением административных барьеров, что в конечном итоге создает серьезные препятствия для развития предпринимательства, нормального формирования и дальнейшей реализации государственной инновационной политики, безусловно, все это негативные факторы [4, с. 15].

Таким образом, можно констатировать, что на сегодняшний день осуществление прокурорского надзора происходит ненадлежащим образом, в частности, это касается осуществления функций по обеспечению разрешительной системы органами государственного контроля (надзора). В результате чего это приводит к тому, что возникают социальные последствия неблагоприятного характера, которые предотвратить уже довольно проблематично или не представляется возможным.

Примечательно, что на современном этапе состояния прокурорского надзора за исполнением законов о разрешительной системе это является далеко не единственной проблемой, требующей внимания. Так, на состояние законности в сфере разрешительной системы также оказывает негативное влияние тот факт, что населению страны в подавляющем большинстве свойственна правовая неграмотность, а также правовой нигилизм.

На сегодняшний день, нормативно-правовой основой деятельности органов прокуратуры является Конституция Российской Федерации [5] и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» [6]. При осуществлении анализа истории формирования и современного состояния прокурорского надзора за исполнением законов о разрешительной системе возникали определенные трудности, которые были обусловлены отсутствием на сегодняшний день единого статистического учета нарушений законов о разрешительной системе.

В том числе проблематичным являлся тот факт, что отсутствует также статистический учет и самого мониторинга разрешительной деятельности. В результате чего проблематичным является укрепление законности в исследуемой нами сфере, в том числе в значительной степени снижается эффективность внутренней организации правоприменительной деятельности [7, с. 119].

Рассматривая вопрос прокурорского надзора также важно отметить, что на сегодняшний день законодательство о разрешительной системе в Российской Федерации представляет собой сложную совокупность законодательных актов, которыми осуществляется регулирование общественных отношений однородного характера.

Несмотря на то, что действующее на сегодняшний день законодательство полно различных и разнообразных подходов к тому, что следует понимать под разрешительной деятельностью, иными словами раскрывает ее понятие, определяет формы, в которых она проявляется, а также, что не мало важно, определяет ту степень, в которой она оказывает воздействие и влияние на правовой статус и непосредственно на самих невластных участников разрешительной системы, оно несовершенно [8, с. 212].

Стоит констатировать, что на современном этапе развития прокурорского надзора за исполнением законов о разрешительной деятельности, а также развития правового регулирования данной сферы имеются следующие трудности и проблематики, усложняющие процесс осуществления прокурорского надзора:

– в первую очередь стоит обозначить тот факт, что само правовое регулирование разрешительной деятельности неупорядоченное, по мнению экспертов его в большей степени можно охарактеризовать нестабильным и не имеющим четкой определенности;

– государственные органы, которые осуществляют регулирование правил предоставления разрешений, также не имеют четких координаций в своих действиях, в частности их полномочия не имеют конкретного, четкого разграничения;

– затруднительным и требующим внимания со стороны законодателя на сегодняшний день также является тот факт, что сам непосредственный порядок осуществления разрешительной деятельности несовершенно, так как его регулирование не имеет четкой организации, что отрицательно сказывается в целом на исполнении законов о разрешительной системе;

– законодателем четко не определены, какие конкретно существуют на сегодняшний день формы разрешительной деятельности, несмотря на острую необходимость этого;

– на сегодняшний день остро встала необходимость об разработке и внедрении антикоррупционных стандартов, которые были бы единообразными для всех властных проявлений разрешительной системы [9, с. 96].

Подводя итоги проведенному анализу можно констатировать, что формирование и становление современного прокурорского надзора за исполнением законов о разрешительной системе вовсе не скоротечное явление, это довольно длительный процесс преобразований. В частности к тому, какой вид прокурорский надзор за анализируемой сферой имеет на сегодняшний день он прошел довольно длительный путь развития, который условно, по мнению историков и экспертов, можно разделить на такие этапы, как:

– этап дореволюционного характера, когда происходило зарождение прокуратуры и прокурорского надзора. Данный период, по мнению историков, берет свое начало во времена Петра I и вплоть до революции 1917 г., которая обусловила необходимость кардинальных изменений в прокурорском надзоре;

- этап советского характера, который берет свое начало от революции 1917 г. и вплоть до распада СССР в 1991 г. Как было отмечено, после революции 1917 г. произошли изменения объекта и предмета прокурорского надзора.

Что касается современного этапа, то он действует по сегодняшний день, а берет свое начало с 1991 г. с распадом СССР, когда перемены и изменения предмета прокурорского надзора произошли под влиянием происходящих изменений в политическом и экономическом строе страны. Безусловно, это обусловило расширение сферы, на которую распространялся разрешительный метод регулирования экономики. Особую актуальность приобрел надзор, осуществляемый прокуратурой за тем, как происходит исполнение действующего законодательства, в том числе регламентирующего разрешительную систему.

Также важно отметить, что, пройдя довольно длительный путь многочисленные изменения и преобразования действующее правовое регулирование в сфере прокурорского надзора за исполнением законов о разрешительной системе, все также остается несовершенным, имеет определенные пробелы и недостатки, которые приводят к нарушениям законодательства, а также способствуют тому, что права участников разрешительной системы произвольно ограничиваются, что является неправомерным. Следовательно, данная сфера, в том числе положения действующего законодательства требуют особого внимания со стороны законодателя.

Список литературы:

1. Маматов М.В. Прокурорский надзор за исполнением законов: актуальные проблемы и перспективы развития // Таврический научный обозреватель. – 2016. – № 11 (16). – С. 175- 182.

2. Щербакова Н.В. Основы контрольно-надзорной деятельности: учебное пособие / Н. В. Щербакова; Поволжский государственный технологический университет. – Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2018. – 142 с.
3. Ястребов В.Б. Прокурорский надзор: учебник: / В. Б. Ястребов. – Москва : Зерцало-М, 2017. – 408 с.
4. Гончаров С.А., Абрамова Е.А. История становления прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства как отдельного направления деятельности органов прокуратуры // Вестник Пензенского государственного университета. – 2018. – № 1(21). – С. 15-17.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.
6. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 30.12.2020) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 20.11.1995. № 47. Ст. 4472.
7. История прокуратуры России: историко-правовой анализ / А. Г. Звягинцев, Н. Д. Эриашвили, В. Н. Григорьев и др.; ред. А. Г. Звягинцев. – Москва : Юнити, 2015. – 223 с.
8. Алимханов А.А. Перспективы развития прокурорского надзора за исполнением законодательства // Молодой ученый. – 2019. – № 18 (256). – С. 212-214
9. Акчурин А.В. Прокурорский надзор в схемах: учебное пособие / А. В. Акчурин, С. В. Легостаев; Федеральная служба исполнения наказаний России, Академия ФСИН России. – Москва: Проспект: Академия ФСИН России, 2019. – 96 с.

Makarychev A. M. The genesis of the formation and the current state of the prosecutor's supervision over the execution of laws on the licensing system // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 325-329.

The study is devoted to a detailed analysis of the history of the formation and formation of modern prosecutor's supervision over the implementation of laws on the licensing system. Within the framework of the analysis, it is concluded that modern prosecutor's supervision originates from the period when there was the birth of prosecutor's supervision and the activities of the prosecutor's office as such in the pre-Soviet period. The author attempts to analyze the problems of modern prosecutor's supervision over the implementation of laws on the licensing system, including identifying shortcomings of legal regulation, which, of course, require attention from the legislator, due to the fact that the problems identified by the author lead to violations of the law and contribute to the fact that the rights of participants in the licensing system are arbitrarily limited. The author concludes that it is necessary to change the current legislation regulating the prosecutor's supervision of the implementation of laws on the licensing system on the basis of making detailed amendments and additions.

Keywords: licensing system, prosecutor's supervision, powers of prosecutors, object of prosecutor's supervision, subject of prosecutor's supervision, prosecutor's activity, supervision of the execution of laws.

Spisok literatury:

1. Mamatov M.V. Prokurorskiy nadzor za ispolneniyem zakonov: aktualnyye problemy i perspektivy razvitiya // Tavricheskiy nauchnyy obozrevatel. – 2016. – № 11 (16). – С. 175- 182.
2. Shcherbakova N.V. Osnovy kontrolno-nadzornoй deyatelnosti: uchebnoye posobiye / N. V. Shcherbakova; Povolzhskiy gosudarstvennyy tekhnologicheskiy universitet. – Yoshkar-Ola: Povolzhskiy gosudarstvennyy tekhnologicheskiy universitet. 2018. – 142 s.
3. Yastrebov V.B. Prokurorskiy nadzor: uchebnik: / V. B. Yastrebov. – Moskva : Zertsalo-M. 2017. – 408 s.
4. Goncharov S.A., Abramova E.A. Istoriya stanovleniya prokurorskogo nadzora za ispolneniyem federalnogo zakonodatelstva kak otdelnogo napravleniya deyatelnosti organov prokuratury // Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – № 1(21). – S. 15-17.
5. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12.12.1993) (s uchetom popravok. vnesennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ. ot 30.12.2008 № 7-FKZ. ot 05.02.2014 № 2-FKZ. ot 21.07.2014 № 11-FKZ) // Sobraniye zakonodatelstva RF. 04.08.2014. № 31. St. 4398.
6. Federalnyy zakon ot 17.01.1992 № 2202-1 (red. ot 30.12.2020) «O prokurate Rossiiyskoy Federatsii» // Sobraniye zakonodatelstva RF. 20.11.1995. № 47. St. 4472.
7. Istoriya prokuratury Rossii: istoriko-pravovoy analiz / A. G. Zvyagintsev. N. D. Eriashvili. V. N. Grigoryev i dr.; red. A. G. Zvyagintsev. – Moskva : Yuniti. 2015. – 223 s.
8. Alimkhanov A.A. Perspektivy razvitiya prokurorskogo nadzora za ispolneniyem zakonodatelstva // Molodoy uchenyy. – 2019. – № 18 (256). – S. 212-214
9. Akchurin A.V. Prokurorskiy nadzor v skhemakh: uchebnoye posobiye / A. V. Akchurin. S. V. Legostayev; Federalnaya sluzhba ispolneniya nakazaniy Rossii. Akademiya FSIN Rossii. – Moskva: Prospekt: Akademiya FSIN Rossii. 2019. – 96 s.

УДК 343.85

ЭКСТРЕМИЗМ – ПРЯМАЯ УГРОЗА РОССИИ

Нагорный А. П., Попов А. Н.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассмотрены сущность и понятие экстремизма как одной из основных угроз национальной безопасности государства, целостности конституционного строя, жизни и здоровья граждан. Особое внимание уделено противодействию учениям нетрадиционных религиозных объединений и псевдорелигиозных учений деструктивной направленности, деятельность которых в современной России чрезвычайно высока, но система противодействия им сопряжена с определенными сложностями. Одна из них связана с тем, что в России так и не разработано специальной Концепции противодействия тоталитарным сектам, не принято специальных федеральных законов в данной сфере. В целях преодоления данного законодательного пробела предложено принять специальный Федеральный закон «О запрете деятельности тоталитарных сект (деструктивных культов)», что должно оградить граждан от деструктивного воздействия на их физическое и психическое здоровье. В настоящем федеральном законе следует предусмотреть понятие тоталитарной секты, механизмы противодействия тоталитарным сектам.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, преступления экстремистской направленности, противодействие экстремизму, тоталитарные секты.

Экстремизм является одним из опаснейших явлений для государства, общества, граждан, выступая одной из угроз национальной безопасности государства. Правонарушения экстремистской направленности стали не редкостью для российского общества, наблюдается рост преступлений экстремистской направленности. Так, в 2021 г. зарегистрировано 1057 преступлений экстремистской направленности. Их рост по сравнению с 2020 г. составил 26,9% [1]. В данную статистику не включены выявленные административные правонарушения экстремистской направленности.

Опасность экстремизма состоит в том, что он характеризуется агрессивностью, радикальностью взглядов и воззрений, вовлечением в свою противоправную деятельность молодежи, побуждением их на совершение преступлений, появлением не только внутренних, но и внешних угроз экстремизма, которые навязываются различными международными преступными организациями и поощряются рядом зарубежных стран в условиях обострения геополитической ситуации в мире.

По утверждению С.В. Михайлова, экстремизм является проявлением негативных процессов, происходящих в обществе, что проявляется в утрате общих и универсальных ценностей, принципов и устоев [2, с. 53-60].

К проявлениям экстремизма ряд авторов относит только те действия, ответственность за которые предусмотрена соответствующими статьями УК РФ или КоАП РФ [3, с. 49-53]. На законодательном уровне понятие «экстремизм» впервые было закреплено в п. 1 ст. 1 ФЗ от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [4] (далее – Закон о противодействии экстремистской деятельности). Данная правовая норма определение экстремистской деятельности раскрывает через ее возможные проявления.

Можно выделить три основные формы экстремизма: политический; национальный; религиозный. В последнее время повышенное внимание правоохранителей, научного сообщества уделяется вопросам противодействия тоталитарным сектам, проповедующих деструктивные культы. Опасность тоталитарных сект обуславливается тем, что они склонны к ведению экстремисткой и террористической деятельно-

сти ради достижения своих целей, что представляет угрозу не только жизни и здоровью граждан, но и обеспечению национальной безопасности всего государства.

Термин «тоталитарная секта» не используется действующим законодательством. Соответственно и не содержится в нормативных правовых актах легального определения тоталитарной секты. Это понятие выработано в научной литературе, главным образом в сфере государственного управления, уголовного, административного права. Наряду с термином «тоталитарная секта» употребляется также понятие «деструктивный культ», которые фактически являются идентичными. Второе понятие имеет англоязычное происхождение. Слово «деструктивная» в переводе с лат. *destructivus* означает как разрушительная, нарушающая нормальную структуру чего-либо. Деструктивный культ рассматривается в качестве динамичного термина «тоталитарная секта», подразумевая под собой оказание негативного влияния на последователей и жесткую иерархическую структуру, неограниченную власть лидера.

Первые тоталитарные секты появились в России еще в период становления новой российской государственности. Так, под запрет деятельности попала Древнерусская Инглистическая церковь, созданная в России в 1992 г. В основе данного религиозного движения лежит идея о создании вселенной из божественного огня, а также представления о том, что первые люди обитали в созвездии Большой Медведицы, а впоследствии были переселены на Землю на колеснице на территории, которую сейчас занимает Россия в районе Иртыша. В судебном порядке отделения инглистов стали попадать под запрет еще в начале 2000-х годов, а в 2009 г. в связи с признанием данного религиозного объединения экстремистским ее деятельность была признана незаконной и прекратила полностью на всей территории страны. Основанием данного решения стало использование данным религиозным течением идеи о расовом превосходстве «славяно-ариев», а также недопустимой символики.

Сейчас в России зарегистрированы организации более 60 различных конфессий. За последние 5 лет появилось 2927 религиозных организаций, а всего 30 896 [5]. Большинство религиозных организаций принадлежит к православной церкви (18550). Далее следуют ислам (5954), христиане веры евангельской пятидесятники (1054), евангельские христиане-баптисты (889), христиане веры евангельской (878), евангельские христиане (683), адвентисты седьмого неба (567), старообрядцы (387), буддизм (269), иудаизм (268), греческая и римская католические церкви (245).

Такая активность со стороны религиозных организаций требует от государства повышенного внимания сфере религиозных отношений для обеспечения нормальной деятельности религиозных организаций и свободного обращения религиозных культов, а также недопущения деятельности религиозных организаций, пропагандирующих противоправную и деструктивную деятельность, экстремизм, насилие.

В России нет официальной статистики по количеству действующих тоталитарных сект, что является в принципе проблематичным, поскольку многие из них ведут весьма скрытый и конспирированный образ деятельности. В тоже время по приблизительным подсчетам количество граждан РФ, вовлеченных в тоталитарные секты, может составлять один миллион и даже более [6, с. 4].

Ю.В. Латов выделяет следующие основные разновидности тоталитарных сект: 1) индо-буддистские (такие, как «Аум Синрике», кришнаиты и др.), 2) христианские (Свидетели Иеговы, мормоны и др.), 3) оккультистские и неоязыческие (Группа славянского язычества, Международный эзотерический центр и др.), 4) сатанист-

ские (Общество Сатаны и др.), 5) псевдонаучные (Церковь саентологии), 6) исламистские («Джамаат Таблиг» и др.) [7, с. 15].

В качестве примера тоталитарной секты можно привести религиозное объединение «Бога Кузи». Так, приговором суда П. признан виновным в том, что создал религиозное объединение, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами и иным причинением вреда их здоровью, руководил таким объединением, пропагандировал указанные деяния [8]. До недавнего времени в России действовала всем известная религиозная организация Свидетели Иеговы, которая пришла к нам из США. Деятельность секты «Свидетели Иеговы» была признана экстремистской и запрещена по решению Верховного Суда РФ от 20.04.2017 [9].

В настоящее время религиозный экстремизм и радикализм угрожает национальной безопасности и международной стабильности в целом. Международная организация «Исламское Государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), известная также под названиями «Исламское Государство Ирака и Сирии», «Исламское государство Ирака и Шама» (ИГИШ), с лета 2014 г. называется «Исламское государство». Она образована в 2006 г. в результате слияния радикальных исламистских группировок, которые отпочковались от международной террористической организации «Аль-Каида».

В России регулярно выявляются участники террористических ячеек ИГИЛ, которые не только вербовали новых членов в террористическую организацию, но и планировали осуществление ряда террористических актов на территории страны.

В этой связи особую актуальность представляет вопрос, связанный с противодействием экстремизму. В подп. «е» п. 4 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г., утвержденной Указом Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753 [10], под противодействием экстремизму понимается деятельность субъектов противодействия экстремизму, направленная на выявление и устранение причин экстремистских проявлений, а также на предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений экстремистской направленности, минимизацию и (или) ликвидацию их последствий.

Проблема противодействия тоталитарным сектам, пропагандирующим экстремистские взгляды, обуславливается тем обстоятельством, что их деятельность имеет негативные последствия как для государства, так и для граждан, которые примкнули к таким деструктивным культам и стали их последователями, что влечет за собой причинение значительного вреда физическому и психологическому состоянию человека. В тоже время в России так и не разработано специальной Концепции противодействия тоталитарным сектам, не принято специальных федеральных законов в данной сфере, что приводит к многочисленным случаям нарушений прав граждан. Тоталитарные секты экстремистской направленности продолжают осуществлять свою деятельность, привлекая все новых приверженцев своих идей и воззрений. Таким образом, можно констатировать, что государственная политика в области противодействия деятельности тоталитарных культов в РФ, носит фрагментарный и несистемный характер, доказательством чему являются данные ЮНЕСКО, согласно которым Россия занимает третье место в мире по количеству тоталитарных сект [11, с. 25]. Изложенное предполагает необходимость разработки и принятия действенных мер по совершенствованию государственной политики РФ в области противодействия деятельности деструктивных культов.

Существующие правовые механизмы противодействия деятельности экстремистских организаций деструктивной направленности не лишены ряда недостатков и противоречий, требующих своего законодательного разрешения.

В первую очередь, необходимо разрешить проблемы, существующие в понятийном аппарате, которые препятствуют повышению эффективности противодействия деструктивным культам, пропагандирующих экстремистские воззрения. Так, недостатком действующего законодательства следует назвать то обстоятельство, что в нем даже не содержится легального определения понятий «тоталитарная секта», «деструктивный культ». Для преодоления данного законодательного пробела предлагаем принять специальный Федеральный закон «О запрете деятельности тоталитарных сект (деструктивных культов)», в котором необходимо закрепить следующее определение тоталитарной секты: «тоталитарная секта (деструктивный культ) представляет собой группу, позиционирующую себя как религиозное, политикорелигиозное, образовательное и иное объединение, характеризующееся авторитарными методами управления и наличием лидеров, иерархической подчиненностью, провозглашением своей идеологии и учения доминирующими над всеми остальными, которое преследует цели получения полной и бесконтрольной власти над своими сторонниками посредством манипуляторного воздействия на их сознание, жесткой регламентации всех аспектов их жизни, что влечет за собой нарушение их прав, а также ущемление прав и законных интересов иных лиц». В законе следует предусмотреть единые критерии, запрещающие осуществление такой деятельности.

В развитие данного Закона необходимо принять специальную Стратегию национальной безопасности в религиозной сфере, в которой сформулировать основные угрозы национальной безопасности, обозначить основные задачи и направления государства по противодействию угрозам, обратить особое внимание на деятельность тоталитарных сект, предложить меры по противодействию тоталитарным сектам, разработать перечень мер органам государственной власти, закрепить координирующую роль в сфере контроля и надзора за деятельностью религиозных организаций, в том числе в части осуществления контрольно-надзорных полномочий по предупреждению и профилактики деятельности тоталитарных сект, пресечению их деятельности. Соответствующие подразделения необходимо создать в правоохранительных структурах, которые бы занимались самостоятельной деятельностью по противодействию тоталитарным сектам в рамках предоставленных им полномочий, так и осуществляли совместные проверочные мероприятия с уполномоченным органом в данной сфере.

Основной акцент должен быть сделан не на противодействии религиозному течению, если оно само открыто не пропагандирует насилие, экстремизм, а на выявлении и пресечении деятельности групп, пропагандирующих деструктивные культы, в деятельности которых усматриваются признаки экстремизма. Полезным в этом отношении является опыт ряда зарубежных стран, где уполномоченные органы власти осуществлять надзор за детьми, чьи родители были уличены в участии в тоталитарных группах. В этой связи более активным должно быть взаимодействие между органами внутренних дел и органами опеки и попечительства, например, в части проведения индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними, выявление среди них лиц, причастных к деятельности тоталитарных сект, а также установление обстоятельств, причин и условий, способствующих этому;

обеспечения защиты жизни и здоровья несовершеннолетних; оказания неотложной психологической помощи; формирования у несовершеннолетних законопослушного поведения, нравственных и моральных качеств.

Действующий контроль за соблюдением религиозными организациями законодательства РФ о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях носит ограниченный характер, поскольку он не осуществляется в отношении тоталитарных сект нерелигиозного характера. Многие из тоталитарных религиозных сект вообще осуществляют свою деятельность без регистрации, что также затрудняет контроль Минюста за ними. Одна из основных проблем деятельности Минюста России и его территориальных органов по контролю за соблюдением религиозными организациями законодательства Российской Федерации о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях заключается в непринятии специального федерального закона, регулирующего деятельность Министерства юстиции и его территориальных органов в данной сфере.

Регистрация большинства религиозных объединений была осуществлена несколько лет. В современных условиях необходимо пересмотреть подход к регистрации религиозных объединений на предмет наличия в их деятельности элементов деструктивных культов. С этой целью на законодательном уровне необходимо принять решение о перерегистрации всех религиозных организаций и их общественных структур на основе заключения экспертной комиссии, куда должны войти представители Минюста, МВД, Прокуратуры, представители основных и традиционных конфессий в России, научные работники в сфере религии и культуры.

Таким образом, важнейшим направлением государственной политики должно стать предупреждение деятельности экстремистских организаций и вовлечения в них граждан, что предполагает необходимость повышения эффективности мониторинга деятельности таких организаций, информационного просвещения населения о способах деятельности экстремистских организаций и опасности их воззрений, повышение уровня взаимодействия органов государственной власти в данном вопросе.

Список литературы:

1. Состояние преступности. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф>
2. Михайлов С. В. Юридический анализ дефиниции экстремизма // Судья. – 2019. – № 4. – С. 50–63.
3. Макаров А. В., Чумаченко М. В. Терроризм и экстремизм: современное понимание и актуальные проблемы // Юридический мир. – 2016. – № 2. – С. 49–53.
4. Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. – № 138-139. – 30.07.2002.
5. Статистика религиозных объединений [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.rambler.ru/other/42926560-v-rossii-s-nachala-goda-poyavilis-483-novye-religioznye-organizatsii/>
6. Дворкин А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. – Новгород, 2002.
7. Латов Ю. В. Отражение в сознании сотрудников ОВД проблем предупреждения деятельности деструктивных религиозных организаций // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2010. – № 2. – С. 13–24.
8. Апелляционное определение Московского городского суда от 26.11.2018 // СПС «Консультант-Плюс».
9. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 20.04.2017 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753) (ред. от 29.05.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
11. Рясов Д.А. Этнокультурные особенности формирования криминальной мотивации членов семей участников религиозно-экстремистских незаконных вооруженных формирований и псевдорелигиоз-

ных сообществ деструктивной направленности // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2017. – № 4. – С. 24–27.

A. P. Nagorni, A. N. Popov. Extremism is a direct threat to Russia // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 330-335.

The article examines the essence and concept of extremism as one of the main threats to the national security of the state, the integrity of the constitutional system, the life and health of citizens. Special attention is paid to countering the teachings of non-traditional religious associations and pseudo-religious teachings of a destructive orientation, whose activity in modern Russia is extremely high, but the system of countering them is fraught with certain difficulties. One of them is connected with the fact that Russia has not developed a special Concept of countering totalitarian sects, and no special federal laws have been adopted in this area. In order to overcome this legislative gap, it is proposed to adopt a special Federal law "On the prohibition of the activities of totalitarian sects (destructive cults)", which should protect citizens from destructive effects on their physical and mental health. This federal law should provide for the concept of a totalitarian sect, mechanisms for countering totalitarian sects.

Keywords: extremism, extremist activity, crimes of extremist orientation, countering extremism, totalitarian sects.

Spisok literatury:

1. Sostoyanie prestupnosti. Oficial'nyj sayt Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://mvd.rf>
2. Mihajlov S. V. YUridicheskij analiz definicii ekstremizma // Sud'ya. – 2019. – № 4. – S. 50–63.
3. Makarov A. V., CHumachenko M. V. Terrorizm i ekstremizm: sovremennoe ponimanie i aktual'nye problemy // YUridicheskij mir. – 2016. – № 2. – S. 49–53.
4. Federal'nyj zakon ot 25.07.2002 g. № 114-FZ (red. ot 01.07.2021) «O protivodejstvii ekstremistskoj deyatel'nosti» // Rossijskaya gazeta. – № 138-139. – 30.07.2002.
5. Statistika religioznyh ob'edinenij [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://news.rambler.ru/other/42926560-v-rossii-s-nachala-goda-poyavilis-483-novye-religioznye-organizatsii/>
6. Dvorkin A. L. Sektovedenie. Totalitarnye sekty. – Novgorod, 2002.
7. Latov YU. V. Otrazhenie v soznanii sotrudnikov OVD problem preduprezhdeniya deyatel'nosti destruktivnyh religioznyh organizacij // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2010. – № 2. – S. 13–24.
8. Apellyacionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 26.11.2018 // SPS «Konsul'tantPlyus».
9. Apellyacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 20.04.2017 // SPS «Konsul'tantPlyus».
10. Strategiya protivodejstviya ekstremizmu v Rossijskoj Federacii do 2025 goda (utv. Prezidentom RF 28.11.2014 № Pr-2753) (red. ot 29.05.2020) // SPS «Konsul'tantPlyus».
11. Ryasov D.A. Etnokul'turnye osobennosti formirovaniya kriminal'noj motivacii chlenov semej uchastnikov religiozno-ekstremistskih nezakonnyh voozuzhennyh formirovanij i psevdoreligioznyh soobshchestv destruktivnoj napravlenosti // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2017. – № 4. – S. 24–27.

УДК 343.3/7

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ «ФИНАНСОВОЙ ПИРАМИДЫ» В ИСТОРИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Сердюк А. Ю.

*Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации*

В исследовании изучены нормы уголовного права России, регламентирующие ответственность в сфере финансовых пирамид, в процессе их последовательного принятия. Исследованы причины законодательных изменений. На примере привлечения к уголовной ответственности участников МММ-2011 проиллюстрировано действие уголовных норм о мошенничестве в данной сфере. Сделан вывод об актуальности введения в Уголовный кодекс специальной нормы, предусматривающей ответственность за деятельность в сфере финансовых пирамид отдельно от мошенничества, поскольку не все финансовые пирамиды обладают признаками мошенничества. Если вкладчики были заранее информированы о том, что являются участниками финансовой пирамиды, отсутствует обязательный признак мошенничества – способ его совершения (обман или злоупотреблением доверием).

В статье обращается внимание на то, что случаи привлечения к уголовной ответственности по ст.172.2 УК РФ носят единичный характер. Организации с признаками финансовых пирамид продолжают привлекать вкладчиков, что свидетельствует о необходимости продолжения совершенствования данной сферы законодательства.

Ключевые слова: финансовая пирамида, мошенничество, предпринимательская деятельность, привлечение денежных средств, преступления в сфере экономической деятельности, ст. 172.2 УК РФ.

Федеральный закон №78-ФЗ от 30.03.2016 внес в УК РФ законодательную новеллу – статью 172.2 УК РФ, призванную криминализировать создание финансовых пирамид и предусматривающую уголовную наказуемость организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества.

Целью законодательного закрепления данного нововведения явилось желание государства эффективно противодействовать имеющему широкое распространение в середине 1990-х – начале 2000-х годов на территории России такого криминального феномена, как создание финансовых пирамид, целью которых было вовлечение имущества вкладчиков, обманым путем в финансовые проекты и обещание быстрого обогащения за счет высоких дивидендов [1].

Вызвано распространение этого феномена было как разгосударствлением банковско-финансового сектора, который не был в полной мере обеспечен надлежащим правовым регулированием, так и противоречивыми и непоследовательными реформами в сфере формирования предпринимательства как одного из основных рыночных институтов [2, с.13].

Советский ученый Я.И. Перельман в XX в. писал о неизбежности краха «лавины», применительно к финансовым пирамидам [3]. Отечественное уголовное законодательство прошло свой особый аутентичный путь на пути криминализации деятельности в сфере финансовых пирамид. В современной России период зарождения финансовых пирамид приходится на 1991-1998 годы. Их деятельность нацеливалась на самые слабые сферы жизни постсоветского общества: инвестиционную и торговую, а формы отличались разнообразием: акционерные общества, партнерства, бизнес-клубы и кооперативов.

Из всего массива финансовых пирамид того времени, включающих не менее 1 800, наибольшим числом участников (более 25 мил чел.) и ущербом (превышает 40 триллионов рублей) выделяются следующие: «МММ», «Русский дом «Селенга», «Хопер-Инвет», «Властелина», «АВВА», «Русская недвижимость», «Л.Е.Н.И.Н», «Тибет», Банк «Чара», «Гермес-Финанс», «Олби-Дипломат».

Первая реакция государства на данное негативное социально-экономическое явление нашла свое выражение в Федеральном законе №10-ФЗ от 01.07.1994. Новеллой УК РФ стала ст. 148.3, которая под угрозой самого строго наказания в виде 1 года лишения свободы криминализовала причинение имущественного ущерба собственнику путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения. Эта норма была предназначена для предупреждения новых пирамид и для удовлетворения потребностей обманутых вкладчиков, жаждущих восстановления социальной справедливости.

Бесспорно, что именно на государство ложится основное бремя в борьбе с данным явлением. Оно обязано уделять должное внимание правовому регулированию как отношений в целом, так и уголовной ответственности за совершаемые при использовании денежных средств населения, полученных путем их привлечения в качестве соответствующих вкладов. Финансовые пирамиды являются крайне опасными для государства, способными маскироваться под различного рода и направленности компании, наносить максимальный ущерб как личности, так и государству, что крайне усложняет правовое регулирование данной сферы правоотношений.

Если при поверхностном взгляде от деятельности такого преступного рода компаний страдают лишь граждане, которые вкладывают лично накопленные сбережения, то при детальном изучении видно, что проблема имеет больший масштаб. Последствиями деятельности финансовых пирамид является подрыв доверия населения к институту инвестирования как в частные компании, так и государственные. Кроме того, организаторы «финансовых пирамид», с целью избегания ответственности, прибегают к механизмам по выводу денежных средств за рубеж [4, с. 64].

Деятельность финансовых пирамид увеличивает долю теневого сектора экономики страны, что в свою очередь приводит к торможению экономического развития, сокращению ВВП. Понимая социально-правовую важность и необходимость пресечения данного явления, законодателем нашей страны неоднократно принимались меры по криминализации любой деятельности в области финансовых пирамид, регламентации уголовной ответственности за деятельность по привлечению средств вкладчиков. Длительный период современной России не находило своего воплощения принятие специальных норм.

Несмотря на то, что начиная с 90-х годов XX в. финансовые пирамиды получили стремительное развитие на территории РФ, законодатель на протяжении длительного периода не предпринимал попыток закрепить специальными нормами уголовную ответственность за их организацию. Не содержал их и УК РФ 1996 г. Это объясняется тем, что данные деяния содержали признаки мошенничества, ответственность за которое была закреплена в ст. 159 УК РФ. Однако необходимо отметить, что далеко не все виды финансовых пирамид подпадают под признаки мошенничества.

К мошенничеству в наибольшей мере относятся так называемые «классические» финансовые пирамиды, когда у населения в качестве вкладов под выплату процентов по ним принимаются денежные средства, при этом от вкладчика утаивается информация об источнике происхождения подлежащего выплате ему дохода либо инсценируется прибыль от высокодоходного вида финансовой деятельности, придуманной организатором компании [5, с.20].

В рассматриваемом примере присутствует главный признак мошенничества – обман или злоупотребление доверием. Но данный способ завладения денежными средствами вкладчиков не всегда присутствует в действиях организаторов финансовых пирамид.

Преступлением, побудившим законодателя к возврату к законотворческой работе в данной сфере, является повторная организация в 2011 г. нашедшей в 1994 году финансовой пирамиды «МММ». Принцип организации данной финансовой пирамиды заключался в приобретении и погашении участниками специально созданных виртуальных ценных бумаг – Мавро. Цена бумаг устанавливалась и изменялась на основании распоряжения Сергея Мавроди (обычно рост составлял от 10 до 100%). У финансовой пирамиды не было официально зарегистрированной организации и счета в банке. Если участник хотел продать Мавро, то деньги он получал напрямую от другого участника.

Органы прокуратуры предпринимали меры по блокированию работы МММ-2011 путем обращения в суды с исковыми заявлениями о закрытии сайтов и запрете разного рода рекламы. Также были попытки привлечения организаторов пирамиды к уголовной ответственности: весной 2011 г. за незаконное предпринимательство были возбуждены уголовные дела по ст.171 УК РФ в отношении местного жителя одного из районов Новосибирской области, руководившего местным подразделением МММ-2011, а впоследствии и самого Мавроди [6].

Также по требованию прокурора Колыванского района Новосибирской области правоохранительными органами было возбуждено уголовное дело в отношении по признакам состава преступления, предусмотренного ч.5 ст.33, ч.1 ст.171 УК РФ [7]. Кроме того, летом 2021 г. в Москве возбуждено уголовное дело в отношении неустановленных лиц за приготовление к преступлению – создание МММ-2011, однако Мавроди к ответственности привлечён не был [8].

В то же время приговором Кунгурского городского суда Пермского края от 23.08.2013 по делу №1-247/2013 к уголовной ответственности привлечен житель г. Кунгур по ч.4 ст.159 УК РФ, которому инкриминировано хищение денежных средств граждан в крупном размере. Осужденный сообщал жителям города Кунгур, что является представителем системы МММ-2011 и убеждал перечислить денежные средства на свой банковский счет. В последующем мошенник распорядился перечисленными ему денежными средствами по своему усмотрению. Виновному назначено наказание в виде 4 лет и 6 месяцев лишения свободы и взыскан ущерб, причиненный потерпевшим [9].

Одной из главных проблем правоприменителей в исследуемый период времени было отсутствие в действиях организаторов «финансовых пирамид» обязательного признака мошенничества – способ совершения (обман или злоупотреблением доверием), поскольку вкладчиков информировали о том, что они являются участниками финансовой пирамиды и возврат вкладов не гарантиро-

ван. Впервые в РФ попытки принятия специальной нормы предприняты в 2012 г. Инициаторами законопроектов выступили Минфин и Следственный комитет РФ. Однако данные законопроекты не нашли своего отражения в законе. При разработке Федерального закона № 207-ФЗ от 29.11.2012 г., которым мошенничество в сфере предпринимательской деятельности выделено в отдельный состав преступления – ст. 159.4 УК РФ, его авторами целью данной новеллы обозначалась противодействие финансовым пирамидам, а предполагаемое название статья носила – «Мошенничество при инвестиционной деятельности» [10].

С момента принятия вышеуказанного закона, до определения ст. 159.4 Уголовного кодекса РФ как не соответствующей Конституции РФ мошенничества, совершенные по принципу финансовых пирамид, квалифицировались именно по ней. При этом такая ситуация не в полной мере отвечала общественной опасности данных деяний.

Мотивировкой Постановления Конституционного суда РФ № 32-П от 11.12.2014 стало то, что ст. 159.4 УК РФ устанавливала более мягкую ответственность за завладение имуществом, связанное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в предпринимательской сфере, чем ст. 159 Уголовного кодекса РФ, что противоречило конституционному принципу равенство всех форм собственности. Следующая попытка ввести специальную норму, предусматривающую уголовную ответственность за деятельность пирамидостроителя, сделана Федеральным законом от 30.03.2016 № 78-ФЗ, которым введена ст. 172.2 УК РФ. Таким образом, принятием данного закона был ликвидирован законодательный пробел в рассматриваемой сфере. Однако принятие данного закона не позволяет заявить о победе в борьбе с преступностью в сфере организации финансовых пирамид.

Так, масштабная «финансовая пирамида» «Кешбери», осуществлявшая деятельность на принципах сетевого маркетинга, в период с 2016 по 2018 гг. развернула активную деятельность на всей территории страны, вела активную рекламу в СМИ и социальных сетях до того, как осенью 2018 г. Банк России передал соответствующую информацию в правоохранительные органы. Сумма ущерба от деятельности финансовой пирамиды составляет до 3 млрд руб. [11].

Банк России продолжает выявлять огромное количество организаций, обладающих признаками финансовых пирамид. На официальном сайте регулятора размещены актуальные сведения о 1212 действующих организациях с признаками финансовых пирамид, из них 276 выявлено в 2020 г., 804 – в 2021 г. и более 100 – только за январь 2022 г. [12].

Отдельно стоит обратить внимание на набирающий популярность рынок криптовалюты. Цифровые активы не только сами по себе являются высокорискованным финансовым инструментом, но и используются для построения мыльных пузырей на базе криптобирж, платформ P2P-переводов и пунктов обмена цифровых монет. Данная сфера в отсутствие правового регулирования особо привлекательна для разного рода нелегальных схем, в том числе с использованием средств вкладчиков. В этом ракурсе видится актуальной соответствующая концепция регламентирования механизма организации оборота цифровых валют [13]. Такое явление как организация «финансовых пирамид» является угрозой для государства и общества, от него страдают не только постра-

давшие вкладчики, нередко не поддавшиеся обману, а вовлеченные в финансовую пирамиду, как в лотерею или азартную игру, но и банки, добросовестные финансовые компании другие члены общества, и, безусловно, государство, которое недополучает налоговый платеж от теневой сферы бизнеса, теряет авторитет в глазах населения, получает убыток в виде выплат компенсаций пострадавшим вкладчикам из бюджетов всех уровней. По этой причине эффективная уголовно-правовая охрана данных правоотношений в этой сфере имеет важное практическое значение.

Список литературы:

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Законопроект № 881156-6 : Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». – <https://sozd.duma.gov.ru/bill/881156-6> – Текст: электронный (дата обращения: 04.02.2022)
2. Становление институтов теневой экономики в постсоветской России / Косалс Л. Я., Рывкина Р.В. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2002. – № 4. – С. 13-21.
3. Перельман, Я.И. Живая математика. Математические рассказы и головоломки / Я. И. Перельман. — Москва : Издательство Юрайт, 2020. — 163 с. — (Открытая наука). — ISBN 978-5-534-12291-6. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/447197> (дата обращения: 04.03.2022).
4. Особенности функционирования кредитных потребительских кооперативов и отличие их деятельности от финансовых пирамид / Е.С. Ткаченко. – Текст : непосредственный // Фундаментальные и прикладные исследования. – 2009. – № 5. – С. 63- 67.
5. Основные направления совершенствования российской уголовной политики в экономической сфере / А.И. Бастрыкин. – Текст : непосредственный // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2014. – №3. – С.20.
6. Следственные органы прекратили уголовное дело, связанное с деятельностью финансовой пирамиды «МММ-2011» Сергея Мавроди, которое было возбуждено в Новосибирской области весной 2012 года // И. Питалев. – Текст : электронный // МИА «Россия сегодня» – URL: <https://ria.ru/20130116/918292725.html> (дата обращения: 04.02.2022)
7. Против Сергея Мавроди возбуждено новое уголовное дело // – Текст : электронный // Сетевое издание «Вести.Ру» – URL: <https://www.vesti.ru/article/1871565> (дата обращения: 04.02.2022)
8. Генпрокуратура возбудила уголовное дело о мошенничестве в проекте МММ-2011 // Сетевое издание «РБК» – URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/07/06/2012/55929be49a794719538c437c (дата обращения: 04.02.2022)
9. Приговор Кунгурского городского суда Пермского края от 23.08.2013 по делу № 1-247/2013 // https://kungur-perm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=20301559&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 04.02.2022)
10. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части дифференциации мошенничества на отдельные составы) : Законопроект № 53700-6 : Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». – <https://sozd.duma.gov.ru/bill/53700-6> – Текст: электронный (дата обращения: 04.02.2022)
11. Зубков И. Банк России передал в Генеральную прокуратуру и МВД информацию о группе российских и иностранных компаний, действующих под брендом «Кэшбери», сообщил директор Департамента противодействия недобросовестным практикам ЦБ Валерий Лях / И. зубков. – Текст : электронный // сайт Банка России. – URL: <http://www.cbr.ru/press/event/?id=5076#highlight=%D0%BA%D1%8D%D1%88%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B8> (дата обращения: 02.03.2022)
12. Список компаний с выявленными признаками нелегальной деятельности на финансовом рынке // Официальный сайт Банка России – URL: <https://www.cbr.ru/inside/warning-list/> (дата обращения: 04.02.2022)
13. Концепция законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют : сайт Правительства России. – <http://static.government.ru/media/files/Dik7wBqAubc34ed649q12Kg6HuTANrqZ.pdf> – Текст: электронный (дата обращения: 02.03.2022).

Serdyuk A. Y. Responsibility for the organization of the financial pyramid in the history of criminal law of modern Russia // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 336-341.

The study studied the norms of the criminal law of Russia, which regulate liability in the sphere of financial pyramids, in the process of their consistent adoption. The reasons for legislative changes are investigated. On the example of bringing the participants of MMM-2011 to criminal responsibility, the effect of criminal norms on fraud in this area is illustrated. The conclusion is made about the relevance of introducing a special rule into the Criminal Code providing for liability for activities in the sphere of financial pyramids separately from fraud, since not all financial pyramids have signs of fraud. If the depositors were informed in advance that they were participants in a financial pyramid, there is no obligatory sign of fraud - the way it was committed (deception or breach of trust).

The article draws attention to the fact that cases of bringing to criminal liability under Article 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation are isolated. Organizations with signs of financial pyramids continue to attract investor, which indicates the need to continue improving this area of legislation.

Key words: financial pyramid, fraud, entrepreneurial activity, raising funds, crimes in the field of economic activity, Art. 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Spisok literatury:

1. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Draft Law No. 881156-6: The System for Ensuring Legislative Activities of the State Automated System "Lawmaking". – <https://sozd.duma.gov.ru/bill/881156-6> – Text: electronic (date of access: 04.02.2022)
2. Formation of institutions of the shadow economy in post-Soviet Russia / Kosals L. Ya., Ryvkina R.V. – Text: direct // Sociological research. - 2002. - No. 4. - p. 13-21.
3. Ya. I. Perelman, Living Mathematics. Mathematical stories and puzzles / Ya. I. Perelman. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. - 163 p. — (Open Science). - ISBN 978-5-534-12291-6. — Text: electronic // Educational platform Urayt [website]. — URL: <https://urait.ru/bcode/447197> (date of access: 03/04/2022).
4. Features of the functioning of credit consumer cooperatives and the difference between their activities and financial pyramids / E.S. Tkachenko. – Text: direct // Fundamental and applied research. - 2009. - No. 5. - P. 63-67.
5. The main directions of improvement of the Russian criminal policy in the economic sphere / A.I. Bastrykin. – Text: direct // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. - 2014. - No. 3. – P.20.
6. The investigating authorities stopped the criminal case related to the activities of the financial pyramid "MMM-2011" by Sergei Mavrodi, which was initiated in the Novosibirsk region in the spring of 2012 // I. Pitalev. - Text: electronic // MIA "Russia Today" - URL: <https://ria.ru/20130116/918292725.html> (date of access: 04.02.2022).
7. A new criminal case has been initiated against Sergei Mavrodi // - Text: electronic // Vesti.Ru online publication - URL: <https://www.vesti.ru/article/1871565> (date of access: 04.02.2022).
8. The Prosecutor General's Office opened a criminal case on fraud in the MMM-2011 project // RBC online publication - URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/07/06/2012/55929be49a794719538c437c (date of access: 04.02.2022).
9. Sentence of the Kungur City Court of the Perm Territory dated August 23, 2013 in case No. 1-247/2013 // https://kungur--perm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=20301559&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (date of access: 02/04/2022).
10. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation (in terms of differentiation of fraud into separate components): Draft Law No. 53700-6: System for ensuring the legislative activity of the State Automated System "Lawmaking". – <https://sozd.duma.gov.ru/bill/53700-6> – Text: electronic (date of access: 04.02.2022).
11. Zubkov I. The Bank of Russia submitted information about a group of Russian and foreign companies operating under the Cashbury brand to the Prosecutor General's Office and the Ministry of Internal Affairs, said Valery Lyakh / I. Zubkov, Director of the Department for Combating Unfair Practices of the Central Bank. – Text: electronic // website of the Bank of Russia. – URL: <http://www.cbr.ru/press/event/?id=5076#highlight=%D0%BA%D1%8D%D1%88%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B8> (date of access: 03/02/2022).
12. List of companies with identified signs of illegal activity in the financial market // Official website of the Bank of Russia - URL: <https://www.cbr.ru/inside/warning-list/> (date of access: 04.02.2022).
13. The concept of legislative regulation of the mechanisms for organizing the circulation of digital currencies: website of the Government of Russia. – <http://static.government.ru/media/files/Dik7wBqAubc34ed649ql2Kg6HuTANrQz.pdf> – Text: electronic (date of access: 03/02/2022).

УДК 34

**РАЗВИТИЕ НОРМ ПРАВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ УПРАВЛЕНИЕ
И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АВТОТРАНСПОРТА В ФИНЛЯНДИИ В КОНЦЕ XIX
– ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.**

Змерзлый Б. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

В статье указано, что правовое регулирование эксплуатации и деятельности автомобильного транспорта в Финляндии прошла несколько этапов. Первый относится к периоду до 1914 г., когда такое регулирование происходило на уровне регионов и городов, с самостоятельными правилами. Второй – период Первой мировой войны, когда появились первые комплексные нормативные акты, регулирующие эксплуатацию авто и мототранспорта. Третий этап включает время от обретения независимости до начала Второй мировой войны и характеризуется появлением комплексного, общегосударственного подхода, ознаменован введением в 1926 г. общих для всей страны правил дорожного движения, вступления в силу парижского Международного соглашения о мототранспорте, появлении ряда межгосударственных соглашений, развитие внутреннего отраслевого законодательства.

Ключевые слова: Республика Финляндия, автомобильный транспорт, правовое регулирование, правила дорожного движения, соглашения.

Путь к признанию автомобиля в качестве полноправного транспортного средства, как установление норм его эксплуатации прошли длительный путь, имея свою специфику в каждой стране.

Так, в истории автомобилестроения часто упоминается, что в некоторых районах Швейцарии на заре автомобильной эры автомобили были полностью запрещены. В 1900 г. в кантоне Граубюнден в восточной части запрет был окончательно отменен на референдуме в 1925 г. [1, с. 18-19]. В других странах мира были попытки запретить автомобильное движение с самого начала, однако, к примеру, в США, с целью безопасности дорожного движения, уже был закон о дорожном движении, принятый еще до изобретения современного автомобиля.

В Финляндии право на передвижение автомобилей было урегулировано еще до его появления. Инженер К. К. Коллин в 1898 г. приобрел для своей конной фермы Хуовила в Кяркёле локомотив, который использовался для перевозки грузов на близлежащую железнодорожную станцию. Вес этой конструкции составлял 7 тонн.

Металлические шины данного устройства, естественно, пробили дорожное покрытие, и после жалоб губернатор провинции Хяме запретил движение автотранспорта по дорогам своей провинции. Тем не менее, Коллин обжаловал это решение в экономическом отделе Сената, который вынес многостороннее решение по апелляции. С одной стороны, запрет губернатора не был отменен, потому что локомотив явно угрожал общественному дорожному движению. Однако, в то же время инженеру Коллину было поручено сделать доклад губернатору, чтобы он мог предписать средства, с помощью которых локомотив мог двигаться по дороге общего пользования, не создавая опасности для других участников движения. Кроме того, Департамент финансов Сената перечислил ряд возможностей, которые губернатор мог использовать при назначении средств [2]. Автомобилистам разрешили передвигаться

по финским дорогам при условии, что они предварительно узнают у властей, как сделать это безопасно, не подвергая опасности других людей.

По мнению финских исследователей, первые правила, регулирующие автомобильное движение, можно использовать для оценки того, что считалось проблематичным в автомобильном движении, так как финская бюрократия работала через петиции и жалобы.

С развитием автомобилизации в 1906 г. начали появляться провинциальные правила порядка для автомобильного движения. Примерно в то же время некоторые мировые судьи стали издавать собственные правила эксплуатации автомобильного транспорта. Самые первые частные автомобилисты не породили широкой потребности в правилах дорожного движения [3], правила же устанавливались для профессионального вождения. Название первого кодекса поведения «Правила порядка, изданные исполняющим обязанности губернатора Оулуской губернии 10 августа 1906 г. фермеру К. Е. Каллиосалми и сыну фермера Яакко Ямса, обратившимся за разрешением на движение» [4].

Губернатор провинции получил заявление поступило в канцелярию губернатора уезда, по которому власти должны были занять определенную позицию. В этом случае действующий губернатор И. Ялас решил издать общие правила, точное толкование которых оставалось на усмотрение губернатора и полиции. В результате шесть из семи статей, касающихся автомобильного транспорта, были приняты.

Основные правила вождения включали: проверка на пригодность к вождению, ограничение скорости, внимание к другим участникам движения, регистрация, а также штрафы и ответственность за нарушения. Вместе с в одной статье даны указания по регистрации пассажиров еще и в автобусном транспорте.

Тремя месяцами ранее Уильям Нюберг, вернувшийся из Америки на автомобиле Ford, получил разрешение от Регистрационной палаты Оулу на управление такси в городе Оулу. Земельный кадастр обосновал свое решение, сославшись на императорский указ о бизнесе от 1879 г. Ходатайство было удовлетворено «при условии, что автомобиль перед использованием будет осмотрен на предмет его пригодности для использования по назначению, что скорость движения не будет превышать 20 километров в час и что будет соблюдаться осторожность во время поездок» [5].

Весной и летом 1906 г. заявки на получение лицензии на такси подавались по всей Финляндии, в Куопио, Ханко, Турку и Вааса, и несколько заявок ожидали рассмотрения в Хельсинки [6]. Таким образом, правила дорожного движения рассматривались не только в Оулу, но и во многих других районных и провинциальных администрациях. По крайней мере, в Куопио и Хельсинки разрешения выдавались при условии, что заявитель будет соблюдать правила порядка, которые будут изданы позже, а пока будет следовать указаниям полиции.

Можно отметить, что в каждом городе и провинции действовали свои правила дорожного движения, отражающие мнение местных властей. В некоторых случаях даже общие правила дорожного движения, содержащиеся в подзаконных актах, противоречили друг другу, особенно ограничения скорости. Кроме того, требования к возрасту водителей варьировались от провинции к провинции и от города к городу.

В США, к примеру, первые местные законы о дорожном движении были приняты в 1899 г. В том году и в последующие четыре года в разных частях страны были приняты иные законы и сотни правил дорожного движения для автомобилистов.

Однако, в Нью-Йорке в сентябре 1899 г. агент по недвижимости Анри Х. Блисс вышел из трамвая и был сбит такси. Он умер в тот же день. Случайная смерть заставила власть вмешаться в ситуацию на автомобильном транспорте. Две аварии со смертельным исходом, также произошедшие в Нью-Йорке в 1905 г., побудили органы власти требовать от водителей наличия водительских удостоверений. В США, как и в других странах, правила движения также различны, в связи с чем появилась идея их унификации. Эта работа была завершена только в 1920-х годах.

При этом, в Европе и Финляндии правила дорожного движения уже были до роковых событий. В Великобритании первой жертвой автомобильной аварии стала Б. Дрисколл.

Целью первых правил в Финляндии, с учетом того, что в каждом городе они были свои, стало максимальное ограничить контроля за движением вне городов.

22 июля 1907 г. в Хельсинки был принят первый кодекс поведения, который был существенно обновлен и пересмотрен в 1911 году. Аналогичные правила порядка были изданы и в других городах [7, s. 54]. 25 февраля 1919 г. принят первый декрет о порядке использования транспорта во время независимости, который налагал, что «всадники должны принимать друг против друга, когда наезжают друг на друга или проезжают мимо друг друга». Правила предписывали водителю уступать дорогу влево, что было исправлено вправо поправкой к Правилам в 1921 г. [7, s. 69].

Однако, перед этим еще была 1-я Мировая война. В августе 1914 г. было опубликовано «Обязательное постановление Финляндского Генерал-Губернатора о езде от городских поселений на самодвижущихся экипажах» (Финская Газета. 1914. №180). Им, на период военного времени:

1. Езда вне городских поселений на самодвижущихся экипажах (автомобилях, мотоциклетах, велосипедах и т.п.) разрешалась исключительно только лицам, получившим на такую езду особое именное свидетельство из городского полицейского управления, городского полицейского комиссара или коронного ленсмана, по принадлежности, за надлежащей подписью и печатью.

2. Свидетельство на право езды на самодвижущихся экипажах выдается, по усмотрению полицейской власти (ст. 1) или на все время действия настоящего постановления, или на определенный срок, или только на отдельную поездку. К свидетельству прилагается фотографическая карточка лица, коему оно выдано. Другая такая же карточка остается для контроля при делах полицейской власти, выдавшей свидетельство. Полицейские власти могут, в виде изъятия, выдавать свидетельства отдельным лицам, им известным, не требуя представления фотокарточек.

Примечанием к данной статье устанавливалось, что военнослужащие для езды на самодвижущихся колясках за городом будут снабжаться свидетельством выдаваемым соответствующим военным начальством.

3. Лица, получившие свидетельства на право езды на самодвижущихся экипажах ст. 1 и 2 должны при совершении поездок иметь свидетельство при себе и предъявлять его по первому требованию чинов полиции, корпуса жандармов и также воинских постов, патрулей и разъездов.

4. Строжайше запрещалось: 1) лицам, получившим свидетельства на право езды на самодвижущихся колясках передавать эти свидетельства другим лицам; 2) совершать поездки по чужому свидетельству или хотя и по собственному, но срок действия которого уже истек; 3) брать с собой, за исключением указанных ниже в примечании к этой статье, других лиц, если они не имеют своих особых свидетельств, и 4) отдавать самодвижущиеся коляски в наем лицам, не имеющим надлежащего свидетельства. Однако, примечанием позволялось без особых свидетельств ездить женам с мужьями и детям, в возрасте до 15 лет, вместе со взрослыми.

5. В случае замечания (появления) где-либо проезжающих на самодвижущихся экипажах посторонних подозрительных личностей каждый, кто их заметит, должен немедленно сообщать о том полиции, чинам корпуса жандармов или воинским чинам; равным образом каждый обязан оказывать полицейским, жандармам и военным содействие к задержанию подобных экипажей.

6. Виновные в нарушении правил этого постановления подвергаются в административном порядке заключению в тюрьме на срок до трех недель или денежному штрафу до 8000 марок.

7. На рассмотрение дел по сему постановлению уполномоченные губернаторов подлежащих губерний Финляндии. Данное постановление вступает в силу немедленно по его обнародовании [8, с. 18].

Военное нормирование было постепенно отменено после окончания Первой мировой войны, а запрет на импорт автомобилей, введенный в 1914 г., был отменен с начала 1920 г.

21 мая 1926 г. парламент Финляндии принял первый Закон Финляндии о дорожном движении. В дополнении к общим правилам дорожного движения в нем были штрафы за нерегистрацию и ответственность за высокую скорость эксплуатации, вождение без права, превышение скорости и вождение в нетрезвом виде. При этом, данный закон действовал вплоть до принятия нового комплексного акта в 1957 г.

Можно также упомянуть и о том, что благодаря принятию данного комплексного закона в Финляндии был запущен столь долго сдерживаемый процесс по урегулированию самых необходимых вопросов, связанных с организацией дорожного движения, владения транспортом, ответственности собственников и водителей автотранспорта и т.д. К тому же данный процесс совпал с массовым ввозом импортных автомобилей и попытками производить собственные.

В этом же, 1926 г. были приняты такие нормативные акты, как: «Положение о бесплатной выдаче предварительных квитанций на автотранспортные средства»; «Положение о выкупе водительских удостоверений и удостоверений на автомобильный транспорт»; «Декрет об организации регистрации и дорожного осмотра автотранспортных средств в провинции Аландские острова» (имеющих в независимой Финляндии автономный статус) [9]; «Решение, содержащее Правила проведения дорожных инспекций для механических транспортных средств и ставку доставки».

В 1929 г. в Республике Финляндия были приняты следующие отраслевые нормативные акты: «Декрет о применении Закона о налоге на автотранспортные средства»; «Решение о пределах зон дорожного досмотра для автотранспортных средств и численности работников дорожного досмотра»; «Постановление о выкупе водительских удостоверений и удостоверений учителя, а также удостоверений, исполь-

зубых в автомобильном транспорте»; «Решение, содержащее Положение о работниках дорожного досмотра автотранспортных средств и средств доставки»; «Декрет о применении Закона о налоге на автотранспортные средства»; «Закон о налоге на автотранспортные средства».

В 1930 г.: «Правила о вступлении в силу Соглашения между Финляндией и Норвегией о взаимном принятии водительских удостоверений и свидетельств о регистрации пассажирских транспортных средств»; «Положение о вступлении в силу Соглашения между Финляндией и Швецией о взаимном признании водительских удостоверений и свидетельств о регистрации пассажирских транспортных средств»; «Положение о вступлении в силу Соглашения между Финляндией и Данией о взаимном принятии водительских удостоверений и свидетельств о регистрации пассажирских транспортных средств»; «Решение, содержащее технические инструкции по строительству и содержанию автомобильных дорог»; «Декрет от 24 апреля 1926 г. о вступлении в силу Международного соглашения о мототранспорте, заключенного в Париже».

В 1931 г. были приняты «Закон о налоге на автотранспортные средства». В 1932-1934 гг. декреты «о применении Закона о налоге на автотранспортные средства».

В 1934 г. – «Положение о вступлении в силу Международного соглашения о налогообложении иностранных механических транспортных средств и Приложения к нему»; «Решение о пределах зон дорожного досмотра для автотранспортных средств и численности работников дорожного досмотра». В 1936 г. – «Декрет о применении Закона о налоге на автотранспортные средства». В 1937 г. – «Правила движения автотранспортных средств»; «Указ об осуществлении Закона об ответственности за автомобиль». В 1938 г. – «Решение о сумме дополнительного налога, исчисленного в соответствии с пунктом 3 статьи 6 Закона о налоге на автотранспортные средства»; «Решение о праве пользования налогооблагаемым автотранспортным средством для перевозки в январе 1939 года»; «Декрет о применении Закона о налоге на автотранспортные средства»; «Решение о критериях расчета размера капитала аннуитета, упомянутого в статье 7(1с) Закона об ответственности за автомобиль»; «Положение о регистрации страхования по смыслу Закона об ответственности автотранспортных средств в реестре автотранспортных средств и в регистрационном документе»; «Решение включает кодекс поведения работников дорожного досмотра на автотранспортных средствах»; «Руководящие принципы осуществления Правил, касающихся автомобильного транспорта», иные нормативные акты.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что правовое регулирование эксплуатации и деятельности автомобильного транспорта в Финляндии прошла несколько этапов. Первый относится к периоду до 1914 г., когда такое регулирование происходило на уровне регионов и городов, с самостоятельными правилами. Второй – период Первой мировой войны, когда появились первые комплексные нормативные акты, регулирующие эксплуатацию авто и мототранспорта. Третий этап включает время от обретения независимости до начала Второй мировой войны и характеризуется появлением комплексного, общегосударственного подхода, ознаменован введением в 1926 г. общих для всей страны правил дорожного движения, вступления в силу парижского Международного соглашения о мототранспорте, появление ряда

межгосударственных соглашений, развитие внутреннего отраслевого законодательства.

Список литературы:

1. Wolfgang Sachs, For Love of the Automobile: Looking Back Into the History of Our Desires. University of California Press, Berkeley & Los Angeles 1992, 18–19.
2. Collinin valituksen käsittely saatiin lopulliseen päätökseen 12.11.1900. Kansallisarkisto, Talousosaston registraattorinkonttorin arkisto, Valitusdiaari 1899, Ac:2, f13; Talousosaston yhteisistuntopöytäkirjat XI 1900, Ca:493 f346–347. ”Ei saa ajaa höyryveturilla maantiellä”. Hämäläinen 14.6.1899. Senaatin talousosaston monopolvisesta päätöksestä uutisoitiin osin harhaanjohtavin otsikoin: ”Förbud mot användning af landsvägslokomotiv”. Borgå Nya Tidning 23.11.1900; ”Maantieveturin käyttäminen kielletty”. Kaiku 26.11.1900.
3. Reijo Valta Koeajoja Auton käyttöönotto Suomessa 1900-1918. - JYVÄSKYLÄ 2021.
4. Säännöt on julkaistu useampaan kertaan. Esim. Ossi Hedman, Kemin kaupungin historia 2. osa. Kemin kaupunki, Kemi 1976.
5. Kansallisarkisto, Oulun toimipiste, Oulun maistraatin I arkisto, Varsinaiset pöytäkirjat 4.5.1906, BI:119.
6. Mauranen 1995, 20–25.
7. U. E. Moisala: Car in Finland: history of car trade, use and repair operations till 1982.
8. Сборник узаконений, а также мер и распоряжений Правительства, изданных по Финляндии на время войны и обнародованных или оповещенных в Собрании Узаконений и Распоряжений Правительства, Сборник касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения, Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского и Финляндских газет по 31 декабря (стар. стиля) 1915 г. – Петроград. – 1916.
9. Я. В. Лукашева. Правовой статус Аландских островов. - Правовой статус Аландских островов (Финляндия) — Конституции государств (стран) мира (worldconstitutions.ru).

Znerzly B.V. The development of the law governing the management and use of vehicles in Finland at the end of the 19th - the first half of the 20th century // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 342-347.

The article states that the legal regulation of the operation and activities of road transport in Finland has gone through several stages. The first refers to the period before 1914, when such regulation took place at the level of regions and cities, with independent rules. The second is the period of the First World War, when the first comprehensive regulations governing the operation of cars and motorcycles appeared. The third stage includes the time from gaining independence to the start of World War II and is characterized by the emergence of an integrated, nationwide approach, marked by the introduction in 1926 of the rules of the road common for the whole country, the entry into force of the Paris International Agreement on motor transport, the emergence of a number of interstate agreements, the development of internal industry legislation.

Keywords: Republic of Finland, road transport, legal regulation, traffic rules, agreements.

Spisok literatury:

1. Wolfgang Sachs, For Love of the Automobile: Looking Back Into the History of Our Desires. University of California Press, Berkeley & Los Angeles 1992, 18–19.
2. Collinin valituksen käsittely saatiin lopulliseen päätökseen 12.11.1900. Kansallisarkisto, Talousosaston registraattorinkonttorin arkisto, Valitusdiaari 1899, Ac:2, f13; Talousosaston yhteisistuntopöytäkirjat XI 1900, Ca:493 f346–347. ”Ei saa ajaa höyryveturilla maantiellä”. Hämäläinen 14.6.1899. Senaatin talousosaston monopolvisesta päätöksestä uutisoitiin osin harhaanjohtavin otsikoin: ”Förbud mot användning af landsvägslokomotiv”. Borgå Nya Tidning 23.11.1900; ”Maantieveturin käyttäminen kielletty”. Kaiku 26.11.1900.
3. Reijo Valta Koeajoja Auton käyttöönotto Suomessa 1900-1918. - JYVÄSKYLÄ 2021.
4. Säännöt on julkaistu useampaan kertaan. Esim. Ossi Hedman, Kemin kaupungin historia 2. osa. Kemin kaupunki, Kemi 1976.
5. Kansallisarkisto, Oulun toimipiste, Oulun maistraatin I arkisto, Varsinaiset pöytäkirjat 4.5.1906, BI:119.
6. Mauranen 1995, 20–25.
7. U. E. Moisala: Car in Finland: history of car trade, use and repair operations till 1982.
8. Sbornik uzakonenij, a takzhe mer i rasporyazhenij Pravitel'stva, izdannyh po Finlyandii na vremya vojny i obnarodovannyh ili opoveshchennyh v Sobranii Uzakonenij i Rasporyazhenij Pravitel'stva, Sbornik kasayushchihsya Finlyandii zakonov i postanovlenij obshchegosudarstvennogo znacheniya, Sbornik postanovlenij Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo i Finlyandskih gazet po 31 dekabrya (star. stilya) 1915 g. – Petrograd. – 1916.
9. YA. V. Lukasheva. Pravovoj status Alandskih ostrovov. - Pravovoj status Alandskih ostrovov (Finlyandiya) — Konstitucii gosudarstv (stran) mira (worldconstitutions.ru).

УДК 346.27(470+571)

**СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА КРЕДИТНОЙ
КООПЕРАЦИИ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

Невлев В. В., Соловьева Л. В.

Белгородский университет кооперации, экономики и права

В статье исследован генезис отечественного кредитного законодательства в его исторической проекции, определен уровень разработанности проблемы в свете современных требований к юридической науке. Выявлены социально-экономические, политические и идеологические предпосылки возникновения потребительского кооперативного кредитования, изучены основные этапы становления и развития института правовой деятельности кредитных кооперативов в истории России. Рассмотрен механизм правового регулирования кредитной кооперации, обоснованы мероприятия, направленные на повышение эффективности его действия. В рамках работы предпринят анализ элементов организационно-правовых форм кредитных потребительских кооперативов, сформулировано значение российской кооперации в процессе ее институционального становления.

Ключевые слова: потребительская кооперация, правовое положение кооперации, кооперативное кредитование, кредитный кооператив, правовое регулирование деятельности, кредитное законодательство.

Критическое изучение исторического опыта прошлых лет, объективная оценка положительных достижений и отрицательных моментов в настоящем дают возможность принимать оптимальные решения в процессе организации устойчивого развития российской государственности. При этом стабильное правовое сопровождение деятельности отечественной экономической структуры реально только в условиях возможного выбора форм собственности, наличия вариативности и свободного волеизъявления. Особой системой управления, рационально соединяющей традиции и инновации, сегодня выступает кредитная потребительская кооперация, что делает научные изыскания в данной области весьма актуальными и занимает важное практическое место в экономической природе глобальной финансовой нестабильности.

Достижения кредитных кооперативов в XX в., которые смогли растущую популярность принципов ассоциации и сотрудничества противопоставить идеям радикального капитализма и рыночного экстремизма, заставляют нас задуматься о путях разрешения социальных конфликтов сегодня. Эффективное функционирование институтов кредитной потребительской кооперации возможно только при наличии должной системы правового регулирования. Таким образом, изучение генезиса институционального становления российского законодательства о кредитной потребительской кооперации, выявление механизмов правового регулирования кредитной кооперации как института гражданского общества, анализ принципов ее функционирования является актуальной научной задачей, направленной на совершенствование существующих правовых моделей.

Развитие кредитных потребительских кооперативов так же динамично только при обеспечении необходимого правового регулирования работы учреждений потребительского кредитования совокупностью источников, как общего характера, воздействующих на общественные отношения в области создания и функционирования юридических лиц, так и специального характера, выражающих специфику правового статуса кредитных кооперативов различных типов.

Российское законодательство, формирующее правовую основу деятельности кредитной потребительской кооперации, было создано под влиянием зарубежного опыта (немецкие модели Германа Шульце-Делица и Фридриха Вильгельма Райффайзена). Тем не менее, анализ архивных материалов позволяет предположить, что опыт создания и регулирования компаний с особенностями и функциями ссудосберегательных товариществ в рамках уставных документов был известен кооперативной практике Российской империи с 30-гг. XIX в. За несколько лет до появления подобных учреждений за рубежом ссыльные декабристы на общественных началах, с целью накопления средств и оказания финансовой помощи нуждающимся, организовали «Общество взаимопомощи» или «Малую артель», ставшую прототипом кредитного потребительского кооператива. Эти предпосылки определили необходимость всестороннего изучения историко-теоретических и правовых основ кредитной потребительской кооперации в России.

Хронологические рамки работы определены с учетом периодов существования института кредитной потребительской кооперации в России. Следовательно, нижней границей можно считать 1834 г. Именно со времени зарождения кооператива «Малая артель», с характерными чертами и функциями ссудосберегательного товарищества, ведется отсчет отечественного кооперативного потребительского кредитования. Верхняя граница определяется современным этапом развития кредитной кооперации. При этом из объекта исследования проблемы должен быть исключен период с 30 января 1930 г. (принято Постановление ЦИК, Совета Народных Комиссаров СССР «О кредитной реформе») по 26 мая 1988 г. (принят закон СССР «О потребительской кооперации СССР»), когда потребительский кредит не существовал.

Методологический базис теоретических и правовых аспектов эволюции кредитной потребительской кооперации в России построен на соединении универсальных (метафизика, диалектика), общенаучных (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный и функциональный методы, сравнение) и частнонаучных методов (исторический, формально-логический). Их применение помогло нарисовать полную и всестороннюю картину генезиса институционального формирования законодательных основ кредитной кооперации, определить механизмы ее правового регулирования.

Теоретическая основа исследования основана на комплексном изучении историко-теоретических и правовых основ кредитной потребительской кооперации в России, на использовании взглядов, идей и концепций современных отечественных и зарубежных ученых. В частности, были привлечены работы авторов, участвовавших в разработке общей доктрины права и государства: С.С. Алексеева, А.М. Васильева, О.С. Иоффе, С.А. Комарова, А.В. Малько, М.Н. Марченко, Н.И. Матузова, В.С. Нерсесьянц, А.В. Полякова, Е.В. Тимошина, Ю.А. Тихомирова и других.

При исследовании этапов становления отечественного законодательства, касающегося кредитной потребительской кооперации, авторы обращались к работам М.М. Агарковой, А.Н. Анциферовой, С.В. Бородаевского, М.Л. Хейсина, Р.О. Халфиной. Определить статус кредитной потребительской кооперации как института гражданского общества, помогли положения и идеи, разработанные Л.Ю. Грудчиной и В.Д. Зорькиным. Изучению обозначенной проблемы способствовали работы А.В. Аверьяновой, В.В. Витрянского, Д.Г. Плахотной, Т.А. Селиверстова, Д. Шастина и других. Были привлечены труды зарубежных ученых: Б. Балкенхола, Дж. Кэррола, Файта, К. Гилберта, Муди, А. Селигмана.

Нормативная база включает Конституцию Российской Федерации и федеральные законы, определяющие деятельность кредитных потребительских кооперативов, другие правовые документы. Помимо этого, использовались нормативные акты, утратившие юридическую силу, но представляющие исследовательский интерес в плане возможностей сравнительного анализа с действующим законодательством. Эмпирическая основа представлена юридическими материалами различных структур судебной системы Российской Федерации, статистическими и иными данными, отражающими развитие правоприменительной деятельности при реализации нормативных правовых актов, регулирующих деятельность кредитной потребительской кооперации.

В работе использовались данные специализированных периодических изданий: «Вестник мелкого кредита», созданный под эгидой департамента по делам малого кредита, «Вестник кооперации» – журнал, издаваемый Петроградским отделением Комитета по сельским сбережениям и промышленным товариществам, и журнал «Кооперативная жизнь», издаваемый комитетом по сельским ссудосберегательным и промышленным товариществам при Московском обществе сельского хозяйства. Научная новизна работы заключается в том, что она относится к группе первых комплексных теоретико-правовых исследований проблемы становления и развития кредитной потребительской кооперации в России.

Зарождение институтов правового регулирования кредитной потребительской кооперации в дореволюционной России. Для этого определим и проанализируем с момента зарождения основные институты правового регулирования кредитной кооперации в дореволюционный период с помощью факторов, способствовавших органичному вхождению кредитной кооперации в российскую действительность.

В ходе данного исследования подтверждается вывод о том, что в теории кооперации XIX – начала XX вв. не существовало единства подходов к определению понятия «кооперация». При систематизации их многообразия, возникшего в процессе содержательного анализа, в теоретических разработках дореволюционной мысли выделяются два идеологических направления: 1) институциональное, в котором кооперация рассматривалась как объединение кооперативов для совместного ведения экономической и социальной деятельности, и 2) функциональное, дающее приоритет процессуальному аспекту сотрудничества как совместного ведения какой-либо деятельности с целью достижения общей цели. При этом терминологические упрощения, исключение содержательных моментов, определяемых диалектической природой социальных явлений, не способствует развитию научного знания [1, с. 8-9].

Кредитная кооперация зародилась как вид кооперации, объединивший сельских и городских мелких товаропроизводителей, рабочих и служащих для создания коллективного денежного фонда при удовлетворении потребностей в малом кредите. Организационными формами кооперативного потребительского кредитования были общества взаимного кредита и ссудосберегательные товарищества [2, с. 94].

Теоретическая основа кооперации была разработана западными и российскими идеологами, чьи интеллектуальные идеи были положены в основные доктрины сотрудничества. Первая из них (социалистическая), основанная Робертом Оуэном, Шарлем Фурье, Филиппом Бюше, Н.Г. Чернышевским, А.И. Герценом и другими, связывала с кооперацией как формой хозяйственно-экономической деятельности

отличной от капиталистического способа производства, надежды на реализацию идеала принципиально новой социально-экономической формации, общества реализованных возможностей, в котором бедные могли бы найти работу и доход, а богатые могли бы присоединиться к трудовому процессу по идеологическим соображениям.

Вторая доктрина (религиозно-благотворительная или теория поддержки), которую предлагали Вильгельм Райффайзен и Виктор Хубер, отдавала предпочтение гуманистическим принципам в процессе совместной экономической деятельности, выраженной в рамках сотрудничества для оказания социальной помощи нуждающимся. Третье идеологическое течение (условно обозначенное нами как направление экономической эффективности сотрудничества) было создано Германом Шульце-Деличем, который оценивал сотрудничество через призму трудового потенциала для повышения эффективности экономической деятельности [3, с. 17].

Формы примитивной кооперации или предкооперации в виде деятельности крестьянских общин, артельных форм хозяйствования, институтов складчины и взаимопомощи присутствовали в жизни российского общества на протяжении многих веков, что подвело к органичному вхождению кредитной потребительской кооперации в жизнь российского крестьянства. Часть исследователей кредитной кооперации соотносят момент рождения первого кредитного кооператива с утверждением устава ссудосберегательного товарищества 22 октября 1865 г. в деревне Дороватово Рождественской волости Велужского уезда Костромской губернии, забывая о более раннем опыте создания и функционирования учреждений кредитной кооперации. Первым российским объединением, прототипом кредитного кооператива, как мы отмечали, является «Малая артель», созданная в 1834 г. как общество взаимопомощи, имеющее черты и функции ссудосберегательного товарищества [4, с. 27].

Кредитная потребительская кооперация, которая начала институционально формироваться в России в 30 гг. XIX в., приобрела правовое регулирование только в 1872 г., когда был разработан и утвержден Типовой Устав ссудосберегательного товарищества. На его основе было принято Положение о мелких кредитных учреждениях, утвержденное 1 июня 1895 г. [5]. Оно стало первым специальным правовым актом, регулирующим деятельность кредитных организаций и предусматривающим существование двух видов кредитных кооперативов: ссудосберегательных и кредитных товариществ. Положение о малых кредитных организациях, предусматривавшее меры государственной поддержки кредитных товариществ, в основном за счет средств Государственного банка, одновременно усилило контроль за финансово-хозяйственной деятельностью кредитных обществ. Это обстоятельство нивелировало действие кооперативных принципов самоуправления и независимости, которые определяют правовую роль сотрудничества [6, с. 91].

Природа распространения кооперативного потребительского кредитования в общественной практике России конца XIX – начала XX вв. была обусловлена императивными мерами государства по модернизации экономики, переходом от замкнутого натурального хозяйства к рыночным механизмам, соответствием кооперативных ценностей артельно-общинным традициям населения.

Правовые структуры кредитной потребительской кооперации советского периода. Рассмотрим особенности законодательного регулирования институтов кредитной кооперации в период исторического этапа, ограниченного 1917-1930 гг.

Общественно-политическая система советского государства в данные годы несколько раз меняла вектор деятельности потребительского кооперативного кредитования от полного его отрицания до законодательного стимулирования кооперативных форм хозяйствования. Такое идеологическое непостоянство побудило кредитные кооперативы приспособляться к тому времени, при этом обеспечивая сохранность доминирующих ценностных установок, созданных дореволюционным опытом на территории Российской империи.

Кооперативное сотрудничество зародилось на концептуальной основе социалистического учения, но отождествление особенностей кооперации и социализма невозможно, что доказывается опытом начала XX в. Теоретики кооперативного движения, в частности М.И. Туган-Барановский, подчеркивая классовую сущность кооперации как организации, способной противостоять капиталистическому предпринимательству, отмечали большой потенциал потребительской кооперации как формы хозяйствования, использующей наемный труд и соответствующей циклическому характеру капиталистического производства [7, с. 96].

Выделяемый нами «советский» период правового регулирования кооперативного кредитования в хронологическом аспекте делится на три условных этапа: 1) время «военного коммунизма», характеризующееся императивной заменой рыночных механизмов функционирования кредитной кооперации государственно-распределительными, что привело к потере идентичности и независимости последней; 2) переход к новой экономической политике, вызвавший «ренессанс» кооперативного потребительского кредитования и сопровождавшийся принятием ряда законодательных актов; 3) период распада НЭПА с возрастанием процессов коллективизации и индустриализации, которые устранили кредитные потребительские кооперативы из практики советской государственности [8, с. 113-118].

Первыми правовыми актами этого периода стали «Положение о кооперативных обществах и их союзах», принятое 20 марта 1917 г. Временным правительством [9], и Декрет Совета Народных комиссаров РСФСР от 27 января 1920 г. «Об объединении всех видов кооперативных организаций» [10], причем второй обязывал преобразование кредитно-сберегательных товариществ в потребительские общества и их союзы, что реально ликвидировало кредитную потребительскую кооперацию.

Годы НЭП поменяли ценностные ориентиры и сформировали правовую основу для кооперативных форм хозяйствования: 7 апреля 1921 г. вышло Постановление СНК РСФСР «О потребительской кооперации» [11], 16 августа 1921 г. – Постановление СНК РСФСР «О сельскохозяйственной кооперации» [12], 24 января 1922 г. – Постановление СНК РСФСР «О кредитной кооперации» [13], 31 октября 1922 г. принят Гражданский кодекс РСФСР [14] и другие.

В 1928 г. зародились негативные тенденции в реформировании кредитной политики советского правительства, что позже привело к преобразованию системы кооперативного кредитования в банковские структуры на основании Постановления ЦИК, СНК СССР от 30 января 1930 г. «О кредитной реформе» [15]. Имевшиеся антагонистические противоречия между молодой советской государственностью и кредитной кооперацией, показавшие недееспособность плановой экономики того времени стать основой для дальнейшего развития потребительского кредитования, на многие годы исключили этот институт из жизни российского общества.

Организационно-правовые формы российской кредитной кооперации в конце XX – начале XXI вв. Выявим общие и отличительные черты организационно-правовых форм, элементы форм кредитных потребительских кооперативов на рубеже XX – XXI вв. Анализ организационно-правовых форм кредитной кооперации в России предваряется уточнением определения понятия «организационно-правовая форма». Данная категория юридической науки трактуется как правовой способ организации и деятельности конкретного юридического объекта, выраженный в совокупности признаков, фиксирующих его статус и включающий динамику институционального развития законодательства о юридическом лице [16, с. 10].

В качестве главных признаков организационно-правовой формы кредитных потребительских кооперативов отмечают такие: двойственность правовой природы кредитного потребительского кооператива, который является одновременно хозяйственным предприятием и общественной структурой, входящей в систему институтов гражданского общества; целенаправленная ориентация на обслуживание финансовых потребностей членов; солидарная и субсидиарная ответственность членов (пайщиков) кооператива; собственность кооператива на имущество, существующее не в интересах получения прибыли, а в интересах потребителей; членство по территориальному, профессиональному или иному дифференцирующему признаку; добровольное объединение физических и (или) юридических лиц на основе членства [17, с. 96-100].

Регулирование кооперативного потребительского кредитования на современном этапе новейшей истории ведет свой отсчет с конца 80 – начала 90 гг. XX в., когда стали появляться первые кредитные кооперативы как саморегулируемые и самоуправляющиеся организации по оказанию финансовой взаимопомощи. Правовые основы их деятельности были созданы Законом СССР «О потребительской кооперации СССР» от 26 мая 1988 г. [18] и Законом «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации» от 19.06.1992 [19].

Принятие в 1994 г. ч. 1 ГК РФ [20] привело к разработке и введению специальных законов: ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» [21] и ФЗ «О кредитных потребительских кооперативах граждан» [22], которые детализировали специфику регулирования деятельности сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативов и аналогичных кооперативов граждан. Разногласия в существующих социально-экономических отношениях сферы потребительского кредитования и их нормативно-правового закрепления привели, в рамках совершенствования законодательства РФ, к принятию 18 июня 2009 г. ФЗ № 190 «О кредитной кооперации» [23]. Закон определил правовые, экономические и организационные основы создания и функционирования кредитных кооперативов различных видов и уровней, союзов (ассоциаций) и других кооперативных объединений.

На настоящий момент законодательно предусмотрено функционирование четырех видов кредитных потребительских кооперативов: 1) кредитные потребительские кооперативы, членами которых могут быть юридические и физические лица; 2) кредитные потребительские кооперативы, членами которых являются исключительно физические лица; 3) кредитные кооперативы второго уровня, членами которых могут быть только кредитные кооперативы; 4) сельскохозяйственные кредитные потребительские кооперативы. Основы создания и функционирования последних двух

регулируются Федеральным законом «О сельскохозяйственной кооперации», первых трех – Федеральным законом «О кредитной кооперации» [24, с. 113-118].

Сравнительно-правовой анализ федеральных законов «О кредитной кооперации» и «О сельскохозяйственной кооперации» доказывает корреляцию ряда положений данных нормативных правовых актов в практике регулирования деятельности кооперативного кредитования, что выделяет общее направление правового регулирования и кредитных потребительских кооперативов граждан, и сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативов [25].

Проведенное исследование научной разработанности обозначенной проблемы через сравнительное познание служит исторической и теоретической основой для изучения генезиса и эволюции потребительского кооперативного кредитования в России. В нем рассмотрены понятие, признаки кредитной потребительской кооперации, условия и этапы становления и эволюции основных институтов правового регулирования кредитной потребительской кооперации в дореволюционный и советский периоды; выявлены политические, социально-экономические и идеологические факторы, определяющие органичное вхождение кредитной кооперации в российскую действительность; проанализированы организационно-правовые формы и их элементы кредитных потребительских кооперативов конца XX – XXI вв. с выявлением общих и отличительных черт. Кроме того, новым для юридической науки стало определение онтологического статуса кредитной потребительской кооперации как института гражданского общества [26].

Список литературы:

1. Невлев В. В. Кредитная кооперация России: историко-правовые аспекты развития: учебное пособие // В.В. Невлев. Белгород: Издательство БУКЭП, 2014. С. 8-9.
2. Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации // М.И. Туган-Барановский. М., 2010. С. 94.
3. Анцыферов А. Н. Кооперация в сельском хозяйстве Германии и Франции // А.Н. Анцыферов. Воронеж, 1909. С. 17.
4. Днепровский С. П. Кооператоры. 1898-1968 // С.П. Днепровский. М., 1968. С. 27.
5. Положение об учреждениях мелкого кредита от 1 июня 1895 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 15. № 11756.
6. Бородаевский С. В. Сборник по мелкому кредиту / С.В. Бородаевский. СПб., 1912. С. 91.
7. Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации // М.И. Туган-Барановский. М., 2010.
8. Невлев В.В. Российская кредитная кооперация в условиях правовой нестабильности послереволюционного времени // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». Т. 26. Вып. 2. Ижевск, 2016. С. 113-118.
9. Положение о кооперативных обществах и их союзах от 20 марта 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемых при правительствующем Сенате. 1917. № 72. С. 414.
10. Декрет СНК РСФСР от 27 января 1920 г. «Об объединении всех видов кооперативных организаций» // Собрание узаконений рабочего и крестьянского Правительства РСФСР. 1920. № 6. Ст. 37.
11. Декрет СНК РСФСР от 7 апреля 1921 г. «О потребительской кооперации» // Собрание узаконений рабочего и крестьянского Правительства РСФСР. 1921. № 26. Ст. 150.
12. Декрет СНК РСФСР от 16 августа 1921 г. «О сельскохозяйственной кооперации» // Собрание узаконений рабочего и крестьянского Правительства РСФСР. 1921. № 34. Ст. 85.
13. Декрет СНК РСФСР от 24 января 1922 г. «О кредитной кооперации» // Собрание узаконений рабочего и крестьянского Правительства РСФСР. 1922. № 4. Ст. 41.
14. Гражданский кодекс РСФСР от 31 января 1922 г. // Собрание узаконений рабочего и крестьянского Правительства РСФСР. 1922. №71. Ст. 904.
15. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 30 января 1930 г. «О кредитной реформе» // Собрание законодательства СССР. 1930. № 8. Ст. 98.
16. Чаянов А. Краткий курс кооперации. // А. Чаянов. М., 1925. С. 10.

17. Невлев В.В. Историко-правовая сущность эволюции принципов кредитной кооперации // Вестник Омского университета. Серия «Право». № 1(50). Омск, 2017. С. 96-100.
18. О потребительской кооперации СССР: закон СССР от 26 мая 1988 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. №22. Ст. 355.
19. О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации: закон Российской Федерации от 19 июня 1992 г. // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 30 июля 1992 г. №30. Ст. 1788.
20. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. № 32. Ст. 3301.
21. О сельскохозяйственной кооперации: федеральный закон Российской Федерации от 08 декабря 1995 г. № 193-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 11 декабря 1995 г. № 50. Ст. 4870.
22. О кредитных потребительских кооперативах граждан: федеральный закон Российской Федерации от 7 августа 2001 г. № 117-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 13 августа 2001 г. № 33 (часть I). Ст. 3420.
23. О кредитной кооперации: федеральный закон Российской Федерации от 18 июля 2009 г. № 190-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 20 июля 2009 г. № 29. Ст. 3627.
24. Невлев В.В. Историческая рациональность организационно-правовых форм российской кредитной кооперации // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». № 3(224). Вып. 35. Белгород, 2016. С. 113-118.
25. Невлев В.В. История кооперативного движения в южных регионах России: правовое сопровождение: монография // В.В. Невлев. Белгород: ООО «Эпицентр», 2018. 172 с.
26. Невлев В.В. Экономико-правовая деятельность кредитных кооперативов: учебное пособие // В.В. Невлев, Л.В. Соловьева. Белгород: ООО «Эпицентр», 2020. 76 с.

Nevlev V.V., Solovieva L.V. Socio-legal transformation of the institute of credit cooperation in the russian legislation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 348-356.

The article studies the genesis of domestic credit lawmaking in its historical projection, determines the development level of the problem in the light of modern requirements for legal science. Socio-economic, political and ideological prerequisites for the emergence of consumer cooperative crediting have been revealed, the main stages of formation and development of the institute of legal activity of credit cooperatives in the history of Russia have been studied. The mechanism of legal regulation of credit cooperation has been considered, measures aimed at improving the effectiveness of its action have been substantiated. As part of the work, an analysis of the elements of organizational and legal forms of credit consumer cooperatives was undertaken, and the significance of Russian cooperation in the process of its institutional development was formulated.

Key words: consumer cooperation, legal status of cooperation, cooperative lending, credit cooperative, legal regulation of activities, credit legislation.

Spisok literature:

1. Nevlev V.V. Kreditnaya kooperatsiya Rossii: istoriko-pravovyye aspekty razvitiya: uchebnoye posobiye // V.V. Nevlev. Belgorod: Izdatel'stvo BUKER, 2014. S. 8-9.
2. Tugan-Baranovskiy M.I. Sotsial'nyye osnovy kooperatsii // M.I. Tugan-Baranovskiy. M., 2010. S. 94.
3. Antsyferov A.N. Kooperatsiya v sel'skom khozyaystve Germanii i Frantsii // A.N. Antsyferov. Voronezh, 1909. S. 17.
4. Dneprovskiy S.P. Kooperatory. 1898-1968 // S.P. Dneprovskiy. M., 1968. S. 27.
5. Polozheniye ob uchrezhdeniyakh melkogo kredita ot 1 iyunya 1895 g. // Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 3. T. 15. № 11756.
6. Borodayevskiy S.V. Sbornik po melkomu kreditu / S.V. Borodayevskiy. SPb., 1912. S. 91.
7. Tugan-Baranovskiy M.I. Sotsial'nyye osnovy kooperatsii // M.I. Tugan-Baranovskiy. M., 2010. S. 96.
8. Nevlev V.V. Rossiyskaya kreditnaya kooperatsiya v usloviyakh pravovoy nestabil'nosti poslerevolutsionnogo vremeni // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo». T. 26. Vyp. 2. Izhevsk, 2016. S. 113-118.
9. Polozheniye o kooperativnykh obshchestvakh i ikh soyuzakh ot 20 marta 1917 g. // Sobraniye uzakoneniya i rasporyazheniya pravitel'stva, izdavayemykh pri pravitel'stvuyushchem Senate. 1917. № 72. S. 414.

10. Dekret SNK RSFSR ot 27 yanvarya 1920 g. «Ob ob'yedinenii vsekh vidov kooperativnykh organizatsiy» // Sobraniye uzakoneniye rabocheho i krest'yanskogo Pravitel'stva RSFSR. 1920. № 6. St. 37.
11. Dekret SNK RSFSR ot 7 aprelya 1921 g. «O potrebitel'skoy kooperatsii» // Sobraniye uzakoneniye rabocheho i krest'yanskogo Pravitel'stva RSFSR. 1921. № 26. St. 150.
12. Dekret SNK RSFSR ot 16 avgusta 1921 g. «O sel'skokhozyaystvennoy kooperatsii» // Sobraniye uzakoneniye rabocheho i krest'yanskogo Pravitel'stva RSFSR. 1921. № 34. St. 85.
13. Dekret SNK RSFSR ot 24 yanvarya 1922 g. «O kreditnoy kooperatsii» // Sobraniye uzakoneniye rabocheho i krest'yanskogo Pravitel'stva RSFSR. 1922. № 4. St. 41.
14. Grazhdanskiy kodeks RSFSR ot 31 yanvarya 1922 g. // Sobraniye uzakoneniye rabocheho i krest'yanskogo Pravitel'stva RSFSR. 1922. №71. St. 904.
15. Postanovleniye TSIK SSSR i SNK SSSR ot 30 yanvarya 1930 g. «O kreditnoy reforme» // Sobraniye zakonodatel'stva SSSR. 1930. № 8. St. 98.
16. Chayanov A. Kratkiy kurs kooperatsii. // A. Chayanov. M., 1925. S. 10.
17. Nevlev V.V. Istoriko-pravovaya sushchnost' evolyutsii printsiptov kreditnoy kooperatsii // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». № 1(50). Omsk, 2017. S. 96-100.
18. O potrebitel'skoy kooperatsii SSSR: zakon SSSR ot 26 maya 1988 g. // Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR. 1988. №22. St. 355.
19. O potrebitel'skoy kooperatsii (potrebitel'skikh obshchestvakh, ikh soyuzakh) v Rossiyskoy Federatsii: zakon Rossiyskoy Federatsii ot 19 iyunya 1992 g. // Vedomosti S"yezda narodnykh deputatov Rossiyskoy Federatsii i Verkhovnogo Soveta Rossiyskoy Federatsii ot 30 iyulya 1992 g. №30. St. 1788.
20. Chast' pervaya Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 30 noyabrya 1994 g. № 51-FZ // Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 5 dekabrya 1994 g. № 32. St. 3301.
21. O sel'skokhozyaystvennoy kooperatsii: federal'nyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 08 dekabrya 1995 g. № 193-FZ // Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 11 dekabrya 1995 g. № 50. St. 4870.
22. O kreditnykh potrebitel'skikh kooperativakh grazhdan: federal'nyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 7 avgusta 2001 g. № 117-FZ // Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 13 avgusta 2001 g. № 33 (chast' I). St. 3420.
23. O kreditnoy kooperatsii: federal'nyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 18 iyulya 2009 g. № 190-FZ // Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 20 iyulya 2009 g. № 29. St. 3627.
24. Nevlev V.V. Istoricheskaya ratsional'nost' organizatsionno-pravovykh form rossiyskoy kreditnoy kooperatsii // Nauchnyye vedomosti BelGU. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo». № 3(224). Vyp. 35. Belgorod, 2016. S. 113-118.
25. Nevlev V.V. Istoriya kooperativnogo dvizheniya v yuzhnykh regionakh Rossii: pravovoye soprovozhdeniye: monografiya // V.V. Nevlev. Belgorod: OOO «Epitsentr», 2018. 172 s. 26.
26. Nevlev V.V. Ekonomiko-pravovaya deyatel'nost' kreditnykh kooperativov: uchebnoye posobiye // V.V. Nevlev, L.V. Solov'yeva. Belgorod: OOO «Epitsentr», 2020. 76 s.

УДК 342.5

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МИГРАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Трифонова К. В., Трифонов С. Г.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

Авторы, указывая особую актуальность темы исследования в последние годы, в том числе в связи со сложившейся непростой ситуацией в мире отмечает, что вопросы обеспечения национальной безопасности в целом, миграционной в частности, веками являлись государственной задачей.

Проведен как теоретико-правовой, так и практический анализ института миграционной безопасности. Одновременно автор в статье рассматриваются вопросы взаимодействия правоохранительных органов в сфере обеспечения миграционной безопасности.

Представлены отдельные практические проблемы, возникающие при осуществлении взаимодействия правоохранительных органов. Автор предлагает варианты решения некоторых из них путем развития нормативной базы и выработки рекомендаций для сотрудников правоохранительных органов.

В заключении авторы приходят к выводу о том, что межведомственное взаимодействие при реализации современной миграционной политики РФ нуждается в модернизации. Министерства и ведомства работают совместно над миграционными проблемами только при прямом указании Правительства РФ, и такое сотрудничество не носит комплексного характера. На взгляд авторов, немаловажное значение имеет отсутствие специального ведомства, которое занимается управлением и комплексным планированием миграционных процессов.

Взаимодействие правоохранительных органов в сфере миграции понимается совместная деятельность различных правоохранительных органов в сфере обеспечения миграционной безопасности в пределах их полномочий по противодействию незаконной миграции, в том числе минимизации миграционных правонарушений.

Ключевые слова: государство, миграция, взаимодействие, национальная безопасность, миграционная безопасность, правоохранительные органы, миграционное законодательство.

Государства веками обеспечивали безопасность своих границ, защищая собственную территорию от внешних угроз, однако вопросы миграционной безопасности приобрели особую актуальность в последние годы, в том числе в связи со сложившейся непростой ситуацией в мире. Охватившие мир в XX и XXI вв. процессы глобализации имели не только позитивный характер, но и способствовали тому, что такие проблемы, как терроризм, преступность, массовые перемещения людей, приобрели международную значимость.

Секьюритизация миграции стала важной темой среди ученых, политиков, особенно после терактов 11 сентября 2001 г. в США, что привело к более широкому пониманию того, что представляет собой вызов безопасности [1, с. 136]. В зарубежной научной литературе некоторые ученые утверждают, что миграция создает угрозу как национальному суверенитету, так и безопасности человека [2].

В иностранных источниках секьюритизация относится к качеству экзистенциальной угрозы, которую может приобрести проблема, даже помимо реальной угрозы [3, с. 751]. Это социальная конструкция, которая продвигается в область безопасности, прибегая к риторике дискурсивного возникновения, угрозы и опасности, направленной на оправдание принятия чрезвычайных мер [4]. По мнению ряда ученых [5], «секьюритизация – это дискурсивный процесс, посредством которого исследователи утверждают, что референтный объект находится под экзистенциаль-

ной угрозой; требует права принимать чрезвычайные контрмеры для устранения угрозы; и убеждает аудиторию в том, что поведение, нарушающее правила, для противодействия угрозе оправдано, тем самым оправдывая использование политики ограниченного доступа с целью защиты объекта, которому угрожают» [6, с. 63].

Совершенствование правового регулирования отношений в сфере миграции является одним из основных направлений реализации государственной политики [7, с. 116], в том числе и в связи с обеспечением миграционной безопасности. В связи с этим, институт миграционной безопасности выступает как многоаспектное явление.

При проведении системного анализа специальной литературы институт миграционной безопасности определяется и как юридическое состояние «защитности интересов личности, общества и государства, которые могут быть подвержены угрозам в результате въезда в Российскую Федерацию, выезда из нее, пребывания и проживания на территории страны» [8, с. 10], и как «государственно-правовой институт, включающий комплекс механизмов и структур по обеспечению и защите основ легальной миграции, прав и свобод человека, устойчивого миграционного порядка» [9, с. 75-78], и, наконец, как «целостная система, объединяющая совокупность общественных отношений и правовых норм в целях обеспечения правовых и институциональных механизмов, ...отвечающих за защиту личности, общества и государства от угроз в сфере миграционной политики» [10, с. 96].

Существуют различные точки зрения относительно места миграционной безопасности в системе национальной безопасности. Некоторые авторы отстаивают позицию о том, что виды национальной безопасности «представляют собой сложные системные формирования, имеющие внутреннюю структуру» [11, с. 20-25]. К примеру, в рамках общественной безопасности предлагают выделять в качестве подвидов «криминологическую» [12, с. 49-54], «демографическую» [13, с. 33-36], «миграционную» [14, с. 32-34] и другие виды безопасности.

Другие авторы считают, что миграционная безопасность является составной частью общественной [15, с. 94-104], экономической [16, с. 82-114], социальной [17, с. 119-124] и демографической [18, с. 431-432] безопасности. Ее обеспечение непосредственно связано «с ситуацией на рынке труда, трудовой миграцией и государственным регулированием занятости и трудоустройства, поскольку именно государство должно создавать благоприятные условия для позитивного влияния миграции на общественный прогресс» [19, с. 229].

В частности, Воронин С. указывает, что «миграционная безопасность в числе иных образующих национальную безопасность элементов нуждается в разработке и теоретическом обосновании механизма ее обеспечения. Кроме этого, аналитический обзор исследований посвященных проблемам обеспечения безопасности и особенно ее миграционной компоненты позволил предположить, что последнее имеет несколько взаимосвязанных значений, соответствующих разным уровням безопасности или принятой в отечественной правовой системе формуле – «безопасность личности, общества и государства» [20, с. 21].

Упоминание института миграционной безопасности присутствует только в одном международно-правовом документе. Так, в Резолюции Совета Министров Союзного государства от 12 декабря 2012 г. № 9 «О сотрудничестве Российской Федерации и Республики Беларусь в области борьбы с незаконной миграцией» содержится словосочетание «миграционная безопасность» в контексте

предотвращения незаконной миграции, минимизации ее последствий на территории Союзного государства» [21]. Институционально-правовое поле миграционной безопасности формируется на базе норм Всеобщей декларации прав человека ООН 1948 г. Фундаментальную роль для концептуального определения миграционной безопасности национальных государств играют нормы, изложенные в ст. 3, 6, 7, 13, 14, 15 декларации ООН 1948 г.

Вместе с тем на законодательном уровне в России категория «миграционная безопасность» не находит своего отражения. В Конституции РФ безопасность встречается в сочетании с такими понятиями, как «безопасность людей, граждан, государства, труда», «экологическая безопасность», «оборона и безопасность», общественная безопасность. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» [22] начинается с перечисления видов безопасности, к ним отнесены безопасность личности и государства, общественная и экологическая безопасность и другие виды, предусмотренные законодательством РФ.

Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [23] хотя и расширяет сферы обеспечения безопасности, но без выделения миграционной безопасности. В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы [24] данная категория также не раскрывается. Очевидно, что миграционная безопасность представляет собой сложно синтетическую категорию, включающую в себя различные аспекты общественных отношений, объединяемых единой целью защиты личности, общества и государства от разного рода угроз и опасностей.

Если рассматривать миграционную безопасность сквозь призму национальной безопасности, то можно указать на уровни миграционной безопасности, которые соответствуют триединой системе ценностных ориентиров - личность, общество и государство, которая распространяется как на международный, так и на межгосударственный уровень, что соответствует стратегии коллективной безопасности, ориентирующейся на предупреждение потенциальных угроз в контексте межгосударственного сотрудничества и взаимодействия.

Рассмотрев правовые основы исследуемого института, следует обратиться к организационным основам. Организационные основы обеспечения миграционной безопасности связаны с распределением властных полномочий для противодействия угрозам безопасности в социальной, экономической, пограничной и иных сферах как между федеральными органами исполнительной власти, в частности, МВД, ФСБ, министерства здравоохранения, труда и социальной защиты, регионального развития и др., так и между их территориальными органами.

МВД является центральным органом, регулирующим вопросы миграции. Важнейшим направлением эффективной деятельности МВД является не только надлежащее выполнение разносторонних функций в соответствии с наделенными полномочиями и компетенцией, но и успешное осуществление внутреннего взаимодействия между подразделениями, а также внешнего, связанного с другими государственными органами правоохранительной направленности. Для повышения эффективности деятельности уполномоченных подразделений МВД по вопросам регулирования и обеспечения миграционных отношений необходима реализация соответствующих форм внутреннего взаимодействия между ними.

Под взаимодействием правоохранительных органов с другими службами понимают «основанную на законе и подзаконных нормативных актах их согласованную деятельность процессуального, оперативно-розыскного, административного и управленческого характера с применением наиболее целесообразного сочетания имеющихся у взаимодействующих субъектов сил, средств и методов» [25, с. 128].

Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции» в ст. 10 одним из принципов деятельности полиции провозгласил взаимодействие и сотрудничество. «Полиция при осуществлении своей деятельности взаимодействует с другими правоохранительными органами, государственными и муниципальными органами, общественными объединениями, организациями и гражданами» [26] Без эффективного взаимодействия полиции с указанными учреждениями, должностными лицами и гражданами невозможно полное, объективное и всестороннее разрешение поставленных перед ней задач [27].

Как ранее действовавшая Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г., так и ныне действующая Концепция государственной миграционной политики на 2019-2025 годы признают важнейшей задачей совершенствование самой системы взаимодействия между всеми органами, в том числе и федеральными органами государственной власти, и органами государственной власти субъектов РФ, и органами местного самоуправления, и институтами гражданского общества в сфере миграции, в частности, обеспечение готовности заинтересованных федеральных органов исполнительной власти во взаимодействии с органами исполнительной власти субъектов РФ к приему и размещению иностранных граждан в случае их экстренного массового прибытия.

Сложившаяся практика межведомственного взаимодействия между подразделениями по вопросам миграции МВД Российской Федерации, органами государственной власти и иными организациями при оказании (выполнении) государственных услуг (функций) в разрешительно-визовой работе направлена на исполнение Концепции и стабилизацию миграционных процессов в Российской Федерации, а также решение целей и задач правоохранительной направленности.

Под взаимодействием понимается основанная на законах и подзаконных нормативных актах, согласованная по целям, месту и времени деятельность различных исполнителей по совместному решению поставленных перед ними задач. Основные аспекты взаимодействия - это и взаимный обмен информацией, и взаимодействие при осуществлении контрольно-надзорных мероприятий, и проведение мониторинга, и оказание государственных услуг, а также иные направления служебной деятельности, требующие совместных усилий.

Развитие информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел в сфере миграции, расширение использования современных биометрических технологий для идентификации личности в целях повышения эффективности государственного контроля (надзора) в сфере миграции, внедрение и использование в ее работе новейших информационных технологий, соответствующих современным техническим возможностям, являются важнейшими задачами в области миграции, особенно на фоне достаточно высоких миграционных показателей [28].

В регионах разработаны и отработаны на практике Регламенты взаимодействия территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления по контролю за соблюдением миграционного законода-

тельства иностранными гражданами, что особенно актуально как для приграничных областей, так и для иных регионов. Имеющиеся регламенты разрабатываются для повышения эффективности работы федеральных органов исполнительной власти в регионах РФ. У каждого субъекта взаимодействия в рамках регламентов имеется определенный круг задач и полномочий.

Так, например, территориальные органы МВД России: ведут ежедневный учет иностранных граждан, прибывающих на территорию региона; проводят, в том числе во взаимодействии с органами местного самоуправления, проверочные мероприятия по контролю за соблюдением законодательства; привлекают к административной ответственности правонарушителей, в том числе из числа иностранных граждан, нарушивших режим пребывания (проживания) на территории Российской Федерации; привлекают к административной и уголовной ответственности правонарушителей из числа граждан Российской Федерации, являющихся принимающей стороной и допустивших факты фиктивной регистрации либо постановки на миграционный учет иностранных граждан, принимают меры по установлению фактического места пребывания (проживания) иностранных граждан, выявляют иностранных граждан, не соблюдающих сроки выезда за пределы Российской Федерации при сокращении сроков пребывания, а также аннулировании разрешений на временное проживание и видов на жительство и др.

Территориальные органы Федеральной службы безопасности России ведут ежедневный учет иностранных граждан и лиц без гражданства, въехавших на территорию РФ, в пунктах пропуска их через государственную границу, расположенных на территории субъекта. При выявлении иностранных граждан и лиц без гражданства, не имеющих действительных документов на право выезда из Российской Федерации, в том числе не имеющих разрешительных документов на право трудовой деятельности, их передают сотрудникам подразделений территориальных органов МВД России для принятия соответствующих мер (привлечения к административной ответственности, выдворения, закрытия въезда, сокращения срока пребывания). Подразделения территориальных органов МВД России информируют обо всех выявленных фактах нарушений миграционного законодательства, проводят совместные контрольные рейды с целью проверки соблюдения миграционного законодательства иностранными гражданами и лицами без гражданства. Органы образования на территории субъектов РФ организуют (посредством участия образовательных организаций, имеющих право на такую деятельность) проведение экзаменов на владение русским языком, знание истории России и основ законодательства.

Департаменты внутренней и кадровой политики регионов осуществляют учет данных об иностранных гражданах, прошедших экзамен на владение русским языком, знание истории России и основ законодательства РФ в уполномоченных высших учебных заведениях. Департаменты здравоохранения и социальной защиты населения обеспечивают организацию и проведение медицинского освидетельствования мигрантов, прибывших на территорию региона, для оформления вида на жительство, разрешения на временное проживание. Региональные отделения Пенсионного фонда обеспечивают сверку данных о факте работы временно и постоянно проживающих иностранных граждан и наличии уплаты страховых взносов на обязательное пенсионное страхование (при наличии согласия на обработку и передачу персональных данных).

Управления по труду и занятости населения в регионах информируют иностранных граждан в местах их прибытия и массового пребывания об услугах и адресах нахождения служб занятости населения и территориальных органов МВД России, а также о местах проведения экзамена и местах проведения медицинского освидетельствования иностранных граждан.

Деятельность органов внутренних дел при реализации функции по контролю и надзору в сфере миграции направлена в первую очередь на предупреждение, выявление и пресечение преступлений и правонарушений, связанных с незаконной миграцией, обеспечение общественной безопасности, выявление среди мигрантов лиц к террористической и экстремистской деятельности [29].

МВД России во взаимодействии с другими правоохранительными ведомствами продолжает выработку и реализацию мер, направленных на повышение эффективности борьбы с преступностью. Иностранцами гражданами и лицами без гражданства в России совершено 24,7 тыс. преступлений, что на 5,9% больше, чем за январь – август 2020 г., в том числе гражданами государств-участников СНГ – 19,2 тыс. преступлений (- 8,0%), их удельный вес составил 77,8%. Количество преступлений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства сократилось на 1,1% и составило 10,3 тыс. преступлений [30]. Таким образом, институт миграционной безопасности является один из компонентов национальной безопасности.

Следует согласиться с тем, что дискурсы о миграции, ориентированные на безопасность, должны быть консолидированы и приняты во внимание.

Что касается реализации государственной политики в сфере миграции, одним из ключевых направлений является контроль за соблюдением иностранными гражданами российского законодательства, что особенно актуально в сфере борьбы с нелегальной миграции. И в связи с этим именно благодаря слаженной работе правоохранительных органов и проводятся специальные операции, например, во взаимодействии с Федеральной службой безопасности, Росфинмониторингом и компетентными органами государств – членов ОДКБ проведена специальная операция «Нелегал», которая проводится ежегодно.

К сожалению, межведомственное взаимодействие при реализации современной миграционной политики РФ нуждается в модернизации. Министерства и ведомства работают совместно над миграционными проблемами только при прямом указании Правительства РФ, и такое сотрудничество не носит комплексного характера. На наш взгляд, немаловажное значение здесь имеет отсутствие специального ведомства, которое занимается управлением и комплексным планированием миграционных процессов.

Взаимодействие правоохранительных органов в сфере миграции понимается совместная деятельность различных правоохранительных органов в сфере обеспечения миграционной безопасности в пределах их полномочий по противодействию незаконной миграции, в том числе минимизации миграционных правонарушений.

Список литературы:

- 1.Ulla, AKMA; Hasan, New Hampshire ; (...); Chattoraj, Migration and Security: Implications for Minority Migrant Groups. February -March – 2020. INDIA QUARTERLY-JOURNAL OF INTERNATIONAL AFFAIRS 76 (1). pp. 136-153.
- 2.Thompson, C. (2013). Frontiers and threats: Should transnational migration be considered a security issue? Global Policy Journal, 20, 11.
- 3.Huysmans, J. (2000). The European Union and the securitization of migration, Journal of Common Market Studies, 38, 751–777.

4. Waever Ole, Buzan Barry, Kelstrup Morten & Lemaitre Pierre (1993). Identity, migration and the new security agenda in Europe, New York: St. Martin's Press.
5. Buzan, B. (1998). Security: A new framework for analysis. London: Lynne Rienner Publishers.
6. Baale, S. J., Sterck, C. O. (2015). Diagnosing the securitisation of immigration at the EU level: A new method for stronger empirical claims. *Political Studies*, 63, 1120–1139;
7. Скачкова Г.С. Обзор материалов научно-практической конференции "Занятость и трудоустройство в современной России: проблемы правового регулирования" // *Государство и право*. 2011. - № 7. - С. 116.
8. Попов Г.Г. Миграционная безопасность России (Институционально-правовой анализ): Дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. - С. 10.
9. Степанов А.В. Безопасность, национальная безопасность, миграционная безопасность, национальная миграционная политика: анализ определений, соотношение категорий // *Вестник института: преступление, наказание, исправление*. - 2014. - № 2. - С. 75-78.
10. Иванцов С.В., Несмелое П.В., Назаров М.В. Миграционные процессы и миграционная безопасность в странах СНГ // *Международный журнал конституционного и государственного права*. 2016. - № 2. - С. 96.
11. Тувусов Н.А. Система национальной безопасности России / Н.А. Тувусов // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД*. - 2016. - N 3 (35). - С. 20-25.
12. Савельев А.И. Криминологическая безопасность как вид национальной безопасности / А.И. Савельев // *Вестник Омской юридической академии*. - 2019. - Т. 16, N 1. - С. 49-54.
13. Карманов М.В. Современные проблемы финансового обеспечения демографической безопасности России // *Статистика и экономика*. - 2011. - N 4. - С. 33-36.
14. Назаров М.В. Миграционная безопасность: понятие, сущность, принципы // *Вестник Московского университета МВД*. - 2016. - N 8. - С. 32-36.
15. Лянной В.А. Обеспечение миграционной безопасности в контексте реализации концепции общественной безопасности Российской Федерации // *Вестник ВЭГУ*. - 2015. - № 6. - С. 94-104.
16. Воронина Н.А. Дискурс национальной безопасности в миграционной политике России // *Труды Института государства и права РАН*. 2013. - № 1. - С. 82-114.
17. Ермашов Д.В. Миграционная безопасность: проблемы теории и практики // *Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата*. - 2010. - № 4. - С. 119-124.
18. Рыбаковский Л.Л. Политика миграционная // *Социальная политика: Энциклопедический словарь / Под ред. Н.А. Волгина*. - М., 2005. С. 431-432.
19. De Haas H. Migration and Development: A Theoretical Perspective // *International Migration Review*. 2010. Vol. 44. Iss. 1. P. 227.
20. Воронин С.Э. Теория и практика расследования преступлений в сфере миграционной безопасности: Монография / С.Э. Воронин, И.В. Никитенко, Д.Д. Каплун, В.Н. Скорик. Красноярск: НОУ ВПО "Сибирский институт бизнеса, управления и психологии", 2015. - 642 с.
21. Резолюция Совета Министров Союзного государства от 12 декабря 2012 г. N 9 "О сотрудничестве Российской Федерации и Республики Беларусь в области борьбы с незаконной миграцией" // СПС Консультант Плюс
22. Федеральный закон от 28.12.2010 N 390-ФЗ (ред. от 09.11.2020) "О безопасности" // *Парламентская газета*. N 1-2, 14-20.01.2011.
23. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" // *Собрание законодательства РФ*. 05.07.2021, N 27 (часть II), ст. 5351.
24. Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. N 622 "О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы" // СПС Гарант Плюс.
25. Эрохин П.В. Правовое регулирование взаимодействия подразделений уголовного розыска с зарубежными правоохранительными органами в сфере противодействия организованной преступности // *Вестник Нижегородской академии МВД России*. - 2020. - № 2. - С. 128.
26. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ "О полиции" // СПС "Консультант Плюс".
27. Рыжаков А.П. Постатейный комментарий к Федеральному закону "О полиции". Статья 10. М.: Московская финансово-промышленная академия, 2011 // СПС "Консультант Плюс".
28. Воронов А. М., Столярова З. Н., Ускова А. С. Административные, правовые, организационные основы информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел в сфере миграции: учебное пособие. – М.: Академия управления МВД России, 2020. – 84 с.
29. Кузнецова К.А., Ткаченко Н.Н. Правовые и организационные основы деятельности органов внутренних дел по противодействию незаконной миграции // *Вестник Уфимского юридического института МВД России*. N 4 (94). октябрь-декабрь 2021 г.
30. Ахтамьянов Р.Р. Миграция как детерминанта экстремизма // *Право: ретроспектива и перспектива*. - № 4 (8), октябрь-декабрь 2021 г.

Trifonova K. V., Trifonov S. G. Features of interaction of law enforcement authorities in the field of ensuring migration security // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 2. – P. 357-365.

The author, pointing out the particular relevance of the research topic in recent years, including in connection with the current difficult situation in the world, notes that the issues of ensuring national security in general, migration in particular, have been a state task for centuries. Conducted both theoretical and legal and practical analysis of the institution of migration security. At the same time, the author of the article discusses the issues of interaction between law enforcement agencies in the field of ensuring migration security. Some practical problems that arise in the implementation of the interaction of law enforcement agencies are presented. In conclusion, the author comes to the conclusion that interdepartmental interaction in the implementation of the modern migration policy of the Russian Federation needs to be modernized. Ministries and departments work together on migration problems only with the direct instructions of the Government of the Russian Federation, and such cooperation is not of a complex nature. In our opinion, the absence of a special agency responsible for the management and comprehensive planning of migration processes is of no small importance here. The interaction of law enforcement agencies in the field of migration is understood as the joint activities of various law enforcement agencies in the field of ensuring migration security within their powers to counter illegal migration, including minimizing migration offenses.

Keywords: state, migration, interaction, national security, migration security, law enforcement agencies, migration legislation.

Spisok literatury:

1. Ulla, AKMA; Hasan, New Hampshire; (...); Chatteraj, Migration and Security: Implications for Minority Migrant Groups. February - March – 2020. INDIA QUARTERLY-JOURNAL OF INTERNATIONAL AFFAIRS 76 (1), pp. 136-153.
2. Thompson, C. (2013). Frontiers and threats: Should transnational migration be considered a security issue? *Global Policy Journal*, 20, 11.
3. Huysmans, J. (2000). The European Union and the securitization of migration, *Journal of Common Market Studies*, 38, 751–777.
4. Waever Ole, Buzan Barry, Kelstrup Morten & Lemaitre Pierre (1993). Identity, migration and the new security agenda in Europe, New York: St. Martin's Press.
5. Waever Ole, Buzan Barry, Kelstrup Morten & Lemaitre Pierre (1993). Identity, migration and the new security agenda in Europe, New York: St. Martin's Press.
6. Baele, S. J., Sterck, C. O. (2015). Diagnosing the securitisation of immigration at the EU level: A new method for stronger empirical claims, *Political Studies*, 63, 1120–1139; Buzan, B. . (1998). Security: A new framework for analysis. London: Lynne Rienner Publishers.
7. Skachkova G.S. Obzor materialov nauchno-prakticheskoy konferentsii "Zanyatost' i trudoustroystvo v sovremennoy Rossii: problemy pravovogo regulirovaniya" // *Gosudarstvo i pravo*. 2011. - № 7. - S. 116.
8. Popov G.G. Migratsionnaya bezopasnost' Rossii (Institutsional'no-pravovoy analiz): Diss. ... kand. yurid. nauk. Rostov n/D, 2006. -S. 10.
9. Stepanov A.V. Bezopasnost', natsional'naya bezopasnost', migratsionnaya bezopasnost', natsional'naya migratsionnaya politika: analiz opredeleniy, sootnosheniye kategoriy // *Vestnik instituta: prestupleniye, nakazaniye, ispravleniye*. - 2014. - № 2. - S. 75-78.
10. Ivantsov S.V., Nesmeloye P.V., Nazarov M.V. Migratsionnyye protsessy i migratsionnaya bezopasnost' v stranakh SNG // *Mezhdunarodnyy zhurnal konstitutsionnogo i gosudarstvennogo prava*. 2016. -№ 2. - S. 96.
11. Turusov N.A. Sistema natsional'noy bezopasnosti Rossii / N.A. Turusov // *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD*. - 2016. - N 3 (35). - S. 20-25.
12. Savel'yev A.I. Kriminologicheskaya bezopasnost' kak vid natsional'noy bezopasnosti / A.I. Savel'yev // *Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii*. - 2019. - T. 16, N 1. - S. 49-54.
13. Karmanov M.V. Sovremennyye problemy finansovogo obespecheniya demograficheskoy bezopasnosti Rossii // *Statistika i ekonomika*. - 2011. - N 4. - S. 33-36.
14. Nazarov M.V. Migratsionnaya bezopasnost': ponyatiye, sushchnost', printsipy // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD*. - 2016. - N 8. - S. 32-36.
15. Lyannoy V.A. Obespecheniye migratsionnoy bezopasnosti v kontekste realizatsii kontseptsii obshchestvennoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii // *Vestnik VEGU*. - 2015. - № 6. - S. 94-104.
16. Voronina N.A. Diskurs natsional'noy bezopasnosti v migratsionnoy politike Rossii // *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*. 2013. - № 1. - S. 82-114.
17. Yermashov D.V. Migratsionnaya bezopasnost': problemy teorii i praktiki // *Uchenyye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata*. - 2010. - № 4. - S. 119-124.
18. Rybakovskiy L.L. Politika migratsionnaya // *Sotsial'naya politika: Entsiklopedicheskiy slovar' / Pod red. N.A. Volgina*. - M., 2005. S. 431-432.
19. De Haas H. Migration and Development: A Theoretical Perspective // *International Migration Review*. 2010. Vol. 44. Iss. 1. P. 227.

20. Voronin S.E. Teoriya i praktika rassledovaniya prestupleniy v sfere migratsionnoy bezopasnosti: Monografiya / S.E. Voronin, I.V. Nikitenko, D.D. Kaplun, V.N. Skorik. Krasnoyarsk: NOU VPO "Sibirskiy institut biznesa, upravleniya i psikhologii", 2015. - 642 s.
21. Rezolyutsiya Soveta Ministrov Soyuznogo gosudarstva ot 12 dekabrya 2012 g. N 9 "O sotrudnichestve Rossiyskoy Federatsii i Respubliki Belarus' v oblasti bor'by s nezakonnoy migratsiyey". //SPS Konsul'tant Plyus
22. Federal'nyy zakon ot 28.12.2010 N 390-FZ (red. ot 09.11.2020)"O bezopasnosti". //Parlamentskaya gazeta. N 1-2, 14-20.01.2011.
23. Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 N 400"O Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii". //Sobranie zakonodatel'stva RF. 05.07.2021, N 27 (chast' II), st. 5351
24. Ukaz Prezidenta RF ot 31 oktyabrya 2018 g. N 622 "O Kontseptsii gosudarstvennoy migratsionnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na 2019 - 2025 gody". //SPS Garant Plyus
25. Ezrokhin P.V. Pravovoye regulirovaniye vzaimodeystviya podrazdeleniy ugolovnoy rozyska s zarubezhnymi pravookhranitel'nymi organami v sfere protivodeystviya organizovannoy prestupnosti // Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. - 2020. - № 2. - S. 128.
26. Federal Law of February 7, 2011 N 3-FZ "On the Police" // SPS "Consultant Plus".
27. Ryzhakov A.P. Postateynny kommentariy k Federal'nomu zakonu "O politsii". Stat'ya 10. M.: Moskovskaya finansovo-promyshlennaya akademiya, 2011 // SPS "Konsul'tant Plyus".
28. Voronov A. M., Stolyarova Z. N., Uskova A. S. Administrativnyye, pravovyye, organizatsionnyye osnovy informatsionnogo obespecheniya deyatelnosti organov vnutrennikh del v sfere migratsii: uchebnoye posobiye. – M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2020. – 84 s.
29. Kuznetsova K.A., Tkachenko N.N. Pravovyye i organizatsionnyye osnovy deyatelnosti organov vnutrennikh del po protivodeystviyu nezakonnoy migratsii // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. N 4 (94). oktyabr'-dekabr' 2021 g.
30. Akhtam'yanov R.R. Migratsiya kak determinanta ekstremizma // Pravo: retrospektiva i perspektiva. - № 4 (8), oktyabr'-dekabr' 2021 g.

УДК 345.

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОРСКОЙ
АДМИНИСТРАЦИИ ФИНЛЯНДИИ В 1917 Г.**

Гаук А. М., Киров А. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В 1917-1918 гг., в ходе обретения независимости и последующего развития государственного строительства, в Финляндии произошли существенные изменения в вопросе конструирования системы управления всего комплекса вопросов, связанных с морским судоходством и обеспечением безопасности его деятельности. Основным нормативным актом, который не только начал, но и заложил основные фундаментальные идеи в данном вопросе стало Положение об управлении морской администрацией от 15 декабря 1917 г., в котором, с учетом всего предыдущего теоретического и практического опыта управления и функционирования системы управления деятельности торгового судоходства и обеспечения его безопасности, в том числе и касающихся лоцманско-маячного ведомства, была создана специальная структура, лишенная политической надстройки и направленная на успешное разрешение конкретных организационно-практических задач. Завершенную же структуру данное направление государственного строительства получило с созданием министерств, в том числе и министерства транспорта и общественных работ.

Ключевые слова: Финляндия, Морская администрация, функции, министерство, создание, обеспечение безопасности, управление.

За годы нахождения в составе Российской империи, особенно во второй половине XIX – начале XX в. Финляндия прошла весьма непростой, однако, наполненный свершениями и достижениями, путь развития железнодорожного и водного транспорта [1; 2]. Безусловно, что такие достижения как создание действенной и полноценной сети внутреннего водного транспорта, к началу XX в. были лишь частью поступательного развития данной страны на пути к развитию современной экономики, построения развитого общества, создания эффективной системы управления политической и экономической отраслями жизни Великого княжества, однако, без государственного суверенитета, а значит и с существованием целого ряда ограничений.

Политические события в России 1917 г., во многом, кроме политических причины, вызванные тяготами 1-й Мировой войны, создали условия к обретению Финляндией независимости, что формально произошло в декабре 1917 г., однако собственную государственность еще нужно было отстоять и расстроить. Большую роль здесь сыграл видный политический деятель Свинхувуд, Пер Эвинд, занимавший в различные периоды своей карьеры председателя парламента, Сената, а затем премьер-министра [3].

Высшую власть в государстве Свинхувуд получил из рук парламента специальным решением от 18 мая 1918 г. [4].

Однако еще до формального получения акта о признании независимости, (произошло это событие 31 декабря 1917 г.), финская политическая элита стала концентрировать в своих руках управление важнейшими отраслями экономики страны, в том числе и всей системой морского транспорта, как важной составляющей будущего независимого государства.

С этой целью Сенатом Финляндии 15 декабря 1917 г. было принято «Положение об управлении морской администрацией». Это достаточно объемный документ (51

статья), а потому, с учетом ограниченного объема статьи, попытаемся выделить его наиболее общие, но значимые моменты.

В ст. 1 установлено, что Морская администрация (далее – МА), действуя под руководством финансового департамента Сената (комитет по торговле и промышленности), фактически получила полный контроль над вопросами связанными торговым судоходством, флотом: осуществлять надзор и управление лоцманской и маячной частью, осуществлять надзор за судоходством, судостроением, обмером судов, инспекцией судов, размещением грузовых знаков и ведением регистра судов, обеспечивать соблюдение всех морских правил, управлять и контролировать эксплуатацию государственных ледокольных судов, управлять морскими колледжами и государственными учебными заведениями, осуществлять надзор за домами моряков и муниципальными и частными портами, следить за развитием морской администрации в Финляндии и в других странах и предлагать меры по развитию морской промышленности страны, управлять морской статистикой.

Для реализации всех этих, по сути министерских функций, МА проектировалась из отдела лоцманов, морской департамент, технический департамент, секретариат (ст. 2), для каждого отдела особо устанавливался круг его обязанностей (ст. 3-5), и только секретариат имел обширные административно-обслуживающие и контрольные функции в пределах всего ведомства (ст. 6). При этом разделение труда в департаментах регулировалось особым кодексом поведения МА (ст. 7), которым, очевидно, если сравнивать с более поздними Кодексами МА, устанавливалась еще и система подготовки бухгалтерских отчетов и счетов.

При этом, руководство МА состояло из главного инспектора и по 1 руководителю каждого департамента (ст. 8).

Естественно, что в системе управления действовали и иные должностные лица вспомогательного, инспекционного, инженерного и иного состава (ст. 9). Общее количество этого состава четко не устанавливалось, так как, очевидно, что в ходе развития задач МА оно могло меняться.

Решения руководством МА принимались, уже в традиционном для систем управления транспортом формате – коллегиально, с участием заинтересованных сторон и, лишь в крайнем случае главным инспектором, но с соблюдением особой процедуры, а при расхождении мнений руководящих членов МА позиции сторон следовало отображать в соответствующем протоколе, представляемом в Сенат (ст. 10).

Вопросы, разрешаемые МА разделялись на такие, что требуют полного кворума ее членов и иные (ст. 12). В частности, устанавливалось, что «Полная сессия охватывает: а) все вопросы, подлежащие представлению Сенату; б) вопросы, касающиеся назначения и отставки должностных лиц и служащих, получивших доверенность или свидетельство о подтверждении; с) вопросы, касающиеся наказания должностных лиц и служащих; и d) другие вопросы, которые в соответствии с Регламентом Морской администрации Финляндии или Постановлением Сената должны рассматриваться Морской администрацией Финляндии на полном заседании.

Другие вопросы будут решаться на секционном заседании, если, согласно кодексу поведения Морской администрации Финляндии, они не будут решаться главным инспектором...» (ст. 13).

Особая роль в МА отводилась Главному инспектору. Устанавливалось, что он «... является председателем заседаний Морской администрации Финляндии и ее департаментов и, в первую очередь, отвечает за администрацию Морской администрации Финляндии. Главный инспектор берет на себя инициативу по проведению необходимых реформ и улучшений и в этой связи следит за общими событиями, затрагивающими внутреннее судоходство и морские условия в других странах.

Осуществляя инспекционные миссии, Главный инспектор знакомится с местными условиями и заботится о соответствующих лицах, выполняет их обязанности и пользуется их благами.

В связи с более значительными событиями в морском секторе Главный инспектор должен быть немедленно уведомлен Сенатом».

В отсутствие Главного инспектора его мог заменять старейший член МА (ст. 15).

Гл. 3 Положения посвящалась судам и руководящих ими капитанам МА; гл. 4 – пилотным округам, лоцманским участкам, маякам. В отличие от предыдущих иностранных нормативных актов Финляндии, посвященных лоцманско-маячному ведомству, в рассматриваемом документе лишь установлены общие моменты его устройства. Определенным ноу-хау, можно считать: 1) упоминание маячных судов, 2) полное отсутствие какого-либо упоминания о гейматах, 3) некоторое перераспределение прав и обязанностей внутри данного подведомства; 4) изменение системы подчиненности руководителей лоцманских округов.

Отдельно следует указать на появление в Финляндии морских округов во главе с морскими инспекторами (ст. 26), обеспеченных соответствующими задачами и полномочиями; судовых сюрвейеров (ст. 29).

Особо также необходимо указать на закрепление в положении норм о государственной портовой администрации, во главе которых находились капитаны портов (ст. 30). В данном контексте напомним, что первые государственные порты в Великом княжестве Финляндском стали появляться лишь в начале XX в., т.е., практически одновременно с введением государственных портовых администраций в Российской империи [5, с. 392-416].

Также МА оказались подчинены специализированные учебные заведения (ст. 32-33).

Главой VIII устанавливались квалификационные условия для должностных лиц и порядок замещения должностей (от главного инспектора вплоть до низших служащих в морских портах).

Глава IX носила названием «Права и интересы государственных служащих и ответственность за неправомерные действия на государственной службе», включающую гарантии на командировочные расходы и пенсионное обеспечение; судебная ответственность, порядок предъявления обвинений, административных взысканий, подача апелляций и т.д.

Положением также предусматривалась разработка Сенатом кодекса поведения для МА, а самой Морской администрации – «правила поведения для других должностных лиц морской администрации, а также правила сдачи должности» (ст. 49).

И, безусловно, в связи с введением в действие данного нормативного акта были отменены «Настоящее Постановление отменяет Статут от 9 мая 1870 года, 27 апреля 1899 года о назначении морского инспектора лоцманскими и маячными агентствами в Финляндии, Постановление Сената Финляндии от 18 марта 1910 года

об учреждении должности помощника морского инспектора, Положение от 12 марта 1909 года об управлении железнодорожным портом Ханко, а также любые положения, содержащие поправки или дополнения к этим Правилам» [6].

Говоря о Морской администрации, даже с учетом выше описанных положений о ней, со всей очевидностью можно сказать, что это было отдельное, самостоятельное ведомство, но отнюдь не министерство.

Министерства, в классическом понимании данного термина, в Финляндии были созданы уже в 1918 г. Было среди них министерство транспорта и общественных работ.

Принятый 20 марта 1922 г. закон о количестве министерств правительства, установил их число в 10. Однако, как уже можно догадаться, Морская администрация так и осталась самостоятельным органом, не вошедшим в «министерскую» систему, что вполне обосновано как его функциями, так и ролью водных и морских путей сообщения. Подтверждает наше мнение и закон «О количестве министерств правительства и общей сфере деятельности» от 20 марта 1922 г. [7].

Таким образом, на основе приведенного материала, можно сделать вывод о том, что в 1917-1918 гг., в ходе обретения независимости и последующего развития государственного строительства, в Финляндии произошли существенные изменения в вопросе конструирования системы управления всего комплекса вопросов, связанных с морским судоходством и обеспечением безопасности его деятельности. Основным нормативным актом, который не только начал, но и заложил основные фундаментальные идеи в данном вопросе стало Положение об управлении морской администрацией от 15 декабря 1917 г., в котором, с учетом всего предыдущего теоретического и практического опыта управления и функционирования системы управления деятельностью торгового судоходства и обеспечения его безопасности, в том числе и касающихся лоцманско-маячного ведомства, был создана специальная структура, лишенная политической надстройки и направленная на успешное разрешение конкретных организационно-практических задач. Завершенную же структуру данное направление государственного строительства получило с созданием министерств, в том числе и министерства транспорта и общественных работ.

Список литературы:

1. Гаук А. М. Правовое регулирование деятельности каналов и шлюзов реки Пиелис (Финляндия) во второй половине XIX в. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – Т. 6(72). – №3. – С. 261-266.
2. Гаук А. М. Организация лоцманской службы в Финляндии в начале XIX века Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – Т. 6(72). № 2. – С. 51-59.
3. 100 suomalaista pienoiselämäkertaa venäjäksi / Ред. Тимо Вихавайнен (*Timo Vihavainen*); пер. с финск. И. М. Соломеща. — Хельсинки: Общество финской литературы (*Suomalaisen Kirjallisuuden Seura*), 2004. — 814 с.
4. Suomen eduskunnan lausunto ylimmän vallan käytöstä 18. toukokuuta 1918. URL: Заявление финского парламента об осуществлении верховной власти 18 мая 1918 года. (histdoc.net)
5. Змерзлый Б. В. Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморского-Азовском регионе в конце XVIII начале XX вв. Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2014. – 512 с.
6. Merenkulkuhallinnon hallintoa koskevat määräykset. – URL: Положение об управлении морской администрации. 112/1917 - Оригинальные акты - FINLEX ®
7. Valtion ministeriöiden lukumäärästä ja toiminnan yleisestä laajuudesta. - URL: Акт Правительственных Министерств... 78/1922 - Оригинальные акты - FINLEX ®

Gauk A. M., Kirov A. A. Legal basis for the creation and operation of the Finnish Maritime Administration in 1917 // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 2. – P. 366-370.

In 1917-1918, in the course of gaining independence and the subsequent development of state building, significant changes took place in Finland in the design of the management system for the entire range of issues related to maritime navigation and ensuring the safety of its activities. The main normative act, which not only started, but also laid down the main fundamental ideas in this matter, was the Regulation on the management of the maritime administration of December 15, 1917, in which, taking into account all previous theoretical and practical experience in the management and functioning of the management system for the activities of merchant shipping and ensuring its safety, including those related to the pilot and lighthouse department, a special structure was created, devoid of a political superstructure and aimed at successfully resolving specific organizational and practical tasks. This direction of state building received its completed structure with the creation of ministries, including the Ministry of Transport and Public Works.

Key words: Finland, Maritime Administration, functions, ministry, creation, security, management.

Spisok literaturey:

1. Gauk A. M. Pravovoe regulirovanie deyatelnosti kanalov i shlyuzov reki Pielis (Finlyandiya) vo vtoroj polovine XIX v. // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – T. 6(72). - №3. - S. 261-266.
2. Gauk A. M. Organizaciya lovmanskoj sluzhby v Finlyandii v nachale HH veka Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2020. – T. 6 (72). № 2. – S. 51-59.
3. 100 suomalaista pienoiselämäkertaa venäjäksi / Red. Timo Vihavainen (Timo Vihavainen); per. s finsk. I. M. Solomeshcha. — He'lsinki: Obshchestvo finskoj literatury (Suomalaisen Kirjallisuuden Seura), 2004. — 814 s.
4. Suomen eduskunnan lausunto ylimmän vallan käytöstä 18. toukokuuta 1918. URL: Zayavlenie finskogo parlamenta ob osushchestvlenii verhovnoj vlasti 18 maya 1918 goda. (histdoc.net)
5. Zmerzlyj B. V. Pravovoe regulirovanie torgovogo sudohodstva v Chernomorskogo-Azovskom regione v konce XVIII nachale HKH vv. Simferopol': CHP «Predpriyatie Feniks», 2014. – 512 s.
6. Merenkulkuhallinnon hallintoa koskevat määräykset. – URL: Polozhenie ob upravlenii morskoj administraciej. 112/1917 - Original'nye akty - FINLEX ®
7. Valtion ministeriöiden lukumäärästä ja toiminnan yleisestä laajuudesta. - URL: Akt Pravitel'stvennyh Ministerstv... 78/1922 - Original'nye akty - FINLEX ®

НАШИ АВТОРЫ

<i>Аблятинова Н. А.</i>	<i>к.ю.н., доц., доц. к-ры гражданского права Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
<i>Агашева И. П.</i>	<i>старший преподаватель кафедры гражданского права, Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
<i>Аникушин С. В.</i>	<i>преподаватель к-ры уголовного процесса и криминалистики факультета (командного) Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации»</i>
<i>Анкудинова Я. С.</i>	<i>старший преподаватель к-ры государственно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</i>
<i>Арямов А. А.</i>	<i>д. ю. н., проф., профессор к-ры уголовного права Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
<i>Басова Ю. Ю.</i>	<i>к.ю.н., доц., доцент к-ры прокурорского надзора и участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</i>
<i>Басов А. В.</i>	<i>к.ю.н., доц., заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</i>
<i>Бодаевский В. П.</i>	<i>к.ю.н., доц. заведующий кафедрой уголовного права КрФ ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
<i>Волков В. Ю.</i>	<i>к.ю.н., доц. к-ры административного и финансового права Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
<i>Галкин А. Г.</i>	<i>к.ю.н., доц. ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»</i>
<i>Гаук А. М.</i>	<i>аспирант к-ры истории и теории государства и права Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского</i>

Говалло А. С.	<i>студент Юридического института Севастопольского государственного университета</i>
Горбачев И. С.	<i>аспирант кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»</i>
Гелиева И. Н.	<i>к.ю.н., доц. к-ры гражданского процесса и международного права Кубанского государственного университета</i>
Городецкий А. А.	<i>студент 2 курса магистратуры факультета подготовки специалистов для судебной системы Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Даниелян А. С.	<i>к.ю.н., доц. к-ры гражданского процесса и международного права Кубанского государственного университета</i>
Дроздов Д. Е.	<i>к.ю.н., доц. к-ры юриспруденции ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского»</i>
Евсикова Е. В.	<i>к.ю.н., доц., доцент к-ры административного и финансового права Крымского филиала ФГБОУВО "Российский государственный университет правосудия</i>
Ерёмина И. С.	<i>д.пед.н., к.ю.н., заведующая кафедрой государственно-правовых дисциплин Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Журавленко М. И.	<i>к.ю.н., доц., доцент к-ры математического моделирования и информационного безопасности Нефтекамского филиала ФГБОУВО «Башкирский государственный университет»</i>
Захарова Л. А.	<i>юрист, адвокатского бюро «Партнер», аспирант 3 года обучения Юридического факультета ЮФУ</i>
Змерзлый Б. В.	<i>Д.и.н., д.ю.н., проф. к-ры истории и теории государства и права КФУ имени В. И. Вернадского</i>
Ивакин Г. А.	<i>д.и.н., доцент, заместитель директора ФГБНУ «Психологический институт РАО»</i>
Иванов Д. А.	<i>магистрант Юридического института Севастопольского государственного университета</i>
Киров А. А.	<i>аспирант к-ры истории и теории государства и права Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского</i>
Климова Д. В.	<i>к.ю.н., старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>

Кондрашов А. В.	<i>преподаватель кафедры физической подготовки и спорта Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Колюка Н. Н.	<i>к.ю.н., доц. директор Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</i>
Косовский В. Б.	<i>преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Костылев В. В.	<i>к.полит.н., доц., доцент к-ры административного и финансового права, Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Кошман В. А.	<i>к.ю.н., старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства, Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Кручек И. В.	<i>преподаватель кафедры гражданского права, Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Кудовба О. Н.	<i>к.ю.н., старший преподаватель кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России</i>
Кузьменко Ю. А.	<i>к.ю.н., доцент кафедры финансового права, ФГБОУВО «Российский государственный гуманитарный университет»</i>
Мартынюк С. Н.	<i>преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Матирная А. Н.	<i>магистрант, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина», Краснодар, Россия</i>
Могорычев А. И.	<i>Помощник прокурора Республики Крым по пенсионному обеспечению</i>
Москалева Е. Н.	<i>старший преподаватель кафедры уголовного права Ростовского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Нагорный А. П.	<i>преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Науменко Т. И.	<i>магистрант 1 курса Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>

Невлев В. В.	<i>к.ю.н., доц., доцент к-ры теории и истории государства и права Белгородского университета кооперации, экономики и права</i>
Ожиганова М. И.	<i>к.тех.н., заведующий кафедрой информационной безопасности ФГАОУВО «Севастопольский государственный университет»</i>
Пеленицына М. В.	<i>к.ю.н., доц. к-ры гражданского и арбитражного судопроизводства Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Попов А. Н.	<i>преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Попов С. В.	<i>д.ю.н., доц., проф. к-ры гражданского права, Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Плиева Н. Г.	<i>аспирант ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»</i>
Пономарев А. В.	<i>к.ю.н., доц. к-ры административного и финансового права ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Пошивайлова А. В.	<i>к.ю.н., доц., Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Севастопольский государственный университет</i>
Равнюшкин А. В.	<i>к.и.н., доц. к-ры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Росенко М. И.	<i>доктор наук государственного управления, проф. к-ры «Конституционное и административное право» Юридического института Севастопольского государственного университета</i>
Рябус О. А.	<i>к.ю.н., доц., доц. к-ры гражданского процессуального права Ростовского филиала ФГБОУВО «РГУП»</i>
Руева Е. О.	<i>к.ю.н., доц., доцент к-ры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова</i>
Сердюк А. Ю.	<i>старший преподаватель к-ры прокурорского надзора и участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</i>
Соловьева Л. В.	<i>д.э.н., проф., проф. к-ры экономики Белгородского университета кооперации, экономики и права</i>
Старицын А. В.	<i>к.ю.н., декан юридического факультета Крымского</i>

	<i>филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Трифорова К. В.	<i>к.ю.н., доц., доц. к-ры административного и финансового права, доц. к-ры гражданского права Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Трифоров С. Г.	<i>к.ю.н., доц. к-ры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Фирсова А. А.	<i>преподаватель кафедры гражданского и арбитражного судопроизводства Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Хаяли Б. Р.	<i>аспирант юридического факультета Таврической Академии КФУ им В.И. Вернадского</i>
Цыганова Д. С.	<i>магистрант Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Чуева И. А.	<i>преподаватель, ФГАОУ ВО «Белгородский национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)</i>
Чуйко А. А.	<i>студентка 3 курса Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Щербак Е. Н.	<i>д.ю.н., проф., профессор кафедры финансового права ФГБОУВО «Российский государственный гуманитарный университет»</i>
Юрченко Л. В.	<i>к.ю.н., доц., доцент к-ры Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского</i>
Яковец Е. Н.	<i>д.ю.н., проф., ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем российского права «Эквигас»</i>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

<i>Аникушин С. В.</i>	Исследование принципов права в контексте различных типов правопонимания...3
<i>Ивакин Г. А.</i>	Законодательная деятельность правомонархистов в Государственной Думе и Государственном Совете 1907-1912 годов.....11
<i>Клименко Е. П.</i>	Роль и место Морского Подсекретариата в системе управления морским делом в Турецкой республике.....19
<i>Кошман В. А., Юрченко Л. В.</i>	Особенности развития государственности на территории Иранского плато в IV тыс. до н.э.....25
<i>Росенко М. И., Говалло А. С., Иванов Д. А.</i>	К вопросу о преимуществах и недостатках двухпалатной структуры Федерального Собрания Российской Федерации.....31
<i>Хаяли Б. Р.</i>	Правотворческая деятельность городской думы Карасубазара Таврической губернии по упорядочению торговли в городе под руководством заступающего место городского головы Решид Медиева.....39
<i>Чуева И. А.</i>	К вопросу о нормативно-правовом регулировании советской молодежной политики как основы комсомольского движения.....45
<i>Яковец Е. Н., Журавленко Н. И., Ожиганова М. И.</i>	Деятельность советских правоохранительных органов в условиях исключительных правовых режимов в последние годы существования СССР.....49

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

<i>Анкудинова Я. С.</i>	Генезис научной мысли в сфере развития и становления института участия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях..56
<i>Волков В. Ю., Науменко Т. И.</i>	Отдельные аспекты применения мер административной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства.....64
<i>Евсикова Е. В., Пономарев А. В.</i>	Модернизация административно-деликтного законодательства Российской Федерации: проблемы и перспективы.....68
<i>Колюка Н. Н., Басов А. В.</i>	Актуальные проблемы правового регулирования рассмотрения административных дел, связанных с принудительной госпитализацией граждан.....80
<i>Кудовба О. Н.</i>	О некоторых вопросах исполнения административного законодательства в

сфере привлечения к административной ответственности за появление в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения.....	87
Климова Д. В.	
Реализация государственной миграционной политики в Республике Крым: некоторые вопросы совершенствования.....	96
Мартынюк С. Н., Косовский В. Б.	
Использование автоматизированных систем видеонаблюдения в обеспечении безопасности дорожного движения.....	105
Равнюшкин А. В.	
Проблемы квалификации совершения в общественных местах административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ.....	111
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО; ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ	
Аблятипова Н. А., Цыганова Д. С.	
Некоторые проблемы определения места жительства несовершеннолетних детей при раздельном проживании родителей.....	119
Гелиева И. Н.	
Электронное правосудие в контексте цивилистического процесса: текущие состояние и перспективы.....	126
Даниелян А. С.	
Принятие решений в гражданском и арбитражном судопроизводстве в разрезе междисциплинарного познания.....	133
Евсикова Е. В., Старицын А. В.	
Некоторые аспекты нормативно-правового регулирования цифровых финансовых активов в Российской Федерации.....	143
Захарова Л. А.	
Особенности правового статуса уполномоченного по защите прав предпринимателей в субъектах РФ.....	156
Кузьменко Ю. А.	
К вопросу о защите прав и интересов сторон корпоративного договора.....	166
Пеленицына М. В., Городецкий А. А.	
Современная проблематика участия прокурора в гражданском судопроизводстве.....	175
Плиева Н. Г.	
Применение общих положений Гражданского кодекса об обязательствах к отношениям по поводу возмещенного вреда.....	183
Попов С. В., Кручек И. В., Агашева И. П.	
Кодификация законодательства о социальном обеспечении: PRO ET CONTRA.....	192
Пошивайлова А. В.	
Укрепление конституционного принципа независимости судей в гражданском процессе Российской Федерации.....	203

Рябус О. А.	К вопросу о смене процессуального статуса лиц, участвующих в деле в гражданском и арбитражном процессе.....	210
Рябус О. А., Старицын А. В.	Особенности альтернативных способов разрешения споров.....	218
Щербак Е. Н.	Правовое регулирование конкуренции на финансовом рынке.....	224
Фирсова А. А., Чуйко А. А.	Принцип разумности сроков в контексте гражданско-процессуального права.....	235

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС; КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Арямов А. А., Руева Е. О.	Противодействие коррупции в условиях цифровизации: международный и зарубежный опыт.....	241
Басова Ю. Ю.	Обеспечение законности в чрезвычайных ситуациях: состояние и проблемы правового регулирования.....	249
Бодаевский В. П.	Уголовная политика и отрасли криминального цикла как внешние факторы, влияющие на систему военно-уголовных норм.....	262
Галкин А. Г., Матирная А. Н.	Сравнительная характеристика института соучастия в России и Англии.....	275
Горбачев И. С.	Конфискация имущества в уголовно-правовых предписаниях зарубежных стран: особенности регламентации и правоприменения.....	280
Донская О. Г., Москалева Е. Н.	Закономерности женской преступности.....	290
Дроздов Д. Е.	Понятие и признаки психического насилия.....	297
Ерёмина И. С.	Судебная ошибка как социально-правовое явление: пути преодоления.....	303
Кондрашов А. В.	Признание лица, совершившего общественно опасное деяние, невменяемым: теория и практика.....	310
Костылев В. В.	Организационно-правовые проблемы осуществления контроля и надзора в публичном управлении.....	315
Могорычев А. М.	Генезис формирования и современное состояние прокурорского надзора за исполнением законов о разрешительной системе.....	325
Нагорный А. П., Попов А. Н.	Экстремизм – прямая угроза России.....	330

Сердюк А. Ю.

Ответственность за организацию «финансовой пирамиды» в истории
уголовного права современной России.....336

СРОЧНО В НОМЕР

Змерзлый Б. В.

Развитие норм права, регламентирующих управление и использование
автотранспорта в Финляндии в конце XIX – первой половине XX в.....342

Невлев В. В., Соловьева Л. В.

Социально-правовая трансформация института кредитной кооперации в
Российском законодательстве.....348

Трифорова К. В., Трифонов С. Г.

Особенности взаимодействия правоохранительных органов в сфере
обеспечения миграционной безопасности.....357

Гаук А. М., Киров А. А.

Правовые основы создания и деятельности Морской администрации
Финляндии в 1917 г.....366